СТРА́ННИКЪ.

ДУХОВНЫЙ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

СВЯЩЕННИКОМЪ, М. Б. ВАСИЛІЕМЪ ГРЕЧУЛЕВИЧЕМЪ.

Не и҆мамы зде̑ пребыва́ющагѡ гра́да,
но грядꙋ́щагѡ взыскꙋ́емъ.
Євр. г҃і, д҃і.

1862.

ГОДЪ ТРЕТІЙ

АПРѢЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1862.

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. С. Петербургъ, 30 марта 1862 года.

Цензоръ, Архимандритъ *Сергій*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДУХОВНАГО ЖУРНАЛА «СТРАННИКЪ».

I.

ИГНАТІЙ РИМСКІЙ-КОРСАКОВЪ,

МИТРОПОЛИТЪ СИБИРСКІЙ И ТОБОЛЬСКІЙ. *

1692—1700 г.

Преосвященный Игнатій происходилъ изъ дворянскаго рода Римскихъ-Корсаковыхъ,—прежде былъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, стольникомъ; потомъ принялъ монашество въ Соловецкомъ монастырѣ и съ 1677 года былъ тамъ экклисіархомъ, или церковнымъ уставщикомъ. Въ 1685 году посвященъ въ архимандрита московскаго Новоспасскаго монастыря; въ этомъ санѣ, 1687 года, посыланъ былъ въ Костромскій и Кинешемскій уѣзды, для увѣщанія раскольниковъ, и написалъ историческое извѣстіе объ этомъ своемъ путешествіи; въ 1690 году сочинилъ историческое извѣстіе о россійскомъ царствіи отъ св. Писанія и повѣстей отцевъ [1].

Въ 1692 году, 3 апрѣля, архимандритъ Игнатій хиротописанъ въ митрополита сибирскаго и прибылъ въ Тобольскъ 12 февраля 1693 года [2].

Во время управленія его Тобольскою епархіею,—по благословенію его, основанъ въ 1693 г. въ Иркутскѣ дѣвичій Знаменскій монастырь, на правой сторонѣ рѣки Ангары, ниже города въ одной верстѣ. Тамъ, собственнымъ иждивеніемъ гражданина Власа Сидорова, построенъ деревяный храмъ, во имя Знаменія пресвятыя Богородицы. Въ томъ же году положено основаніе Иркутскому Богоявленскому собору и новой деревяной крѣпости [3].

---

* Краткія свѣдѣнія объ этомъ святителѣ помѣщены въ Словарѣ о дух. писателяхъ, митрополита Евгенія, и въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1857 годъ.

[1] Эти сочиненія, въ рукописяхъ, хранятся въ императорской с. петербургской академіи наукъ.

[2] Записная книга о Сибири, рукопись тобольской архіерейской ризницы.

[3] Иркутск. губернск. вѣдом. 1858 г., № 20. Иркутск. лѣтопись.

Въ это время, въ Сибири было уже тридцать пять монастырей, кромѣ албазинскаго Спасскаго, уничтоженнаго въ 1685 году, по причинѣ истребленія города Албазина китайцами [1]. Въ 1697 году, 18 апрѣля, указомъ ограничены права епархіальнаго начальства на дозволеніе вновь строить монастыри въ Сибири [2].

Христіанство начало проникать за предѣлы Сибири и появляться въ Китаѣ, среди языческаго ламаизма. Іезуитъ Матѳей Риккій въ XVII вѣкѣ внесъ туда римско-католическое ученіе. Математическія свѣдѣнія поставили его близкимъ къ

---

[1] А именно: въ Тобольскѣ два: мужескій Знаменскій и женскій Богородице-Рождественскій; междугорскій Іоанно-Предтеченскій, мужескій, въ 10-ти верстахъ отъ Тобольска, при рѣчкѣ Шанталыкѣ. Въ Тюмени два: мужескій Преображенскій, въ началѣ XVIII столѣтія переименованный Троицкимъ, и женскій Ильинскій, впослѣдствіи переименованный Успенскимъ. Въ Туринскѣ два: мужескій Николаевскій и женскій Покровскій. Въ Тарѣ два: мужескій Спасскій и женскій, во имя свв. великомученицы Екатерины и мученицы Параскевы, нарицаемыя Пятницы. Далматовскій Успенскій и Рафаиловъ Троицкій,—оба на рѣкѣ Исети, мужескіе. Невьянскій Богоявленскій, мужескій—въ слободѣ Невьянской. На рѣкѣ Тагилѣ Рождественскій, мужескій. Въ Верхотурьѣ два: мужескій Николаевскій, женскій Покровскій. Въ бывшемъ Остяцкомъ княжествѣ Кодѣ, на рѣкѣ Оби, Кодскій мужескій, Троицкій *,—въ Березовскомъ краѣ. Въ Березовѣ, Воскресенскій, мужескій. Въ Туруханскѣ, Троицкій, мужескій. Въ Томскѣ, во имя Казанской Божіей Матери, впослѣдствіи переименованный Алексіевскимъ (во имя Алексія человѣка Божія). Въ Кузнецкѣ, Христорождественскій, какъ и въ Томскѣ, мужескій же. Сосеноборскій Преображенскій, мужескій, на рѣкѣ Кети, въ широтѣ 58° 15', по опредѣленію Мессершмидта. Кашиношиверскій, мужескій, на В. Тунгускѣ. Въ Енисейскѣ два: мужескій Спасскій и женскій Богородице-Рождественскій. Въ Красноярскѣ, Введенскій мужескій; въ 10-ти верстахъ отъ Красноярска Рождественская пустынь мужеская. Въ Иркутскѣ два: Вознесенскій мужескій и Знаменскій женскій. Посольскій Преображенскій мужескій, на Посольскомъ мысу, у Байкала, гдѣ монголами или бурятами, въ царствованіе Алексія Михайловича, убитъ посланникъ къ мунгальскому хану, Ерѳей Заболоцкій, съ сыномъ юношей и семью казаками. Селенгинскій Троицкій, мужескій, на лѣвомъ берегу рѣки Селенги, надъ протокою. Нерчинскій-Успенскій, мужескій. Въ селѣ Успенскомъ, на рѣкѣ Шилькѣ, мужескій; тамъ нынѣ есть волость монастырь-Успенская, съ каменною церковію. Киренскій Троицкій, мужескій. Якутскій Спасскій, мужескій; Покровскій, въ 70-ти верстахъ выше Якутска, мужескій.

[2] Полн. собр. зак. т. III, № 1629.

* Кодскій монастырь неправильно называютъ Кондинскимъ. Онъ основанъ въ Остяцкомъ княжествѣ Кодѣ; рѣка же Конда находится оттуда далеко, въ Тобольскомъ уѣздѣ. Прежде всегда тотъ монастырь именовался Кодскимъ или Кодинскимъ.

вельможамъ и богдохану и способствовали убѣдить ихъ въ пользѣ его проповѣди [1]. Вслѣдъ за нимъ взошли въ Китай и другіе іезуиты, доминиканцы, францисканцы и капуцины. При моголѣ Ксунхи, имъ покровительствовали многіе вельможи. Въ царствованіе Хамхи, нѣкоторые изъ іезуитовъ отправляли уже государственныя должности. Противники іезуитовъ обвиняли ихъ предъ папою въ томъ, что они Евангеліе смѣшивали съ ученіемъ Конфуція, что Бога позволили называть Tien и Chanh-Ti, — именами языческими ,—праздновать языческіе праздники и проч. [2] Въ послѣднихъ годахъ XVII стол. извѣстны были тамъ особенно іезуиты: Буветъ, Фоктаней, Гербильонъ, Леконтъ, Висделу и проч. Эти ученые мужи, между прочими описаніями Китая, описали дорогу, которою ѣхали они отъ пристани Нинъ-бобской до Пекина, съ изложеніемъ очень вѣрнымъ и обстоятельнымъ всѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя проѣзжали въ области Дже-гянскую, Гянь-наньскую, Шань-дунскую и Джи-лискую. Кромѣ того Буветъ въ 1693 году описалъ путь отъ Пекина до Кантона, куда посланъ былъ императоромъ Канхіемъ [3]. Но православная вѣра начала просіявать въ Пекинѣ послѣ 1685 года, когда, при осадѣ китайцами Албазина, захвачены были военачальникомъ Лантанемъ 101 человѣкъ изъ русскихъ, со священникомъ тамошней Воскресенской церкви Максимомъ, и отведены, какъ плѣнники, въ Пекинъ; тамъ поселены, въ 5 верстахъ отъ него, въ особой слободѣ, подъ названіемъ *русской сотни*. Хотя въ 1689 году, 27 августа, и заключенъ былъ въ Нерчинскѣ мирный трактатъ между Россіей и Китаемъ, по которому плѣнные русскіе могли возвратиться [4], но они,

---

[1] Du Halde description de l' empire de la Chine. tom. III. p. 82.

[2] Mattachii origines et antiquitat. Ecclesiast. tom II. pag. 373.

[3] Географическое, историческое, политическое и физическое описаніе Китайской имперіи, соч. Дюгальда, ч. I. Спб. 1774.

[4] Этотъ трактатъ, между прочимъ, содержалъ слѣдующія опредѣленія. Рѣка Горбица, съ лѣвой стороны впадающая въ Шильку, близъ р. Черной, поставляется рубежемъ, которому идти отъ вершины той рѣки по верхамъ каменныхъ горъ до моря, такъ чтобы рѣкамъ и рѣчкамъ, на полдень падаю-

*

женившись тамъ на китаянкахъ, остались добровольно въ Пекинѣ. Богдоханъ, по ихъ желанію и ходатайству русскаго посланника, Елизарія Избраннедеса [1], повелѣлъ изъ языческаго капища устроить для русскихъ молельню, которая въ 1695 году, по благословенной граматѣ сибирскаго митрополита Игнатія, обращена въ церковь, во имя Софіи-премудрости Божіей. При этомъ благословеніи митрополитъ писалъ тогда плѣнному священнику Максиму Леонтьеву въ Пекинъ: «Да не смущается, ниже да оскорбляется душа твоя и всѣхъ плѣненныхъ съ тобою о вашемъ таковомъ случаѣ, понеже

щимъ въ Амуръ, быть за Китаемъ, а рѣкамъ, падающимъ въ другія стороны—за Россіею, прочимъ же рѣкамъ и мѣстамъ, лежащимъ въ срединѣ между рѣкою Удью и пограничною китайскою чертою, оставаться безъ разграниченія до другаго благополучнаго времени, потому что нынѣ не дано на то полномочія отъ царскаго Величества. Рѣка Аргунь, впадающая въ Амуръ, постановляется границею, такъ чтобы всѣ земли *лѣвой* стороны принадлежали Китаю, а земли *правой*—Россіи, вслѣдствіе чего и перенесутся русскія заведенія съ чужой на свою сторону (здѣсь *лѣвая* и *правая* стороны приняты въ отношеніи къ пребыванію въ Нерчинскѣ, а не въ отношеніи къ теченію рѣкъ). Городъ Албазинъ раззорить до основанія, а людямъ, въ немъ пребывающимъ, дается свободный проходъ со всѣми военными и всякими припасами или вещами и проч. (Полн. собр. зак. т. III, № 1346). Долго русскіе не могли забыть Албазина, долго помнили его приволье и, при выходѣ изъ него въ Нерчинскъ, питали мечту когда либо возвратиться туда и, оглядываясь на него, говорили: «Албазинъ, опять когда нибудь будешь нашъ». Въ Нерчинскѣ и нынѣ показываютъ нѣсколько древнихъ иконъ, вынесенныхъ изъ Албазина (Поѣздка въ Забайкальскій край, Паршина. М. 1844). Въ 1858 года, 16 мая, заключенъ въ Благовѣщенскѣ, на устьѣ рѣки Зеи, договоръ съ китайцами, по которому весь лѣвый берегъ Амура до океана уступленъ Россіи, а правый до устья Уссури оставленъ за китайцами. Для свѣдѣнія о тамошней мѣстности смотр. «Вѣстникъ Русскаго Географическаго Общества» 1859 г., кн. 4, статья: Обозрѣніе рѣки Уссури и земель къ востоку отъ нея до моря; тамъ же и двѣ карты: рѣки Уссури и пріуссурійскаго края и низовьевъ Амура, соч. Венюкова.

[1] Въ 1692 году Елизаръ Избраннедесъ былъ отправленъ въ Пекинъ въ званіи посланника, для исходатайствованія у китайскаго правительства караванной россійской торговли въ Китаѣ и испрошенія дозволенія построить около Пекина, въ слободѣ *Русской сотни*, православную церковь (путешествіе его напечатано въ VIII томѣ Древней Россійской Вивліоѳики). Вслѣдствіе сего посольства, въ 1698 году отправленъ въ Китай, для торговли, купчина Спиридонъ Лингусовъ—это было начало караванной нашей торговли съ Китаемъ, исходатайствованной Избраннедесомъ. Купчина Лингусовъ въ 1700 году возвратился изъ Китая съ караванною казною (Иркутск. губ. вѣдомости 1858 г., № 20. Иркутская лѣтопись).

воли Божіей кто противиться можетъ? А плѣненіе ваше не безъ пользы китайскимъ жителямъ, яко Христовы православныя вѣры свѣтъ имъ вами открывается» [1].

Православная вѣра Христова проникала въ чуждыя языческія владѣнія, но внутри Россіи росли плевелы раскола. Митрополитъ Игнатій съ особенною ревностію дѣйствовалъ на старовѣровъ и раскольниковъ и, живя въ Тобольскѣ, сочинилъ три окружныя пастырскія посланія, въ обличеніе сибирскихъ раскольниковъ [2], особенно размножавшихся отъ двухъ сосланныхъ сюда протопопа Аввакума и казанскаго чернеца Іосифа, прозваніемъ Астомена, изъ коихъ первый привезенъ былъ въ Сибирь въ 1656, а послѣдній въ 1660 годахъ. Астоменъ былъ везенъ въ Енисейскъ и, проѣзжая чрезъ сибирскіе города Верхотурье, Тюмень и Томскъ, научилъ многихъ отвращаться православной Церкви и креститься двумя перстами, доказывая то напечатанными при патріархѣ Іосифѣ книгами. Митрополитъ Игнатій двуперстное знаменіе креста производитъ отъ нѣкоторыхъ армянъ, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, обратившихся къ греко-россійской Церкви. Отъ нихъ произошелъ и чернецъ Іосифъ Астоменъ. Въ Тюмени развращенный ученіемъ его попъ Дометіанъ, впослѣдствіи въ монашествѣ Даніилъ, распространилъ это ученіе и уговорилъ многихъ къ самосожигательству. Подробная о всѣхъ лжеучителяхъ и послѣдователяхъ ихъ исторія находится въ третьемъ посланіи митрополита Игнатія, писанномъ въ 1696 году. Тамъ также есть много любопытныхъ сказаній о раскольникахъ другихъ россійскихъ мѣстъ, а также о древнихъ въ Россіи ересяхъ. Святый Димитрій, митрополитъ ростовскій, и другіе, писавшіе послѣ Игнатія о раскольникахъ, много приводятъ свидѣтельствъ изъ этихъ его посланій, потому что Игнатій былъ современ-

---

[1] Исторія россійской іерархіи, ч. 2, стр. 491—500, грамата митрополита Игнатія, и Акты историческіе, 5, № 243. [2] Эти посланія, въ спискахъ хранившіяся въ библіотекахъ: С. Петербургской академіи наукъ, въ Московской патріаршей, Новгородской Софійской, въ Александроневской С. Петербургской академіи и въ Соловецкомъ монастырѣ, напечатаны въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1857.

никъ и очевидецъ самыхъ главныхъ мятежей раскольничьихъ, происходившихъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича и дѣтей его [1]. Изъ этихъ же посланій видно, что расколъ поспѣшно распространился въ Сибири: въ Тюмени, въ Томскѣ и Енисейскѣ, и въ Россіи: въ Костромѣ, въ уѣздахъ Кинешемскомъ, Рѣшемскомъ, въ Нижнемъ Новѣгородѣ, въ Княгининѣ, Мурашкинѣ; въ Вологдѣ, на пути къ Каргополю и въ Устюгѣ; въ Новгородѣ; въ монастырѣ Палеостровскомъ, во Псковѣ, въ Олонцѣ, на Вѣткѣ, также близь Москвы, въ уѣздахъ Пошехонскомъ, Балахновскомъ, на Керженцѣ, въ Брынскихъ лѣсахъ и на южныхъ границахъ Россіи.

Расколы пустили многія отрасли, отъ чего произошли разные толки, или *согласія*. Извѣстные въ то время были: 1) *Христовщины*, въ селѣ Павловъ перевозъ. Они покланялись нѣкоему мужику, называющемуся Христомъ. 2) *Ануфріевщины*, во многихъ селеніяхъ костромскихъ, ярославскихъ и ростовскихъ—отъ Ануфрія, который училъ признавать три сущности въ Троицѣ, принимать священниковъ только тѣхъ, которые рукоположены прежде патріарха Никона. Послѣдователи Ануфріевы пишутъ образъ протопопа Аввакума, кланяются и празднуютъ ему. 3) *Поповщина*. Ее составляютъ *Вѣтковское согласіе*, *Андреевщина*, *Павлиновщина*, *Іосифовщина*, *Епифановщина* и другіе толки. Они принимаютъ священниковъ, рукоположенныхъ и послѣ Никона, впрочемъ съ проклятіемъ рукополагателя и съ новымъ своимъ посвященіемъ, перекрещиваютъ всѣхъ крестившихся послѣ Никона; служатъ на семи просфорахъ; роженицамъ и младенцамъ даютъ молитвы въ платокъ, для потрясенія надъ ними; того, кто ѣстъ съ правовѣрными, или входитъ въ церковь, очищаютъ молитвою, какъ оскверненный сосудъ. 4) *Безпоповщина* раздѣляется на *Поморянъ*, *Филипповщину*, *Нѣтовщину*, или *Спасово согласіе*, на *Пастухово*, *Волосатовщину*, *Андреевщину*, *Иларіоновщину* и *Серапіоновщину*. Отвергая священ-

[1] Историческій словарь о писателяхъ духовнаго чина, митрополита кіевскаго Евгенія.

никовъ, они сами совершаютъ требы священническія, причащаютъ тѣломъ Христовымъ, освященнымъ прежде Никона, которое будто бы хранятъ посредствомъ смѣшенія остальныхъ крупицъ съ новымъ тѣстомъ; не позволяютъ брака, но не запрещаютъ имѣть дѣтей, и проч. Андрей и волосатый старецъ въ ихъ обществѣ суть сожигатели, или морельщики. Первый сожегъ болѣе трехъ, а послѣдній болѣе двухъ тысячь человѣкъ, называя это вольнымъ страданіемъ, для спасенія. Оба впрочемъ брали себѣ имущество сожигаемыхъ. Серапіонъ училъ умерщвлять себя гладомъ и многихъ умертвилъ въ затворахъ, или земныхъ ямахъ. 5) *Стефановщина*—отъ діакона Стефана, сходная съ *Ѳедосіевщиною*, которые учили гнушаться бракомъ: быть въ наружномъ дѣвствѣ; если же родятся дѣти, то бросать ихъ въ лѣсу на съѣденіе звѣрямъ, какъ умилостивительную жертву Богу. *Козминщина*. Въ ней бракъ почитается блудомъ, не допускается никакое таинство и никакая святость на землѣ; не возносятся молитвы за царя, а беззаконное удовлетвореніе плоти почитается Христовою любовію. 7) *Крестоборцы*. Почти всѣ раскольники четвероконечный крестъ называютъ печатію антихриста; но *Ефремовщина* принимаетъ сей крестъ, отмѣняя всѣ прочія церковныя постановленія. 8) *Иконоборцы*: они не принимаютъ ни новыхъ, ни старыхъ иконъ. 9) *Субботники*—постятся въ субботу и содержатъ много другаго еврейскаго, противнаго христіанству. 10) *Чувственники*, между прочимъ, вѣрятъ, что антихристъ не прійдетъ въ чувственномъ видѣ, но уже воцарился на землѣ мысленно, со времени исправленія книгъ, что молитва чувственная не молитва, что молиться должно только наединѣ въ *клѣти*. 11) *Рубищники*—всюду бродя въ рубищахъ, выдаютъ себя за святыхъ.—Столь многіе и различные толки никогда не терпѣли другъ друга; но всѣ совокупно не терпятъ правовѣрныхъ и Церкви [1].

---

[1] См. о раскольникахъ: Розыскъ св. Димитрія, митрополита ростовскаго; Полное историческое извѣстіе о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ, собр. протоіереемъ Андреемъ Іоанновымъ. Спб. 1795.

Христіанское народонаселеніе продолжалось въ это время болѣе въ Восточной Сибири. Такъ заводились русскія селенія съ часовнями, а въ нѣкоторыхъ, прежде существовавшихъ, и церкви. Красноярскій округъ, красивый мѣстоположеніями и лежащій на почвѣ мягко-пахатной, размножался по мѣрѣ пришельцевъ изъ Россіи. Къ югу, въ послѣднихъ годахъ XVII стол., явились у подошвы Саянскихъ горъ форпосты: Тыштыпскій, Арбатскій, Саянскій и Шадатскій. Избранне-десъ, въ проѣздъ свой въ 1692 году, замѣтилъ въ сосѣдствѣ Енисейска многіе селенія и монастыри (вѣроятно, часовни), въ личномъ или общемъ народномъ благоговѣніи построенные. По приливу людей къ восточному и южному краямъ, стремившихся для торговъ, пересылаемыхъ за Лену и Байкалъ преступниковъ и разныхъ свободныхъ переселенцевъ, и бѣглецовъ, Енисейскъ, какъ главный тогда городъ на востокѣ Сибири [1], былъ сборнымъ мѣстомъ. Тутъ спрашивалось у переселенцевъ и бѣглыхъ, кто и откуда, и приказывалось идти—куда желаютъ для поселенія [2], потому что на этотъ городъ, подъ главнымъ наблюденіемъ Тобольска, возложено во всемъ споспѣшествовать дѣламъ забайкальскимъ и впослѣдствіи камчатскимъ. Енисейскъ, посредникъ въ сибирскихъ сообщеніяхъ, между востокомъ и западомъ, пользовался въ это время почетностію у правительства. Въ 1696 году этому городу Высочайше велѣно имѣть свое знамя. Оно украшено святыми изображеніями и имѣло слѣдующую надпись: «Божественною благодатію всесвятаго и животворящаго Духа, силу и крѣпость и дерзновеніе и смѣльство, мужество и храбрость и побѣды на противныя подающе, сіе знамя,—на немъ изображены образы, Господне Богоявленіе и пресвятыя Бого-

[1] Съ 1676 года въ Енисейскѣ велѣно быть разряду или столу, или иначе области, съ завѣдываніемъ Ангарскихъ и Забайкальскихъ остроговъ, и слѣдовательно со включеніемъ Илимска, Иркутска и Нерчинска.

[2] Изъ наказа тобольскому воеводѣ князю Черкасскому отъ 1 сентября 1697 г. видно, что которые русскіе бѣглые крестьяне изъ русскихъ городовъ объявятся въ Сибири, то, разспросивъ ихъ, откуда они, оставить ихъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пришли. Полн. собр. зак. т. III, № 1591.

родицы Введеніе, при державѣ пресвѣтлѣйшихъ, державнѣйшихъ великихъ государей нашихъ царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣвича и всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ, при благороднѣйшемъ государѣ нашемъ великомъ князѣ Алексѣѣ Петровичѣ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи..... спархіей въ духовномъ чину богомольца ихъ царскаго пресвѣтлаго величества, великаго господина преосвященнаго Игнатія, митрополита тобольскаго, въ городѣ Енисейскомъ состроено, во славу и честь ихъ именъ царскаго пресвѣтлаго величества, ратнымъ служилымъ людямъ въ собраніе на радость, а непріятелямъ противнымъ на плачь и конечное раззореніе, въ лѣто 7204 ноября въ 30 день, на память святаго и всехвальнаго Апостола Андрея первозваннаго. Снисканіемъ стольника воеводы Михайлы Игнатьевича Римскаго-Корсакова. Художество мастера Протопопова[1]». Въ 1697 году предписано было верхотурскому воеводѣ послать къ Иркутску для заселенія 500 семей хлѣбопашцевъ [2] (какъ пришедшихъ въ Западную Сибирь послѣ переписи Поскочина), чтобы заселить хлѣбородныя пустыни между Окою и Иркутскомъ, впустѣ лежавшую. По увѣренію Избраннедеса, она тогда дѣйствительно и заселена. Около 1693 года устроены по Селенгѣ новые остроги: Итанцинскій, Ильинскій и Кабанскій, о которыхъ упоминаетъ тотъ же посланникъ. Русскіе въ 1689 году уступили китайцамъ землю по Амуру; но, какбы въ замѣнъ этого, отважные казаки проникли и далѣе на востокъ и положили основаніе завоеванію Камчатки. Въ 1697 году пятидесятникъ Атласовъ и казакъ Морозко, съ 60 казаками и такимъ же числомъ юкагировъ, пустились на полуостровъ Камчатку, взяли тамъ три острожка, защищавшіеся полисадами, и, раздѣлясь на двѣ дружины, слѣдовали по восточной и западной сторонамъ полуострова и потомъ, по соединеніи, завели Верхне-Камчатское ясачное зимовье, въ которомъ оста-

---

[1] Журналъ минист. внутр. дѣлъ, 1831 г., книжка 4, стран. 111—112.

[2] Иркут. губернск. вѣд. 1858 г., № 20. Иркутская лѣтопись.

влены ими, подъ командою Потапа Серюкова, 16 казаковъ, для сбора ясака. Эти новые тамъ поселенцы ждали себѣ подкрѣпленія и не дождались; въ 1699 году отправились въ Анадырскъ и на дорогѣ убиты коряками [1]. Въ 1701 году построенъ Верхне-Камчатскій острогъ. Впослѣдствіи въ Камчатку отправлена была церковная миссія, заведена тамъ Успенская пустынь и распространилось христіанство, чрезъ проповѣдниковъ слова Божія и тамошнихъ священнослужителей церкви.

Благодать явленіемъ силы Бога, *дивнаго во святыхъ своихъ*, проявлялась и въ Сибири. Верхотурскаго уѣзда, въ селѣ Меркушинѣ на одной могилѣ начали являться чудеса, гробъ погребеннаго началъ возвышаться и поднималъ землю. Преосвященный митрополитъ Игнатій въ декабрѣ 1695 года отправился въ Верхотурье; на пути освятилъ двѣ церкви въ городѣ Пелымѣ, во имя Архангела Михаила и Пророка Иліи. Потомъ, по освященіи въ Верхотурьѣ новопостроенной церкви, приступилъ къ изслѣдованію о мощахъ; затѣмъ, вмѣстѣ съ архимандритами тобольскаго Знаменскаго монастыря Сергіемъ, верхотурскаго Никольскаго Александромъ, далматовскимъ игуменомъ Исаакомъ и прочимъ духовенствомъ и верхотурскимъ воеводой Циклеромъ, открылъ мощи праведнаго Сѵмеона [2]. По вѣрѣ и благоговѣнію къ святымъ чудотворнымъ мощамъ его, въ Верхотурье стекается много богомольцевъ изъ разныхъ отдаленныхъ мѣстъ, особенно изъ Сибири.

Въ 1697 году, 27 ноября, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о прекращеніи обидъ и раззореній, наносимыхъ мірскимъ людямъ десятильниками тобольскаго митрополита. Эти десятильники, изъ свѣтскихъ, установлялись для того, чтобъ наблюдать за благолѣпіемъ храмовъ и поведеніемъ священно-церковнослужителей; но они, между тѣмъ, мірянамъ дѣлали разныя притѣсненія, а дѣвицамъ и вдовамъ самыя жестокія

---

[1] Сибирская лѣтопись, рукопись, хранящаяся въ библіотекѣ тобольской семинаріи. [2] Помянутая Сибирск. лѣтопись; Историческ. обозрѣніе собора, Словцова, т. 2, стр. 68.

оскорбленія, и принуждали ихъ выходить въ замужство не по собственному своему выбору, а по ихъ корыстнымъ разсчетамъ [1].

Вмѣсто десятильниковъ, для смотрѣнія за поведеніемъ духовенства, въ 1697 году повелѣно избирать изъ священниковъ поповскихъ старостъ (или благочинныхъ). Имъ отъ патріарха Адріана дана подробная инструкція [2].

Митрополитъ Игнатій, по семилѣтнемъ управленіи епархіей, въ 1700 году выбылъ изъ Тобольска, проѣздомъ въ Тюмени заложилъ каменный Благовѣщенскій соборъ и отбылъ въ московскій Симоновъ монастырь; испросилъ себѣ увольненіе отъ управленія епархіей; впалъ въ болѣзнь и скончался въ помянутомъ монастырѣ 13 мая 1701 года [3].

Николай Абрамовъ.

12 іюня 1859 г.
г. Семипалатинскъ.

---

[1] Подробнѣе о семъ изложено въ указѣ Полн. собран. закон. т. III, № 1601.
[2] Помѣщена въ III т. Свода законовъ, № 1612.
[3] Помянутая Сибирская лѣтопись.

ИЗБРАННЫЯ ПИСЬМА ОТЦА ѲЕОФАНА.

I. КЪ ИГУМЕНІИ ГОРИЦКАГО МОНАСТЫРЯ МАВРИКІИ.

1.

Преподобнѣйшая мать игуменія Маврикія!

Милость Божія да будетъ съ вами!

Не огорчилъ ли я васъ моими словами? Но слова мои были внушаемы вамъ къ славѣ Божіей, къ понесенію терпѣнія и ига, возложеннаго на васъ отъ Бога. Христосъ, Сынъ Божій, увѣряетъ насъ, что иго Его благо, и бремя Его легко есть. Прошу васъ утѣшать, сколько Господь поможетъ и вдохнетъ въ сердце ваше, прилѣпившихся къ тебѣ любовію, по духу сущихъ младенцевъ. Заведеніе обители вашей богоугодное: Богъ призираетъ съ высоты славы своея на смиреніе ваше, и не оставитъ своимъ Промысломъ во всѣхъ вашихъ требованіяхъ; просите Его помощи противу всякой неугодной Ему мысли, и услышитъ: Онъ волю боящихся Его исполняетъ и спасаетъ во время печали, скорби и унынія. Уныніе есть грѣхъ смертный, потому что происходитъ отъ ада; въ вечернихъ молитвахъ мы просимъ Бога, чтобъ уныніе бѣсовское далече отгнано было святыми Его Ангелы.

Мнѣ желается, чтобы всѣ продолжали служеніе Божіе не воздыхая, а съ радостію, и съ радостными слезами, а не съ огорчительными, подкрѣпляя себя каждая, и другъ друга, смотря на примѣръ угодившихъ Господу нашему Іисусу Христу, предавшему Себя насъ ради на смерть и сотворившему насъ наслѣдниками царствія небеснаго.

Благодарю за просфору. Спасетъ васъ Господь Богъ за ваше доброе расположеніе.

Теперь уже къ вамъ нескоро буду, а ежели Господь благоволитъ, и ежели что́ не воспрепятствуетъ, къ памяти преподобнаго здѣшняго Кирилла чудотворца надобно здѣсь по-

бывать, а здѣсь пробуду, думаю, еще до будущаго воскресенія.

Всѣмъ сестрамъ вашимъ благословеніе Божіе да будетъ, а я пребуду, принося мои молитвы ко Господу Богу, хотя и недостойныя, какъ и отъ васъ о мнѣ приносятся.

Игуменъ Ѳеофанъ.

2.

Милость Божія да будетъ съ вами!

Письмо ваше сего апрѣля отъ 5-го съ почты я получилъ 15-го числа, въ день вербнаго Христова воскресенія. Оно скоро дошло въ отвѣтъ на мое письмо. А я поспѣшилъ еще сіе послать къ вашему преподобію, чрезъ отца жь іеромонаха Варсонофія; думаю, что еще застанетъ васъ въ Петербургѣ.

Богъ устрояетъ, какъ изволите въ письмѣ упоминать, къ утѣшенію вашему полезное. Не скучайте отлучкою изъ монастыря и продолженіемъ лишняго времени въ Петербургѣ. По нуждѣ обительской вы трудъ предприняли, а не для собственности. Богъ приклонилъ сердце царей, и прочихъ высокихъ лицъ, чтобъ исполнить не только чего нужда требовала, но и больше того. Съ вашей стороны должно благодарить Господа за Его великое къ вамъ милосердіе и напечатать памятью на сердцѣ вашемъ, какъ Онъ печется о васъ; не отлучайтесь мыслію отъ Него, яко чадолюбиваго Отца, и что бъ вы полезное ни получали, относитесь къ Нему съ признательностію, что недостойны столь великаго къ вамъ милосердія; а чрезъ то удостоитесь Его большаго къ вамъ благоволенія. Упоминать еще изволите, что у Государыни Маріи Ѳеодоровны были, и получили отъ рукъ Ея Величества Евангеліе. Слава Господу Богу, благоволившему тако.

Пишете о стѣ рубляхъ, которые Софья Сергѣевна послала въ нашу обитель, напоминали ль вы въ вашемъ письмѣ ко мнѣ? Напоминать не изволили, а чрезъ письмо изъ Горицъ я увѣдомленъ, что вы получили для доставленія къ намъ во обитель. Посылать ихъ чрезъ почту не нужно, а привезите съ собою.

Я, напротиву сего, увѣдомляю ваше преподобіе, что я получилъ изъ Петербурга отъ прежняго моего знакомаго, коллежскаго совѣтника Ивана Максимовича Ѳедорова 100 руб., въ вашу обитель, которые вскорѣ и отошлю. Я отъ него и прежде привезъ къ вамъ 200 руб.; онъ же и нынѣ прислалъ. Я къ нему въ отвѣтъ писалъ, что деньги отослалъ въ вашу обитель, писалъ же еще, что вы въ Петербургѣ. Ему желательно было знать о вашей обители, въ которомъ мѣстѣ она состоитъ; я ему объяснилъ. По вашему желанію, ваше преподобіе, мать игуменія, чтобъ поступить противъ воли Божіей, проситься вамъ отъ должности, я никакъ не согласенъ и не совѣтую, а предать себя волѣ Божіей—самое лучшее: мое мнѣніе вамъ предлагаю, которое согласно съ волею Божіею. Итакъ, желая вамъ милости Божіей, пребуду

вашего преподобія, мать игуменія,

усерднѣйшій всѣхъ благъ желатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

3.

Милость Божія да будетъ съ тобою и съ сестрами твоими!

На присланный изъ консисторіи указъ, репортъ я написалъ; ежели что́ нужно, можно и пополнить или перемѣнить. При семъ посылаю книжку краткихъ монашескихъ правилъ, для доставленія чрезъ консисторію сырковской игуменіи; для того чрезъ консисторію послать нужно, чтобъ игуменія книжку возвратила къ вамъ въ обитель. Въ ней очень много полезнаго, но всего исправить многаго труда требуетъ, а я вамъ покороче скажу слова Христа Учителя нашего. Онъ изволилъ сказать: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ* (Матѳ. 11, 29). Итакъ, желая вамъ съ сестрами спасительнаго пребыванія, пребуду

вашего преподобія

усердный вашего спасенія желатель

Октября 25-го 1823 г. *Архимандритъ Ѳеофанъ.*

4.

Желаю вамъ со всѣми о Господѣ сестрами радоватися.

Письмо вашего преподобія я съ посланнымъ отъ васъ получилъ, въ которомъ поздравляете меня съ великимъ праздникомъ Рождества Христова. Слава Богу, что мы дождались онаго праздника, и уже празднуемъ. *Велія благочестія тайна, Богъ явися во плоти* (1 Тим. 3, 16). Для кого жь? нашего ради спасенія. Умъ человѣческій постигнуть не можетъ Его къ намъ снисхожденія. Неприступный Серафимамъ, зракъ раба пріемлетъ, и обрѣтеся якоже человѣкъ, дабы не устрашить насъ своимъ божественнымъ присутствіемъ. Онъ пришелъ благовѣстить миръ намъ, какъ святый Апостолъ Павелъ пишетъ къ Ефесеямъ,—гл. 2, ст. 17,—да и Ангели Божіи воспѣли въ день рожденія Его: *слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ*; но и самъ Онъ изволилъ сказать ученикамъ своимъ: *миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ, не яко же міръ даетъ, Азъ даю вамъ.* Итакъ, должно намъ сію небесную добродѣтель исполнять со усердіемъ, подражая небеснымъ жителямъ, и просить Его божественную благость, чтобъ Онъ сохранилъ насъ: отъ раздора, ненависти, зависти, вражды и злобы, а утвердилъ въ мирѣ, тишинѣ, спокойствіи, во смиреніи, въ терпѣніи, а потомъ въ любви между собою; отъ сего зависитъ и любовь къ Богу. А за сіи добродѣтели Онъ призритъ на насъ своимъ отеческимъ милосердіемъ, и не оставитъ насъ какъ въ здѣшней, такъ паче въ будущей жизни.

Вашего преподобія
усерднѣйшій всѣхъ благъ желатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

Декабря 26-го 1823 года.

5.

Желаю вамъ о Господѣ радоватися!

Письмо ваше я получилъ. Слава Боту, что мать Маврикія послѣдовала волѣ Божіей. Для постриженія на 25 число

я буду. И ежели Господь благоволитъ, въ 25 день и отслужу. О причтеніи матери Маврикій въ число ангельское возрадуются Ангели на небеси, и святыя мудрыя дѣвы пріимутъ радость о побѣдѣ надъ врагомъ. Даруй, Боже, чтобъ во славу Божію жизнь ея провождаема была; что́ святая Церковь установила, то свято, намъ должно вѣровать несомнѣнно. А племянницу ея, ежели она совершено возлюбила Господа своего, Онъ приведетъ и вчинитъ въ число мудрыхъ дѣвъ, и удостоитъ, ежели пожелаетъ постриженія, въ число ангельское жь.

Даруй, Боже, всѣмъ спастися, живущимъ въ вашей обители во славу Божію. А Господь готовъ принимать въ небесные свои кровы. Святый Давидъ, слѣдуя званію Божію, говоритъ: *готово сердце мое, Боже, готово сердце мое* (Пс. 56, 8). Господь всѣхъ зоветъ ко спасенію обѣщанія ради будущихъ благъ, а намъ только пресладкому Его гласу остается послѣдовать. Чего вамъ съ сестрами желая, пребуду

вашего преподобія

усерднѣйшій всѣхъ благъ желатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

Августа 20 дня, 1824 года.

6.

Желаю вамъ о Господѣ радоватися, и со всѣми вашими о Господѣ жь сестрами.

Нижайше благодарю за увѣдомленіе бытія вашего въ Вологдѣ, предъ лицемъ великаго и милостиваго Монарха. Даруй Боже, чтобъ онъ исполнилъ свое желаніе—побывалъ въ здѣшнихъ предѣлахъ. Наше жь желаніе — принять Его съ благимъ расположеніемъ и радостію. Но притомъ напомянуть вамъ долженъ: чтобъ намъ небеснаго Монарха—Создателя нашего всегда имѣть въ сердцахъ нашихъ. Сей (Монархъ) времени не требуетъ посѣщать убогую нашу душевную храмину, только бъ къ Нему воззвали; Онъ близокъ всѣмъ призывающимъ Его. Великое Его къ намъ и неисповѣдимое милосердіе! Что Онъ съ нами творитъ — творитъ по своему къ

намъ крайнему милосердію. Господи, Боже нашъ, сотвори съ нами по милости Твоей и по чудесѣмъ Твоимъ!

Упомянули вы въ письмѣ своемъ, что вамъ слышно было, что я былъ боленъ; сіе не такъ вѣрно. Слава Богу, я еще брожу. Даруй Боже и вамъ съ сестрами здравіе! Пребуду

вашего преподобія

усерднѣйшій вашъ доброжелатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

Ноября 2-го 1824 г.

7.

Радуйтеся о Господѣ и съ сестрами вашими!

По случаю присылки отъ матери Агніи плащаницы, повторяю: съ настоящимъ праздникомъ Воскресенія Іисуса Христа поздравляю васъ, и съ сестрами вашими. *Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа. Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, благословивый насъ всяцѣмъ благословеніемъ духовнымъ въ небесныхъ о Христѣ, якоже избра насъ въ Немъ прежде сложенія міра, быти намъ святымъ и непорочнымъ предъ Нимъ въ любви* (Еф. 1, 2. 3. 4). Вотъ вамъ я предлагаю апостольское слово, что вы избраны Богомъ и должны пребывать въ любви къ Нему, а между собою въ любви взаимной — непорочной, безстрастной и святой. Итакъ, должно благодарить Господа нашего Іисуса Христа, насъ ради сшедшаго съ небесъ, чтобы насъ возвести отъ земли въ небесные кровы, и пока въ здѣшней жизни послѣдовать Его примѣрной жизни и ученію, и получить тѣ блага, которыя уготовалъ Онъ любящимъ Его. А какъ послѣдовать житію и ученію Его? Его же безпредѣльную благость просить должно, чтобы Онъ научилъ и вразумилъ, по Его же святому слову: *безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. 15, 5); *просите, и дастся вамъ* (Матѳ. 7, 7). Симъ Его святымъ словомъ и заключаю.

8.

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Вы въ смущеніи, и обитель въ смущеніи; вы за великую тягость почитаете быть настоятельницею. Сестры ваши слышать не хотятъ, чтобъ на мѣсто васъ была другая изъ сестеръ, а паче изъ постороннихъ. А врагъ сему радуется и торжествуетъ, и всѣ адскія силы подвизаетъ, чтобъ обитель привести въ разстройство. Я совѣтую вашему преподобію предать себя въ волю Божію. Онъ пречистыми своими устами изволилъ сказать святому Апостолу Петру: *маловѣре, почто усумнѣлся еси? и влѧзшема има въ корабль, преста вѣтръ* (Матѳ. гл. 14, ст. 30); такъ и вы когда возвратитесь въ свою обитель, яко въ волнующійся корабль, тогда услышатъ всѣ сестры гласъ Господень: *дерзайте, не бойтеся. Азъ есмь* (27). Что дѣлать, а должно повиноваться архипастырю; ежели онъ на вашу просьбу не согласенъ будетъ, Господь Богъ вамъ милостивъ будетъ. Возверзите на Господа печаль вашу, и Той васъ съ сестрами препитаетъ. И не возрадуется врагъ, возстающій на обитель вашу. Сіе искушеніе попущено отъ Господа на обитель вашу, чтобъ испытать вѣру вашу: да будетъ вамъ Онъ и помощникъ. Матери мой нижайшій поклонъ, и да будетъ на васъ Божіе благословеніе; пребуду

вашего преподобія

усерднѣйшій всѣхъ благъ желатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

Января 16-го 1827 г.

Написалъ во время благовѣсту къ поздней воскресной обѣдни.

9.

Милость Божія да будетъ съ вами и съ духовными вашими сестрами!

Письмо ваше я получилъ и просфору; благодарю за усердіе. Здоровье мое худо поправляется, да и ожидать онаго ненадежно, по скопившимся разнымъ болѣзнямъ. Но да будетъ

воля Божія: какъ Ему угодно, продолжить ли мою жизнь, или переселить въ вѣчную жизнь! Ежели въ силахъ буду, и доживу до кирилловской ярморки, а паче до памяти Кирилла преподобнаго, то побываю и въ вашей обители. У васъ въ обители сестеръ прибываетъ. Даруй Боже, чтобъ провождали жизнь по волѣ Его святой. Я посылаю вамъ одно письмо, въ которомъ увидите, какъ врагъ уловляетъ молодыхъ людей подъ видомъ духовной жизни, и доводитъ въ разлукѣ до отчаянія. Остерегаться надобно молодыхъ, странныхъ, приходящихъ въ вашу обитель, послушниковъ. Да сохранитъ обитель вашу Господь отъ противныхъ искушеній. Итакъ, желая вамъ всякаго благополучія, пребуду

вашего преподобія

усердный всѣхъ благъ желатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

Апрѣля 22-го 1828 г.

10.

Милость Божія да будетъ съ тобою и съ сестрами твоими!

Съ письмомъ вашимъ монахиня, Костромской епархіи, пришедши въ нашу обитель сего апрѣля 5-го числа, въ церкви просила меня объясниться въ своей нуждѣ, для чего странствуетъ. Я, послѣ меѳимоновъ, въ гостинной келліи нужду ея выслушалъ, совѣтъ давалъ ей возвратиться въ прежній общежительный монастырь; а съ терпѣніемъ и въ другихъ монастыряхъ можно бы жить. Но она отозвалась, что нигдѣ въ тамошнихъ монастыряхъ жить не можетъ; а ежели въ вашъ монастырь принята не будетъ, то лучше въ міръ располагается выйдти. Я говорилъ ей, что жизнь человѣческая подвержена искушеніямъ, но должно въ таковыхъ случаяхъ быть непоколебимой и не малодушествовать, а просить Господа о терпѣніи. А лучше потерпѣть въ здѣшней жизни скорбныя приключенія, нежели въ будущей. Грѣшно и гибельно, начавши жизнь духовную, къ плотской возвратиться. Итакъ, когда уже она расположилась въ вашей оби-

тели быть, и, ежели не въ тягость вамъ будетъ, пріимите ее и избавьте отъ вражія искушенія, а можетъ Господь подастъ ей исправленіе; тогда всѣмъ будетъ польза, по слову Господа: *аще изведеши честное отъ недостойнаго, яко уста Моя будеши* (Іерем. 15, 19). Видно, что сія монахиня не знаетъ, какъ противоборствовать мыслямъ, и не слыхала ни отъ кого, а потому въ разстройство и пришла. Даруй, Боже, ей исправленіе и спокойныя дѣла. О принятіи ея можно послать въ новгородскую консисторію отъ васъ прошеніе ея и съ билета копію при вашемъ репортѣ, что вы ее принять согласны. Итакъ, желая вамъ всякаго благополучія и спасенія съ вашими духовными сестрами, пребуду

вашего преподобія

усерднѣйшій всѣхъ благъ желатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

11.

Милость Божія да будетъ съ тобою и со всѣми сестрами вашими!

Письмо ваше я получилъ, въ которомъ поздравляете меня съ пресвѣтлымъ праздникомъ Христова Воскресенія, съ общею всѣхъ христіанъ радостію. Нижайше благодарю за поздравленіе ваше. Съ симъ же всерадостнѣйшимъ праздникомъ поздравляю и васъ: радуйтеся съ сестрами вашими о Господѣ, въ надеждѣ милости Его къ намъ.

О болѣзни своей пишете, что непрестанно находятъ обмороки, и боитесь внезапной смерти. На сіе вамъ отвѣтствую: хотя бы и смерть случилась, въ такомъ случаѣ надежда есть получить милость Божію, по Его неложному обѣщанію: *Азъ есмь пастырь добрый*: *Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы* (Іоан. 10, 9). Христосъ Сынъ Божій съ небесъ сошелъ спасти грѣшныхъ, вѣрующихъ въ Него истиннымъ сердцемъ и душею, и грѣшнымъ—покаяніе—таинство во спасеніе. Съ вашей стороны, всегда приносите покаяніе и причащаетесь тѣла и крове Христовой; итакъ, отчаяваться въ милости Божіей грѣхъ. А ежели будете про-

сить при исходѣ души, чтобъ удостоиться вамъ сего великаго таинства, Богъ исполнитъ прошеніе ваше. А я о себѣ вамъ скажу, что послѣдніе дни, а уже не лѣта оканчиваю. Итакъ, желая вамъ продолженія жизни, пребуду

вашего преподобія

усердный спасенія вашего желатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

Апрѣля 28-го 1832 г.

II. КЪ МОНАХИНЯМЪ ГОРИЦКАГО МОНАСТЫРЯ.

1.

КЪ МАТЕРИ МАВРИКІИ.

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Письмо ваше я получилъ, въ которомъ открыли ваше желаніе, чтобъ принять вторичный путь въ Кіевъ. Дѣло доброе; по времени можете желаніе ваше выполнить. Сестрица ваша получила ваше письмо, въ бытность мою въ здѣшнемъ Горицкомъ монастырѣ. Пишете къ ней, чтобъ пріѣхать сюда въ Горицы,—съ моей стороны я совѣтую,—вы увидите сестрицу вашу въ монашескомъ образѣ, съ переименованіемъ Ѳ. Святая Церковь хотя и малое постриженіе почитаетъ за ангельскій чинъ. Итакъ, сестрица ваша въ ангельскій чинъ включена и имя ея написано на небеси. Даруй, Боже, начатое святое дѣло свято и совершить. Радуются ангельскіе чины о включеніи ея въ ихъ чинъ; а самъ Господь Богъ, въ награду, дастъ ей наслѣдіе въ царствіи своемъ небесномъ не временное, а вѣчное. Она счастлива; думаю, и вы тожь заключите. Вы въ печали о лишеніи сестрицы вашей, живущей съ вами, супруга ея и о оставшихся малолѣтнихъ дѣтяхъ; но Господь въ свое попеченіе сиротъ и матерь пріемлетъ, сумнѣваться и излишне печалиться не должно, а пусть сестрица ваша печаль свою возверзетъ на Господа, и Той пропитаетъ ее. Ежели сюда изволите, избравъ время, побывать, можете и о вашемъ желаніи предложить и обще подумать къ лучшему. Временная сія жизнь можетъ ли что полезное душѣ нашей сдѣлать? Но предать себя въ служеніе

Богу — награда вѣчная. Скорѣе *забудетъ матерь отроча свое, но Азъ не забуду тебе*, глаголетъ Господь (Ис. 49, 15). Итакъ, желая вамъ милости Божіей, пребуду

усерднѣйшій вашъ доброжелатель

Игуменъ Ѳеофанъ новоезерскій.

19-го сентября 1818 г.

2.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Письмо ваше я получилъ, въ которомъ вы изъяснили волнованіе вашихъ мыслей, и требуете отъ меня рѣшенія онымъ. Я, напротиву того, отсылаю васъ къ тихому пристанищу, ученію Христа Спасителя нашего Господа Іисуса, ежели желаете ученицею Его быти. Онъ изрекъ пречистыми своими устами: аще кто грядетъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего и матерь, и братію, и сестръ, не можетъ Мой быти ученикъ (Матѳ. 14, 26). Изъ письма вашего видно, что вы очень горячи къ своей сестрицѣ; сіе не согласно съ ученіемъ Христа Спасителя нашего. Любите ее, и будьте отъ любви сея свободнѣе, чтобъ не предпочесть ее любви Божіей. Любовь человѣческая душѣ нашей малую пользу приноситъ; но любовь къ Богу вся исполняетъ, и есть вѣчное пріобрѣтеніе. Не безпокойтесь разлученіемъ маловременнымъ съ сестрицею вашею. Я совѣтую вамъ прежде съѣздить, а не пѣшкомъ идти, въ Кіевъ, помолиться угодникамъ Божіимъ: Антонію и Ѳеодосію и прочимъ печерскимъ чудотворцамъ, а потомъ уже предпринять путь и въ Горицы, и умъ свой обращать паче къ Богу Создателю нашему, нежели къ человѣку, и имя Его непрестанно помнить не въ продолжительныхъ, хоть въ краткихъ словахъ: Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя грѣшную; не остави мене, Господи Боже мой, ниже отступи отъ мене. Онъ есть всѣхъ благъ податель временныхъ и вѣчныхъ, и близъ всѣмъ призывающимъ Его. Онъ услышитъ молитву вашу и ниспослетъ вамъ благодать свою ко исправленію жизни и нравовъ вашихъ и сохранитъ не-

вреждённою во всѣхъ путехъ вашихъ. Предайте себя во всемъ житіи вашемъ волѣ Божіей, какъ вы уже себя и расположили. Итакъ, желая вамъ временныхъ, а паче вѣчныхъ благъ, яже уготова Богъ любящимъ Его, пребуду

усерднѣйшій вашъ доброжелатель

Игуменъ Ѳеофанъ новоезерскій.

3.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Письмо отъ сестрицы вашей я получилъ. Вы требуете вторичнаго благословенія въ напутствіе ваше. Да благословитъ Господь Богъ путь вашъ; по пріѣздѣ въ Кіевъ, увидите мощи прославляемыхъ святыхъ чудотворцевъ печерскихъ. Вотъ какое воздаяніе потрудившимся и предавшимъ себя въ служеніе Богу! Сестрица ваша, соверша сей путь, въ которой вы намѣрены, пустилась въ далечайшій путь, чтобъ достигнуть тѣхъ обителей, гдѣ обитаютъ уже не тѣла святыхъ, а святыя ихъ души. О, блаженная вѣчность! Труденъ и долговрененъ къ тебѣ путь, но воздаяніе умомъ непостижимо! Въ прежнія времена много было усердствующихъ всякаго возраста о спасеніи своемъ, но въ нынѣшнія времена почитаютъ многіе за невозможное дѣло; иные гнушаются и тѣхъ, кои посвятили себя Богу; а другіе сожалѣютъ, для чего оставили міръ и яже суть въ мірѣ. Но кто любитъ Господа Бога, сіе ихъ не безпокоитъ; они продолжаютъ путь свой даже до дому Божія, гдѣ Его присутствіе, гдѣ славословятъ Его небесныя силы, и святые угодники Божіи наслаждаются Его лицезрѣніемъ. Жизнь наша, какую мы провождаемъ нынѣ, есть только одно мгновеніе ока; а будущая, конца неимущая, но уже и тлѣнію неподлежащая, однако не нравится, а нравится временная. Нужно прилѣпиться любовію къ Создателю своему и просить Его милости, чтобъ просвѣтилъ и научилъ насъ творити волю Его святую, и чтобъ не лишить насъ вѣчнаго блаженства, какое

уготовалъ Онъ любящимъ Его. Итакъ, желая вамъ онаго, какъ и сестрицѣ вашей, пребуду

усердный вашъ доброжелатель

1818 г. Мая 2-го дня. *Игуменъ Ѳеофанъ новоезерскій.*

4.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Милость Божія да будетъ съ тобою!

За поздравленіе съ полученіемъ милости отъ Государя благодарю. 1000 рублей я получилъ въ Петербургѣ, а шапка архимандричья и крестъ еще не присланы. Все сіе—почесть человѣческая, но однако и не безъ воли Божіей. Что̀ дѣлать! не съ тѣмъ я ѣхалъ въ Петербургъ, чтобъ получить какую временную почесть, а по небходимости и по должности своей къ новому архипастырю. Да будетъ воля Божія! Что̀ съ нами дѣлается, по Его святой волѣ дѣлается.

О болящемъ ногою человѣкѣ постараться бы, нѣтъ ли способа къ уврачеванію? Богъ далъ средства. А ежели ничто не помогаетъ, то, можетъ быть, за грѣхи наказуется, чтобъ исправилъ жизнь свою. Судьбы Божія—бездна многа. Должно болѣзнь претерпѣть съ благодареніемъ. Въ Кіевъ ѣхать съ племянницею да будетъ Божіе благословеніе и Антонія и Ѳеодосія печерскихъ.

Усердіе ваше быть въ Горицкомъ монастырѣ похвальное, по слову святаго Давида: *яко лучше день единъ во дворѣхъ Твоихъ паче тысящь: изволихъ приметатися въ дому Бога моего паче, неже жити ми въ селеніихъ грѣшничихъ* (Псал. 83, 11).

Ежели съ разумомъ тѣмъ жить въ Горицкомъ монастырѣ, какбы въ дому Божіей Матери, всѣхъ почитать за святыхъ, а себя почитать грѣшнѣйшею паче всякаго человѣка — блаженная будетъ жизнь.

Итакъ, желая вамъ благополучнаго пути и возвращенія, пребуду

усерднѣйшій вашъ доброжелатель

недостойный архимандритъ Ѳеофанъ.

1819 г. 29-го мая.

5.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Милость Божія да будетъ съ тобою.

За поклонъ вашъ, написанный въ письмѣ сестрицы вашей, нижайше благодарю.

На полученное письмо ваше симъ отвѣчаю. Въ немъ вы о себѣ упоминали, какую жизнь провождать. Очень хорошо, Даруй, Боже, вамъ въ земное небо—во святую обитель вступить и на служеніе Господу Богу себя посвятить, во вся дни жизни вашея, по слову святаго Давида, *яко лучше день единъ во дворѣхъ Твоихъ паче тысящь; изволихъ приметатися въ дому Бога моего паче, неже жити ми въ селеніихъ грѣшничихъ.* А что обыкновенная молва говоритъ, якобы большее искушеніе бываетъ въ монастырѣ, нежели въ мірской жизни—отъ кого же оное искушеніе зависитъ? Можно сказать: отъ насъ самихъ, по слову святаго Апостола Павла: *не искусиша имѣти Бога въ разумѣ, сего ради предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ, творити неподобная* (Римл. 1, 28), — вотъ отъ чего бываютъ намъ искушенія. Кто велитъ безъ нужды ходить по кельямъ, празднословить, чужія дѣла пересказывать, осуждать, жаловаться, скучать, унывать, отчаяваться, роптать, злословить другихъ, себя оправдывать, гордиться, тщеславиться, хвалиться, укорять, не примиряться, завидовать, лгать, худыми мыслями заниматься, лѣниться, не покоряться, противорѣчить, не почитать старшихъ, а паче настоятельницу, о молитвѣ внутренней не радѣть и прочими бѣсовскими дѣлами заниматься? — Такая жизнь, конечно, большее искушеніе навести можетъ, нежели жизнь мірская; да еще иныя на исповѣди духовнику, свои недостатки оставя, хотятъ чужіе пересказывать и о своихъ согрѣшеніяхъ не признаются предъ Богомъ и не сокрушаются, и, приступая къ святымъ тайнамъ, не думаютъ, къ Кому приступаютъ и Кого пріемлютъ. Хотя онѣ и молятся, но молитва ихъ въ грѣхъ бываетъ, а причастіе святыхъ таинъ въ осужденіе. Итакъ, мы сами своему искушенію виновны. Богъ не требуетъ

отъ насъ поклоновъ, когда мы въ такомъ положеніи, а требуетъ отъ насъ смиренія, Самъ смиривъ Себя,—послушанія, Самъ послушливъ бывъ до смерти,—терпѣнія, Самъ претерпѣвъ поруганія, біенія, оплеванія, заушенія; требуетъ незлобія, ибо и Самъ за враговъ своихъ молился: *Отче* небесный, *отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ* (Лук. 23, 34); требуетъ любви, ибо Самъ нашего ради спасенія, оставивъ нѣдра Отча, нашу нищету посѣти и любви ради душу свою за насъ положи; велитъ намъ пребывать въ молитвѣ, говоря: *бдите и молитеся, да не внидете въ напасть* (Матѳ. 26, 41), и Самъ къ Отцу своему небесному приносилъ молитву. Сверхъ сего должно намъ имѣть память смертную, что намъ миновать сего нельзя: смерть грѣшниковъ люта, а честна смерть преподобныхъ Его, по смерти жь—сказано: *да возмется нечестивый, да не видитъ славы Господни* (Ис. 26, 10); а праведнымъ—*пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Матѳ. 25, 31). Ежели такимъ образомъ жизнь будемъ провождать, чтобъ угодить Господу, то монастырская жизнь намъ будетъ раемъ,—чего получить вамъ усердно желаю.

Усерднѣйшій вашъ доброжелатель

недостойный архимандритъ Ѳеофанъ.

Письмо ваше къ вамъ обращаю; когда будете въ монастырѣ, чтобъ не забыть свое расположеніе, иногда въ нуждѣ и прочтите его.

6.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Преподобнѣйшая мать!

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Я думаю, что ваше преподобіе, получа мое письмо, оскорбились. Прошу васъ, не скорбите Бога ради. А должно во всемъ предать себя волѣ Божіей и Его волю исполнить; не отвергайте благодати Божіей, не лишайте себя наслѣдія небеснаго, и быть въ чинѣ ангельскомъ, и невѣстою Христовою. А что вы писали о племянницѣ, что она желаетъ въ

домъ Божіей Матери, въ вашу обитель, Богъ исполнитъ ея намѣреніе, но не такимъ образомъ, какъ вы думаете, а, имиже вѣсть Онъ самъ, своими премудрыми судьбами; а вы можете только родителя ея раздражить, ежели будете неотступно просить, чтобъ ее отпустилъ. А ежели хотя бы и отпустилъ, и ежели бъ вы захотѣли ее больную взять на свои руки, то какъ бы могли вы везти ее? Дорога дальняя, а нынѣшнее время осеннее. Если случится отъ такой ѣзды въ дорогѣ ей смерть, то болѣе бъ искушенія послѣдовало вамъ.

Ежели вамъ хотѣлось съ другою племянницею видѣться, то тожъ неизвѣстно, доколѣ они въ Москвѣ пробудутъ? А, можетъ быть, время продолжать въ Москвѣ не можно. Итакъ, для того въ оба пути тысячу верстъ вамъ безпокойную ѣзду принимать безъ всякой пользы не есть удовольствіе, а тщетное безпокойствіе. Но ежели взять по духовному разуму разсужденіе, то я вамъ оное открою: врагъ порадовался и одержалъ побѣду надъ вами, не допустилъ васъ сдѣлать дѣло Божіе — принять ангельскій образъ, но тщится навести на васъ еще большее искушеніе, непрестанно причиняя вамъ огорченія, и тщится, отторгнувъ отъ руки Божія и отъ небесныя ограды, возбудить въ васъ ненависть къ ангельскому жительству, отнять память Божію, привести въ свирѣпость и гордость. Но ежели послушаете меня, то можете и вы поправить свою ошибку. Смиритеся подъ крѣпкую руку Божію, да вы вознесетъ и сдѣлаетъ побѣдительницею надъ врагомъ. Когда уже вышло рѣшеніе, по твоему желанію, отъ Бога принять вамъ ангельскій образъ, не отлагайте времени, не противьтесь волѣ Божіей, да не когда прогнѣвается Господь, и погибнете отъ пути праведнаго. Тогда никто вамъ изъ любимыхъ родныхъ не поможетъ. Припадите ко Господу и признайте свое согрѣшеніе и просите прощенія, что попротивилась святой Его волѣ и послушала врага, и положите начало благое. Сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ: Онъ послушливъ былъ даже до смерти, и вамъ должно послушливой быть волѣ Его святой, отложивъ по первому житію вет-

хаго человѣка, обновитися духомъ ума вашего и облещися въ новаго человѣка. Вы уже внѣ мірской жизни, а въ жизни духовной. Поэтому и должна всѣ силы употреблять угодить Господу, а не міру; а по времени, ежели угодно будетъ Господу, все получите. Взыщите прежде царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ. Пребуду

вашего спасенія желатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

7.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Преподобнѣйшая мать!

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Письмо ваше я получилъ, которымъ вы меня обрадовали, а паче самого Бога, что повинулись волѣ Его. Возрадуются и ангели Божіи о включеніи васъ въ число ихъ; Женихъ вашъ небесный введетъ въ чертогъ свой съ мудрыми дѣвами. Тогда-то возрадуется душа твоя о Господѣ, и радости твоей никтоже возьметъ отъ тебя вовѣки. Надобно вѣрить тому, что́ Господь обѣщалъ любящимъ Его, и исполнитъ. Даруй, Боже, чтобъ вы послѣдовали ангеламъ Божіимъ, смиреніемъ, кротостію, послушаніемъ. Немного въ здѣшней жизни потерпѣть, но какое жь воздаяніе будетъ, превосходящее умъ человѣческій! Что касается до племянницы твоей, Е. П., ежели она совершенно возлюбила Господа своего, то Онъ и приведетъ ее и удостоитъ ангельскаго образа, имиже вѣсть, своими судьбами, а для исполненія ея желаній продолжитъ и жизнь.

По просьбѣ вашей и матери игуменіи, я пріѣду на 25 число, и ежели Господь благоволитъ, и отслужу. Итакъ, желая вамъ милости Божіей, пребуду

вашего преподобія

усерднѣйшій всѣхъ благъ желатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

И Божіе благословеніе на васъ да будетъ!

8.

КЪ НЕЙ ЖЕ

Преподобнѣйшая мать!

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Письмо ваше, а при немъ съ письма копію, и письмо къ Р.... С..., братцу вашему, я получилъ отъ человѣка вашего, и двѣ просфоры получилъ же. Благодареніе мое приношу за просфоры. Письмо къ Р.... С...., человѣку вашему, идущему въ Петербургъ, для врученія Р.... С.... я отдалъ; копію съ письма я читалъ, содержаніе онаго духовное, и надобно изъ него вамъ пользоваться, какъ мірскіе о посвятившихъ себя Богу разумѣютъ. Когда вы вступали въ обитель, съ какимъ расположеніемъ?—Не инаковымъ, чтобъ оставить все мірское пристрастіе и предать себя Богу, послужить Ему и ежедневно моляся: сподоби мя, Господи, нынѣ возлюбити Тя, якоже возлюбихъ иногда той самый грѣхъ: и паки поработати тебѣ безъ лѣности тощно, якоже поработахъ прежде сатанѣ льстивому: наипаче же поработаю Тебѣ, Господу и Богу моему Іисусу Христу, во вся дни живота моего,—прошедшее забывать, а на предняя простираться. Христосъ Сынъ Божій далъ намъ примѣръ своею жизнію и сказалъ пречистыми своими устами: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ* (Матѳ. 11, 29). Христосъ Сынъ Божій въ здѣшней жизни чего не претерпѣлъ: оставивъ небеса, сошелъ на землю, отъ славы на безславіе, хуленіе, поруганіе, заушеніе, біеніе, на крестную смерть, вмѣсто предлежащія Ему радости. А святіи, послѣдовавшіе Христу, чего не претерпѣли жь! *Каменіемъ побіени быша, претрени быша, искушени быша, убійствомъ меча умроша, проидоша въ милотехъ и въ козіяхъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени, ихже не бѣ достоинъ весь міръ* (Евр. 11, 37. 38). *Тѣмже убо и мы толикъ имуще облежащь насъ облакъ свидѣтелей, гордость всяку отложше, и удобь обстоятельный грѣхъ, терпініемъ да течемъ на предлежащій намъ подвигъ, взира-*

юще на начальника вѣры, и совершителя Іисуса (12, 1. 2): *да не стужаете душами своими ослабляеми, не у до крове стасте, противу грѣха подвизающеся* (ст. 3. 4). Итакъ, извольте разсмотрѣть, какую жизнь провождалъ Христосъ Сынъ Божій, будучи въ странѣ смертныхъ, и сущіе послѣдователи жизни и ученію Его. Настоящая жизнь не что другое, какъ сонное мечтаніе; и ежели бъ мы во снѣ были удостоены чести, славы, похвалы, какая бы намъ отъ того прибыль была, по слову святаго Давида: *уснуша сномъ своимъ, и ничтоже обрѣтоша вси мужіе въ рукахъ своихъ* (Псал. 75, 6). *Преходитъ образъ міра сего* (1 Кор. 7, 31); и что вы писали, все то мудрованіе мірское, и слезы ваши никакой вамъ пользы принести не могутъ. Также писали и о братѣ вашемъ П. А., что онъ раздраженъ былъ гнѣвомъ на васъ. Кого лучше слушать, брата ль своего, или Христа Сына Божія, Бога и Создателя своего? Онъ пречистыми своими устами идущимъ съ Нимъ народамъ сказалъ: *аще кто грядетъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего, и матерь и братію, и сестръ, еще же и душу свою, не можетъ Мой быти ученикъ* (Лук. 14, 26). Вы вступили въ другой свѣтъ, въ другой міръ, т. е. въ духовную жизнь; надобно болѣе внутренними очами свое отечество небесное, наслѣдіе свое созерцать; о семъ должно воздыхать, о семъ и плакать, а не о чести или преимуществѣ предъ тобою другихъ; должно просить Господа Бога, чтобъ сей злобы корень Онъ отъ души вашей истребилъ. Не надобно думать, что мы можемъ сами собою себя исправить, и молитвы намъ должно просить отъ Господа жь, какъ святіи апостолы просили: *Господи! научи ны молитися* (Лук. 11, 1). Ежели скажемъ, что мы молимся, но взять разсмотрѣть молитву нашу,—сколько въ ней непристойныхъ мыслей, непринадлежащихъ къ молитвѣ! Языкомъ молимся, а умъ нашъ безъ плода; занимаемся мыслями, что меня пренебрегаютъ, а другихъ предпочитаютъ, меня уничижаютъ, а другихъ любятъ и ласково обходятся, а при томъ возбуждается и досада, зависть и рвеніе. Таковая

молитва бываетъ не въ умилостивленіе, а въ грѣхъ или раздраженіе Бога. А должно просить у Господа Бога благодати Его, чтобъ Онъ споспѣшествовалъ молитвѣ, и просить, чтобъ просвѣтилъ очи душевныя, и, что́ Ему угодно, о томъ просить; а угодно Ему смиреніе, терпѣніе, незлобіе, любовь къ сестрамъ и матери игуменіи, послушаніе, скромность, тихость и мирная жизнь, всѣхъ почитать за святыхъ, а себя грѣшною, представляя, что вы не въ простомъ домѣ живете и не въ селеніяхъ грѣшничихъ, а въ домѣ Бога своего, и не скучать сею жизнію, а паче радоваться, что Господь Богъ привелъ васъ въ тихое пристанище. Итакъ, начните отъ сего времени положить намѣреніе къ лучшему, исправленіе своей жизни, оставя мірскую, принять духовную. Въ оной есть чему поучаться,—можемъ умомъ своимъ вознестися въ самое небо, можемъ сойдти и во адово дно. Разсмотрите хорошенько, каковы жители небесные: *праведницы просвѣтятся яко солнце, въ царствіи Отца ихъ* (Матѳ. 13, 43), а во адѣ огнь неугасающій и червь неумирающій (Марк. 9, 44), по слову Христа Спасителя. Итакъ, чтобъ не впасть въ сію несчастную и мучительную жизнь, должно все оставить: мірское мудрованіе и пристрастіе, мірскую любовь, которая уязвляетъ паче, нежели исцѣляетъ душу, мірскую политику—по внѣшнему имѣть миръ съ ближними своими, духовными сестрами, злая же въ сердцахъ своихъ,—повидимому скромность, а во внутренности досаду и мщеніе,—повидимому смиреніе, а во внутренности гордость, и другія подобныя симъ страсти, какъ волны морскія, востающія во внутренности души. И ежели не будемъ ко Господу вопить, какъ святый Апостолъ Петръ, отважившійся ходить по водамъ, возопилъ во время обуреванія: Господи! спаси мя: погибаю,—то много страдать должны и въ непрестанномъ будемъ душевномъ обуреваніи. Однако, не бойтесь: Господь близь васъ, ибо *близъ Господь всѣмъ призывающымъ Его, всѣмъ призывающымъ Его во истинѣ: волю боящихся Его сотворитъ, и молитву ихъ услышитъ, и спасетъ я* (Псал. 144, 18. 19). Не

отчаявайтесь въ милости Божіей; Онъ васъ призвалъ, и если слова Его божественныя выполнять будете, то и въ здѣшней жизни будете покойны и животъ вѣчный наслѣдуете. Не надобно помышлять, какъ жиды говорили: *жестоко есть слово сіе, и кто можетъ Его послушати* (Іоан. 6, 60)? Что́ жь и послѣдовало съ ними? Въ здѣшней жизни безпокойны, а въ будущей лишены будутъ вѣчнаго блаженства, аще не обратятся. Итакъ, желая вамъ спасенія, исправленія закоснѣлыхъ, жестокихъ нравовъ, пребуду

усердный вашего спасенія желатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

Апрѣля 20-го дня 1820 г.

9.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Преподобнѣйшія матери!

Милость Божія да будетъ съ вами!

Письмо ваше я получилъ, на которое краткими строками отвѣтствую. Ежели необходимая та нужда, о которой вы, мать Маврикія, пишете, чтобъ видѣться съ братьями, и чтобъ сопутница была сестрица ваша, мать Ѳеофанія,—съ благословеніемъ матери игуменіи можно вамъ съѣздить въ домъ вашъ, и я съ моей стороны на сіе согласенъ. Но, чтобъ путь вашъ былъ благополученъ, имѣйте съ собою Господа и Ангела Божія хранителя, чтобъ имя Божіе незабвенно было въ душѣ, въ мысляхъ и въ сердечномъ сокровищѣ, по слову святаго праотца и царя Давида: *въ сердцѣ моемъ скрыхъ словеса Твоя, яко да не согрѣшу Тебѣ* (Псал. 118, 11), Господи мой и Боже; и просите Его божественной помощи о рѣшеніи предпринятаго вами намѣренія, говоря въ себѣ: Боже, въ помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися (Псал. 69, 1). Изволите писать вы, что продолжится, можетъ быть, дѣло ваше съ мѣсяцъ. Что́ дѣлать, когда необходимость того требуетъ! Итакъ, желая вамъ съ сестрицею благополучнаго отъѣзда, и да будетъ на васъ Божіе благословеніе, пребуду

вашего преподобія

усерднѣйшій всѣхъ благъ желатель

Іюля 13-го дня 1822 г. *Архимандритъ Ѳеофанъ.*

10.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Преподобнѣйшая мать!

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Письмо ваше я получилъ, въ которомъ описали рѣшеніе съ имѣніемъ своимъ. Я въ отвѣтъ краткими словами скажу: что́ сдѣлано, то хорошо, и смущаться уже вамъ не нужно. Ежели мысль будетъ приходить: какъ разсталась съ своимъ имѣніемъ! — напротиву того сказать: требуетъ того необходимость; разставаясь съ имѣніемъ, должно разстаться и съ безполезнымъ попеченіемъ и заботою; должно и помолиться Господу Богу: отврати очи мои, еже не видѣти суеты, представляющейся въ мысляхъ моихъ. Теперь вамъ будетъ спокойнѣе, а для содержанія вашего не будетъ недостатка; довольны будете. Отъ матери игуменіи и матери Ѳеофаніи и я получилъ письмо о бытіи ихъ предъ лицемъ Царя и Царицъ. *Любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое* (Римл. 8, 28).

Совѣтую и вамъ совершенно прилѣпиться къ Создателю своему любовію, и ничего временнаго, даннаго намъ отъ великихъ Его щедротъ, не предпочитать любви Его. Любовь же Божію пріобрѣсти, кромѣ смиренія и смиренномудрія, невозможно. Постарайтесь научаться смиренію и смиренномудрію; а отъ кого научиться сему мудрому художеству? Отъ самого Спасителя. Онъ благоизволилъ сказать: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ* (Матѳ. 11, 29). Посему кроткій и смиренный всегда въ покоѣ, а гордый и тщеславный въ спокойствѣ быть не можетъ. Итакъ, желая вамъ препровождать жизнь угодную Господу, подобно Ангелу Божію, пребуду

вашего преподобія

усерднѣйшій вашего спасенія желатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

Сестрамъ поклонъ и чтобъ блюли умъ отъ помысловъ суетныхъ.

Марта 12-го дня 1823 г.

11.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Преподобнѣйшая мать!

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Письмо ваше, артосъ и просфору я получилъ. Въ письмѣ вашемъ упоминаете, что худо живете; на сіе вамъ отвѣчаю: съ какимъ расположеніемъ вы вступили въ обитель, я помню: съ усерднымъ, чтобъ угодить Господу и работать Ему со страхомъ и трепетомъ и со смиреніемъ провождать жизнь. Должно оное вспомнить; вы знаете, что гордость свержена съ небесъ и быть тамъ уже никогда не можетъ; она въ пропасти адской, однако владычествуетъ и на земли. Бойтесь, яко яда смертоноснаго, гордости; зане *Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (1 Петр. 5,5). Христосъ Сынъ Божій намъ сказалъ, чтобы мы научились отъ Него кротости и смиренію: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ* (Матѳ. 11,29). Вотъ кто учитель нашъ, — самъ Господь, — тому, въ чемъ наше спокойствіе состоитъ.

Я прошу обратиться ко Господу. Господь не хощетъ смерти грѣшнику, но еже обратитися и живу быти ему. А гордость, лѣность, небреженіе, вспыльчивость, надменіе, какъ поминаете, — дѣла противныя Богу, не должно хранить въ сердцѣ своемъ, которое должно быть храмомъ Божіимъ. Допустите присутствовать въ сердцѣ вашемъ Господу Богу и творите дѣла, угодныя Ему.

Усердный всѣхъ благъ временныхъ и вѣчныхъ желатель, кирилло-новоезерскій

Архимандритъ Ѳеофанъ.

Мая 1-го дня 1823 года.

12.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Преподобнѣйшая мать!

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Господь всѣхъ зоветъ ко спасенію, обѣщанія ради будущихъ благъ, не исключая никого, — но съ тѣмъ условіемъ,

чтобъ, оставивъ свою волю, исполнять Его святѣйшія заповѣди, какъ изволилъ сказать: *всякъ убо, иже слышитъ словеса Моя, и творитъ я, уподоблю его мужу мудру, иже созда храмину свою на камени: и сниде дождь, и пріидоша рѣки, и возвѣяша вѣтри, и нападоша на храмину ту, и не падеся: основана бо бѣ на камени* (Матѳ. 7, 24. 25). Камень же сей есть Христосъ (1 Петр. 2, 6. 7). Онъ изволилъ заповѣдать миръ имѣть между собою, любовь даже и ко врагамъ, и во время молитвы отпущать обиды, по слову Его святому: *егда стоите молящеся, отпущайте, аще что имате на кого, да и Отецъ вашъ, иже есть на небесѣхъ, отпуститъ вамъ согрѣшенія ваша: аще ли же вы не отпущаете, ни Отецъ вашъ, иже есть на небесѣхъ, отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ* (Марк. 11, 25. 26). При томъ заповѣдалъ, говоря: *въ терпѣніи вашемъ стяжите душа ваша* (Лук. 21, 19), — смиреніе, о которомъ изволилъ сказать: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ* (Матѳ. 11, 49). И прочія святѣйшія Его повелѣнія если исполнимъ, получимъ тѣ блага, яже уготовалъ Онъ любящимъ Его. Сего желая вамъ, пребуду

усердный вашего спасенія желатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

30-го октября 1823 года.

13.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Преподобнѣйшая мать!

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Письмо ваше я получилъ, для меня весьма удивительное. Вы просили меня на 18 число сего мѣсяца для постриженія въ ангельскій образъ. А теперь я получаю отъ васъ противное, чтобъ отпустить васъ въ Москву. Вы пишете съ какимъ-то восхищеніемъ и радостію о неизвѣстномъ. Сіе не что другое, какъ искушеніе вамъ отъ врага. Истину вамъ говорю. Вотъ что́ Христосъ Сынъ Божій пречистыми своими устами сказалъ: *иже любитъ отца, или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ, и иже любитъ сына, или дщерь паче Мене,*

нѣсть Мене достоинъ; и иже не пріиметъ креста своего, и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ (Матѳ. 10, 37. 38). Вы отпираетесь отъ любви Божіей и отъ креста своего. Какая жь любовь влечетъ васъ къ своимъ, когда вы оставили ради вѣчности всю свою родню и прилѣпились ко Господу? — Любовь плотская, вредная и противная Богу, зовущему васъ къ Себѣ, дающему вамъ царствіе небесное, ангельское достоинство, вѣнецъ вѣчныя славы. Итакъ, совѣтую вамъ неполезное сіе предпріятіе оставить; а я на 18 число хотѣлъ пріѣхать и постричь васъ. Что жь вы печетесь о племянницѣ? Богъ знаетъ, и безъ вашего старанія, что́ ей полезно, и приведетъ ее въ служеніе сіе. Отъ Бога вся возможна. Ты о себѣ имѣй попеченіе, чтобъ врагъ не порадовался и не поругался надъ тобою. Должно учиться познавать сѣти вражіи и его вредные предлоги и искушенія. Онъ и Христа Сына Божія искушалъ; но Христосъ Сынъ Божій отъ Писанія ему отвѣтствовалъ: *не искусиши Господа Бога твоего* (Матѳ. 4, 7). Такъ и намъ должно послѣдовать ученію Христа Спасителя нашего. Нужно тебѣ видѣться съ М. . . . П. . ., а врагъ предлагаетъ всѣ способы. Ты противу того скажи: увижусь послѣ, ежели Господь благоволитъ; я предала себя Господу, и безъ Его благоволенія не могу сего исполнить. Врагъ будетъ предлагать тебѣ, что неотмѣнно надобно въ Москву ѣхать для племянницы больной, Е. . . ., а ежели не пріѣдешь, то она умретъ въ мірской жизни. А ты напротиву того скажи: Господь приведетъ ее и безъ меня, ежели Ему угодно, послужить Ему, а ежели умретъ, то намѣреніе ея пріиметъ и вчинитъ ее въ число праведныхъ, чего она желала. Итакъ, должно со всѣхъ сторонъ нападающаго врага побѣждать: *нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ, и ко властемъ, и къ міродержителемъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Ефес. 6, 12). *Горняя мудрствуйте, а не земная; умросте бо, и животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ* (Колос. 3, 2. 3). Итакъ, совѣтую вамъ предпріятіе сіе оставить, яко неугодное Богу. И не дайте порадоваться

врагу. Вамъ кажется, что вы не можете перенести столь непріятную остановку. Ты поручила себя Господу; къ Нему прибѣгни и помолись: Господи Боже мой! помози мнѣ тяжкое сіе искушеніе перенести. И Господь поможетъ тебѣ. А въ Москву отпиши: хотя бы я и хотѣла пріѣхать въ Москву и васъ видѣть, но нынѣ никакъ невозможно. Итакъ, желая вамъ спокойствія душевнаго, пребуду

вашего преподобія

усердный вашъ доброжелатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

Сентября 14-го 1824 г.

14.

МАТЕРИ Ѳ.....П.

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Письмо твое я получилъ, въ которомъ описываешь свои горести и требуешь наставленія: какимъ образомъ жизнь свою продолжать; у братьевъ твоихъ несогласіе, да и вы не одной матери съ ними, а притомъ и сестра твоя наводитъ тебѣ смущеніе своими шалостями.

Напротивъ сего совѣтую вамъ сестру учить страху Божію,—что мы живемъ въ здѣшней жизни на малое время, а житіе наше на небесѣхъ; ежели худо будемъ жить, лишимся небеснаго царствія и посланы будемъ на вѣчное мученіе во адъ; чтобъ была смиренна, кротка, послушлива, упражнялась въ рукодѣліи съ молитвою; а когда зашалится, принудьте ее, чтобъ прощеніе испросила, и чтобъ впередъ того не дѣлала, да и словъ худыхъ не говорила, и не празднословила. А для тебя слѣдуетъ просить терпѣнія у Господа: Господи! даждь ми терпѣніе. Ежели тебѣ въ мірской жизни и въ домѣ братьевъ будетъ невмѣстительно, можешь посвятить жизнь свою на служеніе Богу, чтобы соблюсти дѣвственную чистоту душевную и тѣлесную и быть въ смиреніи, терпѣніи и безпрекословномъ послушаніи; искуси себя въ мірской жизни, а потомъ можешь и въ монастырь вступить.

У васъ, слышно, игуменія въ вашемъ городскомъ монастырѣ изъ Нижняго-Новгорода отъ игуменіи Дороѳеи; она

заводитъ тотъ же порядокъ, какъ и въ Нижнемъ. Похаживайте къ ней и требуйте наставленій; и что́ вамъ скажетъ по вашей склонности, тому послѣдуйте. Итакъ, желая вамъ тѣхъ благъ, яже уготова Богъ любящимъ Его, пребуду

усерднѣйшій вашъ доброжелатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

О сестрѣ твоей Богъ устроитъ полезная, ежели твоя жизнь будетъ угодна Богу.

15.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Письмо твое я получилъ, въ которомъ упоминаете вы, что благополучно возвратилися въ Кострому, и что братецъ вашъ С... И... окончилъ временную сію жизнь съ христіанскимъ напутіемъ: сіе почесть можно за милость Божію; и что дѣло о раздѣлѣ приведено къ концу. Мы его здѣсь поминаемъ. Я кратко васъ увѣдомляю на ваше письмо: молитесь Господу, чтобъ устроилъ твою жизнь, по волѣ Его святой; не предпочитайте временнаго паче вѣчнаго; вы носите боготканныя чистоты одежды,—не совлекайтеся оныхъ: *праведницы просіяютъ яко солнце въ царствіи Отца небеснаго* (Матѳ. 13, 43). На всякую минуту просите Господа, чтобъ сохранилъ васъ отъ сѣтей вражіихъ. Можете понять, о чемъ я пишу.

Съ А... С... можно тебѣ духовно обращаться, духовно бесѣдовать и подкрѣплять въ нужномъ случаѣ. Сестрицѣ вашей С... И... объявите мой поклонъ и Божіе благословеніе со всѣмъ семействомъ. На письмо мнѣ отвѣчать некогда. Итакъ, пребуду

усерднѣйшій вашъ доброжелатель

Апрѣля 15-го 1823 г. *Архимандритъ Ѳеофанъ.*

16.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Два письма твои я получилъ, въ которыхъ описываете, что имѣете недостатокъ въ терпѣніи во время оскорбленія,

или, перенеся оныя внѣшно, приходите къ тщеславному помыслу, похваляя себя, что хорошо сдѣлала: на сіе отвѣтствую.

Должно говорить тогда слова Спасителя нашего: *аще и вся повелѣнная сотворите, глаголите, яко раби неключими есмы* (Лук. 17, 10). Учитеся внутреннему смиренію, говоря: Господи, даждь ми смиреніе въ мысляхъ моихъ; а себя почитайте мысленно, что хуже всѣхъ. Что жь касается до молитвы, что не можете стяжать чистую молитву и побѣждаетеся отъ суетныхъ помысловъ, и не можете преодолѣть оныхъ и тою молитвою, которую я велѣлъ вамъ читать: отъими, Господи, отъ мене весь помыслъ лукавый, и даждь мысль благу; то еще читайте въ вечернихъ молитвахъ положенную: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, ради честнѣйшія Твоея Матере, безплотныхъ Твоихъ Ангелъ, и проч.; потомъ: изми мя отъ устъ пагубнаго змія, зіяющаго пожрети мя и свести во адъ живу; а въ утреннихъ молитвахъ, въ молитвѣ: многомилостиве, и всемилостиве Боже мой; потомъ: сподоби мя, Господи, нынѣ возлюбити Тя, якоже возлюбихъ иногда той самый грѣхъ, и паки поработаю Тебѣ безъ лѣности тощно, якоже поработахъ прежде сатанѣ льстивому. Наипаче же поработаю Тебѣ Господу и Богу моему Іисусу Христу, во вся дни живота моего; а потомъ: Пресвятая Владычице моя Богородице, святыми Твоими и всесильными мольбами, отжени отъ мене; и всю до конца.—А иногда читай: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, и проч. Вамъ извѣстно, что приступающимъ работать Господеви безъ искушенія пробыть невозможно, по слову Апостола Павла: *нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ, и ко властемъ, и къ міродержителемъ тьмы вѣка сего, духовомъ злобы поднебеснымъ* (Ефес. 6, 12). Почитайте себя землею и пепломъ: ничто такъ не можетъ противу вражіихъ браней стать, какъ смиреніе; да и Христосъ Сынъ Божій изволилъ сказать: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ* (Матѳ. 11, 29). А что вы пишете, что

когда къ молитвѣ поусердствуете, то дѣлается біеніе сердца; я вамъ не совѣтую понуждать себя къ молитвѣ до такой степени, чтобы болѣзнь претерпѣвать и повреждать свое здоровье. Богъ выше силъ нашихъ не требуетъ изнеможенія; мы своимъ усиліемъ не можемъ пріобрѣсти молитвы чистой, а должно просить о семъ Господа со смиреннымъ сердцемъ, говорить съ Давидомъ святымъ: *сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей. Не отвержи мене отъ лица Твоего, и Духа Твоего святаго не отъими отъ мене; воздаждь ми радость спасенія Твоего, и Духомъ владычнимъ утверди мя* (Пс. 50).

Что касается до монастырской жизни, то нельзя сказать, чтобы не было тамъ подвиговъ мысленныхъ и разныхъ недостатковъ. Но если будешь уповать во всемъ на милость Божію, Онъ будетъ помощникъ; когда вы сумнѣніе имѣете въ недостаткахъ, и будете ожидать, пока исправитеся, въ волѣ твоей состоитъ; однако, берегитеся мірской жизни, чтобы не увязнуть въ сѣти вражіи.

Къ сестрѣ твоей написалъ я небольшое письмецо; вы давайте ей наставленія. Итакъ, пребуду

усердный вашъ доброжелатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

Іюля 15-го 1823 г.

17.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Письмо твое получилъ, въ которомъ пишете о принятіи васъ въ обитель Горицкую. Я съ игуменіею говорилъ; она принять васъ согласна (слова игуменіи: грядущаго ко мнѣ не изжену вонъ); но только съ вашей стороны должно попросить родныхъ, чтобы они отпустили тебя, и ваше желаніе исполнено было. Но при этомъ я вамъ скажу, что начинаете вы приготовлять себя къ другой жизни, къ духовной, а оставляете жизнь плоти, то уже и мудрованіе должно имѣть духовное, т. е. смиренное, по слову Христа Спасителя нашего:

научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ: иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть (Матѳ. 11, 29). Никакихъ мыслей противныхъ смиренію не должно принимать. Смиренный путь не падателенъ. Духовная жизнь — ангельская; какъ Ангелы Божіи исполняютъ волю Создателя нашего на небеси, такъ и мы бренными устами должны прославлять на земли, и исполнять волю Его.

О дѣвицѣ А... П... М... вы пишете, что отецъ ея препятствуетъ приблизиться ко Господу, а удаляетъ отъ спасительной жизни. Ежели она хочетъ совершенно угодить Господу, чтобъ всегда имѣла молитву во устахъ, въ душѣ и сердцѣ: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшную; сподоби мя любити Тя отъ всея души моея и помышленія, и творити во всемъ волю Твою. Итакъ, Господь, видя усердіе, устроитъ и изъ противнаго полезное.

Письмо твое, посланное съ М... Е..., я получилъ и на оное къ тебѣ въ отвѣтъ отписалъ.

Сестрамъ твоимъ Божіе благословеніе отъ меня объявите. Итакъ, пребуду

усердный вашъ доброжелатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

Января 20-го дня 1824 г.

18.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Я получилъ письмо твое отъ костромскаго купца К..., возвращающагося изъ Соловецкаго монастыря, сего іюля 1-го числа, въ которомъ пишете: что васъ удерживаетъ земля, доставшаяся вамъ, и не искушеніе ли это?

Я вамъ скажу, что въ священномъ Писаніи сказано: *аще приступаеши работати Господеви* Богу, *уготови душу твою во искушеніе* (Сир. 2, 1), чтобъ еще бо́льшаго не случилось. Посмотри на внутреннее твое расположеніе, куда оное болѣе стремится? Знаете ли, что̀ невозвратное? Вотъ что́: говоренное слово, прошедшій день и дѣвство; ежели оное, сохрани

Боже, утратится, ни за какіе милліоны пріобрѣсти не можно. Вотъ въ чемъ все богатство состоитъ. Господу извѣстно еще несодѣянное нами; и что́ мы дѣлаемъ, Онъ видитъ, и укрыться отъ Него нигдѣ не можно. Когда хочешь невѣстою Христовою быть, блаженна будешь; а когда оставишь Его, не знаю, что́ оное сказать, а отдаю на твое собственное разсужденіе, кому себя вручишь. Итакъ, желая вамъ милости Божіей, пребуду

Архимандритъ Ѳеофанъ.

Сестрѣ твоей Божіе благословеніе.

Іюля 3-го дня 1824 г.

19.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Милость Божія да будетъ съ тобою и сестрою твоею!

Письмо твое я получилъ и рубль серебряный. А во время служенія поминалъ васъ съ сестрою твоею, и по просфорѣ вамъ посылаю, которыя я о здравіи и спасеніи вашемъ самъ вынималъ. Даруй, Боже, поработать тебѣ въ здѣшней маловременной жизни Ему, Создателю нашему, усердно. Желаніе ваше соотвѣтствуетъ званію Божію, по Его святому слову: *никтоже можетъ пріити ко Мнѣ, аще не Отецъ, пославый Мя, привлечетъ его* (Іоан. 6, 44). А что крестная твоя мать внушаетъ тебѣ противное сему, она не знаетъ, что *мудрованіе плотское смерть есть, а мудрованіе духовное животъ и миръ* (т. е. мирное пребываніе) (Рим. 8, 6), какъ говоритъ святый Апостолъ Павелъ. Мать твоя крестная старается отъ благаго твоего намѣреніи отвести, и чтобъ ты оставила слѣдовать званію Божію (сердиться на нее не совѣтую); я совѣтую не слушать гласа ея, а послушать гласа Божія, и повиноваться ему со смиреніемъ. Христосъ Сынъ Божій говоритъ во святомъ Евангеліи: *овцы Моя гласа Моего слушаютъ, и Азъ знаю ихъ, и по Мнѣ грядутъ, и Азъ животъ вѣчный даму имъ, и не погибнутъ во вѣки, и не восхититъ ихъ никтоже отъ руки Моея* (Іоан. 10, 27. 28). А что будетъ искушеніе отъ врага, то предсказано въ священномъ Писаніи тако: *чадо, аще приступаеши работати Господеви,*

уготови душу твою во искушеніе (Сир. 2, 1). Но Богъ далъ намъ разумъ познавать, что́ худо и что̀ хорошо, что́ Господу пріятно и что́ противно. Онъ самъ учитъ насъ, — говоритъ пречистыми своими устами тако: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ* (Матѳ. 11, 29). Ежели Богъ приведетъ въ обители жить, почитайте обитель земнымъ небомъ; а когда въ церковь войдете, помышляйте, яко предстали вы престолу Божію, какъ святая Церковь учитъ: во храмѣ стояще славы Твоея, на небеси стояти мнимъ. Всѣхъ почитайте въ обители живущихъ за святыхъ, а только себя воображайте, что одна ты только грѣшная. Вы еще въ обитель не вступили, однако надобно въ памяти содержать сіе. А нынѣ пока еще въ мірской жизни, нельзя, чтобъ не приходили дурныя мысли и плотскія; вы, какъ только появятся онѣ, скажите себѣ: Т... [1], что ты мыслишь? За сіи мысли приготовленъ огнь вѣчный, или море огненное во адѣ, червь неусыпающій, страхъ, ужасъ, скрежетъ зубовъ, лишеніе царствія небеснаго, лишеніе со Ангелы пребыванія, лишеніе лицезрѣнія Божія, паче всѣхъ мученій горчайшее мученіе! И какъ только сіе проговоришь, потомъ и помолись, прочитай молитву въ молитвахъ на сонъ грядущихъ: Господи, не лиши мене небесныхъ Твоихъ благъ. Господи, избави мя вѣчныхъ мукъ, и проч., до конца. Надобно учиться и плакать не о временномъ, прискорбномъ приключеніи, а чтобъ вѣчнаго мученія Господь избавилъ и удостоилъ небеснаго своего царствія. Ежели о мірской жизни разсуждать,—долго ли она продолжится, и какое въ ней удовольствіе? Всѣмъ извѣстно, что она самая бѣдственная и краткая; многіе изъ богатыхъ дѣлаются бѣдными, изъ здоровыхъ больными, горбатыми, сухорукими, хромыми, разслабленными, изъ сонныхъ мертвыми; и сколько ежедневно умирающихъ во всякомъ возрастѣ разными и страшными смертями, и безъ покаянія во грѣхахъ! Завидовать мірской жизни нечего. Въ мірской жизни богатыя укра-

[1] Мірское имя Ѳ....и.

шаются одеждами; но душа ихъ обнажена отъ всякаго дѣла благаго. И сколько въ міру живущихъ? Не тысящи, а милліоны. Но много ли во святыхъ? А въ духовной жизни или монастырской живущихъ самая малая частица; но святыхъ большее число, нежели въ міру. Духовная жизнь состоитъ не во внѣшнемъ, тѣлесномъ украшеніи, а въ украшеніи душевномъ; и смерть грѣшниковъ люта, а смерть праведныхъ честна. По слову святаго Писанія: *честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его* (Псал. 115, 6). Вы имѣете юныя лѣта, слѣдовательно не такъ тягостно ваше грѣховное иго; смертныхъ грѣховъ не имѣете, слѣдовательно скорѣе можете Господа умилостивить. Не думайте, какъ жить въ монастырѣ, не имѣя достатка: Христосъ Сынъ Божій попечитель; Онъ обѣщаетъ не только временными снабдить благами, но паче вѣчными. *Ищите*, говоритъ святыми своими устами, *прежде царствія Божія*, *а сія* временная *приложатся вамъ* (Лук. 12, 31). Итакъ, желая вамъ спасенія, желая милости Божіей, пребуду

Архимандритъ Ѳеофанъ.

П . . . М . . . поклонъ объявите отъ меня. Ходите къ М . . . Д . . . , и какіе она будетъ давать совѣты о спасеніи, принимайте и, сколько можно, исполняйте.

20.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Письмо твое я получилъ, въ которомъ увѣдомляете, что Господь привелъ васъ въ монастырѣ быть и причаститься святыхъ таинъ. Слава Богу, сподобившему васъ освятить вашу душу и тѣло! Великое Его къ намъ милосердіе, что Онъ тлѣнныхъ насъ нетлѣнными творитъ чрезъ причастіе Божественнаго тѣла и крове. Должно чувствовать Его къ намъ великое милосердіе. О семъ упоминается въ канонѣ о причащеніи сего великаго таинства: *оле благоутробія Божія! како Божественнаго тѣла и крове*, *бреніе*, *причащаюся*, *и нетлѣненъ сотворяюся*! Какъ вы думаете, можно ли

намъ за великія Его благодѣянія, изліянныя на насъ, Ему заслужить? Онъ насъ избавилъ отъ ада, даровалъ всѣ земныя блага, на что́ ни посмотримъ—все Его твореніе, все для жизни нашей устроено, обѣщалъ намъ, по временной сей жизни нашей, вѣчную жизнь, уже не земную, но небесную, и Себя истощилъ, восхотѣлъ закланъ быти яко овча грѣхъ ради человѣческихъ, и предалъ себя вѣрующимъ, и соблюдающимъ волю Его святую, по слову Его святому: *ядый Мою плоть, и піяй Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ* (Іоан. 6, 56). Итакъ, имѣя таковыя неизреченныя милости, не должно ли въ здѣшней жизни потрудиться, чтобъ угодить Ему, а не прогнѣвать Его. Здѣшняя жизнь—одна только тѣнь, по слову святаго Апостола Павла: *наше житіе на небесѣхъ есть, отонудуже и Спасителя ждемъ Господа нашего Іисуса Христа: иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его* (Филип. 3, 20). Еще тамъ же: *радуйтеся всегда о Господѣ: кротость ваша* (и смиреніе) *разумна будетъ всѣмъ человѣкомъ. Господь близъ. Ни о чемъ же печытеся, но во всемъ молитвою и моленіемъ, со благодареніемъ прошенія ваша да сказуются къ Богу. И миръ Божій превосходяй всякъ умъ да соблюдетъ сердца ваша и разумѣнія ваша о Христѣ Іисусѣ. Прочее же, братіе моя, елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродѣтель, и аще кая похвала, сія помышляйте, сія творите: и Богъ мира будетъ съ вами* (гл. 4, 4—9).

Вы пишете, что ваши родственники вамъ препятствуютъ въ начинаніи вашего благаго дѣла. Они не съ тобою дѣло хотятъ имѣть, а съ Христомъ Сыномъ Божіимъ, но противиться имъ волѣ Божіей опасно; Онъ изволилъ пречистыми своими устами сказать: *никто не можетъ пріити ко Мнѣ, аще не Отецъ небесный привлечетъ его* (Іоан. 6. 44). Вы себя предаете Богу, а они хотятъ отторгнуть васъ, и можете сказать: *отецъ мой и мати моя остависта мя, Господь же воспріятъ мя* (Пс. 26, 10). Родственникамъ твоимъ хочет-

ся, чтобъ ты прежде поработала сатанѣ льстивому, а потомъ уже Богу, сперва плоть свою замарать смертными грѣхами, потомъ уже очистить ее, ежели только будете имѣть время къ покаянію. Христосъ Сынъ Божій намъ о двухъ путяхъ возвѣстилъ: одинъ съ широкими вратами и съ пространною дорогою, которая ведетъ въ пагубу, а другой съ узкими вратами и тѣсною дорогою, которая ведетъ въ животъ. Родственники твои желаютъ тебѣ пространнаго пути, чтобы ты оставила Бога, забыла Его благодѣянія, забыла званіе Его, забыла вѣчное наслѣдіе свое, въ царствіи небесномъ приготовленное, а чтобъ все сіе пренебрегала и подвергла себя распутной жизни, что́ дѣлается на пространномъ пути, вводящемъ въ пагубу,—чтобъ и ты то же дѣлала. Избави тебя Боже о семъ пагубномъ пути и помыслить; не оставляйте Господа Бога, не оставляйте шествовать тѣснымъ путемъ, по которому шествовалъ самъ Господь, и сказалъ: *Азъ есмь путь и животъ* (Іоан. 14, 6). Онъ тебѣ предводитель; скорѣе забудетъ матерь изчадіе свое, нежели Онъ забудетъ предавшихся Ему.

Если что́ противное случится ощутить въ мысляхъ своихъ, повергните себя предъ Нимъ, и говорите отъ всей души и мысли: не остави мене, Господи Боже мой, ниже отступи отъ мене; помози ми, яко немощна есмь. Когда родственники твои тебя будутъ развращать, а ты помолися Господу и попроси: Господи, что́ мнѣ въ отвѣтъ сказать? Ты меня научи! Итакъ, въ тотъ же часъ услышите: не пецыся, что́ отвѣщавать: Азъ дамъ тебѣ уста и премудрость, ей же не могутъ стати противляющіися ей. Итакъ, желая вамъ милости Божіей и чадомъ Божіимъ быти, пребуду

усердный вашъ доброжелатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

Къ преподобнѣйшей М... Д... въ духовномъ семъ святомъ великомъ дѣлѣ относитесь, а паче во время смущенія и помысловъ, наносящихся отъ врага; повременамъ прочитывайте житія святыхъ и преподобныхъ матерей: оныя вамъ

будутъ въ пользу. Ежели стяжете Христово смиреніе, Богъ избавитъ тебя отъ паденія: *гордымъ Богъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Притч. 3, 34).

21.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Преподобная М.... Ѳ....

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Письмо твое получилъ, на которое кратко отвѣчаю: не малодушествуйте; спасеніе зависитъ отъ Господа; Его должно просить, а мы сами собою ничего добраго сдѣлать не можемъ. Представляйте себѣ царствіе небесное; имя твое извѣстно на небесѣхъ; Богъ хощетъ, чтобы мы были наслѣдниками онаго; представляйте и вѣчную муку. Читайте въ вечернихъ молитвахъ 24 прошеніе: Господи, не лиши мене небесныхъ Твоихъ благъ. Господи, избави мя вѣчныхъ мукъ; а въ утреннихъ молитвахъ: многомилостиве, и всемилостиве Боже мой, Господи Іисусе Христе, и проч. И себѣ говорите: Ѳ...., доколѣ будешь врагу угождать, празднословить, смѣяться, шутить безвременно, излишне пить и ѣсть, доколѣ будешь осуждать, завидовать, лѣниться? Итакъ, попросите Господа, чтобъ Онъ исправилъ недостатки: *отъ Господа стопы человѣку исправляются.* Читайте еще молитву послѣ третьяго часа: Владыко, Отче Вседержителю... Итакъ, уповайте на милость Божію, а не на себя надѣйтеся, и спасетеся. Непрестанно помните Господа и молитесь, говоря: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшную.

Итакъ, пребуду
усердный вашъ доброжелатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

Получено 21-го декабря 1828 г.

22.

КЪ МАТЕРИ І.....Ѣ.

Вы желаете отъ меня наставленія, какъ провождать жизнь сію временную. Долгъ нашъ предъ Создателемъ въ томъ состоитъ, чтобъ не любить и не предпочитать паче Его ничего изъ существъ временныхъ. И говорить должно съ пророкомъ

и царемъ Давидомъ: *имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже. Возжада душа моя къ Богу крѣпкому живому: когда пріиду, и явлюся лицу Божію? Быша слезы моя мнѣ хлѣбъ день и нощь. Вскую прискорбна еси, душе моя? и вскую смущаеши мя? уповай на Бога, яко исповѣмся Ему, спасеніе лица моего, и Богъ мой* (Псал. 41, 1—4). Вамъ извѣстенъ законъ Господень: онъ состоитъ въ любви къ Богу и ближнему, но любовь къ ближнему чтобъ была безпристрастная. Богъ зоветъ васъ къ святой свободѣ, чтобъ и совершили оную.

Вы протекли уже половину пути безпреткновенно; можете и послѣднюю половину за помощію Божіею совершить, *Любящымъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое* (Рим. 8,28).

Вы получили жребій, и должны говорить: Ты честь моя и жребій, Господи Боже мой, вовѣкъ. Вы имѣете Жениха духовнаго, небеснаго; а врагъ предлагаетъ вамъ жениха земнаго, плотскаго. Съ Женихомъ небеснымъ должно жить вовѣки безконечные, въ царствіи небесномъ; а съ женихомъ плотскимъ здѣсь пожить долго ли, въ разсужденіи вѣчности? Какъ одну минуту! Женихъ небесный въ здѣшней жизни никакой не обѣщаетъ отрады, а изволилъ сказать: *въ мірѣ*, или мірской жизни, *скорбни будете* (Іоан. 16, 33), и предлагаетъ самую тѣсную и прискорбную къ вѣчности стезю, а врагъ предлагаетъ пространный и гладкій путь, по которому съ женихомъ плотскимъ якобы безбѣдственно и радостно будетъ проходить; но къ кому же онъ доведетъ? По слову Христа Спасителя, пространный или широкій путь введетъ въ пагубу. Врагъ тѣсный путь будетъ показывать страшнымъ: тутъ поношенія, укоренія, всякое прискорбіе. Но Христосъ Сынъ Божій сказалъ: *блажени есте, егда поносятъ вамъ, иждепутъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ, на вы лжуще Мене ради: радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ* (Матѳ. 5, 11. 12). Вы скажете: какъ я могу такую бурю и смущеніе перенести, яко волны морскія, колеблющія и великіе корабли, не то что малое суднышко? Но когда святый Апостолъ

Петръ, захотѣвъ по водамъ идти, испросилъ позволенія отъ Христа Сына Божія, увидя Его по водамъ ходяща, и когда Господь повелѣлъ ему идти, онъ пошелъ, а какъ сдѣлалось волненіе, началъ утопать и убоялся потопленія; Христосъ Сынъ Божій что́ сказалъ ему? *маловѣре, почто усомнѣлся еси* (Матѳ. 14, 31)? потомъ запретилъ морю, *и ста въ тишину.*

Итакъ, желаю начать свое правило въ надеждѣ милости Божіей; но только беречь должно умъ отъ помысловъ суетныхъ.

Христосъ Сынъ Божій велитъ учиться не отъ ангела или какого святаго, но отъ Него самого; изволилъ сказать: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ* (Матѳ. 11, 29). Его должно просить, чтобы Онъ просвѣтилъ очи душевныя, утвердилъ въ вѣрѣ, надеждѣ и любви, и наставилъ на истинный путь. Идите, не сомнѣвайтеся, въ слѣдъ Христа Сына Божія; Онъ изволилъ сказать: *Азъ есмь путь* (Іоан. 14, 6). Онъ съ нами до скончанія вѣка, Онъ нашъ въ скорбѣхъ помощникъ. Вы иногда говорите въ себѣ: Господи силъ, съ нами буди; иного бо развѣ Тебе помощника въ скорбѣхъ не имамы, Господи силъ помилуй насъ. А иногда говорите: сердце мое страхомъ Твоимъ да покрыется, смиренномудрствующе, да не вознесшееся отпадетъ отъ Тебе Всещедре. Совѣтую вамъ заказать написать образъ пресвятыя Троицы съ коронованіемъ Божія Матери, чтобъ умъ имѣлъ пристанище, когда читаете *Царю небесный* и *Пресвятая Троице* и *Отче нашъ*, чтобъ научиться, смотря на образъ внѣшними очами, воображать невидимаго, вездѣсущаго, въ Троицѣ единаго Бога.

23.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Письмо ваше отъ 17-го марта чрезъ почту я получилъ, сего апрѣля 15-го числа, на которое отвѣчаю кратко.

Вы изволили рѣшиться по жребію: видно, такъ Господу угодно. Посмотрите на обращеніе небесное, сколько

тысящъ лѣтъ работаютъ солнце, мѣсяцъ, звѣзды и всѣ стихіи, а намъ положено въ здѣшней жизни самое краткое время: *дніе лѣтъ нашихъ, въ нихже 70 лѣтъ, аще же въ силахъ 80 лѣтъ, и множае ихъ трудъ и болѣзнь* (Псал. 89, 10). Вы половину изъ 70-ти прошли и исполняли то, чего требуетъ отъ насъ Создатель нашъ! Ежели не исполняли, что́ препятствовало вамъ, свободнымъ? Можно сказать со святымъ Давидомъ: *прильне душа моя по Тебѣ*, Господи; *мене же пріятъ десница твоя* (Псал. 62, 9), хотя бы съ сего времени. Нынѣ начахъ работати Господеви моему! Я съ моей стороны долженъ сказать: *работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся Ему съ трепетомъ* (Псал. 2, 11). Едва васъ міръ къ себѣ не привлекъ. Посмотрите на мірскую жизнь, какъ тамъ угождаютъ Господу. По слову святаго Апостола Павла: *иже по плоти, плотская мудрствуютъ, а иже по духу духовная*. Плотское мудрованіе смерть, а духовное—миръ духовный, жизнь; плотское мудрованіе вражда на Бога, не покаряется Богу и покориться не можетъ (Рим. 8, 5—7). Когда вы уже рѣшились провождать дѣвственную жизнь, и не просто, а чтобъ угодить Господу, на что́ лучше сего? Воздаяніе вамъ будетъ въ будущей жизни такое, когда скажетъ Господь: *пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Матѳ. 25, 34). Потерпите въ здѣшней жизни, сіе и получите. Изволите писать, чтобъ благословить васъ потрудиться пѣшкомъ идти и въ Горицкій и здѣшній монастырь? Ежели родитель вашъ отпуститъ, я съ моей стороны одобряю, но только, по непривычкѣ вашей къ сему путешествію, совѣтую имѣть для сего повозочку легенькую. Итакъ, желая вамъ всякаго благополучія, а паче душевнаго спасенія, пребуду

усердный вашъ доброжелатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

Апрѣля 15-го дня 1823 года.

Родителю вашему Божіе благословеніе отъ меня объявите.

24.

КЪ НЕЙ ЖЕ

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Письмо ваше отъ 18-го октября я получилъ чрезъ почту ноября 20-го, въ которомъ упоминаете о разстройствѣ въ мысляхъ вашихъ, а паче отъ словъ архимандрита М... , который сказалъ на ваши слова о руководствѣ моемъ вами, что въ этомъ врагъ непремѣнно позавидуетъ. Онъ справедливо сказалъ, и согласно съ святымъ Писаніемъ: *чадо, аще приступаеши работати Господеви, уготови душу твою во искушеніе* (Сир. 2, 1). Однако, должно уповать на защищеніе Божіе. Помощь наша отъ Господа, сотворшаго небо и землю. Ежели будете просить Господа такимъ образомъ: Господи, избави мя отъ всякаго искушенія, и Господь услышитъ молитву твою; а паче должно читать со усердіемъ: *Отче нашъ*. И ежели что̀ ощутите въ мысляхъ своихъ нехорошее, тотъ же часъ или минуту обратите мысль свою ко Господу, и помолитеся, говоря отъ усердія: сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей; въ мысляхъ своихъ можешь представить, каковы мы будемъ во гробѣ, чтобъ освободиться отъ худыхъ мыслей; вознесите мысли свои въ горняя селенія, гдѣ вѣчное житіе наше будетъ; тамъ человѣки подобны ангеламъ будутъ, праведницы просіяютъ яко солнце, тамъ вещественнаго и дебелаго ничего не будетъ; но и здѣсь на землѣ изъ плотскихъ можемъ сдѣлаться духовными, ежели соблюдемъ душу и тѣло въ чистотѣ. Примѣры мы видимъ въ житіяхъ святыхъ: прочтите въ четьи-минеяхъ житіе священномученика Кипріана и святыя мученицы Іустины. Что̀ могъ врагъ сдѣлать, когда св. мученица имѣла надежду на Господа и къ Нему во время нечаяннаго искушенія прибѣгала, и просила Его Божественныя помощи? Такимъ же образомъ и вы можете, ежели ощутите какія нечаянныя мысли, нимало не внимая имъ, прибѣгнуть ко Господу въ нощи и во дни, и говорить: Господи Боже мой, на Тя уповахъ, спаси мя; не остави мене, Господи Боже мой, ниже отступи отъ ме-

не; а себя представьте въ мысляхъ землею и пепломъ. Помыслите, какъ Господь Богъ сохранялъ Іону въ чревѣ китовѣ, три дня и три нощи, и невредима повелѣлъ извергнуть его,—какъ тріехъ отроковъ, вверженныхъ въ пещь огненную, соблюлъ цѣлыхъ, а Даніила пророка отъ снѣденія во рвѣ отъ львовъ. А сколько святыхъ мучениковъ такимъ же образомъ избавлялъ отъ разныхъ мученій! Все сіе вообразя, не отчаявайтесь въ милости Божіей. И ежели будете побѣждать всякую мысль молитвою, съ помощію Божіею, то изъ плотскаго человѣка будете духовною. За всякую мысль, которую побѣдимъ, получимъ воздаяніе или вѣнецъ. Мы сіе хотя помощію Божіею, а не своею содѣваемъ, однако Господь, по своему великому милосердію, за благое наше произволеніе отдаетъ намъ похвалу, яко побѣдителямъ страстныхъ помышленій и вражьихъ предлоговъ. Святый Апостолъ Павелъ говоритъ: *не пріясте бо духа работы паки въ боязнь: но пріясте духа сыноположенія, о немже вопіемъ: Авва Отче. Самый Духъ спослушествуетъ духови нашему, яко есмы чада Божія. Аще же чада, и наслѣдницы: наслѣдницы убо Богу, снаслѣдницы же Христу: понеже съ Нимъ страждемъ, да и съ Нимъ прославимся* (Рим. 8, 15—17). *Аще Богъ по насъ, кто на ны* (ст. 13)? *Сицева убо имуще обѣтованія, о возлюбленніи, очистимъ себе отъ всякія скверны плоти и духа, творяще святыню въ страсѣ Божіи* (2 Кор. гл. 7, 1). Итакъ, совѣтую вамъ боязнь пустую отложить, не думать о томъ, что̀ случится въ будущее время, такъ какъ святый Давидъ сказалъ: *тамо устрашишася страха, идѣже не бѣ страхъ* (Пс. 13, 5). Вамъ врагъ влагаетъ пустое, а вы то пріемлете; а чрезъ то забываете прибѣгать къ Господу съ молитвою, и тѣмъ затрудняетеся побѣду одержать надъ врагомъ; будьте непреодолимы за помощію Божіею; *противитеся діаволу, и бѣжитъ отъ васъ* (Іак. 4, 7),—не собою, но помощію Божіею, и такъ успокойтеся. На письма ваши я отвѣчалъ, только не такъ скоро. Ежели угодно вамъ побывать здѣсь, Богъ благословитъ; а Т... И... пусть попросится

у родныхъ, чтобъ отпустили. Даруй вамъ, Господи, спокойное и мирное пребываніе. Пребуду

усердный вашъ доброжелатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

Декабря 7-го дня 1823 г.

Для дороги нужно вамъ имѣть спутницу—непрестанную молитву ко Господу и Божіей Матери, къ святымъ безплотнымъ силамъ, Ангелу хранителю и всѣмъ святымъ, чтобы умъ не былъ празденъ.

25.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Милость Божія да будетъ съ тобою.

Пріѣхавши я въ Горицкій монастырь сего августа 11-го числа, письмо ваше отъ М... Д... получилъ, на которое отвѣтствую.

Какъ родитель вашъ при старости, то должно вамъ его успокоить своимъ при немъ пребываніемъ, а потомъ, какъ Господь устроитъ о вашей жизни, предайтеся въ волю Его святую. Васъ страшаетъ монашеская жизнь, и говорите, что не всякій ее вынести можетъ, а Христосъ изволилъ своими пречистыми устами сказать: *иго Мое благо, и бремя Мое легко есть* (Матѳ. 11, 29), легко оное въ надеждѣ милости Божіей кроткимъ и смиреннымъ; а тяжело гордымъ и тщеславнымъ, которые понести оное не въ состояніи, потому что, какъ сказано: *гордымъ Богъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Іак. 4, 6). Будьте ученицею Христа Спасителя нашего. Онъ изволилъ пречистыми своими устами сказать: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ* (Матѳ. 11, 29); вотъ въ чемъ спокойствіе наше состоитъ! въ кротости и смиреніи, и никакого затрудненія въ продолженіе дѣвственной жизни быть не можетъ. Святый Апостолъ пишетъ къ коринѳянамъ (гл. 6, ст. 16, 17 и 18): *вы есте церкви Бога жива, якоже рече Богъ: яко вселюся въ нихъ и похожду, и буду имъ Богъ, и тіи будутъ Мнѣ людіе. Тѣмже изыдите отъ среды ихъ, и отлучитеся, глаголетъ Господь, и нечистотѣ не прика-*

сайтеся, и Азъ пріиму вы. И буду вамъ во Отца, и вы будете Мнѣ въ сыны и дщери, глаголетъ Господь Вседержитель (2 Кор. 6, 16—18). Можете ль, А... С..., понять, сколь великое къ намъ грѣшнымъ милосердіе еще въ здѣшней жизни; а въ будущей какое воздаяніе? *Ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящымъ Его* (1 Кор. 2, 9). Но хотя великое и умъ человѣческій превосходящее обѣщаніе, но мало кто обращаетъ къ сему великому воздаянію сердце свое. Вы начало положили путемъ спасительнымъ шествовать къ блаженной вѣчности; не оставляйте онаго. Въ мірской жизни болѣе препятствія ко спасенію, нежели въ монастырской. Болѣе увидите и услышите вреднаго; должно остерегаться и не попускать входить вреднымъ мыслямъ въ сердце свое. Какъ только ощутите ихъ, скажите въ себѣ: *сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей. Не отвержи мене отъ лица Твоего, и Духа Твоего святаго не отъими отъ мене; воздаждь ми радость спасенія Твоего, и Духомъ владычнимъ утверди мене* (Пс. 50, 13. 14). А ежели какое случится прискорбіе, скажите: *вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаеши мя, уповай на Бога, яко исповѣмся Ему, спасеніе лица моего и Богъ мой* (Пс. 41, 12). Итакъ, противъ всякой мысли находите врачество изъ священнаго Писанія. Я, желая вамъ та благая получить, яже уготова Богъ любящимъ Его, пребуду

усердный спасенія вашего желатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

26.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Письмо ваше отъ М... Д... я получилъ здѣсь, въ обители нашей, въ которомъ не что другое объявляете, какъ усердіе свое послужить Господу Богу, Создателю своему. А Господь, видя расположеніе, устроитъ путь твой ко спасенію, по своему премудрому предувѣдѣнію; но съ твоей стороны

нужно просить: *скажи мнѣ, Господи, путь, въ онь же пойду, яко къ Тебѣ взяхъ душу мою* (Пс. 142, 8). А притомъ уменьшать должно мысли, приводящія васъ въ смущеніе и недоумѣніе о предбудущемъ временномъ произшествіи въ жизни вашей, а предавайте себя волѣ Его святой, и говорите противу всякаго недоумѣнія: да будетъ воля Твоя, Господи Боже мой! Послужите родителю своему до смерти его... Тогда уже можете рѣшеніе получить, и избрать полезное для полученія вѣчнаго блаженства; но и нынѣ просите Господа, чтобъ сохранилъ душу твою отъ яда смертнаго, грѣховнаго. Не попускайте ни на минуту въ сердце свое вредныхъ мыслей, а да будетъ сердце твое храмъ Тріѵпостасному Божеству. Себя почитайте грѣшницею, не желайте никакихъ сонныхъ видѣній съ хорошей стороны, не страшитесь никакихъ отъ врага устрашающихъ васъ мечтаній. Прибѣгайте ко Господу съ усердною молитвою; Онъ помощникъ вамъ въ день брани: *нѣсть наша брань въ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ, къ міродержителемъ тьмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ; облецытеся во вся оружія Божія, да возможете противитися въ день лютъ* (Ефес. 6, 12. 13). Итакъ, да будетъ Господь съ вами. Пребуду

доброжелатель вашъ.

Архимандритъ Ѳеофанъ.

27.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Милость Божія да будетъ съ тобою.

Письмо ваше я получилъ отъ Б... Они здѣсь пріобщались святыхъ таинъ; я, сколько могъ, говорилъ страждущей, чтобъ больше умными очами ничтожество свое воображала; и что̀ мы значимъ въ здѣшней жизни? Одна малѣйшая песчинка, или пища червей. Что̀ есть Господь Богъ? Что̀ мы видимъ, сотворено единымъ словомъ: *Той рече, и быша; той повелѣ, и создашася*!

Теперь на ваше письмо отвѣтствую. Вы изволите писать, что не можете имѣть въ себѣ непрестанной молитвы ко Го-

споду; сіе сокровище пріобрѣтается долгимъ временемъ,—но хотя почаще себѣ напоминайте: А... [1], ты забылася; хорошо ль ты думаешь, и къ чему свои душевныя очи обращаешь? Господь здѣсь, иже вездѣ сый и вся исполняяй; потомъ скажи себѣ: не остави мене, Господи Боже мой, ниже отступи отъ мене; я отвратила мои душевныя очи отъ Тебя; Ты, Создателю мой, не отврати лица Твоего отъ мене; призри на мя и помилуй мя. Молитвою отрѣвайте прилоги вражіи, неполезныя, а паче вредныя. Итакъ, непрестанно говорите: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшную; или: Господи помилуй; и другое что́ отъ божественнаго писанія напоминайте себѣ. А паче отечество свое небесное, нескончаемое никакими милліонами лѣтъ, воображайте, а себя смиряйте въ мысляхъ своихъ, что хуже всѣхъ, какъ Христосъ Сынъ Божій изволилъ пречистыми своими устами сказать: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ.* Того желая вамъ, пребуду

усердный вашъ доброжелатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

Іюля 4-го дня 1824 г.

28.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Милость Божія да будетъ съ тобою.

Письмо ваше, минувшаго іюня отъ 30-го числа отъ васъ посланное, съ почты я получилъ сего іюля 16-го числа. Въ немъ вы описываете всю чрезмѣрную свою горесть, по случаю кончины своего родителя, и что онъ предъ кончиною исповѣдывался и святыхъ таинъ пріобщался и 22-го числа минувшаго іюня скончался. Слава Господу Богу, что отошелъ отъ здѣшней жизни съ надежнымъ напутіемъ въ вѣчную жизнь; излишне печалиться вамъ не должно, и грѣшно. Вамъ извѣстно, что угодно Господу, чтобъ мы всегда готовы были къ исходу изъ здѣшней жизни. Хотя и сказано: *дніе лѣтъ нашихъ, въ нихже седмьдесятъ лѣтъ, аще же въ силахъ, осьмдесятъ*

---

[1] Мірское имя І.....и.

лѣтъ (Пс. 89, 10), однако рѣдкіе до сихъ лѣтъ доживаютъ. Но родитель вашъ срокъ сей выжилъ; должно благодарить вамъ Господа, что удостоилъ его христіанской кончины. Вы имѣли отца по плоти, а теперь должны имѣть Отца по духу, Создателя своего, прещедраго и всемилостиваго и всѣхъ благъ подателя. Всю свою надежду возложите на Господа; а на Господа имѣвый надежду выше есть всѣхъ скорбящихъ. Вы теперь свободны послужить Господу Богу, а ежели послужите Ему и волю Его исполните, съ нимъ всегда будете, по слову Его святому: *Аще кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдствуетъ: и идѣже ссмь Азъ, ту и слуга Мой будетъ* (Іоан. 12, 26). Мы всѣ странники въ здѣшней жизни, а настоящее житіе наше на небесѣхъ; должно желать сего, чтобъ достигнуть своего отечества. Письмо прежде сего я съ почты получилъ, а при немъ и листочки, чтобъ на нихъ что нибудь написать; но я ничего не писалъ, а совѣтую читать вамъ, А.... С..., отеческія книги, святаго Лѣствичника, и Ефрема Сирина, и прочія; довольно ко спасенію нашему тамъ написано.

Архимандритъ Ѳеофанъ.

Іюля 18-го дня 1826 г.

29.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Письмо ваше я получилъ, въ которомъ описываете свое прискорбіе, что не имѣете своего пристанища, и отъ своего брата, по пріѣздѣ къ нему въ домъ, претерпѣли великое огорченіе. Отъ меня просите совѣта, и чтобъ я благословилъ васъ, гдѣ и какъ жить. На сіе вамъ отвѣтствую: разберите всѣ мѣста. Видѣли вы Ѳерапонтовъ монастырь, но тутъ вы не можете основательно жизнь навсегда провождать; должно заведеніе имѣть какъ въ мірской жизни, но ежели, какъ вы говорите, жить во Мценскѣ, тожь домъ должно имѣть; и въ своей деревнѣ тожь; но для спасенія лучшее самое средство— въ Горицкомъ монастырѣ: тутъ служба Божія всегда, поученія вседневныя въ церкви, въ разговорахъ не мірскихъ, а

болѣе въ духовныхъ упражняются; на строеніе, ежели вамъ хочется келлію особенную имѣть, немного кошту и попеченія потребно. Пища ежели для васъ непріятна покажется и скудна, можете, по благословенію матери игуменіи, что нибудь и лишнее имѣть; для васъ пищи немного надобно. Сколько живущихъ въ Горицахъ изъ воспитанія нѣжнаго, но я не слышалъ ни отъ кого, чтобъ не довольны были, а всѣ довольны и спокойны. Тутъ за лучшее мѣсто для спасенія почитаю; только одно нужно, чтобъ научиться духовной жизни, которой вы еще не учились. Она въ томъ состоитъ: о всемъ благодарить Господа, работать Ему со страхомъ и трепетомъ, не роптать въ скорбныхъ приключеніяхъ, а сносить спокойнымъ духомъ, и говорить себѣ, что должна терпѣть: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши* (Лук. 21, 19). Не надобно въ примѣръ приводить нетерпѣливыхъ и ввергать себя въ пустую боязнь и отчаяніе до безумія, а приводить въ примѣръ терпѣливыхъ, которыхъ никакія скорби и напасти и нужды не поколебали, и никакихъ суетныхъ мыслей отъ врага не принимали. Самъ Христосъ Сынъ Божій сказалъ: *въ мірѣ* (т. е. мірской жизни) *скорбни будете, но дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. 16, 33). *Азъ избрахъ васъ отъ міра сего, сего ради ненавидитъ васъ міръ* (15, 19); *ищите* прежде *царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ* (Лук. 12, 31), т. е. временная, для пищи, питія и одежды. Въ мірской жизни—какъ въ волненіи морскомъ должно жить, а въ монастырѣ—яко въ тихомъ пристанищѣ, какъ въ домѣ Божіей Матери, и всѣ мірскія мысли побѣдить должно. Христосъ Сынъ Божій къ таковымъ сказалъ: *побѣждающему дамъ сѣсти на престолѣ Моемъ, якоже и Азъ побѣдихъ, и сѣдохъ со Отцемъ Моимъ на престолѣ Его* (Апок. 3, 21). Много было при Христѣ Сынѣ Божіи, которые не послѣдовали ученію и житію Его, по внушенію вражіему, и возвратились въ мірскую жизнь, и ничего объ нихъ уже не извѣстно; а которые послѣдовали ученію Его, прославляются на небеси и на землѣ, какъ святые апостолы, святые мученики, святители, преподобніи; ихъ память св. Церковь всегда

совершаетъ и прославляетъ. Вотъ мой вамъ совѣтъ; однако я сіе рѣшительно не утверждаю, ежели же на сей совѣтъ будете не согласны, то уже въ волѣ вашей состоитъ избрать вамъ мѣсто для житья. Однако, съѣздите въ свою деревню, посмотрите житіе своихъ крестьянъ, чѣмъ они промышляютъ и какія имѣютъ выгоды. Ежели мѣсто хорошо и выгодно для житья вашего, то хотя въ деревнѣ или въ городѣ расположитеся жить; а въ пустынѣ тамошней жить вамъ не совѣтую, потому что подумаютъ, что вы имѣете при себѣ богатство, и врагъ худыхъ людей нашлетъ озлобить васъ, какъ мнѣ случилось знать одного пустынника, монаха Досиѳея, близъ Площанской пустыни жившаго, отъ города Сѣвска недалече отстоящей; его нашли въ лѣсу убитаго: видно, что худые люди думали у него найдти богатство. Итакъ, описавъ всѣ мѣста, на разсмотрѣніе ваше предлагаю и пребуду усердный вашъ доброжелатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

Мая 7-го дня 1827 г.

30.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Письмо ваше получилъ, въ которомъ упоминаете, что уже одѣлися въ черную одежду; не думайте, чтобъ сіе было по случаю, но паче Божіе о васъ благоволеніе, чтобъ вы причислены были ко избраннымъ Его, послужить Ему всею душею, всею мыслію и всѣмъ сердцемъ. Не принимайте противныхъ помысловъ, отъ врага влагаемыхъ, и не устрашайтеся будущими искушеніями, а всегда говорите въ себѣ: Господь знаетъ, что́ мнѣ полезно, да будетъ воля Его святая, яко на небеси и на земли; всегда призывайте Его въ своихъ молитвахъ: *близъ Господь призывающымъ Его, призывающымъ Его во истинѣ,—волю боящихся Его сотворитъ, и молитву ихъ услышитъ, и спасетъ ихъ* (Псал. 144, 18—19); послужите своему Создателю въ преподобіи и правдѣ, не огорчайтесь ни на кого, ниже на себя, и не говорите ни о комъ, что́ увидите неполезное; а гово-

рите: *да не возглаголютъ уста Моя дѣлъ человѣческихъ;* (Псал. 16, 4). *Господи, даждь мизрѣти моя согрѣшенія.* Итакъ, да будетъ на васъ Божіе благословеніе.

Одежду вашу я благословилъ. Итакъ, пребуду усердный вашъ доброжелатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

Апрѣля 23-го 1828 г.

31.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Преподобнѣйшая мать І....

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Письмо ваше я получилъ, въ которомъ пишете: что жизнь ваша нынѣшняя вамъ представляется не на пользу. Я много уже слышалъ сіе отъ васъ. Берегитесь, какъ смертнаго яда, сей мысли; врагъ вамъ внушаетъ ее, чтобъ угодное Богу дѣло опровергнуть. Вы были при родителѣ спокойны и все по твоему дѣлалось. Сіе мудрованіе плотское, по слову св. Давида: *въ трудѣхъ человѣческихъ не суть, и съ человѣки не пріимутъ ранъ, сего ради одержа я гордыня ихъ до конца* (Пс. 72, 5—6). Вотъ въ чемъ мірское спокойствіе состоитъ: для погибели одной гордости довольно, потому что *гордымъ Богъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать* (2 Петр. 5, 5). Должно Христа Сына Божія слушать. Онъ изволилъ сказать: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ; иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть* (Матѳ. 11, 20): вотъ гдѣ спокойствіе,—во Христѣ! Вамъ должно благодарить Господа, что привелъ васъ въ духовную жизнь, и причислилъ къ лику ангельскому. Итакъ, вы должны мысль свою возводить въ небесное селеніе, къ Отцу милосердому, который потрудившимся въ здѣшней жизни обѣщалъ воздать награжденіе: *ихже око не видѣ, ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыде* (1 Кор. 2, 9); *тогда праведницы просвѣтятся яко солнце, въ царствіи Отца* небеснаго (Матѳ. 13, 43); *имѣяй уши слышати, да слышитъ.* Онъ же изволилъ сказать: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша* (Лук. 21, 19);

претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ (Матѳ. 10, 22). Итакъ, сіе самымъ дѣломъ должно исполнять. Святые, угодившіе Господу, не скучали причиняемыми имъ оскорбленіями, а еще радовались, будучи во оныхъ. И вамъ совѣтую радоваться о Господѣ, и говорить, что всѣ святы, только я одна грѣшница, и помолиться должно за оскорбившихъ, и будешь дщерь Вышняго. Христосъ Сынъ Божій чего не претерпѣлъ въ здѣшней жизни, нашего ради спасенія? біеніе, поруганіе, заплеваніе и пригвожденіе ко кресту; а мы, спасенія ради своего, и слова скорбнаго не хочемъ великодушно перенести. Недостатки ли васъ будутъ смущать, вспомните слово Христа Спасителя: *ищите прежде царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ* (Лук. 12, 31). *Лучше праведнику малое, нежели грѣшныхъ богатства многа* (Пс. 36, 16); *лучше приметатися*, по слову святаго Давида, *съ домѣ Божіемъ, нежели въ селеніяхъ грѣшничихъ* (Пс. 83, 11). Итакъ, совѣтую вамъ слушать Создателя своего и терпѣливо сносить всякое скорбное приключеніе, нежели быть въ непрестанномъ смущеніи и слушать врага. Онъ всегда влагаетъ мысли противныя ученію Спасителя нашего, чтобы прогнѣвлять Его; а вы утверждайте себя словомъ Его святымъ и непрестанно молитесь умомъ, говоря: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшную и ими же вѣси, судьбами спаси мя. Сего желая вамъ, пребуду

Архимандритъ Ѳеофанъ.

При семъ посылается часть хлѣба и просфора.

32.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Преподобнѣйшая мать І....!

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Письмо ваше я получилъ, въ которомъ пишете о новомъ смущеніи: что братецъ вашъ, который въ Петербургѣ, отдаетъ вамъ домъ въ ваше управленіе. И вы принимаете влагаемыя отъ врага вамъ мысли о удобномъ спасеніи и спокойствіи,—сіе сущій обманъ; вы отъ живущаго въ домѣ брата

не можете быть спокойны, и хотя бы всѣ сокровища міра сего получили, не можете быть спокойны: прейдетъ образъ міра сего; житіе наше на небесѣхъ; тамъ спокойствіе совершенное. Богъ зоветъ ко спасенію обѣщанія ради будущихъ благъ; вы послѣдовали гласу Его; слѣдовательно уже Онъ вашъ помощникъ, руководитель и Спаситель. Предайте себя Его руководству, и промыслу Его о человѣкѣ, безпокоющемъ васъ, какъ васъ Господь наставитъ усмирить.... Остаюсь

вашего преподобія

усердный спасенія вашего желатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

Августа 10-го дня 1828 г.

33.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Преподобнѣйшая мать І....!

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Письмо ваше я получилъ, въ которомъ пишете, что прискорбна душа ваша, и не можете понять, какъ это случилося быть у меня на судѣ; если бы жила въ мірѣ, то не довела бы себя до этого; и думаете, уже теперь не заслуживаете моего руководства; видно, сбылося пророчество архимандрита М..., какъ онъ сказалъ, что непремѣнно врагъ въ этомъ позавидуетъ; и матушку прогнѣвляете; не лучше ли вамъ жить въ Б—скомъ монастырѣ?

На сіе вамъ отвѣчаю: вы знаете ученіе Спасителя нашего, Господа Іисуса Христа; Онъ изволилъ пречистыми своими устами сказать: *блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ; блажени миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся* (Матѳ. 5, 8—9). Итакъ, вы у меня не на судѣ были, а только сдѣлать миръ, чтобы миръ Божій водворялся въ сердцахъ вашихъ; я желаю, чтобъ вы были дщерь Царя небеснаго, а сіе инако получить не можно, какъ уничиженіемъ себя предъ всѣми, что я первая грѣшница и хуже всѣхъ; а когда грѣшница и хуже всѣхъ,—должна всѣхъ почитать, любить всѣхъ, не требуя взаимной любви отъ другихъ, и ни о комъ

худыхъ мыслей не имѣть. Сіе знакъ смиренія. А ежели скорбѣть о томъ, что противное вамъ случилось, сіе ученіе или внушеніе отъ врага, не должно сему внимать, и знакъ сіе гордости; а гордымъ Богъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать. Ежели вы непритворно смирилися, то сдѣлали на небеси радость ангеламъ и всѣмъ святымъ. А ежели почли примиреніе за обиду, то радость врагу; онъ всѣ мысли угодныя Господу превращаетъ въ худую сторону, и даетъ совѣтъ выйдти въ другой монастырь. Господь призвалъ васъ, Ему и повинуйтеся, Его любите, Ему себя предайте, и говорите себѣ: отецъ мой и мати моя остависта мя, Господь же воспріятъ мя. А отецъ М.... архимандритъ сказалъ вамъ то справедливо, что врагъ завидуетъ, что вы посвятили себя Богу и дѣвственную жизнь провождать: сія благопріятная Ему жертва, но врагу противная.

усердный спасенія вашего желатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

Іюля 19-го 1829 г.

Угодники Божіи, когда были въ спокойствіи, просили Господа Бога, чтобъ ихъ оскорбляли; и если случится помалодушествовать и не стерпѣть, то о семъ плакали, что не стерпѣли, и повторяли просить, чтобъ оскорбляли ихъ, и до того доводили себя, что хулимы утѣшались, а хвалимы не возносились, и пребывали въ терпѣніи тверды; желаю и вамъ того же. Едва съ великою нуждою сіе могъ вамъ написать; ежели не будете слушать вражіихъ внушеній, а противиться ему молитвою, бѣжитъ отъ васъ; вы еще не знаете вражіихъ сѣтей; когда Антоній великій увидалъ оныя, спросилъ Господа: кто проходитъ сія? слышитъ отвѣтъ: смиреніе; нижé касаются смиренному!

34.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Преподобнѣйшая мать І....!

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Письмо твое и конверты я получилъ; для меня и не нужны они: писать уже не могу и на ваше письмо, едва рука дви-

жется, пишу. Благословеніе Божіе матери игуменіи я писалъ въ письмѣ матери А . . . ., но и вы еще повторите.

Вы пишете, что нескоро проходитъ огорченіе. Христосъ Сынъ Божій далъ намъ образъ въ терпѣніи; чего Онъ не претерпѣлъ, безгрѣшный, нашего ради спасенія? и изволилъ своими устами сказать: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша* (Лук. 21, 19); *претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ* (Матѳ. 10, 12). Въ мірской жизни вы бы сего не знали; должно побѣдить сію страсть огорченія. Итакъ, желая вамъ спасенія, пребуду вашего преподобія усерднѣйшій всѣхъ благъ желатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

Мая 30-го 1830 г.

35.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Преподобнѣйшая мать І . . . !

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Просфору и баночку морошковаго желе я получилъ; благодарю за усердіе. Вареніе для меня лишнее.

Что касается до спасенія, сіе зависитъ отъ Господа: *просите; и дастся вамъ* (Матѳ. 7, 7). О людяхъ и крестьянахъ хорошенько надобно обдумать, и такъ избрать полезное. О будущемъ, какъ жить, не надобно вдавать себя унынію, и углубляться въ мысли, а говорить: Отче нашъ, и проч., да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли. Господь знаетъ, что̀ полезнѣе, то и сотворитъ. Вотъ примѣръ Ангелики усопшей— сколько пожила! И вся жизнь наша ничто иное, какъ сонное мечтаніе. Да помянетъ Господь душу ея въ царствіи своемъ небесномъ. О келліи, ежели нѣтъ воли игуменіи, скучать не надобно. Писать болѣе не могу. Усердный вашъ доброжелатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

Августа 26-го 1830 г.

36.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Преподобнѣйшая мать І . . . . !

Милость Божія да будетъ съ тобою!

На письмо ваше отвѣчаю: причащаться святыхъ таинъ дѣло полезное, но чтобъ ежемѣсячно обѣщаніе положить, не

совѣтую, потому что случаются непредвидѣнныя препятствія, а притомъ, чтобъ не навести отъ сестеръ на себя мнѣнія, что неосновательно дѣлаете отличіе отъ прочихъ. Я совѣтую хотя не такъ часто пріобщаться, хотя только въ посты, но чтобъ умъ соблюдать въ тишинѣ и спокойствіи, и о всякомъ приключившемся прискорбіи благодарить Господа, и чтобъ избавить отъ смущенія сестеръ. А еще притомъ даю вамъ совѣтъ и кромѣ постовъ пріобщаться святыхъ таинъ, когда случаются изнеможенія и припадки болѣзненные; хотя и часто будете причащаться, то и вамъ полезно будетъ и сестеръ избавите отъ лишняго мнѣнія. Еще пишете, чтобъ вмѣсто молитвы употреблять написанное въ Добротолюбіи Сѵмеона новаго Богослова, въ 43 статьѣ; сіе только должно употреблять, когда нападутъ какіе помыслы, приводящіе въ отчаяніе, или какое невѣріе; но и тогда совѣтую молитвы не оставлять, по слову Христа Спасителя нашего: *непрестанно молитеся* (1 Сол. 5, 17). Всѣ святые учатъ, чтобъ умъ въ молитвѣ упражнялся всегда и не отлучался отъ памяти Божіей. Итакъ, симъ прекратя, пребуду усердный спасенія вашего желатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

37.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Преподобнѣйшая мать І . . . !

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Вы пишете о непрестающемъ смущеніи, и приводите Спасителя нашего слова въ противную сторону; на сіе бы вамъ привести слова же Спасителя нашего: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша* (Лук. 21, 19), и должно бы благодарить Господа, что привелъ васъ въ тихое пристанище, яко въ предверіе царствія небеснаго: толцыте въ сію дверь, и отверзется вамъ; а ежели отбѣжите, то какая вамъ надежда будетъ спасенія? Васъ не гонятъ и не ищутъ на мученія и не вамъ сказано: *аще гонятъ васъ во градѣ, бѣгайте въ другій градъ* (Матѳ. 10, 23); а проповѣдникамъ слова Божія во языцѣхъ. Однако, немногіе скрывалися для пользы другихъ, а

почти всѣ претерпѣли мученія, какъ: св. апостолы, святители, преподобные и прочіе святые. Еще удивленія достойно, что юныя дѣвы какія мученія претерпѣли! Прочитайте житіе ихъ и мученія; а вы не хотите скорбнаго слова снести и приходите въ отчаяніе, и допускаете врага до души вашей; совѣтую вамъ войдти въ себя, и разсудить, что не имѣете здраваго разсужденія о милосердіи Божіемъ, что за малое терпѣніе какое будетъ воздаяніе: *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящымъ Его* (1 Кор. 2, 9). Совѣтую вамъ предать себя волѣ Божіей и говорить всегда: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли*, и просить Его помощи во искушеніяхъ. Итакъ, желая вамъ спокойствія, пребуду

доброжелатель спасенія вашего

Архимандритъ Ѳеофанъ.

38.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Милость Божія да будетъ съ тобою!

На ваше мнѣніе, что худо живете, и приходите чрезъ то въ отчаяніе, отвѣтствую: кто можетъ о себѣ сказать, что хорошо живу? По слову Христа Спасителя нашего: *аще и ся повелѣнная вамъ сотворите, глаголите, яко раби непотребни есмы* (Лук. 17, 10). Въ утреннихъ молитвахъ читаете молитву: многомилостиве и всемилостиве Боже мой, аще бо вѣра яже въ Тя спасаетъ отчаянныя, се вѣрую, спаси мя. Итакъ, не должно отчаяваться въ милости Божіей и слѣдовать внушенію вражію, ищущему погибели нашей; положите всю свою надежду на милость Божію и на предстательство Божіей Матери — вотъ средство ближайшее ко спасенію.

Архимандритъ Ѳеофанъ.

39.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Письмо твое я получилъ и книжку; сію книжку вамъ и возвращаю: кажется мнѣ, что въ ней нѣтъ излишняго; хотя немного писано, но отъ священнаго Писанія свидѣтельство

предложено. Можно вамъ пользоваться, читая оную, когда нужда будетъ, во искушеніи, нанесенномъ отъ врага, приводящаго васъ въ отчаяніе.

О парамапѣ безпокоитеся, что вашего желанія не исполнилъ, и чрезъ то почитаете себя лишенною утѣшенія; я вамъ утѣшенія не временнаго, человѣческаго, а утѣшенія отъ Бога получить желаю. Вы, получивши параманъ, какое можете получить утѣшеніе отъ тлѣнной вещи? Ежели умъ свой къ оной прильпите, то будетъ подобно тому, какъ святый Давидъ говоритъ: *прильпе земли душа моя и утроба моя* (Пс. 43, 26). Но я, исполняя ваше желаніе, параманъ мой при семъ посылаю.

Вы пишете: что даже до раскаянія приводите себя, для чего вошла въ монастырь. Ужель ты не знала, что получить входъ въ царствіе небесное инымъ путемъ не можемъ, какъ тѣснымъ и прискорбнымъ? Святые мученики чего не претерпѣли,— и не отрицались отъ терпѣнія, даже до смерти! Васъ игуменія огорчила, а вамъ бы только сказать со смиреніемъ: согрѣшила, прости, Бога ради; а притомъ и помолиться Господу Богу, чтобъ простилъ согрѣшеніе твое, противъ матери игуменіи содѣланное, и въ себѣ говорить: что я виновата, и истинно себя обвинить, а не игуменію, и такъ исполнила бы слово Божіе: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша* (Лук. 21, 9), и получила бы за терпѣніе истинное, а не притворное, отъ Господа вѣнецъ.

Архимандритъ Ѳеофанъ.

Едва написалъ сіе съ нуждою.

40.

КЪ МАТЕРИ М....Ѣ.

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Присланное отъ вашего братца къ вамъ письмо я, прочитавъ, возвращаю къ вашему преподобію. Даруй, Боже, ему послѣдніе дни жизни своей поработать Господу и получить та благая, яже уготова любящимъ Его. Ежели подумать о вѣчности и воздаяніи праведнымъ, умъ постигнуть не можетъ.

*

Многіе пренебрегаютъ свое спасеніе, предавшись сладострастію; однако нельзя, чтобъ совѣсть ихъ не обличала и не мучила за преступленіе заповѣдей Божіихъ. Да и Господь инымъ терпитъ, ожидая обращенія ихъ и покаянія, а иныхъ за ожесточеніе наказуетъ болѣзнями или самою смертію. Вотъ какая временная жизнь! безпокойная, а паче грѣховная! Мы ежедневно просимъ Господа, безъ грѣха той день сохранитися намъ, однако грѣшимъ словомъ, мыслію и воображеніемъ; но хотя бы признавали свои недостатки: безъ сего уже едваль можемъ пробыть, и сіи недостатки не къ смерти, и смертные грѣхи уже намъ извѣстны; избави насъ, Боже, зла сего! Итакъ, желая вамъ спасенія, пребуду

вашего преподобія

усердный вѣчныхъ благъ желатель

11-іюля. *Архимандритъ Ѳеофанъ.*

Съ великою нуждою пишу отъ головной болѣзни. Благодарю за апельсины; для меня сіе излишне, но усердія ради вашего пріемлю.

41.

КЪ МОНАХИНѢ.

Милость Божія да будетъ съ вами!

Я въ день праздника Преполовенія, во время служенія моего, на проскомидіи вынималъ части изъ просфоры общей о здравіи и спасеніи матери игуменіи вашей, васъ съ сестрицею и прочихъ сестръ, о которыхъ помню, за каждую порознь. Даруй, Боже, чтобы вы были здоровы душею и тѣломъ и послужили Господу Богу съ горячею къ Нему любовію, радовались, а не скорбѣли, и во исправленіи своея жизни не отчаявались. Ежели бы не положено было покаяніе грѣшнику во спасеніе, то бы мы были самыя несчастливыя созданія. Господь Богъ столько милосердъ, что велитъ отпущать грѣхи въ день до седмидесяти кратъ седмерицею (Матѳ. 18, 22). А почему такъ много? Войдите въ мысли свои, сколько оныхъ въ умѣ, или въ душѣ вашей пребываетъ ежеминутно! Для того и должно ежеминутно каяться и говорить: Господи, согрѣшила, прости; Господи, даждь ми исправленіе; Господи,

даждь ми мысль благу. Ежели будете примѣчать свои мысли воображенія, и истреблять худыя и стараться насаждать добрыя, духовныя, то и можете мало по малу исправить жизнь свою. Вы еще новоначальныя, только что вступили въ духовную сію науку и жизнь; въ скоромъ времени не можете истребить мірскіе нравы, мірскія привычки, мірскія шутки и слова, а долго еще мечтаться будутъ и поддѣлываться къ словамъ священнаго Писанія. И для того нужно смирять себя и обращаться къ своему ничтожеству, говоря съ Давидомъ: *скотенъ быхъ у тебе* (Псал. 72, 22); *виждь смиреніе мое и трудъ мой, и остави вся грѣхи моя* (—24, 18); *смирихся, и спасе мя* (—114, 6). А въ смиреніи всѣ добродѣтели заключаются: смиренный—гордиться, тщеславиться, завидовать, враждовать, осуждать, гнѣваться, противорѣчить, отчаяваться, безпокоиться не можетъ. Христосъ Сынъ Божій будетъ вамъ примѣромъ: *научитеся отъ Мене*, говоритъ Онъ пречистыми устами своими, *яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ* (Матѳ. 11, 29). Вотъ отъ чего вы безпокоитесь, что не достигли сего дара; просите, и дастся вамъ. Немного словъ требуется, а только вамъ простенько сказать: Господи, даждь ми смиреніе. Даруй, Боже, вамъ оное получить! Ежели причащались вы святыхъ и пречистыхъ таинъ тѣла и крови Христовой, поздравляю васъ; и да будутъ сія вамъ во исцѣленіе, очищеніе, просвѣщеніе, сохраненіе и спасеніе души и тѣла! А паче причащеніемъ святыхъ таинъ живущаго имѣть въ себѣ Христа, Сына Божія со Отцемъ и Св. Духомъ! Какое къ намъ Его снисхожденіе! Зоветъ къ Себѣ, увѣщаваетъ, обѣщаваетъ съ нами жить, въ насъ обитать въ здѣшней жизни, а въ будущей наслѣдниками дѣлаетъ царствія своего небеснаго. А мы все сіе пренебрегаемъ и занимаемся соннымъ мечтаніемъ и не хотимъ воли Его исполнить; а чего Онъ требуетъ отъ насъ? Паче всего смиренія, Самъ смиривъ Себя и послушливъ бывъ даже до смерти. Немного намъ въ здѣшней жизни пожить; хотя привелось что́ и скорбное потерпѣть, только, дай Богъ,

потерпѣть съ благодареніемъ и смиреніемъ; а потомъ получили бы покойную жизнь въ здѣшнемъ вѣкѣ, а паче въ будущей жизни безконечной—всякій умъ превосходящее блаженство, которое уготова Богъ любящимъ Его.

42.

КЪ ТОЙ ЖЕ МОНАХИНѢ.

Слава Господу Богу, что мы дождались великаго праздника Рождества Христова, и уже празднуемъ оный. Таинство сего праздника святая Церковь намъ открываетъ. Въ чемъ оный состоитъ, мы слышимъ. Дѣва днесь Пресущественнаго раждаетъ, и проч. Дивна дѣла Твоя, Господи! Какую явилъ Онъ къ намъ недостойнымъ милость! какое снисхожденіе! какое смиреніе! Сошелъ съ небесъ, съ высоты славы Своея, благоволилъ родитися отъ Пречистыя Дѣвы въ убогомъ вертепѣ, а не въ царскихъ чертогахъ. *О глубина богатства и премудрости и разума Божія, яко неизслѣдовани путіе Его! Кто бо разумѣ умъ Господень, или кто совѣтникъ ему бысть* (Рим. 11, 33. 34)? Господу Богу чистота души и тѣла — престолъ херувимскій, а не стѣны, упещренныя златомъ. Да и намъ сказано: *или не вѣсте, яко тѣлеса ваша—храмъ живущаго въ васъ Св. Духа суть, Егоже имате отъ Бога, и нѣсте свои, куплени бо есте цѣною; прославите убо Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ и душахъ вашихъ* (1 Кор. 6, 19. 20). А въ другомъ мѣстѣ сказано: *да не царствуетъ грѣхъ въ мертвенной плоти вашей; вы есте церкви Бога жива, якоже рече Богъ, яко вселюся въ нихъ и похожду, и буду имъ Богъ, и тіи будутъ Мнѣ людіе* (2 Кор. 6, 16). *Сицева убо имуще обѣтованія, очистимъ себе отъ всякія скверны плоти и духа, творяще святыню во страсѣ Божіи* (2 Кор. 7, 1). Итакъ, желаю вашему преподобію, чтобы жизнь ваша была благопріятная жертва Богу. Онъ къ намъ столь милосердъ, что не гнушается пребывать въ насъ! Какое должно намъ благодареніе возсылать за всѣ Его милости, что Онъ насъ всѣми благами снабдилъ въ здѣшней жизни, да еще, превосходнѣе сего, обѣщалъ вѣчно съ нами цар-

ствовать на небеси,—чего вамъ желая, пребуду вамъ благожелатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

43.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Письмо ваше съ просфорою, съ отцомъ діакономъ посланное, я получилъ; получилъ же и предъ симъ присланное ваше письмо, но не отвѣтствовалъ потому, что скоро мнѣ должно быть въ вашей обители. Но какъ, ваше преподобіе, скучаете отъ нахожденія непріятныхъ мыслей, которыя отвлекаютъ васъ отъ любви Божіей и дѣтской приверженности къ Нему, то симъ на письма ваши отвѣчаю. Хотя васъ мысли отвлекаютъ отъ полезнаго дѣланія для спасенія и угожденія Господу, но не скучайте пребывать въ полезномъ дѣланіи, то есть, въ памяти Божіей, и почаще повторяйте: что́ ты дѣлаешь? гдѣ ты живешь? Въ земномъ небѣ, и что́ помышляешь? Угодно ли Господу твое душевное жертвоприношеніе? *Се удаляющіися отъ Господа погибнутъ* (Псал. 72, 27); потомъ говорите себѣ: *обратися, душе моя, въ покой твой, яко Господь благодѣйствова тя: яко изъятъ душу мою отъ смерти, очи мои отъ слезъ, и нозѣ мои отъ поползновенія* (Псал. 114, 6. 7). Итакъ, понемножку когда себя увѣщавайте, когда пожурите. Не удивительно, что мысли безполезныя васъ безпокоятъ, потому что онѣ входъ имѣли въ душу вашу свободный и по прежней привычкѣ васъ посѣщаютъ. А вы положите начало сихъ гостей не принимать; ежели будутъ усиливаться, просите Господа со слезами, чтобъ Онъ божественною своею силою подалъ вамъ силы на прогнаніе сихъ мысленныхъ татей, которые расхищаютъ душевное сокровище. Не отчаявайтесь въ милости Божіей, не унывайте, не смущайтесь, говоря съ пророкомъ и царемъ Давидомъ: *вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаеши мя? уповай на Бога, яко исповѣмся Ему, спасеніе лица моего, и Богъ мой* (Псал. 41, 6). Должно главное имѣть намѣреніе, чтобы Господа Бога Предвѣчнаго и всѣхъ тварей Творца всесовершеннѣйшаго, имѣющаго пре-

благодарить за неизреченныя и неисчетныя Его къ намъ милости. Господь Богъ, по невѣдомымъ своимъ судьбамъ, привелъ васъ въ святую обитель на служеніе Себѣ, и вы Ему себя поручили, и имя ваше написано на небесахъ. Сколь Онъ къ вамъ и ко всѣмъ намъ грѣшнымъ милосердъ! По маловременной жизни обѣщалъ жизнь вѣчную, но гдѣ жь? Во царствіи своемъ небесномъ, гдѣ водворяются всѣ небесныя и безплотныя силы, херувимы и серафимы, прославляющіе Господа. Всѣ святые и нынѣ насыщаются видѣніемъ лица Божія доброты неизреченныя, угодившіе Господу. Мы, смотря на всѣ видимыя творенія, и ничего совершенно не постигаемъ; но въ будущей жизни увидимъ, по слову Павлову: *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящымъ Его*. Немного намъ здѣсь пожить, немного потрудиться; Господь немногаго отъ насъ требуетъ; пречистыми своими устами сказалъ Онъ: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ* (Матѳ. 11, 29). Желая вамъ онаго, пребуду усердный вашъ доброжелатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

Матери игуменіи и прочимъ Божіе благословеніе да будетъ, и отъ меня нижайшій поклонъ.

44.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Не скучайте приключившимися прискорбіями: *скорбь терпѣніе содѣловаетъ* (Рим. 5, 3). Мы сами собою ничего хорошаго и угоднаго Господу Богу не можемъ сдѣлать, а должно просить Его божественныя помощи для исправленія нашей жизни, мыслей и желаній, къ благоуспѣшному совершенію начатаго нами путешествія къ вѣчному покою. *Наше житіе на небесѣхъ есть* (Филип. 3, 20). Не отчаявайтесь въ милости Божіей. Просите Его благость, чтобы споспѣшествовалъ Онъ положить благое начало, любить Его, яко премилосердаго Отца, и Ему угождать, Ему посвятить свою жизнь; что-

бы Онъ былъ помощникъ въ кротости, въ смиреніи, въ терпѣніи, въ любви, въ незлобіи и прочихъ добродѣтеляхъ, а паче въ молитвѣ, чтобы мы никакихъ постороннихъ мыслей не имѣли, а только мысленныя очи возводили ко Господу и себя почитали землею и прахомъ. А ежели кто оскорбилъ тебя, и врагъ будетъ представлять тебѣ то лице, чтобы молитву твою въ ничто обратить, или въ грѣхъ привести оную, то вспоминать должно словеса Спасителевы: *егда стоите молящеся, отпущайте, аще что имате на кого, да и Отецъ вашъ, иже есть на небесѣхъ, отпуститъ вамъ согрѣшенія ваша* (Марк. 11, 25). Мы видимъ, что Господь за малое терпѣніе со смиреніемъ, какъ въ здѣшней жизни, такъ наипаче въ будущей награждаетъ. Прочтите сего мѣсяца 25 числа житіе преподобныя Евпраксіи: кажется, не можно послѣдовать ей въ трудахъ и въ смиреніи. Но смиреннымъ дается благодать. Итакъ, по слову св. Апостола Павла, должно радоватися всегда о Господѣ (Фил. 4, 4). *Кротость ваша разумна да будетъ всѣмъ человѣкомъ: Господь близъ* (—5). А Христосъ Сынъ Божій изволилъ пречистыми своими устами сказать: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*, и проч., чего вамъ желая, пребуду усердный вашего спасенія желатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

45.

КЪ ОДНОЙ НОВОНАЧАЛЬНОЙ.

Слава Богу, приведшему тебя въ тихое сіе пристанище и къ желаемому краю! Се Господь исполнилъ желаніе сердца твоего; сподобилъ Онъ тебя и монастыря достигнуть и уже облечься въ новоначальное иноческое одѣяніе. Живи теперь и служи Господу Іисусу отъ вся души твоея. Нѣтъ тебѣ теперь никакихъ препятствій къ тому, чтобы достигнуть вѣчнаго блаженства; было бы только твое непремѣнное желаніе и готовность, а все уже тебя станетъ принуждать по всему пространству заповѣдей Христовыхъ ходить. Ты пишешь поговорить съ тобою о тѣсномъ и прискорбномъ пути; столь небо и подножіе землю, вездѣсущаго, и вся исполняющаго, съ крайнимъ благовѣніемъ хвалить, славословить и

только не уклоняйся съ него, а уже стоишь ты на ономъ. Теперь тебя и понѣжатъ и приласкаютъ: принимай сіе съ благодареніемъ. Послѣ будетъ, что покажется тебѣ: будто и не любятъ тебя, будто обличаютъ тебя и поносятъ, чему ты непричастна; все сіе будетъ, и претерпи Бога ради. Теперь тебя не посылаютъ никуда на послушаніе, кромѣ церкви; будетъ время, что хотя бы и не хотѣла, а должна будешь трудиться, какъ и прочія, сверхъ церковной службы. Буди убо мудра, яко змія, и цѣла, яко голубь. Ласкаютъ,—буди благодарна и считай сіе за милость Божію, влекущую тебя къ себѣ отеческимъ образомъ. Отвращаться будутъ отъ тебя,—считай, что ты сіе заслужила своею неисправною жизнію. Господь Богъ, по неизреченному своему милосердію, хочетъ тебя симъ избавить посрамленія на страшномъ судѣ своемъ и вѣчнаго томленія во адѣ. Буди, при Божіемъ содѣйствіи, во время радости готова на пріятіе печали; во время сытости—на претерпѣніе глада; во время здравія—на перенесеніе болѣзней; во время спокойствія—на всякіе труды; во время изобилія—на вольную нищету. При всемъ же томъ, поминай всегда послѣдняя, т. е. судъ, адъ, смерть и царство небесное. Всегда памятуй, что Господь близъ тебя и призираетъ на всѣ дѣла и мысли, и смотря по тому, какъ сердце твое расположено къ Нему и какъ ты имени Его ради подвизаешься на земли, готовитъ тебѣ таковое воздаяніе на небеси. Никогда не выпускай изъ ума своего, что сія жизнь есть время однихъ трудовъ, скорбей, печалей, болѣзней, лишенія и озлобленій; но покой уготованъ намъ въ будущей жизни. Здѣсь ходившіе узкимъ путемъ, тамъ почіютъ отъ трудовъ своихъ. Здѣсь плакавшіе за царство небесное, тамъ утѣшатся радостію неизглаголанною и некончаемою; уже отрутся слезы отъ очей ихъ и не оросятся ими никогда. Здѣсь смирившіеся Христа ради, претерпѣвшіе Его ради гладъ, жажду, укоризны, вольную нищету и нестяжаніе, ризами некрасящіеся, съ радостнымъ духомъ пребывающіе въ разныхъ послушаніяхъ,—тамъ всѣ таковые яко звѣзды просвѣтятся и

украсятся вѣнцами нетлѣнными и одѣются одеждами славы нескончаемыя.—Здѣсь въ молитвахъ терпѣвшіе и нудившіе себя къ стоянію на молитвахъ церковныхъ и пѣніи, о сколь блаженны! нудится бо царствіе Божіе и нуждницы восхищаютъ оное. Се, чадо, путь узкій, ведущій къ сожитію съ Богомъ и съ Его святыми Ангелами и угодниками. Поминай, какъ Господь самъ пострадалъ и Его мученики и всѣ святые кровію и многими поты восхитили царствіе небесное. Буди съ тобою помощь Божія; притомъ матери игуменіи слушайся во всемъ, говоренное ею яко отъ устъ самого Бога пріемли.

Архимандритъ Ѳеофанъ.

III. КЪ СВѢТСКИМЪ ЛИЦАМЪ.

1.

КЪ ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ Н. М. К.....ВУ.

Милость Божія да будетъ съ тобою!

По отъѣздѣ вашемъ изъ обители, съ первой станціи присланное письмо о всемъ касающемся до меня, по просьбѣ матери вашей, я читалъ, въ которомъ изъясняете, сколь чувствительно вы огорчены кончиною сестрицы вашей, матери Аркадіи, и соболѣзнуете объ оставшихся въ обители двухъ юныхъ сестрицахъ, которыя требуютъ подкрѣпленія въ понесеніи сего нечаяннаго для нихъ прискорбія, а паче утвержденія въ благочестивой жизни; притомъ просите родительницу свою истребовать отъ меня для памяти въ пользу душѣ своеручное наставленіе. —Я вамъ, Н... М..., по недостатку разума, много писать не могу, но въ краткихъ словахъ исполнить желаніе ваше не отрекаюсь.

Вопервыхъ, противъ прискорбія вашего о отшедшей сестрицѣ: вы слышали о ея жизни, по вступленіи въ обитель какую любовь имѣла къ Господу Богу, и любовное обращеніе съ сестрами по плоти и по духу, и со всѣми живущими въ обители сострадательное и благопріятное. Какая жь ея была и кончина? Всѣ въ обители засвидѣтельствовали, что тихая, мирная и благонадежная о полученіи милости Божіей,

обѣщанныхъ ей наградъ, *ихже око не видѣ, ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящымъ Его* (1 Кор. 2, 9). А еще къ сему прибавить, что́ выше понятія нашего, — имѣетъ назначеніе невѣсты, чьей же? Сѣдящаго на херувимѣхъ, Христа Бога нашего. Можно сказать: блаженна ты, Аркадія, удостоившаяся столь великія чести! Ты откинула плоти своей земное одѣяніе, которое и предано до востребованія землѣ, а облеклась въ небесное, приличное невѣстѣ Христовой. Блаженна ты въ дѣвахъ! Немного потрудилась въ земномъ нашемъ небѣ, то есть святѣй обители сей; преселена въ небесныя обители! Итакъ, не должно тебѣ, Н. М., сѣтовать и печалиться о ней, а паче должно радоваться.

Даруй, Боже, и оставшимся сестрицамъ, въ здѣшней жизни и въ святой сей обители, помнить безсмертнаго своего Жениха, Создателя своего, Отца премилосердаго, Промыслителя и Подателя неизреченныхъ вѣчныхъ благъ,—также и родительницѣ вашей; они съ тѣмъ намѣреніемъ здѣсь и живутъ, чтобы угодить Господу Богу. Что́ же можетъ быть превосходнѣе въ здѣшней жизни сего счастія?

Теперь остается вамъ напомянуть: Господь Богъ всѣхъ зоветъ ко спасенію, обѣщанія ради будущихъ благъ; вы живете въ мірской жизни, сіе Господу Богу не противно. Но должно исполнять волю Его. Вамъ извѣстно, что первый долгъ всѣмъ безъ изъятія, въ какомъ бы кто званіи ни былъ, любить Господа Бога отъ всея души и сердечнаго расположенія, и всегда содержать въ памяти всѣ Его благодѣянія къ намъ, а потомъ любить и ближняго, и со всѣми имѣть мирную жизнь, по слову святаго Апостола Павла: *миръ имѣйте и святыню со всѣми, еяже кромѣ никтоже узритъ Господа* (Евр. 12, 14). Что же касается до домашнихъ вашихъ, вы имѣете супругу; почитайте, что она вамъ дана отъ Бога помощницею во всѣхъ вашихъ дѣлахъ, касающихся до управленія домашняго, любите ее совершенною любовію,—сія любовь позволенная и безвредная; остерегайтесь любви непозволенной, такъ, какъ смертоноснаго яда, который умерщ-

вляетъ душу и приводитъ въ развращеніе. Вы имѣете порученныхъ вамъ рабовъ; нельзя не быть бѣднымъ, больнымъ, сиротамъ; должно о нихъ попеченіе имѣть отеческое къ ихъ отрадѣ, а юнымъ приличное лѣтамъ и поученіе: сіе пріятно Господу Богу. Въ приходахъ своихъ, если церкви Божіи въ чемъ нужномъ недостаточны, по возможности помогайте. Что же еще вамъ упомянуть? Я за нужное почитаю, чтобы вы остерегались прогнѣвлять Бога противными Ему Создателю нашему дѣлами. Какія жь они? Маскерады, танцы, игры всякія; а паче во всѣ святые дни обычай вошелъ послѣ Христова Рождества до Богоявленія собираться въ домы и производить шутки, противныя Богу. И просто сіи святые дни называются святками. Церковь святая съ какимъ благоговѣніемъ велитъ провождать дни сіи, ожидая день Богоявленія Господня, когда Христосъ Сынъ Божій, яко человѣкъ, пришелъ на рѣку Іорданъ ко крещенію, и во время онаго родительскій гласъ свидѣтельствовалъ о Немъ, возлюбленнаго Сына именуя, и Духъ въ видѣ голубинѣ извѣствоваше словесе утвержденіе! Сколь велико къ намъ Божіе снисхожденіе! Мы же къ великому дню сему должное приготовленіе оставляемъ въ великомъ небреженіи. Еще же нужно вамъ припомнить о святыхъ постахъ и о постныхъ дняхъ, что не должно пренебрегать ихъ и послѣдовать нынѣшнимъ обычаямъ, а нужно наблюдать, какъ святая Церковь узаконила. Итакъ, съ моей стороны, что я могъ, симъ изъяснилъ; не взыщите, что просто къ вамъ пишу. Желая вамъ всякаго благополучія, пребуду искренній вашъ почитатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

2.

КЪ ОДНОЙ БЛАГОЧЕСТИВОЙ ДѢВИЦѢ.

Письмо твое я получилъ, въ которомъ пишете: какъ спастися? молчать ли лучше, или говорить?

На сіе вамъ отвѣтствую кратко: *время всякой вещи.* Хорошо молчать, хорошо и говорить, но только бы было во славу Божію, со смиреніемъ и безъ тщеславія. Ежели ты

молчаніе почитаешь великою добродѣтелію, то ни въ святомъ Евангеліи, ни въ Апостолѣ сего не видно. А Христосъ Сынъ Божій изволилъ пречистыми своими устами сказать: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ* (Матѳ. 11, 29). Святые утверждаютъ, что какъ единымъ смиреніемъ, съ расположеніемъ внутреннимъ, можно спастися, такъ, напротивъ того, одною гордостію погибнуть можно.

Ежели молчаніе твое приводитъ въ тщеславіе, и тебя почитаютъ за святую, и ты симъ какбы пріобрѣтаешь спокойствіе, великая твоя въ семъ будетъ ошибка. Христосъ Сынъ Божій изволилъ пречистыми своими устами еще сказать и сіе: *аще и вся повелѣнная сотворите, глаголите, яко раби неключими есмы, яко, еже должни бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* (Лук. 17, 10). Итакъ, я тебѣ совѣтую оставить молчаніе, яко неполезное, но говорить лучше; только берегись празднословія; ежели тебѣ вредъ отъ какого человѣка, то должно молчаніемъ отходить отъ такого; а особливо берегись входить въ разговоры съ молодыми людьми мужескаго пола, хотя бы о полезномъ. А ежели изъ женскаго пола, престарѣлыя ли, или молодыя, кои хотятъ спастися, будутъ спрашивать о чемъ, а паче которыя склонны къ раскольническому мудрованію, говорить нужно, чтобы во всемъ послѣдовали святѣй Церкви. Что вы въ своемъ письмѣ упоминаете, что женамъ не велитъ св. Златоустъ учить, а паче молчать,—сіе онъ говорилъ, чтобы въ церкви имъ не дѣлать разговоровъ, да мірскимъ женамъ въ церкви не прилично хотя бы и поученіе читать, и не позволяется потому, что онѣ, не имѣя духовнаго разсудка, а занятыя плотскимъ мудрованіемъ, могутъ таковыхъ же привесть въ соблазнъ, а въ домѣхъ своихъ и женамъ велѣно учить благочестію домашнихъ своихъ. Что жь касается до монастырской жизни, тамъ позволяется за святое послушаніе и молодымъ монахинямъ, или послушницамъ читать, пѣть и поученія по книгѣ говорить, потому что жизнь монастыр-

ская и монашеская должна быть жизнь ангельская; монахинямъ Церковь позволяетъ и въ олтарь входить и пометать соръ. Ты себя посвятила Богу, должна и ты другихъ желающихъ приводить къ Богу, какъ св. Давидъ говоритъ: *научу беззаконныя путемъ Твоимъ, и нечестивіи къ Тебѣ обратятся* (Псал. 50, 15), однако же не должно никого осуждать, а молиться Господу Богу, чтобы Онъ своею благодатію просвѣтилъ сердца, прелестію міра сего омраченныя, а себя почитать внутренно хуже всѣхъ. Живущей съ тобою М. С., ежели она уклоняется отъ Господа и пренебрегаетъ свое спасеніе, скажите отъ меня, что худо ей будетъ тогда, когда будетъ Господь по дѣломъ нашимъ судить насъ, чтобы не услышать страшнаго изреченія: *отъидите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его* (Матѳ. 25, 41). Отъ худой жизни нечего ожидать хорошаго. Св. Апостолъ Павелъ пишетъ: многіе поступаютъ иначе, о коихъ я вамъ часто говорилъ, а теперь даже со со слезами говорю, какъ о врагахъ креста Христова, ихъ конецъ погибель, ихъ Богъ чрево и вся слава въ студѣ ихъ, они мыслятъ о земномъ, а наше житіе на небесѣхъ, откуда и Спасителя ожидаемъ Господа нашего Іисуса Христа. Онъ уничиженное тѣло наше преобразитъ такъ, что оно будетъ сообразно славному тѣлу его (Филип. 3, 18—21).

Итакъ, ежели живущая съ тобою не уцѣломудрится и не будетъ слушать полезнаго совѣта твоего, отпустите ее, пусть пойдетъ путемъ развращеннымъ, какъ св. Давидъ говоритъ отъ лица Божія: *отпустихъ ихъ по начинаніямъ сердецъ ихъ, и пойдутъ въ начинаніяхъ своихъ* (Псал. 80, 13); и ежели послушаетъ тебя и не будетъ отлучаться самовольно, и пребываетъ въ рукодѣліи съ молитвою, то да будетъ на васъ Божіе благословеніе [1]. Я, желая вамъ спасенія вѣчнаго, пребуду доброжелатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

---

[1] Письмо это такъ подѣйствовало на М. С., что она совсѣмъ оставила прежній образъ жизни и удалилась въ Горицкій монастырь.

3.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

На письмо твое отвѣчаю: въ монастырь идти еще не время, а живите въ своей келліи; дѣтей учить вамъ не нужно; а ежели будутъ отдавать учить дѣвочекъ, то можно, чтобъ лишнихъ и неполезныхъ мыслей не было. Ежели кто будетъ отъ васъ просить совѣта или представится другой случай къ обращенію отъ раскола, старайтесь говорить самую истину, внушайте имъ,—за сіе получите великое воздаяніе, по слову Божію: *изводяй честное отъ недостойнаго, яко уста Моя будетъ* (Іерем. 15, 19).

Ежели кто изъ дѣвицъ согласится съ тобою жить, внушать имъ, чтобъ открывали совѣсть и соблюдали послушаніе, и упражнялись въ рукодѣліи, и чтобъ имѣли смиреніе, смиренное слово, смиренные поступки, смиренный взоръ, а при томъ между собою божественную любовь, по слову Христа Спасителя нашего: по тому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученицы, ежели будете имѣть любовь между собою (Іоанн. 13, 35).

Въ церкви читать неприлично тогда, когда священникъ служитъ; у нихъ есть причетники; въ дѣвичьихъ же монастыряхъ читать и пѣть позволено монахинямъ и дѣвицамъ: тутъ собраніе работающихъ Господу, и никакихъ предосудительныхъ разговоровъ не бываетъ. Ежели Господу угодно будетъ, то вы будете монахинею, но только лучше въ монастырѣ, нежели потаенною. Остерегаться должно смѣха и шутокъ, а паче рука съ рукою сцѣпляться или взять за одежду и дернуть къ себѣ, или оттолкнуть отъ себя; берегитесь худыхъ мыслей, худыхъ словъ, роптанія, негодованія, осужденія ближнихъ, гордости и тщеславія: сіе приводитъ въ развращеніе. А св. Писаніе говоритъ: *уклоняющіяся въ развращеніе отведетъ Господь съ дѣлающими беззаконіе* (Псал. 124, 5), то есть, въ муку вѣчную, отъ чего да избавитъ васъ Господь своею благодатію. За симъ пребуду доброжелатель вашъ

Архимандритъ Ѳеофанъ.

4.

КЪ И. Д... ЧУ***

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Письмо ваше я получилъ, на которое еще и до сего времени не отвѣчалъ, по изнеможенію силъ моихъ. Но нынѣ исполняю просьбу вашу и О. И.; отвѣтствую въ краткихъ словахъ.

Христосъ Сынъ Божій пришелъ на землю отъ небесъ, грѣшныя спасти. Онъ изволилъ, вознесшись на небеса, оставить свое ученіе. Его должно просить, чтобъ Онъ благодатію своею вразумилъ насъ, какъ исправить жизнь свою. Совѣтую вамъ читать Евангеліе и апостольскія посланія: тутъ чистѣйшая рѣка ученія; всѣ святые изъ оныя заимствуютъ и напаяютъ жаждущія души, желающія спасенія, ученіемъ своимъ.

Петербургская жизнь не можетъ препятствовать ко спасенію, когда будете Спасителя нашего просить о спасеніи души своей. Онъ изволилъ пречистыми своими устами сказать: *просите, и дастся вамъ* (Матѳ. 7, 7), и еще: *Азъ есмь съ вами*; еще: *безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. 15, 5).

Ежели какая будетъ приходить мысль, противная ученію Его святому, то должно тотчасъ помолиться ко Господу, гдѣ бъ ни случилось, хотя бы между народа, въ мысляхъ своихъ безъ поклоновъ: *отъими отъ мене, Господи, весь помыслъ лукавый, противный ученію Твоему святому, и даждь мнѣ мысль благу творити волю Твою святую.* Ежели случится быть въ гостяхъ въ постные дни, даже въ которые святою Церковію и рыбная пища запрещается, должно соблюсти, найдя какое необходимое дѣло, и удалиться отъ онаго стола. Приведите себѣ на память Спасителево слово: *внемлите себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ и печальми житейскими* (Лук. 21, 34).

Ежели плотскія васъ страсти безпокоятъ, приведите себѣ на память слово Христа Спасителя нашего: *всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (Матѳ. 5, 28).

Ежели случится съ прочими надъ кѣмъ пошутить и посмѣяться, приведите на память слово Спасителево: *глаголю же вамъ, яко всяко слово праздно, еже аще рекутъ человѣцы, воздадятъ о немъ слово въ день судный* (Матѳ. 12, 36).

Итакъ я вамъ, И. Д., только назначилъ, какъ воспоминать словеса Спасителя нашего, при всякомъ противномъ приключеніи слову Его святому, и отгонять вражіи предлоги молитвою, по изобрѣтенію вашему. Ежели будемъ исполнять слово Его святое и заповѣди Его, то получимъ царствіе небесное; а ежели пренебрежемъ — лишимся онаго.

Болѣе писать вамъ не могу. Итакъ пребуду

усердный вашъ доброжелатель

А. Ѳ.

По болѣзни и оскудѣнію силъ, я уже и отъ начальства отказался; глазами худо вижу, а однимъ ничего отъ головной болѣзни, и ни къ кому на письма не отвѣчаю; а къ вамъ, по просьбѣ О. И., кое-какъ написалъ, не взыщите.

6-го іюля 1829 г.

5.

къ д. д—чу***

Милость Божія да будетъ съ тобою и домашними твоими.

Письмо ваше О. І. И., братъ вашъ, мнѣ показывалъ и просилъ меня написать къ вамъ, хотя мало что́, въ отра́ду прискорбія вашего, послѣдовавшаго отъ порученной вамъ должности.

На сіе вамъ, Д. Д., отвѣтствую: когда уже приняли оную должность, скучать не надобно, и не заниматься мыслями о невозможности исправить сей трудной должности по нынѣшнимъ строгимъ обстоятельствамъ. Сія мысль будетъ вамъ наводить во управленіи дѣлъ мрачное замѣшательство, и неспособность въ дѣлахъ, требующихъ скораго исправленія; сія мысль отъ врага, чтобъ навести на васъ искушеніе душевное и привести васъ въ печаль, прискорбіе, въ задумчивость и разслабленіе тѣлесное, что́ случается со многими.

Но какъ вы объясняете въ письмѣ своемъ ко О. И., что

полагаете едину надежду на Создателя, то не должно сомнѣваться въ полученіи помощи Божіей. Онъ изволилъ чрезъ Пророка сказать: *призови Мя въ день скорби твоея, и изму тя и прославиши Мя* (Пс. 49, 15).

Если случится несносная скорбь, или какое искушеніе, стань на молитву во уединеніи, и припадая проси Его благости, чтобъ избавилъ отъ сильнаго всея внутренности возмущенія, и возставшую сильную борьбу въ тишину преложилъ, и не принимайте во время сіе мыслей, что ты грѣшникъ. А какъ Христосъ Сынъ Божій изволилъ пречистыми своими устами сказать: *просите, и дастся вамъ*, и *всякъ просяй пріемлетъ* (Матѳ. 7, 7),—изъ сего реченія не изъемлются и грѣшники, потому что всякъ просяй пріемлетъ. Совѣтую вамъ, Д. Д., во время скорбныхъ мыслей почаще въ себѣ говорить: *вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаеши мя? уповай на Бога, яко исповѣмся Ему, спасеніе лица моего и Богъ мой* (Пс. 41, 6).

Христосъ Сынъ Божій изволилъ всѣмъ правовѣрнымъ пречистыми своими усты сказать: *безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. 15, 5). Его призывайте въ молитвахъ, чтобъ всякое дѣло за помощію Его исправляемо было.

Итакъ, кратко сіе вамъ написавъ, въ пользу вашу, пребуду

усердный вашъ доброжелатель

18-го февраля 1831 года. *Архимандритъ Ѳеофанъ.*

6.

ВЪ ОТВѢТЪ НА ПИСЬМО ОДНОЙ ОСОБЫ, КОТОРАЯ ЛИШИЛАСЬ МУЖА, СЫНА И НАКОНЕЦЪ ДРУГАГО СЫНА, БЫВШАГО ПОСЛѢДНИМЪ ЕЯ УТѢШЕНІЕМЪ И НАДЕЖДОЮ КЪ СОДЕРЖАНІЮ.

Милость Божія да будетъ съ тобою!

Письмецо твое я получилъ, въ которомъ изъясняете свое душевное прискорбіе напоминаніемъ отшедшаго сына твоего отъ здѣшней жизни, и прочихъ прежде отшедшихъ; особливо жь прискорбіе твое чувствительно въ сей радостный пресвѣтлый праздникъ. Прóсите меня, чтобъ я къ отрадѣ твоей— чтó ни есть написалъ, на сіе вамъ отвѣтствую:

Для чего вы такъ предаете себя печали, даже до изнеможенія? Жизнь наша извѣстна, что она временна, дѣти ваши отошли въ отечество свое вѣчное, не земное, но небесное; они предварили васъ или упредили, гдѣ и тебѣ должно быть; отшествіе ихъ точно такъ, какъ бы они отлучились отъ васъ куда нибудь въ гости; и какъ бы вы объ нихъ въ таковой день думали? и не терпѣливо ли отшествіе ихъ снесли? Не малодушествуйте, а просите Господа о терпѣніи, и чтобъ не лишилъ Онъ, по своей милости, васъ небесныхъ своихъ благъ. Вы читаете житія святыхъ: чего съ ними не случалось, а паче со святыми мучениками! Какія претерпѣвали нужды, нужную смерть! А мы, слава Богу, еще противу ихъ прискорбія ни милліонную часть не претерпѣваемъ; страданіе твое противу ихъ ничто; но они по окончаніи страданія наслаждаются вѣчною славою; вы, ежели съ благодареніемъ будете терпѣть ваше скорбное приключеніе, получите съ ними славы вѣнецъ неувядаемый; не скучайте вашимъ прискорбнымъ жребіемъ, опредѣленнымъ вамъ въ здѣшней маловременной жизни отъ Господа Бога, и говорите противу искушенія, на душу вашу приходящаго отъ воображенія: *аще благая отъ руки Господней пріяхомъ, злыхъ ли не стерпимъ?*— сіи слова страждущаго праведнаго Іова; не послѣдуйте безумной женѣ его, нетерпящей прискорбія и внушающей Іову, чтобъ онъ предалъ себя роптанію.—Также и ты, У. К., не ропщи, а благодарна будь предъ Богомъ, сотворшимъ насъ, чтобъ не прогнѣвать Его благость. Богъ знаетъ, что́ намъ на пользу, и по своей премудрости жизнь нашу устрояетъ. Итакъ, совѣтую вамъ радоватися о Господѣ, о вѣчномъ жребіи вашемъ, который вамъ готовится; вы надѣялись въ здѣшней жизни радоваться благоденствіемъ дѣтей вашихъ; сія ложная радость вамъ измѣнила; но сія измѣна десницы Вышняго въ пользу души вашей; хотя бы вы и ничего не имѣли къ пропитанію, не унывайте, съ голоду не умрете: Господь печется о васъ. Итакъ, пребуду усердный доброжелатель

А. Ѳ.

7.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ А. М. ***

Благоденствіе и сладость временная нечто другое, какъ одна мечта. Плакать должно о томъ, чтобъ не лишилъ Господь вѣчнаго блаженства. Настоящая жизнь наша есть жизнь вѣчная. Тамъ наше и богатство, честь и слава. А когда Господь позоветъ насъ въ будущую жизнь, — гдѣ она? на небесѣхъ. Какое разстояніе отъ земли до небесъ? Кто можетъ постигнуть? однако, должно о ней путь совершать безъ провожатыхъ, никто намъ спутниками быть не могутъ, и самые ближніе. Итакъ, не изнуряйте себя плачемъ, и печалію о временномъ, а лучше говорите всегда: какъ Тебѣ Создателю моему угодно, такъ и да будетъ. Святой Давидъ говоритъ о себѣ: *помянухъ Бога, и возвеселихся* (Пс. 76, 4). Отъ огорченій въ здѣшней жизни никто свободенъ быть не можетъ, но только и утѣшенія намъ, какъ единъ Господь Богъ; къ Нему должно прибѣгать, Его просить милости. Вы, когда надобность потребуетъ, П. Я., что́ сказать, сперва помолитесь Господу сими словами: Господи! вложи въ сердце супругу моему, чтобы онъ исполнилъ просьбу мою или совѣтъ мой. Итакъ, ежели Богу угодно и вамъ полезно, то можетъ и исполнитъ. А ежели не исполнитъ, то сказать себѣ: Господи! да будетъ воля Твоя. Примѣчательно, что гдѣ въ домѣ несогласіе, а паче между братіями, тутъ никакое пособіе стороннее не помогаетъ; потому что не въ томъ упражняются, чтобъ трудиться общими подвигами, а только чтобъ кто сколько можетъ себѣ присвоить и утаить. И чрезъ то домы приходятъ въ упадокъ. Даруй, Боже, чтобы между родными вашими было согласіе; пусть молятся Господу о ниспосланіи на нихъ богатыя милости своея; а притомъ, чтобъ наблюдали чистосердечіе и труды, итакъ Божіе благословеніе на нихъ да будетъ. Дѣтей вашихъ обучаться Богъ благословитъ.

Итакъ, желая вамъ съ супругомъ и дѣтьми всякаго благополучія, пребуду

усердный вашъ доброжелатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

8.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Милость Божія да будетъ съ тобою и съ дѣтьми твоими!

Письмо твое я получилъ, а при томъ и посылку вашу сухари и изюмъ; благодарю за усердіе ваше. Для меня не нужно бы сіе вамъ ко мнѣ посылать; но когда уже прислано, съ благодареніемъ долженъ принять. Пишете вы, М. А., о лишеніи своего супруга нечаянною смертію, и о семъ сокрушаетесь сердечно, что не напутствованъ по христіанскому долгу; но какъ извѣстно его расположеніе къ добродѣтельной жизни и усердіе угодить Господу Богу, то нѣтъ сомнѣнія о полученіи милости Божіей. Онъ былъ истинный христіанинъ и сынъ православной Церкви; хотя бы что́ и погрѣшилъ при исходѣ, не исповѣдалъ свои грѣхи, то Церковь святая приносимою къ Господу Богу жертвою и молитвами испроситъ отпущеніе грѣховъ. Излишнюю печаль отложите, также и о дѣтяхъ вашихъ: *возверзи печаль свою на Господа* (Пс. 54, 23). Онъ вдовамъ и сиротамъ Отецъ, и промысленникъ, и питатель; Его просите, яко Отца своего милосердаго, и говорите въ себѣ: въ скорби помянухомъ тя, Господи! Не остави мене, Господи Боже мой! ниже отступи отъ мене, Господи спасенія моего! Возмогайте о Господѣ и въ державѣ крѣпости Его. Я, желая вамъ милости Божіей, пребуду

усердный вашъ доброжелатель

Архимандритъ Ѳеофанъ.

Марта 17-го дня 1832 г.

9.

КЪ И. С.....ЧУ.***

Милость Божія да будетъ съ тобою и съ домашними твоими!

Письмо твое и 20 рублей ассигнаціями я получилъ; деньги отдалъ въ общую монастырскую кружку, а имена, въ письмѣ вашемъ написанныя, внесены въ сѵнодики, въ заздравный и заупокойный. И молитвы Господу Богу приносятся о живыхъ, чтобы Господь Богъ продолжилъ лѣтъ жизни, о усопшихъ, чтобъ Господь Бо̀гъ удостоилъ царствія своего небеснаго.

Притомъ прóсите наставленія, какъ жизнь провождать. Я съ моей стороны чрезъ сіе мало нѣчто упомяну нужное ко спасенію вашему. Первое: должно имѣть вѣру правую; второе: дѣла добрыя.

Что касается до вѣры, вы читаете: «вѣрую во единаго Бога Отца Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ. И во единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божія, Единорóднаго, иже... и проч. И въ Духа Святаго, Господа животворящаго, иже отъ Отца исходящаго... и проч. Во едину святую соборную и апостольскую Церковь. Исповѣдую едино крещеніе, во оставленіе грѣховъ...» Изъ сего исповѣданія вѣры изволите примѣтить: мы всѣ вѣруемъ въ Бога Отца, Бога Сына, Бога Духа Святаго: и сіи три лица по существу единъ есть Богъ, и святая соборная, и апостольская Церковь во всей вселенной едина есть, а другой въ свѣтѣ нѣтъ. Я слышалъ, что въ вашемъ городѣ раскола нѣтъ, а только многіе слагаютъ персты несоотвѣтственно правой вѣрѣ: указательный и средній простерты, а большой съ двумя малыми соединены... Увѣряю васъ самимъ Богомъ, что въ сходность правыя вѣры должно слагать три первые перста—большой съ указательнымъ и среднимъ. Я постриженъ въ Валахіи, близь Аѳонскія горы. Въ Греціи, въ Сербіи, Болгаріи, Валахіи и Молдавіи,—вездѣ крестятся, слагая три первые перста, и во всѣхъ сихъ земляхъ православные христіане единаго съ россійскою Церковію исповѣданія. Двуперстное сложеніе въ Россіи вошло послѣ, а триперстное сложеніе должно быть отъ начала введенія въ Россію вѣры, тому уже 832 года, отъ Греціи, а въ Греціи перемѣны перстовъ не было; также и въ другихъ земляхъ, о которыхъ я выше упомянулъ. А притомъ о перстномъ сложеніи ни въ Евангеліи, ни въ Апостолѣ не упоминается, и оное не изъ седьми таинъ церковныхъ, слѣдовательно относится къ преданію церковному. Ежели бы въ Россіи до стоглаваго собора триперстнаго сложенія не было, то на чтò бы утверждать двуперстное, а отвергать триперстнóе? Но стоглавый соборъ былъ только

въ Россіи и на немъ греческихъ патріарховъ и изъ другихъ вышеписанныхъ земель митрополитовъ не было; то онъ и почтенъ за неправильный. Тогда жь въ Россіи высшихъ наукъ, касающихся до богословія, еще не было; то могли въ Россіи и погрѣшить. Нынѣ же, по благодати Божіей, много у насъ ученѣйшихъ мужей, а паче были: 1) преосвященный *Гавріилъ*, митрополитъ новгородскій и с. петербургскій, при которомъ я былъ келейнымъ іеромонахомъ, мужъ премудрый ученіемъ, а житіемъ добродѣтельный; онъ не могъ ли бы разумѣть, что́ неправо? но онъ за свято почиталъ триперстное сложеніе. 2) *Платонъ*, митрополитъ московскій, извѣстный и въ другихъ земляхъ, тожь мужъ премудрый; онъ о семъ писалъ противъ неправомудрствующихъ. 3) *Никифоръ*, преосвященный греческій, который много обратилъ на Иргизѣ раскольниковъ своими премудрыми доказательствами, когда былъ въ Астрахани архіереемъ, и послѣ былъ уже на покоѣ въ московскомъ Даниловѣ монастырѣ; его есть многія сочиненія: толкованіе на воскресные дни Евангелія и Апостола, и книга увѣщанія на раскольниковъ. Сей преосвященный недавно скончался; онъ мнѣ былъ знакомъ, я у него бывалъ въ Даниловѣ московскомъ монастырѣ. И многіе другіе были премудрые святители, которые святую Церковь охраняли и чадъ святыя Церкви утверждали въ правовѣріи и истинѣ. Ежели же кто и въ маломъ чемъ имѣть будетъ сумнѣніе, и почитать, якобы святая Церковь погрѣшаетъ, истинный сынъ Церкви быть не можетъ, и противенъ будетъ Христу Сыну Божію, по слову Его святому: *слушаяй васъ, Мене слушаетъ, а отметаяйся васъ, Мене отметается.* Сіе сказано святымъ апостоламъ, а отъ апостоловъ преемникамъ ихъ епископамъ, которые управляютъ святою Церковію. Но ежели внимать клеветамъ на святую соборную Церковь (и отъ кого жь? отъ раскольниковъ!), то ничего не можно услышать отъ устъ ихъ, только хулу: они хулятъ святую Церковь, гдѣ самъ присутствуетъ Господь и совершаются страшныя святыя тайны, тѣло и кровь Господа нашего Іисуса Христа; мы ихъ пріем-

лемъ, и вѣруемъ, что есть самое пречистое тѣло, и самая честная кровь Его, какъ Онъ пречистыми своими усты сказалъ: *ядый Мою плоть, и піяй Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ* (Іоан. 6, 56). Но у раскольниковъ сего нѣтъ; потому что нѣтъ у нихъ ни епископовъ, ни священниковъ, и совершать некому; и что̀ они ни говорятъ, только лгутъ; они люди простые и не учены высшимъ наукамъ. Итакъ, я вамъ истину предложилъ. И ежели вы крестите́сь двумя перста́ми, оставьте, а послѣдуйте святѣй Церкви; также и дѣтей и домашнихъ своихъ къ оному приводите, дабы вамъ не быть противниками Церкви и не колебаться мнѣніями. Итакъ, о вѣрѣ довольно написалъ. Теперь о дѣлахъ кратко упомяну. Ежели имѣете что́, то бѣдныхъ не оставляйте; въ супружествѣ вѣрность и согласіе храните; въ торговлѣ справедливость наблюдайте, въ оскорбленіяхъ примиряйтесь: Итакъ, будетъ на васъ благословеніе Божіе. А я, желая вамъ онаго, пребуду

Архимандритъ Ѳеофанъ.

1821 года, декабря 21-го дня.

НѢЧТО О НАЧАЛЬНИКѢ АЛТАЙСКОЙ МИССІИ,
ПОКОЙНОМЪ ОТЦѢ АРХИМАНДРИТѢ МАКАРІѢ.

Однажды отецъ Макарій пришелъ утромъ въ татарскую юрту, съ цѣлію проповѣди слова Божія (онъ проповѣдывалъ Евангеліе на Алтаѣ калмыкамъ и татарамъ). Но въ юртѣ на тотъ разъ случилась одна только татарка, да и та занята была стряпней. Несмотря на то, юрты даромъ онъ не оставилъ, началъ свою проповѣдь, и татарка слушала; только ему и ей много мѣшало плакавшее въ колыбели дитя. Человѣкъ Божій видитъ, что сердце невѣрующей готово принять сѣмя слова Божія и возрастить его, садится къ колыбели, качаетъ, убаюкиваетъ дитя и въ то же время учитъ его мать.

Объ этомъ три или четыре года тому назадъ разсказывалъ, въ присутствіи между прочимъ благочиннаго Томской епархіи, Каинскаго округа, о. Николая Ми—го, преосвященнѣйшій Парѳеній, по тогдашнему мѣсту своего служенія хорошо знавшій отца Макарія, его жизнь и его миссіонерскую дѣятельность. Поводомъ къ разсказу было слѣдующее: обозрѣвая свою епархію, преосвященный замѣтилъ, что одинъ молодой сельскій священникъ не брежетъ о своемъ приходѣ; когда этотъ священникъ, на архипастырскія замѣчанія, началъ отзываться тѣмъ, что прихожане не слушаютъ его, тогда архипастырь вывелъ заключеніе о недостатѣ въ оправдывавшемся пастырѣ любви къ своей паствѣ и усердія къ своему пастырскому служенію, объяснилъ ему, какъ вести свое дѣло, и вотъ при этомъ-то указалъ ему, какъ на образецъ пастырской дѣятельности, особенно въ селахъ и небольшихъ городахъ, на покойнаго алтайскаго миссіонера, о. архимандрита Макарія.

Священникъ Александръ Сулоцкій.

7-го марта 1862 года.
Омскъ.

II.

О ПАСХАЛЬНЫХЪ ПОСЛАНІЯХЪ

СВ. АѲАНАСІЯ АЛЕКСАНДРІЙСКАГО, НАЙДЕННЫХЪ ВЪ ОДНОМЪ ИЗЪ ЕГИПЕТСКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ.

Каждый христіанинъ съ невольнымъ благоговѣніемъ останавливается мыслію предъ именемъ св. Аѳанасія, патріарха александрійскаго. Будучи ревностнымъ поборникомъ православнаго ученія противъ ереси Арія, могучимъ противникомъ язычества въ мрачную эпоху отступничества императора Юліана, дѣятельнымъ двигателемъ духовной и нравственной жизни на востокѣ, св. Аѳанасій является предъ лицомъ исторіи, какъ одинъ изъ величайшихъ умовъ своего времени и какъ доблестнѣйшій образецъ христіанской нравственности. Оттого-то писатели первыхъ вѣковъ христіанской Церкви съ необычайнымъ восторгомъ славили память этого святителя. Такъ Константинъ младшій называлъ его *человѣкомъ Божіимъ*, Ѳеодоритъ—*великимъ просвѣтителемъ*, Іоаннъ Дамаскинъ—краеугольнымъ *камнемъ Церкви*, а Григорій Назіанзинъ говорилъ о немъ: *восхвалять Аѳанасія значитъ восхвалять самую добродѣтель.*

Находясь въ непрерывной борьбѣ за православіе, подвергаясь безчисленнымъ гоненіямъ со стороны враговъ своихъ, пять разъ сведенный съ патріаршаго престола, скитаясь, какъ изгнанникъ, по разнымъ странамъ міра, св. Аѳанасій не имѣлъ возможности писать много,—по крайней мѣрѣ, творенія его, до насъ дошедшія, далеко не могутъ равняться по обширности и разнообразію съ твореніями Іоанна Златоустаго, Василія великаго, Григорія Богослова. Притомъ почти всѣ эти творенія относятся къ великой борьбѣ его съ аріанствомъ

и язычествомъ; бесѣдъ же чисто нравственнаго содержанія, пастырскихъ поученій великаго отца Церкви къ своимъ пасомымъ было очень немного, да и изъ тѣхъ одни вовсе не дошли до насъ, а другія, по крайней мѣрѣ до позднѣйшаго времени, считались погибшими. Къ числу послѣднихъ относятся пасхальныя посланія св. Аѳанасія.

Ученому христіанскому міру доселѣ было извѣстно только весьма незначительное число небольшихъ отрывковъ изъ этихъ посланій, и между ними довольно обширное извлеченіе изъ 39 посланія, заключающее въ себѣ списокъ книгъ священнаго Писанія. Нынѣ, благодаря усиліямъ ученыхъ изслѣдователей священной древности, этотъ важный пробѣлъ въ твореніяхъ великаго патріарха александрійскаго большею частію пополненъ. Двадцать пасхальныхъ посланій св. Аѳанасія открыты, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ египетскихъ монастырей.

Важность этого открытія для богословско-исторической науки очевидна сама собою. Проливая новый свѣтъ на великую личность св. Аѳанасія, пасхальныя посланія патріарха александрійскаго могутъ быть разсматриваемы, какъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ христіанскаго преданія. Они представляютъ богатый матеріалъ для изученія обычаевъ современной Аѳанасію Церкви, ея дисциплины, правилъ благочестія, руководившихъ вѣрующими, и богословскаго взгляда великаго отца Церкви на догматическіе вопросы христіанской религіи.

Какъ ни важно, однакожь, такое открытіе, мы до сихъ поръ не встрѣчали въ нашей ученой литературѣ ни одного извѣстія объ этомъ замѣчательномъ событіи. Это обстоятельство побуждаетъ насъ познакомить нашихъ читателей съ содержаніемъ новооткрытыхъ пасхальныхъ посланій славнаго патріарха александрійскаго; но предварительно мы намѣрены сообщить здѣсь нѣсколько краткихъ свѣдѣній о томъ, какъ совершилось это открытіе [1].

---

[1] Свѣдѣнія эти заимствованы нами изъ Revue contemporaine, livraison du 15 février 1858.

I.

Въ небольшомъ разстояніи отъ Александріи, на лѣвомъ берегу рѣки Нила, тянется долина *нитрійская*, или *натрунская*, названная такъ отъ множества озеръ, производящихъ въ большомъ количествѣ селитру (νιτρολ). Подобно большей части египетскихъ долинъ, это пустынное мѣсто служило убѣжищемъ первымъ подвижникамъ христіанства. Впослѣдствіи, по мѣрѣ того, какъ уединенная отшельническая жизнь уступала мѣсто иноческому общежитію, въ ней явились многіе монастыри, коихъ начало св. Аѳанасій и Созоменъ возводятъ ко времени блаженнаго Аммона и Макарія египетскаго. Руфинъ, посѣтившій эти обители въ 372 году, насчитываетъ ихъ до пятидесяти, а Палладій, епископъ виѳинскій, жившій около того же времени, возводитъ число ихъ до пяти тысячъ. О цвѣтущемъ состояніи этихъ монастырей можно судить по похвалѣ, произнесенной имъ блаженнымъ Іеронимомъ въ посланіи къ Евстохію, въ которомъ онъ излагаетъ жизнь святой Павлы: «городъ Господень Нитрія *(селитряный)*, въ которомъ нечистоты многихъ ежедневно омываются чистѣйшею добродѣтелей *селитрою*» [1].

Хотя мы мало знаемъ подробностей изъ исторіи нитрійскихъ монастырей, начиная съ V вѣка, есть, однакожь, поводъ думать, что они находились въ цвѣтущемъ состояніи до самаго времени покоренія Египта арабами. Событіе это было началомъ упадка монастырской жизни въ этой части востока. Испытавъ всякаго рода гоненія со стороны первыхъ арабскихъ завоевателей, нитрійскіе монастыри были совершенно разрушены кореишитами въ 829 году. Нѣсколько времени спустя, они были перестроены и съ трудомъ ограждали себя, за извѣстную дань, отъ насилій мусульманскихъ ордъ, оспаривавшихъ попеременно другъ у друга обладаніе Египтомъ. При всемъ томъ, число этихъ обителей мало по малу

[1] Oppidum Domini *Nitriam*, in quo purissimo virtutum *nitro* sordes lavantur quotidie plurimorum. Игра словъ, нерѣдко встрѣчающаяся въ твореніяхъ отцовъ Церкви.

уменьшилось: вмѣсто семи монастырей, существовавшихъ въ началѣ XV вѣка, только четыре пережили тяжкую эпоху упадка духовной жизни на востокѣ.

Въ настоящее время эти четыре монастыря, утратившіе уже свою прежнюю славу, существуютъ, однакожь, близъ города Александріи и носятъ имена св. Макарія, св. Висхоя, Варама и пресвятой Дѣвы Маріи. Вотъ какъ описываетъ ихъ одинъ нѣмецкій путешественникъ (докторъ Тишендорфъ изъ Лейпцига): «Каждое изъ этихъ зданій имѣетъ форму параллелограма; за оградой, на одномъ концѣ которой находится большая башня, скрываются мрачныя и полуразвалившіяся келліи монаховъ. Все показываетъ, что обитатели ихъ много заботились объ огражденіи себя отъ нашествія непріятелей. Главныя ворота, ведущія въ монастырь, такъ низки и тѣсны, что чрезъ нихъ съ трудомъ можно пролѣзть; сверхъ того, родъ подъемнаго моста, устроеннаго въ видахъ предосторожности, защищаетъ башню, въ которой находятся часовня и библіотека».

Богатства этой именно библіотеки и составляютъ славу нитрійскихъ монастырей. Монахи, повидимому, съ самаго начала направили свои усилія къ ея обогащенію. Въ 923 году Моисей низибскій, предстоятель монастыря пресвятыя Дѣвы Маріи, вынесъ изъ Багдада и его окрестностей 250 драгоцѣнныхъ рукописей, которыя онъ и внесъ въ монастырскую библіотеку. Северъ, епископъ Гермополиса, при пособіи библіотеки монастыря св. Макарія, составилъ исторію александрійскихъ патріарховъ. Важность этихъ сокровищъ древнехристіанской письменности не ускользнула отъ вниманія западныхъ ученыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, Гассенди говоритъ, что, въ XVI вѣкѣ, францисканскій монахъ Жилль-де-Лошъ имѣлъ случай видѣть въ одномъ монастырѣ натрунской долины болѣе восьми тысячъ рукописей, изъ коихъ большая часть восходили ко временамъ св. Антонія. Въ теченіе XVII вѣка многіе нѣмецкіе и англійскіе путешественники пустились въ розысканіе нитрійскихъ сокровищъ. Въ 1706 году, папа Кли-

ментъ XI поручилъ Иліи Ассемани посѣтить нитрійскіе монастыри съ цѣлію вывезти оттуда въ Римъ сколько возможно рукописей; но написанныя въ началѣ каждаго манускрипта проклятія, которымъ подвергался всякій, кто рѣшился бы выдать хранившіяся въ этихъ монастыряхъ рукописи, были причиною, что монахи съ величайшимъ трудомъ согласились уступить спрійскому ученому небольшое число ихъ. Впрочемъ, и изъ этого числа Ассемани утратилъ часть рукописей во время бури, захватившей его на Нилѣ, такъ что только тридцать четыре изъ нихъ были доставлены имъ въ ватиканскую библіотеку. Впослѣдствіи, родственникъ Иліи, Іосифъ Ассемани, также предпринялъ съ тою же цѣлію путешествіе въ Египетъ; но оно имѣло еще менѣе успѣха. Нитрійскіе монастыри ни подъ какимъ предлогомъ не соглашались разстаться съ своими сокровищами.

Во время египетской экспедиціи Наполеона Бонапарте, въ январѣ 1799 года, французскій генералъ Андреоси, при помощи сопровождавшихъ его ученыхъ (Бертоллѐ, Фурьѐ и Редутѐ младшаго), изслѣдовалъ въ подробности нитрійскую долину и ея монастыри. Результатъ его изложенъ въ очень любопытной запискѣ о долинѣ натрунскихъ озеръ и Безводной рѣки. Довольно подробно описавъ монастыри и ихъ окрестности, генералъ прибавляетъ, говоря о библіотекѣ: «Книги монаховъ суть не что иное, какъ рукописи на пергаменѣ или бумажной ткани, однѣ на арабскомъ языкѣ, другія на коптскомъ, съ арабскимъ переводомъ на поляхъ. Мы видѣли нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ и нашли, что онѣ писаны, повидимому, за 600 лѣтъ до нашего времени.» Во время розысканій генерала Андреоси въ этой части Египта, въ варамскомъ монастырѣ, оставалось только девять монаховъ, въ монастырѣ пресвятой Дѣвы Маріи осемнадцать, въ обители св. Висхоя двѣнадцать и въ монастырѣ св. Макарія двадцать.

Честь извлечь изъ пыли нитрійскихъ библіотекъ хранившіяся тамъ ученыя сокровища принадлежитъ изыскателямъ

англійскимъ. Первый англичанинъ, изслѣдовавшій эту часть Египта (въ 1828 году), былъ герцогъ Нортомберлэндъ [1].

Одиннадцать лѣтъ спустя, докторъ Таттамъ, въ настоящее время архидіаконъ въ Бедфордѣ, вывезъ изъ монастыря пресвятой Дѣвы Маріи, со многими коптскими рукописями, 49 манускриптовъ сирійскихъ. Въ числѣ ихъ находилось твореніе Евсевія, епископа кесарійскаго, о Богоявленіи,—греческій текстъ котораго погибъ, повидимому, невозвратно. Успѣхъ этого перваго предпріятія внушилъ хранителямъ великобританскаго національнаго музея желаніе пріобрѣсть полное собраніе рукописей египетскаго монастыря. Снабженный необходимыми суммами отъ государства, докторъ Таттамъ отправился въ нитрійскую долину въ 1842 году и въ слѣдующемъ году вывезъ въ Англію почти всѣ манускрипты, оставшіеся еще въ монастырѣ пресвятой Дѣвы Маріи.

Вильямъ Кюртонъ, капелланъ королевы Викторіи, которому было поручено разобрать эту нестройную массу рукописей, нашелъ въ нихъ сначала сирійскій текстъ посланій св. Игнатія къ св. Поликарпу, къ ефесеямъ и къ римлянамъ, которыя онъ перевелъ на англійскій языкъ въ 1845 году и сверхъ того большую часть пасхальныхъ посланій св. Аѳанасія, а именно отрывокъ изъ предисловія, окончаніе 6 и начало 7 посланій, отрывки изъ 10 и 11 посланія къ Серапіону и наконецъ посланія 13, 14, 17, 18, 19 и начало 20.

Черезъ четыре года послѣ этого перваго пріобрѣтенія, а именно въ октябрѣ 1847 года, въ британскій музей были присланы и остальныя рукописи, хранившіяся въ монастырѣ пресвятой Дѣвы Маріи. Разсматривая ихъ, Кюртонъ скоро замѣтилъ, что новые манускрипты составляли продолженіе прежнихъ. Къ находившимся уже у него пасхальнымъ посланіямъ св. Аѳанасія присоединились пять первыхъ, отрывки изъ 6, 7, 10 и 11, съ большею частію предисловія. Тогда-то онъ рѣшился издать ихъ въ свѣтъ въ си-

---

[1] Путешествіе его описано въ Quarterly Review, LXXII, n° 153, p. 54.

рійскомъ текстѣ [1]. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1852 году, докторъ Ларсовъ, профессоръ въ Берлинѣ, перевелъ пасхальныя посланія св. Аѳанасія на нѣмецкій языкъ.

Познакомимся вкратцѣ съ ихъ содержаніемъ.

II.

Извѣстно, что съ самыхъ первыхъ временъ христіанства александрійскіе патріархи имѣли обыкновеніе опредѣлять окружнымъ посланіемъ точное время празднованія св. пасхи. Потому ли, что Египетъ считался вообще страною, болѣе другихъ знакомою съ астрономіею, или потому, что періодическія измѣненія Нила заставляли египетскихъ ученыхъ наблюдать съ большею точностію теченіе планетъ, во всякомъ случаѣ, обязанность возвѣщать вѣрующимъ о важнѣйшемъ христіанскомъ праздникѣ, повидимому, составляла преимущество патріаршей каѳедры Египта. Евсевій упоминаетъ уже въ своей церковной исторіи (VII, 20) о пасхальныхъ посланіяхъ Діонисія, 13-го александрійскаго патріарха. Первый вселенскій Соборъ никейскій, постановивъ общее правило о времени празднованія пасхи, возложилъ на епископа александрійскаго обязанность опредѣлять ежегодно самый день свѣтлаго праздника. Въ одномъ посланіи св. Льва великаго, папы римскаго, заключается объ этомъ положительное свидѣтельство: «попеченіе о семъ», говоритъ св. Левъ, «св. отцы возложили на епископа александрійскаго» [2]. Такимъ образомъ, въ день Богоявленія [3], александрійскій патріархъ разсылалъ къ епископамъ своего патріархата и во всѣ египетскіе монастыри окружное посланіе для возвѣщенія вѣрнымъ начала и конца св. четыредесятницы.

Понятно, что св. Аѳанасій, бывшій на никейскомъ Соборѣ главнымъ защитникомъ православія, заботился въ точности исполнить долгъ, возложенный отцами на александрійскаго

---

[1] Подъ слѣдующимъ заглавіемъ: The festal letters of Athanasius, discovered in an ancient Syria version and edited by William Cureton, chaplain in ordineary, to the Queen, assistant keeper of manuscripts in ihe British museum. London, 1848.

[2] Omnem hanc curam alexandrino episcopo delegarunt sancti patres.

[3] Peracto epiphaniorum die, по словамъ Касціана. Collat. X, c. 1.

патріарха. Двадцать пасхальныхъ посланій, въ недавнее время открытыхъ въ нитрійскомъ египетскомъ монастырѣ, служатъ тому непреложнымъ доказательствомъ, и хотя продолжительность епископства великаго святителя (328—373 г.) заставляетъ предполагать, что онъ написалъ бо́льшее число ихъ, но уже и тѣ посланія, которыя нынѣ находятся въ рукахъ нашихъ, вознаграждаютъ отчасти потерю остальныхъ.

Каждое изъ этихъ посланій заключаетъ въ себѣ двѣ части: въ первой содержится увѣщаніе къ точному и непреложному соблюденію поста св. четыредесятницы и къ пасхальному причащенію, его вѣнчающему; во второй заключается распредѣленіе самаго времени, въ которое должны быть выполняемы эти великія обязанности христіанской жизни.

Изъ сказаннаго видно, что пасхальныя посланія св. Аѳанасія александрійскаго имѣютъ прежде всего цѣль практическую. Они носятъ большею частію характеръ бесѣдъ, въ формѣ пастырскихъ окружныхъ посланій. Св. Аѳанасій начинаетъ обыкновенно радостнымъ воззваніемъ. Праздникъ пасхи приближается: его святительское сердце сорадуется духовному веселію своей паствы. Онъ старается раскрыть вѣрующимъ внутренній смыслъ великихъ таинствъ христіанства, которыя онъ разсматриваетъ въ особенности со стороны вліянія ихъ на нравственную жизнь христіанина. Принимая точкою исхода ветхій Завѣтъ, онъ указываетъ на іудейскую пасху, какъ на символъ Пасхи христіанской. Это противоположеніе въ особенности представляетъ ему обильный источникъ для собесѣдованія съ паствою. Должно полагать, что къ этому вынуждало нерѣдко св. Аѳанасія великое число іудеевъ, обитавшихъ въ Александріи. Св. Аѳанасій съ изумительнымъ искусствомъ схватываетъ точки соприкосновенія и различія, существующія между новымъ и ветхимъ Завѣтомъ. Его тонкій и проницательный умъ безъ труда угадываетъ духовный смыслъ малѣйшихъ подробностей обрядоваго закона Моисеева. Отсюда эти примѣненія столько же

новыя, сколько и обильныя, извлекаемыя имъ изъ св. Писанія, и хотя однѣ и тѣ же мысли довольно часто повторяются въ разсматриваемыхъ нами посланіяхъ, но нельзя безъ живѣйшаго удивленія читать эти строки, въ довольно краткомъ увѣщаніи заключающія изложеніе всѣхъ обязанностей христіанской жизни.

Само собою разумѣется, что пренія о вѣрѣ, кипѣвшія вокругъ св. Аѳанасія, находятъ себѣ отголосокъ въ его посланіяхъ. Многія изъ нихъ принадлежатъ къ самому тревожному періоду его жизни. Обстоятельства не всегда позволяли ему выполнять то, на что́ онъ смотрѣлъ, какъ на важный долгъ своего служенія; при всемъ томъ, онъ исполнялъ его всякій разъ, какъ только могъ сообщаться съ своей паствой. Въ примѣръ этого можно указать на четвертое пасхальное посланіе, писанное изъ лагеря императора Константина, къ которому онъ ѣздилъ для оправданія себя отъ обвиненій, взведенныхъ на него мелетіанами. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ онъ извиняется въ медленности, съ которою возвѣщаетъ народу своему о наступленіи великаго праздника.

«Пишу вамъ не въ обычное время, возлюбленные, но надѣюсь, что вы простите мнѣ за это промедленіе, по причинѣ продолжительности пути и болѣзни, меня поразившей. Я не хочу, однако же, откладывать долѣе, чтобы возвѣстить вамъ о празднованіи пасхи, какъ къ тому побуждаетъ меня долгъ мой. И какое время можетъ быть благопріятнѣе, чтобы воспѣть гимнъ освобожденія, какъ не то, когда постыженные враги наши должны подвергнуться суду Церкви? Какая минута удобнѣе, чтобы воззвать вмѣстѣ съ Израилемъ, побѣдившимъ Фараона: «*поимъ Господу, славно бо прославися; коня и всадника вверже въ море*».

Въ другомъ мѣстѣ, какъ, напримѣръ, въ девятнадцатомъ пасхальномъ посланіи, онъ благодаритъ Бога за избавленіе свое отъ гоненія. Возвратившись изъ втораго изгнанія и принявъ участіе въ сардикійскомъ соборѣ, патріархъ съ торжествомъ вступаетъ въ Александрію. Жители города, вопреки

ухищреніямъ приверженцевъ Арія и Мелетія, ни на минуту неизмѣнявшіе въ вѣрности своему пастырю, выходятъ къ нему на встрѣчу и дѣлаютъ ему восторженный пріемъ, описанный св. Григоріемъ Назіанзинымъ въ надгробномъ словѣ Аѳанасію. Проникнутый чувствомъ признательности, патріархъ александрійскій восклицаетъ въ началѣ посланія:

«Благословенъ Богъ, Отецъ Господа нашего Іисуса Христа! Такое начало приличествуетъ нашему посланію. Ибо словами Апостола должны мы возблагодарить Господа за то, что Онъ воззвалъ насъ изъ отдаленной страны и даровалъ намъ возможность возвѣстить вамъ о святыхъ дняхъ, согласно принятому обычаю. Ибо время праздника приближается, братія мои, и самый праздникъ недалеко. Не звукомъ трубъ подобаетъ возвѣстить о семъ, какъ во дни завѣта древняго. Самъ Спаситель провозглашаетъ о томъ устами Павла: *Христосъ заклася за насъ, агнецъ пасхальный.* Это нашъ христіанскій праздникъ, это не торжество язычниковъ.....»

Но, что́ особенно бросается въ глаза въ пастырскихъ поученіяхъ св. Аѳанасія, посылаемыхъ къ вѣрнымъ изъ мѣстъ отдаленныхъ или близкихъ, это заботливость, съ которою великій святитель старается предостеречь ихъ отъ заблужденій Аріевыхъ. Здѣсь онъ неистощимъ. Тѣсная рама пасхальныхъ посланій не дозволяла ему, конечно, развить вполнѣ этихъ великихъ вопросовъ, подобно тому, какъ онъ это дѣлаетъ въ прочихъ твореніяхъ. Но частые намеки на ухищренія еретиковъ показываютъ, какъ постоянно онъ объ этомъ заботился. Иногда онъ даже съ силою возстаетъ противъ безумцевъ, которые, по словамъ его, *умерщвляютъ Слово, раздираютъ ризу Христову, искажаютъ лице Его.* Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно десятое посланіе, относящееся ко времени возвращенія патріарха изъ трирскаго заточенія (въ 336 году). Здѣсь причины поплощенія Слова, въ опроверженіе мнѣній аріанъ, изложены съ необыкновенною ясностію.

«Сынъ Божій пострадалъ, дабы сдѣлать нѣкогда безстрастною природу человѣческую, въ немъ пострадавшую; Онъ

сошелъ съ неба, чтобы насъ возвести на небо; Онъ восхотѣлъ родиться, какъ человѣкъ, дабы пріобрѣсть наши сердца; Онъ принялъ на себя тлѣнную плоть нашу, дабы вложить въ нее начало безсмертія; Онъ осудилъ Себя на немощь, дабы намъ даровать силу; однимъ словомъ, Онъ сдѣлался человѣкомъ, дабы возрожденное имъ человѣчество снова ожило, восторжествовавъ надъ смертію.»

Эти великія мысли, подробнѣе развитыя св. Аѳанасіемъ въ *словѣ о воплощеніи*, повторяются почти во всѣхъ его пасхальныхъ посланіяхъ. Но не одинъ только догматъ о воплощеніи *Слова* святитель александрійскій старается внѣдрить въ свою паству. Онъ попеременно касается всѣхъ вопросовъ христіанскаго ученія. Вотъ какъ выражается онъ о вселенствѣ Церкви, въ одиннадцатомъ посланіи:

«Какое счастіе, братія мои, видѣть, какъ одна и та же молитва, одно и то же благодареніе повсюду возносятся къ Отцу щедротъ, видѣть каѳолическую Церковь распространенною по всей землѣ, видѣть поклоненіе Богу, совершаемое въ одно и то же время и одинаковымъ образомъ. Кто не почувствуетъ въ себѣ волненія при такомъ зрѣлищѣ и кто не возжелаетъ предаться всецѣло Богу?»

Съ неменьшею ясностію св. Аѳанасій опредѣляетъ происхожденіе и причину ересей. Онъ сильно настаиваетъ на необходимости преданія для сохраненія чистаго ученія.

«Еретики», пишетъ онъ во второмъ пасхальномъ посланіи, «правда, читаютъ священное Писаніе, но они нисколько не принимаютъ во вниманіе толкованія святыхъ. Видя въ нихъ только преданія человѣческія, они не признаютъ ихъ авторитета; въ этомъ-то и заключается ихъ заблужденіе.»

Нельзя искать въ этихъ посланіяхъ яснаго изложенія догмата о дѣйствительномъ присутствіи тѣла и крови Христовой въ таинствѣ евхаристіи. Извѣстно, съ какою осторожностію первенствующая Церковь излагала это великое таинство въ писаніяхъ, назначавшихся для всеобщаго употребленія. Нельзя, однакожь, не сознаться, что св. Аѳанасій из-

лагаетъ его на столько ясно, сколько это дозволяла тогдашняя дисциплина Церкви. Всѣ его увѣщанія къ пасхальному причащенію очевидно направлены къ этой цѣли. Если бы возможно было предположить причащеніе чисто символическое, единеніе только образное: то непрестанныя противоположенія между пасхою христіанскою и пасхою іудейскою не имѣли бы никакого значенія; между тѣмъ, патріархъ александрійскій постоянно противополагаетъ одну другой, какъ тѣнь тѣлу, какъ образъ дѣйствительности, какъ пророчество событію. «Мы не вкушаемъ уже», говоритъ онъ въ концѣ четвертаго посланія, «плоть агнца, но собственную плоть Спасителя, который говоритъ намъ: *пріимите*, *ядите и пійте*, *сіе есть тѣло Мое*; *сія есть кровь Моя*. Симъ-то спасительнымъ хлѣбомъ, питая душу нашу, мы поистинѣ воспразднуемъ пасху Христову.» Эти и подобныя выраженія весьма часто повторяются въ пасхальныхъ посланіяхъ св. Аѳанасія, такъ что, собственно говоря, ихъ можно назвать развитіемъ этой главной, господствующей въ нихъ мысли.

Чтобы дать читателямъ полное понятіе объ этихъ посланіяхъ, приведемъ здѣсь и самую форму, въ которой возвѣщалось вѣрующимъ о времени начала и конца св. четыредесятницы и днѣ празднованія пасхи. Распредѣленіе этихъ дней находится въ концѣ каждаго посланія. Вотъ заключеніе десятаго.

«Мы начнемъ постъ четыредесятницы 19 числа мѣсяца мешира (13 февраля), постъ пасхальный 24-го числа мѣсяца фамеиота (20 марта, въ понедѣльникъ страстной недѣли). Мы окончимъ его 29 числа того же мѣсяца (25 марта), въ субботу вечеромъ. За тѣмъ мы будемъ праздновать день воскресенія (св. пасху) и наконецъ вступимъ въ семинедѣльный періодъ времени, заключающійся между праздниками пасхи и пятидесятницы.»

Александръ Поповицкій.

О БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ ДРЕВНИХЪ ХРИСТІАНЪ.

Христіанская любовь—предъ языческимъ эгоизмомъ; благотворительное значеніе жены христіанки; **древняя агапа**—ея названіе, порядокъ, время совершенія; **попеченіе древнихъ христіанъ**: 1) о *бѣдныхъ:* помощь церкви, государей, милостынный сборъ; управленіе суммами, назначенными для бѣдныхъ; удивительные примѣры частной благотворительности; мѣста нищихъ—у входа церквей и темницъ; благоразуміе древнихъ благотворителей; 2) о *больныхъ:* посѣщеніе ихъ, уходъ за ними—какъ со стороны вѣрующихъ, такъ особенно священниковъ; безстрашіе древнихъ христіанъ во время заразъ—замѣчательное свидѣтельство св. Діонисія александрійскаго; параволаны; учрежденіе богоугодныхъ заведеній; 3) о *заключенныхъ въ темницы* за имя Христово; богослуженіе у нихъ, посѣщеніе ихъ—ближними и дальними, благоразумныя предосторожности; 4) о *попавшихся въ рабство:* выкупъ, замѣнъ, помощь осужденнымъ на ссылку и тяжкія работы; 5) о *путешествующихъ:* гостепріимство; страннопріимные дома; рекомендательныя письма—письмо св. Василія великаго; примѣръ епископовъ; 6) объ *умершихъ:* погребеніе; лица, совершавшія его; 7) о *вдовахъ* и *сиротахъ:* содержаніе ихъ, защита, воспитаніе сиротъ.

Семейная жизнь древнихъ христіанъ, въ которой такъ ясно выражалась взаимная любовь супруговъ, родителей и дѣтей [1], служила только прообразомъ ихъ поведенія на великомъ поприщѣ общественной жизни. Здѣсь вполнѣ царствовала любовь, дѣятельная христіанская любовь, и притомъ какъ къ единовѣрцамъ, такъ и къ чужимъ по вѣрѣ, и приводила въ исполненіе слово Господа: *о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 35). Эта любовь основывалась не на побужденіяхъ естественнаго благоволенія и состраданія, не зависѣла отъ измѣнчивости человѣческихъ расположеній, не ограничивалась эгоистическимъ разсчетомъ или политическими цѣлями языческаго государства: она имѣла свой корень въ божественномъ ученіи Господа Іисуса, а потому была всеобъемлюща

[1] Смотр. статью «О домашней жизни древнихъ христіанъ», «Странникъ», 1862 года, февраль, стр. 36.

и неистощима въ своихъ средствахъ. Язычники, несмотря на свое пристрастіе—не въ пользу христіанъ, не могли, однако же, удержаться отъ удивленія при видѣ подвиговъ христіанской любви: «смотрите», говорили они, «какъ христіане любятъ другъ друга и какъ они готовы одинъ за другаго душу положить!» [1] Подобнымъ образомъ выражался о христіанахъ и язычникъ Цецилій въ Октавіи Минуція Феликса. «Они любятъ себя взаимно», замѣчаетъ онъ, «такъ сказать, еще прежде, чѣмъ узнáютъ другъ друга.» Взаимная любовь христіанъ, въ глазахъ язычниковъ, служила ручательствомъ ихъ строгой правдивости и хорошей нравственности, такъ что лучшіе изъ нихъ опровергали обвиненія, направленныя противъ христіанъ, прямо указывая на взаимную христіанскую любовь. Это обстоятельство самымъ защитникамъ христіанства давало въ руки хорошее оружіе. Такъ Тертулліанъ говоритъ язычникамъ: «почему можно узнать насъ,—это прежде всего по мудрости, которая удерживаетъ насъ поклаяться дѣламъ человѣческихъ рукъ; по умѣренности, которою руководствуясь, мы не касаемся добра ближняго; по чистотѣ, которая не позволяетъ даже и глазамъ ни одного неприличнаго взгляда; по милосердію, которое дѣлаетъ наше имѣніе общимъ достояніемъ нуждающихся; по истинѣ, за которую мы готовы и смерть претерпѣть... Вы сами обыкновенно говорите въ разговорахъ между собою: какъ тотъ или другой христіанинъ можетъ быть обманщикомъ, игрокомъ, когда вѣдь христіане не касаются чужаго добра? Какъ можетъ быть онъ столько жестокъ, когда вѣдь христіане милосерды? Такъ вы сами свидѣтельствуете о насъ, что мы не обманщики и не жестокіе люди, потому что наказываете тѣхъ, которые ведутъ себя иначе, чѣмъ христіане.» [2] Но если лучшіе изъ язычниковъ отдавали полную и заслуженную справедливость христіанской любви, то большая часть изъ нихъ, имѣвшая понятіе только о чувственной любви, осыпала упреками и укоризнами непонятное для нихъ чувство по-

[1] Tertull. Apolog. c. 39. [2] Ad nation. I, 5.

слѣдователей Распятаго: Аѳинагоръ старался защитить своихъ единовѣрцевъ противъ подобныхъ нападеній. [1] Онъ показываетъ, какъ любовь выражается уже въ названіяхъ, какія давали христіане другъ другу. «Мы въ названіяхъ», пишетъ апологетъ, «приспособляемся къ возрасту каждаго. Младшихъ называемъ дѣтьми, ровесниковъ братьями и старшихъ отцами. Такъ бываетъ и въ женскомъ полѣ. Дѣвочки называются у насъ дочерьми; тѣмъ, которыя одного съ нами возраста, мы даемъ имя сестеръ и старшимъ почетный титулъ матерей. Между тѣмъ, ненависть и зависть побудили язычниковъ изобрѣсти разныя клеветы. Съ цѣлію сдѣлать насъ презрѣнными въ глазахъ народа, они разсѣевали слухъ, будто христіане ночью сходились вмѣстѣ и совершали такія постыдныя дѣла, о которыхъ стыдно сказать, а также составляли заговоры противъ начальствъ и государей. Наши не хотѣли оставить безъ вниманія обвиненія, столь вредныя для ихъ чести и христіанства вообще, и не медлили ихъ опровергать. Они представляли желавшимъ нашей погибели ясно предъ глаза, что, такъ какъ Іисусъ Христосъ, Спаситель нашъ, повелѣлъ своимъ любить ближняго, вѣрующіе не могли не оказывать своимъ сохристіанамъ всякую честь и по силамъ во всемъ помогать имъ; что, далѣе, въ своихъ собраніяхъ они не совершали ничего дурнаго, но, сходясь на одномъ мѣстѣ, не составляли заговора и возмущенія противъ начальствъ и князей, а совершали свою молитву, выражали свою вѣру въ Господа и обѣщали ему вообще чистую жизнь и правдивость. Они представляли язычникамъ, что ихъ собранія и вечери, въ самомъ дѣлѣ, были и назывались вечерями любви, и по нимъ-то всякій можетъ узнать, какъ они любятъ другъ друга и какъ чисты ихъ расположенія.»

Какъ въ семейномъ быту жена христіанка у древнихъ вѣрующихъ имѣла важное значеніе [2], такъ немалое участіе она принимала и въ благотворительныхъ дѣлахъ своего общества. Язычество знало жену только какъ рабу дома, и весьма тѣсно

---

[1] Legat. pro Christ. [2] См. нашу статью, цитованную въ 1 примѣчаніи.

ограничивало кругъ ея дѣйствій; св. вѣра наша возвратила ей всѣ божескія и человѣческія права, и ввела ее самостоятельнымъ и важнымъ членомъ въ домашнюю и гражданскую жизнь. Уже въ первыя столѣтія христіанства, по свидѣтельству Тертулліана, жены особенно занимались посѣщеніемъ бѣдныхъ и больныхъ въ ихъ хижинахъ и помогали имъ, какъ могли, словомъ и дѣломъ. Церковь избирала даже изъ числа вдовъ и дѣвственницъ, такъ называемыхъ, діакониссъ, которыхъ и употребляла на служеніе бѣднымъ и больнымъ. Отсюда понятно, почему христіанская древность съ такою любовію и уваженіемъ говоритъ о женщинѣ, что́, впрочемъ, для язычниковъ служило новою причиною насмѣшекъ. «Христіанство — религія женщинъ и рабовъ!» восклицаетъ Юліанъ отступникъ. Вмѣстѣ съ униженіемъ женщины, въ язычествѣ не было замѣтно любви, милосердія, состраданія къ ближнему, — качества, которыми христіанство совершенно проникнуто. Хотя впослѣдствіи, когда св. вѣра стала пріобрѣтать успѣхи, язычество и старалось сбросить съ себя эгоистическую личину,—такъ императоръ Александръ Северъ лично посѣщалъ больныхъ, утѣшалъ и одаривалъ ихъ,—но это, такъ сказать, минутное проявленіе жизни дряхлѣющаго язычества совершилось по вліянію женщины, матери императора — Маммеи, которая была въ дружбѣ съ знаменитымъ Оригеномъ и отъ него много слышала о христіанствѣ [1].

Лучшимъ, самымъ нагляднымъ выраженіемъ того духа чистой, безкорыстной и искренней любви, который проникалъ древнихъ вѣрующихъ и соединялъ ихъ въ одно общество — учениковъ Господа Іисуса Христа — была древняя агапа. Мы скажемъ о ней нѣсколько подробнѣе, въ той надеждѣ, что сообщаемыя нами извѣстія будутъ приняты читателями съ любопытствомъ.

Греческое слово: агапа (ἀγάπη), въ переводѣ на нашъ языкъ: любовь, въ древней Церкви употреблялось для обозна-

[1] Euseb. H. E. VI, 21.

ченія вечерей, гдѣ и богатые и бѣдные, и знатные и незнатные, — всѣ сидѣли за общимъ, братскимъ столомъ. Очень вѣроятно, что оправданіе такого обычая древніе вѣрующіе находили въ различныхъ мѣстахъ ветхаго Завѣта (Второз. 12, 5. 7. 16, 10. 11. 14. 26, 11—13. 1 Царст. 9, 12. 22. Тов. 2, 1). Какъ совершались агапы, объ этомъ мы имѣемъ обстоятельныя свѣдѣнія у древнихъ писателей. Тертулліанъ пишетъ: «наша вечеря въ самомъ названіи выражаетъ свое значеніе; ибо это названіе съ греческаго языка означаетъ любовь. Хотя она и недешево обходится, но эти издержки суть прибыль — для благочестія, потому что мы съ этимъ утѣшеніемъ поспѣшаемъ на помощь ко всѣмъ бѣднымъ. И это дѣлается не такъ, какъ у васъ (т. е. язычниковъ), у которыхъ нахлѣбники продаютъ свою прирожденную свободу и вмѣняютъ себѣ въ честь презрѣнное рабство, только бы позволено было наполнить чрево, хотя бы и среди насмѣшекъ, на какомъ либо обѣдѣ. Не такъ у насъ, ходящихъ предъ Богомъ и прилежащихъ умѣренности. Если причина вечери почтенна, то оцѣните и весь порядокъ дѣла, какъ онъ развивается изъ религіозной обязанности и не допускаетъ ничего легкомысленнаго, ничего распущеннаго. Садятся не прежде, пока произнесена будетъ молитва къ Богу; потомъ голодные ѣдятъ, сколько хотятъ, а жаждущіе пьютъ, сколько прилично честнымъ и воздержнымъ людямъ. Память, что ночью они должны встать, чтобы помолиться Господу, умѣряетъ охоту ѣсть. Ихъ разговоры походятъ на разговоры тѣхъ людей, которые знаютъ, что ихъ слышитъ Богъ. По окончаніи вечери каждый умываетъ руки; приносятъ свѣчи и гостей просятъ пропѣть св. пѣснь, ими составленную, или мѣсто изъ св. Писанія: тутъ-то видно, какъ каждый пилъ. Молитвою и оканчивается вся вечеря. Послѣ этого каждый удаляется, но не въ пещеры грабителей и убійцъ, не въ собранія праздношатающихся, не въ уголки распутства, а съ тѣмъ, чтобы продолжить ту же заботу объ умѣренности и честности, и не иначе, какъ если бы они были не на вечери, а въ благонрав-

ной школѣ.» На основаніи этихъ словъ Тертулліана и съ помощію другихъ свидѣтельствъ, мы можемъ представить порядокъ агапъ въ слѣдующемъ видѣ. Послѣ начинательной молитвы, всѣ присутствующіе располагались вокругъ столовъ. Старшее лицо раздавало находившимся на вечери пищу, и притомъ такъ, что священники и діаконы получали двойную часть въ сравненіи съ прочими [1]. Снѣди были приготовляемы изъ плодовъ, муки, рыбы, мяса [2]; питьемъ служило вино, смѣшанное съ водою [3]. Когда наступалъ вечеръ, то желающіе пѣли или читали что либо наставительное. Тертулліанъ упоминаетъ также и о сборѣ въ пользу нищихъ, который происходилъ въ концѣ агапы. По свидѣтельству христіанской древности, вечери любви соединялись съ литургіею и бывали тотчасъ же по окончаніи богослуженія. Св. Златоустъ говоритъ опредѣленно, что агапы совершались послѣ богослуженія и что вѣрующіе не уходили домой по окончаніи литургіи, а приносили снѣди и въ притворѣ храма составляли вечерю. «Въ извѣстные дни—таковы слова святаго—вѣрующіе участвовали въ общей вечери и, по окончаніи богослуженія и св. причащенія, принимали вмѣстѣ пищу; богатые приносили яства и, пригласивъ бѣдныхъ и неимущихъ, вкушали всѣ вмѣстѣ» [4]. Какъ евхаристія, во время гоненія, была совершаема тогда, когда позволяли время и обстоятельства,—то сначала и для соединенныхъ съ нею агапъ не было назначено опредѣленнаго времени: иногда онѣ совершаемы были даже въ ночное время—предъ солнечнымъ восходомъ. Но, съ приведеніемъ богослуженія въ должный порядокъ во время мира, агапы стали совершать послѣ литургіи около полудня. Обыкновеннымъ днемъ для нихъ было воскресенье, такъ что еще Варнава называетъ воскресенье, по этой причинѣ, «днемъ радостнаго свиданія». [5] Учреждали ихъ также и въ дни памяти мучениковъ, какъ пишетъ блаженный Θео-

---

[1] Constit. apost. II, 28. [2] August. c. Faust. XX, 20. [3] Clem. Alex. Paedag. II, 2. [4] Hom. 27, 22, 54. [5] См. также Дѣян. 20, 7—11. Plin. ad Trajanum.—Justin. apolog. I. Const. apost. V, 20.

доритъ: [1] «въ праздники Петра, Павла, Ѳомы, Сергія, Маркелла и другихъ св. мучениковъ совершаются общественныя вечери, при чемъ, вмѣсто прежней (языческой) роскоши, неприличной вольности и безстыдства, господствуютъ умѣренность, цѣломудріе и скромность. Не замѣтно у сидящихъ за вечерію ни пьянства, ни непристойности, ни вольнаго смѣха; но всѣ они или воспѣваютъ, или внемлютъ хвалу Господу, къ которому и возносятъ благоговѣйную и соединенную съ слезами и воздыханіями молитву.» Св. Григорій нисскій въ жизни св. Григорія чудотворца сообщаетъ побужденіе, почему этотъ святой завелъ агапы въ дни мучениковъ. Вотъ его слова: «примѣтивъ, что простой народъ посредствомъ мірскихъ увеселеній удерживался въ языческомъ заблужденіи, онъ позволилъ — съ цѣлію отвлечь его отъ языческаго суевѣрія—праздновать и веселиться въ память мучениковъ, въ твердой надеждѣ, что современемъ онъ самъ обратится къ лучшему и болѣе обдуманному образу жизни». Другимъ поводомъ агапъ были бракосочетанія; при этихъ вечеряхъ любви присутствовалъ, по примѣру самого Іисуса Христа, и священникъ,—исключая развѣ брака двоеженцевъ[2]. Наконецъ и погребеніе вѣрующимъ было сопровождаемо агапою. Основаніе къ такому заключенію доставляетъ древній составитель изъясненія на книгу Іова (вѣроятно, Оригенъ). Онъ говоритъ: «и древніе, бывъ преданы суевѣрію, праздновали день рожденія, такъ какъ они любили эту жизнь и по смерти не ожидали другой. Мы же празднуемъ не день рожденія въ этомъ свѣтѣ, такъ какъ онъ вводитъ насъ въ болѣзни и искушенія, а день отшествія, такъ какъ онъ полагаетъ конецъ болѣзнямъ и прекращаетъ искушенія. Этотъ день празднуемъ мы—не день рожденія, а день смерти,— поелику тѣ, которые умираютъ, какъ истинные христіане, будутъ вѣчно жить. Мы дѣлаемъ наши духовныя собранія съ священниками и, вмѣстѣ съ духовенствомъ, призываемъ и

[1] Evangel. verit. VIII. [2] Concil. Neocaesar. c. 7.

*

вѣрующихъ; мы приглашаемъ и насыщаемъ неимущихъ, — сиротъ и вдовъ, — чтобы нашъ праздникъ былъ полезенъ покою отшедшихъ душъ, которыхъ совершаемъ память, и былъ у Бога за насъ пріятнымъ благоуханіемъ.»

Кромѣ этихъ, можно сказать, общихъ агапъ, мы встрѣчаемъ въ древности еще частныя и особенныя, которыя были учреждаемы въ частныхъ домахъ и за которыми, тѣмъ не менѣе, присутствовалъ священникъ или діаконъ. Пока вечерями любви управлялъ, дѣйствительно, духъ христіанской любви, — они пользовались особеннымъ уваженіемъ и покровительствомъ церковной власти, такъ что, напримѣръ, гангрскій Соборъ презрителямъ агапъ угрожаетъ отлученіемъ [1]. Но когда стали вкрадываться въ это, само по себѣ, чистое и святое дѣло безпорядки, о которыхъ упоминаетъ уже св. Апостолъ Павелъ (1 Кор. 11, 21. 22), когда праздные и невоздержные люди стали употреблять агапы средствомъ удовлетворенія своихъ порочныхъ склонностей, то Церковь мало по малу отмѣнила свое древнее учрежденіе [2]. Остаткомъ древнихъ агапъ можно считать у насъ обѣды, бывающіе при бракосочетаніяхъ, погребеніяхъ и поминкахъ, гдѣ соединяются люди разныхъ званій и нерѣдко присутствуютъ лица духовныя.

Такова была вечеря любви древнихъ христіанъ, которую въ свое время жестоко порицали враги св. вѣры, выдумывая разныя клеветы. И христіане, съ своей стороны, не ошибались, когда причиною ложныхъ и злонамѣренныхъ слуховъ о себѣ считали, прежде всего, евреевъ. Въ разговорѣ съ Трифономъ, св. Іустинъ философъ говоритъ: [3]«язычники далеко не столько виноваты въ обидахъ, причиненныхъ Іисусу Христу и намъ, какъ ваши,—зачинщики и изобрѣтатели лжи и клеветъ противъ насъ... Мы не питаемъ къ вамъ за это никакой ненависти, и не желаемъ зла тѣмъ, которые, по вашему наущенію, составили о насъ такое дурное понятіе, но мы молимъ Господа, да пошлетъ Онъ вамъ благодать покаянія и

[1] Can. 11. [2] Concil. Laodic. c. 28. [3] § *17*.

окажетъ свое милосердіе». Но хотя невѣрующій свѣтъ и заподозрилъ любовь христіанъ, однако же, скоро, къ своему немалому страху, замѣтилъ, что дѣла христіанской любви оказываютъ болѣе вліянія, чѣмъ слова лжи. Это открытіе возбудило зависть и ревность, которыя ясно видны въ письмѣ Юліана отступника къ Арзакію, главному языческому жрецу въ Галатіи. «Зачѣмъ мы такъ придерживаемся старыхъ своихъ обычаевъ и не обращаемъ вниманія на причины, способствовавшія увеличенію секты христіанъ, именно: благотворительность къ чужимъ, попеченіе о погребеніи умершихъ и чистоту жизни? Отчего мы не подумаемъ завести во всѣхъ городахъ больницы, гдѣ испытали бы нашу щедрость чужіе, и не только язычники, но и люди другихъ вѣръ? Развѣ это не позоръ, что, когда между іудеями нѣтъ ни одного нищаго и христіане кормятъ не только своихъ, даже нашихъ бѣдныхъ, — кажется, какъ будто только неимущіе язычники оставлены своими единовѣрцами?» [1] Юліанъ, въ самомъ дѣлѣ, старался подражать въ язычествѣ благотворительнымъ учрежденіямъ христіанской Церкви, но совершенно неудачно, потому что онъ не могъ вселить въ язычниковъ того духа самоотверженія и безкорыстной любви къ ближнему, который руководилъ послѣдователями Господа Іисуса Христа.

Древніе христіане такъ много заботились о бѣдныхъ, что почти, можно было сказать, между ними не было бѣдныхъ. Всякій давалъ неимущимъ по мѣрѣ возможности и по требованію нужды, оставляя часть на пропитаніе себѣ и домашнимъ, и все состояніе свое считая даромъ Божіимъ, который онъ обязанъ употребить на пользу ближняго. Такую благотворительность, со временъ апостольскихъ (Дѣян. 4, 32) непрекращавшуюся въ древней Церкви, Тертулліанъ превозноситъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ, направленныхъ къ язычникамъ: «у васъ язычниковъ изъ-за имѣній разрываютъ и естественное братство; у насъ же, составляющихъ одно сердце и одну душу,—все, чѣмъ мы владѣемъ, общее,—все,

[1] Epist. 49. (edit. 1696 a).

не исключая ничего, кромѣ женъ» [1]. Лукіанъ, врагъ христіанъ, указываетъ причину такого общенія имуществъ въ томъ обстоятельствѣ, будто Христосъ убѣдилъ своихъ послѣдователей считать другъ друга братьями [2]. Сказавъ это, Лукіанъ, конечно, не погрѣшилъ; но если онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, навязываетъ христіанамъ «циническое презрѣніе» къ земнымъ благамъ, то въ послѣднемъ случаѣ онъ показываетъ въ себѣ легкомысленнаго, либо легковѣрнаго насмѣшника.

Хотя, впослѣдствіи времени, единодушіе и героическая любовь первыхъ христіанъ и не удержались между вѣрующими во всей силѣ, тѣмъ не менѣе, они послужили основаніемъ всѣхъ позднѣйшихъ благотворительныхъ дѣйствій Церкви.

Бѣдные, послѣ апостольскаго времени, получали помощь или отъ частныхъ вѣрующихъ, или отъ Церкви. Церковь имѣла сокровищницу для бѣдныхъ, въ которую и поступали добровольныя приношенія вѣрующихъ деньгами или припасами; діаконы, подъ надзоромъ настоятелей, раздѣляли эти приношенія между неимущими, смотря по нуждѣ. Церковная сокровищница, въ первые вѣка, была полна и удовлетворяла иногда весьма многочисленнымъ требованіямъ. Такъ въ Римѣ, въ 250 году, папа Корнелій на церковныя деньги кормилъ и одѣвалъ болѣе 5,000 бѣдныхъ, и св. Іоаннъ Златоустъ разсказываетъ, что, въ его бытность въ Антіохіи, Церковь, кромѣ духовныхъ, чужестранцевъ, больныхъ и плѣнныхъ, содержала болѣе 3,000 безпомощныхъ вдовъ и дѣвицъ. [3] По прекращеніи гоненій, когда Церковь достигла торжества цѣною крови своихъ мучениковъ, щедрость христіанъ не знала предѣловъ, и дары, состоявшіе не только въ серебряной и золотой утвари, но и въ недвижимости, текли въ обиліи на церкви и бѣдныхъ. На помощь Церкви, въ ея благотворительномъ дѣлѣ, скоро явились и христіанскіе государи: они учреждали по городамъ разныя богоугодныя заведенія для призрѣнія несчастныхъ. Далѣе, мы видимъ, что частныя

---

[1] С. 29. [2] Liuc. in Peregrin. [3] Hom. 97 in Matth.

Церкви помогали одна другой—милостынею. Этотъ обычай такъ же старъ, какъ сама Церковь, потому что онъ получилъ начало при Апостолахъ, когда разныя помѣстныя Церкви дѣлали сборы въ пользу бѣдствовавшихъ іерусалимскихъ христіанъ (Дѣян. 11, 27 сл. 1 Кор. 16, 1 исл.). Сборъ для нуждавшихся, по свидѣтельству Апостола Павла, происходилъ въ день, слѣдующій за субботою (т. е. воскресный), во время общественнаго богослуженія. Во всемъ слѣдуя преданію и ученію апостольскому, древнія Церкви никогда не отказывались помогать другимъ, нуждавшимся въ пособіи [1].

Что касается формы управленія и распредѣленія милостынныхъ суммъ, то епископъ имѣлъ предоставленное ему еще апостольскими постановленіями право высшаго надзора; самый разсчетъ велъ особый экономъ. Въ распоряженіи эконома состояли діаконы, которыхъ еще Апостолы освятили на служеніе бѣднымъ (Дѣян. гл. 6). Для опредѣленія мѣры нужды всякаго требующаго помощи, діаконы вели вѣрные статистическіе списки, въ которыхъ были обозначены имя, ремесло, возрастъ, полъ, мѣсто жительства, семейныя обстоятельства и проч. желавшихъ получить пособіе. По значительному участію діаконовъ въ дѣлѣ призрѣнія бѣдныхъ, благотворительность въ древней Церкви нерѣдко называлась діаконствомъ (διακονία). И мѣстомъ сбереженія сокровища для бѣдныхъ служилъ діаконикъ—алтарное отдѣленіе съ правой стороны. Въ занятіяхъ діаконовъ принимали участіе и женщины, и въ такомъ случаѣ онѣ получали названіе діакониссъ [2].

Что̀ дѣлали по отношенію къ бѣднымъ цѣлыя церковныя общества, то дѣлали съ охотою и усердіемъ многія частныя лица. Хотя изреченіе Господа: *тебѣ творящу милостыню, да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя* (Матѳ. 6, 3), нѣтъ сомнѣнія, скрыло большую часть опытовъ древней благотворительности, тѣмъ не менѣе, дошли до насъ удивительные примѣры въ подобномъ родѣ. Нерѣдко случалось, что новокрещенные раздѣляли свое имѣніе между бѣдными

[1] Euseb. H. E. VII, 5. IV, 23. [2] Constit. apost. III, 51.

или умиравшіе назначали своими наслѣдниками также бѣдныхъ [1]. Но христіане даже не нуждались въ такой рѣшительной минутѣ для оказанія героическихъ дѣлъ любви. Древность знала многихъ, которые всю свою жизнь и все достояніе посвящали служенію бѣднымъ. Св. Григорій Богословъ пишетъ о своей матери Ноннѣ, что и всего міра недостало бы для удовлетворенія ея жажды благодѣтельствовать бѣднымъ; святитель часто слышалъ отъ нея, что она готова была, если бы это было возможно, продать себя и дѣтей, чтобы вырученными деньгами помочь бѣднымъ [2]. За подобную же любовь къ бѣднымъ и Григорій называлъ сестру свою Горгонію правымъ глазомъ слѣпыхъ, ногою хромыхъ и матерію сиротъ. Св. отцы Церкви, какъ Іоаннъ Златоустъ, Аѳанасій великій, Амвросій, Кипріанъ и проч., были бѣдны—для себя, но богаты—для нуждавшихся; для такихъ у нихъ всегда и двери и сердце были открыты. Златоустъ даже и на домы вѣрующихъ смотрѣлъ, какъ на сокровищницы бѣдныхъ. «Вашъ домъ», говорилъ онъ, «можетъ быть въ нѣкоторомъ смыслѣ церковію, освящаемою дѣломъ благотворительности. Будьте сами охранителями священнаго сокровища, сдѣлайте себя экономами бѣдности: чувства человѣколюбія и благотворительности доставляютъ вамъ это священство. Въ вашемъ жилищѣ, гдѣ вы обыкновенно совершаете молитву, сложите достояніе нищеты, и всякій разъ, вступая туда для совершенія молитвы, сперва положите свою милостыню и потомъ вознесите душу къ Богу. Если вы будете дѣлать такъ, то это сокровище будетъ служить для васъ оружіемъ противъ искушеній, потому что мѣсто, въ которомъ сберегается достояніе бѣдныхъ, демонамъ недоступно. Собранная милостыня доставляетъ дому бо́льшую безопасность, чѣмъ замо́къ и засовы, оружіе и солдаты.» Епископы и пресвитеры подавали частнымъ лицамъ примѣръ благотворительности, потому что, въ нуждѣ, не щадили даже драгоцѣнныхъ сосудовъ церкви: ибо, говоритъ блаженный Августинъ, «не дѣло епископа

[1] Basil. M. ep. 84 ad Sophron. [2] Orat. 19.

сберегать золото, отклоняя руку бѣднаго». [1] Такъ древній историкъ замѣчаетъ о св. Кириллѣ іерусалимскомъ: «когда голодъ угнеталъ іерусалимскую страну и множество нуждавшихся, лишившись дневнаго пропитанія, обратились къ (Кириллу, какъ) епископу, то, по недостатку денегъ, которыми могъ бы пособить бѣднымъ, Кириллъ продалъ сокровища церковныя и священные покровы». То же извѣстно о нѣкоторыхъ другихъ епископахъ [2].

Чѣмъ щедродательнѣе и сердобольнѣе были древніе христіане, тѣмъ бо́льшая открывалась возможность злоупотребленію ихъ приношеніями [3]. Можетъ быть, даже съ цѣлію — избѣжать обмана и злоупотребленія—настоящимъ нищимъ было указано мѣсто у церковнаго входа, такъ что всякій входящій въ храмъ могъ видѣть ихъ. Св. Златоустъ [4] толкуетъ это обыкновеніе съ нравственной точки зрѣнія: «бѣдные для того стоятъ у дверей (церкви), чтобы никто не входилъ пустымъ (по заслугѣ), но скорѣе всякій вступалъ безопасно въ сопровожденіи милосердія». И въ другомъ мѣстѣ этотъ же великій отецъ выражается: «какое сердце, даже если бы оно было каменное, не подвигнется состраданіемъ, при видѣ этого множества старцевъ, согбенныхъ лѣтами и горемъ, покрытыхъ рубищемъ и одержимыхъ разнообразными тѣлесными недугами? Какъ источники въ окрестностяхъ молитвенныхъ домовъ устроены съ цѣлію очищать руки, которыя мы поднимаемъ къ небу, такъ и бѣдные допущены нашими предками во входы церковные для того, чтобы очищать и освящать благотворительностію наши руки, прежде, нежели мы поднимемъ ихъ къ Богу» [5]. Сами бѣдные, зная, какое сильное вліяніе имѣетъ святость мѣста и лица на расположеніе души, во времена гоненій съ охотою держались вблизи темницъ [6], въ которыхъ томились Христовы исповѣдники: здѣсь они получали щедрую милостыню отъ вѣрую-

---

[1] Possid. in vit. August. [2] Sozom. H. E. IV, 25. Ambros. de offic. II, 28. Socrat. VII, 21. [3] Sozom. H. E. VII. 39. [4] Hom. I in II ad Tim. [5] De verb. apost. hom. III, 11. [6] Lucian. Samosat. de morte Peregrin. n. 12.

щихъ, которые могли думать, что завтра и они сами — путемъ мученичества—предстанутъ престолу Судіи Господа и отъ Него получатъ мзду за свою благотворительность.

Древніе христіане, проникнутые духомъ евангельской любви, никого не исключали изъ круга своихъ благодѣяній, будетъ ли это единовѣрецъ, язычникъ или злѣйшій ихъ врагъ—еврей. Но, при всемъ томъ, по заповѣди апостольской (1 Тим. 5, 8), особенное вниманіе было обращено на присныхъ въ вѣрѣ. «Прежде всего и всемѣрно надобно заботиться о бѣдныхъ», говоритъ св. Кипріанъ[1], «и особенно о тѣхъ бѣдныхъ, которыхъ вѣра доказана и которые не уклонились отъ стада Іисуса Христа. Этимъ давать должно столько, сколько надобно къ ихъ содержанію, чтобы они, побуждаемые нуждою, не сдѣлали того, чего гоненіе не могло у нихъ вынудить.» Но если Церковь, съ одной стороны, и считала попеченіе о бѣдныхъ святою обязанностію, то, съ другой, она желала помогать только бѣднымъ, стоющимъ пособія. Кормить лѣнивыхъ, но способныхъ работать, считалось уже и тогда только поводомъ ко грѣху. Апостольскія постановленія, въ согласіи съ изреченіемъ Апостола Павла: *аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ* (2 Солун. 3, 10), предписывали: «голодный лѣнивецъ не заслуживаетъ помощи; онъ даже не достоинъ назваться членомъ Церкви. Надобно учить дитя, чтобы оно понимало какое нибудь ремесло и было въ состояніи содержать себя, а не злоупотреблять податливостію своихъ собратій»[2]. При раздачѣ милостыни обращали также вниманіе на добрую нравственность и благочестіе ищущихъ помощи. Четвертый карѳагенскій Соборъ позволяетъ помогать изъ церковнаго имѣнія молодымъ вдовамъ, слабымъ въ здоровьи, но требуетъ отъ нихъ, «чтобы онѣ ревностны были въ дѣлѣ Божіемъ и помогали Церкви услугою и молитвою»[3].

Другой классъ нуждавшихся, служившихъ предметомъ

---

[1] Epist. 14. [2] Const. apost. II, 4. IV, 2. [3] C. 101, 103.

христіанской благотворительности, были больные. Древніе христіане не посѣщали только больныхъ, когда могли, но и оказывали имъ всевозможную помощь къ смягченію ихъ страданій. Они укрѣпляли духъ больныхъ ободрительными увѣщаніями къ терпѣливому перенесенію болѣзни и не оставляли неиспытаннымъ ни одного средства, чтобы возвратить ихъ тѣлу прежнее здоровье. Если обстоятельства позволяли, то первые христіане—всѣ безъ различія—лично ходили за больными. Но особенно близки были ихъ сердцу бѣдные больные: такихъ больныхъ, пока не были еще устроены общественныя больницы, древніе принимали въ свои домы и ухаживали за ними, какъ за своими родными, или отыскивали ихъ въ хижинахъ и являлись къ нимъ во время болѣзни съ помощію и утѣшеніемъ. «Больные бѣдные», говоритъ св. Григорій нисскій, «должны быть для насъ драгоцѣнны, какъ золото. Пекитесь о нихъ такъ, какъ бы дѣло шло о вашемъ собственномъ здоровьи, здоровьи вашихъ женъ и дѣтей, всего вашего семейства; потому что между всѣми бѣдными больные заслуживаютъ особенной помощи; страданія ихъ, соединенныя съ нуждою, составляютъ двойную бѣдность. Здоровые больные могутъ, по крайней мѣрѣ, сами найдти себѣ помощь; они выходятъ къ дверямъ или на общественныя площади просить нашего состраданія. Но страждущій бѣдный, распростертый въ низенькой хижинѣ на соломѣ и не имѣя силъ поворотиться, въ лихорадочномъ жару ожидаетъ своего благодѣтеля, какъ Даніилъ—пророка Аввакума во рву львиномъ, какъ другъ-своего друга. Поспѣшите же удовлетворить нуждѣ больнаго бѣднаго, чтобы онъ выздоровѣлъ и остался живъ.» Особенною похвалою пользовалось у древнихъ христіанъ личное попеченіе о больныхъ. Объ этомъ пишетъ одинъ древній авторъ [1] слѣдующее: «не надобно оставлять больныхъ безъ вниманія, и худо, когда кто говоритъ: я не учился за ними ходить. Кто выставляетъ свою изнѣженность и извиняется тѣмъ, что, по его мнѣнію, онъ не привыкъ къ такимъ ве-

[1] У Іустина составитель Epist. ad Zen. et Seren.

щамъ, тотъ пусть знаетъ, что скоро и самъ можетъ впасть въ подобную нужду. Тогда-то онъ пойметъ свое безразсудство, когда съ нимъ случится то, что́ онъ дѣлалъ прежде съ другими.» Посѣщеніе больныхъ и уходъ за ними св. Кипріанъ вмѣнялъ въ особенную обязанность клирикамъ, и они, дѣйствительно, дѣлали все къ облегченію и утѣшенію страждущихъ. Священники, являясь къ больнымъ, возлагали на нихъ руки [1], совершали съ больными молитвы [2], ограждали ихъ знаменіемъ креста [3], и особенно призывали надъ ними имя Господа [4], и сила вѣры, вспомоществуемая божественною благодатію, нерѣдко торжествовала въ немощи человѣческой и подавала страждущему скорое и даже внезапное выздоровленіе [5].

Ничто не сильно было остановить или ослабить ревность древнихъ христіанъ въ ихъ заботахъ о больныхъ; самая смертная опасность только, кажется, еще болѣе поощряла ихъ въ этомъ святомъ дѣлѣ. Изъ многихъ примѣровъ мы сообщимъ то, что́ пишетъ св. Діонисій о поведеніи жителей города Александріи во время свирѣпствовавшей тамъ страшной язвы. «Скорбь и жалобы наполняютъ теперь наши улицы. Всѣ вздыхаютъ и, кажется, весь городъ оплакиваетъ свое достойное слезъ состояніе, по причинѣ множества умершихъ и еще каждодневно умирающихъ. Ибо какъ въ то время, когда, по свидѣтельству св. Писанія, всѣ первородные древнихъ египтянъ въ одну ночь были удушены ангеломъ истребителемъ, такъ и теперь повсюду слышны крикъ и стоны. Нѣтъ дома, гдѣ бы не было пораженныхъ язвою, и—о если бы въ каждомъ домѣ былъ только одинъ такой! Но прежде нежели это наказаніе насъ постигло, мы вытерпѣли много горькихъ и

---

[1] Euseb. H. E. V, 7.—Iren. adv. haeres. II, 57.—Paulin. in vit. S. Ambros.

[2] August. de civit. D. XXII, 8.—Chrysost. hom. 5. de incompr. Dei.

[3] Chrysost. orat. de laud. Christi. Знаменіе св. креста съ успѣхомъ употребляли и въ духовныхъ болѣзняхъ, напр. при плотскомъ разжженіи (Athanas. de incarn. n. 81), въ гнѣвѣ (Chrysost. Serm. de adorat. crucid).

[4] Orig. c. Cels. VIII. 8—Tertull. apolog.. c. 23.—Chrysost. de laude Dei.

[5] См. цит. 1.

очень тяжкихъ испытаній. Сначала выгнали насъ изъ города, и хотя всѣ насъ преслѣдовали и угнетали, однакожь, мы неопустительно совершали всѣ праздники. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы ни находились въ такихъ тяжкихъ обстоятельствахъ: на полѣ, въ пустынѣ, на кораблѣ, въ хижинѣ или темницѣ, мы были какбы во храмѣ и совершали свои святыя собранія. Но гораздо торжественнѣе былъ праздникъ, который совершали на небѣ святые, по окончаніи ихъ страданій. Послѣ всего этого, цѣлая область была поражена голодомъ и войною,—бѣдствіе, общее намъ съ язычниками. Наконецъ послѣдовалъ миръ, поданный намъ Господомъ нашимъ и Спасителемъ Іисусомъ Христомъ. Едва мы отдохнули съ нашими преслѣдователями, какъ постигла насъ эта великая язва, которая врагамъ была невыразимо ужасна и страшна. Нашимъ же она не нанесла такого вреда и казалась не столь страшна; даже она служила побужденіемъ къ серьезному размышленію и испытанію добродѣтели каждаго. Въ самомъ дѣлѣ, очень многіе вѣрующіе, по удивительной и искренней любви посѣщавшіе больныхъ и прислуживавшіе имъ цѣлыми толпами, не обращая вниманія на свое здоровье, наконецъ сами были поражаемы заразою и, такимъ образомъ, славно оканчивали свои дни, любвеобильно принявъ на себя болѣзни и страданія своихъ собратій. Нашлось много такихъ, которые, возвративъ нѣкоторымъ чрезъ свои услуги здоровье, наконецъ ослабѣвали и, втянувъ въ себя зачумленный воздухъ, оканчивали эту жизнь, полную трудовъ и слезъ. Такъ мы потеряли своихъ лучшихъ братій, между которыми священники и діаконы и многіе міряне вели себя весьма похвальнымъ образомъ, и я думаю, что эта смерть, по причинѣ благочестія и любви павшихъ, можетъ быть уподоблена мученичеству. Когда сторожившіе зачумленныхъ замѣчали, что кто либо близокъ къ концу, они съ особенною любовію подходили къ мѣсту, гдѣ онъ лежалъ, увѣщавали его возложить свою надежду на Господа и предаться Его святѣйшей волѣ. И едва кто отходилъ, они съ великою нѣжностію за-

крывали ему глаза и ротъ, несли тѣло на плечахъ къ мѣсту, гдѣ обмывали умершихъ, одѣвали ихъ и съ горячими слезами любви похороняли. У язычниковъ видно было противное: они выбрасывали зараженныхъ изъ домовъ, хотя бы это были ближайшіе ихъ родственники, и оставляли ихъ на улицахъ. Они не рѣшались даже хоронить умершихъ, такъ какъ они боялись смерти, отъ которой, однакожъ, при всемъ стараніи и заботливости, не могли уйдти.» Основаніе такого удивительнаго самоотверженія, о которомъ разсказываетъ св. Діонисій, мы можемъ найдти только въ несокрушимой вѣрѣ, крѣпкой надеждѣ и пламенной любви первыхъ христіанъ. Воодушевляемые такими возвышенными чувствами, многіе изъ христіанъ, когда прошло время гоненій и Церковь получила свободу въ своихъ благодѣтельныхъ дѣйствіяхъ, учреждали больницы на собственныя средства и нерѣдко сами въ этихъ учрежденіяхъ прислуживали бѣднымъ страдальцамъ [1]. Случался недостатокъ въ такихъ заведеніяхъ, — рѣшались даже помѣщать больныхъ и при самыхъ церквахъ, чтобы доставить имъ необходимую для нихъ помощь.

Необходимость и польза упорядоченнаго ухода за больными побудили Церковь учредить особое званіе церковниковъ, которые имѣли назначеніе прислуживать больнымъ (παραβολάνοι). Въ большихъ городахъ число ихъ умножалось до того, что они привлекали вниманіе правительства, и императоръ Ѳеодосій понизилъ ихъ количество съ 1,100 на 500, а потомъ довелъ до 600, когда опытъ показалъ недостаточность сдѣланнаго ограниченія [2]. Больнымъ женскаго пола прислуживали діакониссы.

Въ IV вѣкѣ, съ умноженіемъ вѣрующихъ, конечно, невозможно было всѣхъ бѣдныхъ и больныхъ помѣщать въ частныхъ домахъ. Этому обстоятельству обязаны своимъ происхожденіемъ разныя богоугодныя заведенія, которыя, смотря по

---

[1] Іеронимъ именно говоритъ это о Фабіолѣ (Epitaph. Fabiolae) и Ѳеодоритъ объ императрицѣ Плакидіи (Н. Е. V, 18).

[2] Cod. Theodos., 6, 16, tit. 2 de episc l. 42. 43.

назначенію, получали и названіе; такъ извѣстны больницы (νοσοκομεία), дома для бѣдныхъ (πτωχοτροφεία), сиротскіе пріюты (βρεφοτροφεία, ὀρφανοτροφεία), страннопріимницы (ξενοδοχεία), богадѣльни (γεροντοκομεία). Особенно замѣчательны были больницы, устроенныя св. Василіемъ великимъ въ Кесаріи и св. Іоанномъ Златоустымъ въ Константинополѣ. Кесарійская больница была названа Василіевою и одарена отъ императора Валента богатыми приношеніями. Кромѣ покоевъ для больныхъ, эти учрежденія содержали жилища для больничныхъ священниковъ, врачей, прислужниковъ и рабочихъ, и часто бывали, какъ именно въ Кесаріи, зданіями огромныхъ размѣровъ.

Третій родъ страждущихъ, которымъ первые христіане такъ охотно благотворили, были заключенные въ тюрьму за исповѣданіе имени Христова. Какъ скоро разносилась вѣсть, что кто нибудь былъ взятъ и посаженъ въ темницу за вѣру, единовѣрцы старались проникнуть къ нему, чтобы, съ одной стороны, помочь ему утѣшеніями, съ другой испросить его молитвъ. Доступъ къ заключеннымъ былъ соединенъ большею частію съ затрудненіями, и часто надобно было подкупать сторожей, чтобы имѣть возможность помочь исповѣдникамъ и доставить имъ св. евхаристію. Мы находимъ примѣры, что въ темницахъ служили даже литургію: такъ пресвитеру Лукіану собственная грудь служила престоломъ, и Θеодоритъ разсказываетъ, что при другомъ случаѣ руки діаконовъ заступали мѣсто престола [1]. Старались ободрить заключенныхъ чтеніемъ св. Писанія [2]. Св. Кипріанъ сильно увѣщаваетъ помогать заключеннымъ за вѣру [3]: «хотя я, какъ помнится, часто убѣждалъ васъ помогать вашимъ братьямъ, взятымъ язычниками за исповѣданіе Господа, тѣмъ не менѣе, снова увѣщаваю васъ старательно наблюдать, чтобы ни въ чемъ не имѣли нужды тѣ, которые близки уже къ вѣчному воздаянію. И—о если бы мнѣ можно было, по свойству моей должности, явиться къ

[1] Hist. S. Patr. c. 20. [2] Lucian. de mort. Peregrin. n. 12. [3] Ep. 12.

нимъ лично, я охотно оказалъ бы нашимъ заключеннымъ братьямъ всѣ услуги, внушаемыя любовію! Но ваше прилежаніе должно заступить мое мѣсто и сдѣлать все, что̀ нужно, для такихъ святыхъ, прославленныхъ, по благости Божіей, многими и великими заслугами добродѣтели и вѣры». Дѣло любви по отношенію къ исповѣдникамъ исполняли не только ближайшіе вѣрующіе, но и вѣрующіе изъ дальнихъ мѣстъ, которые нарочно приходили, чтобы видомъ страдальцевъ укрѣпить свою вѣру и засвидѣтельствовать имъ свое уваженіе [1]. Полные благоговѣнія, христіане цѣловали цѣпи заключенныхъ, что̀ видно изъ словъ Тертулліана, который говоритъ своей женѣ: «если ты, по смерти моей, вступишь въ бракъ съ язычникомъ, какъ получишь отъ него позволеніе цѣловать цѣпи исповѣдниковъ Іисуса Христа?» [2].

Съ какою осторожностію и предусмотрительностію надобно было дѣлать эти посѣщенія, достаточно показываетъ слѣдующее наставленіе св. Кипріана: «хотя наши братья охотно, по побужденію чистой любви, посѣщаютъ и утѣшаютъ исповѣдниковъ, уже прославленныхъ отъ Бога прекрасными начатками, тѣмъ не менѣе, должно совершать это съ великою осторожностію и безъ большаго стеченія народа, чтобы не возбудить гнѣва язычниковъ и на будущее время не закрыть тюрьмы для тѣхъ, которые утѣшаютъ и ободряютъ заключенныхъ. И священники, приносящіе въ темницахъ у исповѣдниковъ священную жертву, никогда не должны идти туда вмѣстѣ въ большомъ числѣ, но поочередно, каждый съ своимъ діакономъ, такъ какъ перемѣна людей и несходство лица, безъ сомнѣнія, ослабитъ недоброжелательное присматриванье язычниковъ» [3]. Когда милостыни той Церкви, которой принадлежали исповѣдники, было недостаточно для ихъ пропитанія, то епископъ или священники писали къ другимъ Церквамъ, и эти немедленно высылали все потребное» [4].

---

[1] Lucian. l. c. n. 3. [2] Ad uxor. lib. II, 4. [3] Ep. 5. [4] Dionys. Corinth. ep. ad. Roman. ap. Euseb. H. E. IV. 23.

Не менѣе были благотворительны древніе христіане и по отношенію къ попавшимся въ рабство по старинному военному праву. Св. Кипріанъ прекрасно развиваетъ побужденія, руководившія вѣрующими въ подобномъ случаѣ. «Въ нашихъ братьяхъ, содержимыхъ варварами въ качествѣ рабовъ, мы должны видѣть нашего Господа Іисуса Христа и стараться выкупить Его, освободившаго насъ отъ вѣчной смерти, такъ что, какъ Онъ исхитилъ насъ изъ челюстей ада, такъ и мы Его—живущаго въ насъ—исхитимъ изъ рукъ варваровъ и выкупимъ суммою денегъ искупившаго насъ крестомъ и своею честною кровію» [1]. И тотчасъ епископъ упоминаетъ о значительной суммѣ, собранной въ Карѳагенѣ (до 3000 р.) и отправленной въ Нумидію для выкупа томящихся въ плѣну и работѣ. Не щадили для подобной цѣли и сокровищъ церкви, какъ видно изъ жизни епископа Акакія амидійскаго и Амвросія медіоланскаго [2]. Были и такіе примѣры, что иные вѣрующіе сами лишали себя свободы, чтобы только доставить ее другимъ. «Мы знаемъ», пишетъ св. Климентъ римскій [3], что многіе между нами предали себя узамъ, чтобы освободить другихъ; многіе продали себя въ рабство и получили за себя деньги, чтобы прокормить другихъ.» О такомъ удивительномъ выраженіи братской любви упоминаетъ св. Апостолъ Павелъ (Рим. 16, 4. Филип. 2, 30); а св. Григорій Двоесловъ разсказываетъ трогательный случай изъ жизни Павлина, епископа поланскаго, который, желая возвратить бѣдной вдовѣ ея сына, влекомаго въ плѣнъ, и не имѣя съ собою денегъ, самъ отдалъ себя въ рабство [4].

Осужденные на ссылку и работу въ рудникахъ имѣли свою долю въ благотворительности древнихъ христіанъ. Тертулліанъ пишетъ: «каждый изъ насъ помѣсячно, или когда хочетъ и можетъ, даетъ сумму денегъ. Его никто не побуждаетъ къ тому, но онъ даетъ добровольно, какъ заблагоразсудитъ. Подобныя приношенія считаются капиталомъ для

[1] Ep. 60. [2] Socrat. H. E. II, 21—Ambros. de offic. II, 28. [3] I ad Cor. c. 55. [4] Dialog. III, 1.

богоугоднаго употребленія. Ибо деньги, собранныя такимъ образомъ, не употребляются на угощеніе, но на пропитаніе бѣдныхъ, погребеніе умершихъ, содержаніе бѣдныхъ, осиротѣвшихъ дѣтей, помощь старымъ и плѣннымъ, а равно и тѣмъ, которые за св. вѣру осуждены на горныя работы или сосланы на пустые острова» [1]. Не довольствуясь вспоможеніемъ, вѣрующіе иногда и переписывались съ сосланными, посылая имъ утѣшенія и ободренія, на что намекаетъ опять тотъ же писатель: «вмѣстѣ съ тѣлесною пищею, примите отъ насъ напоминаніе, которое послужитъ къ освѣженію духа: было бы нехорошо, если бы тѣло питалось, а духъ умиралъ съ голоду». [2] Какбы не довольствуясь всѣмъ этимъ, Церковь приносила за нихъ Господу самыя пламенныя молитвы, на ряду съ другими требующими отъ Бога помощи и утѣшенія.

При исчисленіи дѣлъ любви первыхъ христіанъ, нельзя пройдти молчаніемъ ихъ гостепріимства по отношенію къ путешествующимъ единовѣрцамъ. Имъ сейчасъ же давали убѣжище, угощали по силамъ и при самомъ вступленіи въ домъ умывали ихъ ноги. Христіанскія жены принимали въ этомъ дѣлѣ такое живое участіе, что Тертулліанъ пользуется этимъ обстоятельствомъ, чтобы отсовѣтовать женѣ своей (по его кончинѣ) выходить замужъ за язычника, который едва ли позволитъ ей исполнять обязанность гостепріимства по отношенію къ вѣрнымъ [3]. Св. Апостолъ Павелъ говоритъ, что вдовица должна быть избираема изъ престарѣлыхъ женщинъ, имѣющихъ свидѣтельство добрыхъ дѣлъ, между прочимъ—*аще святыхъ ногъ умы, аще странныя пріятъ* (1 Тим. 5, 10). За столомъ чужестранцамъ давали первое мѣсто и трапезованіе вмѣстѣ считали какбы печатію гостепріимства. Понятно, что не всѣ одинаково могли исполнять эту добродѣтель; блаженный Августинъ совѣтуетъ принимать странныхъ особенно богатымъ и достаточнымъ, у которыхъ дома обширнѣе и жизненныхъ средствъ больше; для избѣжанія же всякой жалобы, иногда и основательной, во время св. Іустина мученика

[1] Apolog. III, 1. [2] Lib. ad Mart. c. 1. [3] Ad. uxor. II, 4. Serm. 172 de temp.

была предназначена часть церковнаго сбора, на принятіе и угощеніе путешествующихъ [1]. Послѣ, когда Церковь получила миръ, вмѣсто этихъ повременныхъ приношеній, возникли особыя учрежденія: такъ св. Златоустъ устроилъ два страннопріимныхъ дома—одинъ для больныхъ, а другой—для здоровыхъ чужестранцевъ, и, несмотря на это, еще уговаривалъ вѣрующихъ имѣть въ своихъ домахъ въ запасѣ комнату, чтобы не лишить себя плодовъ этого дѣла милосердія [2]. Любовь христіанъ къ своимъ путешествующимъ единовѣрцамъ возбуждала вниманіе язычниковъ, которые утверждали даже, что вѣрующіе пользуются особыми примѣтами для взаимнаго распознаванія. Минуцій Феликсъ [3], опровергая ихъ, говоритъ, что у его единовѣрцевъ нѣтъ другихъ примѣтъ, кромѣ любви и невинности. Язычниковъ же довело до такого предположенія темное извѣстіе объ открытыхъ листахъ, которые епископы давали путешествующимъ и въ силу которыхъ, дѣйствительно, единовѣрцы принимали ихъ весьма охотно. Въ листахъ говорилось не только о дружескомъ пріемѣ, хорошемъ угощеніи и всевозможной помощи подателю [4], но и свидѣтельствовалось о православіи его. Эти письма назывались рекомендательными (ἐπιστολαὶ εἰρηνικαί), общительными (litterae communicatoriae). Тертулліанъ называетъ ихъ «свидѣтельствами на участіе въ гостепріимствѣ» [5]. Мирными посланіями (ἐπιστολαὶ εἰρηνικαί) назывались епископскія письма, въ которыхъ христіанскому гостепріимству поручались бѣдные, и особенно духовные, путешествующіе по дѣламъ Церкви. Вручая такія посланія, епископъ преподавалъ напутственное благословеніе [6]. Если приходилось иногда путешествовать самому епископу, то не только вездѣ радостно встрѣчали его, но и просили служить литургію и сказать поученіе.

Для образца древнихъ епископскихъ рекомендательныхъ посланій мы представляемъ слѣдующее мѣсто изъ цитован-

---

[1] Apolog. II. n. 67. [2] Pallad. vit. Chrysost. [3] Octav. [4] Basil. M. ep. 319. [5] De præscr. c. 20. [6] Sozom. H. E. V, 16.

наго выше письма св. Василія великаго: «едва вы уѣхали отъ меня, ко мнѣ пришелъ податель этого письма. Какъ путешественникъ, онъ во всемъ томъ нуждается, что̀ христіане обыкновенно доставляютъ гостямъ. Вы отъ него самого вѣрнѣе узнаете о его занятіяхъ. Но пока окажите ему гостепріимство и помогите по вашимъ силамъ. Если областной начальникъ дома—проводите его къ нему; если же нѣтъ—позаботьтесь, чтобы онъ получилъ желаемое отъ старшинъ общества».

Но епископы не только увѣщавали другихъ къ гостепріимству, но и сами предшествовали въ этомъ собственнымъ примѣромъ. Ихъ дѣломъ было принимать путешествующихъ духовныхъ, проѣзжали ли они только, или являлись въ областной городъ по дѣламъ. Въ большихъ городахъ или столицѣ число призрѣваемыхъ такимъ образомъ доходило до многихъ десятковъ; само собою понятно, что епископы содержали ихъ на общіе церковные сборы.

Если древніе христіане много заботились о своихъ собратіяхъ, путешествующихъ по нуждѣ, то не оставляли они безъ попеченія и умершихъ — этихъ странниковъ, оставившихъ земную жизнь, чтобы уже болѣе не возвращаться въ нее. Въ этомъ случаѣ они слѣдовали не только голосу природы, по которому даже и язычники чтили усопшихъ, но и чувству любви и глубокой привязанности къ своимъ почившимъ собратіямъ, совершившимъ земное теченіе. И могло ли быть иначе, когда христіане въ тѣлахъ умершихъ видѣли храмъ Духа Святаго,—орудіе и посредство къ совершенію всѣхъ добрыхъ дѣлъ (1 Кор. 6, 19) [1]; когда они твердо вѣрили, что вмѣстѣ съ душами и воскресшія тѣла предстанутъ на судъ Божій? Въ такомъ понятіи о тѣлѣ скрывается причина того усердія, съ какимъ христіане заботились о погребеніи умершихъ. Въ первенствующей Церкви родственники умершаго несли его къ могилѣ и похороняли [2],—дѣйствіе,

[1] August. de civit. Dei. I, 13 [2] Ambros. de excess. Satyr. fratr. I, 36. — Greg. M. ad Olymp.

которое, при погребеніи мучениковъ, считалось весьма почетнымъ и которое нерѣдко исполняли епископы, сенаторы и другія знатнѣйшія лица[1]. Во время заразительныхъ болѣзней, при множествѣ умиравшихъ, христіане оказывали послѣднюю почесть приличнымъ погребеніемъ не только своимъ, но и язычникамъ, отъ которыхъ даже ихъ родные постыдно убѣгали[2]. Это поведеніе христіанъ по отношенію къ своимъ преслѣдователямъ упоминается Аѳинагоромъ въ защитительной рѣчи къ императорамъ, въ качествѣ сильнаго доказательства въ пользу единовѣрцевъ. Бѣдные и чужестранцы, о которыхъ некому было позаботиться, получали погребеніе на счетъ церковный[3].

Какъ въ древней Церкви все совершалось благообразно и по чину, то и такое немаловажное дѣло, какъ погребеніе, было поручено особому классу церковнослужителей (κοπιαται, fossores). На востокѣ число этихъ людей было очень значительно. Во время Константина великаго въ Царьградѣ и окрестностяхъ считали не менѣе 1100 такихъ сторожей. Императоры Онорій и Ѳеодосій убавили ихъ до 950; но Анастасій и Юстиніанъ опять довели до прежняго числа[4]. Эти числа, конечно, не должны казаться слишкомъ большими, когда, напримѣръ, въ Константинополѣ, во время эпидеміи 544 года каждодневно умирало 4,000—10,000 человѣкъ! Изъ древнихъ надгробныхъ надписей[5], называющихъ иногда дѣда, отца и сына гробовщиками на одномъ и томъ же мѣстѣ, можно заключить, что это занятіе было въ нѣкоторомъ родѣ наслѣдственнымъ.

Если послѣ умиравшихъ оставались вдовы и сироты, требовавшія защиты и покровительства, то онѣ служили предметомъ нѣжнѣйшей заботы для христіанскаго общества, которое помнило слова св. Апостола: «чистое и непорочное благочестіе предъ Богомъ и Отцемъ есть то, чтобы призри-

[1] Euseb. H. E. VII, 16. [2] Pont. diac. in vit. S. Cypr. [3] Tertull. apolog. c. 39.
[4] Cod. Theodos. l. I. c. 1. 2. de f. eccles. l 4.— Nov. Justinian. 43. p. 114. 59. p. 134. [5] Marchi—«Архитектура древняго Рима».

рать сиротъ и вдовъ въ ихъ несчастіи» (Іак. 1, 27). Св. Апостолы съ этою именно благодѣтельною цѣлію учредили въ Церкви званіе діаконовъ (Дѣян. 6, 1), и преемники Апостоловъ, епископы, дѣло призрѣнія вдовъ и сиротъ считали всегда близкимъ своему сердцу. Св. Игнатій Богоносецъ такъ писалъ объ этомъ св. Поликарпу: «не надобно упускать изъ виду попеченія о вдовахъ; послѣ Бога ты долженъ быть ихъ опекуномъ» [1]. Предстоятели Церкви не только употребляли значительную часть церковныхъ доходовъ на содержаніе вдовъ и сиротъ [2], но и защищали ихъ права безъ всякаго лицепріятія. Такъ св. Іоаннъ Златоустъ имѣлъ смѣлость самой императрицѣ Евдокіи, отнявшей у вдовы Калліотропы поле, представить несправедливость ея поступка и требовать возвращенія неправедно присвоеннаго; Евдокія не послушалась святаго, но вскорѣ умерла. Вѣрующіе совершенно охотно помогали епископамъ въ призрѣніи вдовъ и сиротъ, такъ что Тертулліанъ хвалится предъ язычниками, что у христіанъ дѣти обоего пола, родители которыхъ умерли въ бѣдности, ни въ чемъ не нуждаются, благодаря общественной благотворительности. [3] Съ особеннымъ вниманіемъ христіане заботились о дѣтяхъ мучениковъ и исповѣдниковъ; не только щедро одаривали ихъ, но и брали на воспитаніе въ свои домы, гдѣ и обходились съ ними, какъ съ собственными дѣтьми. [4] Такъ, когда Леонидъ, отецъ Оригена, пострадалъ за вѣру, и мать осталась, по причинѣ отнятія имѣнія, въ совершенной нищетѣ,—нашлась одна благородная и богатая госпожа, которая взяла къ себѣ мальчика Оригена и, какъ своего сына, воспитала и образовала его. Извѣстно, какого замѣчательнаго писателя подарила Церкви эта добродѣтельная женщина.

Священникъ Павелъ Матвѣевскій.

---

[1] С. 4. [2] Justin. apolog. I, 66. [3] С. 39. [4] Euseb. H. E. VI, 2.

СЛОВО

ВЪ ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

Когда Богъ призывалъ пророка Іеремію къ пророчеству о бѣдствіяхъ, имѣвшихъ постигнуть іудейскій народъ за отпаденіе его отъ завѣта Божія, то Іеремія уклонялся отъ пророческаго служенія, утверждая, что онъ не умѣетъ говорить: *О Сый Владыко Господи! се не вѣмъ глаголати* (1, 6)! молился пророкъ. При мысли о семъ, мнѣ ли дерзать теперь произнесть слово о таинственномъ событіи, совершившемся въ Іерусалимѣ на Голгоѳѣ, объемлющемъ собою всѣ времена и вѣчность, образуемомъ предъ нашими очами священнодѣйствіями св. Церкви, — когда всѣ сотворенные умы не въ состояніи измѣрить всей глубины, высоты и обширности этой тайны нашего спасенія; когда всѣми языками, человѣческими и ангельскими, невозможно было бы изчислить и исповѣсть всѣхъ животворныхъ послѣдствій сей жертвы за насъ вѣчному правосудію Божію!

И къ чему теперь немощное, человѣческое слово, когда это предлежащее изображеніе Богочеловѣка, обезчещеннаго, оплеваннаго и умерщвленнаго злобою человѣческою, внятнѣе всякаго слова проповѣдуетъ, что Отецъ небесный столько возлюбилъ родъ человѣческій, что не пощадилъ Единороднаго своего, но предалъ Его на лютѣйшія страданія и крестную смерть: дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ навѣки, но имѣлъ жизнь вѣчную (Іоан. 3, 16); что единосущный Сынъ Отца небеснаго, изъ любви къ роду человѣческому, вочеловѣчился, принялъ на себя тяготѣвшую на насъ законную клятву и грѣхи всего міра, чтобы выкупить насъ отъ сатанинскаго порабощенія и плѣна адскаго (Галат. 3, 13. 4, 5. Іоан. 1, 19);

что, движимый тою же любовію, Духъ Святый, ради крестныхъ страданій Іисуса Христа, изливаетъ божественную любовь въ сердца объемлющихъ Его вѣрою, подкрѣпляетъ ихъ въ немощахъ, ходатайствуетъ за нихъ и сообщаетъ имъ силы для жизни, сообразной съ волею Божіею (Рим. 5, 5. 8, 26. 29).

Ни едино убо нынѣ осужденіе сущымъ о Христѣ Іисусѣ, не по плоти ходящымъ, но по духу, поучаетъ Апостолъ и вопрошаетъ: кто можетъ обвинять избранныхъ Божіихъ? Богъ оправдываетъ: кто дерзнетъ осуждать ихъ (Рим. 8, 1. 22. 23)? Отецъ небесный смертію Іисуса Христа примирилъ съ Собою въ тѣлѣ плоти Его всѣхъ вѣрующихъ въ Него. Спаситель, омывъ кровію своею отъ грѣховъ своихъ послѣдователей, представляетъ ихъ предъ вѣчною правдою святыми, оправданными, непорочными, избранными въ удѣлъ Божій,— возвѣщать міру своимъ образомъ жизни совершенства призвавшаго ихъ Господа (Колосс. 2, 22. 1 Петр. 1, 19. 2, 9. 10). Такъ, хотя мы были осужденными на вѣчную пагубу, но Іисусъ Христосъ, воспріявъ на Себя своимъ вочеловѣченіемъ нашу природу, столь тѣснымъ съ нами союзомъ содѣлалъ насъ причастниками божественнаго своего естества и, посредствомъ крестныхъ своихъ страданій, какбы нѣкоею одеждою облекъ насъ своею праведностію: *елицы бо во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. 3, 27), удостовѣряетъ Духъ Святый.

Но отъ насъ, братіе, требуется постоянно быть внимательными, дорожить и бодрственно охранять отъ всякаго грѣховнаго оскверненія чистоту данной намъ во св. крещеніи ризы оправданія Христова, дабы не отпасть намъ отъ союза со Христомъ, отъ союза вѣры въ Него и любви къ Нему и не лишиться надежды на соединеніе съ Нимъ въ царствіи небесномъ.

Что̀ же съ нашей стороны можетъ способствовать намъ къ сохраненію неразрывнаго союза со Христомъ?—Самое вѣрное и самое надежное средство къ тому есть постоянное размышленіе о крестныхъ страданіяхъ и смерти Спасителя.

Такъ, созерцаемое очами вѣры предлежащее изображеніе

легко можетъ убѣдить насъ, сколь отвратителенъ грѣхъ въ очахъ Божіихъ! Размысли только, что Отецъ небесный какбы не внималъ болѣзненнымъ воплямъ возлюбленнаго Сына своего, когда Онъ, объятый, по человѣческой своей природѣ, ужасомъ, содрогался при видѣ крестныхъ своихъ страданій, ожидавшихъ Его въ наказаніе за грѣхи всего міра; что Спаситель, принявъ на Себя отвѣтственность за мерзости, неправду и злобу человѣческихъ беззаконій, не отвращалъ ни лица своего отъ заплеваній, ни ланитъ своихъ отъ заушеній; что Іисусъ Христосъ, сгарая любовію къ роду человѣческому и ревностнымъ желаніемъ удовлетворить вѣчному правосудію за оскорбленіе величія и благости Божіей нашими грѣхами, терзаемый жесточайшими ударами, томимый на крестѣ мучительными болѣзнями язвъ своихъ, ощущая въ душѣ своей всю ярость гнѣва Божія, каравшаго Господа за грѣхи всего міра, безмолвно, долготерпѣливо страдалъ, доколѣ до послѣдней капли не истощилъ безцѣнную кровь свою и не предалъ духа своего въ руки Отца небеснаго. Такъ совершилось опредѣленіе правды Божіей о спасеніи нашемъ! Не явно ли изъ сего, что только крестная жертва сего Ходатая за насъ сильна искупить всякаго человѣка отъ вѣчныхъ мукъ, уготованныхъ въ геннѣ огненной нераскаяннымъ грѣшникамъ; что мы, не усиливаясь пребывать со Іисусомъ Христомъ въ союзѣ вѣры въ Него и любви къ Нему и оставаясь въ грѣховномъ ожесточеніи, во всю вѣчность не возможемъ преклонить къ намъ на милость вѣчной правды Божіей и не будемъ имѣть ни утѣшенія, ни облегченія въ отчаянномъ нашемъ состояніи.

О, если бы, братіе, образъ Іисуса Христа распятаго неизгладимыми чертами напечатлѣлся въ умѣ и сердцѣ нашемъ! Если бы созерцаніе сего изображенія одушевило насъ животворною вѣрою въ искупительную силу крестной смерти сего Ходатая нашего, сокрушило насъ искреннимъ неизмѣннымъ покаяніемъ о грѣхахъ нашихъ, отторгло насъ отъ пристрастія къ земнымъ благамъ, удовольствіямъ и наслажденіямъ, распалило сердце наше горячайшею любовію къ Искупителю

и Богу нашему, заставило насъ всемѣрно беречься грѣха, какъ величайшаго бѣдствія, и побуждало насъ постоянно молиться и воздыхать изъ глубины души: да очиститъ насъ благодать Духа Святаго отъ всѣхъ грѣховныхъ мерзостей; да освятитъ насъ и введетъ въ царство славы Іисуса Христа; да сподобимся и мы прославлять Его со безначальнымъ Его Отцемъ и со присносущнымъ Ему и животворящимъ Духомъ Святымъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

Архіепископъ Анатолій.

СЛОВО

ВЪ ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

Что ты здѣ, Иліе? (3 Цар. 19, 9.)

Однажды пророкъ Божій Илія 40 дней и 40 ночей бѣжалъ по пустынѣ отъ злой Іезавели къ горѣ Хориву и въ теченіе этихъ дней и ночей только два раза вкусилъ хлѣба и испилъ воды, которые предложены ему были Ангеломъ; и когда онъ достигъ горы Хорива, тутъ Богъ вопросилъ его: *что ты здѣ, Иліе?*—И Илія, пламенный ревнитель славы Божіей, началъ жаловаться Господу, что всѣ оставили Его, всѣ служатъ Ваалу.

Нѣчто подобное теперь и съ нами, возлюбленные братія. Илія не шелъ, а бѣжалъ по пустынѣ 40 дней и 40 ночей, чтобы скорѣе достигнуть Хорива и тутъ побесѣдовать съ Богомъ: многіе и изъ насъ не шли, а, можно сказать, бѣжали душою и сердцемъ по святой пустынѣ поста также 40 дней и 40 ночей, хоть, можетъ быть, такъ быстро спѣшили и не съ тѣмъ, чтобы скорѣе дойдти до Голгоѳы и здѣсь побесѣдовать со Христомъ, а для того, чтобы скорѣй миновать эту пустыню поста, которая для плоти и крови нашей такъ часто кажется и скучною, и сухою, и безжизненною, а потомъ опять броситься въ объятія шумнаго, веселаго міра. Илія 40 дней и 40 ночей постился, и постился такъ, что въ теченіе этого времени только два раза вкусилъ хлѣба и воды, которые Ангелъ предложилъ ему: и мы постились, хоть и не два только раза предлагалась намъ пища въ теченіе поста, а, можетъ быть, по два раза каждый день, и хотя предлагалась она намъ не Ангеломъ, а прихотливою и изобрѣтательною плотію.

Вотъ наконецъ Илія у Хорива: вотъ наконецъ и мы у Голгоѳы! На Хоривѣ Господь вопросилъ Илію: *что ты здѣ, Иліе?* И

Илія началъ жаловаться Богу. Что́, если бы и здѣсь, у святой плащаницы, какъ на Голгоѳѣ, Спаситель, покрытый язвами за насъ, вопросилъ каждаго изъ насъ: *что ты здѣ, Иліе*? Что́ мы отвѣчали бы ему? Глубоко сердце человѣка, — и кто знаетъ, что̀ онъ въ отвѣтъ сказалъ бы Господу. Но если бы очередь дошла до правдиваго служителя Божія, который твердо помнитъ слова Господа, сказанныя пастырю: *аще не возвѣстиши дому Израилеву, не соглаголеши, еже обратитися отъ пути своего, еже живу быти ему: беззаконникъ той въ беззаконіи своемъ умретъ, крове же его отъ руки твоя взыщу* (Іезек. 3, 18),—то и онъ, кажется, не замедлилъ бы, по крайней мѣрѣ въ оправданіе себя, сказать Господу въ отвѣтъ почти то же, что́ сказалъ ему Илія.

Что ты здѣ, Иліе?—Онъ сказалъ бы въ отвѣтъ: Господи, жалобу принесъ Тебѣ Илія; прости меня! и я обращаюсь къ Тебѣ съ жалобой. Ты далъ человѣку умъ, чтобъ онъ развивалъ его,—но какъ? Ты завѣщалъ, чтобъ умъ человѣка прежде всего и больше всего старался познавать Отца Твоего небеснаго, и Тебя, единороднаго Сына Его (1 Іоан. 5, 20), а для этого чаще углублялся въ писанія Твоихъ пророковъ и апостоловъ, углублялся и въ писанія отеческія, гдѣ раскрыта и объяснена святая воля Твоя. Это нужно не для Тебя: Тебя знаютъ, Тебя славословятъ безчисленные сонмы силъ безплотныхъ; это нужно для самого человѣка. Будетъ время, будетъ судъ Твой, гдѣ не спросятъ его о томъ, напримѣръ, много ли зналъ онъ наукъ, и какія именно и какъ,—но старался ли знать, когда могъ, святую волю Твою, старался ли исполнять ее, когда имѣлъ къ тому всѣ средства, пріобрѣтенныя безцѣнною кровію Твоею, — это первый вопросъ предложенъ будетъ тамъ, и каковъ окажется отвѣтъ, такова будетъ и участь человѣка, участь вѣчная, никогда и ничѣмъ неизмѣнимая. Стоитъ, кажется, объ этомъ подумать человѣку! Вѣдь вѣчность не время; а и о времени сколько у насъ думъ, сколько заботъ! И это твердо помнили, объ этомъ крѣпко думали христіане первыхъ вѣковъ. Многіе изъ нихъ

знали наизусть цѣлыя книги священнаго Писанія, многіе брали съ собою священныя книги во время своихъ путешествій, многіе пѣли псалмы за полевыми работами,—многіе, умирая, завѣщали хоронить себя съ священными книгами. Такая пламенная была у нихъ любовь къ чтенію слова Божія! Но это, можетъ быть, потому, что имъ нечего болѣе было и читать? Нѣтъ, кто хоть сколько нибудь знакомъ съ твореніями, напримѣръ, Златоуста, Василія великаго, Григорія Богослова, тотъ никогда этого не скажетъ. Нѣтъ, было и въ ихъ время что́ читать, кромѣ слова Божія, и они читали; только въ главѣ всѣхъ умственныхъ занятій своихъ ставили слово Божіе и ученіе Церкви. Оттого каждое твореніе ихъ и проникнуто, оживлено духомъ вѣры и благочестія.

Но они жили во времена, слишкомъ далекія отъ насъ. Такъ вотъ благочестивые предки наши, предки, которыхъ кровь доселѣ течетъ въ нашихъ жилахъ: они ближе къ намъ во всѣхъ отношеніяхъ. Что́ же они? И они, можно сказать, спорили съ первыми вѣками христіанства въ любви къ чтенію слова Божія и ученію Церкви. Вспомните, напримѣръ, хоть одно обстоятельство: бывало, дитя едва начнетъ понимать, и вотъ отецъ или мать начинаютъ учить его грамотѣ,—но какой? Непремѣнно такой, которая бы на первыхъ страницахъ уже сообщала ему понятіе о Богѣ, Божіей Матери, о св. ангелахъ, о законѣ Божіемъ и т. д. Сердце дитяти мягко, какъ воскъ: что́ же удивительнаго, если святыя сѣмена, брошенныя заботливо благочестною рукою отца или матери, такъ глубоко западали въ его нѣжную, воспріимчивую душу, что они становились потомъ живительнымъ началомъ всей его жизни и дѣятельности? Итакъ, было время, когда умственныя силы человѣка развивались, и развивались не иначе, какъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ вѣры и Церкви. Но такъ ли всегда это бываетъ теперь?

Не нужно спрашивать у наперсниковъ мудрости нашего времени, развиваютъ ли они умственныя силы свои? Вотъ цѣлыя тысячи томовъ, книгъ, еженедѣльныхъ и ежедневныхъ

листовъ! Что́ это, какъ не живые свидѣтели того, что умъ у нихъ не спитъ, что онъ не безъ дѣла, что онъ развивается со дня на день все больше и больше? Но такъ ли развивается онъ, какъ завѣщалъ Господь, это вопросъ! Грустно, а надо сознаться, что немало можно нынѣ встрѣтить такихъ сочиненій, въ которыхъ обо всемъ разсуждаютъ, только ни слова о Богѣ, въ которыхъ все рѣшается такъ, что нигдѣ не замѣтно участіе промысла Божія: ни въ явленіяхъ природы, ни въ событіяхъ міра,—вездѣ виденъ только человѣкъ, Богъ не замѣтенъ нигдѣ. Что́ же это значитъ? Не то ли, что разсуждать о Богѣ да о промыслѣ Божіемъ — дѣло пастырей Церкви? Такъ, это ихъ преимущественная обязанность; но вѣдь и каждый христіанинъ — не язычникъ: что́ жь мѣшаетъ ему мыслить и писать по духу вѣры и Церкви?

А вотъ еще книгохранилища совопросниковъ вѣка сего. Загляните сюда: Боже мой, чего, какихъ книгъ тутъ вы не найдете? И, къ изумленію, можетъ быть, не вездѣ отъищете ту книгу, которая должна бы быть настольною книгою у каждаго христіанина: не вездѣ, можетъ быть, найдете святой законъ, данный Богомъ на Синаѣ при звукѣ трубъ, среди громовъ и молній; не вездѣ найдете даже святое Евангеліе, которое теперь лежитъ на персяхъ Спасителя, какъ послѣднее завѣщаніе умершаго Отца дѣтямъ, написанное, можно сказать, не тростію и чернилами, а безцѣнною кровію. Имъ стыдно не имѣть у себя творенія какого нибудь писателя, пріобрѣтшаго навремя извѣстность въ свѣтѣ, и не стыдно не имѣть творенія Духа Божія, творенія, даннаго намъ для спасенія на всѣ времена. Отчего такая холодность, такое равнодушіе? Ужь не устарѣло ли для насъ слово Божіе? Но вѣчный Духъ Божій не можетъ старѣть; не можетъ старѣть и слово Его, которое дано намъ не на вѣкъ, не на два, а на всѣ вѣки, пока земля стоитъ. Или, можетъ быть, въ наше время умъ нашъ такъ уже развился, что не находитъ для себя ничего занимательнаго, ничего интереснаго, ничего новаго на страницахъ слова Божія? Но довольно вспомнить, что

оно изречено Духомъ Святымъ, духомъ премудрости и разума: что́ же можетъ быть для насъ занимательнѣе? Довольно вспомнить слова Господа: Мое ученіе *едино есть на потребу:* что́ же можетъ быть для насъ полезнѣе? Довольно вспомнить, что вѣдь и въ зеркалѣ нѣтъ ничего новаго, и, однако, люди часто въ него смотрятся.

Еще Ты, Господи, завѣщалъ чрезъ святыхъ апостоловъ, чтобъ мудрость наша выражалась *не въ препрѣтельныхъ словесѣхъ, но въ явленіи духа и силы* (1 Кор. 2, 4), чтобъ она была *чиста, мирна, кротка, благопокорлива, исполнь милости и плодовъ благихъ* (Іак. 3, 17), чтобы наперсники мудрости дѣйствовали не по самолюбію, не по корысти, а единственно для славы Божіей и для блага ближнихъ. Много ли исполняютъ и это завѣщаніе Твое мужи ума и силы? Господи, прости ихъ! Господи, умудри ихъ!

Что ты здѣ, Иліе?—Господи, еще слово къ Тебѣ. Кромѣ ума Ты далъ человѣку еще сердце и волю, и Самъ начерталъ законъ для нихъ. Вотъ законъ для сердца: *возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и ближняго твоего, яко самъ себе.* Вотъ законъ для воли: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли.* Что́ же сердце человѣка, что́ же воля его? Ему и стыдно и страшно сказать: я не люблю Господа, и онъ говоритъ: люблю я Господа. Но что́ же значитъ при этихъ словахъ, напримѣръ, лѣность иныхъ къ молитвѣ, которая есть бесѣда человѣка съ Богомъ? Вѣдь кто кого искренно любитъ, съ тѣмъ и наговориться не можетъ; для него и часъ кажется незамѣтной минутой. Отчего же для человѣка нерѣдко́ и минута молитвы кажется чуть не за часъ? Кто кого искренно любитъ, тотъ съ любовію исполняетъ всѣ его правила и завѣщанія. Господь завѣщанія и правила свои ввѣрилъ Церкви своей. Отчего же люди бываютъ иногда такъ холодны къ учрежденіямъ Церкви? Отчего иные такъ даже недовѣрчиво смотрятъ на святые уставы ея? *Міръ во злѣ лежитъ*, а попробуй онъ, *во злѣ лежащій*, потребовать себѣ отъ человѣка какой нибудь дани, — и все готово къ его

услугамъ: сокровища для него, силы для него, время для него. А Церковь, чистая, святая невѣста Христова, потребуетъ себѣ чего нибудь, и градомъ посыплятся препятствія къ удовлетворенію ея. Большое ли, напримѣръ, требованіе Церкви: шесть дней недѣли дѣлай свое дѣло, а въ седьмый, если не во весь, то, по крайней мѣрѣ, хотя на нѣсколько часовъ, удержись отъ обычныхъ занятій и посвяти себя молитвѣ и богомыслію? И что̀ же? Есть люди, и они нерѣдки, которые какъ будто наперекоръ Церкви, наперекоръ самому Богу, изъ цѣлой недѣли избираютъ для своихъ удовольствій именно день седьмой, и даже такіе въ немъ часы, которые должны быть посвящены на богослуженіе! Итакъ, они все почти время отдаютъ міру, а міръ своенравный, міръ неблагодарный, какъ моль, какъ червь, только изъѣдаетъ у нихъ и дни и годы,—и тяжело имъ и одинъ часъ въ недѣлю удѣлить Богу, а Онъ, Милосердый, даетъ имъ и дни и годы! Можно ли послѣ этого сказать, что въ сердцахъ подобныхъ людей горитъ истинная любовь къ Богу?

За то, можетъ быть, этотъ пламень любви у нихъ перешелъ на ближнихъ, особенно въ нашъ вѣкъ, привыкшій величать себя вѣкомъ гуманнымъ? Если это и правда, то это не обида ли для Бога? Какъ можно ту святую любовь, которая должна принадлежать единственно Богу, отдать человѣку! Но что-то и не вѣрится, чтобъ это была правда. *Возлюбиши ближняго твоего*, сказалъ намъ Господь, *яко самъ себе*. Гдѣ же ты между людьми, святая любовь, такъ горячо любящая, какъ завѣщалъ тебѣ Богъ любви? Дай тобой полюбоваться, дай насмотрѣться, дай наслушаться тебя! Вотъ устный и печатный говоръ людской: не тутъ ли и голосъ братской, христіанской любви?—Много тутъ слышится и хорошаго и худаго; но громче всего раздается тутъ голосъ осужденія другихъ. Это ли голосъ твой, святая любовь? Нѣтъ, любящій себя не любитъ, чтобъ другіе его осуждали. Но, можетъ быть, онъ раздается для того, чтобъ вразумить, исправить другаго? — Дай Богъ! Только отчего же этотъ голосъ любви касается

не только живыхъ,—онъ не боится, даже любитъ тревожить и мирныя могилы усопшихъ предковъ; а мертваго вѣдь не вразумишь, не исправишь? Такъ твой ли это голосъ, святая любовь? Не вѣрнѣе ли, это голосъ мелкаго самолюбія человѣка, который, осуждая всѣхъ, живыхъ и умершихъ, хочетъ этимъ выставить себя на видъ, хочетъ высказать другимъ: вотъ я не таковъ, какъ другіе! Таково часто бываетъ сердце человѣка. А куда сердце, туда и воля: это два неразлучные друга. Оттого нерѣдко и бываетъ между людьми, что уста еще шепчутъ: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли*, а бѣдное сердце въ ту же минуту трепещетъ уже, чтобы въ самомъ дѣлѣ не исполнилась надъ ними воля Божія въ противность ихъ собственной воли. Господи, прости ихъ; Господи, согрѣй ихъ сердце, поправь ихъ волю!

Что ты здѣ, Иліе?—Господи! еще слово къ Тебѣ. Ты далъ человѣку душу, Ты же далъ ему и тѣло. Высока душа: она Твой образъ и подобіе; она искуплена Твоею кровію. Тѣло несравненно ниже ея: оно изъ земли; тѣмъ не менѣе, и оно имѣетъ свое достоинство. Ты благоволилъ назначить его въ жилище, въ храмъ Духа Святаго; Ты благоволишь питать его пречистою плотію и кровію своею. Послѣ этого оно уже не низко въ глазахъ христіанина; оно достойно, напротивъ, всякаго уваженія. Но что́ же иной разъ дѣлается съ этимъ храмомъ Духа Святаго? Увы! дѣлается иногда то, о чемъ *срамно есть и глаголати*. И вотъ оно изъ храма Духа Святаго становится иногда вертепомъ страстей, которыя, какъ разбойники, совсѣмъ порабощаютъ себѣ богоподобную душу, и вотъ въ человѣкѣ появляется превратный порядокъ: не тѣло служитъ душѣ, какъ покорный слуга, а душа служитъ тѣлу, какъ своенравному тирану. Отчего это такъ? Оттого, что люди часто сами не хотятъ пользоваться тѣми средствами, какія Богъ далъ имъ для обузданія плоти. Одно изъ такихъ средствъ есть постъ, — и вотъ оттого у іудея есть постъ, у магометанина постъ, даже у язычника постъ. Какъ же, казалось бы, не быть посту у христіанина, кото-

рый знаетъ, что за несоблюденіе поста и Адамъ не удержался въ раю,—знаетъ, съ другой стороны, что Моисей постился, и сдѣлался способнымъ принять на Синаѣ отъ Бога законъ; Илія постился, и удостоился на Хоривѣ видѣть славу Божію и вознесся на небо; Іоаннъ, предтеча Христовъ, постился; Спаситель не прежде вышелъ на подвиги спасенія людей, какъ послѣ 40-дневнаго поста; Апостолы постились, постились всѣ вообще стяжавшіе истинное величіе духа и увѣнчанные славою безсмертія? Какъ, казалось бы, не быть посту у христіанина, если только искренно онъ вѣритъ, что постъ учрежденъ и освященъ Церковію, о которой Глава ея сказалъ: *аще и Церковь преслушаетъ, буди тебѣ, якоже язычникъ и мытарь* (Матѳ. 18, 17)? И, однакожь, чего, чего не выдумаетъ невоздержная, сластолюбивая плоть, чтобъ только уволить себя отъ поста? Господи, умертви плоти нашей мудрованіе! — Иліи казалось, что всѣ оставили Тебя, что вмѣсто Тебя начали служить Ваалу; но Ты открылъ ему, что еще семь тысячь человѣкъ не преклонили колѣнъ Ваалу. Вѣримъ, что и въ наше время не менѣе, какъ и во дни Иліи, найдется истинныхъ поклонниковъ Твоихъ; но насъ, христіанъ, не тысячи, а милліоны, и Ты за всѣхъ насъ пролилъ безцѣнную кровь свою, — и вотъ душу вѣрующаго и давитъ скорбь, какъ камень, когда онъ видитъ, что истинные поклонники Твои среди милліоновъ и рѣдки и незамѣтны, а поклонники вааловы и многочисленны и на виду; оттого-то сердце его и изливается въ жалобѣ предъ Тобою.

Что ты здѣ, Иліе? Ты явился ко мнѣ съ жалобою, какъ и пророкъ Мой Илія. Я знаю Илію: скажи мнѣ о себѣ... Онъ сказалъ бы: Господи! не могу я сказать о себѣ: *нѣсмь, якоже прочіи человѣцы*. Какъ мнѣ сказать это, когда *въ беззаконіихъ зачатъ есмь, и во грѣсѣхъ роди мя мати моя* (Псал. 50, 7),—какъ сказать, когда *отъ юности моея мнози борютъ мя страсти?* И слава Богу, что во мнѣ нѣтъ силъ сказать съ фарисеемъ: *нѣсмь, якоже прочіи человѣцы!* Слава Богу, что во мнѣ еще живо сознаніе моихъ немощей! Но я помню сло-

ва Твои, сказанныя іудеямъ касательно ихъ учителей: *вся, елика аще рекутъ вамъ блюсти, соблюдайте и творите: по дѣломъ же ихъ не творите: глаголютъ бо, и не творятъ* (Матѳ. 23, 3); помню и слова Твои, сказанныя пастырю Церкви: *беззаконникъ въ беззаконіи своемъ умретъ, кровь же его*, если не вразумлялъ его, *отъ руки твоея взыщу* (Іезек. 3, 18), помню,—и вотъ во святомъ храмѣ Твоемъ, гдѣ должна слышаться одна нелицемѣрная правда, я теперь и дерзаю отверзть недостойныя уста мои частію для жалобы на людей и на себя, а частію для молитвы за людей и за себя. Господи, прости насъ! Господи, исправи насъ! Аминь.

Священникъ Константинъ Добронравинъ.

МОЛИТВЕННОЕ ОБРАЩЕНІЕ

КЪ ГОСПОДУ ІИСУСУ ХРИСТУ, ПРЕДЪ ПЛАЩАНИЦЕЮ.

Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи си. Лук. 23, 42.

Съ сокрушеніемъ сердца взирая на повитое плащаницею пречистое тѣло Твое, Господи Іисусе, единый безгрѣшный, — покланяясь предъ симъ священнымъ изображеніемъ Твоимъ, Христе умершій и погребенный, съ умиленіемъ и слезами лобызая сіи язвы, причиненныя нашими грѣхами Тебѣ, Врачу душъ и тѣлесъ нашихъ, — что́ речемъ и что́ возопіемъ къ Тебѣ изъ глубины души, какъ не покаянно-молитвенный гласъ благоразумнаго разбойника: *Помяни насъ, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ?*

Помяни насъ, Господи, Ангеловъ Творче и всея твари Содѣтелю, *имже вся быша*, — приведшій и насъ изъ небытія въ бытіе, и образомъ Твоимъ, Боже, почтившій насъ человѣковъ,—помяни, что мы земля и пепелъ и яко ничтоже предъ Тобою, но духъ Твой безсмертный живетъ въ насъ, и томится по Тебѣ душа наша, не находя въ этой долинѣ слезъ иного успокоенія, кромѣ Тебя, Источникъ жизни и безсмертія, сіяніе славы Отчей и образъ ипостаси Его.

Помяни насъ, Господи,—Ты, который, для спасенія погибавшаго созданія Твоего, безпредѣльно любимаго Тобою, но древне-злобнымъ зміемъ вовлеченнаго въ грѣхъ гордыни и непослушанія,—сошелъ съ неба на землю, содѣлался человѣкомъ, не переставая быть Богомъ,—нѣдра Отча не оставль и нашу нищету посѣтивъ, да свой паки обновишь образъ, истлѣвшій страстьми, и да взыщешь заблудшее овча, чтобы на своихъ раменахъ принести его къ Отцу и совокупить съ небесными силами. Помяни насъ, Господи! ибо это мы тѣ заблудшія

овцы, которыхъ Ты, добрый Пастырь, взыскалъ, полагая за насъ душу свою. Помяни, Господи Іисусе Христе, насъ, недостойныхъ чадецъ Твоихъ, ради которыхъ, яко младенецъ, пеленами повитый, возлегъ Ты въ убогомъ вертепѣ и въ ясляхъ безсловесныхъ, да избавишь насъ, оземленѣлыхъ, отъ безсловесія и неразумія! Помяни, Владыко человѣколюбче, Господи небесе и земли, помяни насъ, странниковъ и пришельцевъ на земли, ради которыхъ самъ Ты тридесять три года странствовалъ по землѣ, созданной Твоею рукою, но непредставившей Тебѣ мѣста удобнаго, гдѣ бы главу приклонить,—странствовалъ среди рода строптиваго и развращеннаго, для того, чтобы привести насъ заблуждшихъ въ горнюю отчизну,—озаряя всѣ пути наши свѣтомъ святаго Евангелія Твоего и примѣромъ своей святѣйшей жизни предшествуя намъ въ достиженіи небеснаго царствія. Мы не можемъ и не желаемъ скрыть отъ Тебя, добрый Пастырь и Посѣтитель душъ нашихъ, что хотя Ты и привелъ насъ во дворъ овчій, но мы,—будучи людьми Твоими, овцами пажити Твоей, и имя Твое именуя,—весьма часто не внемлемъ спасительному гласу Твоему, ибо огрубѣло сердце наше, и уши наши съ трудомъ слышатъ, и очи свои смежаемъ, да не увидимъ очами, и не услышимъ ушами, и не обратимся сердцемъ, чтобы Ты исцѣлилъ насъ! Но, воззри на насъ, Господи, окомъ милосердія Твоего и всепроницающей любви Твоей, воззри и виждь: *се нынѣ, яко очи рабъ въ руку господей своихъ*, тако очи наши къ Тебѣ, Господу Богу нашему, дондеже ущедриши ны! Воззри, вотъ и мы чувствуемъ, что мысленный волкъ губитъ насъ, и, устрашившись своей гибели, всѣ притекаемъ къ подножію креста Твоего,—притекаемъ не съ лукавою мудростію книжниковъ и совопросниковъ вѣка сего, невосхотѣвшихъ разумѣть Твоего божественнаго ученія, ни силы Божіей, но съ простосердечнымъ смиренномудріемъ избранныхъ Тобою рыбарей, коими уловилъ Ты вселенную,—и, подобно Маріи, избравшей благую часть, желаемъ поучаться у ногъ Твоихъ,—у Твоихъ пречистыхъ ногъ, пронзенныхъ гвоздями! О, не от-

ринь насъ отъ Твоего лица, Свѣте незаходимый, Твои же подаждь намъ нозѣ и держати, и цѣловати, и струями слезными, яко драгоцѣннымъ мѵромъ, помазати! Не съ лицемѣрною набожностію фарисеевъ, *оцѣждавшихъ комары* въ соблюденіи наружныхъ обрядовъ и внѣшнихъ приличій, и поглощавшихъ верблюдовъ неправды, лукавства и всякой нечистоты, не съ ихъ безумными мечтами о своей праведности, лобызаемъ сіи пречистыя язвы, которыя видимъ на Твоемъ тѣлѣ, но поистинѣ, сознавая себя весьма грѣшными и недостойными предъ Тобою, повергаемся во прахъ предъ симъ гробомъ Твоимъ, Создателю нашъ и Господи, и слезно молимся Тебѣ: благими помыслами погреби наши лукавыя совѣтованія и лукавствія духи разори! Не съ духомъ превознесенія и земныхъ разсчетовъ приходимъ къ Тебѣ, Слове, коего царство не отъ міра сего; но, отринувъ пагубное самолюбіе возненавидѣвшихъ Тебя, любовь вѣчная, первосвященниковъ и старѣйшинъ іудейскихъ,—со страхомъ Божіимъ и съ уязвленнымъ любовію сердцемъ, преклоняемъ свою грѣшную главу предъ Твоимъ терновымъ вѣнцемъ, сплетеннымъ для Тебя безумною злобою и непрестанно сплетаемымъ для искренно послушающихъ гласа Твоего, и сострадущихъ Тебѣ, имени Твоего ради, но за то увѣнчаваемыхъ въ царствіи небесномъ вѣнцемъ славы неувядаемымъ! *Помяни насъ, Господи, сгда пріидеши во царствіи Твоемъ.*

Помяни, Владыко человѣколюбче, помяни насъ грѣшныхъ, для спасенія коихъ претерпѣлъ Ты неописанныя страданія, неправедное осужденіе, заушеніе и удареніе въ ланиту отъ руки нечестиваго раба, оплеваніе отъ беззаконныхъ устъ, страшное и безчеловѣчное бичеваніе, ко кресту пригвожденіе, желчи и оцта вкушеніе, поруганіе и осмѣяніе отъ проходящихъ и даже отъ разбойника, смертныя муки и тягчайшее самыхъ адовыхъ мукъ оставленіе отъ Бога Отца, коему Ты былъ послушенъ до смерти, смерти же крестныя. Мене ради, вопіетъ къ Тебѣ каждый изъ насъ,—мене ради осужденнаго, все сіе претерпѣлъ Ты, Избавитель мой и Богъ мой! О, по-

мяни же насъ, Господи, за спасеніе которыхъ принесъ Ты божественному правосудію сію необъятную, безконечно великую жертву. Да не будетъ она для насъ потерянною, — не отринь насъ, грѣшныхъ, своенравныхъ, строптивыхъ, непослушныхъ, лѣнивыхъ, нетерпѣливыхъ, словомъ — недостойныхъ Твоей любви, но которые все еще любезны Тебѣ и которыхъ искупилъ Ты дорогою цѣною,—не истлѣннымъ сребромъ или златомъ, но честною кровію Твоею, яко агнца непорочна и пречиста, Христа! Итакъ, мы Твои,—Твои, хотя и заблудшія, но въ Твое лоно возвращающіяся дѣти! Мы желаемъ быть Твоими,—Тебѣ одному принадлежать, благоговѣйно приметатися въ благодатномъ домѣ Твоемъ и душею, и тѣломъ, и мыслію, и сердцемъ, и желаніями, и дѣлами.

Помяни, Христе Спасителю,—Ты самъ изрекъ пречистыми Твоими устами: *аще вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ.* Се Ты и вознесенъ былъ на крестъ, и снизшелъ ради насъ грѣшныхъ со креста. О, привлеки же насъ къ Себѣ силою креста Твоего,—привлеки въ объятія Твоей святой божественной любви, да ни одна изъ земныхъ тварей не предвосхититъ нашихъ чувствъ, да озаряется нашъ умъ свѣтомъ Богоразумія, да воскрыляется непрестанно стремленіемъ къ добру наша воля, да не царствуетъ грѣхъ въ мертвенномъ тѣлѣ нашемъ, но Твоя всесильная и всеосвящающая благодать да владѣетъ нашимъ сердцемъ. *Помяни насъ, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ.*

Согрѣшили мы, Отче нашъ, на небо и предъ Тобою, и уже недостойны наречься Твоими дѣтьми; но Ты самъ, премилосердый Господи, изобразилъ намъ самыми трогательными и умилительными чертами свою любовь къ намъ, кающимся,— любовь Отца, съ распростертыми объятіями встрѣчающаго заблудшихъ, при возвращеніи ихъ съ пути легкомыслія, суетности и нерадѣнія о своемъ собственномъ благѣ. О, прими же насъ, Владыко, прими насъ, обращающихся къ Тебѣ, въ Свою любовь первую, и, устроивъ небесный пиръ, даруй намъ за трудъ покаянія и подвиги самоотверженія, какіе поможетъ

намъ совершить благодать Твоя,—преизобильно насладиться плодами Твоихъ спасительныхъ страданій, и Твоего живоноснаго воскресенія. *Помяни насъ, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ*, да и мы, очистивъ чувствія, узримъ славу Твою, славу яко Единороднаго отъ Отца!

Возлюбленные о Господѣ братія и сестры и чада! пріидите, поклонимся и припадемъ ко Христу, лежащему во гробѣ, съ мыслями и чувствованіями, достойными послѣдователей Христовыхъ, облобызаемъ сіи язвы на пречистомъ тѣлѣ Его, краснѣйшаго добротою паче сыновъ человѣческихъ, но грѣхъ ради нашихъ умаленнаго, уничиженнаго, поруганнаго и умерщвленнаго! Пріидите, поклонимся и восплачемся предъ Господомъ, сотворшимъ и искупившимъ насъ, и, твердо рѣшась посвятить Ему свою жизнь,—съ молитвенными воздыханіями возопіемъ къ Нему гласомъ благоразумнаго разбойника, покаявшагося на крестѣ: *помяни насъ, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ.*

Пребудемъ въ несомнѣнной надеждѣ, что Господь дѣйствительно помянетъ насъ, помянетъ наше чистосердечное покаяніе, не забудетъ и одной капли слезной, ниже капли части нѣкоей, пролитой надъ Его гробомъ о нашихъ грѣхахъ,—даруетъ намъ благодать жить свято, по ученію св. Евангелія, и въ часъ кончины нашей скажетъ намъ: *днесь со Мною будеши въ раи,—вниди въ радость Господа Твоего*, душа, возлюбившая Его и вѣрная Ему до смерти. Аминь.

Священникъ Василій Гречулевичъ.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ СВЯТЫЯ ПАСХИ.

Христосъ воскресе!

Явилъ Господь спасеніе свое, облекся величіемъ божества своего, препоясался всемогуществомъ! Тщетно собирались сильные земли, волновались, совѣщались на погубленіе Іисуса Христа. Поправъ смерть своею смертію, Господь сокрушилъ врата адовы, поразилъ имущаго державу смерти, низшелъ во адъ, плѣнилъ его плѣнъ, воскресъ изъ мертвыхъ, изшелъ изъ гроба, яко изъ чертога! Да веселятся о семъ небеса, да торжествуетъ земля, да радуется вселенная и все живущее на ней, да плещутъ моря, да взыграютъ поля и горы! Пріидите, братіе, поклонимся Христу, Царю и Богу нашему! Пріидите, воспоемъ Господу, воскликнемъ Богу спасенія нашего, предстанемъ предъ лицемъ Его съ славословіемъ! Пріидите, воспоемъ новую пѣснь Богу, Спасителю нашему! Благовѣствуйте со дня на день спасеніе Его, возвѣщайте славу Его, превозносите чудеса Его: *яко той есть Богъ нашъ!*

Въ чемъ же открылось и проявляется царствованіе Іисуса Христа на землѣ?

Чрезъ воскресеніе изъ мертвыхъ Іисусъ Христосъ во всей силѣ показалъ, что Онъ есть единосущный Сынъ Отца небеснаго! Основавъ на землѣ благодатное царство, или Церковь свою, низпославъ ей Духа Святаго и вознесшись въ очахъ своихъ послѣдователей на небо, Господь нашъ возсѣлъ одесную Отца своего, т. е. воспріялъ и по человѣческому естеству своему всемощную власть къ распространенію, храненію и преспѣянію царства своего на землѣ. Съ

сею цѣлію Онъ управляетъ всѣми событіями, происходящими въ мірѣ, такъ что, не нарушая человѣческой свободы, Господь защищаетъ промысломъ своимъ Церковь свою отъ всѣхъ тайныхъ и явныхъ вражескихъ навѣтовъ, а для непрерывнаго созиданія св. Церкви не престаетъ поставлять Духомъ Святымъ пастырей и учителей, къ совершенію святыхъ!

Изъ какихъ же гражданъ состоитъ на землѣ царство Христово?—Не отмѣняя ни коренныхъ народныхъ уставовъ, ни гражданскихъ правительствъ, напротивъ заповѣдавъ воздавать кесарева кесареви, Іисусъ Христосъ призвалъ въ царство свое всѣ народы міра сего, всѣхъ людей всякаго состоянія и званія. Посему въ царствѣ Іисуса Христа нѣтъ различія, обозначаемаго народностію, званіемъ, поломъ, возрастомъ, нѣтъ ни іудея, ни еллина, ни самарянина, ни скиѳа, ни раба, ни свободнаго, ни мужчины, ни женщины. Богатые не имѣютъ преимущества предъ бѣдными и нищими, низшія общественныя состоянія не унижаются высшими; первенствующіе въ царствѣ Христовомъ отличаются усерднѣйшимъ только служеніемъ общественному благу и пользѣ, такъ что всѣ истинные граждане царства Христова составляютъ какбы одно одушевленное тѣло о Христѣ Іисусѣ, всѣ вошедшіе въ Церковь Его суть только братія по вѣрѣ въ Него; вслѣдствіе сего, если бы весь родъ человѣческій озарился свѣтомъ Евангелія, покорился вѣрѣ во Іисуса Христа, то весь родъ человѣческій составлялъ бы только одно нераздѣльное семейство, всѣ люди обращались бы одни съ другими какъ единокровные, родные: потому что въ царствѣ Христовомъ всѣ удостоившіеся его гражданства вкушаютъ отъ единаго божественнаго, сшедшаго съ небесе, хлѣба, и отъ единой и той же чаши спасенія пріобщаются, всѣ племена земныя призываются къ наслѣдію одного и того же царства небеснаго, отъ всѣхъ требуется любить другъ друга, взаимно помогать себѣ въ нуждахъ, принимать искреннее участіе въ судьбѣ ближняго, хотя бы требовалось положить за него свою душу, и, такимъ образомъ, поступать

съ тою цѣлію, чтобы между исповѣдующими имя Христово не было неутѣшно плачущихъ, не было безъ облегченія страждущихъ болѣзнями, не было ни несчастныхъ, ни бѣдныхъ; чтобы начальствующіе поступали съ подчиненными какъ съ дѣтьми своими, а подчиненные любили и покорялись начальствующимъ какъ отцамъ своимъ; чтобы всѣ пребывали между собою въ союзѣ мира и любви: потому что самъ Царь благодатнаго царства Іисусъ Христосъ не требуетъ отъ гражданъ его другой дани, кромѣ одного сердца нашего, кромѣ любви къ Нему и ближнему нашему!

Изъ сказаннаго легко усмотрѣть уже, каковъ духъ законовъ царства Христова. Это законы любви и милости, начертанные не на каменныхъ скрижаляхъ, не на свиткахъ и хартіяхъ, подверженныхъ тлѣнію, но на скрижаляхъ сердца послѣдователей Христовыхъ. Указывая на такіе законы и уставы царства своего, Господь еще во времена ветхозавѣтныя предвозвѣстилъ устами пророковъ, что Онъ вложитъ законы свои въ мысли людей своихъ, напишетъ свои уставы въ сердцахъ преданныхъ Ему, чтобы никому изъ нихъ не было нужды учиться законамъ Его у ближняго, или у брата своего: потому что всѣ отъ малаго до большаго будутъ имѣть истинное познаніе Бога,—такъ какъ на всѣхъ исповѣдующихъ имя Господне изліется Духъ Святый и, пребывая съ ними до скончанія міра, будетъ управлять ихъ мыслями, желаніями и чувствами (Іерем. 31, 31. 34), указывая имъ пути въ блаженную вѣчность. А сколько милостей въ царствѣ Христовомъ,—можно заключать изъ того, что въ немъ даже нѣтъ смертныхъ казней, и только тотъ не удостоивается помилованія, кто самъ отъ него отказывается. Ибо человѣколюбивый Владыка, никому не желая смерти, хочетъ, чтобы всѣ люди спаслися и достигли познанія божественной истины, чтобы даже грѣшники, преступники вѣчныхъ божественныхъ законовъ царства Христова, обратились на путь покаянія и всеусильно стремились къ блаженной вѣчности въ царство немерцающей божественной славы. Для побуж-

денія къ такому стремленію, Іисусъ Христосъ еще во время земной жизни своей призвалъ слѣдовать за Собою покаявшихся мытарей, грѣшниковъ и блудницъ, омывшихся слезами покаянія, а прежде воскресенія своего ввелъ въ рай разбойника, исповѣдовавшаго Его Спасителя на крестѣ своимъ Господомъ!

Имѣетъ ли враговъ благодатное царство Христово и какимъ оружіемъ побѣждаетъ?—Враги царства Христова безчисленны, неусыпны, непримиримы; брань съ ними тѣмъ тягостнѣе, изнурительнѣе, что они рѣдко открыто нападаютъ на цѣлое въ совокупности благодатное царство, а почти всегда воюютъ врозь противъ каждаго въ частности послѣдователя Христова. Посему для одержанія побѣды надъ врагами Христовыми и нашего спасенія почти нѣтъ другаго вида брани, кромѣ единоборства, и притомъ безпрерывнаго, неусыпнаго. Враги благодатнаго царства Христова суть: наша плоть, міръ и діаволъ со всѣми своими адскими силами. Всего опаснѣе борьба съ нашею плотію, или точнѣе съ ея похотію, съ превратными желаніями нашего сердца и вожделѣніями чувственности: потому что она неразлучна съ нами, доколѣ живемъ въ этомъ мірѣ; а горе человѣку, увлеченному ея вожделѣніями. Міръ ратоборствуетъ противу подвизающихся подъ знаменемъ креста Христова своими соблазнами, растлѣнными обычаями, превратными мудрованіями и преслѣдованіемъ рабовъ Христовыхъ, а вѣчный губитель душъ человѣческихъ съ своими клевретами, невидимо, повсюду рыщетъ, какъ томимый голодомъ левъ, и, высмотрѣвъ случай къ погубленію безпечныхъ, увлекаетъ ихъ въ плѣнъ свой грѣховными, обольстительными и даже богохульными помыслами, которые безпрестанно нашептываетъ Христовымъ ратоборцамъ. Но, при содѣйствіи благодати Божіей, враги нашего спасенія побѣждаются молитвою, постомъ, бодрствованіемъ надъ собою, терпѣніемъ; непрестанная молитва вѣры, т. е. постоянное возношеніе ума и сердца къ Богу, также обузданіе чувственности нашей строгимъ воздержаніемъ до самоотверженія, обез-

силивая искушенія плоти, отражаютъ невидимыхъ враговъ нашего спасенія; растлѣнные обычаи и соблазны міра безвредны для придерживающихся неуклонно путей Господнихъ, отрекшихся искренно гордыни и прелестей міра, а терпѣніе и вѣра превозмогаютъ не только злословіе, преслѣдованіе, насмѣшки, но даже мученія и самую смерть, причиняемыя злобою міра истиннымъ послѣдователямъ Іисуса Христа, который не только не оставляетъ, но невидимо руководствуетъ, подкрѣпляетъ и утѣшаетъ ихъ, содѣйствуя имъ своею благодатію къ одержанію побѣды надъ врагами своего царства.

Какіе же плоды принесетъ послѣдователямъ Христовымъ окончательная побѣда надъ его и нашими врагами?—Наслѣдіе вѣчнаго блаженства въ царствѣ небесномъ, уготованнаго любящимъ Іисуса Христа. Это блаженство столь велико, что въ настоящей жизни мы и вообразить не въ состояніи, въ чемъ оно состоять будетъ; потому что для изображенія его нѣтъ красокъ во всей видимой природѣ, нѣтъ словъ во всѣхъ человѣческихъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Кромѣ того, можно ли описать блага небесныя, когда ихъ не видѣло ни одно бренное око, когда восхитительныхъ глаголовъ и пѣснопѣній царства небеснаго не слышало ни одно ухо, сотканное изъ плоти и крови, когда ясное понятіе о вѣчномъ блаженствѣ никому изъ земнородныхъ не приходило на сердце? Удобнѣе сказать, чего нѣтъ въ царствѣ небесномъ, нежели изобразить то, что́ въ немъ есть. Такъ въ немъ нѣтъ ни унынія, ни скорби, ни печали, ни стоновъ, ни воздыханій, ни искушеній; нѣтъ въ немъ ни зноя, ни морозовъ, ни бурь, ни непогодъ, ни глада, ни жажды; нѣтъ ни страха, ни опасеній, ни разлуки съ ближними, ни смерти. Однако же, утверждаясь на словѣ Божіемъ, естественно заключать, что всѣ блага царства небеснаго превосходятъ всякое земное желаніе, вожделѣннѣе всего того, къ чему только можетъ прилѣпиться на землѣ сердце человѣческое; потому что въ нѣдрахъ вѣчнаго блаженства, гдѣ праведники, по свидѣтельству священнаго писанія, просвѣтятся подобно солнцу, облачатся въ тѣла прославлен-

ныя, уподобятся свѣтлости тверди небесной, — разумъ человѣческій, не подвергаясь ни ошибкамъ, ни заблужденіямъ, ясно будетъ созерцать вѣчныя истины и восхищаться познаніемъ ихъ; воля, не уклоняясь на стропотные пути порока, будетъ ощущать высочайшее наслажденіе въ совершенной покорности волѣ Божіей, желанія сердца совершенно будутъ удовлетворены созерцаніемъ славы божественной, взоръ — восхищаться видѣніемъ лицемъ къ лицу Спасителя нашего Іисуса Христа, какъ Онъ есть (1 Іоан. 3, 2. 1 Кор. 13, 12),— слухъ не престанетъ услаждаться пѣснопѣніями ликовъ ангельскихъ, обоняніе упояться неизреченно пріятнымъ благоуханіемъ, вкусъ — полнымъ наслажденіемъ, такъ что всякій удостоившійся наслѣдовать царство небесное постоянно будетъ ощущать въ себѣ такое довольство своимъ состояніемъ во всѣхъ отношеніяхъ, какбы погруженный въ пучину безпрерывныхъ радостей и восхитительнѣйшихъ наслажденій!

Когда же настанетъ это царство вѣчнаго блаженства и открытой славы Господа и Бога нашего Іисуса Христа?—Когда Онъ покоритъ подъ ноги свои всѣхъ враговъ своихъ, истребитъ смерть, послѣдняго врага своего, и предастъ царство свое Отцу небесному (1 Кор. 15, 24—28). Посему гражданамъ благодатнаго царства Христова необходимо, доколѣ живутъ на землѣ, неутомимо подвизаться, до всемірнаго явленія славы великаго Бога и Спасителя нашего, противу враговъ Его: потому что кто не съ Іисусомъ Христомъ, тотъ врагъ Его! Блюдемся же, братіе, да не обрящемся въ числѣ противниковъ нашего Спасителя, а во избѣжаніе страшной участи, ожидающей ихъ въ вѣчности, да послѣдуемъ неуклонно ученію Евангелія, да соблюдаемъ ревностно законы и уставы благодатнаго царства Христова; да пребываемъ въ союзѣ мира и братской любви между собою, и, не обращая вниманія на суету міра сего, да ожидаемъ, съ полнымъ упованіемъ на милосердіе Божіе, торжественнаго пришествія для всемірнаго суда Царя, Господа Бога, и Спаса нашего Іисуса Христа. Аминь.

Архіепископъ Анатолій.

СВѢТЛАЯ УТРЕНЯ.

1.

«Воскресенія день!» люди, просвѣтимся,
Пасхою Господней нынѣ освятимся!
Плотоносецъ Господь
Смертью въ жизнь насъ привелъ,
Нашу бренную плоть
Онъ на небо возвелъ...
Праздновать будемъ, лики составимъ,
Въ пѣсняхъ побѣдныхъ Бога прославимъ!

* * *

Очистимъ чувства, чтобъ Христа
Увидѣть въ свѣтѣ неприступномъ,
Въ безсмертномъ свѣтѣ,—недоступномъ
Для тѣхъ, чья вѣра нечиста,
Чей умъ, въ сомнѣніи преступномъ,
Не понимая ничего,
Во тьмѣ слѣпотствуетъ и дремлетъ...
Пусть гласу Бога своего
Слухъ вѣрныхъ Церкви ясно внемлетъ
И, слыша «радость!» отъ Него,
Весь хоръ побѣдный кличъ подъемлетъ!

* * *

Да веселятся небеса
И проповѣдуютъ достойно
Воскресной славы чудеса!
Земля да радуется стройно,
Сзывая тварь на пиръ Христовъ,
Въ всеобщій праздникъ двухъ міровъ!

3.

Придите, вкусите новое пиво:
Не камень неплодный струю источилъ,—
Изъ гроба Христосъ, о дивное диво!
Источникъ нетлѣнія намъ одождилъ!
Въ Тебѣ утверждаемся, Господи силъ!

* * *

Нынѣ, все исполненное свѣта
Небо празднуетъ: оно
Блескомъ чуднаго разсвѣта
Въ этотъ день озарено!
Солнца кругъ встаетъ, играя,
Какбы намъ передавая
Неба высшаго лучей
Свѣтъ незримый для очей;
Этимъ свѣтомъ благодатнымъ
Вся земля просвѣщена,
Тѣмъ сіяньемъ всеобъятнымъ
Преисподняя полна,
Чтобъ могла всю тварь проникнуть
Воскресенія заря,
Чтобъ въ возстаніи Царя
Утвержденной ей возникнуть!

* * *

Наканунѣ, на крестѣ,
Съ Нимъ страдая, пригвожденный,
Сораспятый, спогребенный,
Я, воскресшій во Христѣ,
Нынѣ встану обновленный,
Вниду въ царствіе Его,
Въ славу Спаса моего!

* * *

Спутницы Маріи, утро предваряя,
Въ трепетѣ ко гробу Іисуса шли,
Съ бьющимся сердцемъ шаги ускоряя,
Смотрятъ,—а камень лежитъ на земли...
Ангела видятъ, и духъ безтѣлесный
Новостью вида ихъ не страшитъ;
Тихо, но радостно, вѣстникъ небесный,
Плачущимъ плакать уже не велитъ:
«Видите, гробъ—пустой съ пеленами!
«Бога живаго нѣтъ съ мертвецами..
«Евины дщери! вамъ эта честь—
«Міру спасенія высказать вѣсть!
«Скоро бѣгите!
«Благовѣстите!

«Это—Сынъ Бога изъ мертвыхъ воскресъ,
«Смерть уничтожилъ и смертныхъ вознесъ!»

4.

На стражѣ божественной тайновидѣнія
Боговѣщательный сталъ Аввакумъ,
Отъ Ангела свѣтлаго вѣсть воскресенія,
Издревле подслушалъ пророческій умъ,
И—міру настало время спасенія,—
Христосъ, какъ Всесильный, насъ вызвалъ изъ тлѣнія!

* * *

Какъ человѣкъ явился Онъ,
Пройдя изъ дѣвственной утробы,
И непороченъ, и безъ злобы
Онъ въ Агнца пасхи освященъ,
За насъ, какъ жертва, предпожренный,
Богъ истинный—всесовершенный.

* * *

Благословенный намъ вѣнецъ—Христосъ
Одинъ за всѣхъ Себя принесъ!
И правды истинной Свѣтило
Изъ мрака гробнаго свѣтло—
Какъ солнце красное взошло,
И міръ весь свѣтомъ озарило...

* * *

Когда предъ скиніей игралъ
Богоотецъ Давидъ, ликуя,
Прообразъ тайны торжествуя,
Онъ нашъ восторгъ образовалъ:
А мы—тѣхъ сбывшихся видѣній
Достигнувъ нынѣ празднества,
Въ веселыхъ гимнахъ пѣснопѣній
Составимъ лики торжества.

5.

Въ утро глубокое, въ раннюю пору
Съ пѣснями выйдемъ, и нашему взору
Солнце прекрасное Правды блеснетъ,—
Лучь того Солнца жизнь съ свѣтомъ вольетъ!

* * *

Видя благость безконечную,
Что и въ адѣ смерти нѣтъ,

Идутъ, славя Пасху вѣчную,
Ада узники на свѣтъ.
Такъ и мы Христу представимся,
На Его исходный бракъ,
Со свѣтильниками явимся,
Разогнавъ грѣховный мракъ;
Свѣтоносно и торжественно
Женпху идя во слѣдъ,
Пасху празднуемъ божественно
Чиномъ праздничнымъ побѣдъ.

6.

Въ темницы адскія, до дна земныхъ ущелій,
Сойдя, чтобъ узниковъ оттуда возвести,
Христосъ сломилъ врата тѣхъ мрачныхъ подземелій,
Откуда безъ Него исхода не найдти,
И, какъ пророкъ, внутрь китомъ поглощенный,
Воскресъ изъ гроба Онъ, тридневный и нетлѣнный!

* * *

Цѣлы печати на гробѣ Христа,
Входы рожденья пройдя невредимо,
Такъ же, какъ древле, невыразимо,
Дѣвственно Матерь осталась чиста!
Такъ и изъ гроба воскресъ Онъ незримо,
И отверзъ къ небесамъ
Двери райскія намъ!

* * *

Заколеніе живое,
Произвольное за насъ,
За паденье родовое
Самъ Себя приводитъ Спасъ,
Смерть Адама разрушая,
И съ Собой совоскрешая,
Какъ Ходатай, Сынъ и Богъ,—
Въ Немъ весь родъ спасти Онъ могъ!

* * *

Хотя Ты, Безсмертный, и въ гробъ нисходилъ,
Но адскую силу Ты въ немъ низложилъ!
Воскреснувъ изъ мертвыхъ Христосъ побѣдитель,
Женамъ мѵроносицамъ радость вѣщалъ,
Апостоламъ божески миръ завѣщалъ
И падшимъ явился—какъ Богъ Воскреситель!

* * *

Зашедшее солнце во гробъ иногда
Поранѣй обычнаго солнца восхода,
Священныя дѣвы, у гробнаго входа,
Какъ дня вы искали,—и сердцемъ тогда
Вы знали, что́ будетъ,—бесѣдуя смѣло,
Что живоносно Іисусово тѣло,
Что въ гробѣ лежащую праотца плоть
Воставитъ Собою воскресшій Господь:
«Придите, и мѵро, подруги, потщитесь;
«Какъ даръ и какъ жертву Тому принести,
«Кто соизволилъ насъ грѣшныхъ спасти!
«Подобно волхвамъ Тому поклонитесь,
«Не пеленами Кто нынѣ обвитъ,
«Но въ плащаницѣ во гробѣ лежитъ!
«Мы плакать и сѣтовать около будемъ
И плачемъ Спасителя падшихъ возбудимъ!»

7.

Какъ человѣкъ, какъ смертный пострадалъ
Еврейскихъ отроковъ изъ пламени извлекшій,
Своимъ страданіемъ жизнь плоти смертной далъ
Намъ въ благолѣпіе нетлѣнія облекшій!
Да будетъ Богъ Отецъ, и нашъ и всѣхъ временъ,
Преславный Богъ единъ всегда благословенъ!

* * *

Поспѣшно съ мѵромъ драгоцѣннымъ
Идетъ священныхъ женъ соборъ,
Возлить его надъ погребеннымъ;
И—вдругъ отъ слезъ потускшій взоръ
Кого-то въ мракѣ различаетъ,
И вмѣсто снятаго съ креста,
Въ гробу искомаго Христа—
Живаго Бога созерцаетъ...
Тогда Его ученикамъ
Благовѣстить онѣ спѣшили,
Что Пасху тайную женамъ
Уста Христовы сообщили!

* * *

О, люди! будемъ ликовать,
Намъ должно праздникъ основать,—

Что умерщвленіе настало
Для нашей смерти родовой,
И адъ разрушенъ роковой:
Инаго житія начало
Встрѣчаемъ весело,—поемъ
Отцевъ прославленнаго Бога,
У самой вѣчности порога,
Куда безтрепетно войдемъ...

* * *

Свѣтла воскресными лучами,
Горитъ спасительная ночь;
Она пасхальными свѣчами
Мракъ смерти можетъ превозмочь...
Отъ славы дня во свѣтъ одѣта,
И свѣтоносна и свѣтла,
Для насъ предвѣстницею свѣта
Та ночь священная была,
Когда во плоти обожженной,
Рожденный прежде всѣхъ началъ,
Свѣтъ Просвѣтителя вселенной
Изъ гроба всѣхъ насъ освѣщалъ!

8.

День нареченный святый и великій,
Праздниковъ праздникъ, субботъ торжество,
Царски сзывающій свѣтлые лики
Свѣтло прославить Христа божество!

* * *

Новыхъ вѣтвей прозябенія
Виноградные грозды,
Въ день побѣдный воскресенія,
Вкусимъ царскаго священія
Благодатные плоды!

* * *

Всеобъемлющіе взоры
Обведи вокругъ, Сіонъ!
Видишь, какъ со всѣхъ сторонъ
Входятъ чадъ Твоихъ соборы!
Какъ свѣтильники, горя
Богосвѣтлыми лучами,

И безсмертными псалмами
Богословствуютъ Царя:

* * *

Богъ Отецъ и Вседержитель,
Слово Сынъ и Духъ Святый,
Свѣтодавецъ Просвѣтитель,
Тріединый, Вѣчно—Сый!
Непостижно человѣки
Въ это Имя крещены,
И въ безчисленные вѣки
Прославлять Его должны!

9.

Свѣтись, свѣтись, ты мира городъ новый,
Господней славой осіянъ!
Сіонъ! къ веселію избранниковъ готовый!
Ликуй,—какъ Церковь христіанъ!
А ты, о Чистая! родительски ликуя,
Красуйся праздникомъ, о Сынѣ торжествуя!

* * *

О божественный гласъ! о любезнѣйшій гласъ!
Сладкій гласъ непреложный!
Ты изрекъ, что всегда не отступишь отъ насъ,
До скончанія вѣка, Неложный!
Та надежда вѣрна,
Въ радость вѣрнымъ дана,
И сомнѣнія въ ней невозможны!

* * *

Наша Пасха—свята:
Мудрость Божія, Слово и Сила!
Жертва Агнца Христа
Нашу плоть и духъ освятила...
О! введи насъ туда,
Гдѣ ни вечера нѣтъ, ни борьбы, ни печали,
Чтобъ мы истинно тамъ причащались всегда
Жизни вѣчной, и смерти не знали!

* * *

Ты плотію уснулъ, какъ мертвый, на три дня,
Царь и Господь! и падшаго меня
Въ Адамѣ воскресилъ,
Смерть смертью упразднилъ...

«Пасха нетлѣнія,
«Міра спасеніе!»

Елисавета ахова.

III.

Энциклопедическій словарь, составленный русскими учеными и литераторами.

Томы I, А—Адб., XIV и 586 стр., II, Адв—Акш., VIII и 485 ст.; III, Ала—Аля, XII и 577 стр.

Санктпетербургъ, 1861 г.

Энциклопедіею, или циклопедіею (Κυκλοπαιδεία), принято называть собраніе самыхъ опредѣленныхъ и по возможности краткихъ свѣдѣній о предметахъ. Если эти свѣдѣнія группируются около названій предметовъ, располагаемыхъ по азбучному порядку, то сочиненіе получаетъ видъ энциклопедическаго словаря. Само собою понятно, что есть общія энциклопедіи, обнимающія цѣлый кругъ наукъ (таковъ именно словарь, составляемый нашими учеными), и есть энциклопедіи частныя, по той или другой наукѣ, т. е. богословскія, историческія, медицинскія, военныя, наукъ естественныхъ, математическихъ, юридическихъ и проч. О пользѣ подобныхъ сборниковъ мы считаемъ лишнимъ распространяться: представляя въ азбучномъ порядкѣ свѣдѣнія по извѣстной наукѣ, и даже болѣе, составляя, такъ сказать, сокращеніе самой науки, такіе сборники много содѣйствуютъ удержанію или возстановленію въ памяти разныхъ частей науки и весьма пригодны для справокъ, безъ которыхъ часто и нельзя обойдтись.

На русскомъ языкѣ, сколько извѣстно, мы не имѣемъ еще энциклопедическихъ словарей по отдѣльнымъ наукамъ, если исключить начатый, но далеко еще неконченный изданіемъ философскій словарь г. Гогоцкаго. Въ тридцатыхъ годахъ была сдѣлана г. Плюшаромъ попытка издать огромный энциклопедическій словарь—по всѣмъ наукамъ; но это предпріятіе, и теперь удивляющее размѣрами, въ которыхъ оно было задумано, а также и неоспоримыми достоинствами осуществленія, остановилось прежде, нежели было доведено до половины. За тѣмъ не сдѣлано ни малѣйшей попытки продолжать его, а явились опыты въ болѣе скромномъ видѣ, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и достоинства совершенно относительнаго, какъ, напримѣръ, «Справочный словарь» г. Старчевскаго. Уже въ самое недав-

нее время наши ученые и литераторы рѣшились, соединенными усиліями [1], представить обществу изданіе, задуманное въ такихъ же обширныхъ размѣрахъ, какъ и плюшаровское. Имъ желательно было сводным словаремъ, обнимающимъ всѣ науки, содѣйствовать тому великому умственному развитію, которое, въ такое короткое время и такъ быстро, распространяется въ нашемъ отечествѣ. Три первые тома энциклопедическаго словаря, составляемаго нашими учеными и литераторами, уже вышли въ свѣтъ, и мы желаемъ познакомить съ ними нашихъ читателей.

Весьма понятно, что желаніе священника сказать нѣсколько словъ о замѣчательномъ предпріятіи нашихъ ученыхъ и литераторовъ будетъ направлено только къ спеціально интересующему его предмету—богословію и къ соприкосновеннымъ съ богословіемъ наукамъ. Редакторомъ богословскаго отдѣленія словаря, при изданіи первыхъ двухъ томовъ, былъ извѣстный духовный ученый—о. протоіерей Ѳ. Ѳ. Сидонскій. Сколько пріятно было видѣть это имя, уже извѣстное и въ плюшаровскомъ изданіи, во главѣ одного изъ весьма важныхъ отдѣловъ знанія, столько же дѣлается непонятнымъ изчезновеніе этого имени въ III томѣ, сопровождаемое даже уничтоженіемъ духовной редакціи. Впрочемъ, такъ какъ и въ первыхъ двухъ томахъ (не говоря уже о третьемъ) большая часть статей, принадлежащихъ къ богословскому отдѣлу, подписана недуховными лицами, то нельзя ли въ подобномъ явленіи видѣть рѣшимость общей редакціи обойдтись въ продолженіе изданія безъ людей, спеціально знакомыхъ съ такою многосложною наукою, какъ богословіе? Вы скажете, что это невозможно; что въ такомъ случаѣ духовныя статьи могутъ быть написаны не въ томъ направленіи, какое онѣ должны имѣть сообразно съ духомъ нашей Церкви,—могутъ быть наполнены описками, неточностями и т. д. Что же? Развѣ эти недостатки въ словарѣ не замѣтны? Прочтите, для примѣра, біографіи расколоучителей: Аввакума Петровича, Александра діакона, и посмотрите, съ какою едва скрываемою симпатіею говорится объ этихъ людяхъ; разверните, для сравненія, біографію и святаго, хотя бы даже и Александра невскаго: какъ сухо и

[1] Въ составленіи I тома приняли участіе 95 лицъ; II—90; III—83. Если число сотрудниковъ будетъ сокращаться въ такой пропорціи съ каждымъ томомъ, то кто будетъ оканчивать изданіе?

коротко она излагается! Но вотъ и неточность: авторъ статейки «аксіосъ», нимало не стѣсняясь, называетъ это церковное восклицаніе, употребляемое и нынѣ въ православной Церкви, какъ всѣмъ извѣстно, при посвященіяхъ въ духовный санъ, «употреблявшимся при посвященіи епископовъ, пресвитеровъ и *иногда* діаконовъ» (II, 400 стр.), и въ доказательство—сейчасъ же ссылка на Новую скрижаль! Если бы, въ самомъ дѣлѣ, сочинитель заглянулъ въ названную имъ книгу, то вычиталъ бы тамъ нѣчто совсѣмъ другое въ сравненіи въ тѣмъ, что самъ написалъ. И Пелагій не былъ бы названъ Пелазгіемъ, пелагіане пелазгіанами и пелагіанизмъ пелазгіанизмомъ (I, 170.), когда бы статьи духовнаго содержанія были просмотрѣны лицомъ спеціально-ученымъ.

Во всѣхъ трехъ томахъ статеекъ, относящихся къ богословію, помѣщено до 140 (въ первомъ томѣ около 63, во второмъ около 30 и въ третьемъ около 40). Теперь еще трудно угадать, какъ пойдетъ дѣло дальше; но уже въ вышедшихъ томахъ мы открыли важный пропускъ, на который и желаемъ обратить вниманіе редакціи «Словаря». Въ III томѣ (стр. 82—89) сообщены свѣдѣнія объ Александріи египетской, именно изображено ея значеніе въ древнемъ языческомъ мірѣ; но отчего же ничего не сказано о значеніи Александріи въ христіанскомъ мірѣ? А извѣстно, что она имѣла такое значеніе, и даже весьма важное, потому что іерархъ ея занималъ всегда одно изъ старѣйшихъ мѣстъ въ христіанской Церкви. Нельзя извиниться и недостаткомъ свѣдѣній: въ «Христіанскомъ чтеніи», журналѣ, издаваемомъ при здѣшней духовной академіи, въ 1856 году, былъ изложенъ очеркъ исторіи александрійскаго патріархата,—довольно обстоятельный, хотя, впрочемъ, начинающійся послѣ времени халкидонскаго Собора. Замѣчены нами и другіе пропуски; но, какъ они менѣе важны, то мы и умалчиваемъ о нихъ.

Чтобы еще ближе познакомить читателей съ «Энциклопедическимъ словаремъ», мы обратимъ ихъ вниманіе на статьи въ I томѣ: «Августинъ» и «Адамъ»; во II—«Адъ» и «Академіи духовныя», и въ III—«Александроневская лавра». Особенно статья объ Августинѣ заслуживаетъ того, чтобы остановиться на ней нѣсколько долѣе.

Статья объ Августинѣ (I, 160—179 стр.) есть, по нашему мнѣнію, самая замѣчательная между всѣми богословскими статьями, помѣщенными въ первыхъ трехъ томахъ. Но, прочи-

тавъ ее, мы ясно увидѣли, что она написана перомъ не богослова. Заглянувъ, для сравненія, въ иностранныя энциклопедіи, мы нашли, что католическій авторъ, говоря о блаженномъ Августинѣ, ограничивается точнымъ и опредѣленнымъ изложеніемъ его біографіи, при чемъ перечисляетъ всѣ сочиненія церковнаго учителя, показывая случаи, по которымъ они написаны, и излагая содержаніе ихъ [1]; а протестантскій ученый, сравнивъ сначала блаженнаго отца съ тремя знаменитѣйшими западными учителями Амвросіемъ, Іеронимомъ, Григоріемъ Двоесловомъ, и показавъ его вліяніе на средніе вѣка, повѣствуетъ о лѣтахъ юности Августина, его обращеніи въ христіанство, особенно по вліянію св. Амвросія, его епископской дѣятельности, его ученіи, состоявшемъ въ объясненіи св. Писанія и опроверженіи ересей: манихейской, пелагіанской, донатистской, и оканчиваетъ свою статью общей характеристикой нравственнаго и догматическаго ученія блаженнаго Августина и особенно его взгляда на отношеніе человѣка къ домостроительству спасенія [2]. Нашъ энциклопедистъ слѣдуетъ другою дорогою: оставляя методъ изложенія строго историческій, самый умѣстный въ подобномъ случаѣ, онъ придаетъ своей статьѣ оттѣнокъ философскій. Держась такого направленія, выбраннаго совершенно произвольно, г. авторъ излагаетъ много такихъ взглядовъ, съ которыми нельзя согласиться. Таковы уже самыя первыя мысли вопросной статьи:

«Двѣ черты составляютъ особенность и могущество Августина. Страстная сосредоточенность характера обращала въ каждый періодъ его жизни всѣ силы его духа на одинъ предметъ, на одну дѣятельность; она избавляла его отъ колебаній, позволяла разомъ разрывать связи съ прежнею жизнію, доставляла неумолимую рѣшимость его нападеніямъ, подавляющую энергію всей его дѣятельности. Сомнѣніе было для него мгновеннымъ переходомъ; уступка противнику была ему непонятна. Другая черта личности Августина состояла въ эстетическомъ стремленіи къ стройности во всемъ, что составляло предметъ его дѣятельности. Фактъ, лишенный смысла, былъ ему противенъ. Всякое дѣйствіе свое онъ старался осмыслить предъ

---

[1] Kirchen-Lexicon oder Encyclopädie der katholischen Theologie und ihrer Hilfswissenschaften, von H. J. Wetzer und B. Welte, 1855. I B. 531—542 S.

[2] Real-Encyclopädie für protestantische Theologie und Kirche von Dr. Herzog, 1854 I B. 616—626 S.

самимъ собою. Догматъ укладывался въ его умѣ лишь какъ философская система; страстное убѣжденіе воплощалось въ діалектическое построеніе, лирическое одушевленіе облекало въ прекрасную форму его вѣрованіе. Первая черта неумолимо влекла Августина въ ряды тѣхъ, которые одни проявляли энергію и страстную дѣятельность среди обезсилѣвшаго общества древняго міра—въ ряды проповѣдниковъ христіанскаго аскетизма. Вторая черта—наслѣдіе классической древности—смягчала рѣзкость его стремленій, обращала его изъ аскета въ философа, изъ убѣждающаго проповѣдника въ увлекающаго оратора. Соединеніе обѣихъ этихъ чертъ дѣлало Августина самымъ способнымъ представителемъ для перехода отъ древняго міра къ новому. И впослѣдствіи, когда, въ періодъ возрожденія, западная мысль снова заключила миръ съ классическою древностію, Августинъ, вслѣдствіе своей особенности, сдѣлался опять естественнымъ звеномъ для перехода европейскаго мышленія, подъ знаменемъ реформаціи, отъ средневѣковаго богословія къ богословію новѣйшаго времени. Конечно, годы измѣняли въ Августинѣ отношеніе двухъ указанныхъ началъ. Въ молодости увлеченія его были нераздѣльны отъ поклоненія формѣ; въ возрастѣ мужества онъ представляетъ самое стройное соединеніе обоихъ началъ; подвигаясь къ старости, онъ даетъ все менѣе значенія формѣ и все болѣе приближается къ идеалу богослова, какъ его представляла себѣ средневѣковая схоластика. Растянутость, многословіе и ненужныя тонкости при разборѣ положеній дѣлаются весьма обыкновенными недостатками его сочиненій послѣдняго періода» (I, 161 стр.).

Такова характеристика блаженнаго учителя Церкви, набросанная бойкою рукою нашего энциклопедиста! Прежде всего въ ней чувствуется отсутствіе надежной точки опоры, безъ которой невозможны богословскія характеристики, хотя съ нѣкоторымъ значеніемъ. Протестантъ, разсуждая о богословскомъ предметѣ, вѣренъ своимъ руководительнымъ идеямъ, — и католикъ не удаляется отъ своихъ основаній; а нашъ авторъ — на какихъ началахъ утверждаетъ свой взглядъ на великую личность блаженнаго Августина? На чисто субъективныхъ. Нашъ энциклопедистъ составилъ себѣ извѣстное понятіе о церковномъ учителѣ и развиваетъ это понятіе, несмотря на то, что оно приводитъ его къ натяжкамъ и противорѣчіямъ съ собою и заставляетъ дѣлать оговорки. Нашъ сочинитель, напримѣръ, характеризуетъ Августина «сосредоточенною и эсте-

тическою личностію», но, замѣчая, что ему могутъ сдѣлать много возраженій, основанныхъ на фактахъ, взятыхъ изъ жизни и сочиненій знаменитаго мужа, поспѣшаетъ и оговориться, что съ лѣтами перемѣнялось въ Августинѣ взаимное отношеніе составныхъ стихій характера. Не думаетъ ли сочинитель, что, сказавъ это, онъ сталъ уже выше всякаго возраженія? А то обстоятельство, что Августинъ, когда былъ еще юношею, съ томленіемъ сердца искалъ истины и въ ней рѣшенія всѣхъ вопросовъ, во множествѣ являвшихся въ его сознаніи и требовавшихъ отвѣта, — развѣ не доказываетъ, что онъ и въ самые молодые года не только былъ «страстный» поклонникъ формы, но сосредоточенный мыслитель и цѣнитель истины? И будто уже несомнѣнная истина, что подъ старость блаженный учитель совершенно пренебрегалъ формою и заботился о содержаніи? Очень понятно, что научными понятіями — формы и содержанія, или, въ приспособленіи къ блаженному учителю, эстетическаго и сосредоточеннаго направленія, авторъ желаетъ объяснить смѣшеніе въ сочиненіяхъ Августина двухъ элементовъ: языческаго и христіанскаго, философскаго и догматическаго. Но, и въ такомъ случаѣ, спросимъ: не произвольно ли авторомъ изобрѣтены названія этихъ двухъ элементовъ? Будто уже эстетика и есть достояніе классической древности, и только знакомые съ этою древностію истинно эстетическіе люди! — Эта мысль, невольно раждающаяся при чтеніи строкъ нашего энциклопедиста, требуетъ еще тщательной провѣрки. Если греки сумѣли, въ существѣ дѣла, очень некрасивую, нравственно даже безобразную, миѳологію свою облечь въ нарядную эстетическую одежду и этимъ хотя немного скрыть отъ близорукаго и поверхностнаго взгляда ея недостатки, если ихъ философы удачно систематизировали свои, часто весьма и весьма неудачные, отвѣты на метафизическіе вопросы, то вѣдь — просимъ хорошо замѣтить — и христіанство явилось въ міръ, нелишенное ни формы, ни содержанія. И какъ истинно эстетична эта форма и несомнѣнно глубоко содержаніе, испытываетъ и теперь всякій христіанинъ, — испытывали, конечно, лучшіе люди и прежняго міра, въ томъ числѣ и блаженный Августинъ. И даже прежде Августина вполнѣ понимали и краснорѣчиво объясняли возвышенное ученіе Господа Іисуса великіе отцы Церкви: Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Василій великій.—Нельзя согласиться и съ тѣмъ положеніемъ автора, буд-

то во время блаженнаго Августина одни только «проповѣдники христіанскаго аскетизма» проявляли энергію и страстную дѣятельность среди обезсилѣвшаго общества: не молчали и приверженцы язычества, не сидѣли сложивъ руки и многочисленные философы, адвокаты, риторы — почти поголовно враги христіанства. Желающій можетъ найдти доказательства въ самыхъ твореніяхъ иппонскаго епископа. А что̀ значитъ, наконецъ, это выраженіе: «догматъ укладывался въ его умѣ, лишь какъ философская система?» Не надо быть богословомъ, чтобы знать, какое различіе между догматомъ и философскою системою: тогда какъ философская система, изобрѣтаемая человѣкомъ, представляетъ болѣе или менѣе удачное рѣшеніе метафизическихъ вопросовъ, — рѣшеніе, вовсе необязательное, по недостатку, такъ называемой, высшей санкціи, — догматъ есть истина, запечатлѣнная божественнымъ авторитетомъ и небесною санкціею, и для принимающаго его такъ же возвышается надъ человѣческою системою, какъ небо надъ землею, вѣчность надъ временемъ. При такомъ существенномъ различіи догмата и системы, конечно, невозможенъ ихъ взаимный переходъ — догмата въ философскую идею, идеи въ догматъ, — невозможенъ вообще потому, что догматъ, въ подобномъ случаѣ, перестаетъ быть догматомъ, утрачивая свое значеніе; невозможенъ былъ, въ частности, у блаженнаго Августина. Въ самомъ дѣлѣ, лишь только мы согласимся съ энциклопедистомъ, что у церковнаго учителя догматъ переходилъ въ философскую систему, то, съ одной стороны, отнимемъ у отца богословское его значеніе (а онъ имѣетъ такое значеніе), съ другой поколеблемъ нравственное его достоинство, заподозривъ искренность и твердость его вѣры. Но мы далеки отъ такого образа мыслей: мы увѣрены, что блаженный Августинъ строго отличалъ отъ преданія и ученія человѣческаго ученіе божественное и никакъ не хотѣлъ смѣшивать то и другое. Въ какомъ свѣтѣ представляетъ авторъ блаженнаго учителя, когда называетъ его переходною личностію отъ язычества къ христіанству и въ новое время, «когда въ періодъ возрожденія западная мысль снова заключила миръ съ классическою древностію» (это сказано, по меньшей мѣрѣ, односторонне) — отъ средневѣковаго богословія къ богословію новѣйшаго времени? Намъ хотѣлось бы, чтобы сочинитель ближе объяснилъ, что̀ это за «богословіе новѣйшаго времени»? Если не ошибаемся, то мысль энциклопеди-

ста такова: Августинъ — и язычникъ, и христіанинъ; а по этой двойственности онъ былъ сколько естественнымъ переходомъ отъ язычества къ христіанству въ свое время, столько же служитъ такимъ переходомъ и въ новое время отъ христіанства — къ язычеству. То «богословіе новѣйшаго времени», о которомъ говоритъ авторъ, не есть ли, въ самомъ дѣлѣ, язычество? — Наконецъ, эта характеристика сочиненій позднѣйшаго періода жизни Августина: «растянутость, многословіе и ненужныя тонкости при разборѣ положеній», — неужели есть послѣднее слово историко-литературной критики?

За характеристикою блаженнаго учителя у нашего энциклопедиста слѣдуетъ біографическій очеркъ юности Августина [1], прерываемый по мѣстамъ своеобразными взглядами — все на тотъ же ладъ. Таково объясненіе, почему Августинъ не вдругъ сдѣлался христіаниномъ. «Съ дѣтства Августинъ привыкъ къ словамъ христіанскаго преданія: они были для него связаны съ мыслію о нѣжно любимой матери; но онъ не былъ въ состояніи внести ихъ въ свои жизненныя стремленія (а энергія и сосредоточенность характера, о которыхъ говорилъ авторъ прежде, отчего же не помогли блаженному Августину?); онъ чуждался ихъ съ точки зрѣнія эстетики (какъ? и послѣ того, какъ высокое значеніе христіанства было уже развито великими восточными отцами??); онъ не видѣлъ въ нихъ философской стройности; наконецъ, не было около него человѣка, который заставилъ бы уважать ихъ своею личною энергіею.» Такъ и въ самое обращеніе блаженнаго Августина, которое непредубѣжденными біографами объясняется просто вліяніемъ матери — ревностной и благочестивой христіанки — и св. Амвросія — великаго проповѣдника — нашъ авторъ вноситъ свои идеи объ «эстетикѣ» и «философской стройности»! Зачѣмъ навязывать отцу то, чего онъ нигдѣ не высказалъ, и проходить молчаніемъ историческія побужденія къ его обращенію, о которыхъ и самъ онъ свидѣтельствуетъ, и другіе?

Къ числу взглядовъ, непроникнутыхъ богословскою мыслію, мы относимъ и все разсужденіе, помѣщенное на второмъ столбцѣ 163 стр. и первомъ 164. Здѣсь развивается та

---

[1] Сказано, между прочимъ: «шестнадцатилѣтній юноша имѣлъ уже сына»; надо: девятнадцатилѣтній. Значительная опечатка и на стр. 421, I т.: «Агапитъ I ум. въ 1836 г.» Надо: 536.

мысль, что христіанство нуждалось въ философской системѣ, какую далъ ему Августинъ; что Соборы, хотя и принимали «начала мистическаго супранатурализма», искусно вмѣшивая, впрочемъ, въ свои опредѣленія нѣчто и отъ противоположнаго (раціоналистическаго) направленія, но много еще вопросовъ «болѣе практическихъ» оставили безъ рѣшенія. Прочитавъ взглядъ автора, получаешь такое впечатлѣніе, что бѣда была бы христіанству, если бы не явился Августинъ, и философіею не утвердилъ ученія Господа Іисуса! Согласившись съ авторомъ, пожалуй надо пожалѣть, отчего еще апостолъ Павелъ, хорошо наставленный въ философіи и другихъ наукахъ, не только упустилъ укрѣплять христіанство по способу нашего энциклопедиста, но даже прямо предостерегалъ отъ философіи: «смотрите, братіе, чтобы кто не прельстилъ васъ философіею и пустымъ обманомъ, по преданію человѣковъ, по вещественнымъ началамъ міра, а не по Христѣ» (Колос. 2, 8).

Согласно съ своимъ понятіемъ объ Августинѣ, скорѣе какъ философѣ, чѣмъ богословѣ и церковномъ учителѣ, сочинитель, начиная второй періодъ его жизни, по посвященіи во епископа, излагаетъ систему его философскихъ мыслей. Дѣло не обходится безъ такого замѣчанія: «конечно, въ сочиненіяхъ, принадлежащихъ періоду его епископства, разсѣяны многія мысли, служащія дополненіемъ и изъясненіемъ сказанному прежде, но тѣмъ не менѣе рѣзко различіе между писателемъ, имѣющимъ въ виду стройную систему мышленія, примыкающую къ христіанству, но еще чуждую интересовъ западной Церкви, и богословомъ, пишущимъ съ намѣреніемъ низвергнуть, во что бы ни стало, мнѣніе, опасное для цѣлей духовенства, къ которому онъ принадлежитъ» (стр. 164—165). Въ какомъ свѣтѣ нашъ сочинитель представляетъ блаженнаго учителя по посвященіи во епископа! Августинъ епископъ, по его мысли, вышелъ человѣкъ партіи, преслѣдующій, вмѣстѣ съ прочими собратіями, какія-то цѣли (послѣ авторъ объяснитъ, что это цѣли «іерархическія»!) Послѣ такой перемѣны Августинъ много теряетъ въ глазахъ нашего энциклопедиста.

Мы охотно пропускаемъ систему философскихъ мыслей, изложенныхъ Августиномъ въ сочиненіяхъ, написанныхъ прежде посвященія. Можетъ быть, и самъ учитель отъ многаго отказался бы (что, въ самомъ дѣлѣ, Августину не все казалось безукоризненно вѣрнымъ въ его мышленіи, доказываетъ сочиненіе, предпринятое имъ въ позднее время жизни—Retractatio-

nes); но нашъ энциклопедистъ, ставя эту систему вслѣдъ за посвященіемъ блаженнаго отца во епископа, развиваетъ ее съ особенною полнотою и сейчасъ же относитъ ее къ богословскимъ мыслямъ Августина, заимствованнымъ изъ сочиненій, написанныхъ имъ во время епископства. Между тѣмъ правила безпристрастной герменевтики предписываютъ смотрѣть, какому времени принадлежитъ сочиненіе и сообразно съ этимъ употреблять его. Въ самомъ дѣлѣ, будетъ ли согласно съ истиною то, когда мы навяжемъ кому нибудь нѣчто такое, что имъ не признается, хотя прежде и признавалось?

Вслѣдъ за системою Августина, авторъ излагаетъ полемику иппонскаго епископа противъ современныхъ ему еретиковъ— манихеевъ, пелагіанъ и донатистовъ. Обсуживая споръ блаженнаго учителя съ Пелагіемъ, авторъ, подобно протестантскому энциклопедисту, показываетъ слабыя стороны обоихъ противниковъ; при разсужденіи же о спорѣ Августина съ манихеями, нашъ сочинитель незамѣтнымъ образомъ попадаетъ въ противорѣчіе съ обще-христіанскою догматикою. Схватывая одно изъ главныхъ положеній манихейской системы — о борьбѣ добра и зла, и забывая, что не въ этомъ еще сущность ереси, что нравственная борьба между добромъ и зломъ признается и въ христіанствѣ, авторъ называетъ эту борьбу безъ околичностей, манихействомъ,—и объявляетъ, что такое «манихейство» чрезъ варварскіе народы проникло въ западную Европу и въ католичество. Это послѣднее «приняло въ себя своего стараго врага и въ видѣ борьбы божественныхъ силъ съ сатанинскимъ навожденіемъ само поддерживало господство его началъ въ обществѣ». Какъ вамъ нравится это, читатель? До сихъ поръ мы думали, что, признавая міръ ангельскій и духа тьмы, исповѣдуемъ чистое христіанское ученіе... Но вотъ говорятъ, что это «манихейство!»

За тѣмъ у автора слѣдуетъ разборъ сочиненія Августина «о градѣ Божіемъ»—и изложеніе спора съ донатистами. Этотъ разборъ опять проникнутъ своеобразными взглядами нашего энциклопедиста. Таково выраженіе: «іерархическій взглядъ Августина выразился въ самой проповѣди о мирѣ, говоренной имъ предъ началомъ совѣщаній (съ донатистами). Онъ совѣтовалъ народу молиться и раздавать милостыню, предоставляя епископамъ мыслить за себя и рѣшать, въ какіе догматы должны они вѣровать. Конечно, донатисты были осуждены и преслѣдованіе ихъ началось снова» (стр. 176, 2 столб.). Чи-

тая эти строки, начертанныя перомъ, замѣтно благосклоннымъ къ африканскимъ раскольникамъ, пожалуй, близорукому можно проникнуться извѣстною долею сожалѣнія къ донатистамъ и негодованія къ ихъ преслѣдователямъ. Но не спѣшите, читатель, и не основывайте своего сужденія на голословномъ показаніи энциклопедиста. Донатисты составляли очень страшную секту. Они не сидѣли сложивъ руки въ то время, когда епископы мѣрами кротости старались возвратить ихъ въ нѣдра Церкви, но съ огнемъ и мечемъ проходили селенія сѣверной Африки. Послушаемъ, каковы были эти раскольники, къ которымъ нашъ авторъ питаетъ такое нѣжное чувство. «Пользуясь помощію circumcellionum (бродягъ—фанатиковъ), донатисты противились всякому не по вкусу ихъ распоряженію начальства и, охраняемые ими, какбы стражею, по мѣстамъ, вооруженною рукою отнимали у христіанъ церкви. Часто толпами ходили они по улицамъ и били тѣхъ, которые попадались на встрѣчу; особенно же подстерегали извѣстнѣйшихъ христіанскихъ учителей, ночью вламывались въ дома, принуждали богатыхъ — сжигать долговыя записи и многимъ священникамъ бросали въ глаза известь и уксусъ, съ цѣлію ослѣпить ихъ. Нерѣдко фанатизмъ ихъ былъ усиливаемъ пьянствомъ и соединялся съ грубымъ развратомъ» [1]. Можно ли, послѣ этого, укорять тогдашнія власти за то, что они употребляли строгія мѣры противъ такихъ разбойниковъ? И можно ли бросать тѣнь на блаженнаго учителя за то, что онъ «въ теоріи защищалъ право принужденія противъ еретиковъ».

Думаемъ, что не понравится богословамъ православной Церкви и слѣдующее мѣсто изъ статьи нашего энциклопедиста: «свободная воля, наслѣдственный грѣхъ и всемогущая благодать сдѣлались для слѣдующихъ (послѣ Августина) учителей оружіемъ проповѣди, употребляемой по мѣрѣ надобности. Когда нужно было призвать къ дѣламъ угоднымъ Церкви, къ дѣятельности, къ исправленію, западные богословы говорили о свободной волѣ. Когда слѣдовало унизить самоувѣренность человѣка, находящаго успокоеніе въ волѣ и въ добрыхъ дѣлахъ,—появлялся на сцену неизгладимый наслѣдственный грѣхъ, отнесеніе всѣхъ дѣлъ къ божественной благодати, страшная перспектива немногихъ спасенныхъ. Когда какой нибудь слишкомъ послѣдовательный мыслитель хотѣлъ понять возмож-

[1] Kirchen—Lexicon etc. v. Wetzer und Welte, III. B. 258 S.

ность соглашенія этихъ началъ, ему отвѣчали, что таинства соглашенія противорѣчій въ волѣ Божіей неисповѣдимы» (стр. 177). Здѣсь, повидимому, рѣчь только о западной Церкви; но кто не видитъ, что догматы, о которыхъ говоритъ энциклопедистъ, исповѣдуются и нашею Церковію? Не сознавалъ ли этого и самъ авторъ, когда писалъ эти строки?

Прочитаемъ и заключеніе, которое приличнымъ образомъ вѣнчаетъ всѣ взгляды автора. «Семидесятилѣтній Августинъ, умирая въ Гиппонѣ, осажденной вандалами, умиралъ съ убѣжденіемъ, что зданіе Церкви было укрѣплено его руками, философія грековъ положена въ фундаментѣ христіанскаго алтаря, самые спорные догматы обставлены прочными аргументами, самые грозные противники поражены и могущество Церкви сдѣлалось независимо отъ могущества имперіи» (стр. 178). Какъ далеко такое понятіе о Церкви, устрояемой и утверждаемой руками человѣка — съ цѣлями почти что человѣческими (іерархическими!), — отъ истиннаго понятія о Церкви, созидаемой Господомъ Іисусомъ, для того, чтобы она была столпомъ и утвержденіемъ истины (1 Тим. 3, 15), среди разнообразія мнѣній человѣческихъ. И какъ далекъ такой взглядъ на Августина отъ истиннаго взгляда на него, какъ смиреннаго дѣлателя въ великомъ вертоградѣ Божіемъ, гдѣ немало труждающихся, но одинъ возвращаяй Богъ (1 Кор. 3, 7).

Статья «Адамъ» (I, 559—568), начинаясь изложеніемъ ученія св. Писанія о первомъ человѣкѣ, представляетъ читателю преданіе раввинистовъ, мусульманъ и разныхъ еретиковъ офитовъ, ператовъ, сифитовъ, Манаима, Сатурнина, Маркіона, валентиніанъ, манихеевъ; далѣе слѣдуютъ мысли отцовъ и ученіе православной Церкви и въ заключеніе преданія о первой четѣ, сохранившіяся у разныхъ народовъ. Мы не можемъ понять, для чего такое усердное перечисленіе разнообразныхъ преданій, изъ которыхъ многія отличаются рѣшительною странностію. Напримѣръ: «бари говорятъ, что первый человѣкъ произошелъ отъ слона, озаги — отъ совокупленія бобра и улитки, запотеки — отъ птицы; жители острововъ Дружбы считаютъ людей произшедшими отъ червей»!

Въ статьѣ «Адъ» (II, 98—107) излагаются понятія о вмѣстилищѣ душъ разныхъ народовъ: жителей Флориды, египтянъ, жителей острововъ Гамбы, виргинцевъ, жителей Маріанскихъ острововъ, Таити, индѣйцевъ, скандинавовъ, германцевъ, грековъ, римлянъ, персовъ, древнихъ евреевъ; потомъ слѣдуетъ

ученіе новозавѣтныхъ книгъ и нѣкоторыхъ церковныхъ писателей. На концѣ, послѣ изложенія католическаго и протестантскаго ученія, сообщается ученіе восточной Церкви. Статья заключается изображеніемъ вѣрованій о загробной жизни, какъ существовавшихъ въ Россіи до введенія христіанства, такъ и образовавшихся въ народѣ подъ вліяніемъ Церкви [1].

Статья «Академіи духовныя православныя въ Россіи» (II, 239—251) составлена по извѣстнымъ историческимъ очеркамъ этихъ учрежденій, а потому и не представляетъ ничего особеннаго. Нельзя, однако, не пожалѣть, что авторъ значительно понизилъ достоинство своей статьи, сдѣлавъ рѣзкіе и, однакожь, голословные и бездоказательные отзывы о прибавленіяхъ къ «Твореніямъ св. Отцовъ» при московской академіи и переводѣ византійскимъ историковъ—при с. петербургской.

Наконецъ и статья: «Александроневская лавра» (III, 102—106), не обошлась безъ неточностей. Въ доказательство цитуемъ свѣдѣнія, неизвѣстно откуда заимствованныя, о монастырской собственности и денежныхъ сборахъ лавры.

Впрочемъ, если указанныя нами статьи, по содержанію своему, не вполнѣ удовлетворительны, за то другія по богословскому отдѣлу, въ первыхъ двухъ томахъ, безукоризненны. Таковы именно статьи о. протоіерея Ѳ. Ѳ. Сидонскаго, относящіяся къ поясненію лицъ, извѣстныхъ въ библіи. Ааронъ, Авденаго, Авдій, Авель, Авениръ, Авесса, Авессаломъ, Авигаиль, Авимелехъ, Авинадавъ, Авіудъ, Авія, Аггей, Авсія, Адда—написаны почтеннымъ ученымъ съ полнымъ знаніемъ дѣла. Такое начало, неполучившее продолженія по обстоятельствамъ, независѣвшимъ отъ о. протоіерея, достаточно, однакожь, говоритъ въ пользу того предположенія, что богословіе, отдѣлившись отъ другихъ наукъ, которыя могутъ остаться по прежнему достояніемъ «Энциклопедическаго словаря», въ состояніи имѣть свой отдѣльный словарь. Кто знаетъ сколько нибудь духовныя науки, тотъ пойметъ все богатство содержанія, выпадающаго на долю новаго предпріятія. Нѣтъ сомнѣнія, что найдутся и желающіе имѣть такое изданіе, особенно изъ людей духовныхъ. Остается пожелать чтобы наше

---

[1] Мы пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы спросить у редакціи, что́ значитъ выраженіе: «аменти ближе подходило къ *нашему* понятію объ очистилищѣ» (I, стр. 99, 1 столбецъ)?

предложеніе было взято въ серьезное разсмотрѣніе нашимъ духовнымъ обществомъ. При нѣкоторой рѣшимости и соединенныхъ усиліяхъ, не сомнѣваемся, отечественная письменность обогатилась бы новымъ и важнымъ пріобрѣтеніемъ—«богословскимъ энциклопедическимъ словаремъ».

Священникъ Павелъ Матвѣевскій.

IV.

Назначеніе преосвященнаго Антонія, епископа оренбургскаго, членомъ московской Сѵнодальной конторы. Государь Императоръ, въ 17-й день сего марта, высочайше утвердить соизволилъ всеподданнѣйшій докладъ св. Сѵнода объ увольненіи епископа оренбургскаго *Антонія* отъ управленія ввѣренною ему епархіею и назначеніи его членомъ московской сѵнодальной конторы, съ порученіемъ ему въ управленіе ставропигіальнаго Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря.

Учрежденіе въ Москвѣ единовѣрческаго женскаго монастыря. 27 января 1862 года, Высочайше утверждено опредѣленіе св. Сѵнода объ учрежденіи при единовѣрческомъ кладбищѣ въ Москвѣ женскаго монастыря, въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго права, и объ укрѣпленіи за симъ монастыремъ, жертвуемой почетною гражданкою Широковою, земли. Въ монастырѣ опредѣлено, кромѣ игуменіи и казначеи, 15 инокинь и 15 послушницъ. Сверхъ того, положено быть двумъ попечителямъ. По просьбѣ единовѣрцевъ объ утвержденіи избранныхъ попечителей, высокопреосвященнѣйшимъ Филаретомъ, митрополитомъ московскимъ, преподано имъ благословеніе Божіе, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Избраннымъ призывается благословеніе и помощь Божія, къ начатію и совершенію богоугоднаго устроенія; и да обрѣтетъ сіе начинаніе и другихъ боголюбивыхъ споспѣшествователей, да благо будетъ чрезъ благотворителей ищущимъ спасенія въ удаленіи отъ міра, и чрезъ молитвы сихъ да благо будетъ и благотворителямъ».

Пожертвованія въ пользу духовноучебныхъ заведеній. — Опредѣленіемъ св. Сѵнода 4-го января и 1 марта 1862 года, положено: почетному блюстителю по хозяйственной части при муромскомъ духовномъ училищѣ, муромскому почетному гражданину *Михаилу Шведову*, за пожертвованіе имъ въ пользу означеннаго училища 350 рублей серебромъ,—почетному блюстителю по хозяйственной части при самарской семинаріи, самарскому 2-й гильдіи купцу *Василію Бурѣеву*, пожертвовавшему въ

1861 году на вспоможеніе бѣднымъ ученикамъ 187 руб. сер., дѣйствительному статскому совѣтнику *Валерію Чарыкову*, пожертвовавшему въ 1860 и 1861 годахъ на вспоможеніе бѣднымъ ученикамъ и на пріумноженіе ученической библіотеки 350 рублей, и самарскому 3-й гильдіи купцу *Михаилу Лаптеву*, безмездно уступившему подъ помѣщеніе семинаріи на шестилѣтній срокъ передѣланную имъ въ жилье лавку, которая приносила ему 200 руб. сер. въ годъ дохода,—преподать за таковыя ихъ пожертвованія благословеніе святѣйшаго Сѵнода.

Сверхъ того, до свѣдѣнія св. Сѵнода доведено, что: 1) священникъ Воскресенской, что́ на ваганьковскомъ кладбищѣ, церкви *Іоаннъ Степановъ Тихомировъ* пожертвовалъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, 30 рублей въ пользу бѣдныхъ учениковъ донскихъ училищъ, а приписаннымъ къ каѳедральному Чудову монастырю *Николо-перервинскимъ монастыремъ* пожертвовано на открытіе передержекъ по содержанію учениковъ московской семинаріи и дома оной въ 1861 году 5,234 руб. сер.; 2) содержатель московской петровской аптеки *Андрей Форбрихеръ*, изъ причитавшихся ему за забранные у него въ 1861 году для семинарской больницы медикаменты денегъ, пожертвовалъ въ пользу бѣдныхъ учениковъ семинаріи 240 руб., 91 коп. сер.; 3) замоскворѣцкаго сорока Екатерининской, что́ на Ордынкѣ, церкви священникъ *Александръ Поспѣловъ* пожертвовалъ въ пользу московской семинарской церкви 135 руб. сер.; 4) почетный блюститель коломенскихъ училищъ, потомственный почетный гражданинъ *Гурій Ротинъ*, пожертвовалъ три государственныхъ пятипроцентныхъ билета, каждый въ 100 рублей сер., на первоначальное устройство библіотеки для учениковъ коломенскихъ училищъ; 5) почетный блюститель по хозяйственной части при полоцкой семинаріи, витебскій 1-й гильдіи купецъ *Димитрій Киселевъ*, пожертвовалъ на разныя надобности по содержанію учениковъ 200 руб. сер., и на пріобрѣтеніе современныхъ періодическихъ изданій 50 руб. сер.,—всего 250 р. с.

Открытіе сельскихъ и городскихъ первоначальныхъ школъ въ Смоленской епархіи. — Преосвященный епископъ смоленскій Антоній донесъ святѣйшему Сѵноду, что сельскихъ и городскихъ первоначальныхъ школъ въ Смоленской епархіи открыто, стараніемъ и усердіемъ мѣстнаго духовенства, 588, и въ нихъ находится учащихся дѣтей мужескаго пола 8,388 и женскаго 500. Преимущественно предъ прочими, по давности открытія

школъ, съ постоянною ревностію, усердіемъ и безмездно—занимались и занимаются преподаваніемъ въ оныхъ слѣдующія лица: 1) въ городѣ Смоленскѣ: а) Духосошественской церкви, нынѣ заштатный священникъ *Ѳеодоръ Пляшкевичъ*, которымъ открыта школа съ 1840 года; б) Крестовоздвиженской церкви священникъ *Тимоѳей Галенкинъ*, которымъ открыта школа съ 1841 года; 2) въ городѣ Вязьмѣ: а) Входоіерусалимской церкви дьячекъ *Яковъ Смирягинъ*,—школа открыта имъ съ 1846 года; б) Николаевской церкви дьячекъ *Ѳеодоръ Поповъ*, которымъ школа открыта въ 1848 году, и в) Благовѣщенской церкви — *Иванъ Тулубьевъ*, открывшій школу въ 1845 году; 3) въ городѣ Дорогобужѣ: Успенской церкви діаконъ Илья Нечаевъ,—школа открыта имъ въ 1844 году; 4) Сычевскаго уѣзда, села Короваева-Алмазова священникъ *Іоаннъ Ольховскій*, которымъ открыта школа въ 1848 году; 5) Гжатскаго уѣзда, села Вырубова священникъ *Александръ Уклонскій*, который открылъ школу въ 1837 году; 6) Бѣльскаго уѣзда, села Холма діаконъ *Михаилъ Верзиловъ*,—школа открыта въ 1849 году, и 7) Духовщинскаго уѣзда, села Кулягина благочинный, священникъ *Павелъ Чамовъ*,—школу открылъ въ 1845 году. Святѣйшій Сѵнодъ, по выслушаніи сего донесенія, опредѣленіемъ 9-го февраля положилъ означеннымъ лицамъ за успѣшное и безмездное обученіе ими дѣтей мѣстныхъ жителей преподать благословеніе святѣйшаго Сѵнода.

Устройство и освященіе церкви въ кишиневской семинаріи [1]. Февраля 13-е текущаго года останется навсегда памятнымъ для кишиневской семинаріи. Въ этотъ день совершено въ ней высокопреосвященнѣйшимъ Антоніемъ, архіепископомъ кишиневскимъ и хотинскимъ, освященіе новой церкви, съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ.

Доселѣ воспитанники семинаріи и, находящагося при ней, уѣзднаго училища ходили въ воскресные и праздничные дни на всенощныя и литургіи въ каѳедральный соборъ, а года два назадъ и въ крестовую архіерейскаго дома церковь, какъ ближайшія къ семинаріи. Но кто не знаетъ, съ какими неудобствами сопряжено бываетъ для воспитанника, особенно духовнаго вѣдомства, хожденіе въ церковь, въ какомъ бы она разстояніи ни находилась, особенно если принять во вниманіе—съ

[1] Сообщено исправл. должность ректора кишин. семинаріи, о. *архимандритомъ Варлаамомъ*.

одной стороны, крайнюю бѣдность многихъ изъ нихъ, неимѣющихъ ни надлежащей обуви, ни одежды, тогда какъ нерѣдко приходится идти въ церковь въ большую слякоть и самую суровую погоду, проходить чрезъ улицы, ничѣмъ невымощенныя, почти по колѣно въ грязи, въ одномъ изорванномъ лѣтнемъ халатикѣ и въ таковыхъ же сапогахъ, а съ другой—тѣсное помѣщеніе во храмѣ при стеченіи постороннихъ лицъ,—не говоря уже о томъ, чего они лишаются чрезъ невозможность упражняться въ чтеніи и пѣніи, приходя въ храмы, въ которыхъ имѣются свои причетники. По сей-то причинѣ потребность въ построеніи церкви въ семинаріи давно чувствовалась, а въ послѣдніе два года съ каждымъ почти днемъ становилась ощутительнѣе. Нельзя думать, чтобы ее не сознавали и предшествовавшіе архипастыри, чтобы она была не по мысли и не по сердцу ихъ. Но, не находя вѣрныхъ средствъ къ совершенію такого дѣла, каково—церковь, которой безъ матеріальныхъ средствъ невозможно построить, какъ говорится, однимъ почеркомъ пера, а особенно потому, что въ прежнее время, когда церкви по малочисленности прихожанъ имѣли немногихъ посѣтителей, и воспитанники поэтому удобно могли помѣщаться въ одной крестовой церкви, или же въ каѳедральномъ соборѣ,—они ограничивались тѣмъ, что предоставляли воспитанникамъ, число которыхъ прежде простиралось свыше 600 человѣкъ, полную возможность, преимущественно предъ посторонними, ходить попеременно то въ крестовую церковь, то въ каѳедральный соборъ. Такъ было со времени самаго основанія кишиневской семинаріи, существующей уже около 50 лѣтъ. Но, съ прибытіемъ на паству высокопреосвященнѣйшаго Антонія, для воспитанниковъ, число коихъ въ послѣднее время начало простираться до 1,000 человѣкъ, хожденіе въ крестовую церковь, составлявшую для нихъ то удобство, что здѣсь въ продолженіе цѣлаго года всенощныя воскресныя и праздничныя совершаются съ вечера, сдѣлалось еще болѣе затруднительнымъ. Введеніе архипастыремъ строгаго порядка при богослуженіи, благолѣпіе храма Божія, отличное хорное пѣніе, частое архіерейское служеніе и наконецъ открытіе крестнаго хода съ древнею иконою гербовецкой Божіей Матери, постоянно находящеюся въ крестовой церкви съ 1 октября по 17 апрѣля, и предъ которой въ каждую субботу самъ архипастырь совершаетъ молебенъ съ чтеніемъ акаѳиста Покрову,—все это начало привлекать въ крестовую церковь въ такомъ множествѣ

разнаго пола, возраста и состоянія богомольцевъ, что въ праздничные дни она становится тѣсною и для однихъ постороннихъ; почему съ 1859 года воспитанники исключительно стали ходить въ одинъ каѳедральный соборъ. Но въ послѣднее время и это единственное для нихъ молитвенное мѣсто также сдѣлалось неудобовмѣстительнымъ; ибо въ воскресные и праздничные дни, въ которые богослуженіе всегда бываетъ архіерейское, соборъ большею частію и безъ воспитанниковъ бываетъ переполненъ богомольцами. Причиною этого частію огромное скопленіе народонаселенія города Кишинева, простирающагося нынѣ до 85,000 жителей, въ числѣ коихъ, исключая евреевъ, лютеранъ, католиковъ, армянъ и раскольниковъ, однихъ православныхъ свыше 50,000, для которыхъ 12 православныхъ церквей, имѣющихся въ городѣ, самаго незначительнаго размѣра, какъ построенныя во времена оныя, когда число прихожанъ было невелико и къ церкви лѣниво, — очень недостаточны, а частію то удобство, которое представляетъ собою для богомольцевъ каѳедральный соборъ, особенно въ зимнее время, когда изъ всѣхъ градскихъ церквей въ немъ одномъ можно помолиться съ неокоченѣвшими руками, ибо онъ одинъ, кромѣ крестовой церкви, благодаря распоряженію высокопреосвященнѣйшаго Антонія, въ зимнее время отапливается. Такая неудобовмѣстительность собора и была въ послѣднее время тою главною причиною, по которой многіе изъ воспитанниковъ, волею или неволею, принуждены были отъ нестерпимой давки уходить иногда изъ церкви, несмотря на самыя строгія мѣры, какія семинарское начальство принимало противъ этого. Самъ пишущій эти строки, часто по своей обязанности сопровождавшій воспитанниковъ, и находившійся при нихъ во время присутствованія ихъ при богослуженіи въ соборѣ, самъ нерѣдко принужденъ былъ съ стѣсненнымъ сердцемъ, оставивъ ихъ на произволъ, уходить въ олтарь, или же совсѣмъ выходить изъ церкви, когда, при всѣхъ усиліяхъ, не было никакой возможности устоять противъ несносной тѣсноты и давки. Чтобы вполнѣ убѣдиться въ этой неутѣшительной для воспитанниковъ истинѣ, нужно было только стать въ ихъ ряды, или, вѣрнѣе, въ ихъ массу. Это хорошо знаютъ тѣ изъ богомольцевъ, которые, не имѣя возможности вмѣщаться въ церкви, остаются внѣ ея, толпясь около трехъ церковныхъ дверей. Послѣ сего можно судить, съ какой иногда грустію и воспитатели и воспитанники семинаріи должны были встрѣчать

самыя важныя христіанскія событія. Но всему есть предѣлъ, говоритъ Премудрый. Печаль и скорбь наконецъ были услышаны Господомъ. Несчастную Бессарабію, *сѣдящую во тьмѣ* собственнаго внутренняго невѣжества, и *сѣни смертной*, отъ окружающихъ ее и находящихся въ ней разнаго сброда иновѣрцевъ и раскольниковъ, *посѣтилъ Господь*, пославъ ей мудраго, опытнаго и дѣятельнѣйшаго архипастыря, высокопреосвященнѣйшаго Антонія, который, съ самаго прибытія своего въ Бессарабію, обратилъ вниманіе на самыя вопіющія нужды своей паствы, каковы недостатокъ образованныхъ священно и церковно-служителей, нерадѣніе нѣкоторыхъ причтовъ и прихожанъ къ благолѣпію храмовъ Божіихъ, неимѣніе учебнаго заведенія для воспитанія дѣвицъ духовнаго званія, и проч. под. [1]; не опустилъ изъ вниманія и семинаріи. Посѣтивъ ее въ самомъ началѣ прибытія своего въ Бессарабію и узнавъ подробно отъ начальства оной, что воспитанники крайне нуждаются въ молитвенномъ пріютѣ, заботливѣйшій архипастырь, руководясь неновостію для него дѣла и пылая желаніемъ помочь горю бѣдныхъ воспитанниковъ, недолго задумывался надъ этимъ недостаткомъ заведенія и надъ будущимъ образомъ своихъ дѣйствій въ отношеніи исполненія его: онъ тогда же предложилъ семинарскому начальству немедленно позаботиться о пріисканіи средствъ къ устроенію церкви. О, надобно было видѣть, съ какимъ восторгомъ пробѣгала изъ устъ въ уста воспитанниковъ эта мысль, въ первый разъ, со времени окончательнаго примкнутія Бессарабіи къ областямъ русскимъ, съ такою увѣренностію высказанная! Когда же ректоръ семинаріи возразилъ, что въ семинаріи нѣтъ такихъ суммъ, которыя бы могли быть употреблены на это дѣло, и что таковыми сред-

---

[1] Для исправленія перваго недостатка, т. е. для увеличенія образованныхъ священнослужителей, архипастырь вмѣнилъ въ обязанность семинарскому начальству позаботиться о большемъ числѣ воспитанниковъ. Для увеличенія достойныхъ причетниковъ, онъ, ищущихъ сихъ мѣстъ, подвергаетъ лично строгому испытанію. Для побужденія нерадящихъ о благолѣпіи храмовъ, онъ употребляетъ самыя дѣйствительныя мѣры, каковы: временное закрытіе неблагоприличныхъ церквей. А для воспитанія дѣвицъ духовнаго званія онъ устрояетъ теперь въ городѣ Кишиневѣ прекраснѣйшій, каменный, 2-хъ-этажный домъ, со всѣми службами, классами, церковью, въ которомъ будутъ помѣщаться до 100 душъ. Но объ этомъ прекрасномъ и неоцѣненномъ для бессарабскаго духовенства заведеніи мы поговоримъ подробно въ свое время, которое съ Божіею помощію не такъ далеко, ибо каменная работа уже окончена, а въ наступающее лѣто будетъ окончена вся работа.

ствами могутъ быть развѣ добровольныя пожертвованія, но что въ настоящее время, самое бѣдственное для бессарабскихъ жителей, много потерпѣвшихъ въ послѣднюю войну отъ большаго накопленія войскъ, а также отъ неурожаевъ и истребленія саранчею послѣднихъ посѣвовъ, и проч., нельзя и на нихъ съ увѣренностію разсчитывать,—архипастырь, имѣя глубокое упованіе на милость Божію и христіанское сочувствіе благочестивыхъ жертвователей, на это сказалъ: «Безъ сомнѣнія, благое дѣло съ трудомъ осуществляется, но Богъ не безъ милости. Была бы твердая вѣра, живое усердіе и теплое участіе, а помощь всегда будетъ, откуда ея не ожидаешь; ибо *Богъ есть дѣйствуяй въ насъ, и еже хотѣти и еже дѣяти о благоволеніи* (Филипп. 2, 13).» И—благодареніе Господу Богу!—эти пророчественныя слова архипастыря, возглаголанныя имъ ко благу заведенія, какъ показываетъ послѣдствіе, вполнѣ оправдались.

Чтобы дать высказанной мысли осуществиться и дѣлу исполнительное движеніе, опытный архипастырь самъ указалъ и мѣсто, на которомъ должна быть построена церковь [1], и, спустя немного, устроилъ временный строительный комитетъ, назначивъ его членами лицъ, болѣе опытныхъ въ этомъ дѣлѣ [2], вмѣнивъ ему въ обязанность заготовить и разослать просительныя тетрадки къ духовнымъ лицамъ, и, выдавъ на имя двухъ діаконовъ просительныя книги для испрошенія по Бессарабіи добровольныхъ пожертвованій, самъ первый пожертвовалъ значительную сумму. Примѣръ архипастыря не остался безплоднымъ. Онъ отозвался въ сердцахъ многихъ и послужилъ тѣмъ живительнымъ началомъ, на которомъ основалось столь благое дѣло. Ибо вслѣдъ за архипастыремъ, начиная съ начальника области, многіе начали вносить свои щедрыя пожертвованія на сооруженіе дома Божія, и въ такомъ количествѣ, что комитетъ, будучи воодушевленъ столь явнымъ благосло-

---

[1] Это угловое пустопорожнее мѣсто въ ряду семинарскихъ зданій, какбы самимъ Провидѣніемъ сохранившееся для этой цѣли; ибо, несмотря на то, что мѣстность, въ которой теперь построена церковь, на самомъ видномъ мѣстѣ и самая превосходная, она въ продолженіе 50 почти лѣтъ была только съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе засариваема, но никогда ничѣмъ не была застроена.

[2] Въ составъ комитета входили: ректоръ семинаріи, архимандритъ Митрофанъ, ключарь каѳедральнаго собора Георгій Постика, протоіерей Георгіевской церкви Іоаннъ Аккермановъ и экономъ семинаріи, профессоръ Евгеній Сахаровъ. Секретаремъ при комитетѣ состоялъ секретарь правленія семинаріи, профессоръ Петръ Марковъ.

веніемъ Божіимъ, рѣшился съ одними этими средствами приступить въ тотъ же годъ къ постройкѣ на указанномъ архипастыремъ мѣстѣ обширнѣйшей каменной церкви. Дѣло шло, такимъ образомъ, весьма успѣшно, и въ первый же годъ вся каменная работа была окончена. Чего, кажется, болѣе было и желать отъ добрыхъ людей? Чего лучшаго должно было и просить у Господа послѣ такихъ видимыхъ знаменій благодѣянія Божія и христіанскаго участія боголюбивыхъ благотворителей въ предпринятомъ дѣлѣ? Но Богъ судилъ иначе. Быстрый успѣхъ начатаго дѣла почти мгновенно остановился. Промыслу угодно было отозвать въ 1860 г., навремя, архипастыря, отъ неусыпной попечительности коего зависѣлъ весь успѣхъ постройки,—отозвать въ С. Петербургъ, для присутствованія въ св. Сѵнодѣ,—и комитетъ, лишившись въ отсутствующемъ архипастырѣ главной производительной силы, впалъ въ безпомощность, ослабѣлъ, истощился въ производительныхъ средствахъ и сѣлъ, по пословицѣ, какбы на мели; ибо, съ возведеніемъ каменной работы, онъ прекратилъ дальнѣйшія свои дѣйствія, успѣвъ, впрочемъ, надѣлать долговъ на тысячу рублей серебромъ.

Прошелъ цѣлый годъ отсутствію архипастыря, и цѣлый годъ остановившееся дѣло не подвигалось впередъ ни на одинъ шагъ. Такое горестное положеніе начатаго дѣла не могло не трогать души самаго равнодушнаго. Члены комитета, потерявъ всякую надежду на сочувствіе другихъ къ пріостановившемуся дѣлу, хотя причина этого, какъ мы замѣтили выше, заключалась не въ оскудѣніи любви жертвователей, а въ безсиліи побужденій къ благотворенію,—молча, думали не о томъ, какъ бы продолжать дѣло, а о томъ только, какъ бы разсчитаться съ долгами, успѣшно ими надѣланными съ отъѣздомъ архипастыря. Между тѣмъ, вѣсть за вѣстію приходила, что, можетъ быть, паства не увидитъ болѣе достойнѣйшаго своего архипастыря. Такія вѣсти не могли не имѣть своего вреднаго вліянія на дѣло. Онѣ связывали руки создателямъ храма и жертвователямъ его, какбы въ знаменіе того, что зданія, сооружаемыя для славы Божіей, зиждутся не иначе, какъ чрезъ посредство избранныхъ Имъ. Но милосердіе Божіе безконечно! Архипастырь чрезъ годъ возвратился: лично осмотрѣвъ постройку зданія, его камни и персть, давъ остановившемуся дѣлу новый толчокъ внесеніемъ въ комитетъ значительной суммы, уже въ третій разъ имъ жертвуемой [1], усиливъ комитетъ на-

[1] Всего пожертвовано архипастыремъ около 3,000 руб. сер.

значеніемъ новаго члена [1],—и зданіе храма Божія, при восполненіи усердія благоговѣющихъ къ нему [2], спустя не болѣе мѣсяцевъ 9 послѣ возвращенія архипастыря, совершилось, и совершилось, по отзыву всѣхъ видѣвшихъ его и бывающихъ въ немъ, со вкусомъ и христіанскимъ благолѣпіемъ. Если гдѣ, то подлинно въ семъ дѣлѣ нельзя не видѣть руки Божіей, ясно благословляющей благія начинанія и подкрѣпляющей человѣческія силы тамъ, гдѣ онѣ слабѣютъ!

Вотъ краткій очеркъ архитектуры храма. Внѣшность его, не представляя въ себѣ ничего особеннаго, имѣетъ, впрочемъ,

---

[1] Инспектора семинаріи, архимандрита Варлаама, которому поручено было привести въ извѣстность, сколько еще потребуется суммы на окончаніе церкви.

[2] Изъ числа частныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ пожертвованіяхъ деньгами или вещами, болѣе извѣстны слѣдующія: три благородныя кишиневскія дамы—Дурдуфь, Трясовская, Кузнецова. Первая, Дурдуфь, пожертвовала деньгами 700 руб. сер., плащаницу, прекрасные воздухи, большое евангеліе, шелковое облаченіе для престола и жертвенника, серебряную лампаду и ковшикъ; вторая, Трясовская—серебряные сосуды, какъ-то: чашу, дискосъ, звѣздицу и копье, и третья, Кузнецова—запрестольный трисвѣчникъ со свѣчами, шелковую занавѣсь, платокъ для илитона и напрестольный крестъ. Почетный блюститель семинаріи, 2 гильдіи купецъ Григорій Мотузковъ — паникадило, четыре большихъ подсвѣчника, икону на жертвенникъ, пять серебряныхъ лампадъ, два выносныхъ фонаря и коверъ. Дворяне Рали и Римканъ взнесли пожертвованія деньгами. Иконостасныхъ дѣлъ мастеръ Коваленко сдѣлалъ иконостасъ, стоимость котораго восходитъ свыше 1,000 р. сер., за 500 р. сер. Коллежскій ассесоръ Лозинскій написалъ планъ на церковь и почти безмездно исправлялъ архитекторскія обязанности при постройкѣ ея. Жена профессора семинаріи, священника Евграфа Понятовскаго — отличный шелковый подризникъ. Смотритель училища кандидатъ Емельянъ Генецкій пожертвовалъ деньгами. Священникъ города Аккермана Іоаннъ Енакіевичъ—священническую ризу, епитрахиль, поясъ, поручи и набедренникъ. Священникъ кишиневской кладбищенской церкви Іоаннъ Толмачевскій — тоже ризу, поручи и епитрахиль. Наставникъ еллиногреческаго языка Н. Артыновъ — вышитые золотомъ воздухи. Воспитанники семинаріи, всѣхъ трехъ отдѣленій, устроили отличную запрестольную икону въ рѣзномъ позолоченомъ иконостасѣ. Даже училищные ученики взнесли значительную сумму, которую поручили смотрителю Генецкому, съ цѣлію построить что нибудь для церкви. Достойно замѣчанія, что самые круглые сироты, у которыхъ никогда не бываетъ и копѣйки при душѣ, и тѣ, не желая отстать отъ своихъ товарищей, жертвовали—кто 25, кто 30 к. серебромъ. Конечно, на выплату этихъ денегъ они должны будутъ исписать нѣсколько десятковъ листовъ для своихъ заимодавцевъ. Къ числу лицъ, содѣйствовавшихъ сооруженію храма деньгами и трудами, можно отнести, кромѣ членовъ комитета, всѣхъ настоятелей и настоятельницъ монастырей, окружныхъ благочинныхъ и о.о. повѣренныхъ заграничныхъ монастырей.

прекрасный видъ. Онъ построенъ въ видѣ огромнаго четырехъугольнаго дома, простирающагося около 18 саженей въ длину, 8 въ ширину и 5 въ высоту, безъ купола, съ двумя аттиками, покрытыми, такъ же, какъ и вся церковь, листовымъ желѣзомъ. Крыша покрашена зеленою краскою, и на одномъ изъ аттиковъ поставленъ желѣзный крестъ. Стѣны снаружи еще не оштукатурены. Въ церковь ведутъ трое дверей: одна съ улицы, другая со двора семинаріи и третья отсюда же въ пономарню и олтарь. Внутренность церкви состоитъ изъ двухъ частей: олтаря и собственно церкви; но устроенные у западной стороны на трехъ аркахъ, чрезъ всю ширину церкви, большіе хоры, вмѣщающіе въ себѣ болѣе 200 человѣкъ, образуютъ третью часть храма, отдѣляющуюся отъ средней части возвышенностію пола на цѣлую четверть аршина и вышеуказанными арками. Полы досчатые, разноцвѣтно раскрашенные. Сводъ сей церкви поддерживаютъ 6 огромныхъ, круглыхъ, каменныхъ колоннъ, на мелкихъ каменныхъ пьедесталахъ, съ таковыми же капителями. Окна велики и немалочисленны, и оттого въ церкви очень свѣтло. Иконостасъ небогатый, но со вкусомъ сдѣланный и красивый. По срединѣ храма виситъ большое паникадило и таковые же подсвѣчники предъ намѣстными и другими иконами. Олтарь очень обширенъ и высоко поднятъ. Къ нему ведутъ три ступеньки, чѣмъ увеличивается красота церкви и свѣтлый видъ олтаря. Изъ находящихся въ олтарѣ вещей замѣчательна — икона запрестольная съ ликомъ Святой Троицы, въ прекрасномъ рѣзномъ и позолоченномъ кіотѣ. Такова внѣшняя и внутренняя архитектура храма Божія. И какъ она ни проста, повидимому, но если внимательно всмотрѣться въ нее и въ изображеніе тѣхъ событій изъ земной жизни Спасителя нашего, Его пречистой Матери и св. Его угодниковъ, какія имѣются во храмѣ, то невозможно не ощущать того настроенія ума, которое выражаетъ св. Церковь въ своей пѣсни: «Да молчитъ всяка плоть человѣча и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ, и ничтоже земное въ себѣ да помышляетъ».

Съ окончаніемъ внутренней отдѣлки храма, устройствомъ и вставкою иконостаса, престола, жертвенника и прочихъ принадлежностей, приступлено было къ изготовленію нужнаго къ освященію онаго. Оказалось, что изъ утвари церковной недостаетъ еще нѣкоторыхъ вещей и богослужебныхъ книгъ; но и эта малость очень озабочивала попечительнаго архипастыря и побудила его за день до освященія, т. е. 11-го числа, лично

осмотрѣть все, до послѣдней вещицы, въ церкви. Недостававшія книги немедленно присланы были архипастыремъ, числомъ до 7-ми, а вещи всѣ восполнены были христолюбивыми благотворителями, подъ именемъ неизвѣстныхъ. Нашедши все, что необходимо было къ освященію, архипастырь, имѣя въ виду съ одной стороны пользу воспитанниковъ, т. е., что съ освященіемъ церкви имъ удобнѣе будетъ упражняться въ чтеніи и пѣніи и, такимъ образомъ, заранѣе знакомиться съ обрядностію и уставомъ Церкви и заранѣе настраивать себя по ея духу, а съ другой—близость великаго поста, когда они, по уставу семинаріи, чаще противъ другаго времени должны бывать въ церкви, притомъ въ такое время года, когда въ Бессарабіи отъ весенняго таянія снѣговъ, въ настоящую зиму особенно глубокихъ, бываетъ большая слякоть, и улицы для пѣшеходовъ дѣлаются непроходимыми, — не ожидая теплаго времени, охотнѣе избираемаго другими для подобныхъ торжествъ, поспѣшилъ изъявить свое согласіе на освященіе церкви 13-го числа, во вторникъ сырныя недѣли, воздавъ хвалу Господу, *нарицающему несущая, яко сущая*, и возблагодаривъ всѣхъ участниковъ св. дѣла.

Наконецъ наступилъ и назначенный день освященія церкви. Всѣ необходимыя распоряженія къ торжеству сдѣланы были самимъ архипастыремъ. Вѣсть объ этомъ еще за нѣсколько дней разнеслась по городу чрезъ мѣстныя областныя вѣдомости. 2-го числа февраля мѣсяца, въ 5 ч. вечера, колоколъ каѳедральнаго собора возвѣстилъ воспитанникамъ семинаріи и жителямъ Кишинева время празднества, давно ожидаемаго ими. Народъ толпами спѣшилъ отвсюду въ новый храмъ, и вскорѣ онъ наполнился усердными богомольцами. Воспитанники семинаріи и училища заняли мѣста по обѣимъ сторонамъ храма, — первые на правой, а вторые на лѣвой сторонѣ. Посторонніе заняли среднюю часть храма и хоры. Два хора пѣвчихъ: архіерейскій и семинарскій, стали на обыкновенныхъ мѣстахъ. Всенощное бдѣніе совершено было исправляющимъ должность ректора семинаріи, архимандритомъ Варлаамомъ, съ 6-ю священнослужителями и двумя діаконами, согласно уставу Церкви, посреди храма, гдѣ на особомъ столѣ поставлены были всѣ вещи, приготовленныя къ освященію. Мощи же поставлены были въ каѳедральномъ соборѣ. Въ самый день освященія храма, въ 9-ть часовъ утра, при колокольномъ звонѣ, прибылъ въ церковь высокопреосвященнѣйшій Антоній и встрѣченъ былъ, по обыкновенію, въ две-

ряхъ храма, священнослужителями, назначенными къ служенію. Шествіе архипастыря подвиглось въ сопровожденіи служащихъ, среди густой массы народа, до возвышенія, устроеннаго среди храма. Здѣсь, по облаченіи въ святительскія ризы, архипастыря надѣли поверхъ нихъ бѣлый покровъ изъ бѣлаго холста наподобіе саккоса. Шесть священнослужителей также поверхъ священныхъ облаченій надѣли на себя бѣлые передники. За тѣмъ начался, по уставу Церкви, обрядъ освященія престола, антиминса и всего храма. Обойдя всю церковь, для освященія стѣнъ ея, архипастырь опять вошелъ въ олтарь и снялъ съ себя бѣлое покрывало, надѣтое поверхъ облаченія во время освященія. Священнослужители сдѣлали тоже. Послѣ того подняты были хоругви, крестъ и выносныя свѣчи, и начался крестный ходъ въ каѳедральный соборъ, гдѣ находились мощи, которыя торжественно принесены были на св. дискосѣ на головѣ, въ сопровожденіи, въ два ряда, воспитанниковъ и толпы народа. Въ числѣ присутствующихъ былъ начальникъ области и немало другихъ важныхъ особъ. По возвращеніи крестнаго хода къ предверію церковному, шествіе остановилось предъ запертою дверью. По произнесеніи преосвященнымъ трижды: *возмите врата князи ваша, и внидетъ Царь славы*, и отвѣтѣ пѣвчихъ, находившихся уже внутри храма: *кто есть Царь славы*?—врата, съ послѣднимъ отвѣтомъ архипастыря: *Господь силъ той есть Царь славы*, отворились; архипастырь вошелъ въ церковь, имѣя на головѣ своей мощи съ дискосомъ, которыя и положилъ на св. престолѣ. По произнесеніи молитвы заключительной, освященіе храма окончено провозглашеніемъ протодіакономъ многолѣтія Государю Императору, всему царствующему дому, святѣйшему Сѵноду и высокопреосвященнѣйшему Антонію. За тѣмъ началась божественная литургія по чину архіерейскому. Стройное пѣніе двухъ хоровъ пѣвчихъ въ продолженіе всего священнодѣйствія, величественное архіерейское служеніе и при этомъ еще рукоположеніе во пресвитера благотворно дѣйствовали на присутствовавшихъ во храмѣ. Предъ окончаніемъ литургіи архипастырь произнесъ назидательнѣйшее и трогательнѣйшее слово, изъ текста: *пріидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ* (Псал. 33, 13), коего содержаніе все обращено было къ воспитанникамъ. Слово сіе, исполненное пастырской любви и сказанное въ выраженіяхъ доступныхъ даже для малолѣтнихъ воспитанниковъ, состоящихъ большею частію изъ молдаванъ,

произвело на нихъ глубокое впечатлѣніе. И, конечно, оно не разъ повторится въ устахъ ихъ и отразится, при содѣйствіи Божіемъ, въ ихъ жизни и дѣятельности, ибо нельзя было не видѣть, какъ не одинъ изъ нихъ износилъ изъ глубины сердца своего глубокій молитвенный вздохъ, какъ не одинъ изъ нихъ не разъ съ благоговѣйнымъ знаменіемъ св. креста преклонялъ колѣна свои. И, конечно, молитва таковыхъ была не иная, какъ благодарственная, вопервыхъ за достойнѣйшаго архипастыря, а вовторыхъ за тѣхъ, которые содѣйствовали сооруженію для нихъ молитвеннаго пріюта. Да поможетъ же имъ Господь, по молитвамъ архипастыря, болѣе и болѣе укрѣплять въ себѣ чувства благодарности, какъ залогъ ихъ временнаго и будущаго благополучія!

По выходѣ изъ церкви, начальникъ области и другія сановныя лица, все высшее духовенство, начальники и наставники семинаріи и училища приглашены были на скромную закуску въ домъ архипастыря, гдѣ и еще удостоились пастырскаго благословенія и ласковаго привѣтствія всѣ принимавшіе участіе въ сооруженіи храма. Въ заключеніе всего произнесены были тосты: за здравіе Государя Императора, всего августѣйшаго дома, за святѣйшій Сѵнодъ, высокопреосвященнѣйшаго Антонія и всѣхъ присутствовавшихъ.

Такъ совершилось торжество освященія церкви во имя трехъ святителей: Василія великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, построенной усердіемъ христолюбивыхъ дателей, стоимость коей восходитъ до 12,000 руб. серебромъ. Это торжество, повторимъ, пребудетъ незабвеннымъ въ лѣтописяхъ кишиневской семинаріи и памятнымъ для ея воспитанниковъ, коихъ признательность къ храмоздателямъ никогда не изгладится въ сердцахъ ихъ. *Да исполнятся же уста* ихъ и *наша хваленія Твоего, Господи, яко да поемъ выну славу Твою* въ семъ молитвенномъ пріютѣ!

Освященіе новаго единовѣрческаго храма въ Казани [1]. 31 января 1862 г., высокопреосвященнымъ Аѳанасіемъ, архіепископомъ казанскимъ, въ Казани совершено освященіе новаго единовѣрческаго, во имя святителя Христова и чудотворца Николая, храма, созданнаго на мѣстѣ уничтоженной, назадъ тому десять лѣтъ, раскольнической бѣглопоповщинской часовни, при-

[1] Сообщено казанскимъ каѳедральнымъ о. протоіереемъ *Викторомъ Вишневскимъ*. См. Церк. лѣт. Дух. Бес., 17 марта 1862 г.

надлежавшими прежде къ казанскому обществу бѣглопоповцевъ, а въ 1854 году обратившимися въ единовѣріе казанскими 1-й гильдіи купцами: Арсеніемъ Кондратьевичемъ Подуруевымъ и тестемъ его (нынѣ уже умершимъ) Игнатіемъ Петровичемъ Рязановымъ.

Радостно это событіе для православной Церкви сколько потому, что оно необыкновенно, по здѣшнему мѣсту, такъ какъ изъ казанскихъ преосвященныхъ еще ни одинъ не священнодѣйствовалъ даже въ давно уже существующей здѣсь единовѣрческой, во имя четырехъ евангелистовъ, церкви, а болѣе всего по знаменательности обстоятельствъ, предшествовавшихъ сему событію. Ибо новоосвященный единовѣрческій храмъ происхожденіемъ своимъ обязанъ несочувствію строителей его къ такъ называемому, въ бѣглопоповщинѣ, австрійскому священству, потому что купецъ А. К. Подуруевъ, до обращенія своего къ единовѣрію, принадлежалъ къ числу тѣхъ бѣглопоповцевъ, которые не признаютъ законнымъ архіереемъ совратившагося въ расколъ въ 1846 году, въ Бѣлой Криницѣ, босносарайскаго митрополита Амвросія. Посему, когда въ 1852 году въ Казани уничтожена, по Высочайшему повелѣнію, слывшая подъ именемъ коровинской, бѣглопоповщинская часовня, и принадлежавшія ей зданія переданы въ вѣдѣніе казанскаго приказа общественнаго призрѣнія, онъ рѣшился съ тестемъ своимъ, для вразумленія прежнихъ своихъ общественниковъ, казанскихъ бѣглопоповцевъ, выстроить своимъ иждивеніемъ, на мѣстѣ уничтоженной часовни, единовѣрческій храмъ, въ кототоромъ должны священнодѣйствовать законно поставляемые священникъ и діаконъ, и въ 1854 году испросилъ на это, установленнымъ порядкомъ, Высочайшее соизволеніе. Далѣе, когда храмъ сей былъ уже совсѣмъ устроенъ, новый иконостасъ въ немъ установленъ и нужно было опредѣлить къ нему священника,—у изъявившихъ желаніе быть прихожанами онаго, прежнихъ бѣглопоповцевъ, родилось сомнѣніе, возносить ли ихъ будущему священнику въ священнослуженіяхъ Высочайшія имена по сѵнодской табели и имена мѣстнаго архіерея и святѣйшаго Сѵнода. Въ недоумѣніяхъ и спорахъ объ этомъ протекло болѣе двухъ лѣтъ. Но истина наконецъ восторжествовала надъ недоумѣніями. Во второй половинѣ прошлаго года, всѣ сомнѣвавшіеся дали письменное обязательство принадлежать сему храму на Высочайше утвержденныхъ 1800 года правилахъ единовѣрія. Наконецъ, когда святѣйшій Сѵнодъ, указомъ отъ 2-го

декабря 1861 года, дозволилъ при семъ храмѣ образовать самостоятельный единовѣрческій приходъ и благословилъ единовѣрческому священнику освятить его на хранившемся въ свіяжскомъ Богородицкомъ монастырѣ древнемъ антиминсѣ, во имя святителя Христова и чудотворца Николая,—то всѣ прихожане его, въ доказательство своей признательности къ милостиво принявшимъ ихъ въ общеніе православной Церкви, единодушно изъявили желаніе, чтобы освященіе храма, по древнему чиноположенію, изложенному въ филаретовскомъ и іосифовскомъ потребникахъ, было совершено самимъ архипастырем казанскимъ, почему, составивъ на бумагѣ актъ, уполномочили А. К. Подуруева просить его высокопреосвященство принять на себя сей священный трудъ.

Въ этомъ торжествѣ православной Церкви живое участіе приняли и прежніе единовѣрцы казанскіе. Послѣдніе составляли преимущественную часть богомольцевъ въ новомъ единовѣрческомъ храмѣ, какъ наканунѣ освященія храма, за всенощнымъ бдѣніемъ, такъ и въ день освященія онаго. Въ день освященія, въ храмѣ болѣе двухсотъ человѣкъ находилось и бѣглоповцевъ казанскихъ. Неизвѣстно еще, что̀ унесли въ душахъ своихъ сіи съ мѣста прежней своей часовни,—но, вѣроятно, не одни свои замѣчанія, какъ совершали чинъ освященія и литургію православный архіерей и приглашенные съ нимъ въ сослуженіе, кромѣ двухъ единовѣрческихъ священниковъ и діакона, православные два архимандрита, каѳедральнаго собора протоіерей, ключарь, протодіаконъ и діаконъ, и не одни обыкновенныя раскольническія мудрованія о дѣлахъ спасительной благодати, подобныхъ нынѣ совершившемуся. Такъ думать заставляетъ то, что одного изъ нихъ, Л. С., стоявшаго впереди всѣхъ, произнесенное преосвященнымъ послѣ литургіи слово: *о превратныхъ толкователяхъ апостольскаго ученія объ антихристѣ, и о средствахъ къ правильному разумѣнію и толкованію онаго*, привело въ такое смущеніе, что онъ не могъ скрыть его.

Что касается церемоніи освященія храма, то нѣтъ нужды описывать ее подробно. Довольно сказать, что въ чинѣ освященія не сдѣлано ни въ чемъ отступленія отъ старопечатныхъ потребниковъ. Для мира совѣсти любителей старыхъ обрядовъ, преосвященнѣйшій священнодѣйствовалъ даже въ фелони первосвятителя казанскаго, св. Гурія, и архіерейскій жезлъ употреблялъ старинный—деревянный. О томъ, что совершавшіе чинъ

освященія и литургіи не согрѣшили въ братію (1 Кор. 8, 12), свидѣтельствуютъ благомыслящіе изъ присутствовавшихъ при семъ богослуженіи старинныхъ единовѣрцевъ.

Воззваніе преосвященнаго Александра, епископа полтавскаго, къ духовенству своей паствы.

Священнослужители олтаря и храма Господня!

Дѣти ваши, обучающіяся въ подвѣдомыхъ мнѣ училищахъ и семинаріи, составляютъ одинъ изъ главныхъ предметовъ моихъ заботъ и попеченій. На улучшеніе положенія ихъ въ этихъ заведеніяхъ мною обращено было полное вниманіе вскорѣ послѣ того, какъ только я вступилъ въ управленіе епархіею [1]. Труды мои по семинаріи приближаются къ концу. Домы для классическихъ занятій и помѣщенія сиротъ въ г. Полтавѣ наняты. Къ необходимымъ передѣлкамъ въ нихъ приступлено. Срокомъ для переѣзда учащихъ и учащихся предназначается августъ мѣсяцъ. Но предшествующее жалкое положеніе семинаріи по всѣмъ частямъ управленія открыло такъ много нуждъ и потребностей, что удовлетворить имъ на счетъ одной казны нѣтъ никакой возможности. Надежды мои на сочувствіе и содѣйствіе обществъ купеческаго и мѣщанскаго г. Полтавы, къ сожалѣнію, вполнѣ не оправдались. Обращаюсь къ вамъ и предлагаю всѣмъ и каждому принести посильную жертву на предметъ самый близкій вашему и моему сердцу — нужды вашихъ дѣтей, по ихъ обученію и воспитанію.

Всякая жертва, какова бы она ни была по размѣру своему, будетъ принята и употребится въ дѣло со строгимъ разсчетомъ и надлежащимъ контролемъ.

Знаю, что многіе изъ васъ и сами очень бѣдны и испытываютъ разные нужды и недостатки; поэтому-то и предлагаю, а не предписываю, доброе дѣло,—приглашаю, а не обязываю.

Въ основаніе и начало жертвъ даю отъ себя триста рублей серебромъ.

Начальствующіе и учащіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ навѣрно поставятъ для себя пріятнымъ долгомъ послѣдовать моему примѣру, по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ.

Въ тепломъ, живомъ и дѣятельномъ сочувствіи св. обителей и подвизающихся въ нихъ я не сомнѣваюсь; настоятель-

[1] Преосвященный Александръ, по прибытіи на паству, сдѣлалъ распоряженіе избирать благочинныхъ по выбору духовенства, по примѣру покойнаго Евгенія, митрополита кіевскаго.

ныя и крайнія нужды единственнаго въ епархіи разсадника учителей вѣры и благочестія подаютъ имъ случай нынѣ дѣломъ засвидѣтельствовать то, что для нихъ интересы духовные выше земныхъ, слава Христова цѣннѣе временныхъ выгодъ и разсчетовъ.

Желательно, чтобы священнослужители не отказывали въ пріемѣ приношеній и отъ лицъ другихъ сословій, если они изъявятъ усердіе и готовность.

О.о. благочинные разошлютъ въ подвѣдомственные себѣ причты листы за своею скрѣпою и печатью, для записи собственноручной каждымъ жертвователемъ своей жертвы; не будутъ препятствовать, если какіе либо причты, по общему согласію, положатъ сдѣлать пожертвованіе и изъ церковныхъ суммъ.

Жертвы вмѣстѣ съ записями должны быть представляемы о.о. благочинными мнѣ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, но отнюдь не позже 1 будущаго іюля мѣсяца. (Февраля 22 дня 1862 года. Г. Полтава.)

Нужда возобновленія Пертоминскаго монастыря. На пути отъ города Архангельска къ Соловецкому монастырю, на берегу Бѣлаго моря, при заливѣ Унскихъ Роговъ, находится Пертоминскій заштатный монастырь, въ которомъ почиваютъ мощи преподобныхъ Вассіана и Іоны, пертоминскихъ чудотворцевъ, бывшихъ соловецкихъ послушниковъ и учениковъ святителя Филиппа, митрополита московскаго.—Бывъ посланы по дѣламъ монастыря, они, при проѣздѣ чрезъ Бѣлое море, утонули, и тѣла ихъ, принесенныя морскими волнами на берегъ, найдены въ нетлѣнномъ видѣ въ 1566 году. Нетлѣнныя мощи ихъ источали и нынѣ источаютъ съ вѣрою притекающимъ изцѣленія (память ихъ празднуется 5-го іюня).—Монастырь этотъ осчастливленъ посѣщеніемъ застигнутаго бурею императора Петра 1, водрузившаго, въ память избавленія своего отъ опасности, св. крестъ. Но поразительной бѣдности монастыря высказать невозможно,—и не удивительно: отдаленность монастыря, бѣдность его и холодность края немногихъ привлекаютъ, тѣмъ болѣе, что монастырь, будучи прикрытъ съ моря лѣсистою мѣстностію, вовсе не виденъ, и, удаленный отъ архангельско-онежскаго тракта, находится въ неудобопроходимой пустынѣ, а потому мало кому извѣстенъ. Иногда посѣтитъ его только странникъ, идущій по обѣщанію въ Соловецкую обитель, или

случайно занесетъ суденко въ Унскій заливъ бурею для благодарности угодникамъ Божіимъ за свое спасеніе. Внутри монастыря находятся три церкви, изъ коихъ одна надъ мощами св. угодниковъ, но уже въ ветхомъ видѣ, какъ и всѣ монастырскія зданія, которыя, по ветхости, угрожаютъ разрушеніемъ. При вступленіи же нынѣшняго настоятеля, принято имъ неокладныхъ доходовъ всего 19 коп. серебр. и жизненныхъ припасовъ только одинъ куль муки ржаной. Почему настоятель монастыря, съ братіею, въ чувствахъ христіанскаго смиренія, обращается съ умилительнѣйшею просьбою къ православнымъ сынамъ Церкви, которыми такъ богата православная Россія, не отказать по силѣ въ помощи на возобновленіе отдаленной и бѣдной обители, которая предъ лицемъ Господа, неотринувшаго принять и двѣ лепты вдовицы, приметъ всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ.

Благословенный Господомъ и любящій благолѣпіе дому Его узритъ благая во вся дни живота своего. Усердствующихъ проситъ адресовать: въ городъ Архангельскъ, строителю Пертоминскаго заштатнаго монастыря, іеромонаху *Аполлонію*, прилагая при томъ и имена свои для поминовенія.

Рѣчь по приведеніи къ присягѣ сердобольныхъ вдовъ въ Екатерининской церкви, при Вдовьемъ домѣ, въ С. Петербургѣ. *

Сердобольныя вдовы!

Предъ вездѣсущимъ Богомъ и св. Церковію вы дали нынѣ обѣтъ—служить страждущему человѣчеству. Изъ примѣра другихъ и по собственному опыту, вамъ не безвѣстенъ уже трудъ служенія недугующимъ различными болѣзнями.

Какъ испытанныя въ своемъ расположеніи къ дѣламъ милосердія, вы торжественно теперь признаны сердобольными вдовами и сестрами милосердія. Церковь освятила ваше званіе молитвою, присягою, вами данною, и крестомъ Господнимъ, изображеніе котораго возложено на васъ.

Поймите же важность вашего званія и назначенія. Украшаться именемъ сердобольныхъ вдовъ и сестеръ милосердія есть особенная честь для христіанокъ. Это имя даетъ разумѣть, что вы избрали главнымъ дѣломъ своей жизни подражаніе безпредѣльному человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа,

* Сказана преосвященнымъ *Леонтіемъ*, епископомъ ревельскимъ, викаріемъ с. петербургскимъ, 12-го марта 1862 года.

который, во время своей земной жизни, благотворя бѣдствующимъ, исцѣляя страждущихъ болѣзнями, благоволилъ назвать ихъ меньшими братіями своими, который служеніе имъ вмѣняетъ въ служеніе самому Себѣ (Матѳ. 25). Это имя родственно имени премилосердой Богоматери, радости всѣхъ скорбящихъ. Какая для васъ высокая честь!

Соотвѣтственно своему названію потщитесь быть вѣрными своему назначенію и долгу, священнымъ обѣтомъ утвержденному. Ваше служеніе, безъ сомнѣнія, требуетъ немалыхъ трудовъ, требуетъ постояннаго терпѣнія; но если всегда будете имѣть въ мысли, что, заботясь о больныхъ и страждущихъ, вы служите самому Господу Іисусу Христу, если будете содержать въ памяти, что, исполняя усердно долгъ свой, находитесь въ особенномъ вниманіи и у пресвятой Матери Господа,—то какихъ трудовъ и безпокойствъ не рѣшитесь вынесть?

Ваше служеніе, безъ сомнѣнія, требуетъ отъ васъ самоотверженія. Но пусть сердце ваше будетъ сосудомъ чистой, безкорыстной любви къ болящимъ: тогда эта любовь дастъ вамъ дивное, благодушное терпѣніе въ трудахъ, устранитъ ропотъ и недовольство, которые легко могутъ возникать при служеніи нѣкоторымъ больнымъ; тогда вы не задумаетесь пожертвовать своимъ здоровьемъ и даже своею жизнію за жизнь другихъ.

Говорить ли мнѣ вамъ, сердобольныя вдовы, о томъ благодатномъ утѣшеніи, которое свыше дается христіанской душѣ за дѣла человѣколюбія? Думаю, что испытавшимъ радость успѣха въ попеченіи о болящихъ, дознавшимъ по собственному опыту сладость ощущеній отъ ихъ выздоровленія, нельзя не сказать со св. Давидомъ: *по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ, утѣшенія Твоя*, Господи, *возвеселиша душу мою* (Псал. 93, 19). Какая высокая награда за сердоболіе еще на землѣ! Но когда и всѣ земныя наши отношенія прекратятся, въ день всеобщаго, страшнаго суда, сердобольные и милосердые удостоятся благословенія отъ Господа, и вѣчной, блаженной радости купно съ Нимъ (Матѳ. 25). Какое возмездіе за временное самоотверженіе! Подвизайтесь же на своемъ поприщѣ съ полнымъ усердіемъ, въ чаяніи вѣчныхъ утѣшеній въ обителяхъ Отца небеснаго.

Крестъ, котораго вы нынѣ удостоены, да будетъ вамъ всегдашнимъ напоминаніемъ о крестѣ Господа Іисуса, на которомъ Онъ премилосердый благоволилъ страдать и умереть

изъ любви къ страждущему отъ грѣха человѣчеству. Крестъ Господень, по выраженію св. Церкви, есть «болящихъ исцѣленіе и заступленіе, падшихъ исправленіе, страстей умерщвленіе, воздержанія средство, мужества сила» (кан. честн. Кресту). Итакъ, взирая на данный вамъ крестъ, почерпайте изъ него силу самоотверженія и уроки любви къ своему долгу. При всякомъ удобномъ случаѣ обращайте также взоры и вниманіе болящихъ ко кресту Господню, да получатъ чрезъ него, по вѣрѣ, не только здравіе тѣла, но здравіе и спасеніе души, да научатся воздержанію отъ страстей и грѣховъ, въ которыхъ скрывается главный корень многоразличныхъ болѣзней. Аминь.

Рѣчь предъ выпускомъ воспитанницъ Императорскаго воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ, при раздачѣ имъ новаго завѣта и молитвослова *.

Христу Богу возлюбленныя!

Вы пришли сюда, въ храмъ Божій—принять послѣдній даръ Императорскаго воспитательнаго общества, которому обязаны просвѣщеніемъ своего ума и образованіемъ своего сердца,—Новый Завѣтъ и Молитвословъ [1].

Безцѣнный даръ,—безцѣнный и самъ по себѣ, и по тѣмъ воспоминаніямъ, которыя навсегда будутъ у васъ соединены съ нимъ. Онъ будетъ напоминать вамъ, къ чему направлялись неусыпныя попеченія тѣхъ, которыя заступали для васъ мѣсто родителей въ дѣлѣ вашего воспитанія,—будетъ напоминать, что они имѣли въ виду не только временное, но и преимущественно вѣчное ваше благо. За то вы, безъ сомнѣнія, обязаны имъ и благодарностію вѣчною.

---

* Сказана 9 марта 1862 г., законоучителемъ, священникомъ *Василіемъ Гречулевичемъ*.

[1] Со временъ блаженной памяти Императрицы Маріи Ѳеодоровны, которой и принадлежитъ благочестивое учрежденіе—благословлять выпускаемыхъ воспитанницъ Смольнаго монастыря книгою Новаго Завѣта, къ каждому экземпляру этой книги присоединяется слѣдующая надпись (печатная): «Для укрѣпленія въ вѣрѣ и благочестіи, для просвѣщенія ума и сердца и утѣшенія души словомъ Божественныя истины, книга сія священнаго писанія, при благословеніи Всевышняго, дана воспитанной въ Императорскомъ Воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ (или: въ С. Петербургскомъ Александровскомъ училищѣ) и выпущенной изъ онаго въ 18 году, дѣвицѣ N N (имя, отчество и фамилія).»

Благовоспитаннымъ христіанкамъ, которыхъ любовь и усердіе къ Христу Спасителю столько мнѣ извѣстны, считаю совершенно излишнимъ говорить теперь о томъ, какъ дорогъ и всегда близокъ долженъ быть къ нашему сердцу божественный Завѣтъ, принесенный съ неба на землю единороднымъ Сыномъ Божіимъ, завѣтъ нашего спасенія, запечатлѣнный Его пречистою кровію. Кому изъ васъ придетъ въ голову усомниться, что это — неизсякаемый источникъ, изъ котораго утромъ и вечеромъ и при всякомъ случаѣ вы можете и должны почерпать для себя *воду живую*, освѣжающую мысли и чувства, озаряющую, согрѣвающую, питающую, текущую въ животъ вѣчный?

Говорить о пользѣ и необходимости для васъ молитвы, — тоже не предстоитъ теперь особенной надобности: эти истины уже довольно хорошо вамъ извѣстны—смѣемъ надѣяться, не только по слухамъ, но и по самому опыту. Опыты жизни, при вашемъ добромъ настроеніи, научатъ васъ сему еще болѣе [1].

Но позвольте поставить вамъ на видъ одну изъ вашихъ обязанностей, которая инымъ, можетъ быть, не всегда ясно представляется такою: вашъ долгъ не только читать, слушать и исполнять слово Божіе, но всѣми силами *распространять* его между ближними, *да тако и сами спасетесь, и послущающіе васъ.*

Вспомните о тѣхъ св. равноапостольныхъ женахъ и дѣвахъ, — о просвѣтительницахъ цѣлыхъ народовъ св. Евангеліемъ, — о тѣхъ, которыя въ тиши семейства воспитали не только истинныхъ христіанъ, но и великихъ отцевъ и учителей Церкви, — о тѣхъ, которыя словомъ спасенія, и особенно своею благочестивою жизнію, способствовали къ духовному возрожденію даровавшихъ имъ самимъ жизнь: и вы никогда не позволите себѣ думать, что благовѣствовать евангеліе царствія Божія—и словомъ и дѣломъ—не есть ваша обязанность. Если пастыри Церкви поставлены на то, чтобы въ этомъ св. дѣлѣ продолжать служеніе апостольское, то ваше дѣло, не обинуясь можно сказать, — подражать женамъ и дѣ-

---

[1] На Молитвословѣ надпись такая: «Господь Богъ и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ: *Бдите и молитеся, да не внидете въ напасть* (Матѳ. гл. 26, ст. 41). *И вся, елика аще воспросите въ молитвѣ, вѣрующе, пріимете* (Матѳ. гл. 21, ст. 22).

«Для всегдашняго напоминанія о семъ святѣйшемъ долгѣ и для споспѣшествованія исполненію его, *како подобаетъ всегда молитися, и не стужати си* (Лук. гл. 18, ст. 1), дается сей краткій молитвословъ воспитанной...» и проч.

вамъ равноапостольнымъ, — быть лучшими споспѣшницами апостольскаго служенія, относительно распространенія славы имени Христова. Другихъ убѣжденій и не могутъ имѣть тѣ, которыя пламенно любятъ Іисуса Христа: *отъ избытка бо сердца глаголютъ уста* (Лук. 6, 45).

Замѣтьте при этомъ еще и то, что споспѣшницы слова спасенія всегда должны быть и исповѣдницами вѣры. Что значитъ исповѣдывать свою вѣру, — вамъ давно извѣстно и изъ уроковъ школы; но узнать это на самомъ дѣлѣ предстоитъ вамъ еще въ жизни. Помните только, что исповѣданіе вѣры необходимо для спасенія: *сердцемъ бо вѣруется въ правду, усты же исповѣдуется во спасеніе.* Въ случаяхъ, когда нужно твердо стать за вѣру, не измѣняя ей ни въ чемъ, никогда не было и не будетъ недостатка. Особенно же этого надобно ожидать въ наше время, когда, скрываясь въ образѣ ложнаго просвѣщенія, духъ тьмы, какъ волкъ въ овечьей одеждѣ, старается обольщать хитросплетенными рѣчами души простыя и слабыя въ вѣрѣ.

«Я боюсь», скажу вамъ словами св. Апостола Павла, «чтобы какъ змѣй хитростію своею обольстилъ Еву, такъ и ваши умы не повредились, уклонясь отъ простоты Христовой (2 Кор. 11, 3). О, да сохранитъ Богъ мира своею всесильною благодатію вашъ духъ, душу и тѣло во всей цѣлости, безъ порока, къ пришествію Господа нашего Іисуса Христа (1 Сол. 5, 22. 23)!

Молясь объ этомъ молитвою св. Апостола, не могу не повторить вамъ и его краткихъ наставленій тѣмъ, о которыхъ онъ молился:

«Всегда ищите добра другъ другу и всѣмъ.

«Всегда радуйтесь (о Господѣ). Непрестанно молитесь. За все благодарите; ибо такова о васъ воля Божія о Христѣ Іисусѣ.

«Духа не угашайте. Пророчества не уничижайте.

«Все испытывайте, хорошаго держитесь. Удерживайтесь отъ всякаго зла.

«Вѣренъ Призвавшій васъ!

«Молитесь о насъ!»

Молитесь и другъ за друга, яко да исцѣлѣете. Молитеся за всю братію и за вся христіаны, особенно же за тѣхъ, которые имѣютъ нужду въ молитвѣ и тѣлесную, и особенно душевную.

Благодать Господа нашего Іисуса Христа съ вами. Аминь.

Рѣчь при выпускѣ воспитанницъ Императорскаго воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ *.

Благословеніе Господне на васъ, Того благодатію и человѣколюбіемъ!

Благословеніе отъ Христа, честнымъ Его крестомъ, какъ всегда, такъ и особенно въ настоящія торжественныя минуты, не можетъ не быть для васъ, возлюбленныя чада и сестры о Господѣ, и утѣшительно, и поучительно.

Земля, пившая многократно сходящій на нее дождь, и произращающая траву полезную тѣмъ, которыми воздѣлывается,— по словамъ Апостола Христова,—получаетъ благословеніе отъ Бога (Евр. 6, 7).

Слава Тебѣ, Христе Боже! Не безъ благихъ плодовъ и эта, осѣняемая крестомъ Твоимъ нива, которую, въ продолженіе отолькихъ лѣтъ, орошалъ Ты благотворнымъ дождемъ благодати Твоей, согрѣвалъ теплотою Твоею человѣколюбія и просвѣщалъ свѣтомъ истиннаго Богопознанія! О, да пребудетъ же на сихъ юныхъ душахъ, вѣдущихъ Тебя и съ любовію Тебѣ преданныхъ, вседѣйствующее благословеніе Твое, отнынѣ и до вѣка!

Вмѣстѣ съ утѣшительнымъ для васъ благословеніемъ Господа, благословляютъ васъ, возлюбленныя, о имени Господнемъ, и всѣ тѣ, которые принимали участіе въ вашемъ воспитаніи и образованіи, передавая васъ съ рукъ на руки тѣмъ, которыхъ доселѣ заступали мѣсто въ этомъ дѣлѣ,—вашимъ родителямъ и роднымъ [1], — радуясь вмѣстѣ съ ними за васъ и благодаря Бога, что ихъ труды и попеченія о васъ, при вашемъ усердіи и послушаніи, не остались безплодными. Конечно, и это немалое для васъ утѣшеніе.

Но что̀ можетъ сравниться съ тѣмъ величайшимъ утѣшеніемъ, что Господь удостоилъ васъ принять материнское благословеніе изъ рукъ Августѣйшей Матери отечества, соизволившей милостиво воззрѣть на ваши успѣхи и увѣнчать ихъ особенными знаками своего высочайшаго благоволенія? Не нахожу удобнымъ, да и нѣтъ надобности распространяться объ этомъ незабвенномъ для васъ событіи—любвеобильномъ благоснисхожденіи къ вамъ Ея Величества, благочестивѣйшей Государыни Императрицы. Ваше собственное признательное сердце и вашъ здравый, просвѣщенный умъ скажутъ вамъ гораздо

---

* Сказано послѣ благодарственнаго молебна, 19 марта 1862 года., законоучителемъ, священникомъ *Василіемъ Гречулевичемъ.*

[1] При выпускѣ изъ института дѣвицъ, на благодарственномъ молебнѣ обыкновенно присутствуютъ ихъ родители или родные.

болѣе того, чѣмъ было бы въ состояніи высказать самое краснорѣчивое слово. Недовольно ли было и одного милостиваго царственнаго взора, чтобы воспламенить въ васъ чистосердечное желаніе—принести плоды полученнаго вами воспитанія въ даръ отечеству, служа ему изо всѣхъ силъ своихъ, вѣрою и правдою?

Это вѣрно; но еще болѣе несомнѣнно то, что, принимая нынѣ благословеніе отъ Христа Спасителя, при осѣненіи васъ Его честнымъ крестомъ, вы изобильно примете отъ Него и необходимыя для васъ напутственныя наставленія, какъ скоро съ вѣрою и любовію устремите и тѣлесные и душевные ваши взоры на это знаменіе спасенія.

Взгляните: съ любовію простерши на крестѣ руки свои, Господь преклонилъ пречистую главу свою; Его взоръ поникъ долу, но Его сердце—горѣ, превыше земнаго; уста Его запечатлѣны словами любви и прощенія къ людямъ, для спасенія которыхъ Онъ всего Себя принесъ въ жертву, и—молитвы къ Богу Отцу, которому Онъ послушливъ былъ даже до смерти крестныя. Такъ совершилъ Онъ подвигъ служенія роду человѣческому, подавая намъ примѣръ, чтобы мы шли по слѣдамъ Его (1 Петр. 2, 21),—въ томъ званіи, къ которому призваны,—если желаемъ быть тамъ, гдѣ Онъ.

Исходя на служеніе ближнимъ, въ ихъ семейномъ быту, и особенно въ дѣлѣ воспитанія юнѣйшихъ братій и сестръ о Господѣ, и вы съ любовію простирайте къ нимъ руки, исполненныя плодами вашихъ неусыпныхъ трудовъ; съ боголюбезнымъ смиреніемъ и особенно вашему полу свойственною скромностію, чуждою всякой суетности, опускайте взоры ваши долу, но сердце непрестанно имѣйте—горѣ, ко Господу; да будутъ и ваши уста всегда освящаемы словами, достойными ученицъ Христовыхъ, на пользу ближнихъ, во славу Божію. Пребудьте вѣрными своему святому призванію, во всю свою жизнь, что́ бы ни произошло съ вами въ жизни, по волѣ Отца небеснаго.

Тогда благословеніе Господне, осѣняющее васъ нынѣ, пребудетъ у васъ неотъемлемымъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

Рѣчь предъ началомъ ученія въ Императорскомъ воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ и Спб. Александровскомъ училищѣ *. *Христу Богу возлюбленныя!* Одна изъ тѣхъ великихъ и св. женъ, которыя составляютъ украшеніе вашего пола,—Анна пророчица, явившись предъ лицемъ Господнимъ, съ своимъ дѣтищемъ,

* Сказана старшимъ законоучителемъ, *свящ. В. Гречулевичемъ*, 6 марта 1862 г

которое она выпросила у Бога и посвятила Богу, такъ между прочимъ выразила свои высокія понятія и убѣжденія: *Господь святъ; да не хвалится премудрый премудростію своею,—но о семъ да хвалится хваляйся: еже разумѣти и знати Господа* (1 Цар. 2, 10).

Высказывая такія убѣжденія, пророчица первая изъ людей, жившихъ въ ветхомъ Завѣтѣ, произнесла имя Христа: *и вознесетъ* (Господь) *рогъ Христа своего.* Сознавала ли она ясно, или только ощущала сердцемъ ту святую истину, что именно во Христѣ заключается Источникъ истинной премудрости,—рѣшать не станемъ; но во всякомъ случаѣ ея вдохновенная пѣснь не можетъ не напоминать намъ изреченія самого Христа Спасителя: *се есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе, единаго истиннаго Бога, и Егоже послалъ еси, Іисусъ Христа* (Іоан. 17, 3).

Слышите ли? Истинное познаніе составляетъ не только единственную похвалу нашу, но и самую жизнь нашу! Какъ въ тѣлесномъ нашемъ организмѣ *одно* жизненное начало проникаетъ во всѣ составы, такъ и въ умственной, духовной сферѣ—одинъ источникъ жизни. Какъ же жестоко ошиблись бы тѣ, которые стали бы воображать, что готовятъ или готовятся науками и образованіемъ къ жизни, а не обращали бы полнаго вниманія на самый божественный источникъ ея! Что это была бы за жизнь, которая не хочетъ вѣчно жить? Къ чему послужило бы познаніе всего существующаго, безъ живой мысли о Виновникѣ всякаго бытія! Какъ суетно было бы изученіе законовъ измѣренія и изчисленія, безъ познанія Того, кто все устроилъ мѣрою, вѣсомъ и числомъ, и кто напечатлѣлъ свои законы и въ природѣ и въ умѣ нашемъ! Какъ жалко было бы изученіе законовъ словеснаго искусства и самое короткое знакомство съ языками различныхъ народовъ, безъ познанія Слова воплощеннаго, Сына Божія, и Духа Святаго, раздѣляющаго дарованія языковъ?—Къ чему повело бы подробное изученіе историческихъ событій отъ самыхъ древнихъ временъ до нашихъ дней, если бы мы не научились примѣчать въ нихъ руки Провидѣнія, дивнаго во всѣхъ путяхъ своихъ!

Мы должны, возлюбленныя, благодарить Господа, что, при всемъ разнообразіи преподаваемыхъ вамъ наукъ, нѣтъ между вашими преподавателями ни одного человѣка, который, исповѣдуя вѣру Христову, не благоговѣлъ бы предъ Хри-

стомъ Спасителемъ, какъ предъ единственнымъ Наставникомъ всѣхъ и каждаго изъ насъ, и который бы посему самому не считалъ своею обязанностію, при всякомъ случаѣ, поддерживать и развивать въ васъ религіозное чувство. Мы увѣрены, что ни одинъ изъ нихъ не сочтетъ этого дѣла исключительною обязанностію преподавателей закона Божія. Кто знаетъ и любитъ кого, тотъ всегда найдетъ случай заговорить о немъ, чтобы распространить его славу. А кто же изъ насъ не знаетъ и не любитъ Христа и Господа?—Да, мы всѣ общими силами будемъ направлять наши труды къ одной цѣли—славѣ Божіей и къ вашему истинному благу.

Но, ради Бога, не забудьте же и вы этой главной цѣли вашего образованія,—непрестанно возносите мысли и сердца ваши къ Христу Спасителю, и молитесь Ему усердно и за себя и за всѣхъ тѣхъ, которые призваны послужить вашему душевному благу. Ваши пламенныя молитвы и соотвѣтственныя имъ мысли, слова и дѣла привлекутъ на всѣхъ насъ благословеніе Божіе. Благословеніе Господне на васъ!

Религіозное движеніе въ южной Италіи. Въ предъидущей книжкѣ «Странника» (Совр. хрон., стр. 83—84) мы упомянули объ образовавшемся въ Неаполѣ *церковномъ обществѣ взаимнаго вспомоществованія*, которое, подъ этимъ скромнымъ названіемъ, поставило себѣ цѣлію коренное преобразованіе римской Церкви близкое къ главнымъ основамъ истинной Церкви вселенской. Мы считаемъ это общество довольно важнымъ для того, чтобы сообщить о немъ еще нѣсколько подробностей и познакомить читателей нашихъ со взглядомъ на него журнала *l'Union chrétienne*, такъ усердно работающаго для распространенія православныхъ идей на западѣ.

Вотъ что говорится въ немъ, подъ выписаннымъ выше заглавіемъ, въ нумерѣ отъ 26 января:

«На сѣверѣ италіянскаго полуострова религіозное движеніе отмѣчено духомъ ультрамонтанства, отнимающимъ у него всякую важность. Сочиненія патера Пассальи не могутъ имѣть вліянія, по причинѣ непослѣдовательности, замѣчаемой въ нихъ на каждой страницѣ. Іезуитъ слишкомъ пропитанъ предубѣжденіями, чтобы быть въ состояніи вести либеральное движеніе. Слѣдовательно, должно смотрѣть какъ на несчастіе, что въ главѣ религіозной реакціи на сѣверѣ Италіи стоитъ патеръ Пассалья. Его сочиненія, тяжелыя и чуждыя логики, доказываютъ, что на

него разсчитывать нечего, и что онъ будетъ только сообщать ложное направленіе справедливымъ стремленіемъ Піемонта и бывшихъ герцогствъ.

«Движеніе гораздо лучше идетъ въ южной Италіи. Тамъ прекрасно понимаютъ положеніе вещей и безъ околичностей приступаютъ къ рѣшенію основныхъ вопросовъ. Тамъ не довольствуются мелкою борьбой противъ свѣтской власти, которая падетъ сама собою, а прямо берутся за вопросъ о духовномъ папствѣ, вопросъ гораздо болѣе важный, и который въ наше время долженъ господствовать надъ всѣми религіозными преніями. Духовное папство, въ самомъ дѣлѣ, составляетъ главнѣйшее препятствіе ко всякому проявленію истиннаго христіанскаго духа. Его честолюбивыя стремленія, деспотизмъ, которому оно хочетъ подчинить умы, его мнимая непогрѣшимость, которою оно пользуется для того только, чтобы препятствовать самымъ справедливымъ стремленіямъ къ евангельской свободѣ, — все это составляетъ какбы нераспутываемую сѣть препятствій всякаго рода, посредствомъ которой папство надѣется поддержать свое владычество. Если на него станутъ нападать со всѣхъ сторонъ, во имя исторіи и интересовъ христіанства, если постараются доказывать, что всѣ папскія притязанія на духовное владычество осуждены словомъ Божіимъ и преданіями первенствующей Церкви, то это папство въ скоромъ времени не только не въ состояніи будетъ сохранить долѣе свою свѣтскую власть, на дѣлѣ давно уже несуществующую, но оно потеряетъ и духовное владычество, которое доселѣ было великимъ бичемъ Христовой Церкви.

«Въ бывшемъ королевствѣ Обѣихъ Сицилій образовалось церковное общество, съ цѣлію заставить папство довольствоваться значеніемъ, которое дано ему первымъ никейскимъ Соборомъ. Это общество, считающее въ средѣ своей великое число членовъ, приняло программу, въ которой очень ясно высказаны преобразованія, которыхъ осуществленія она ищетъ. Между этими преобразованіями есть общія и въ частности относящіяся къ Церкви италіянской. Объ этихъ послѣднихъ мы не будемъ говорить. Общество понимаетъ лучше всякаго другаго, что́ нужно его странѣ и національной Церкви. Достаточно будетъ сказать, что мы не нашли въ его пунктахъ ничего противнаго дисциплинѣ Церкви. Что касается до общихъ вопросовъ, то мы особенно замѣтили въ нихъ слѣдующія двѣ статьи:

«1) Церковь римская должна прежде всего сбросить съ себя

свободно и безъ всякаго ограниченія, бремя свѣтской власти и опять сдѣлаться смиренною послѣдовательницею нищеты распятаго Учителя, законною преемницею Апостола-рыбаря.

«2) Епископъ ея долженъ удовольствоваться простымъ почетнымъ первенствомъ, въ порядкѣ, опредѣленномъ христіанскою древностію; и, при общемъ уваженіи самобытности апостольскаго происхожденія Церквей національныхъ, въ правилахъ богопочитанія и благочинія, Церкви эти должны содѣйствовать, въ единствѣ вѣры, надежды и любви, принятію въ немъ средоточія католическаго единства.

«Общество объявляетъ себя противникомъ *суевѣрій,* исказившихъ почитаніе пресвятой Дѣвы и святыхъ въ западной Церкви; оно требуетъ вступленія въ бракъ священниковъ и уничтоженія всѣхъ монашескихъ орденовъ, за исключеніемъ благотворительныхъ конгрегацій. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, мы полагаемъ, что общество слишкомъ отдалось впечатлѣніямъ отъ злоупотребленій, которыхъ оно бывало свидѣтелемъ. Оно должно бы требовать преобразованія полезныхъ орденовъ, какого бы свойства они ни были, и уничтоженія всѣхъ прочихъ, потому что истинное монашество имѣетъ основаніе своего существованія въ христіанствѣ.

«Общество, повидимому, допускаетъ въ основаніи, что римское сѣдалище, приведенное къ своему каноническому значенію, должно быть по прежнему центромъ католичества. Это такой вопросъ, разрѣшеніе котораго должно быть предоставлено Церкви; потому что если есть основанія, говорящія въ пользу Рима, то въ его прежнемъ владычествѣ можно найдти справедливый поводъ къ подозрительности. Церковь, какъ въ этомъ соглашается самъ кардиналъ Куза, можетъ, кромѣ Рима, избрать себѣ другой центръ. Итакъ, это практическій вопросъ, который должно предоставить ей.....

«Пожелаемъ италіянскому обществу успѣха, на который оно имѣетъ право надѣяться. Намъ пріятно встрѣтить въ древней области ультрамонтанства эти благородныя стремленія къ дисциплинѣ первенствующей Церкви, и мы съ удовольствіемъ прочли въ *Journal des Débats* слѣдующія извѣстія:

«Общество низшаго независимаго духовенства, котораго неаполитанское отдѣленіе находится подъ предсѣдательствомъ г. Дзаккаро, дѣлаетъ быстрые успѣхи. Оно считаетъ уже въ средѣ своей шестьсотъ неаполитанскихъ священниковъ и четыре тысячи италіянцевъ, и вошло недавно въ сношенія съ

низшимъ католическимъ духовенствомъ Франціи, Германіи и Англіи. Символъ *(Credo)* этого обширнаго католическаго возрожденія теперь опредѣленъ, и онъ выраженъ съ замѣчательнымъ талантомъ въ одномъ ненапечатанномъ еще сочиненіи, долженствующемъ произвести глубокое впечатлѣніе. Мнѣ удалось прочесть его рукопись. *Возвратъ къ первенствующему католичеству, или путь въ Римъ*—таково заглавіе книги, написанной секретаремъ общества г. Кассіанно дель-Колле, священникомъ и венеціянскимъ изгнанникомъ, котораго благочестіе и ученость равняются добродѣтелямъ и патріотизму. Таинственная работа религіознаго обновленія, совершающаяся во всемъ мыслящемъ духовенствѣ, скоро выйдетъ наружу; нравственный переворотъ совершится скоро во всей Италіи, и папа долженъ будетъ, можетъ быть, преклониться предъ этимъ великимъ движеніемъ католическаго обновленія [1].

«Эта программа возврата къ первоначальному католичеству развита съ великой библейской ученостію и съ обширнымъ знаніемъ отцевъ Церкви и древнихъ христіанскихъ памятниковъ.

«Церковные комитеты Потенцы, Козенцы, Мессины, Катаны и др. находятся въ зависимости отъ неаполитанскаго комитета, принявшаго вначалѣ скромное названіе *церковнаго общества взаимнаго вспомоществованія*. Неаполитанскій церковный комитетъ издаетъ журналъ, подъ названіемъ *Colonna di Fuoco* (огненный столпъ), имѣющій цѣлію вести новыхъ изгнанниковъ въ обѣтованную землю первенствующей католической Церкви, и оно отправило замѣчательный адресъ къ папѣ. Съ тѣхъ поръ неаполитанское общество признано какбы средоточіемъ всѣхъ прочихъ италіянскихъ обществъ.»

«Не знаемъ, существуютъ ли дѣйствительно сношенія между италіянскимъ обществомъ и духовенствомъ прочихъ Церквей; но вѣрно то, что вездѣ видно обратное стремленіе къ первенствующей Церкви, которой высокое устройство такъ глубоко повреждено злоупотребленіями духовнаго папизма.»

---

[1] Телеграфическая депеша изъ Рима отъ 26 (14) марта извѣщаетъ, что наканунѣ папа обнародовалъ декретъ о канонизаціи японскихъ мучениковъ и произнесъ рѣчь, въ которой объявилъ, что *свѣтская власть не должна быть разсматриваема, какъ догматъ*, но что она существенно необходима для независимости и свободы главы Церкви. Такое объявленіе составляетъ уже значительный шагъ впередъ!

Современное положеніе благотворительнаго общества св. Викентія (Saint-Vincent de Paul). Пренія объ адресѣ императору французовъ, происходившія въ сенатѣ и законодательномъ корпусѣ, въ теченіе февраля и марта нынѣшняго года, еще разъ доказали всю несовмѣстность соединенія духовной и свѣтской властей въ лицѣ римскаго первосвященника. Это неестественное соединеніе, столько разъ вредно дѣйствовавшее на интересы самой Церкви римской, нерѣдко приводило къ двумъ плачевнымъ результатамъ: оно или окончательно портило самыя лучшія учрежденія на западѣ, давая имъ ложное направленіе, или, по крайней мѣрѣ, заставляло правительства, заботливо отстаивающія свои права въ обществѣ, подозрѣвать эти самыя учрежденія въ замыслахъ политическихъ, и вслѣдствіе того стѣснять кругъ ихъ дѣятельности, часто существенно полезной для членовъ государства. Это именно случилось съ обществомъ св. Викентія *(Société de Saint-Vincent de Paul)*, неимѣющимъ въ своемъ назначеніи ровно ничего политическаго и стремящимся къ одной цѣли — къ благотворительности ближнимъ.

Св. Викентій де-Поль, родившійся въ 1576 и умершій въ 1660 году, былъ по преимуществу человѣкъ добра. Его заслуги на пользу человѣчества поражаютъ своею обширностію и разнообразіемъ. Живя въ тяжкую эпоху смутъ и междоусобій во Франціи, когда нищета угрожала подорвать основы государства, онъ дѣлалъ все для того, чтобы облегчить страданія своихъ несчастныхъ собратій. Переходя изъ одного конца Франціи въ другой, онъ всюду посѣщалъ больныхъ, плѣнниковъ, арестантовъ и каторжниковъ, всюду учреждалъ братства христіанской любви и употреблялъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы улучшить положеніе бѣдныхъ. Въ 1625 году онъ учредилъ конгрегацію священниковъ-миссіонеровъ *(congrégation des Prêtres de la mission)*, имѣющую цѣлію образованіе земледѣльческихъ классовъ и приготовленіе священниковъ въ семинаріяхъ; въ 1634 году—знаменитую общину сестеръ милосердія *(institution des Soeurs de la charité)*, для хожденія за неимущими больными; въ 1648 году—заведеніе для незаконныхъ дѣтей и подкидышей *(établissement des Enfants-trouvés)*; въ 1653 году—богадѣльню для дряхлыхъ стариковъ, и, наконецъ, въ 1655 году,—главный госпиталь для бѣдныхъ, извѣстный подъ именемъ *Salpetrière*, въ Парижѣ.

Дѣло св. Викентія не могло пропасть и не пропало даромъ. Во Франціи, равно какъ и въ прочихъ католическихъ госу-

дарствахъ, образовались общества вспоможенія бѣднымъ, подъ названіемъ *общества св. Викентія*, и съ теченіемъ времени развились и приняли громадные размѣры. Общества эти образовали до 3,400 конференцій или общинъ, изъ которыхъ въ одной Франціи существуетъ въ настоящее время 1,600 общинъ, заключающихъ въ средѣ своей до 100,000 членовъ. Французское общество св. Викентія управляется частными совѣтами, существующими въ каждомъ значительномъ городѣ, подъ руководствомъ главнаго или центральнаго совѣта, находящагося въ Парижѣ и имѣющаго въ главѣ своей особаго предсѣдателя. Оно издаетъ журналъ, выходящій въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ, печатаетъ разныя назидательныя сочиненія и имѣетъ свой особый книжный магазинъ, и обладаетъ громаднымъ капиталомъ, доходящимъ до суммы четырехъ милліоновъ франковъ.

При такой широкой организаціи и имѣя въ распоряженіи своемъ такія огромныя средства, французское общество св. Викентія дѣйствительно оказываетъ много добра своимъ согражданамъ и разливаетъ благодѣянія на всю массу народа, на рабочіе классы, на солдатъ, женщинъ, дѣтей,—однимъ словомъ, на всѣ сословія, нуждающіяся въ помощи и бѣдствующія подъ гнетомъ нищеты и болѣзней. Общества, существующія въ другихъ католическихъ государствахъ, также много трудятся на пользу неимущихъ собратій. Кажется, чего бы лучше? Но таково несчастное устройство католической Церкви, что и въ это прекрасное и истинно христіанское учрежденіе нерѣдко вторгаются элементы политическіе, заставляющіе правительства смотрѣть подозрительно на его дѣйствія.

Борьба, которую ведетъ римскій дворъ съ національными стремленіями италіянцевъ и со всѣми благомыслящими католиками, желающими уничтоженія свѣтской власти папы, отозвалась въ послѣднее время страннымъ образомъ на дѣйствіяхъ венеціанскаго общества св. Викентія. Вмѣсто того, чтобы не выходить изъ круга своей чисто благотворительной дѣятельности, оно вмѣшалось въ эту отчаянную борьбу и приняло сторону папства. Въ началѣ нынѣшняго года, венеціанское общество издало книгу подъ заглавіемъ: «*Аскетическія воспоминанія для душъ христіанскихъ*», и вотъ какими сентенціями наполнило ее: «тѣ, которые открыто или тайно будутъ сопротивляться законнымъ правительствамъ, коихъ католическіе государи, царствующіе по праву божественному, поддерживаютъ

священное сѣдалище (римское), не могутъ, даже передъ смертію, искать религіознаго напутствія, развѣ только они, самымъ торжественнымъ образомъ, отрекутся отъ своихъ заблужденій». Или еще: «всякій, кто утверждаетъ, что свѣтская власть не необходима для папства, подвергается отлученію отъ Церкви и будетъ осужденъ на вѣчныя мученія», и тому под.

Во Франціи дѣло происходило нѣсколько иначе. Съ похвальною ревностію продолжая трудиться на пользу человѣчества, общество св. Викентія и здѣсь не могло устоять отъ вліянія римской куріи. Главный совѣтъ общества, не довольствуясь своимъ внутреннимъ устройствомъ, завязалъ переписку съ Римомъ и настоятельно убѣждалъ папскій дворъ назначить ему особаго покровителя или протектора. Могъ ли Римъ отказаться отъ этого предложенія, когда ему представлялся такой прекрасный случай — закрѣпить узы, связующія съ нимъ огромную массу французовъ, и тѣмъ усилить и расширить свое вліяніе въ этой странѣ? Кардиналъ протекторъ былъ назначенъ, и какой же вышелъ результатъ этого назначенія? Тотъ, что члены этого общества начали открыто высказывать мысль, что прежде, нежели быть подданными своего государя, они подданные папы. Само собою разумѣется, что подобный образъ мыслей не могъ понравиться французскому правительству, потому что, по его мнѣнію, такое стремленіе къ Риму цѣлаго громаднаго общества, устроеннаго, однакожь, на гражданскихъ началахъ, могло вредно дѣйствовать на политическіе интересы страны. Вслѣдствіе этого, министръ внутреннихъ дѣлъ нашелся вынужденнымъ, постановленіемъ отъ 16 октября прошлаго года, распустить центральный совѣтъ общества и настаивать на назначеніи предсѣдателемъ его парижскаго архіепископа, чего общество принять не хочетъ ни подъ какимъ видомъ.

Факты, на которыхъ французское правительство основало свое распоряженіе, не такъ сильны, чтобы обвинять общество св. Викентія въ анти-патріотическихъ чувствахъ его членовъ; но оно въ правѣ было объявить предъ лицомъ цѣлой страны, что ему невозможно допустить существованіе общества, дѣйствующаго и развивающагося внѣ государственнаго контроля, когда это общество находится въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ главою Церкви, который въ то же время — государь иностранной державы.

«Такое объявленіе не оправдываетъ ли, говоритъ *Nord*, точки зрѣнія тѣхъ, которые утверждаютъ, что смѣшеніе ду-

ховной и свѣтской властей въ лицѣ папы наноситъ вредъ прежде всего самой Церкви? Чѣмъ болѣе будетъ доказано, что общество св. Викентія почтенно и дѣйствительно, какъ учрежденіе благотворительное, тѣмъ болѣе благомыслящіе католики должны скорбѣть, видя, что одинъ фактъ существованія свѣтской власти папы заставляетъ государство подозрительно смотрѣть на всѣ дѣйствія этого общества и подвергаетъ опасности его существованіе, давая ложныя понятія о характерѣ его сношеній съ своимъ духовнымъ главою. Такимъ образомъ, и здѣсь свѣтское начало служитъ во вредъ началу духовному. Если бы папа, освободившись отъ своихъ мірскихъ цѣпей, пересталъ быть «представителемъ иностранной державы», оказало ли бы французское правительство такую подозрительность въ законномъ надзорѣ за учрежденіями, которыхъ стремленія оно теперь вправѣ подозрѣвать, но которыя въ первомъ случаѣ оно не стало бы обвинять, какъ возможное орудіе въ рукахъ политическихъ партій?»

Замѣчательная черта одного изъ литературныхъ органовъ папизма. *

Газету *le Monde* упрекали въ нѣкоторомъ непостоянствѣ мнѣній. Справедливость требуетъ замѣтить, что есть предметы, по отношенію къ которымъ газета эта никогда не измѣнялась. Для примѣра мы укажемъ на ненависть ея къ восточно-каѳолической Церкви, которая всегда была для нея предметомъ самыхъ ярыхъ нападокъ; а ярость никогда не бываетъ разборчива въ выборѣ выраженій. Но выраженіе, на которое мы хотимъ указать теперь, выходитъ изъ всякихъ границъ. Направленное противъ Церкви восточной, оно поражаетъ цѣлое христіанство, и слѣдовательно задѣваетъ самую Церковь римскую. Поступокъ газеты *Monde* напоминаетъ скорпіона, который, будучи окруженъ горящими угольями, приходитъ въ бѣшенство и направляетъ противъ себя самого смертельное жало своего ядовитаго хвоста. Осыпавъ восточно каѳолическую Церковь самыми неправедными обвиненіями всякаго рода, *le Monde* выражается такъ: «восточная цивилизація, окруженная блескомъ, избѣгнетъ двухъ своихъ враговъ: Фотія и Магомета» (*Monde*, du 25 janvier 1862).

Поставить, такимъ образомъ, на одну линію патріарха христіанской Церкви и врага Христова имени, сравнить Церковь,

* Изъ *l'Union chrétienne du 2 février 1862.*

сохранившую истинное ученіе Спасителя, одушевленную любовію къ ближнимъ и со славою участвующую въ Его крестѣ своими страданіями,—сравнить ее съ магометанскою сектою, полною чудовищныхъ заблужденій, дышащею ненавистію къ христіанскому имени, преслѣдующею ту самую Церковь, съ которою ее сравниваютъ, дѣйствовать такъ, значитъ осудить самого себя, произнести свой собственный приговоръ. Для того ли *Monde* прибѣгаетъ къ такому образу дѣйствія, чтобы унизить христіанство, или для того, чтобы возвысить исламизмъ? Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, намъ остается засвидѣтельствовать доброе согласіе между нимъ и покойнымъ архіепископомъ Сибуромъ, которому пришла однажды въ голову фантазія назвать исламизмъ *сектою христіанскою*... Или не нашелъ ли по крайней мѣрѣ *le Monde* нѣкотораго сходства между славнымъ патріархомъ восточной Церкви и аравійскимъ лжепророкомъ? Но эти два лица разнятся между собою во всѣхъ отношеніяхъ. Магометъ соединялъ въ лицѣ своемъ власти свѣтскую и духовную; святѣйшій патріархъ Фотій, вмѣсто того, чтобы впасть въ это смѣшеніе, осуждалъ его, напротивъ, какъ противное христіанской вѣрѣ. Магометъ присвоилъ себѣ имя непогрѣшимаго пророка Божія, единственнаго намѣстника Всевышняго на землѣ; святѣйшій патріархъ Фотій не только не имѣлъ притязанія на такое похищеніе власти, но, напротивъ, съ силою возставалъ противъ него и считалъ себя не инымъ чѣмъ, какъ смиреннымъ служителемъ Іисуса Христа, однимъ изъ епископовъ Его Церкви. Магометъ употреблялъ насиліе, преслѣдованіе, для распространенія своей ложной вѣры, и передалъ эти примѣры своимъ преемникамъ, какъ нельзя лучше подражавшимъ ему. Святѣйшій патріархъ Фотій никогда не былъ на сторонѣ гоненія; онъ, напротивъ, претерпѣлъ самъ всѣ его жестокости. Итакъ, вы напрасно стали бы искать какого нибудь сходства между этими двумя историческими личностями; между ними можно найдти только одинъ поразительный контрастъ. *Le Monde*, очевидно, ошибся именемъ и страной. Если ему хотѣлось провести полную параллель между кѣмъ нибудь и Магометомъ, ему не было надобности ходить такъ далеко.

Полная ненависти фраза газеты *le Monde* дала намъ мысль привести здѣсь слѣдующій отрывокъ изъ письма, относительно характера религіозной полемики, писаннаго къ намъ однимъ членомъ восточной Церкви, отличающимся столько же своею

вѣрою, сколько образованіемъ и возвышеннымъ характеромъ. Вотъ какъ онъ высказываетъ свое мнѣніе касательно полемики между христіанскими Церквами:

«Я не понимаю религіозныхъ споровъ, въ которыхъ высказывается страсть, хотя можно извинить увлеченіе, при защитѣ принадлежащаго себѣ мнѣнія. Истинѣ не можетъ нравиться подобный образъ дѣйствія. Пусть *римляне* преслѣдуютъ насъ упреками и насмѣшками, если это имъ пріятно. Это въ порядкѣ вещей. Но пусть же это останется языкомъ заблужденія. Дерево познается отъ плодовъ своихъ. Слѣдуетъ ли намъ на это жаловаться? Не лучше ли радоваться этому? «Блаженны вы», сказалъ божественный Учитель, «егда рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы, лжуще Мене ради.» Мы были бы огорчены, глубоко огорчены, если бы нашли въ защитникахъ нашихъ иронію, ѣдкія сравненія или что нибудь хуже. Такія средства не убѣждаютъ: они производятъ только раздраженіе. Игры ума не ведутъ къ результатамъ, или результатъ ихъ дуренъ. И гдѣ же тогда христіанская любовь? Если мы православные, мы дѣти христіанской любви. Мы не должны бранить нашихъ противниковъ, мы не должны платить имъ за иронію ироніей; напротивъ, нашъ долгъ пожалѣть о нихъ. Они ослѣплены своими чувствами вражды, гордости, самолюбія, и, несмотря на то, они искуплены кровію Іисуса Христа; они наши братья, они больные, они въ бреду. Врачь не огорчитъ больнаго: онъ старается только успокоить его. Онъ проситъ его принять свои совѣты, извѣщая его объ опасности; но онъ не выказываетъ желчи. Что касается до духовнаго исцѣленія или наученія, оно можетъ произойдти только отъ усердной и пламенной молитвы къ всемогущему Врачу душъ, безъ помощи котораго наше состраданіе не можетъ облегчить болящаго. О, какъ недостойны и даже ненавистны, въ этихъ обстоятельствахъ, всѣ насмѣшки и оскорбительныя слова! Тутъ мѣсто только для христіанскаго соболѣзнованія.

«Иные могутъ сказать, конечно, что и святыя лица позволяли себѣ нѣкогда употреблять выраженія жесткія и обидныя, въ порывѣ своихъ горячихъ убѣжденій. Я отвѣчу на это преданіемъ, что на одномъ вселенскомъ Соборѣ святой отецъ ударилъ еретика, позволившаго себѣ богохульствовать. Но нынѣ кто осмѣлится дѣйствовать такимъ образомъ? Съ вѣками, смягчились нравы, обычаи, приличія, даже самый тонъ языка; что

касается до христіанской любви и умѣренности, онѣ были одинаковы во всѣ времена.»

«Слѣдовательно, пусть святое дѣло защиты и распространенія православія отличается отъ страстныхъ преній иновѣрцевъ обиліемъ божественной любви и чувствомъ искренняго и глубокаго состраданія къ впавшимъ въ заблужденіе: это чувство нераздѣльно съ ревностію, которая должна быть пламенна, но не страстна.»

Мы просимъ *le Monde* воспользоваться этими замѣчаніями.

Разныя пожертвованія на Аѳонъ, въ Іерусалимъ и другія мѣста.

Въ редакцію журнала «Странникъ», въ теченіе минувшаго мѣсяца, поступили слѣдующія пожертвованія: изъ села Казачинскаго, Енисейскаго округа, отъ купца *Потапа Михайлова* 18 руб; изъ нихъ въ Іерусалимъ, на масло ко гробу Господню 5 руб.; на Аѳонъ въ монастырь св. Пантелеимона, для поминовенія о здравіи: Татіаны, Елены, Льва, Сусанны, Сусанны, 5 руб.; въ русскій монастырь св. горы Аѳонской, на вѣчное поминовеніе рабовъ Божіихъ: Іакова, Матроны, Михаила, Евдокіи, Гавріила 5 руб., и въ страннопріимную гостинницу въ Іерусалимъ 3 руб.; отъ *неизвѣстнаго* (изъ г. Ельца, Орловской губ.), на Аѳонъ 3 руб., для поминовенія о здравіи: Анны, съ чадами, Алексія, съ чадами, Михаила; и отъ *неизвѣстнаго* (въ Спб., д. с. с. К—го) 3 руб. въ Іерусалимъ. Отъ *С. г.* за упокой раба Божія Никиты,—на Аѳонъ, въ русскій скитъ, 75 к., и въ монастырь св. Пантелеимона тоже 75 к.; изъ Москвы, отъ раба Божія *Евграфа* 25 р., изъ нихъ въ Іерусалимъ, на масло ко гробу Господню, и для поминовенія за упокой рабовъ Божіихъ: Александра, Петра, Анны и отрока Сергія, 15 р., въ пользу бѣдствующихъ православныхъ христіанъ въ Сиріи 10 р.; изъ г. Ливенъ, Орловской губ., отъ свящ. *Алексія Барсова*, 5 р., изъ нихъ въ пользу страждущихъ христіанъ въ Босніи 1 р. 50 к., на масло ко гробу Господню и для поминовенія о здравіи: іерея Алексія, Іоанна, Михаила, Іосифа, болящаго раба Божія Григорія, Анны, съ чады, Елисаветы съ чады, Маргариты, Капитолины, Анны, и о упокоеніи: іерея Іосифа, Іоанна, Даріи, Екатерины, съ чады, Александра, Александра, Анны, Анны, Петра, Іуліи 2 р.; на Аѳонъ, въ монастырь св. Пантелеимона, для поминовенія, о здравіи и за упокой тѣхъ же рабовъ Божіихъ, 1 р. 50 к.; изъ Костромской губ., Ветлужскаго уѣзда, усадьбы Писчевки, отъ рабы Божіей *Анны*, 25 р., на Аѳонъ, въ одинъ изъ бѣднѣйшихъ монастырей, для вѣчнаго поминовенія усопшихъ рабовъ Божіихъ: Александра и Димитрія; отъ *А.*, золотые браслеты, пять перстней и четыре ложки изъ мамонтовой кости, въ Іерусалимъ, для поминовенія у гроба Господня о здравіи Анны, Параскевы, Александра, Вассы и младенца Николая.

Всѣ сіи пожертвованія, на сумму 80 р. 50 к., препровождены редакторомъ въ хозяйственное управленіе при св. Сунодѣ, для отсылки куда предназначено. О прочихъ пожертвованіяхъ, поступившихъ послѣ этого въ редакцію Странника, будетъ припечатано въ современной хроникѣ *майской книжки*.

V.

КАТОЛИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ СТРАСТЕЙ ГОСПОДНИХЪ ВЪ БАВАРІИ.

(Изъ воспоминаній очевидца).

Въ верхней Баваріи, въ самой гористой части ея, почти на границахъ Тироля, находится маленькое селеніе, называемое Обераммергау. Это селеніе одно во всей католической Германіи сохранило право представлять публично страсти Господни, чрезъ каждыя десять лѣтъ. Причиною такой привиллегіи служитъ обѣтъ, данный жителями Обераммергау еще въ 1633 году, по случаю прекращенія свирѣпствовавшей во всей аммерской долинѣ моровой язвы. Съ тѣхъ поръ это представленіе, несмотря на повсемѣстныя запрещенія подобныхъ представленій въ другихъ мѣстахъ, продолжается и доселѣ въ одномъ только Обераммергау.

1860 годъ былъ одинъ изъ тѣхъ десятеричныхъ годовъ, въ которые давались эти представленія, и мнѣ удалось въ этомъ году быть зрителемъ такого невиданнаго зрѣлища.

Въ одинъ изъ самыхъ дождливыхъ дней августа 1860 года отправились мы чрезъ Мюнхенъ въ южную Баварію, и хотя обераммергаусцы увѣряютъ, что небо покровительствуетъ ихъ представленіямъ, мы готовы были на все,—даже и наслышавшись, что представленія эти совершаются на открытомъ воздухѣ, не взирая ни на какую погоду. Уже мы подъѣзжали къ Старенбергскому озеру, за которымъ начинается прямая дорога въ Обераммергау, а дождь не переставалъ лить ручьями. Но вотъ, какъ будто для того, чтобы настроить наше воображеніе на ожиданіе чего-то чудеснаго, едва только мы сѣли на пароходъ, какъ небо прояснилось, и передъ нами раскрылась цѣлая панорама горъ, въ срединѣ которыхъ лежитъ завѣтное селеніе, цѣль нашего странствованія. Уже мы ясно могли различать кремнистыя ребра Веттерштейна и снѣжную верхушку Цугшпица, у подножія котораго находится Обераммергау.

Съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ поглядывали мы на облака, которыя то закрывали отъ насъ вершины горъ, то, снова разрываясь, обнаруживали обрывистые утесы отдѣльныхъ скалъ. Но по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ противоположному берегу, погода все болѣе и болѣе прояснялась. Повѣрье обераммергаусцевъ сбывалось.

Достигнувъ берега, мы нашли здѣсь такое стеченіе народа, отправлявшагося на обераммергауское представленіе, что съ трудомъ могли себѣ достать мѣсто въ одномъ изъ безчисленныхъ экипажей всѣхъ возможныхъ сортовъ, большею частію уже переполненныхъ народомъ. Здѣсь мы съѣхали въ глубину самой католической страны. Никогда еще не удавалось мнѣ видѣть въ такой близи жизнь простаго католическаго народа. На каждомъ шагу было замѣтно, что церковность составляетъ здѣсь главный элементъ народной жизни. Проѣзжая чрезъ разныя селенія, мы то встрѣчали церковныя процессіи, совершавшіяся по случаю дождливаго времени, то видѣли цѣлыя деревни, украшенныя вѣнками изъ зелени и цвѣтовъ, въ срединѣ которыхъ находились образа, вывѣшенные за окна, по случаю какого либо юбилея той или другой церкви или часовни. Самая мѣстность носила на себѣ отпечатокъ церковной жизни. Вотъ здѣсь, въ сторонѣ, изъ-за лѣса выглядываетъ башенка какой нибудь часовни, и вамъ говорятъ, что это такая или другая *Votivkirche* [1]; тамъ — почти съ недосягаемой вершины на васъ смотритъ маленькая церковь, и вы уже догадываетесь, что это Wallfahrtskapelle [2]. Едва замѣтно извивается по горѣ ведущая къ ней тропинка, и вы видите, какъ по ней подымаются длинною вереницею усердные богомольцы, идущіе на поклоненіе тому или другому святому. Если вы подъѣзжаете къ какому либо селенію съ живописнымъ мѣстоположеніемъ, то можете быть напередъ увѣрены, что на самомъ лучшемъ пунктѣ этой мѣстности, откуда открывается прелестный видъ на всю окрестность, вы найдете *Calvarienberg* [3], съ обыкновенными католическими принадлежностями такой горы, какъ-то: станціями для поклоненія страстямъ Господнимъ и огромнымъ распятіемъ на самой вершинѣ.

Все это невольно настроивало насъ особеннымъ образомъ, и мы мало по малу начинали понимать, какъ это представле-

[1] Церковь, построенная по обѣту.

[2] Церковь, устроенная для богомолья.

[3] Гора, представляющая Голгоѳу.

ніе страстей Господнихъ могло возникнуть въ такой католической атмосферѣ, не бывъ профанаціею этого высоко-священнаго предмета.

Между тѣмъ, мы болѣе и болѣе приближались къ цѣли своего путешествія. Насъ отдѣляла одна только гора отъ аммерской долины, въ глубинѣ которой лежитъ Обераммергау. Поднявшись на эту гору, мы очутились передъ величественными зданіями упраздненнаго монастыря Эттальскаго. Войдемъ въ этотъ монастырь и полюбопытствуемъ взглянуть на запустѣлыя его зданія, тѣмъ болѣе, что этотъ монастырь былъ колыбелію обераммергауской мистеріи. Одинъ изъ братіи этого монастыря былъ авторомъ первоначальнаго текста ея. Въ стѣнахъ его созрѣвало и самое искусство въ исполненіи главнѣйшихъ дѣйствій этого священнаго представленія. Грустно первое впечатлѣніе, которое поражаетъ васъ при видѣ запустѣнія древней обители. Правда, почитаемое чудотворнымъ изваяніе эттальской Богородицы еще находится на своемъ мѣстѣ; церковь или монастырскій соборъ открытъ и сіяетъ своимъ прежнимъ великолѣпіемъ; даже огромный фонтанъ, украшавшій монастырскій дворъ, бьетъ со всею силою, разбиваясь при паденіи объ заросшій травою помостъ. Но эти огромныя зданія съ келліями монаховъ, обращенныя теперь частію въ пивоварни, частію въ конюшни и стойла для скота, этотъ запустѣлый садъ и поросшее травою кладбище, наконецъ эти великолѣпныя капители, которыя не успѣли поднять на внѣшнія колонны храма, какъ трудящихся застала секуляризація этого монастыря,—все это невольно внушаетъ чувство состраданія къ минувшему величію, и вы неохотно отрываетесь отъ этого мѣста, теперь наполненнаго толпою любопытныхъ и поклонниковъ, а въ обыкновенное время пустыннаго и оглашаемаго только суетою матеріальной жизни.

Дорога отъ Эттальскаго монастыря до самаго Обераммергау была покрыта почти сплошными массами народа, двигавшагося какъ туда, такъ и обратно. Здѣсь мы повстрѣчали толпы богомольцевъ, которые съ пѣніемъ литаній и непокрытыми головами отправлялись на поклоненіе эттальской Богородицѣ, то обгоняли другія, которыя также съ пѣніемъ шли на представленіе страстей Господнихъ. У самой дороги, почти по отвѣсной скалѣ, карабкались нѣсколько человѣкъ, хватаясь за сучья кустарниковъ или выдавшіеся камни. Это обратило наше вниманіе. Мы взглянули наверхъ и увидѣли, что въ

образовавшейся въ скалѣ глубокой пещерѣ стоитъ вырѣзанное изъ камня или дерева и раскрашенное яркими красками изображеніе Спасителя, въ положеніи моленія о чашѣ. Кучеръ нашъ увѣрялъ, что это изображеніе самородное и потому съ незапамятныхъ временъ служитъ особымъ предметомъ почитанія для странниковъ. Это было для насъ новымъ настроеніемъ на чудесное къ завтрашнему представленію. Къ довершенію такого настроенія намъ еще на дорогѣ бросаютъ въ экипажъ тетрадь съ слѣдующимъ громкимъ названіемъ: «Великая примирительная жертва голгоѳская, или исторія страданій и смерти Іисуса, по сказаніямъ четырехъ евангелистовъ, съ прообразовательными картинами изъ ветхаго Завѣта, для размышленія и назиданія. Съ высочайшаго и всемилостивѣйшаго разрѣшенія будетъ вполнѣ исполнено въ Обераммергау, въ верхней Баваріи, Верденфельскаго округа, въ каждый изъ слѣдующихъ дней нынѣшняго (1860) года: 28 мая; 4, 16, 24 іюня; 2, 8, 15, 25 іюля; 6, 12, 19, 26 августа; 9 и 16 сентября.» Эта тетрадь заключала въ себѣ текстъ хоровъ и порядокъ дѣйствій мистеріи.

Въѣхавъ въ Обераммергау, мы были поражены прежде всего тѣмъ, что всѣ дома этого селенія были расписаны снаружи разными изображеніями святыхъ лицъ или библейскихъ событій. Съ трудомъ доставъ себѣ ночлегъ въ одномъ изъ частныхъ домовъ, хозяинъ котораго долженъ былъ на другой день представлять лице фарисея, мы отправились доставать билеты. Уже бывали случаи, что стеченіе народа было таково, что и для половины зрителей недоставало мѣстъ, хотя помѣщеніе на этотъ случай устраивается для 6,000 человѣкъ. Въ такомъ случаѣ для оставшихся безъ билетовъ представленіе повторяется на слѣдующій день. Мы были такъ счастливы, что достали себѣ даже первыя мѣста, заплативъ по $1^1/_2$ талера за каждое.

На другой день, рано утромъ, мы отправились на мѣсто представленія и помѣстились на своихъ защищенныхъ отъ дождя и солнца мѣстахъ, за добрый часъ до начала представленія, и имѣли полный досугъ осмотрѣть все въ этомъ необычайномъ зрѣлищѣ. Находясь въ задней части зданія, мы имѣли передъ собою необозримый рядъ скамеекъ, которыя, нисходя амфитеатрами до самой сцены, оканчивались мѣстами для оркестра. У первыхъ рядовъ скамеекъ возвышается сцена, которая ничего не имѣетъ сходнаго съ обыкновенными сценами

театровъ. Прежде всего поразило наше вниманіе огромное, совершенно открытое просценіумъ, шириною до 80 футовъ и углубляющееся футовъ до 20 до начала особенно устроенныхъ занавѣсовъ. Но и просценіумъ и занавѣсы здѣсь были бы не понятны безъ особаго описанія. Передъ вашими глазами находятся въ глубинѣ просценіума три улицы Іерусалима, изъ которыхъ двѣ боковыя, сгибаясь во внутрь, теряются за среднею. Обѣ эти улицы, обставленныя разрисованными на полотнѣ домами, заканчиваются на сторонахъ, обращенныхъ къ зрителямъ, двумя дворцами, изъ которыхъ одинъ дворецъ долженъ представлять дворецъ Пилата, а другой—домъ первосвященника Анны. Въ срединѣ двухъ этихъ улицъ находится собственно сцена, которая пока закрыта занавѣсомъ, представляющимъ перспективно также одну изъ улицъ Іерусалима. Заднимъ планомъ для этой декораціи служатъ естественныя горы, а покровомъ—голубое небо. Съ нашихъ возвышенныхъ мѣстъ эта перспектива еще болѣе углублялась, и изъ-за улицъ Іерусалима намъ виднѣлась часть аммерской долины съ селеніемъ Унтераммергау.

Но вотъ раздается третій выстрѣлъ изъ пушки, и оркестръ начинаетъ увертюру. Ожиданіе самаго дѣйствія такъ напрягается, что музыка проходитъ незамѣченною. Съ послѣднимъ звукомъ аккорда наступаетъ глубокая тишина, какую только можно представить среди 6000-го собранія. Эта же тишина господствуетъ потомъ въ продолженіе цѣлыхъ осьми часовъ, пока продолжается представленіе. Съ обѣихъ сторонъ просценіума выходятъ одинъ за другимъ 15 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, одѣтыхъ одинаково въ бѣлыя туники и сандаліи, имѣя на плечахъ богато вышитые короткіе плащи, а на головахъ нѣчто въ родѣ вѣнковъ. Эти, такъ называемые, геніи располагаются во всю ширину просценіума, лицомъ къ зрителямъ, и должны исполнить въ мистеріи обязанность хористовъ. Въ срединѣ этихъ хористовъ помѣщается декламаторъ, отличающійся отъ прочихъ радужными цвѣтами своего костюма. Кромѣ участія въ хорѣ, мѣстами онъ декламируетъ стихи, обращенные къ зрителямъ. Сдѣлавъ поклонъ передъ зрителями, хоръ этотъ начинаетъ пѣть прологъ слѣдующаго содержанія:

«Повергнись въ священномъ изумленіи ты, пораженный проклятіемъ отъ Бога, родъ! Миръ тебѣ! Снова милость отъ Сіона! Не вѣчно гнѣвенъ Онъ, тобою оскорбленный, хотя гнѣвъ Его и праведенъ. Не хочу, такъ говоритъ Господь, смерти грѣшника,—хочу простить его, да будетъ живъ онъ!

Примириться съ нимъ хочу Я, примириться кровію Сына Моего! Хвала, поклоненіе и слезы умиленія Тебѣ отъ насъ, Превѣчный! Но, Пресвятый, дерзнетъ ли прахъ дерзновенно заглянуть въ святилище будущности? Смотрите! вотъ тайна Божія! Вотъ на горѣ Моріа жертва — образъ примирительной жертвы голгоѳской!»

При пѣніи послѣднихъ словъ, хоръ разступается; занавѣсъ, представлявшій среднюю улицу Іерусалима, подымается, и вы видите въ глубинѣ сцены двѣ живыя картины: направо Адамъ и Ева изгоняются ангеломъ отъ древа жизни, налѣво Авраамъ, приносящій въ жертву Исаака. Между тѣмъ, хоръ продолжаетъ пѣть: «Смотрите! такъ хочетъ самъ возлюбленный Сынъ, какъ нѣкогда Исаакъ, на горѣ Моріа, сдѣлаться великою примирительною жертвою Богу за грѣхи міра, на Голгоѳѣ!» — Занавѣсъ опускается; хоръ поетъ: «Боже милосердый! Чтобы помиловать грѣшниковъ, которые постыдно попираютъ Твои заповѣди, и чтобы избавить ихъ отъ проклятія, Ты отдаешь на смерть Твоего Единороднаго!» Въ эту минуту снова подымается занавѣсъ, и глазамъ вашимъ представляется вдали на облакѣ большой крестъ, передъ которымъ стоятъ преклоненными четыре мальчика. При появленіи этого символа спасенія, музыка замолкаетъ, и геніи, представляющіе хоръ, падаютъ на колѣни, погружаясь въ молитвенное благоговѣніе. Минута, сама по себѣ торжественная, возвышается еще болѣе, когда послѣ мгновенной паузы изъ-за кулисъ раздается тихое пѣніе дѣтскихъ голосовъ съ словами: «Превѣчный! услышь лепетъ чадъ Твоихъ! Ибо дитя умѣетъ только лепетать. Собравшись на зрѣлище этой великой жертвы, они покланяются Тебѣ съ чувствомъ святаго благоговѣнія!» Съ послѣдними звуками этого пѣнія занавѣсъ падаетъ, хоръ снова занимаетъ свое мѣсто и, обращаясь къ зрителямъ, поетъ: «Теперь послѣдуйте за Примирителемъ, пока Онъ не пройдетъ своего тернистаго пути и не окончитъ своей кровавой борьбы за насъ въ крестной смерти!» Послѣ этого медленно одинъ за другимъ сходятъ эти геніи со сцены. Настаетъ минута торжественной паузы.

Но вотъ въ глубинѣ зрѣлища, закрытой отъ народа, раздаются клики: осанна! Изъ глубины боковой улицы показывается народъ: дѣти, старцы, юноши, женщины съ младенцами, въ пестрыхъ восточныхъ костюмахъ, съ вѣтвями въ рукахъ. Эта масса, по мѣрѣ приближенія къ просценіуму, все больше и больше увеличивается, все больше и больше сгущается. Уже все огромное простран-

ство просценіума покрыто народомъ, уже передовые ряды его теряются въ глубинѣ другой боковой улицы, а изъ первой улицы все еще выступаютъ массы народа, все въ тѣхъ же пестрыхъ костюмахъ, все въ той же смѣси возрастовъ, половъ и состояній. Это явленіе въ высшей степени грандіозное, особенно сопровождаемое все болѣе и болѣе, по мѣрѣ увеличенія массы, усиливающимся пѣніемъ стиховъ: «осанна Тебѣ! осанна, Сынъ Давидовъ! осанна, осанна! Тебѣ принадлежитъ тронъ отцевъ Твоихъ!» При каждомъ воззваніи: «осанна!» народъ оборачивается назадъ и преклоняетъ вѣтви, обращая этимъ вниманіе на Грядущаго сзади, который еще не успѣлъ показаться изъ-за угла первой улицы.

Но вотъ наконецъ вы замѣчаете въ концѣ улицы нѣкоторыхъ изъ народа постилающими свои одежды на землю; сердце невольно сжимается отъ ожиданія чего-то необычайнаго. Вотъ показываются нѣсколько человѣкъ съ высокими жезлами въ рукахъ, и вы узнаете, по костюмамъ, апостоловъ. Двое изъ нихъ ведутъ подъ уздцы осла, на которомъ возсѣдитъ Мужъ въ лиловой одеждѣ, подпоясанный, съ наброшенною черезъ плечо другою одеждою краснаго цвѣта. Въ этомъ явленіи, со всею его обстановкою, вы узнаете тотчасъ же картину входа Іисуса Христа въ Іерусалимъ. Не знаю, какъ дѣйствуетъ на католиковъ это первое явленіе Іисуса Христа въ живомъ видѣ, на сценѣ, но я слышалъ, какъ у нѣкоторыхъ вырывался невольно крикъ испуга; а меня болѣзненно поразила прежде всего мысль: какъ это дерзнулъ человѣкъ грѣшный, съ обыкновенными немощами, и притомъ неимѣющій никакого благодатнаго полномочія, взять на себя священное лицо Богочеловѣка, и представлять Его на площади, предъ толпами народа! Здѣсь только припоминаются всѣ обстоятельства, породившія и воспитавшія эту мистерію, припоминается и мѣстность, и духъ страны, и наконецъ духъ самаго католичества.

Между тѣмъ, какъ на передней сценѣ продолжается еще ликованіе народа вокругъ его Мессіи, изъ глубины противоположной улицы показываются первосвященники, которые страннымъ образомъ во все продолженіе дѣйствія вездѣ и на улицахъ, какъ въ засѣданіи синедріона, расхаживаютъ въ своемъ первосвященническомъ облаченіи. Мрачно выступаютъ они, сперва незамѣчаемые народомъ; съ видимымъ негодованіемъ взираютъ они на почести, воздаваемыя Учителю; какъ будто по мановенію ихъ, крики народные умолкаютъ, и только слы-

шатся возгласы дѣтей, взывающихъ еще: осанна Сыну Давидову! Тогда одинъ изъ первосвященниковъ гордо подступаетъ къ самому Христу и еще съ большею гордостію дѣлаетъ Ему вопросъ: «слышишь Ты, что́ они кричатъ?» На это слѣдуетъ извѣстный евангельскій отвѣтъ. Если до сихъ поръ одно явленіе лица Іисуса Христа возбуждало чувство страха, смѣшанное съ какимъ-то безотчетнымъ негодованіемъ, то первое слово, слово евангельское, произнесенное устами человѣка, который долженъ былъ представить такое неизображаемое Лице, возмутило до глубины души религіозное чувство. И это повторялось каждый разъ, какъ отверзались уста этого человѣка для произношенія словъ, которыхъ никто другой не могъ бы, не смѣлъ бы произнести, кромѣ самого Воплощеннаго Слова. Этого чувства не могла превозмочь даже самая мысль, что мы присутствовали при мистеріи, католической, средневѣковой, наконецъ сельской-обераммергауской.

Но если явленіе Христа на этомъ зрѣлищѣ производило каждый разъ такое тяжкое впечатлѣніе, за то самая драма возбуждала высокій интересъ. Почти нельзя повѣрить, чтобы эта мистерія въ томъ видѣ, какъ она дается теперь, была задумана или выработана какимъ нибудь монахомъ среднихъ вѣковъ. Надобно, чтобы исправленіе и усовершенствованіе ея прошло черезъ многія искусныя руки: такъ много въ ней драматизма, такъ много глубокаго знанія не только исторіи, но и сердца человѣческаго! Ничего нельзя было лучше придумать, какъ начать эту мистерію торжественнымъ входомъ Іисуса Христа въ Іерусалимъ. По отношенію къ народу это событіе было торжествомъ Божественнаго Учителя, которое еще болѣе дѣлается поразительнымъ въ глазахъ зрителей, когда вскорѣ послѣ этихъ торжественныхъ кликовъ они услышатъ изъ устъ *того же* народа: «распни! распни Его!» Такой переходъ, такая перемѣна мыслей и чувствъ въ толпѣ оставались бы непонятными для простыхъ зрителей, незнакомыхъ съ исторіею, если бы здѣсь же не послѣдовала все объясняющая завязка этой священной драмы. Пока первосвященники разсуждаютъ съ Іисусомъ на передней части сцены, и народъ, столпившись вокругъ нихъ, закрываетъ собою настоящую сцену, тамъ уже поднялся занавѣсъ: театръ представляетъ галлерею Іерусалимскаго храма, заставленную столами мѣнялъ, клѣтками съ птицами, баранами. Давши урокъ первосвященникамъ и народу, Іисусъ

отвращается отъ нихъ и медленно идетъ къ храму, сопровождаемый апостолами. Здѣсь, при самомъ входѣ въ святилище, представляется само собою и доказательство Его грознаго обличенія на передѣніе стражей дома Божія. Въ дому Отца Его, въ дому молитвы совершается настоящій торгъ, и еще прежде произнесенія обличительныхъ словъ, по однимъ лицамъ продавцовъ и покупателей здѣсь виденъ вертепъ разбойниковъ. Сцена изгнанія продавцовъ изъ храма совершается со всею точностію евангельскихъ сказаній. Участіе всѣхъ лицъ этой огромной сцены въ совершаемомъ дѣйствіи такъ поразительно естественно, что кажется, будто присутствуешь при дѣйствительномъ совершеніи этого событія. И говоръ толпы, и среди этого шума довольно внятный голосъ Ревнителя о домѣ Божіемъ, мимическое сочувствіе этому дѣйствію со стороны народа и оскорбленное негодованіе первосвященниковъ, сперва нѣмой испугъ, потомъ крики злобы изгоняемыхъ продавцовъ,— все это вмѣстѣ соединяется въ одно, не смѣшиваясь, и не мѣшая одно другому, такъ что невольно думаешь про себя, что это не могло быть иначе и на самомъ дѣлѣ. Между тѣмъ, выгнанные продавцы, какбы опомнившись, вторгаются снова съ яростію въ храмъ и, ободренные негодованіемъ первосвященниковъ, начинаютъ приносить жалобы на дѣйствія Учителя и на свои убытки. Завязывается сцена, въ которой разговоры и слова перекидываются съ такою быстротою, что не можешь себѣ вообразить, чтобы это были выученныя роли. Уже многіе изъ торжествовавшаго народа видимо начинаютъ принимать сторону первосвященниковъ, громко защищающихъ свои права на достояніе Аароново. И въ то время, какъ продавцы кричатъ: «месть, месть!» и, неистово грозя Іисусу, что это не пройдетъ Ему даромъ, бросаются вонъ изъ храма, первосвященники съ своей стороны настроиваютъ народъ противъ Іисуса, и наконецъ съ возгласами: «кто вѣренъ Моисею,— за нами! Моисей нашъ Пророкъ!»—устремляются во глубину храма, увлекая за собою почти всю массу народа, тогда какъ Іисусъ остается окруженный одними только своими учениками. Занавѣсъ опускается. Этимъ оканчивается первое дѣйствіе, которыхъ всего въ этой мистеріи 17.

Первое впечатлѣніе этого дѣйствія таково, что не умѣешь дать себѣ отчета во всемъ томъ, что происходитъ на этой необычайной сценѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что главная пружина этой священной драмы не лице Іисуса Христа, но народное движе-

ніе. Не можетъ быть, чтобы составители этой мистеріи, работая надъ нею вѣками, не замѣтили сами, что представить въ ней всю полноту характера и дѣйствій послѣднихъ дней земной жизни Іисуса Христа было бы безумнымъ покушеніемъ. Не говоря о томъ, что никогда не только въ одномъ Оберамергау, но и въ цѣломъ мірѣ не нашлось бы такого человѣка, который въ состояніи былъ бы покуситься изобразить хотя приблизительно лице страждущаго за родъ человѣческій Богочеловѣка ,— самое явленіе его въ этой мистеріи не допускало никакихъ искусственныхъ эффектовъ, необходимыхъ для драматическаго представленія, не сдѣлавшись богохульствомъ. И дѣйствительно, лице Іисуса Христа во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Онъ представляется дѣйствующимъ, остается блѣднымъ и безцвѣтнымъ. Религіозное чувство отъ этого хотя и страдаетъ, но, по крайней мѣрѣ, не возмущается. Другое дѣло—обстановка этого дѣйствія. Здѣсь, кромѣ данныхъ историческихъ, остается большое поле и для фантазіи, безъ оскорбленія самой истины. Не нужно быть большимъ геніемъ, чтобы изъ этой обстановки, имѣющей такое всемірное значеніе, создать поражающую не одними эффектами, но самымъ ходомъ событій, драму. Мнѣ нерѣдко во время представленія этой мистеріи приходила въ голову мысль, зачѣмъ въ этой мистеріи всѣ явленія Іисуса Христа не обставлены живописными картинами. Тогда эта драма могла бы имѣть великое значеніе—изобразить наглядно единственную въ жизни человѣчества эпоху, въ которой отразились всѣ страсти падшаго человѣка: и его гордость, и его низость, и его слѣпота, и его буйное возстаніе противъ Бога, но рядомъ съ этимъ уже и проблески будущаго возсозданнаго величія, какъ-то: высокое самоотверженіе, нѣжная любовь и пламенная вѣра.

Антрактовъ въ этомъ 17-ти-актномъ представленіи вовсе нѣтъ: едва одна короткая пауза отдѣляетъ одно дѣйствіе отъ другаго. Лишь только опустили занавѣсъ послѣ описанной сцены, какъ уже съ двухъ сторонъ просценіума выходитъ снова тотъ же хоръ. Оркестръ играетъ коротенькую прелюдію, и затѣмъ декламаторъ говоритъ стихи слѣдующаго содержанія: «А! они ушли, злодѣи! разоблачился этотъ родъ и вышелъ наружу», и такъ далѣе; потомъ продолжаетъ: «открой намъ, Боже, Твое святилище! Преступный планъ ихъ изображаетъ намъ уже древность. Какъ нѣкогда сыновья Іакова устроили заговоръ противъ Іосифа, такъ и это

порожденіе ехидниво, полное мести тигровой, будетъ призывать на Іисуса: «смерть и кровь!» При этихъ словахъ хоръ разступается, и на сценѣ является живая картина, представляющая сыновъ Іакова въ тотъ моментъ, какъ они, бросивъ Іосифа въ ровъ, совѣтывались между собою, что̀ съ нимъ сдѣлать. Между тѣмъ, декламаторъ объясняетъ въ стихахъ эту сцену. Когда же занавѣсъ падаетъ, хоръ, соединившись снова, поетъ: «Боже, истреби сборище этихъ возстающихъ на Тебя злодѣевъ! сокруши покушающихся на жизнь Сына Твоего!» Хоръ этотъ прерываетъ соло, который нѣжнымъ голосомъ отвѣчаетъ: «но, нѣтъ! не на погибель пришелъ Онъ изъ нѣдра славы Отчей, но да наслѣдуютъ чрезъ Него всѣ грѣшники благодать, милость и блаженство!» Какбы по гласу этого увѣщанія, хоръ, прежде бурный и мятежный, перемѣняетъ тонъ и смиренно воспѣваетъ: «тогда смиренно преклонимся, Боже, мы, Твои дѣти, предъ великимъ дѣломъ любви Твоей!» И съ поникшими головами медленно, одинъ за другимъ, хористы удаляются со сцены.

Такими и подобными хорами начинается каждое изъ дѣйствій этой мистеріи. Выражая чувства зрителей по поводу предшествующей сцены, они каждый разъ приготовляютъ ихъ къ послѣдующей, и, такимъ образомъ, отдѣльные эпизоды изъ исторіи страстей Господнихъ связываютъ въ одно цѣлое поучительное для народа представленіе. Живыя картины, предшествуя каждому дѣйствію, имѣютъ цѣлію показать связь событій евангельскихъ съ прообразованіями ветхозавѣтными. Въ самомъ текстѣ этихъ хоровъ ясно видно намѣреніе не только объяснить смыслъ и ходъ представленія, но и возбудить религіозное чувство, потому что во многихъ мѣстахъ эти хоры принимаютъ характеръ молитвенный.

Слѣдующая за описаннымъ хоромъ сцена представляетъ засѣданіе синедріона. Священники и книжники, возсѣдая на табуретахъ, образуютъ полукругъ, во главѣ котораго на двухъ, рядомъ поставленныхъ креслахъ, предсѣдательствуютъ первосвященники Анна и Каіафа,—первый—сѣдовласый старецъ, въ бѣломъ первосвященническомъ облаченіи, второй—живой и бойкій мужчина, въ красномъ одѣяніи. Каіафа открываетъ засѣданіе слѣдующею рѣчью: «Достопочтенное собраніе священниковъ, учителей и отцовъ народныхъ! наша вѣра, нашъ законъ — въ опасности! Будемъ ли мы еще праздновать нашу пасху? Не сдѣлался ли уже этотъ галилеянинъ царемъ во Іеру-

салимѣ? Не выгналъ ли Онъ изъ храма передъ глазами нашими продавцовъ веревкою? Вы видите, что Онъ не уважаетъ ни Моисея, ни пророковъ! Доколѣ же мы будемъ еще медлить? Кто наконецъ удержитъ народъ отъ соблазна? Каждый изъ насъ, конечно, старался объ этомъ; но что̀ мы успѣли сдѣлать? Это ужасно! Не видѣли ли вы сами, какъ Онъ торжественно вошелъ въ нашу столицу? Ждать ли намъ, пока Онъ уничтожитъ послѣднюю тѣнь нашей власти? Потому лучше, чтобы одинъ умеръ, чѣмъ весь родъ погибъ!» Въ этомъ тонѣ еще долго говоритъ бойкій ораторъ. Рѣчь его течетъ быстро и съ одушевленіемъ. Къ его словамъ ничего не могъ больше прибавить слабый старикъ, Анна, кромѣ клятвы: «клянусь моими сѣдинами, что не успокоюсь и я, пока наслѣдіе отцовъ нашихъ не будетъ обезопашено Его смертію!» Все собраніе, за исключеніемъ двухъ членовъ, Никодима и Іосифа аримаѳейскаго, вполнѣ согласно съ мнѣніемъ первосвященниковъ. Чтобы имѣть противъ этихъ двухъ членовъ улику налицо, вводятся продавцы, изгнанные изъ храма, которые въ своей жалобѣ задѣваютъ за живое самый синедріонъ. «Не этотъ ли священный соборъ», кричатъ они, «дозволилъ намъ продажу въ храмѣ? А тотъ галилеянинъ выгналъ насъ оттуда веревкою!» Послѣ этого начинается совѣтъ, какъ удобнѣе схватить этого галилеянина, и одинъ изъ оскорбленныхъ имъ продавцовъ объявляетъ, что онъ близко знакомъ съ однимъ изъ учениковъ Его, котораго легко подкупить деньгами. На этомъ предложеніи останавливаются съ радостію первосвященники, и Каіафа распускаетъ собраніе.

Третіе явленіе носитъ по программѣ названіе: «прощаніе въ Виѳаніи». Предшествующій хоръ приготовляетъ къ этой сценѣ изображеніе материнскаго чувства при разставаніи съ сыномъ и горести невѣсты при потерѣ возлюбленнаго. Для поясненія перваго представляется въ живой картинѣ прощаніе Товіи съ родителями; для олицетворенія втораго изображается также въ живой картинѣ, какъ любящая невѣста оплакиваетъ потерю своего жениха, на основаніи Пѣсн. Пѣсн. 5, 17. Слѣдующее затѣмъ дѣйствіе происходитъ въ дому Симона прокаженнаго. Снова является лице Іисуса Христа въ сопровожденіи апостоловъ, и снова чувствуется какое-то безпокойство сердечное. Какъ будто невольно страшишься, чтобы не вышло какой опять профанаціи изъ каждаго подобнаго явленія. Но если профанаціи и не выходитъ,—напротивъ, видно, какъ всѣ

дѣйствующія въ такихъ явленіяхъ лица стараются соблюсти всю важность и достоинство въ словахъ, движеніяхъ, самой поступи, — несмотря на то, можетъ быть, самое это стараніе, хотя и внушаемое чувствомъ благоговѣнія къ предмету, дѣлаетъ эти сцены натянутыми и холодными. Къ тому жь сочинители мистеріи влагаютъ здѣсь въ уста Іисуса Христа слова, которыхъ мы не слыхивали ни изъ одного евангелія. Еще разъ, и сильнѣе прежняго, пришла мнѣ въ голову мысль, зачѣмъ всѣ эти явленія Іисуса Христа не оставлены нѣмыми. Быть можетъ, для оживленія драмы подобныя явленія были бы и необходимы, но, оставивъ ихъ одними только *явленіями*, усилили бы еще больше интересъ и таинственность оныхъ, — тѣмъ болѣе, что въ этой сценѣ разыгрывается новая завязка этой великой драмы—зависть и корыстолюбіе Іуды.

Лицо Іуды въ этой мистеріи вообще самое драматическое. Оно интересуетъ не только историческою своею стороною, но и какъ олицетвореніе борьбы страстей человѣка, отводящихъ его отъ Бога. Въ этой сценѣ Іуда представляется намъ сперва бережливымъ экономомъ товарищеской кассы, потомъ сребролюбивымъ человѣкомъ, который не прочь отъ того, чтобъ попользоваться остаточными суммами для своего кармана. «Какая ненужная расточительность!» говоритъ онъ сквозь зубы, смотря на изліяніе мура, принесеннаго усердіемъ Маріи для помазанія ногъ Божественнаго Учителя. Въ головѣ этого разсчетливаго человѣка сейчасъ явился счетъ въ 300 динаріевъ, которые можно бы *частію* употребить и на бѣдныхъ. Корыстолюбіе возбудило въ немъ негодованіе, а негодованіе поколебало вѣру въ непогрѣшительность Учителя. Впослѣдствіи Іуда уже такъ разсуждаетъ самъ съ собою: «нѣтъ; такимъ образомъ съ Нимъ умрешь съ голоду! И кто еще знаетъ, будетъ ли Онъ царемъ, признаютъ ли Его Мессіею! А что, если Онъ погибнетъ?! Нѣтъ, пора подумать и о себѣ.» Въ этихъ чувствахъ готовъ уже предатель. Между тѣмъ, Іисусъ Христосъ оставляетъ домъ Симоновъ и на дорогѣ встрѣчаетъ свою Матерь. Одѣтая въ красное платье и завернутая съ головы въ голубое полотно, она стояла, сложивъ крестообразно руки на груди, и съ головою полусклоненною на сторону. Еслибъ явленіе Матери Божіей въ этомъ видѣ на томъ и остановилось, эффектъ былъ бы вполнѣ достигнутъ. Но едва началось дѣйствіе прощанія Ея съ Сыномъ, какъ все

впечатлѣніе изчезло. Та же принужденность, та же натянутость въ позахъ, въ рѣчи въ самомъ голосѣ повторились и здѣсь.

Четвертое дѣйствіе начинается живою картиною, представляющею, какъ Артаксерксъ отвергаетъ отъ себя царицу Астинь и принимаетъ на ея мѣсто Эсѳирь. Хоръ объясняетъ значеніе этого прообраза, указывая въ немъ отверженіе іудейской синагоги и принятіе Церкви изъ язычниковъ. Соотвѣтственно сему событію, изъ жизни Іисуса Христа представляетъ Его плачъ объ Іерусалимѣ и предвѣщаніе о конечномъ его паденіи. Отселѣ интересъ дѣйствія сосредоточивается почти исключительно на лицѣ Іуды предателя. Развитіе этого характера ведется художнически сперва въ послѣднемъ разговорѣ Іуды съ своимъ Учителемъ, потомъ во встрѣчѣ съ продавцами, изгнанными изъ храма, наконецъ въ его монологѣ съ собою на опустѣвшей сумѣ. Заговорщики продавцы съ своей стороны ведутъ только свои дѣла, чтобы поймать въ свои сѣти полуотпадшаго ученика. Они сначала притворяются, будто желаютъ присоединиться къ Іисусу. У раздраженнаго Іуды, который только что получилъ замѣчаніе отъ своего Учителя за свое корыстолюбіе, невольно вырываются слова: «развѣ хотите умереть съ Нимъ съ голоду!» и въ доказательство этого и оказываетъ имъ пустой кошелекъ, прибавляя, что въ немъ еще сегодня могло бы быть, по крайней мѣрѣ, 300 динаріевъ. На этомъ словѣ и ловятъ его подосланные подкупщики. Торгъ сдѣланъ скоро; дано и слово *честнаго* человѣка. Но едва Іуда остался одинъ съ своею совѣстію, какъ въ немъ начинается внутренняя борьба. Хотя онъ и не смотрѣлъ на своего Учителя глазами вѣры, однако у него невольно вырывается сознаніе, что Учитель его все-таки *добрый человѣкъ*. Сознаніе низости самаго поступка его не подавляетъ; напротивъ, имъ овладѣла совершенно страсть сребролюбія, и онъ, какбы въ посмѣяніе своему ослѣпленному сердцу, утѣшаетъ себя мыслію: «да Онъ вѣдь чудотворецъ! Ему ничего не стоитъ спастись отъ враговъ своихъ, а я таки получу съ нихъ денежки!»

Слѣдующее засимъ дѣйствіе открывается живою картиною, представляющею ниспосланіе манны въ пустынѣ. Если всѣ живыя картины въ этой мистеріи болѣе или менѣе хороши, то эта особенно поразительна. Сцена представляетъ народъ израильскій въ пустынѣ. Болѣе 300 лицъ участвуютъ въ этой картинѣ. На переднемъ планѣ дѣти всѣхъ возрастовъ въ раз-

ныхъ положеніяхъ, то протягивающія руки къ падающей сверху маннѣ въ видѣ порхающаго снѣга, то съ изумленіемъ смотрящія на это невиданное явленіе. За ними, въ различныхъ группахъ, женщины, мужчины, юноши и старцы. Въ срединѣ Моисей и Ааронъ съ жезлами, поднятыми кверху. Пока хоръ объясняетъ значеніе этой картины и указываетъ въ ниспосланіи манны прообразъ таинства причащенія, занавѣсъ остается поднятымъ по крайней мѣрѣ минуты три, и во все это время ни одного движенія въ этихъ поднятыхъ кверху рукахъ, ни одного качанія въ самыхъ трудныхъ позахъ даже дѣтей. Одну минуту я было усомнился, не куклы ли разыгрываютъ роль дѣтей въ этихъ живыхъ картинахъ, и съ этою мыслію направилъ зрительную трубку на одного изъ самыхъ переднихъ и, какъ казалось, самыхъ младшихъ мальчиковъ. По счастію, я могъ замѣтить маленькое колебаніе въ его позѣ и тѣмъ убѣдился въ совершенной естественности этихъ живыхъ картинъ. — Среди пѣнія хора занавѣсъ опускается на минуту, а затѣмъ на сценѣ является новая картина: та же толпа народа, только иначе сгруппированная, и посреди ея 12 соглядатаевъ, изъ которыхъ двое несутъ на плечахъ перекинутую черезь жердь огромную кисть винограда. Хоръ продолжаетъ объяснять отношеніе винограда къ вину въ таинствѣ причащенія.

Я не хотѣлъ бы описывать слѣдующаго затѣмъ представленія: такъ оно возмутительно для религіознаго чувства и такъ неумѣстно введено къ эту мистерію. Дѣйствіе изображаетъ тайную вечерю и установленіе таинства евхаристіи. Мало того, что васъ поражаютъ здѣсь, на сценѣ, хоть бы даже священной въ глазахъ самихъ католиковъ, слова установленія таинства,—воспитанники Эттальскаго монастыря не устыдились даже вывести свою догматическую ложь на сцену и тѣмъ опрофанировать самое священнѣйшее дѣйствіе. Вообразите себѣ, что представляющій лице Іисуса Христа встаетъ послѣ вечери и съ чашею въ рукахъ обходитъ всѣхъ учениковъ, вынимая изъ оной *облатки* и влагая ихъ каждому въ ротъ, совершенно по обряду католическаго причащенія! Невольно спрашиваешь самого себя: къ чему эта богохульная сцена? Неужели и здѣсь цѣль освящаетъ средства? Какъ будто этою, уже вовсе не евангельскою, сценою хотѣли поддержать въ народѣ средневѣковую догматику о причащеніи подъ однимъ только видомъ, и притомъ облатками! Католическому описателю этой сцены [1]

[1] L. Clarus. Das passionsspiel in Ober-ammergau, 1860, p. 119.

показалось, что она привела всѣхъ зрителей въ умиленіе и даже слезы. Но онъ забылъ, что эта *сцена* годится только для церкви, и что для такого великаго таинства не можетъ быть допущено никакое подражательное представленіе даже въ такой мистеріи, которая осмѣлилась выводить лице Іисуса Христа не только дѣйствующимъ, но даже говорящимъ, и притомъ не всегда одни только евангельскія слова. Но братія эттальская не подумала объ этомъ и, вѣроятно, внесла эту сцену какъ нибудь контрабандою въ эту мистерію, потому что слѣдующій за этимъ дѣйствіемъ хоръ не касается ни однимъ намекомъ только что совершившагося представленія, отъ котораго зрители, по словамъ упомянутаго католическаго писателя, приходятъ въ умиленіе, и прямо начинаетъ проклятіями Іудѣ предателю. Очевидно, что драма идетъ своимъ чередомъ, и интересъ ея завязокъ и развязокъ лежитъ въ развитіи тайныхъ пружинъ этого міроваго событія, какъ преданіе Іисуса Христа своимъ народомъ на страданіе и смерть. Поэтому же и слѣдующая затѣмъ картина представляетъ, какъ сыны Іакова продаютъ брата своего за 20 сребренниковъ. За тѣмъ снова является на сценѣ засѣданіе синедріона и среди его — Іуда, который теперь заключаетъ формальный контрактъ съ врагами своего Учителя. Засѣданіе это очень шумно: здѣсь уже не одинъ Каіафа воспламеняетъ своею рѣчью присутствующихъ, но всѣ члены въ одинъ голосъ рѣшаютъ предать Іисуса смерти, и только одна хитрая осторожность заставляетъ ихъ спокойно обсуждать планъ, какъ удобнѣе схватить ненавистнаго имъ Учителя.

Планъ этотъ приводится въ исполненіе въ слѣдующемъ затѣмъ дѣйствіи, которое носитъ названіе: «Іисусъ въ саду Геѳсиманскомъ». Предшествующій этому хоръ раздѣляется тремя живыми картинами. Первая изъ нихъ представляетъ Адама, въ потѣ лица воздѣлывающаго землю. Сцена представляетъ заросшее поле; направо Адамъ, опершись на заступъ, отираетъ потъ съ лица; подлѣ него двое дѣтей вынимаютъ изъ земли терніе и репейникъ; въ сторонѣ трое другихъ дѣтей играютъ съ овечкой; влѣво сидитъ Ева, съ распущенными волосами, держа на рукахъ младенца, погруженнаго въ печальную задумчивость. Хоръ объясняетъ отношеніе пота Адамова къ кровавому поту Іисусову. Вторая картина должна служить прообразомъ предательскаго поцѣлуя Іуды, и потому представляетъ, какъ Іоавъ, обнимая Амессая, вонзаетъ ему въ бокъ мечь (2

Цар. 20, 9. 10). Въ третьей представляется Сампсонъ, связанный филистимлянами и прообразующій этимъ, по словамъ хора, Христа, связаннаго воинами. Сцена въ саду Геѳсиманскомъ представлена со всѣми подробностями, сообразно съ повѣствованіями евангелистовъ; даже кровавый потъ является на лицѣ Христа, въ то время, какъ Онъ въ третій разъ падаетъ въ молитвѣ лицемъ на землю. Это дѣйствіе, за исключеніемъ моленія о чашѣ, уже не такъ возмущаетъ религіозное чувство. По мѣрѣ того, какъ лице Іисуса Христа переходитъ въ страдательное состояніе, сердца невольно наполняются участіемъ къ этому изображенію, и это чувство постепенно возрастаетъ не только при каждой новой сценѣ, но даже еще болѣе въ ожиданіи послѣдующихъ. Съ этой минуты и живыя картины и хоры дѣлаются скучными. Вниманіе всецѣло обращено на самое дѣйствіе, и съ нетерпѣніемъ ожидаешь хотя всѣмъ и каждому извѣстнаго, но, тѣмъ не менѣе, въ высшей степени интереснаго развитія этой необъятно великой драмы.

Такъ проходитъ почти незамѣтною живая картина, представляющая, какъ пророкъ Михей получаетъ ударъ въ лице за то, что осмѣлился сказать правду царю Ахаву (3 Цар. 22, 24), хотя эта картина очевидно имѣетъ отношеніе къ ударенію Іисуса Христа по ланитѣ передъ первосвященникомъ Анною. Довольно длинный хоръ, исполненный брани противъ нечестиваго Ахава и еще преступнѣйшаго Анны, утомителенъ, и потому невольно радуешься, когда хористы своимъ обычнымъ мѣрнымъ шагомъ оставляютъ просценіумъ. Вслѣдъ за ихъ удаленіемъ является на одномъ изъ балконовъ первосвященникъ Анна, въ тревожномъ ожиданіи, удался ли ихъ планъ схватить Іисуса ночью. Приходитъ Іуда, не столько съ этою радостною для враговъ Христовыхъ вѣстію, сколько съ тревожною попыткою отклонить по возможности послѣдствія своего предательства. Но напрасно онъ пытается сложить съ себя отвѣтственность за кровь Учителя; его успокоиваютъ только словами: «а! теперь Онъ въ нашихъ рукахъ!» Между тѣмъ, уже издали слышатся неистовые крики толпы; изъ глубины боковой улицы показывается толпа воиновъ, которые, смѣясь и насмѣхаясь, толкаютъ впередъ связаннаго Страдальца. Вездѣ, гдѣ только въ этой драмѣ представляются сцены народнаго движенія, дѣйствіе идетъ тихо, быстро, безукоризненно. Такъ въ голосѣ, движеніяхъ, въ самомъ звѣрскомъ выраженіи лицъ мучителей Іисусовыхъ видишь передъ собою не игру, а какбы са-

мую страшную дѣйствительность. Допросъ производится на балконѣ, и здѣсь же раздается ударъ по ланитѣ, при звукѣ котораго дѣйствительно пробѣгаетъ дрожь по жиламъ. Но на сценѣ, какъ, вѣроятно, было и на самомъ дѣлѣ, этотъ ударъ только разъярялъ толпу, которая тѣснилась у балкона первосвященническаго дома. Странна и вмѣстѣ поразительна метода участія народа въ дѣйствіи на обераммергаускомъ театрѣ. Толпа не кричитъ и не шумитъ въ такихъ случаяхъ, но говоритъ вся въ одинъ голосъ и раздѣльно тѣ же слова, такъ что вы слышите на самомъ дѣлѣ *одинъ* голосъ, вылетающій изъ сотни горлъ разомъ. Прибавьте къ этому, что каждый изъ говорящихъ произноситъ эти слова съ полнымъ участіемъ, и вы поймете поражающую своею громадностію естественность подобнаго дѣйствія. Съ такими-то размѣрными воплями проклятія провожаетъ теперь толпа связаннаго Учителя, и еще долго слышатся за сценою отголоски этихъ клятвъ, между тѣмъ, какъ на сценѣ являются Петръ и Іоаннъ, которые издали и въ молчаніи слѣдуютъ за своимъ Божественнымъ Учителемъ.

Послѣ этой сцены дается иногда отдыхъ зрителямъ: представленіе прекращается на часъ. Но это бываетъ только при хорошей погодѣ. Если же дождь мѣшаетъ выйдти на открытое поле, то представленіе продолжается безостановочно до конца. Намъ благопріятствовала погода, и насъ выпустили ровно въ 11 часовъ, возвѣстивъ черезъ герольда, что въ 12 часовъ начнется представленіе снова. Просидѣвъ три часа и видѣвъ 8 дѣйствій, мы ради были освѣжить свои силы, чтобы высидѣть остальныя 9 дѣйствій. Но мы напрасно надѣялись подкрѣпить силы свои какою нибудь пищею. На огромномъ полѣ, окружающемъ театръ, было много продавцовъ хлѣба, сыру и пива; но шеститысячная толпа бросилась на все это съ такимъ стремленіемъ, что надобно было почти рисковать жизнію, чтобы достать себѣ стаканъ пива, и потому мы очень рады были, когда уже къ концу данной намъ паузы могли добиться до куска хлѣба и рукою напиться воды изъ стоявшаго вблизи колодца. Три пушечныхъ выстрѣла, одинъ за другимъ, скоро возвѣстили намъ продолженіе представленія мистеріи, и мы, не дождавшись еще конца даннаго намъ отдыха, поспѣшили занять свои мѣста.

Возобновивъ силы, мы могли теперь съ новымъ участіемъ прислушиваться и къ пѣнію хора. «Какъ обливается кровью

мое сердце!» воспѣвалъ онъ. «Ахъ! Іисусъ—какъ злодѣй долженъ переносить злобу грѣшниковъ! преданъ и поруганъ, связанъ и избитъ,—чьи глаза не заблестятъ слезою? Отъ Анны влекутъ Его къ Каіафѣ,—ахъ, что̀ долженъ Онъ вытерпѣть тамъ! Вотъ здѣсь въ этой картинѣ представлена эта новая сцена Его страданій!» Занавѣсъ поднимается, и мы видимъ передъ собою, какъ невинный Навуѳей, по желанію царя Ахава, по ложному свидѣтельству присуждается къ смерти (3 Цар. 21). Соотвѣтствующее этому образу дѣйствіе представляетъ Іисуса Христа предъ Каіафою, который ищетъ для осужденія Его на смерть ложнаго свидѣтельства. Засимъ слѣдуетъ отведеніе Страдальца во дворъ Пилатовъ, отреченіе Петра и поруганіе надъ Іисусомъ. При этомъ можно замѣтить, что лице Страдальца было представлено безукоризненно. Ни одно движеніе Его, при всѣхъ неистовыхъ толчкахъ, ударахъ и насмѣшкахъ грубыхъ воиновъ, не нарушаетъ спокойнаго достоинства невинности.

Слѣдующая затѣмъ сцена—отчаянія Іуды—совершенно драматическая. Вводится она живою картиною, представляющею Каина, блуждающаго въ пустынѣ послѣ убіенія брата своего. Когда хоръ, окончивъ свое обличительное пѣніе, сходитъ со сцены, является Іуда, въ разстроенномъ видѣ. Онъ уже узналъ, что преданнаго имъ Учителя присудили къ смерти. «Такъ на меня падаетъ отвѣтственность за кровь Его! О, нѣтъ! я не хотѣлъ этого, ты—проклятая синагога!» Слова эти, произнесенныя сквозь слезы отчаянія и съ скрежетомъ зубовъ, приводятъ въ дрожь. Затѣмъ онъ является въ синедріонъ, гдѣ между тѣмъ окончательно разсуждаютъ, какъ бы успѣть совершить казнь Іисуса до наступленія пасхи. Съ яростнымъ отчаяніемъ врывается въ это засѣданіе несчастный Іуда. Но напрасны всѣ его жалобы, все его отчаянное раскаяніе; ему отвѣчаютъ: «что намъ до того? смотри самъ за тѣмъ, что̀ ты дѣлаешь!» Со злобою, граничащею почти съ безуміемъ, бросаетъ онъ проклятые сребренники къ ногамъ первосвященниковъ. Но и это не смущаетъ ихъ. Они преспокойно, послѣ того, какъ Іуда, совсѣмъ обезумѣвшій, выбѣгаетъ изъ собранія, подбираютъ разбросанныя по полу деньги и здѣсь же присуждаютъ имъ *благочестивое* употребленіе. Затѣмъ сцена перемѣняется: зрѣлище представляетъ лѣсъ; по срединѣ стоитъ дерево, полузасохшее. Является Іуда, видимо разстроенный въ мысляхъ и чувствахъ. Видно, что онъ пришелъ сюда не съ какою либо опредѣленною цѣлію, но блуждая и напрасно ища

себѣ покоя отъ страшныхъ угрызеній совѣсти. «Нѣтъ!» восклицаетъ онъ, какбы пробудившись отъ какого-то тяжкаго раздумья, «нѣтъ! я не могу больше... А еще Онъ предупреждалъ меня. Измѣна моя... нѣтъ больше для меня надежды, нѣтъ прощенія, нѣтъ спасенія!» Взглянувъ на дерево, на которое онъ наткнулся какбы нечаянно, онъ вдругъ останавливается. Какая-то дрожь пробѣгаетъ по всѣмъ его членамъ. Вдругъ онъ развязываетъ свой поясъ, съ отчаяніемъ хватается за вѣтви дерева; одна за другою онѣ ломаются подъ его судорожными цѣпляніями. Но это его не останавливаетъ. Видно, что безумное отчаяніе придаетъ ему неестественныя силы. Онъ почти вспрыгиваетъ и на лету схватываетъ одинъ изъ крѣпкихъ сучьевъ... Въ одинъ мигъ поясъ перекинутъ и петля на шеѣ. Занавѣсъ падаетъ. Невольный ужасъ обьемлетъ умъ и сердце при видѣ этой отвратительно-страшной сцены. Лицо, разыгрывавшее роль Іуды, достойно того, чтобы назвать его настоящимъ трагикомъ.

Но если Іуда былъ представленъ съ такимъ талантомъ, то не менѣе драматически разыграна другимъ талантливымъ обераммергаусцемъ и роль Пилата. Прообразъ обвиненія Іисуса Христа предъ этимъ тонкимъ дипломатомъ и царедворцемъ представленъ живою картиною въ обвиненіи Даніила передъ Даріемъ, вслѣдствіе чего Даніилъ былъ брошенъ въ ровъ львиный. Пилатъ является также на балконѣ своего дворца, подъ которымъ стоятъ первосвященники въ своихъ *облаченіяхъ*. Долго и тонко ведетъ Пилатъ переговоры съ представителями управляемаго имъ народа. По всему видно, что этому хитрому римлянину не столько важно спасти невинность, сколько потѣшиться надъ безсиліемъ іудейскихъ первосвященниковъ. Показывая видъ справедливаго судіи, онъ подсмѣивается надъ ихъ притворнымъ усердіемъ къ благу Римской имперіи. Онъ какъ будто хочетъ сказать имъ, что, имѣя въ своихъ рукахъ вооруженную силу, онъ вовсе не тревожится этимъ мнимымъ возмутителемъ народа, какимъ они выдаютъ ненавистнаго имъ Пророка. Наконецъ, принудивъ іудеевъ публично сознаться, что они не имѣютъ болѣе права казнить преступниковъ даже противъ ихъ, іудейскаго, закона, Пилатъ, какбы желая отвязаться отъ нихъ, отсылаетъ Іисуса къ Ироду.

Чтобы найдти прообразъ тому посмѣянію, которому подверженъ былъ Іисусъ Христосъ предъ Иродомъ, представлено въ живой картинѣ, какъ Аннонъ, царь аммонитскій, обезчестилъ

пословъ Давидовыхъ, остригши имъ полбороды и обрѣзавъ имъ платья до колѣнъ (2 Цар. 10, 4). Иродъ представленъ на тронѣ, окруженный своимъ дворомъ. И этотъ сибаритъ мало обращаетъ вниманія на непонятныя для него обвиненія противъ Іисуса въ какихъ-то тонкихъ нарушеніяхъ Моисеева закона; и для него Іисусъ вовсе не государственный преступникъ, и потому онъ отсылаетъ Его снова къ Пилату. Насмѣшка надъ царскимъ достоинствомъ Іисуса Христа была вмѣстѣ насмѣшкою и надъ іудейскою націею, которая напрасно мечтала возстановить свою политическую самостоятельность.

Послѣ новаго явленія Іисуса Христа предъ Пилатомъ, этому Божественному Страдальцу должно было испытать бичеваніе и терновый вѣнецъ. Для перваго найденъ былъ прообразъ въ испещренной кровію одеждѣ Іосифа, для втораго—въ овнѣ, запутавшемся рогами въ терніяхъ при жертвоприношеніи Исаака. Чтобъ объяснить эти отношенія между образами и событіями, хоръ долго толкуетъ эти живыя картины народу. Натянутость эта еще болѣе утомляетъ зрителя. Но за то слѣдующее затѣмъ дѣйствіе снова возбуждаетъ сильное вниманіе. Первосвященники и старѣйшины народные, осмѣянные Иродомъ, успѣли уже возбудить народъ, а на сценѣ представляется теперь это возмущеніе въ полномъ разгарѣ. Пилатъ снова на балконѣ своего дворца, но уже это не тотъ хитрецъ, сильный сознаніемъ своего могущества, какимъ казался онъ прежде передъ первосвященниками. Въ виду страшной толпы, которая отъ его дворца необозримыми рядами тѣснится до глубины противулежащей улицы, онъ дѣлается уступчивѣе къ требованіямъ народнымъ. Страшно было даже со стороны смотрѣть на эту толпу людей, у которыхъ во всѣхъ чертахъ лица, во всѣхъ движеніяхъ видна была рѣшимость на все. Теперь раздавались уже не одни только голоса представителей народныхъ, надъ которыми Пилатъ еще могъ подсмѣиваться: теперь эти голоса отдавались громкимъ отголоскомъ по всей толпѣ, которая все болѣе и болѣе тѣснилась ко дворцу римскаго правителя. Едва сохраняя присутствіе духа, Пилатъ начинаетъ видимо трусить. «Если отпустишь *этого* преступника, то ты не другъ кесаря!» Послѣ такого публичнаго вызова совѣсть этого политика не могла выдержать, и онъ, публично умывая руки предъ народомъ, сдается на требованія толпы. — Бичеваніе производится за сценою. Слышны только удары, и когда поднимается занавѣсъ, упадаетъ послѣдній ударъ на тѣло страж-

дущаго Праведника. Послѣ многихъ посмѣяній, заушеній и заплеваній приносится терновый вѣнецъ. Четверо воиновъ, положивъ этотъ вѣнецъ на голову осужденнаго, берутъ двѣ палки и, держа ихъ за концы, надавливаютъ ими вѣнецъ глубоко на лобъ. Въ ту же минуту по лицу страдальца потекла ручьями кровь.

Очень благодѣтельно послѣ такихъ раздирающихъ сердце сценъ дѣйствуетъ живая картина, представляющая славу Іосифа въ Египтѣ. Еще далеко не кончились страданія Господни. Они только начинаются. Но сочинитель мистеріи справедливо сознался, что надобно было пощадить чувство зрителей и дать имъ отдыхъ хотя однимъ намекомъ на конецъ этихъ страданій, на преславное торжество Побѣдителя смертныхъ. Эта живая картина принадлежитъ къ одной изъ лучшихъ. Іосифъ представленъ въ царскомъ величіи на колесницѣ, везомой двумя бѣлыми конями. По сторонамъ колесницы два невольника, съ огромными зонтами въ рукахъ. Впереди—герольдъ, возвѣщающій славу Іосифа. Народъ сопровождаетъ и окружаетъ этотъ поѣздъ различными живописными группами. Хоръ геніевъ на просценіумѣ воспѣваетъ также славу Іосифа, но, оканчивая каждую строфу, двусмысленно указываетъ и на предстоящее снова печальное зрѣлище словами: «се человѣкъ!» Занавѣсъ остается поднятымъ во время этой картины по крайней мѣрѣ минутъ пять, и потомъ опустившись на минуту, снова поднимается, представляя совсѣмъ другую картину. Сцена представляетъ обрядъ отпущенія козла въ пустыню (Лев. 16). Передъ алтаремъ стоитъ на колѣняхъ Моисей; въ сторонѣ отъ него лежитъ убитый козелъ, только что заколотый Аарономъ. Кругомъ, въ различныхъ благоговѣйныхъ позахъ, многочисленный народъ. Хоръ и музыка этого явленія удивительно поразительны. Такъ какъ эти два ветхозавѣтные козла должны прообразовать въ этой мистеріи—одинъ, закланный, Іисуса Христа, а другой, отпущенный, Варавву, то пѣніе раздѣляется на два хора, изъ которыхъ одинъ на просценіумѣ, а другой за сценою представляетъ голосъ народный. Хоръ поетъ: «уже слышенъ мнѣ злодѣйскій крикъ!» Народъ за сценою отвѣчаетъ: «Варавву освободить отъ узъ!»—«Хоръ: «мой Іисусъ да будетъ освобожденъ отъ узъ! Но, ахъ, свирѣпо раздается голосъ убійцъ!»—Народъ: «на крестъ Его, на крестъ!»—Хоръ: «ахъ, посмотрите на Него, посмотрите! какое зло Онъ сотворилъ!»—Народъ: «отпустишь ты этого злодѣя, не другъ ты кесарю

тогда!»—Хоръ: «Іерусалимъ, Іерусалимъ! за кровь Сына еще отомститъ тебѣ Господь!»—Народъ: «пусть падетъ она на насъ и на чадъ нашихъ!» Послѣдній стихъ, сопровождаемый глухими и дикими пѣніями, невольно возбуждаетъ отвращеніе и ужасъ.—Этимъ оканчивается второе отдѣленіе мистеріи.

Третіе отдѣленіе озаглавливается такъ: «отъ осужденія на смерть Пилатомъ до славнаго воскресенія Господня». Первое дѣйствіе, которымъ открывается это отдѣленіе, содержитъ въ себѣ крестный путь. Прообразомъ служатъ Исаакъ, несущій дрова на всесожженіе, и вознесеніе мѣднаго змія въ пустыни. Слѣдующая затѣмъ сцена весьма хороша въ искусственномъ отношеніи и поразительно трогательна, какъ изображеніе историческое. По особому устройству зрѣлища дѣйствіе вдругъ начинается въ трехъ улицахъ. Между тѣмъ, какъ направо въ концѣ улицы показывается только голова военной когорты, ведущей осужденныхъ на казнь; на среднюю сцену выходитъ Симонъ киринейскій, видимо идущій въ городъ по хозяйству, а изъ другой боковой улицы выходитъ Матерь Іисусова, поддерживаемая Іоанномъ и сопровождаемая двумя другими Маріями. Симонъ киринейскій, какбы заслышавъ издали приближающійся шумъ, выходитъ на просценіумъ и, завидѣвъ издали приближающуюся процессію, прислонился къ стѣнѣ, съ намѣреніемъ посмотрѣть на это зрѣлище. Между тѣмъ, мало по малу выступаетъ изъ улицы на просценіумъ и печальная процессія. Впереди ѣдетъ на конѣ римскій воинъ, держа въ рукахъ штандартъ съ надписью: senatus populusque romanus. За нимъ нѣсколько другихъ воиновъ пѣшихъ. Наконецъ Іисусъ Христосъ, измученный и изможденный, несетъ на плечахъ крестъ; по сторонамъ идутъ четыре палача, въ красномъ короткомъ одѣяніи, съ засученными рукавами. Далѣе слѣдуютъ опять солдаты, священники, народъ. Въ этой толпѣ какбы замѣшались два разбойника, тоже влача кресты свои. Живопись всей этой группы поразительна и напоминаетъ собою самыя лучшія картины великихъ живописцевъ, изображающія эту сцену. Достигнувъ до угла улицы, Страдалецъ падаетъ подъ бремснемъ своей ноши. Напрасно воины-палачи силятся поднять Его и заставляютъ снова нести крестъ: изнеможеніе Его видимо достигло послѣднихъ предѣловъ. Тогда, какбы раздосадованные этимъ, они хватаютъ попавшагося имъ на глаза любопытнаго зрителя, Симона, и его заставляютъ нести крестъ. Между тѣмъ, когда это шествіе достигло до средины просце-

ніума, выходитъ изъ противоположной улицы и Матерь Іисусова, съ своими сопутницами. Эта встрѣча, безъискусственная и простая, исторгала слезы изъ глазъ зрителей. Но остановки не было; процессія прошла мимо этой группы, и Іисусъ Христосъ успѣлъ только обратиться на минуту къ своимъ друзьямъ, чтобы сказать имъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ женщинамъ іерусалимскимъ, извѣстныя евангельскія слова. Процесеія вышла въ глубину средней сцены, и за нею опустили занавѣсъ. На просценіумѣ осталась Матерь Іисусова, съ женами и Іоанномъ. Здѣсь они совершаютъ свой плачъ, заимствованный изъ богослужебныхъ книгъ католической Церкви. Іоаннъ утѣшаетъ Ее и наконецъ уводитъ Ее съ мѣста зрѣлища.

Вслѣдъ за этимъ является снова хоръ, но уже въ трауре. Цвѣтныя одежды его замѣнены черными. Начальникъ хора или декламаторъ обращается къ зрителямъ, произнося речитативомъ прологъ, при слабомъ акомпаниментѣ оркестра. «Пробудитесь, благочестивыя души», взываетъ онъ мѣрною рѣчью, «пробудитесь и, проникнувшись раскаяніемъ, скорбію и благодарностію, послѣдуйте за мной на Голгоѳу, и вы увидите, что́ тамъ совершается для вашего спасенія! Тамъ умираетъ примирительною смертію Посредникъ между Богомъ и грѣшниками! Ахъ, нагъ и покрытъ только язвами, распростертъ Онъ здѣсь на крестѣ за тебя. Месть безбожныхъ ругается надъ Его наготою, а Онъ, возлюбивъ тебя, грѣшника, страдаетъ, терпитъ и прощаетъ. Уже слышу я, какъ трещатъ Его члены, вытягиваемые изъ своихъ суставовъ. У кого не затрепещетъ сердце, когда онъ услышитъ стукъ молотка, которымъ вбиваютъ въ Его руки и ноги острые гвозди!» При этихъ словахъ, дѣйствительно слышатся за сценою удары приколачивающаго молотка. Речитативъ декламатора мало по малу переходитъ въ пѣніе, и подъ конецъ онъ поетъ соло слѣдующіе стихи: «кто можетъ постигнуть эту высокую любовь, которая любитъ до смерти, и вмѣсто ненависти къ убійцамъ еще прощаетъ имъ, благословляя!» Затѣмъ весь хоръ торжественно продолжаетъ: «о, принесите въ жертву этой любви на крестный олтарь благочестивыя движенія сердецъ вашихъ!» Настроенное ожиданіемъ зрѣлища распятія, вниманіе слѣдитъ за каждымъ словомъ этого пролога, и каждый звукъ этой торжественной прелюдіи глубоко врѣзывается въ душу. Но вотъ занавѣсъ подымается, и нашимъ глазамъ представляется Голгоѳа со всѣми ея ужасами, видѣнными нами столько разъ на

картинахъ, а еще болѣе представлявшимися воображенію при чтеніи страстей Господнихъ. Уже два креста стоятъ по сторонамъ, и на нихъ висятъ два разбойника съ закинутыми назадъ черезъ поперечную балку руками. Крестъ, на которомъ пригвождено тѣло Христово, лежитъ еще на землѣ. Вокругъ тѣснятся распинатели, священники и народъ. На сцену вбѣгаетъ посланный отъ Пилата съ надписью ко кресту, которая, несмотря на протестъ первосвященниковъ, тутъ же прибивается на верхнемъ концѣ креста. Затѣмъ крестъ поднимаютъ и утверждаютъ въ землѣ. Какъ будто какая дрожь пробѣгаетъ по всему собранію зрителей. Этотъ крестъ, вышиною около 16 футовъ, и висящее на немъ тѣло человѣка, эта толпа, то ругающаяся надъ Праведникомъ, то равнодушно раздѣляющая у самаго подножія креста одежды распятаго, наконецъ эта группа: Маріи Магдалины, прильнувшей головою ко кресту, Матери Іисусовой, поддерживаемой руками подругъ, и Іоанна, взирающаго, съ скрещенными на груди руками, на умирающаго Учителя и Друга,—все это такъ поучительно и трогательно, что я готовъ былъ за одно это впечатлѣніе примириться со всѣмъ въ этой мистеріи, если бы изъ этой *живой картины* не сдѣлано было *дѣйствія*. Семь словъ со креста опять упали на сердце какимъ-то тяжкимъ оскорбленіемъ святыни, и мысль о профанаціи снова блеснула въ умѣ. Между тѣмъ, всѣ подробности этого событія совершаются со всею точностію евангельскихъ сказаній. Вотъ и громъ при послѣднемъ издыханіи Спасителя, вотъ и ребро, прободенное воиномъ, и истекающая изъ него кровь и вода. Прибѣгаетъ и вѣстникъ съ извѣстіемъ, что занавѣсъ во храмѣ раздрался отъ верхняго края до нижняго; но это не смущаетъ озлобленнаго до окаменѣнія Каіафу; напротивъ, онъ съ демонскимъ равнодушіемъ произноситъ здѣсь же, на мѣстѣ чудесной смерти Праведника, которая поразила даже языческаго сотника, богохульныя слова: «хорошо, что этотъ льстецъ умеръ; иначе Онъ подвигнулъ бы всѣ стихіи на насъ!»

Слѣдующая затѣмъ сцена снятія со креста представлена была въ точности по образцу извѣстной картины Рубенса. Все дѣйствіе это происходитъ въ порядкѣ, безъ всякаго малѣйшаго замѣшательства, и притомъ безмолвно, что̀ еще болѣе возвышаетъ торжественность этого момента. Невообразимо искусно вынимаютъ гвозди изъ рукъ и ногъ, хотя собственно и тѣ и другія прикрѣпляются ко кресту незамѣтными шнурками. Длинный холстъ, спущенный съ верхней части креста, поддержи-

ваетъ подъ грудью уже спускающееся тѣло. Іосифъ аримаѳейскій принимаетъ оное, стоя на лѣстницѣ, въ свои объятія и при помощи опускающагося холста, тихо спускаетъ его внизъ, гдѣ оно кладется головою на колѣни Матери Іисусовой. Затѣмъ начинается приготовленіе къ погребенію. Сзади креста уже виднѣется пещера, въ которую и относятъ тѣло Іисусово, заваливъ входъ въ нее большимъ камнемъ.

Едва опустился занавѣсъ, какъ является хоръ снова въ цвѣтныхъ одеждахъ. «Любовь, любовь! Съ божественнымъ мужествомъ выдержала Ты Твою великую кровавую борьбу! Любовь! Ты добровольно отдала за насъ грѣшниковъ жизнь свою! Да будетъ же постоянно носиться предъ нашими глазами Твой образъ, высокая Любовь!» Такія слова радостно слышатся съ преддверія той сцены, на которой совершались описанныя дѣйствія. Оскорбительно было бы для христіанской совѣсти, если бы это представленіе прошло безъ всякихъ увѣщаній къ собравшимся на *позорище сіе*. Только при такихъ прологахъ опять вспоминается, что обераммергауское зрѣлище есть представленіе священное для простыхъ зрителей и назидательное въ смыслѣ учредителей его.

Прообразъ слѣдующаго дѣйствія есть Іона, выброшенный китомъ на берегъ. Картина—одна изъ слабѣйшихъ. За то другая, имѣющая также отношеніе къ воскресенію Христову и къ избавленію рода человѣческаго отъ работы грѣху, весьма хороша. Театръ представляетъ дно морское, по сторонамъ котораго стоятъ стѣною волны; уже Моисей находится на этомъ берегу, уже и народъ большею частію близко къ берегу, между тѣмъ, какъ вдали войско фараоново борется съ волнами и частію уже погибаетъ. Во всѣхъ подобныхъ картинахъ поражаетъ особенно масса народа и удивительная костюмировка различныхъ группъ.—По удаленіи хора открывается занавѣсъ; сцена представляетъ ту же пещеру, въ которой положено тѣло Іисусово. У входа въ пещеру стоитъ, или, правильнѣе, лежитъ стража. Послѣ разныхъ разговоровъ между собою, которые можно назвать скорѣе болтовнею, безпечные воины предаются бездѣйствію. Является ангелъ, который отваливаетъ камень отъ входа въ пещеру. Раздается громъ; темное углубленіе этой пещеры освѣщается бенгальскимъ огнемъ, и на этомъ свѣтломъ грунтѣ является образъ воскресшаго Христа, который, держа въ рукѣ знаменіе побѣды, выходитъ изъ гроба, и тотчасъ же сталъ невидимъ. Пробужденная этимъ явленіемъ стра-

жа въ испугѣ разбѣгается. Тогда приходятъ жены мvроносицы ко гробу и, увидавъ въ пещерѣ Ангела, который возвѣщаетъ имъ воскресеніе Іисуса Христа, бѣгутъ съ радостію разсказать объ этомъ апостоламъ. Между тѣмъ, на сцену являются первосвященники, въ сопровожденіи тѣхъ же стражей, и разспрашиваютъ, съ безпокойствомъ, на мѣстѣ, какъ все это произошло. Воины говорятъ имъ и о подземномъ громѣ, и о явленіи ангела, и наконецъ о прославленномъ видѣ самого Іисуса. Не имѣя ничего возразить на это, первосвященники подкупаютъ стражу для распространенія ложнаго слуха о покражѣ тѣла учениками Христовыми. Воины соглашаются на это, кромѣ одного, который непремѣнно хочетъ разсказать все, какъ было. Послѣ этого слѣдуетъ еще явленіе Іисуса Христа Маріи Магдалинѣ, — и затѣмъ занавѣсъ опускается.

Заключеніемъ этого представленія служитъ пѣніе хоромъ торжественнаго *аллилуія* и живая картина, изображающая славу Іисуса Христа. Музыка и слова этого хора проходятъ почти незамѣченными. На минуту останавливается еще вниманіе на картинѣ, освѣщенной бенгальскимъ огнемъ. Но не одно утомленіе побуждаетъ всѣхъ оставлять поспѣшно мѣста свои: еще болѣе чувство полнаго удовлетворенія всѣми предыдущими сценами лишаетъ возможности интересоваться искусственнымъ заключеніемъ такой огромной драмы.

Было уже около половины пятаго часа по полудни, когда мы оставили это зрѣлище, въ которое мы вошли, полные такого тревожнаго любопытства, въ осьмомъ часу утра. Если бы кто въ эту минуту спросилъ не только насъ, но каждаго изъ зрителей, какое впечатлѣніе выноситъ онъ изъ этого необычайнаго представленія, то, вѣрно, отвѣтомъ было бы не восторгъ и не удивленіе, но какое-то сознаніе пережитаго въ воображеніи, въ которое всецѣло перелилось религіозное чувство сердца и потомъ погасло вмѣстѣ съ исчезновеніемъ образовъ, оставивъ въ душѣ слѣды какого-то истощенія, или непривычной пустоты и досадительнаго равнодушія. Таковы вообще слѣдствія сильныхъ эффектовъ, производимыхъ на воображеніе на счетъ чувства. Эти эффекты потрясаютъ нашу природу внѣшно и силою внѣшнихъ впечатлѣній вызываютъ дѣятельность внутреннюю. Но, получивъ навыкъ обращаться къ внѣшнему и удовлетворяться энергическими впечатлѣніями образовъ, чувство болѣе и болѣе ослабѣваетъ само въ себѣ, въ собственной своей жизни. Итакъ, смотря на обер-

аммергаускую мистерію съ этой психологической точки зрѣнія, мы пришли къ убѣжденію, что она должна приносить больше вреда, чѣмъ пользы религіозной жизни ея зрителей. Лучше всегда и постоянно находиться въ умѣренномъ состояніи относительно и одежды, и пищи, и удовольствій, чѣмъ послѣ роскошнаго стола терпѣть страшный голодъ, послѣ драгоцѣнныхъ облаченій одѣться въ нищенское рубище, послѣ ощущеній сильной радости испытывать муки неутѣшной скорби. А обераммергауская мистерія, дѣйствуя на воображеніе и для эффектовъ, иждивающихъ свѣжесть чувствъ—драгоцѣнное сокровище сердца, способна производить именно что-то подобное этому. Потому-то православная Церковь Христова какъ во всемъ другомъ, такъ и въ этомъ, слѣдуетъ мудрымъ началамъ храненія вѣры и благоговѣйнаго чувства въ сердцахъ чадъ своихъ. Чтобы питать это чувство и оживлять эту вѣру, она не прибѣгаетъ къ зрѣлищнымъ эффектамъ, не увлекаетъ воображенія христіанъ поразительными образами, но питаетъ ихъ духъ и согрѣваетъ ихъ сердца молитвою. Все досмотрительство спасенія людей, всѣ событія и священныя лица, вся исторія установленія новаго Завѣта для православной Церкви есть книга, отверзтая непосредственно для сердца, потому что сердцемъ вѣруется въ правду; и ея прошедшее переносится въ настоящее не воображеніемъ, а чувствомъ, оживляющимъ въ памяти образы дѣйствительныхъ событій и лицъ, чрезъ что вѣра, принимаемая сердцемъ въ правду, исповѣдуется во спасеніе живымъ словомъ и дѣломъ, а не живыми картинами. Отъ чувства, проникнутаго теплою вѣрою, никакія мѣры времени не въ состояніи удалить тѣхъ священныхъ предметовъ, которыми оно согрѣвается и животворится; эти предметы, по самой природѣ чувства, всегда—актъ настоящій. Посему сценическое перенесеніе ихъ изъ прошедшаго въ настоящее или показываетъ слабость сердца, или угрожаетъ ему энерваціею чрезъ сильное раздраженіе воображенія, или — но это уже необходимо—профанируетъ переносимыя событія и священныя лица.

Протоіерей Іоаннъ Базаровъ.

Штутгардъ.
1861.

СТРА́ННИКЪ.

ДУХОВНЫЙ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРОТОІЕРЕЕМЪ, М. Б. ВАСИЛІЕМЪ ГРЕЧУЛЕВИЧЕМЪ.

Не и҆мамы здѣ пребыва́ющаго гра́да,
но грядꙋ́щаго взыскꙋ́емъ.

Євр. гі, д҃і.

1862.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

МАЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1862.

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется.
С. Петербургъ, 17 апрѣля 1862 года.

Цензоръ, Архимандритъ *Сергій*.

I.

ВОСПОМИНАНІЕ

О ПРЕОСВЯЩЕННОМЪ АНАСТАСІѢ, БЫВШЕМЪ ЕПИСКОПѢ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОМЪ И ТАГАНРОГСКОМЪ.

Лѣтомъ 1861 года намъ выпалъ счастливый случай посѣтить Сійскую обитель преподобнаго Антонія [1]. Помолившись предъ свящ. ракою угодника Божія, и съ благоговѣніемъ облобызавъ честный образъ его, полурельефно начертанный на верхней дскѣ сей драгоцѣнной раки, мы, по общему обычаю богомольцевъ-путешественниковъ, пожелали видѣть достопримѣчательности монастыря, и руководимые однимъ почтеннымъ инокомъ, удовлетворили желанію нашему, сколько позволяли время и обстоятельства. Сійская обитель, какъ одна изъ довольно древнихъ въ Архангельской епархіи, не мало замѣчательна и въ этомъ отношеніи: въ ней есть и царскіе вклады, и патріаршія приношенія и пожертвованія другихъ, болѣе или менѣе, значительныхъ лицъ. Но всѣ эти замѣчательности многими и многократно уже описаны [2], и потому мы не намѣрены повторять здѣсь давно сказанное. Нашъ взоръ, при семъ случаѣ, какбы невольно остановился на указанной намъ гробницѣ преосвященнаго Анастасія, бывшаго епископа екатеринославскаго и таганрогскаго, котораго мы имѣли честь знать лично, и который, управляя съ 1843 года Сійскимъ монастыремъ, въ немъ скончался и погребенъ. Впрочемъ и она обратила на себя вниманіе не великолѣпіемъ и пышностію, чѣмъ обыкновенно величаются могильные па-

---

[1] Архангельской губерніи — въ 160 верст. отъ губернскаго города.

[2] 1) Истор. Іерарх. Росс. т. VI, стр. 127—135. 2) Полн. собр. свѣдѣній о монастыряхъ и проч. Ратшина, стр. 7—9. 1852 г. 3) Арханг. губерн. вѣдом. 1846 г., № 41 и другія сочиненія.

мятники славныхъ и богатыхъ міра сего; но своею скромностію и простотою и, главное, тѣмъ, что напоминала намъ того маститаго старца-архипастыря, который, во время управленія Сійскою обителію, нерѣдко бывалъ въ Архангельскѣ и неоднократно вмѣстѣ съ нами, а безъ сомнѣнія и за насъ, молился въ архангельскомъ каѳедральномъ соборѣ, совершая божественную литургію. Полагаемъ, что многіе изъ жителей Архангельска этого еще не забыли.

Такъ какъ преосвященный Анастасій, по своей служебной дѣятельности и по заслугамъ своимъ Церкви, особенно въ епархіи Архангельской, а частію и въ епархіяхъ: Тамбовской, Новгородской и Екатеринославской, — лице весьма замѣчательное, а между тѣмъ, до сихъ поръ объ немъ ничего и нигдѣ не было писано: то мы, собравъ, по возможности, хотя нѣкоторыя объ немъ свѣдѣнія, спѣшимъ подѣлиться ими съ любителями и почитателями памяти покойнаго преосвященнаго. Само собою разумѣется, что мы не можемъ представить здѣсь полной біографіи покойнаго архипастыря (для этого потребовалось бы много и времени и немало труда), по крайней мѣрѣ надѣемся, что и тѣ немногія строки, которыя здѣсь предлагаются, будутъ прочтены знавшими и помнящими преосвященнаго не безъ теплаго чувства любви къ нему и глубокаго уваженія къ его трудамъ и подвигамъ на пользу Церкви и нераздѣльнаго съ нею отечества. Апостолъ пишетъ между прочимъ: *знайте труждающихся у васъ, и настоятелей вашихъ о Господѣ* (1 Сол. 5, 12), и въ другомъ мѣстѣ: *поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе* (Евр. 13, 7). Поэтому преосвященный Анастасій, который болѣе нежели полстолѣтія жизни своей посвятилъ служенію Церкви въ разныхъ мѣстахъ отечества, и на разныхъ степеняхъ духовнаго званія, — отъ діакона до епископа, — конечно имѣетъ полное право на воспоминаніе о немъ, какъ многолѣтній и усердный дѣлатель въ вертоградѣ Церкви Христовой.

Преосвященный Анастасій (въ мірѣ Алексѣй Ключаревъ) родился 17 марта 1777 года, Архангельской губерніи, Холмо-

горскаго уѣзда, въ селѣ Куростровскомъ, гдѣ за 66 лѣтъ до него родился, какъ говаривалъ самъ преосвященный, и «славный Ломоносовъ». Отецъ его, Іоаннъ Петровъ Ключаревъ, былъ здѣсь священникомъ при церкви св. великомученика Димитрія мѵроточиваго, и прослуживъ 46 лѣтъ въ этомъ санѣ, скончался въ 1823 г., 73 лѣтъ отъ рожденія. Мать, Елисавета Иванова, была дочь елецкаго протоіерея Іоанна Резанова: она скончалась въ 1835 году въ глубокой старости, по достиженіи сыномъ ея уже епископскаго сана. Старшій братъ его, бывшій священникъ Рождественской, въ городѣ Архангельскѣ, церкви и впослѣдствіи, по причинѣ потери зрѣнія, состоявшій за штатомъ, скончался въ 1857 году также въ глубокой старости, достигши слишкомъ 90 лѣтъ. Такимъ образомъ, если не всѣ, то многіе изъ ближайшихъ родственниковъ преосвященнаго Анастасія, какъ и самъ онъ, что увидимъ ниже, отличались замѣчательнымъ долголѣтіемъ.

Въ началѣ 1789 г., на двѣнадцатомъ году своего возраста, Алексѣй Ключаревъ поступилъ въ архангельскую духовную семинарію, въ которой въ теченіе 11 лѣтъ обучался русскому, латинскому и греческому языкамъ, географіи, поэзіи, реторикѣ и наукамъ историческимъ, философскимъ и богословскимъ. Объ отличныхъ успѣхахъ его въ наукахъ можно судить уже по тому, что учась еще въ философскомъ отдѣленіи, онъ, по предложенію Аполлоса, епископа архангельскаго и холмогорскаго, въ числѣ лучшихъ воспитанниковъ предназначаемъ былъ правленіемъ семинаріи къ слушанію высшаго курса наукъ въ троицко-лаврскую семинарію [1]. Впрочемъ, неизвѣстно почему-то, этотъ выборъ и предназначеніе начальства не состоялись, и школьное образованіе молодаго Ключарева ограничилось только курсомъ наукъ, преподаваемыхъ въ то время въ архангельской семинаріи. По успѣшномъ окончаніи полнаго курса ученія, 23 лѣтній юноша, Алексѣй Ключаревъ, 10 января 1801 года опредѣленъ былъ учителемъ грамматики въ той же семинаріи, съ обязательствомъ публич-

[1] Архив. Арханг. семинар. за 1798 годъ.

но въ церкви архангельскаго монастыря преподавать воспитанникамъ семинаріи и православный катихизисъ. Спустя два мѣсяца послѣ сего, преосвященнымъ Аполлосомъ произведенъ онъ въ діакона Благовѣщенской въ городѣ Архангельскѣ церкви, съ сохраненіемъ и должности учителя. По увольненіи же отъ учительской должности 18 окт. 1802 г., преосвященнымъ Евлампіемъ рукоположенъ онъ былъ въ священника въ Лявленскій приходъ, а оттуда 4 іюля 1805 г. вновь переведенъ къ градской Благовѣщенской церкви священникомъ, съ опредѣленіемъ, въ 1806 г.—опять учителемъ синтаксиса и ариѳметики.

Съ 1808 года для о. Алексѣя начинается періодъ особенной, такъ сказать, усиленнѣйшей дѣятельности: на него возлагаются порученія за порученіями; ему ввѣряются должности за должностями и, какъ увидимъ ниже, онъ исполняетъ порученія и проходитъ должности всегда съ честію и отличіемъ. Вотъ краткій перечень тѣхъ обязанностей, которыя несъ онъ до конца служенія своего въ епархіи архангельской. Въ февралѣ 1808 г., онъ опредѣленъ членомъ архангельской духовной консисторіи; въ мартѣ 1809 г., какъ благонадежнѣйшій исполнитель порученій, командированъ былъ начальствомъ въ каргопольскій уѣздъ олонецкой губерніи, для окончательныхъ переговоровъ и заключенія условій съ крестьянами архангельской волости того уѣзда, подрядившимися на выдѣлку кирпича для возведенія каменнаго зданія нынѣшней семинаріи; въ августѣ того же года сдѣланъ благочиннымъ церквей города Архангельска и смотрителемъ духовнаго приходскаго училища, которое именовалось *Рождественскимъ*, и находилось, вѣроятно, при градской церкви Рождества Христова въ Архангельскѣ.

По постриженіи въ монашество, 31 окт. 1810 г., каковую церемонію, изъ любви и расположенія къ постригаемому, совершалъ самъ преосвященный Парѳеній въ архангельскомъ каѳедральномъ соборѣ, о. Алексѣй, переименованный теперь въ Анастасія, опредѣленъ былъ

прямо настоятелемъ Красногорскаго монастыря. Въ маѣ 1811 г., въ силу указа святѣйшаго правительствующаго Сѵнода, онъ назначенъ былъ ревизоромъ правленія Архангельской семинаріи; въ январѣ 1812 г., избранъ экономомъ архангельскаго архіерейскаго дома; а въ 1814 году опредѣленъ директоромъ архангельскаго комитета по отдѣленію россійсскаго библейскаго общества. Когда же въ 1815 г. преосвященный Парѳеній предпринялъ трудъ составленія симфоніи на пятокнижіе Моисеево, въ каковомъ трудѣ принимали дѣятельное участіе и многіе изъ учащихъ въ семинаріи, о. Анастасій, какъ испытанный уже въ трудолюбіи и познаніяхъ, избранъ былъ архипастыремъ въ ближайшіе къ себѣ сотрудники по сему предмету. Въ 1817 г. ноября 25 произведенъ онъ въ игумена въ Николаевскій Корельскій монастырь; 26 іюня 1818 г. опредѣленъ благочиннымъ надъ монастырями архангельской епархіи; въ 1819 г. 29 мая, по указу святѣйшаго правительствующаго Сѵнода, назначенъ первымъ членомъ особой коммисіи, учрежденной въ слѣдствіе открывшихся въ Соловецкомъ монастырѣ нѣкоторыхъ безпорядковъ; а въ 1820 году, по таковому жъ указу св. Сѵнода, отъ 18 марта, онъ возведенъ 4 апрѣля въ санъ архимандрита архангельскаго третьекласнаго монастыря, благоустройству котораго посвятилъ впослѣдствіи и много лѣтъ и много опытности и трудовъ. Почти непосредственно за возведеніемъ въ санъ архимандрита, именно въ 1821 г., о. Анастасій опредѣленъ благочиннымъ соборовъ: архангельскаго каѳедральнаго и уѣздныхъ: холмогорскаго и шенкурскаго, и утвержденъ членомъ архангельскаго попечительнаго о тюрьмахъ общества. Въ началѣ 1823 года, когда предпріимчивый, благопопечительный и мудрый архипастырь архангельскій, Неофитъ, въ видахъ улучшенія быта архангельскаго соборнаго духовенства, вознамѣрился выстроить общій для жительства означеннаго духовенства домъ, о. Анастасій назначенъ былъ членомъ комитета по построенію того огромнаго каменнаго зданія, извѣстнаго нынѣ подъ именемъ *соборнаго*

дома, которое еще и теперь, по своей громадности, представляетъ одно изъ первыхъ зданій въ Архангельскѣ. Съ 24 декабря 1824 года, архимандриту Анастасію ввѣрено управленіе Сійскимъ второкласнымъ монастыремъ, которымъ и управлялъ онъ до конца служенія своего въ епархіи Архангельской и въ которомъ, спустя около 27 лѣтъ, суждено было ему обрѣсти и конецъ своего земнаго странствованія. Въ 1827 году 5 декабря, по указу св. правительствующаго Сѵнода о. Анастасій, какъ лице довѣренное и болѣе другихъ опытное, преосвященнымъ Аарономъ отправленъ былъ въ самоѣдскія тундры Архангельской губерніи—канинскую, тиманскую и большеземельскую, съ троякимъ нелегкимъ порученіемъ: онъ долженъ былъ, вопервыхъ, обозрѣть мѣста, назначаемыя для постройки тамъ церквей; вовторыхъ вникнуть, сколько возможно ближе, въ духовныя нужды и состояніе новообращаемыхъ самоѣдовъ; и вътретьихъ открыть и указать средства нужныя и полезныя къ насажденію и утвержденію въ сердцахъ новообращаемыхъ Христовой вѣры [1].

Изъ этого списка и постороннихъ порученій и прямыхъ обязанностей о. Анастасія, каждый легко можетъ видѣть, что въ продолженіи 20 слишкомъ лѣтъ, почти не было года, въ который не возлагалось бы на него какое либо особое, болѣе или менѣе важное, порученіе начальства, и слѣдовательно, можетъ видѣть и то, какъ обширенъ и многообъемлющъ былъ кругъ его дѣятельности. И, несмотря однакожъ на эти частыя и нерѣдко многотрудныя порученія, о. Анастасій постоянно ревностно и неупустительно исполнялъ прямыя обязанности своего званія. Памятникомъ особенной его заботливости до сихъ поръ служитъ Архангельскій монастырь, которымъ управлялъ онъ съ 1820 по 1828 г.,—въ то время крайне бѣдный и неустроенный. Въ бытность его настоятелемъ сего монастыря, единственно его попеченіемъ и трудами, въ немъ возведены частію разныя новыя постройки,

[1] Свѣдѣнія эти заимствованы изъ послужнаго списка преосвященнаго Анастасія.

частію же произведены, болѣе или менѣе значительныя, исправленія. Въ первомъ отношеніи, главное вниманіе обращаютъ на себя: каменная трехъярусная колокольня; каменная же, кругомъ всего монастыря, ограда съ 8 башнями; различныя хозяйственныя службы и настоятельскій деревянный домъ, устроенный со всѣми удобствами помѣщенія и обнесенный красивымъ палисадникомъ. Въ послѣднемъ, очень важны перекрышка и покраска пяти церковныхъ главъ, приведеніе въ лучшее устройство каменныхъ братскихъ келлій, возобновленіе какъ въ верхнемъ, такъ и въ нижнемъ этажахъ церкви иконостасовъ и т. п. Вообще о. архимандритъ Анастасій во время управленія Архангельскимъ монастыремъ былъ отлично заботливый и дѣятельнѣйшій настоятель.

Такіе постоянно неутомимые труды и неукоризненно-справедливыя заслуги о. Анастасія снискали ему особенное благорасположеніе ближайшаго епархіальнаго начальства. Три іерарха архангельскіе: Евлампій, Парѳеній и Неофитъ, послѣдовательно одинъ за другимъ, изъявляли ему свое архипастырское вниманіе. Въ слѣдствіе такого вниманія архипастырей, о. Анастасій отличенъ былъ хотя немногими, но тѣмъ не менѣе важными въ церковномъ отношеніи наградами, именно: ноября 6-го 1810 г.—онъ награжденъ набедренникомъ, 10 марта 1818 г.—наперснымъ крестомъ; наконецъ 9-го января 1823 г. преподано ему благословеніе св. правительствующаго Сѵнода - награда весьма важная по времени.

1828 годомъ оканчивается первый періодъ, служенія о. Анастасія въ епархіи архангельской,—періодъ, который весь вообще характеризуется и неутомимою дѣятельностію и самымъ добросовѣстнымъ исполненіемъ многоразличныхъ, возлагаемыхъ на него званій и обязанностей.—Указомъ св. Сѵнода отъ 21 декабря 1828 года, онъ переводится въ Трегуляевъ Предтечевъ монастырь, Тамбовской епархіи и уѣзда, находящійся при р. Цнѣ и отстоящій на 8 верстъ отъ города Тамбова. Здѣсь для о. Анастасія начался новый, еще болѣе славный рядъ трудовъ и подвиговъ на пользу Церкви.

Вскорѣ по прибытіи къ мѣсту своего новаго назначенія, онъ въ одинъ годъ (1829) опредѣляется первоначально членомъ Тамбовской духовной консисторіи, потомъ благочиннымъ монастырей и наконецъ исправляющимъ должность ректора Тамбовской духовной семинаріи,—послѣдній шагъ особенно быстръ и чрезвычайно важенъ въ служебномъ отношеніи. Въ 1830 году, декабря 28, его назначаютъ и цензоромъ проповѣдей и благочиннымъ соборовъ Тамбовской епархіи.

По истеченіи съ небольшимъ 4-хъ лѣтъ полезнаго служенія и, постоянно оправдываемаго имъ, возвышенія въ должностяхъ въ епархіи тамбовской, архимандритъ Анастасій, трудами и дѣятельностію уже обратившій на себя вниманіе высшаго духовнаго начальства, 16-го марта 1833 года, вызванъ былъ св. Сѵнодомъ въ Санктпетербургъ на чреду священнослуженія и проповѣданія слова Божія. Проходя съ честію и это важное поприще, онъ осчастливленъ былъ знакомъ Высочайшаго вниманія, — и въ 24 день февраля 1834 года, Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Анны 2-й степени, а вслѣдъ за тѣмъ въ 13-й день мая того же года, какъ признанный соборомъ архипастырей «достойнымъ», хиротонисанъ въ казанскомъ соборѣ въ епископа старорусскаго, викарія новгородской митрополіи. Здѣсь служеніе его, съ свойственнымъ ему усердіемъ, продолжалось до 22-го мая 1837 г. и снискало ему новый знакъ благоволенія монаршаго. «Во всемилостивѣйшемъ вниманіи къ долговременному служенію, и къ усердному исполненію обязанностей, засвидѣтельствованному святѣйшимъ Сѵнодомъ»,—такъ сказано въ Высочайшей грамотѣ, данной на имя преосвященнаго Анастасія, въ 14-й день апрѣля 1837 года, онъ сопричисленъ къ ордену св. Анны 1-й степени, и почти непосредственно затѣмъ, именно 22-го мая того же года, Высочайше повелѣно викарію новгородской митрополіи, быть епископомъ екатеринославскимъ и таганрогскимъ.

Не кратокъ, какъ мы видѣли, былъ путь служенія преосвященнаго Анастасія, до высокаго сана епископскаго: но

великъ и переходъ отъ служебной степени діакона до владычняго сана іерарха. По всей вѣроятности, незамѣтный по званію, діаконъ Благовѣщенской церкви въ Архангельскѣ никогда и не думалъ облечься омофоромъ святителя: судьбы промысла Божія неисповѣдимы, и въ Его всемогущей и премудрой волѣ—всѣ жребіи человѣческіе!... Безспорно, высокъ санъ епископа; но не легко было и бремя трудовъ преосвященнаго Анастасія. Тридцать шесть лѣтъ постоянной и усердной дѣятельности, то въ качествѣ начальствующаго, то въ званіи подчиненнаго, справедливо стяжали ему этотъ, по выраженію Апостола, *даръ Божій* (2 Тим. 1, 6), и вмѣстѣ съ тѣмъ обратили на него благоволительное вниманіе Монарха, — уже на 58 году его возраста, т. е. далеко за преполовеніемъ дней обыкновенной жизни человѣческой. Итакъ, когда другіе ищутъ покоя и отдохновенія отъ трудовъ, преосвященный Анастасій, послѣ продолжительнѣйшаго служенія, казалось, намѣренъ былъ выступить еще на новую борьбу съ вящшими трудами и тягчайшими подвигами— въ качествѣ предстоятеля Церкви.

Но пріявъ, такимъ образомъ, жезлъ самостоятельнаго архипастырскаго служенія уже въ преклонныхъ лѣтахъ, преосвященный Анастасій, естественно, не могъ долговременно управлять ввѣренною ему епархіею. Вскорѣ по прибытіи на указанную каѳедру онъ, обремененный сколько лѣтами, столько же и трудами, и хотя все еще бодрый въ физическихъ силахъ, сталъ однакоже чувствовать ослабленіе самаго драгоцѣннѣйшаго изъ органовъ чувствъ,—чувства зрѣнія, которое довело его наконецъ до рѣшительной невозможности продолжать занятія епархіальными дѣлами, требующими напряженной, безотлагательной дѣятельности. Эта-то несчастная утрата зрѣнія, бывшая, можетъ быть, слѣдствіемъ прежнихъ усиленныхъ трудовъ, и заставила его искать уединенія и успокоенія и просить св. правительствующій Сунодъ объ увольненіи отъ должности епархіальнаго архіерея. Таковое увольненіе послѣдовало 16-го апрѣля 1838 года.

Къ сожалѣнію намъ неизвѣстны подробности этого краткаго управленія екатеринославскою епархіею преосвященнаго Анастасія, хотя, судя по столь сродному ему трудолюбію, не можемъ сомнѣваться, что и здѣсь, всегда полезная, дѣятельность его, какъ архипастыря, направлена была ко благу ввѣренной ему паствы. Знаемъ только, что и здѣсь преосвященный Анастасій еще разъ исполнилъ одно порученіе, возложенное на него тогдашнею коммиссіею духовныхъ училищъ, обозрѣвъ, по всѣмъ частямъ управленія, Екатеринославскую семинарію съ состоящими при ней училищами.

По увольненіи, согласно прошенію, отъ должности епархіальнаго архіерея, преосвященному Анастасію съ Высочайшаго соизволенія предоставлено было святѣйшимъ Сѵнодомъ право имѣть пребываніе въ какомъ либо монастырѣ Московской епархіи, съ производствомъ ему содержанія по 2600 р. въ годъ. По собственному желанію, первоначальномѣстомъ жительства избралъ онъ Свято-Троицкую Сергіеву лавру; потомъ съ 10 мая 1839 года, нѣсколько времени проживалъ, съ согласія высокопреосвященнаго митрополита московскаго, въ каѳедральномъ Чудовомъ монастырѣ въ Москвѣ, пользуясь медицинскими пособіями знаменитаго тогда (въ Москвѣ) врача, доктора Броссе. Результатъ этого леченія, при помощи Божіей, былъ такъ удаченъ, что преосвященный Анастасій, получивъ, какъ самъ онъ выражался впослѣдствіи, *прозрѣніе*, опять возвратился, 4 августа, въ лавру,—имѣя, какбы въ благодарность за милость Божію, не только возможность, но и утѣшеніе лично совершать церковныя священнослуженія. По возвращеніи сюда, онъ нерѣдко совершалъ божественную литургію въ Троицкомъ соборѣ лавры, гдѣ почиваютъ св. мощи преподобнаго Сергія радонежскаго, молясь особенно сему угоднику Божію, прославившему себя столь многими и великими чудесами. Между тѣмъ высокопреосвященный митрополитъ московскій резолюціями своими, предоставлялъ ему иногда право то рукополагать монашествую-

щихъ лавры въ разныя духовныя степени, то постригать въ монашество студентовъ московской духовной академіи, то наконецъ посвящать въ стихари воспитанниковъ виѳанской семинаріи [1], и тѣмъ самымъ какъ будто подавалъ ему случаи учащать совершеніе божественной литургіи, составлявшей для него единственную отраду и радость духовную. Такимъ образомъ преосвященный Анастасій пробылъ въ Троицкой лаврѣ почти до половины 1843 года. Съ этого времени преосвященный Анастасій почелъ за лучшее испросить себѣ у св. Сѵнода монастырь въ независимое управленіе въ родной ему епархіи Архангельской. Въ уваженіе такой просьбы, съ Высочайшаго соизволенія Государя Императора, св. Сѵнодъ указомъ отъ 12 мая 1843 г. предоставилъ ему въ управленіе Антоніевъ Сійскій второклассный монастырь, уже довольно знакомый ему по прежнему временному управленію.

Прибывъ въ монастырь сей въ іюлѣ 1843 г., преосвященный Анастасій съ любовію занялся благоустройствомъ его, какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ. Первымъ дѣломъ и главною заботою его было украшеніе и благолѣпіе Божіихъ храмовъ: въ этихъ видахъ онъ и, по смерти, завѣщалъ въ пользу монастыря значительную сумму денегъ. Онъ ввелъ также большій порядокъ и благочиніе въ церковныя священнослуженія; образовалъ болѣе стройное, хоровое пѣніе; учредилъ болѣе строгое соблюденіе правилъ монашескаго житія и значительно умножилъ число монашествующей братіи. Безъ преувеличенія можно сказать, что семилѣтнее управленіе его Сійскою обителію,—которая отъ частыхъ перемѣнъ разнохарактерныхъ настоятелей, большею частію проживавшихъ, по обязанности присутствовать въ консисторіи, въ Архангельскѣ, время отъ времени приходила въ упадокъ и разстройство,—оставило по себѣ не только прекрасную память, но и было истиннымъ для нея благодѣяніемъ.

[1] Собственноручн. записки преосв. Анастасія, имѣющіяся у одного изъ его родственниковъ.

Что касается до частныхъ, домашнихъ занятій преосвященнаго: то онѣ состояли преимущественно въ богомысліи и молитвѣ, въ назидательныхъ бесѣдахъ съ братіею и, частію, въ чтеніи слова Божія и другихъ душеспасительныхъ книгъ. Мы говоримъ: *частію*, потому что долговременнымъ чтеніемъ, особенно въ продолжительныя зимнія ночи, при свѣтѣ огня, по слабости зрѣнія, онъ заниматься былъ не въ состояніи. Свѣтъ огня производилъ болѣзненно-раздражительное дѣйствіе на чувство его зрѣнія, однажды уже поврежденное; по этой причинѣ зажженныя свѣчи онъ нетолько долженъ былъ держать подъ колпакомъ, но и принужденъ ставить ихъ въ нѣкоторомъ отъ себя отдаленіи, пользуясь только лучами свѣта, освѣщавшими комнату. Въ часы свободы и отдохновенія отъ занятій, преосвященный пользовался иногда и прогулкою. Мѣстомъ прогулки обыкновенно служилъ какъ самый монастырь, такъ и его окрестности, правда скучныя и пустынныя зимою, но въ лѣтнее время нелишенныя красоты и живописности; потому что, монастырь сей, по счастливому выбору мѣстности преподобнымъ его основателемъ, расположенный на островкѣ озера, называемаго *Михайловымъ*, извнѣ представляется взору какбы плавающимъ, прекрасно отражаясь въ то же время въ зеркальной поверхности водъ. Такимъ образомъ, скромная и благочестивая жизнь преосвященнаго настоятеля Сійской обители мирно протекала въ тихомъ уединеніи, вдали отъ многомятежнаго міра и его суетъ.

Впрочемъ, какъ замѣчено было въ началѣ, преосвященный въ лѣтнее время выѣзжалъ иногда и въ Архангельскъ, частію по монастырскимъ, частію по собственнымъ надобностямъ. Въ одно изъ такихъ посѣщеній Архангельска, именно въ іюлѣ 1850 г., онъ, какъ гость тогдашняго преосвященнаго архангельскаго Варлаама, почтилъ вмѣстѣ съ нимъ, какъ протекторомъ, своимъ посѣщеніемъ и архангельскую духовную семинарію, ту самую, для которой немало потрудился еще въ то время, когда у нея не было *камня на камнѣ*. При семъ случаѣ онъ преподалъ воспитанникамъ семинаріи

свое архипастырское благословеніе, предложивъ имъ и краткое, истинно-отеческое наставленіе, относящееся до высокой цѣли ихъ воспитанія, и этимъ какбы простился съ тѣмъ учебнымъ заведеніемъ, пользѣ и благу котораго посвятилъ, въ качествѣ наставника, и первые дни своего служенія и первыя силы своего юношескаго возраста. Но это было уже послѣднее посѣщеніе имъ Архангельска, которому, какъ было сказано, также служилъ долгое время, и какъ пастырь Церкви и какъ настоятель Архангельско-Михайловскаго монастыря.

Въ половинѣ марта 1851 года, простудившись, какъ говорятъ, послѣ бани, преосвященный Анастасій слегъ на болѣзненный одръ, встать съ котораго ему уже суждено не было, и который, слѣдовательно, сдѣлался одромъ смертнымъ. Болѣзнь его была непродолжительна, но тяжка, такъ что спустя около недѣли отъ начала ея, онъ, къ общему и непритворному сожалѣнію братіи монастыря, 22 марта скончался. Но предварительно, предчувствуя уже близость кончины своей, онъ принесъ искреннюю исповѣдь въ грѣхахъ и пріобщившись св. таинъ, дружески простился съ братіею, окружавшею смертный одръ до послѣдняго вздоха любимаго ею архипастыря—настоятеля. Въ послѣднія минуты предсмертной агоніи одинъ изъ священно-иноковъ прочелъ отходную....

Осиротѣвшая братія, пораженная глубокою скорбію, почла долгомъ о кончинѣ своего настоятеля извѣстить тогдашняго преосвященнаго архангельскаго Варлаама, нынѣ архіепископа пензенскаго, и всегда готовый на дѣла благія и богоугодныя архипастырь не замедлилъ прибыть съ протоіереемъ и протодіакономъ каѳедральнаго собора для отданія послѣдняго долга почившему собрату. 30 марта, въ день Лазарева воскресенія, совершенъ былъ обрядъ отпѣванія и погребенія тѣла усопшаго, при многочисленномъ собраніи народа, стекшагося изъ ближайшихъ селъ и деревень. Бренные останки покойнаго, по его завѣщанію, преданы землѣ въ особомъ притворѣ, на правой сторонѣ отъ входа въ Свято-Троицкій монастырскій соборъ.

Такъ успокоился отъ трудовъ 74 лѣтній старецъ, болѣе нежели полстолѣтія жизни посвятившій служенію Церкви. *Блажени мертвіи умирающіи о Господѣ: ей глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ* (Апок. 14, 13). Да почіетъ же мирно и твой прахъ, доблій архипастырь — труженикъ!

Въ заключеніе неизлишнимъ считаемъ упомянуть, что преосвященный Анастасій не лишенъ былъ и замѣчательнаго дара проповѣдническаго. Мы сказали уже, что состоя еще въ должности учителя семинаріи, онъ избранъ былъ семинарскимъ катихизаторомъ; здѣсь должны прибавить, что будучи архимандритомъ архангельскаго монастыря и членомъ попечительнаго комитета о тюрьмахъ, онъ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, оглашалъ слухъ несчастныхъ заключенниковъ темницы живыми и дѣйственными глаголами слова Божія, объясняя имъ Евангеліе и дѣлая приличныя положенію ихъ, поучительныя наставленія. Такимъ образомъ даръ слова его самъ собою совершенствовался, а умъ обогащался обиліемъ мыслей. Не говоримъ о чередныхъ проповѣдяхъ, которыя произносилъ онъ въ теченіе многихъ лѣтъ въ каѳедральныхъ соборахъ: архангельскомъ и тамбовскомъ, равно какъ о словахъ, сказанныхъ на чредѣ священнослуженія въ Санктпетербургѣ,—какъ мало намъ извѣстныхъ. Но прочитавъ въ недавнее время, книжку словъ, [1] написанныхъ и сказанныхъ имъ уже въ санѣ архіерея, въ Новгородѣ и Екатеринославѣ, — когда, слѣдовательно, проповѣдническій талантъ его вполнѣ созрѣлъ, усовершился и окрѣпъ,—осмѣливаемся, по крайнему нашему разумѣнію, замѣтить, что каждое изъ словъ его, помѣщенныхъ въ книжкѣ, полно силы глубокаго христіанскаго убѣжденія и пастырски-отеческаго назиданія, изливающагося прямо изъ сердца. Главныя же внѣшнія ихъ достоинства — простота и ясность изложенія.

---

[1] Заглавіе этой книжки: Слова, въ воскресные и праздничные дни, въ соборныхъ церквахъ и монастыряхъ, говоренныя преосвященнымъ Анастасіемъ, епископомъ, бывшимъ екатеринославскимъ и таганрогскимъ. Москва, 1842 года.

Здѣсь мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи — выписать,—съ одной стороны для показанія образчика простоты и безъискуственности его краснорѣчія, а съ другой — въ доказательство безпристрастности нашего взгляда, — хотя одной краткой, но сильной по чувствамъ рѣчи, сказанной имъ, 22 декабря 1834 г., по случаю принесенія блаженныя памяти Государемъ Императоромъ Николаемъ 1-мъ, въ даръ новгородскому Софійскому собору серебряной напрестольной одежды. Вотъ эта рѣчь съ начала до конца:

«Благочестивое собраніе!

«Благочестивѣйшій Государь Императоръ Николай Павловичь, по чувству глубочайшаго благоговѣнія ко Всевышнему, благоизволилъ уготовать драгоцѣнную одежду для покрытія священной трапезы сего древняго храма Св. Софіи, въ которомъ почиваютъ многія нетлѣнныя мощи святителей, благовѣрныхъ князей и одной княгини.

«Таковый даръ, принесенный Царемъ въ храмъ Божій, не ясно ли доказываетъ изліяніе Его сердечныхъ благодарныхъ чувствованій предъ Царемъ небеснымъ? Не доказываетъ ли пламенной любви и чистѣйшей молитвы его къ Нему, дабы Онъ, по благости своей, исполнилъ желанія сердца его, и благословилъ всѣ дѣла и начинанія его, устремленныя ко славѣ Божіей, къ пользамъ отечества и ко благу всѣхъ его вѣрноподданныхъ!

«Такъ, братіе моя, взирая на дивный примѣръ помазанника Господня, воодушевленнаго вѣрою въ Спасителя Бога, твердымъ упованіемъ на провидѣніе и совершенною преданностію въ волю Божію, возвеличимъ единодушно Господа, возрадуемся духомъ о Царѣ своемъ и, послѣдуя примѣру его въ благочестіи, соединимъ съ нимъ вкупѣ сердечныя молитвы свои предъ симъ олтаремъ Господнимъ, да призритъ Господь съ высоты святыя своея на смиреніе раба своего, Благочестивѣйшаго Государя Императора, отца нашего, неусыпно пекущагося о благоденствіи нашемъ, да милостиво приметъ приношеніе сіе, какъ чистую жертву сердечныхъ усердныхъ

чувствованій его, освятитъ ее своею благодатію, возвеселитъ сердце его, и благословитъ царствованіе его миромъ и благоденствіемъ».

Такъ жилъ и дѣйствовалъ и такъ мыслилъ, чувствовалъ и поучалъ преосвященный Анастасій!

Михаилъ Сибирцевъ.

ТРИ ПИСЬМА СВЯТОГОРЦА *.

1.

1862 г., апрѣля 19 дня.
Св. гора Аѳонская. Козмодаміановская пустыня.

Евдокія Николаевна!

Воистину воскресе Христосъ!

На ваше привѣтствіе пасхальное, отвѣчаю взаимнымъ, и прошу Господа, чтобъ Онъ совоскресилъ васъ съ Собою надеждою на наслѣдіе Его въ небесахъ.

Странно, что мы, привязавшись къ земнымъ, — мало думаемъ о небесныхъ друзьяхъ нашихъ, мало грустимъ и тоскуемъ по райской отчизнѣ, и во всемъ хочемъ видѣть только здѣшнее. Чуть со стороны людей — предательство и непріятность, мы унываемъ и скорбимъ, тогда какъ это-то и есть истинное счастіе нашей души. Благодарю милость Господа: съ недавняго времени Его отеческая забстливость о спасеніи моемъ слишкомъ для меня ощутительна; Онъ влечетъ меня къ своей любви, и влечетъ настоящимъ путемъ — скорбнымъ, а бѣдное сердце въ клочки рвется отъ крестнаго изнеможенія, не понимая, что чѣмъ тяжелѣе ему здѣсь, тѣмъ лучше за гробомъ. Да, Господь взялся за меня, и я надѣюсь, что буду спасенъ, если только достанетъ силы вынесть Его карающую десницу. По грѣхамъ моимъ мало, я жду большаго, но не знаю — дождусь ли. Господь такъ сострадателенъ и благъ, что гдѣ бы нашего брата карать и мучить за немощи, Онъ умножаетъ вмѣсто того свои щедроты. Что за Господь нашъ! Вотъ ужь истинный Отецъ, другъ, братъ — неоцѣнимый!

---

* Нѣсколько (именно 13-ть) неизданныхъ писемъ «Святогорца», весьма извѣстнаго въ нашей духовной литературѣ, сообщено въ редакцію княземъ Д. Н. Урусовымъ. Печатаемъ болѣе другихъ замѣчательныя, предоставляя издателямъ полнаго собранія писемъ Святогорца, воспользоваться и остальными.

*

Среди моего пустыннаго безмолвія, нерѣдко мнѣ доходятъ вѣсти, что на меня возстаютъ люди, что я остаюсь для нихъ камнемъ претыканія и предметомъ злобы и пересудовъ. Не понимаю, что я сдѣлалъ людямъ, притомъ такимъ, которыхъ я никогда не видалъ и о которыхъ доселѣ не слыхивалъ. Разумѣется, съ моей стороны ничего не остается, какъ благодарить о всемъ Бога, и ходатайствовать предъ Нимъ за враговъ моихъ. Ничего мнѣ не страшно, но вотъ диво: откуда такая благодать мнѣ? Только на святыхъ были гоненія; на нихъ весь міръ возставалъ, но я что такое? Можетъ быть, Господь чрезъ то очищаетъ мало по малу мои грѣхи и смиряетъ киченіе духа: благоговѣю предъ Его судьбами и не нарадуюсь Его отеческой заботливости о мнѣ! Да будетъ о всемъ Ему слава!... Помолитесь, чтобъ Онъ умножилъ на мнѣ щедроты свои. О, если бы здѣсь отстрадать за свои слабости!...

Княгини Г... мнѣ очень жаль, но только потому, что я не успѣлъ ее разубѣдить и доказать, что магнитизмъ, въ который она вѣрила, не иное что, какъ тонкая лесть всемірнаго льстеца. Вы помните, и меня подозрѣвали, что будто бы я вѣрю силѣ магнитизма. Если бы магнитизеры и мертвыхъ воскрешали, — и тогда бы, начитанный аскетическихъ книгъ, я плюнулъ на чудеса магнитической силы. Разумѣется, любопытно было узнать тонкости магнитизма, чтобъ вѣрнѣе судить о тайныхъ козняхъ демона, и нисколько не дивны чудеса этой силы. Въ житіяхъ святыхъ демоны играли свои роли, подобныя магнитическимъ, исправнѣе, и — святые очень ясно доказали въ нѣкоторой степени знаніе темныхъ силъ и таинъ будущаго и всѣхъ событій настоящаго. Конечно, покойная увлекалась поэтическою настроенностью духа, и ее можно было убѣдить легко въ ея ошибкѣ. Я писалъ ей, просилъ бросить занятіе магнитизмомъ, какъ опасное для души, но ничего не получилъ въ отвѣтъ. По крайней мѣрѣ, за крайнюю доброту души и за благочестіе княгини, я со своей стороны сдѣлалъ, что нужно, а теперь мы не престаемъ молиться о спасеніи ея. Милостивъ Богъ!

Въ Константинополѣ я пробылъ до пятой недѣли поста, а домой благополучно прибылъ вначалѣ страстной седьмицы. Трудно въ мірѣ нашему брату, и дай Богъ не видѣть смутъ его болѣе! Вы спрашиваете: ужели я думаю оставить гору еще и быть въ Россіи? Этого и на мысль пока, по милости Божіей, не приходитъ; но какъ знать будущее? Иногда и по неволѣ уберешься отсюда: Турція вѣдь не Россія! Со дня на день ожидаютъ политическихъ переворотовъ, и что тогда будетъ съ нами? Впрочемъ, я надѣюсь, что мои кости успокоитъ Царица небесная здѣсь: Она видитъ мое сердце и знаетъ мои желанія! Молитесь, чтобъ не постыдила Она меня въ надеждахъ моихъ!

Вы спрашиваете меня о третіей части писемъ; правда, я обѣщалъ ее, но—не надѣюсь сдержать слова, потому что нѣтъ охоты бросить свой трудъ на кривотолки враговъ моихъ. Лучше буду молчать: молчаніе краснорѣчивѣе и проповѣдей иногда, а не только моихъ писемъ. Думаю, если Богъ благоволитъ, написать что нужно для себя, и рукопись оставить по смерти своей въ библіотекѣ нашей. Кто найдетъ ее и сочтетъ нужнымъ напечатать, — пусть печатаетъ: мертваго бранить и гнать не будутъ. Хотѣлось бы составить аѳонскій патерикъ, но и это важное дѣло валится изъ рукъ. Иногда сердцу хочется на отдыхъ, а мысль проситъ — лицезрѣнія Господня: у Господа нѣтъ ни враговъ, въ небесахъ, ни зависти, ни печали, а здѣсь какъ все грустно, ничтожно и суетно!... Много у меня есть занятій; но — то хворость и немощи, то лѣность и недосуги отбиваютъ отъ рукъ и перо и книги. Царствіе Божіе внутрь насъ, — вотъ бы чѣмъ надобно заняться и пора уже; за гробомъ это поздое занятіе!... Надобно здѣсь узнать, въ чемъ состоитъ это царствіе Божіе.

Смерть Гоголя — торжество моего духа. Покойный много потерпѣлъ и похворалъ, — надобно и пора ему на отдыхъ въ райскихъ обителяхъ. Жаль только, что онъ не побывалъ у насъ. Я его очень любилъ; въ Одессѣ мы съ нимъ еще видались нѣсколько разъ, и наше разстаніе было условное —

видѣться здѣсь. Судьбы Божіи непостижимы! Въ послѣднее время его считали помѣшаннымъ, за то, что онъ остепенился и сдѣлался христіаниномъ. Вотъ вѣдь мірская-то мудрость. Толкуйте съ міромъ!

Наша зима нынѣ удивительна: и по сю пору у меня на горахъ холодъ, такъ что я нагрѣваю каждый день печку своей кельи. Впрочемъ, на взморьи тепло и хорошо; и въ моей пустыни все цвѣтетъ. Одинокая косатка прилетаетъ ко мнѣ каждый вечеръ, садится въ корридорѣ, надъ дверью моей кельи, и тутъ ночуетъ одна-себѣ, а утромъ улетаетъ и цѣлый день ее не вижу. Она, вѣроятно, лишилась друга. По два года косаткино гнѣздо было въ корридорѣ моемъ, надъ самымъ входомъ въ келью, и косатка такъ свыклась со мною, что я подхожу къ ней менѣе чѣмъ на аршинъ, долго любуюсь ею, ласкаю и она не тронется съ мѣста, какъ будто чувствуя мою ласку и мою радость и утѣшеніе отъ ея присутствія. Какъ милы пустынныя пташки! Разбойники-коты мои только обижаютъ ихъ; впрочемъ въ корридорѣ боятся трогать косатокъ.

Изъ Константинополя я писалъ вамъ, и ожидаю на то письмо отвѣта. Жаль мнѣ Любови Александровны; ея крестъ жизненный тяжелъ, но что дѣлать! Безъ креста и въ рай не пустятъ. Въ настоящее время я не успѣю написать ей, потому что есть нѣсколько монастырскихъ бумагъ, которыя долженъ изготовить нынѣ, а въ слѣдующій разъ напишу ей чрезъ васъ. Поклонитесь ей. Молюсь, чтобъ Господь не оставилъ ея своими щедротами!

О постигшемъ К. И. Н...ву несчастьи — въ одно съ вами время пишутъ изъ Петербурга наши общія знакомицы, мать Ѳеофанія и великая старица Варсонофія. Жаль, но—безъ скорби не приведи Богъ жить. Того или другаго рода несчастія, а необходимы для души нашей; иначе и горе намъ въ день вечери небесной. Туда всякой долженъ явиться въ одеждѣ, очищенной слезами, потомъ и кровавыми трудами подвиговъ собственныхъ, а главное въ одеждѣ — освященной кровію Христовою, — значитъ наше существенное дѣло стра-

дать и плакать, плакать неутѣшно!... Если мы не плачемъ, то плачутъ за насъ наши добрые Ангелы хранители, видя, что наше дѣло плохо, и что мы идемъ не крестнымъ, а пространнымъ путемъ. Утѣшайте К... И...ну и ея семейство: милостивъ Богъ! Отчаяваться не надобно.

Вмѣсто пасхальнаго краснаго яичка, прилагаю при семъ пустынный цвѣтокъ, котораго не знаю ни названія, ни рода. Эти цвѣты у насъ долго ведутся!

Вашему старцу мое лобзаніе съ привѣтствіемъ: «Христосъ воскресе». Да почіетъ на немъ благословеніе Божіе. Софьѣ Николаевнѣ завидую, что она хвораетъ. Право, иногда хочется страдать, потому что страданіями очищается духъ, и даруются сердцу залоги оправданія и спасенія Божія. Только унывать не надобно.

Всѣмъ помнящимъ меня передайте мое пасхальное привѣтствіе.

Поручая васъ милости Божіей, остаюсь съ чувствомъ уваженія и почтительности

Грѣшный святогорецъ І. Серафимъ.

Августинъ не думаетъ оставить Аѳонъ; теперь онъ живетъ для священнослуженія при посольской церкви въ Константинополѣ.

2.

1852 г. іюня 27.

Св. гора Аѳонская. Козмодаміановская пустынь, близь Русика.

Здравствуйте Авдотья Николаевна!

Миръ вамъ и спасеніе Божіе!

Сегодня, въ моей скромной пустынной церкви, я молился и приносилъ безкровную жертву о упокоеніи моей доброй и незабвенной Анны, которая вчера въ сонномъ видѣніи навѣстила меня вмѣстѣ съ милою дочерью, такъ что я не могъ остаться безчувственнымъ и, по естественной привязанности, по сердечной любви къ почившимъ, молился Богу, чтобъ они были вчинены въ лики праведныхъ и въ сонмѣ ангельскомъ. Съ того времени, какъ Богъ намъ доставилъ знакомство и ду-

ховное отношеніе съ вами, имя Ѳеодосіи остается неразлучнымъ и неотдѣльнымъ отъ драгоцѣнныхъ и милыхъ моей памяти именъ — Анны и Анастасіи. Да, какъ и всегда, такъ въ особенности нынѣ, Богъ удостоилъ меня помянуть почившихъ, и какъ я веселъ, всегда бываю веселъ въ тѣ дни, которые исключительно посвящаю памяти и молитвамъ за почившихъ!... Въ эти дни мысль какбы совершенно покидаетъ землю, уносится въ загробный міръ, и сердце чувствуетъ, что тамъ только жизнь его, тамъ блаженство райское и невозмутимый покой.... О, какъ послѣ этого несчастны, какъ жалки тѣ, которые, отвергая молитвы за усопшихъ, никогда не приносятъ о нихъ жертвы спасенія и оправданія. Подобные люди ничѣмъ не лучше скота, потому что для нихъ нѣтъ общенія съ загробнымъ міромъ; для нихъ гробъ — скотская могила, за которою за павшую тварь, безсмысленную и безсловесную, нѣтъ и помину. Слава Богу, что Онъ далъ намъ и возможность и силы облегчать загробную участь милыхъ нашему сердцу и памяти!... Но объ этомъ полно.

Между прочимъ извѣщаю васъ, что на дняхъ я препроводилъ съ поклонниками ящичекъ съ букетами *неувядаемыхъ цвѣтовъ Божіей Матери*, о которыхъ вы читали въ моихъ письмахъ, и этотъ гостинецъ адресованъ на ваше имя. Если не изъ Константинополя, то изъ Кіева я просилъ переслать къ вамъ по почтѣ. Не знаю, когда вы получите эту посылку и когда гостинецъ мой пустынный дойдетъ до вашихъ рукъ. А когда, Богъ дастъ, получите, — сдѣлайте одолженіе распорядитесь цвѣтками.

Когда получите цвѣты, почтите меня извѣстіемъ, а между тѣмъ помолитесь о мнѣ, когда бесѣдуете съ Богомъ, въ тишинѣ вашего келейнаго уединенія. А бесѣдовать съ Богомъ, — какъ это сладостно и необходимо для нашего сердца! Царствіе Божіе внутрь насъ: надобно жь найдти его и усвоить себѣ его божественныя радости; въ противномъ случаѣ, — горе нашей бѣдной душѣ! Какъ безцѣнна для молитвенныхъ бесѣдъ съ Богомъ — наша пустыня, — это рай!

Особенно теперь, когда уже полная луна носится въ необозримыхъ равнинахъ воздушнаго пространства, мечтать о небѣ, мечтать о милыхъ сердцу, улетѣвшихъ отъ насъ въ вѣчность,—сколько въ этомъ наслажденія, сладкой тоски и поэтическаго раздумья!... Ахъ, молитесь Богу и любите Его: это блаженство ангельскаго сердца и рай нашей души!

Возлюбленному старцу вашему Николаю Васильевичу моя любовь и почтеніе; счастливъ онъ жребіемъ своимъ. Прощайте.

Преданный вамъ

Святогорецъ І. Серафимъ.

3.

1851 г. декабря 10 дня.

Св. гора Аѳонская. Козмодаміановская пустынь, близъ Русика.

Любимица Христова,

Авдотья Николаевна!

Радуйтесь о Господѣ и спасайтеся о Немъ!

Гостинецъ вашъ съ тремя златницами я получилъ, при имени почившей Ѳеодосіи, о которой не престаютъ возноситься молитвы обители нашей и Козмодаміановской пустынной церкви ко Господу, да учинитъ душу ея, *идѣже праведніи упокояются, сіяя яко свѣтила* во свѣтѣ лица Божія. 3-го ноября мы здѣсь, въ пустыни, творили особенное поминовеніе о вашей незабвенной Ѳеодосіи; не забыто было это и въ обители. Четки ваши отъ о. Агаѳангела духовникъ нашъ принялъ съ любовію.

Жизнь, жизнь! Какъ трудна жизнь духа нашего, которой въ мірѣ, я думаю, многіе не чувствуютъ и не понимаютъ, и что будетъ, если увлекаясь чувственностію, мы плотски отойдемъ въ вѣчность, оземленивши самое сердце, самыя мысли и духъ безсмертный! О, страшно будущее наше и глубоко, неизъяснимо таинство загробной жизни! Если бы не молитвы Церкви, если бы не поминовеніе усопшихъ, — что бы было съ нами въ вѣчности? Да благословитъ Богъ вашу любовь дѣтскую къ почившей вашей Ѳеодосіи: вы ей даете ангель-

скія крилѣ, чтобъ, при молитвахъ Церкви, летѣть выше и выше, легче и легче сквозь тьмы темъ и тысящи тысящей преисподнихъ силъ, которыя стрегутъ воздушные пути къ небу. И о васъ, когда вы по долгу естества, отойдете въ вѣчность, думаю, такое же будетъ сильное ходатайство предъ Богомъ чрезъ друзей вашихъ: *въ нюже бо мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ*, по слову Господню.

Несчастные умники нынѣшняго времени иногда отвергаютъ рѣшительно, а то остаются въ сомнѣніи: нужно ли молиться за усопшихъ? И ихъ крайне жаль. Кромѣ ученія Церкви о благотворности и чрезвычайной силѣ поминовенія усопшихъ, многія откровенія подтверждали и подтверждаютъ это нынѣ. Въ числѣ нашего русскаго братства, есть схимникъ, который пошелъ въ монахи по слѣдующему случаю: живши въ молодости безпечно, онъ любилъ всѣ увеселенія, пляски, скачки и проч.; но при всемъ томъ былъ и набоженъ. Онъ замѣчателенъ тѣмъ, что когда давали въ Петербургѣ представленіе театральное: *Страшный Судъ* (на масляницѣ это было), и онъ находился тамъ же, но увидѣвъ священную сцену въ неприличномъ мѣстѣ, онъ вознегодовалъ на глупость театра и выскочилъ изъ него. Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ его выхода, театръ вспыхнулъ.... Вслѣдъ за тѣмъ онъ сильно захворалъ, и два мѣсяца былъ въ крайнемъ изнеможеніи. Въ одинъ день, когда болѣзнь была въ высшей степени, онъ видитъ, что два юноши вошли къ нему, взяли его за руки и сказали: слѣдуй за нами! Больному представилось, что онъ, не чувствуя никакой болѣзни, всталъ, оглянулся на свою постель, и видитъ, что тѣло его осталось на ней... Тогда только онъ понялъ, что онъ оставилъ земную жизнь и долженъ явиться въ иной міръ. Въ лицѣ юношей онъ узналъ Ангеловъ, и въ сопровожденіи ихъ долго шелъ по чрезвычайно труднымъ и мрачнымъ мѣстамъ. Наконецъ ему послышался шумъ какъ будто огненной лавы, визгъ и вопли людей... Въ страхѣ и трепетѣ, онъ увидѣлъ какъ будто родъ печей, въ которыхъ бушевалъ огненный вихрь, пламя крутилось и сре-

ди его раздавались страдальческіе стоны людей; но печи были наглухо закрыты, и только легкій огонь пронизывалъ сквозь трещины ихъ. Тогда юноши начали объяснять — за какой грѣхъ то или другое огненное мѣсто уготовано. Наконецъ показали ему страшное наказаніе, тоже пламень и различные виды мученій, за народныя безчинныя увеселенія, и сказали трепетавшему нашему брату: «если ты не отстанешь отъ твоихъ грѣховъ и привычекъ прежней жизни,—вотъ твое мѣсто»... Несчастный, какъ листъ дрожалъ и ни слова не могъ выговорить, видя свое огненное жилище на цѣлую вѣчность. Вслѣдъ затѣмъ одинъ изъ Ангеловъ, изъ среды пламени, восхитилъ одного человѣка, и братъ нашъ видитъ, что этотъ несчастный черепъ, какъ уголь, весь обгорѣлъ, и въ добавокъ окованъ съ ногъ до головы, такъ что ужасно было посмотрѣть на его убійственное положеніе. Тогда же оба Ангела сняли съ мучившагося оковы и, какъ будто мрачная шелуха, слетѣла съ него чернота, и этотъ человѣкъ сдѣлался чистъ и свѣтелъ, какъ Ангелъ, прекрасенъ и неописанной райской веселости въ очахъ. Богъ вѣсть, откуда Ангелы взяли въ родѣ царской порфиры одѣяніе, блиставшее какъ свѣтъ, и одѣли ею страдальца.... Братъ нашъ между тѣмъ, смотря на все это, недоумѣвалъ, восхищался и благоговѣлъ предъ тайною свершившагося чуда и видоизмѣненія въ человѣкѣ, доселѣ страшномъ и обгорѣломъ, какъ головня....

«Что это значитъ?—наконецъ смиренно спросилъ онъ Ангеловъ.... Ради Господа, объясните и скажите мнѣ».

—Эта душа, отвѣчалъ одинъ изъ Ангеловъ, была очень грѣшна, и потому, отлученная отъ Бога, должна была по дѣламъ своимъ вѣчно горѣть въ этомъ пламени. Между тѣмъ родители этого грѣшника, по смерти его, много подавали за него милостыни, много дѣлали поминовенія при литургіи и панихидъ, и вотъ, ради поминовенія и молитвъ родительскихъ и ходатайства Церкви, Богъ умилостивился: душа эта избавлена вѣчнаго мученія и теперь пойдетъ предстать предъ лице своего Господа и радоваться со святыми Его во вѣки... А

ты, продолжалъ нашему брату Ангелъ, иди еще въ свое мѣсто, и ежели хочешь избавиться этой геенской муки, исправься и перестань грѣшить.

При этихъ словахъ видѣніе кончилось. Братъ нашъ какъ отъ сна очнулся, и видитъ, что его домашніе плачутъ по немъ, распоряжаясь приготовленіемъ тѣла его къ погребенію... Съ того времени онъ бросилъ свои привычки, и пошелъ въ монастырь. Теперь этотъ братъ уже въ схимѣ, и съ ужасомъ разсказываетъ то, что видѣлъ своими очами за гробомъ. А мы между тѣмъ не можемъ не радоваться, благодаря отъ всея души Господа, что Онъ и по смерти не оставляетъ насъ своими щедротами, ради поминовенія церковнаго и молитвъ о насъ.

Судите послѣ этого, какъ важно и необходимо поминовеніе усопшихъ въ церкви и дома, при молитвенныхъ бесѣдахъ нашихъ съ Богомъ!... Отвергающіе церковное поминовеніе и молитвы за усопшихъ, безсмысленнѣе скота.

Съ 24-го ноября у насъ погода стоитъ холодная. На взморьи, въ Русикѣ, въ этотъ день утромъ пало немного снѣгу, но скоро онъ изчезъ и долго, даже до днесь тамъ теплота до 5 градусовъ, а въ моей пустыни, на заоблачныхъ высотахъ, въ то же самое время снѣгъ былъ въ аршинъ глубины, холодъ очень суровый и зима настоящая. Не смотря на то, что всѣ высоты лежатъ подъ снѣжнымъ саваномъ, природа, въ своемъ сѣтующемъ видѣ, имѣетъ много очарованія оптическаго и поэзіи. Около моей кельи, и въ такой холодъ, цвѣтутъ нѣкоторыя травы, и розовый ихъ видъ еще плѣнительнѣе, нежели весною или лѣтомъ. И на деревьяхъ мѣстами есть еще много ягодъ, пунцоваго цвѣта. Такова наша природа! Такъ разнообразенъ нашъ аскетическій край! Ахъ, какъ иногда пламенно желается—здѣсь, а не индѣ гдѣ, уложить мои грѣшныя кости въ скромную могилу!... Молитесь о мнѣ!

А что вашъ возлюбленный старецъ — не груститъ ли, не сѣтуетъ ли на свое страдальческое положеніе? О, если онъ вытерпитъ съ благодарностью, если понесетъ до конца радуш-

но свой жизненный крестъ, блаженъ онъ будетъ неизъяснимо! Теперь это закрыто, но въ минуты смертныя, когда все будетъ видимо въ своемъ настоящемъ положеніи, иногда вашъ болѣзненный старецъ не только радостно будетъ благодарить Господа за скорби, но возопіетъ Ему: Господи, отчего жь не приложилъ Ты мнѣ болѣе и болѣе къ моимъ страданіямъ!... Ахъ, какъ сладко любить Господа и бояться Его!... Передайте моему возлюбленному Николаю Васильевичу, что я объемлю его дружески и, не желая тѣлеснаго здравія, искренно желаю ему сердечной тишины и мира, что остается залогами благодатнаго общенія нашего съ Богомъ.

Софьѣ Николаевнѣ передайте мой поклонъ и желаніе душевныхъ благъ и любви Божіей. Екатеринѣ Васильевнѣ — страдалицѣ и всѣмъ, кто помнитъ грѣшнаго Святогорца и питаетъ къ нему чувство искренности и дружества о Господѣ, скажите, что одного я для всѣхъ и просилъ и прошу у Господа — удостоиться Его пресладкаго лицезрѣнія и райскихъ вѣнцовъ; а что касается до земной жизни, хотя бы она вся была сложена изъ голгоѳскихъ крестовъ, огорченій и скорбей, не дай Богъ свободы и избавленія отъ нихъ, а дай Господи, терпѣніе, великодушіе и миръ сердечный. Будьте всѣ благословенны отнынѣ и до вѣка! Молитесь о мнѣ и — прощайте пока.

Преданный вамъ
Святогорецъ І. Серафимъ.

СИЛА ТАЙНОЙ МОЛИТВЫ.

Лѣтъ десятъ назадъ я жилъ въ городѣ Тобольскѣ. Тамъ мнѣ нерѣдко случалось бывать въ одномъ обществѣ, состоявшемъ по большой части изъ людей хорошихъ, разсудительныхъ, постоянныхъ и одушевленныхъ благородными и благочестивыми чувствами.

Разъ въ этомъ обществѣ зашелъ разговоръ о пользѣ и силѣ молитвы, въ особенности—тайной, которую разумѣлъ Господь Іисусъ Христосъ, когда говорилъ: *ты же, егда молишися, вниди въ клѣть твою, и затворивъ двери твоя, помолися Отцу твоему, иже въ тайнѣ* (Матѳ. 6, 6). Тутъ одни припомнили, какъ пророкъ Іона, пробывъ трои сутки во чревѣ китовѣ,воззвалъ къ Богу и былъ изрыгнутъ чудовищемъ на берегъ невредимымъ. Другіе упомянули о Даніилѣ, спасшемся послѣ каждодневной, уединенной молитвы отъ устъ львовыхъ, и о томъ, какъ Апостолы Павелъ и Сила были заключены въ Филиппахъ въ темницу и какъ, когда они *молящеся пояху Богу*, произошло сильное землетрясеніе, отворились сами собой двери темницы, спали съ узниковъ оковы и темничный стражъ увѣровалъ и со всѣмъ своимъ домомъ (Дѣян. 16, 23—34). Иные привели нѣсколько относящихся къ предмету примѣровъ изъ житій святыхъ.

Наконецъ одинъ человѣкъ — не болѣе какъ среднихъ лѣтъ, но уже занимавшій по службѣ довольно значительную степень и пользовавшійся въ обществѣ уваженіемъ за скромность, прямоту характера, справедливость въ словахъ и поступкахъ и откровенность, сказалъ со вздохомъ: «а я и на себѣ самомъ испыталъ чудодѣйственную силу молитвы, приносимой Богу втайнѣ. Вотъ что было со мной въ дѣтствѣ: отецъ мой, желавши сколько можно лучше приготовить меня къ училищу, началъ меня учить

еще четырехъ лѣтъ: но я шелъ такъ тупо, что къ 9 годамъ едва, и то кой-какъ, могъ читать часословъ, псалтирь, какую-то естественную исторію и одинъ томъ Дѣяній Петра великаго, пѣть по нотамъ вовсе не умѣлъ (я родился въ духовномъ званіи) и писалъ очень плохо. Разумѣется, родители мои скорбѣли, выговаривали мнѣ, иногда даже наказывали; товарищи, изъ которыхъ нѣкоторые позже меня стали учиться, а между тѣмъ далеко опередили меня, смѣялись надо мной и хвалились своими успѣхами; самъ я досадовалъ на себя: я не лѣнился, напротивъ старался. Между тѣмъ подошло время представлять меня въ училище. Дѣлать было нечего: меня отвезли въ N и не знаю, какимъ образомъ я принятъ былъ, мимо перваго, прямо во второй классъ. Но и здѣсь, и въ училищѣ со мной было тоже, что и дома: учитель у насъ, сколько теперь могу соображать, былъ человѣкъ способный; онъ толково объяснялъ намъ катихизисъ, толковалъ русскую грамматику, училъ ариѳметикѣ, но я не только не понималъ заданнаго и объясненнаго, но и на память ничего не могъ выучивать. Бывало, товарищи, кончивъ свои дѣла, приготовивъ уроки, гуляютъ, занимаются дѣтскими играми, а я все за книгой; они ложатся спать, а я сижу; всѣхъ ранѣе и вставалъ я; часто просилъ учениковъ высшихъ классовъ объяснять мнѣ уроки, томился, плакалъ, словомъ—учась, я мучился,—и однакожъ являлся въ классъ не готовый, и потому всегда сидѣлъ между самыми послѣдними, между самыми худшими учениками. Наконецъ, какъ-то утромъ, на квартиру, гдѣ жилъ я, приходитъ монахиня, какъ теперь вижу, съ довольно большой, длинной книгой подъ мышкой, безъ сомнѣнія для сбора на какой нибудь монастырь. Такъ какъ время приближалось къ тому, чтобы идти въ классъ, я сидѣлъ за книгой, твердилъ урокъ и плакалъ. Слезы обратили на меня вниманіе монахини; съ участіемъ она стала разспрашивать о причинѣ, но самъ я ничего не могъ сказать, залившись слезами еще болѣе: объяснили дѣло уже мои хозяева. «Молись Богу, дитя мое», сказала съ состраданіемъ монахиня,

«особенно тайкомъ отъ другихъ, наединѣ, лучше всего ночью; напр. когда всѣ заснутъ, ты встань и сотвори нѣсколько земныхъ поклоновъ, приговаривая: Господи, дай мнѣ память, дай мнѣ разумѣніе. Вѣдь Богъ-то милостивъ, Онъ дастъ тебѣ понятіе, откроетъ тебѣ разумѣніе».Слова доброй, сострадательной старицы пали мнѣ на сердце: дѣйствительно, нѣсколько слѣдующихъ ночей сряду, легши, я притворялся спящимъ и, когда всѣ засыпали, я потихоньку поднимался, вставалъ на колѣна и молился въ темнотѣ. И что же? Спустя немного дней, ученикъ, слушавшій до прихода учителя въ классъ у меня уроки и, прежде постоянно писавшій противъ меня: худо, очень худо, не знаетъ,—разъ помѣтилъ противъ меня: не худо, въ другой: порядочно, изрядно, а затѣмъ сталъ отмѣчать и хорошо, очень хорошо. Этого мало: къ концу первой трети, изъ послѣднихъ я сталъ первымъ ученикомъ въ классѣ, первымъ писался и въ спискахъ у учителя. Съ сихъ поръ, заключилъ разсказывавшій, и до конца курса ученія, по милости Божіей, шелъ я постоянно между лучшими сверстниками, какъ лучшій былъ отправленъ въ высшее учебное заведеніе, да и служу, по выходѣ въ другое званіе, какъ вамъ извѣстно, не несчастливо».

О, еслибъ дѣти и юноши наши, и я заключу, поступали подобно разсказывавшему,т. е. еслибъ, въ случаѣ своей безуспѣшности, обращались и явно и тайно къ *Господу разумовъ*, къ Тому, кто *даетъ премудрость мудрымъ, и разумъ вѣдущимъ смышленіе* (Дан. 2, 21)! Конечно, въ такомъ случаѣ менѣе было бы мучениковъ ученья, и изъ школы болѣе выходило бы людей умныхъ и истинно полезныхъ!

Священникъ Александръ Сулоцкій.

II.

ЧЕЛОВѢКЪ-ХРИСТІАНИНЪ

ВЪ РАЗНЫХЪ ВОЗРАСТАХЪ ЖИЗНИ СВОЕИ.

Человѣкъ и христіанинъ—не два непримиримыхъ во всемъ врага между собою: напротивъ, человѣкъ въ своихъ лучшихъ началахъ и стремленіяхъ содѣйствуетъ христіанину, равно и христіанинъ поддерживаетъ и развиваетъ въ человѣкѣ все лучшее. Въ этомъ взаимнодѣйствіи проходитъ вся жизнь человѣка—отъ рожденія до смерти. Но въ разныхъ возрастахъ жизни человѣческой это совершается различно: иначе въ возрастѣ дѣтскомъ, иначе въ юношескомъ, иначе въ мужескомъ, иначе въ старческомъ. Человѣкъ-христіанинъ долженъ имѣть въ виду состояніе, преимущества и опасности каждаго изъ возрастовъ, чтобы развивать человѣческое и усвоять христіанское, отрицать худое и принимать доброе—именно то, какое нужно преимущественно для *этого* возраста, а не для другаго. Находясь подъ высшею божественною охраною, человѣкъ все таки бываетъ самъ распорядителемъ судьбы своей, ему самому принадлежитъ честь управлять собою. Онъ устрояетъ—и къ лучшему и къ худшему—не только свою собственную судьбу, но и судьбу своихъ собратій, такъ какъ и все человѣчество находится во власти не только высшей божественной, но и своей собственной. Не уничтожая свободы человѣческой, христіанство, это божественное явленіе на землѣ, употребляетъ однако всѣ мѣры къ тому, чтобы жизнь и человѣка и человѣчества шла возможно лучшимъ путемъ.

I. ДѢТСКІЙ ВОЗРАСТЪ.

Человѣкъ не раждается теперь изъ ничего: онъ душу и тѣло получаетъ отъ родителей своихъ. Христіанство заботится о человѣкѣ еще прежде существованія его на свѣтѣ

и родители христіане, для блага собственнаго дитяти, даруютъ ему жизнь, какъ указываетъ христіанство. Не все равно родиться въ семействѣ и родиться внѣ семейства. Опытъ говоритъ, что недостатки и достоинства родителей, физическія и нравственныя, отражаются на дѣтяхъ ихъ. Если же жизнь внѣ семейства есть жизнь получаемая отъ распутства, то какъ важно для нравственнаго блага дитяти получить жизнь въ семействѣ, гдѣ она получается дитятей безъ нарушенія совѣсти родителей! Христіанскій бракъ есть благотворное установленіе не только для родителей, но и для дѣтей ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое счастіе отъ самаго рожденія получить природу добрую, душу пріятную и Богу и людямъ! Какъ легокъ въ этомъ случаѣ путь къ Богу и добру! Напротивъ, какое несчастіе отъ самаго рожденія получить природу извращенную! Какъ трудно будетъ обуздывать ее!—Но дитя родилось: въ мірѣ явилось духовно-тѣлесное существо съ большими или меньшими задатками достоинствъ и недостатковъ. Христіанство, въ лицѣ Церкви, даруетъ ему чрезъ крещеніе отпущеніе грѣховъ, принятыхъ имъ по наслѣдству чрезъ родителей отъ самыхъ первыхъ временъ человѣчества.... [1], и вноситъ въ душу его чрезъ мѵропомазаніе начала святой благодатной жизни. Отселѣ рожденное становится сыномъ Божіимъ и членомъ царства Божія и земнаго и небеснаго. Зерно жизни христіанской, положенное въ почву жизни человѣческой, должно постоянно развиваться въ рожденномъ, согласно съ законами природы человѣческой и при постоянномъ и живомъ содѣйствіи благодати Христовой. Но рожденный человѣкъ-христіанинъ гдѣ найдетъ себѣ пріютъ на землѣ для успѣшнаго развитія въ себѣ того, что въ немъ положено? Онъ такъ слабъ, особенно физически!

Дитя находитъ себѣ пріютъ у родныхъ, можетъ быть у воспріемниковъ, часто у общества христіанъ. На родителяхъ главнымъ образомъ лежитъ долгъ воспитанія дитяти; но имъ содѣйствуютъ въ этомъ и другіе, стоящіе въ родствѣ съ ди-

[1] Быт. гл. 3.

тятей. Вѣдь новый родственникъ ихъ весьма близокъ къ нимъ: въ немъ течетъ таже кровь, что и въ нихъ. Но онъ весьма близокъ къ нимъ и по душѣ. Личность того или другаго человѣка не отвлеченное, безвидное бытіе, но личность живая, съ тѣми или другими свойствами. Эта особенность личностей отражается на членахъ семейства, рода, поколѣній. Есть особенное родство душъ между родными по тѣлу. Итакъ, и природа физическая и природа нравственная побуждаютъ человѣка заботиться о родныхъ ему. «Кто не заботится о своихъ, говоритъ Апостолъ, тотъ хуже невѣрнаго» [1]: онъ попралъ законы природы, которые уважаются всѣми людьми, кто бы они ни были. Не высказывать сочувствія къ роднымъ и говорить о любви ко всѣмъ — пустыя слова! Если ты не уважаешь самыхъ живыхъ человѣческихъ чувствъ, то какъ ты можешь имѣть самыя высокія чувства христіанскія? Іисусъ Христосъ былъ Сынъ Отца небеснаго, но чувства любви къ земной Матери своей не угасали въ Немъ и въ мукахъ крестныхъ!... [2] Въ первыя времена христіанства, мѣсто родителей часто заступали воспріемники рожденнаго, при крещеніи его. Христіанство и язычество жили другъ подлѣ друга. Членъ семейства языческаго, желавшій принять христіанство, волею-неволею отрывался отъ роднаго ему крова. Тотъ или другой членъ общества христіанскаго бралъ его на свои попеченія, научалъ его истинамъ вѣры христіанской и приводилъ его ко крещенію; потомъ крещенный или крещенная всетаки болѣе или менѣе оставались на попеченіи своего духовнаго отца и матери. Въ настоящее время воспріемники выполняютъ болѣе форму дѣла, чѣмъ существо его, потому что дитя раждается въ семействѣ христіанскомъ и воспитывается и наставляется истинамъ вѣры самими родителями. Но отчего бы родителямъ при выборѣ воспріемниковъ и воспріемникамъ при принятіи обязанности своей — не имѣть въ виду *на всякій случай* и древнее значеніе воспріемника? Вѣдь судьба и родителей и дѣтей ихъ неизвѣстна.... Особенно для родителей

[1] 1 Тим. 5, 8. [2] Іоанн. 19, 26, 27.

престарѣлыхъ и бѣдныхъ—важное дѣло избираемые воспріемники. Такіе родители должны подумать о томъ, гдѣ бы найти въ воспріемники своему дитяти такихъ людей, которые бы по своему благочестію позаботились объ ихъ дитяти, когда оно останется сиротою, или обѣднѣетъ. Съ своей стороны и воспріемники этого дитяти должны твердо помнить обязанность—быть ангелами хранителями для своего духовнаго сына или дочери. Наконецъ, дѣти есть предметъ заботливости для всего общества христіанъ. Вѣдь рожденный и крещенный—родной братъ ихъ и по человѣчеству и по христіанству. «Вы всѣ одно тѣло», говоритъ Апостолъ о христіанахъ [1]. Въ каждомъ обществѣ христіанъ есть люди бездѣтные, которые могутъ принять чужое дитя, какъ свое собственное; есть богатые, за столомъ которыхъ, подлѣ ихъ собственнаго дитяти, имѣется мѣсто и для чужаго дитяти; есть люди добрые и милосердые, которые вмѣняютъ себѣ за честь призрѣвать сиротъ; есть люди грамотные, которые своимъ знаніемъ могутъ нравственно поддерживать безпріютныхъ; есть наконецъ пастыри Церкви, обязанность которыхъ осуществлять въ своихъ пасомыхъ идеалъ матерней любви Церкви къ дѣтямъ ея [2]. Но единичной благотворительности членовъ общества христіанскаго бываетъ недостаточно для того, чтобы призрѣть, какъ должно, всѣхъ дѣтей сиротъ и бѣдныхъ: ихъ такъ не мало въ обществахъ, а трудъ воспитанія — такой не легкій, что не всякій его можетъ принять на себя! Въ христіанскихъ обществахъ учреждаются общіе дѣтскіе пріюты, куда каждый изъ членовъ общества несетъ свою лепту въ пользу самыхъ меньшихъ собратій своихъ, и гдѣ эти достойные всякаго сожалѣнія братія находятъ все нужное для своего развитія и тѣлеснаго и духовнаго. О, если бы мы не встрѣчали одной изъ язвъ общества нашего—дѣтей пріучаемыхъ къ нищенствованію и развращаемыхъ безжалостно, и врагами и благодѣтелями своими!...

---

[1] 1Коринѳ. 10, 17. 12, 12; 13, 27; Гал. 3, 23. [2] Иса. 49, 15.

Подъ кровомъ родителей или благодѣтелей дитя возрастаетъ и получаетъ такое или иное воспитаніе. Къ сожалѣнію, нелегкая наука воспитанія менѣе всего извѣстна у насъ всѣмъ и каждому: и въ обществѣ и въ учебныхъ заведеніяхъ вопросы воспитанія отодвигаются назадъ, какъ будто и общество и заведеніе готовятъ людей не для семейной жизни! Но важнѣе всякихъ пріемовъ воспитанія тотъ взглядъ на дитя, который должны имѣть христіанскіе воспитатели—и родители и заступающіе ихъ мѣсто: это—взглядъ на дитя не какъ на что нибудь другое, а какъ на зародышъ человѣка-христіанина. Этотъ взглядъ предохранитъ насъ и отъ суровости воспитанія и отъ небрежности о немъ; онъ дастъ намъ именно ту умѣренность въ заботахъ о воспитаніи, которой чаще всего недостаетъ при воспитаніи. Въ самомъ дѣлѣ, безъ этого взгляда мы можемъ желать добра для дитяти всею душею, но мы не будемъ имѣть пощады къ дитяти за всякое отступленіе его отъ принятыхъ нами правилъ воспитанія—мы будемъ тиранить его на каждомъ шагу; безъ этого взгляда мы можемъ любить дитя всѣмъ сердцемъ, но мы будемъ позволять ему самыя непростительныя шалости—въ той мысли, что дитя неболѣе, какъ живая кукла. Или съ другой стороны, безъ этого взгляда на дитя какъ на человѣка - христіанина, мы будемъ или пренебрегать всякимъ воспитаніемъ дитяти—какъ существа, будто бы незаслуживающаго серіозныхъ заботъ о немъ, или обращать вниманіе на одно внѣшнее воспитаніе, касающееся правилъ приличія, тогда какъ важнѣйшее дѣло—развитіе души дитяти будетъ забыто нами. Этотъ высокій взглядъ на дитя не изгоняетъ мѣръ воспитанія, сообразныхъ съ возрастомъ дитяти—и ласкающихъ и принуждающихъ, но онъ даетъ родителямъ или воспитателямъ благоразуміе—употреблять эти мѣры такъ, чтобы ни дитя не унижалось предъ воспитателями, ни воспитатели предъ дитятей. Этотъ взглядъ сообщитъ воспитанію тотъ тонъ воспитанія, въ духѣ котораго дитя искренно уважаетъ своего воспитателя, а воспитатель относится къ дитяти съ какимъ-то благоговѣніемъ... Го-

сподь говоритъ дѣтямъ: «почитай отца и матерь, какъ дающихъ тебѣ жизнь (и физическую и нравственную [1])»; но Онъ внушаетъ и возвышающимся надъ дѣтьми своимъ развитіемъ (физическимъ и нравственнымъ): «не презирайте дѣтей, ибо они—члены царства Божія». [2] Послѣ этого, какъ унижаютъ дѣтей тѣ изъ родителей, которые хотя заботятся о дѣтяхъ со всѣмъ усердіемъ, но при воспитаніи ихъ имѣютъ въ виду не болѣе того, чтобы пріучить ихъ, какъ рабочій скотъ, къ своимъ обиходнымъ занятіямъ въ хозяйствѣ, или чтобы въ блестящемъ воспитаніи находить удовлетвореніе своему собственному самолюбію!—Видя въ дитяти не что другое, какъ зародышъ человѣка - христіанина, христіанскіе родители или воспитатели наблюдаютъ слѣдующія правила при воспитаніи: они начинаютъ воспитаніе не съ того времени, когда у дитяти начинается болѣе или менѣе отчетливое сознаніе вещей, а съ самыхъ первыхъ лѣтъ. Воспитаніе есть сначала пріучиваніе, а потомъ вразумленіе. Пусть и не сознаетъ дитя всего того, что внушаютъ ему воспитатели; но оно необходимо дитяти—какъ и каждому изъ насъ. Далѣе, воспитатель обращаетъ особенное вниманіе на тѣхъ дѣтей, въ которыхъ начинаетъ ярко обнаруживаться испорченность природы человѣческой. Здѣсь воспитатель благоразумно употребляетъ всѣ мѣры для исправленія дѣтей. Особенно гордость и чувственность—эти всеобщія язвы человѣчества—не должны имѣть мѣста въ дѣтяхъ. Обнаруженія дѣтской гордости—своенравіе, упрямство и своевольство—уничтожаются во чтобы то ни стало. Кротость и повиновеніе составляютъ самое лучшее украшеніе дѣтскаго возраста. Въ противуположность развивающейся въ дитяти чувственности, воспитатель отказываетъ дитяти во многихъ изъ его пожеланій, особливо настойчивыхъ, и развиваетъ въ немъ стыдливость. Постоянное удовлетвореніе всѣмъ желаніямъ дѣтей есть слабость со стороны воспитателя, а для скрывающихся въ сердцѣ дитяти страстей—это тоже, что удобреніе для худаго дерева. Пренебрегать стыдливостію

[1] Второз. 5, 16; Сирах. 7, 29. 30. [2] Матѳ. 18, 3. 10.

дѣтей значитъ приготовлять мѣсто плотской страсти прежде, чѣмъ она явилась. Воспитатель долженъ и словомъ и дѣломъ избѣгать всякой непристойности въ присутствіи дѣтей. Потеря стыда тѣлеснаго, въ комъ бы то нибыло, ведетъ къ безстыдству душевному. Наконецъ, воспитатель долженъ часто вести рѣчь съ дитятей о Богѣ—Создателѣ и Спасителѣ и о Его всемогуществѣ и любви къ людямъ. Онъ долженъ учить дѣтей домашней молитвѣ. Онъ долженъ чаще приводить ихъ въ церковь. Вообще, религіозность отнюдь не должна быть пренебрегаема при воспитаніи дитяти: напротивъ, чѣмъ болѣе у дитяти сочувствія къ ней, тѣмъ болѣе можно полагаться на доброе развитіе дитяти въ будущемъ.

Но содѣйствуетъ ли само дитя тому, что сообщается ему воспитаніемъ? Сознанія въ дѣтяхъ мало. Слѣдовательно, и нѣтъ нужды искать *сознательнаго* содѣйствія дѣтей родителямъ или воспитателямъ. Дѣти содѣйствуютъ своимъ воспитателямъ инстинктивно—естественными и невольными движеніями дѣтской души и жизни. Но эти природныя расположенія дѣтей такъ важны, что продолжаютъ свое развитіе во всей дальнѣйшей жизни человѣческой. Такъ, въ дитяти обнаруживается любознательность. Оно не знаетъ ничего, но желаетъ знать все. На слова другихъ оно отвѣчаетъ полнымъ довѣріемъ. Здѣсь начала знанія и вѣры, которыя должны руководить жизнію человѣка!—Дитя высказываетъ общительность, сочувствіе, приверженность и къ своимъ и къ чужимъ. Всякая обида легко забывается дѣтьми. За то благодѣянія принимаются съ распростертымъ сердцемъ. Здѣсь начало любви—самаго лучшаго двигателя жизни человѣческой!—Дитя вѣчно въ дѣятельности. Жизнь ключемъ бьетъ въ немъ. Если оно не предается рѣзвымъ забавамъ, то что нибудь измышляетъ сидя на одномъ мѣстѣ. Бездѣйствіе убійственно для дитяти. Здѣсь начало того труда—и физическаго и нравственнаго, который необходимъ человѣку-христіанину для развитія того, что дается ему и природою и благодатію! Итакъ, понятны намъ во всей широтѣ слова Іисуса Христа

о дѣтяхъ, сказанныя не дѣтямъ: «если не будете какъ дѣти, то не войдете въ царство небесное» [1].

II. Юношескій возрастъ.

Дитя вышло изъ дѣтскаго возраста и вступаетъ въ возрастъ зрѣлый. Какъ скоро юный человѣкъ-христіанинъ достигаетъ возраста совершеннолѣтнихъ, тотчасъ строгость воспитанія ослабѣваетъ, такъ что при переходѣ изъ жизни зависимой подъ воспитаніемъ въ среду свободной жизни свѣта юноша не чувствуетъ большой разности между тою и другою. Воспитаніе существуетъ для людей неразвитыхъ и физически и нравственно; слѣд., большая или меньшая зрѣлость физическая и нравственная дѣлаетъ ненужнымъ строгій дозоръ воспитанія.

Однако юноша, при вступленіи своемъ въ свѣтъ не имѣетъ права думать, будто бы онъ уже совершенное и безопасное лицо въ мірѣ; нѣтъ, нравственно-религіозное состояніе самаго лучшаго изъ юношей бываетъ не безъ важныхъ недостатковъ и опасностей. Такъ, юноша имѣетъ многія познанія и вѣритъ въ господство правды на землѣ, но онъ многаго и не знаетъ, особенно слабъ онъ въ познаніяхъ о жизни на опытѣ, въ свѣтѣ, въ мірѣ; онъ обнаруживаетъ самые пламенные порывы любви къ добру, но онъ увлекается, часто ошибается, скоро охладѣваетъ; онъ способенъ къ трудамъ и разнообразнымъ и тяжелымъ, но не прочь и отъ лѣни... Всѣ эти недостатки съ лѣтами исчезнутъ: жизнь—лучшая школа человѣка! Но есть въ юношескомъ возрастѣ другія, величайшія опасности для жизни юноши: онѣ могутъ въ основаніи поколебать нравственно-религіозное воспитаніе, полученное имъ. Опасно уже то обстоятельство, что съ этого времени міръ и его занятія будутъ имѣть притязанія на молодаго человѣка; слѣдовательно, въ душѣ юноши вѣра и благочестіе должны будутъ уступить мѣсто другимъ, новымъ понятіямъ и чувствамъ. Но и въ самой природѣ юноши кроются начала великихъ золъ: избытокъ силъ и физическихъ, и нравственныхъ, располагаетъ юношу къ самонадѣянности, надменно-

[1] Матѳ. 18, 3.

сти, даже грубости; плотская похоть даетъ себя чувствовать сильнѣе и сильнѣе и, при соблазнахъ свѣта, приходитъ въ состояніе страсти. На помощь появляющимся самонадѣянности и плотской похоти приходитъ фантазія юноши, смѣлая и пылкая: она раждаетъ самые широкіе замыслы, и рисуетъ самыя обольстительныя картины. Какія опасности предстоятъ юношѣ: два самые сильные порока — и духовный и тѣлесный — угрожаютъ жизни юноши! Онъ долженъ употреблять всѣ мѣры противъ нихъ, если желаетъ сохранить начала нравственно-религіозной жизни.

Что предпринимаетъ юноша противъ раждающейся въ немъ самонадѣянности? Онъ смотритъ вокругъ себя на людей — и видитъ, что тысячи ихъ, какъ и онъ, жили и мечтали и кончили свое существованіе.... ничѣмъ. Жизнь дѣйствуетъ свойственнымъ ей образомъ на всѣхъ. Немногіе избранные выходятъ побѣдителями изъ борьбы съ жизнію: но какихъ усилій и какого терпѣнія стоило имъ это! Есть ли у тебя, юноша, эти задатки для борьбы съ жизнію, или у тебя одно «волненье крови молодой?» Если Богъ и не обидѣлъ тебя дарованіями души и сердца, то не забывай того, что и даровитѣйшіе изъ людей, не сознавали въ себѣ «крѣпкой воли» для того,

«Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять,
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать» — [1]

и падали подъ тяжестію борьбы съ жизнію.... Нѣтъ, «не вѣрь себѣ, мечтатель молодой!» [2] Но есть для юноши и иной — самый превосходный способъ — въ конецъ подавлять въ себѣ духъ самонадѣянности: это вѣра въ Іисуса Христа. Если юноша будетъ имѣть предъ глазами своими образъ Сына Божія, принявшаго на Себя смиренный видъ человѣка и при всѣхъ безконечно-великихъ дарахъ Его, всю жизнь испытывавшаго одни тяжкія уничиженія до позорной смерти на крестѣ: то чѣмъ гордиться обыкновенному слабому смертному и притомъ далеко не безгрѣшному? Не скорѣе ли всего юноша преклo-

[1] Кольцовъ — стр. 121, 122. [2] Лермонтовъ, т. 1, стр. 103.

нитъ свою голову предъ Распятымъ на крестѣ для испрошенія себѣ отъ Него защиты и милости въ жизни? А душа юноши такъ жива и воспріимчива, что чудный образъ Спасителя глубоко напечатлѣвается въ ней!

Что предпринимаетъ юноша противъ угрожающаго ему чувства нецѣломудрія? Первѣе всего онъ старается сохранять и укрѣплять въ себѣ чувство прямо противоположное плотской страсти: чувство цѣломудрія—не одного внѣшняго, но, главнымъ образомъ, внутренняго. Съ этой цѣлію христіанскій юноша первѣе всего старается беречь въ себѣ, какъ драгоцѣнность, ту святость сердца и ту чистоту совѣсти, съ которыми онъ вышелъ изъ дѣтства, и которыя, главнымъ образомъ, раждались отъ его искренняго и глубокаго благоговѣнія предъ Богомъ и Іисусомъ Христомъ. Какъ возмущается душа юноши при встрѣчѣ въ первый разъ съ плотскою похотію! Какъ живо чувствуетъ онъ боль въ своемъ непорочномъ сердцѣ и укоры своей чистой совѣсти! Юноша долженъ хранить эту свѣжесть и святость души своей. Она—самая надежная опора въ борьбѣ съ похотію плоти. Далѣе, юноша-христіанинъ, какъ человѣкъ способный къ размышленію о предметахъ, долженъ уяснять себѣ значеніе этой стыдливости. Онъ долженъ знать, чего стыдится человѣкъ при встрѣчѣ съ похотію плоти: онъ — образъ Божій, братъ Іисуса Христа, храмъ Духа Святаго, слѣдовательно и душею и тѣломъ, онъ есть достояніе Господа, а не страсти. Онъ долженъ уважать и себя и другихъ, а не растлѣвать [1]. Въ царствѣ Божіемъ нѣтъ рабовъ плотской похоти [2]. Честенъ предъ Богомъ и людьми—одинъ бракъ [3]. Если юноша и дѣвица чувствуютъ влеченіе другъ къ другу — не иначе, какъ съ тою честною мыслію, чтобы имъ въ союзѣ взаимной любви, подъ охраною Промысла, возможно-лучше пройти путь жизни и человѣческой и христіанской; то отъ нихъ далеко будутъ тѣ безчестія, которыя раждаются въ людяхъ — или безъ всякихъ убѣжденій — и хорошихъ и дурныхъ, или съ животно-гру-

[1] 1 Кор. 4, 18—20; 3, 16. 17. [2] 1 Кор. 6, 9. [3] Евр. 13, 4.

быми взглядами на жизнь и человѣка. Наконецъ христіанскій юноша долженъ приводить себѣ на память сонмы св. дѣвственниковъ и дѣвственницъ, украшавшихъ во всѣ времена Церковь Христову, особенно непоколебимыхъ дѣвственницъ, пострадавшихъ и претерпѣвшихъ смерть за сохраненіе цѣломудрія, всего болѣе, пресвятую Дѣву Марію. Съ другой стороны, юноша обращаетъ вниманіе и на тѣ убійственныя для духа и тѣла послѣдствія, которыя неразлучны съ развратомъ. Извѣстенъ разсказъ, что одинъ отецъ, желая предохранить своего сына отъ увлеченія развратомъ, повелъ его въ больницу, гдѣ лежали эти несчастные, заживо умирающіе отъ болѣзней разврата — и это такъ подѣйствовало на душу юноши, что онъ отказался отъ законнаго брака на цѣлую жизнь.

Но юноша старается не только сохранить въ душѣ своей чувство цѣломудрія, но и удалить отъ себя тѣ опасности, которыя угрожаютъ цѣлости этого чувства. Здѣсь первѣе всего юношѣ необходимо имѣть убѣжденіе въ томъ, что эти опасности — не воображаемыя, а дѣйствительно существующія для него, и что онъ никогда не можетъ полагаться на свою твердость избѣгнуть ихъ. Тысячи погибаютъ отъ того, что не знали силы соблазновъ и слишкомъ довѣряли себѣ. Далѣе, юноша на самомъ дѣлѣ долженъ избѣгать всѣхъ опасностей для своего цѣломудрія. Эти опасности существуютъ не только внѣ юноши, но и въ немъ самомъ. Къ опасностямъ, приготовляемымъ самимъ юношей для цѣломудрія своего, принадлежитъ — страсть къ вину, сластолюбіе, изнѣженность. Юноша долженъ остерегаться неумѣреннаго употребленія вина, раздражительныхъ яствъ, мягкой постели и проч. Все это, конечно, отлично отъ плотской похоти, но оно самымъ живымъ образомъ располагаетъ къ ней.... Кромѣ того, юноша долженъ избѣгать еще особенной страсти своей — переноситься душою изъ міра дѣйствительнаго въ міръ фантазіи. Бѣда, если юноша привыкъ замѣнять наглядную дѣйствительность представленіемъ фантазіи! Она скоро начнетъ рисовать картины соблазна и воображеніе юноши сроднится съ ними—

и наяву и во снѣ. Пусть юноша бѣжитъ изъ опаснаго міра фантазіи къ обыденнымъ занятіямъ, къ обществу друзей, къ чтенію серьезныхъ сочиненій! Къ опасностямъ, скрывающимся для цѣломудреннаго чувства юноши *внѣ* его, принадлежатъ люди развратные, грубые, невѣрующіе. Отъ частаго столкновенія съ ними, юноша теряетъ свою стыдливость, сердце развращается, вѣрованія колеблются. Юноша долженъ представлять все нравственное безобразіе ихъ — и отворачиваться отъ нихъ не только съ сожалѣніемъ, но и съ презрѣніемъ. Сюда принадлежатъ лица другаго пола или предавшіяся распутству (явно или тайно), или склонныя къ этому. Отъ такихъ лицъ юноша, какъ отъ огня, долженъ бѣжать. Онъ долженъ имѣть твердое убѣжденіе въ томъ, что удовлетвореніе чувственной потребности внѣ брака — преступленіе предъ Богомъ и людьми. Не послѣднее мѣсто между внѣшними опасностями для цѣломудреннаго чувства юноши, занимаютъ и сочиненія, болѣе или менѣе, прямо или косвенно, касающіяся плотской похоти. Если при чтеніи подобныхъ сочиненій, съ какою бы цѣлію они ни были написаны, раждаются въ душѣ юноши нечистыя мысли и желанія, то онъ долженъ тотчасъ бросить чтеніе ихъ. Онъ долженъ положить себѣ за правило, что чтеніе всего, чѣмъ возмущается его совѣсть, есть преступленіе *для него* (хотя бы это и не было преступленіемъ для другихъ читателей и для самого автора). Если соблазнъ читать подобное не малъ, то юноша долженъ разсѣевать его тою мыслію, что честныя лица могутъ услышать его чтеніе, или родители могутъ заставить повторить предъ ними прочитанное. Стыдъ не боится обнаруживаться подъ кровомъ незамѣчаемой другими тайны, но онъ не можетъ выдержать свѣта. Сколько непристойнаго прочитывается безъ всякаго безпокойства и стыда — потому, что нѣтъ свидѣтелей!... Но самое важное правило для побѣды надъ плотскою похотію слѣдующее: подавляй въ самомъ началѣ нечистыя замыслы и движенія души своей. Малость здѣсь не малость. Если юноша не подавитъ въ себѣ этихъ первыхъ

слабыхъ мыслей и волненій страсти, то будетъ ли онъ сопротивляться имъ тогда, когда онѣ овладѣютъ его душею и обратятся въ привычку? Едвали! Пустой предлогъ, внушаемый соблазномъ: будто позволяя себѣ въ маломъ, мы откажемъ себѣ въ большомъ!

Юношескій возрастъ имѣетъ свои слабости: но имѣетъ и свои добродѣтели. Въ немъ не прозябло еще дурное сѣмя; душа юношей не проникласъ еще смрадомъ жизни; все существо ихъ свѣжо, чисто, возвышенно. Живость вѣры, искренность любви, полнота надежды, ясность и веселость души, отсутствіе упорства въ мысляхъ и желаніяхъ, простота и откровенность сердца, скромность въ обращеніи и проч. — все это свойственно юношескому возрасту и составляетъ самую естественную принадлежность всякаго благовоспитаннаго юноши. Юноша способенъ дѣлать доброе, не только по природнымъ расположеніямъ души своей, но и по сознательно-свободному избранію: одно поддерживаетъ другое, и дѣлаютъ юношескій возрастъ самымъ счастливымъ изъ возрастовъ, какъ для жизни вообще, такъ и для жизни нравственно-религіозной. Апостолъ Іоаннъ писалъ къ юношамъ-христіанамъ, что «они крѣпки, и слово Божіе въ нихъ пребываетъ, и побѣдили лукаваго» [1].

III. МУЖЕСКІЙ ВОЗРАСТЪ.

При переходѣ человѣка изъ возраста юношескаго въ возрастъ мужескій, главною мыслію человѣка бываетъ мысль о бракѣ. Немногіе рѣшаются на безбрачную жизнь, не многіе изъ немногихъ избираютъ дѣвство по высшимъ христіанскимъ побужденіямъ: но тяжелъ путь одинокой жизни и юноша не рѣшается на это—не испытавъ себя и не взвѣсивъ жизни!.. «Кто можетъ вмѣстить, пусть вмѣститъ»; [2] но огромная масса человѣчества избираетъ прямо жизнь семейную. Въ самой природѣ человѣческой есть внушенія того, что «не хорошо быть человѣку одному», [3] и юноша, при всей полнотѣ собственнаго развитія, и тѣлеснаго и душевнаго, ищетъ

[1] Іоанн. 2, 14. [2] Матѳ. 19, 12. [3] Быт. 2, 18.

окончательнаго дополненія себѣ—въ другомъ лицѣ. Онъ ищетъ души, съ которою дѣлилъ бы внутренній міръ мыслей, чувствъ, намѣреній; онъ ищетъ души, совмѣстными стремленіями съ которой онъ могъ бы возможно-лучше устроить свою внѣшнюю жизнь; онъ ищетъ души, въ союзѣ съ которою онъ могъ бы увѣковѣчить себя самого въ потомствѣ... Горе, если человѣкъ не чувствуетъ ни расположенія къ дѣвству для высшихъ цѣлей жизни, ни влеченія къ прохожденію жизни въ супружескомъ союзѣ: онъ рабъ если не плотской похоти, то низкаго образа мыслей и чувствъ! Но кого избираетъ христіанскій юноша въ подругу своей жизни? У всякаго свой идеалъ ея; но этотъ идеалъ, какъ и самъ юноша, слагается изъ двухъ сторонъ: изъ внѣшней—физической и внутренней — духовной. Не одна красота рѣшаетъ выборъ юноши: потому что онъ не такой сластолюбецъ, который ищетъ одного удовлетворенія чувственности, — онъ обращаетъ вниманіе и на влеченіе сердца—и ея и своего. Не одно богатство рѣшаетъ его выборъ: потому что хотя и желаетъ онъ имѣть устроеннымъ домашнее хозяйство, но весьма цѣнитъ въ выборѣ и способности и честность и нѣжность, которыя составляютъ капиталъ, незамѣнимый внѣшнимъ. Не однѣ почести рѣшаютъ его выборъ: потому что хотя онѣ немаловажная вещь, но съ ними часто соединяется испорченность и высокомѣріе, которыя препятствуютъ чистому союзу душъ. Если бы христіанскій юноша опредѣлялъ идеалъ избираемой имъ однѣми этими—внѣшними чертами, то онъ не понималъ бы высшихъ потребностей жизни человѣческой и христіанской, и дорого бы поплатился за свое небреженіе или легкомысліе. Однако, само собою разумѣется, этимъ не отрицается *совсѣмъ* вниманіе къ внѣшнимъ принадлежностямъ избираемой, а ограничивается другими — внутренними достоинствами ея. Развѣ напримѣръ тѣлесная красота и цвѣтущее здоровье не могутъ принадлежать христіанкѣ и служить отображеніемъ прекрасной и здоровой души ея? Какъ дорого для супруга, если это оправдывается при ближайшемъ

испытаніи! Патріархъ Іаковъ всѣмъ существомъ своимъ принадлежитъ Рахили [1]. Естественно, что *между прочимъ* и на это отнюдь не мѣшаетъ обращать вниманіе.

Наконецъ найдено дорогое сердцу юноши существо другаго пола и оба они предъ алтаремъ испросили благословеніе Божіе на жизнь вмѣстѣ. Отселѣ каждое изъ лицъ отдаетъ богатство и разнообразіе своей внутренней и внѣшней жизни для жизни другаго лица и изъ этихъ частныхъ жизней составляется одна возможно полная жизнь: «оба лица, говоритъ слово Божіе, бываютъ какъ одно тѣло, такъ что ни жена не владѣетъ своимъ тѣломъ, а мужъ, ни мужъ не владѣетъ своимъ тѣломъ, а жена». [2] Какія же особенности вноситъ каждое изъ нихъ въ эту общую жизнь ихъ? Эти особенности частію духовныя, частію физическія. Такъ, мужъ привноситъ крѣпость и силу дарованій своихъ (не только духовныхъ, но и физическихъ) и становится главою семейства: жена привноситъ дары нѣжности и любви и становится сердцемъ жизни семейной. Но это отличіе дарованій мужа отъ дарованій жены не раждаетъ рабства жены предъ мужемъ-господиномъ: правда, жена преклоняется предъ мужемъ, какъ предъ законнымъ главою семейства [3], но мужъ всѣми силами бережетъ свою жену—этотъ слабый, но безцѣнный для жизни семейной сосудъ даровъ сердечныхъ [4]. Изъ разнородныхъ дарованій мужа и жены слагается не жизнь мужа въ ущербъ жены, но одна цѣлостная жизнь обоихъ: какъ мужъ, такъ и жена — сколько поддерживаютъ, столько и ограничиваютъ бытіе и дѣйствія другъ друга, потому что въ этомъ ихъ собственное общее благо. Здѣсь оба существуютъ другъ для друга и другъ другомъ: «ни мужъ безъ жены, ни жена безъ мужа,—говоритъ апостолъ,—какъ жена отъ мужа, такъ и мужъ отъ жены» [5]. Отношенія мужа и жены—это воспринятіе одной силы другою силою, какъ необходимое дополненіе одной другою. Апостолъ Павелъ прекрасно объясняетъ отношеніе между

---

[1] Быт. 29, 17—30. [2] Быт. 2, 24; 1 Кор. 7, 4; Ефес. 5, 31. [3] 1 Кор. 11, 3; Ефес. 5, 23. 24. [4] Петр. 3, 7; Ефес. 5, 25; [5] 1 Кор. 11, 11. 12.

мужемъ и женою—отношеніемъ между Іисусомъ Христомъ и Церковію; «жены, своимъ мужамъ повинуйтесь какъ Господу Іисусу Христу, потому что мужъ есть глава жены, какъ и Христосъ глава Церкви; но, мужья, любите женъ своихъ какъ и Христосъ возлюбилъ Церковь и самого Себя предалъ за нее, чтобъ она была святою и непорочною. Мужья должны любить своихъ женъ такъ, какъ свои тѣла. Любящій свою жену любитъ самого себя». [1] «Жены, повинуйтесь своимъ мужьямъ, говоритъ въ томъ же духѣ Апостолъ Петръ; но вы, мужья, обращайтесь благоразумно съ женами, какъ съ сосудомъ слабѣйшимъ, и оказывайте имъ честь, какъ сонаслѣдницамъ животворной благодати». [1] Впрочемъ, если отношенія Іисуса Христа и Церкви—образецъ отношеній мужа и жены, то перво-основы существованія Церкви подъ руководствомъ и охраною Главы ея, Господа Іисуса, не могутъ идти въ сравненіе съ перво-основами существованія мужа и жены: Іисусъ Христосъ есть лице божественное, а Церковь состоитъ изъ людей; тогда какъ мужъ и жена—равноправныя личности человѣческія. Іисусъ Христосъ и Церковь—образецъ для мужа и жены во взаимныхъ *отношеніяхъ* ихъ, именно—преданности и любви ихъ другъ къ другу, а не въ самыхъ основахъ ихъ бытія. Слѣдовательно проводить сравненіе между Іисусомъ Христомъ и Церковію съ одной стороны и мужемъ и женою съ другой—во *всѣхъ* чертахъ ихъ существованія, было бы противно самому христіанству, которое и жену признаетъ *личнымъ* существомъ и дѣлаетъ членами царства Божія и мужскій полъ и женскій, и въ бракѣ и внѣ брака. [2] Все духовное различіе мужа и жены состоитъ въ *преимущественномъ* развитіи однихъ дарованій у мужа и другихъ у жены. Есть особенности у мужа и жены въ образѣ воззрѣній ихъ на разные предметы жизни, и эти особенности вносятся супругами въ общую жизнь ихъ, какъ дополненіе блага ея. Такъ мужъ взвѣшиваетъ обстоятельства жизни своимъ умомъ—въ отвлеченіи, жена касается ихъ своимъ

[1] Ефес. 5, 22-28. [2] 1 Петр. 3, 1. 7; [3] Галат. 3, 27, 28; 1 Кор. 7.

сердцемъ:—и мужъ прислушивается къ тонкому чутью жены своей. Мужъ обнимаетъ все въ большихъ размѣрахъ, жена обращаетъ вниманіе на многія прекрасныя частности: — и мужъ съ любовію останавливаетъ взоръ свой на кропотливыхъ наблюденіяхъ жены своей. Мужъ въ своихъ взглядахъ холодекъ, строгъ, суровъ, жена смотритъ на все заботливо, кротко, снисходительно:—и мужъ является умѣреннымъ въ своихъ требованіяхъ. И проч.—Есть особенности у мужа и жены въ домашней и хозяйственной дѣятельности ихъ на пользу общую: мужъ пріобрѣтаетъ необходимое для семейства, жена сберегаетъ пріобрѣтенное; мужъ оставляетъ семейство для необходимыхъ работъ внѣ его, жена постоянно остается дома и прилагаетъ руки и сердце къ самымъ необходимымъ работамъ домашней жизни; на мужѣ лежатъ самые тяжелые, но часто прерываемые имъ труды жизни, на женѣ—болѣе легкіе, но никогда непрекращающіеся. [1] Наконецъ есть особенности въ самой физической природѣ супруговъ, и отъ взаимной законной любви ихъ другъ къ другу происходитъ величайшее явленіе жизни семейной и человѣческой—умноженіе членовъ семейства и человѣчества!..

Выгоды жизни семейной въ возрастѣ мужескомъ несомнѣнны: но есть и свои нравственные недостатки въ этой жизни и въ этомъ возрастѣ. Первѣе всего эти недостатки кроются въ самой семейной жизни. Супруги волей-неволей теряютъ эту нѣжную и живую стыдливость юноши и дитяти,—предаются чувственнымъ удовольствіямъ, можетъ быть неумѣреннымъ, охладѣваютъ въ любви и къ своимъ и къ чужимъ. Желая возможно-лучше устроить свой домашній бытъ, особенно при немалочисленномъ семействѣ, супруги предаются страсти къ пріобрѣтенію имущества и, такъ сказать, земленѣютъ душею своею. Чистыя нравственно-религіозныя стремленія отодвигаются на второй планъ; на первомъ мѣстѣ становятся требованія житейскія. При неудачахъ и несча-

[1] Прекрасно описаны семейныя занятія доброй и трудолюбивой жены въ «Притч. Солом.» гл. 31, ст. 10—32.

стіяхъ жизни—вражда къ людямъ, ропотъ на Бога, недовольство собою. Далѣе, и мужъ и жена въ возрастѣ юношескомъ, до вступленія въ бракъ, подавляли и скрывали свои личные недостатки и пороки—частію подъ вліяніемъ естественныхъ добродѣтелей и самаго воспитанія, частію изъ опасенія пріобрѣсти дурное мнѣніе о себѣ у лицъ другаго пола, которыя могутъ протянуть имъ руку для жизни брачной. Но юноша и дѣвица достигли зрѣлыхъ лѣтъ и почувствовали себя самостоятельно свободнѣе въ семейной жизни: естественно, что прежнія—слабыя и притомъ скрывавшіяся наклонности теперь обозначаются яснѣе и яснѣе и у мужа и у жены, недостатки мужа сталкиваются съ недостатками жены, различіе характеровъ усиливаетъ разъединеніе между супругами — и являются на сцену и грустныя и страшныя картины семейнаго разногласія. О, въ этомъ аду семейномъ сколько гибло и гибнетъ людей!—Наконецъ и самыя основанія нравственно-религіозной жизни теряютъ свою цѣну въ возрастѣ мужескомъ—не отъ чего другаго, а отъ хладнокровія и равнодушія свойственныхъ этому возрасту. Уже при переходѣ изъ возраста юношескаго въ возрастъ мужескій, человѣкъ чувствуетъ колебаніе и сомнѣніе относительно многаго въ вѣрѣ: кто знаетъ, гдѣ будутъ границы этого недовѣрія у мужа?.. Чистые и возвышенные порывы любви къ Богу и ближнему ослабѣваютъ въ столкновеніи съ недружелюбною имъ дѣйствительностію. Свѣтлыя надежды изчезаютъ, недождавшись осуществленія. Одинъ трудъ не отстаетъ отъ человѣка: но—это трудъ для пріобрѣтенія земнаго и низводитъ личность человѣка на степень чернорабочей силы природы.

Какія средства употребляетъ человѣкъ-христіанинъ для противодѣйствія опасностямъ, угрожающимъ нравственно-религіозной жизни его въ мужескомъ возрастѣ? Эти средства кроются въ немъ же самомъ: мужъ—не юноша или дитя: онъ имѣетъ и зрѣлый умъ разсудить о всемъ, какъ слѣдуетъ, и крѣпкую волю удержаться отъ многаго. Онъ — разумно-свободный господинъ самого себя. Далѣе, онъ находится въ по-

стоянномъ столкновеніи съ другими: онъ опытно научается многому у своихъ собратій, проходящихъ одинъ путь жизни, но въ разнообразныхъ положеніяхъ и при различныхъ способностяхъ. Независимо отъ этого, жизнь сама вразумляетъ человѣка лучше всякихъ соображеній собственныхъ и наблюденій и наставленій стороннихъ: о, жизнь учитъ противъ воли и дѣлаетъ въ насъ и съ нами то, о чемъ и не думалось! Но самымъ высокимъ руководителемъ жизни человѣка есть Церковь Христова—со всѣми ея святыми учрежденіями. Она одна неизмѣнна въ своей помощи, какова бы ни была жизнь человѣка.

Такъ или иначе, но въ мужескомъ возрастѣ пріобрѣтаются несомнѣнно важныя свойства нравственно-религіознаго развитія. Если въ этомъ возрастѣ выработалось то или иное убѣжденіе, то человѣкъ крѣпко держится его и не отступится. Если человѣкъ поставилъ себѣ что нибудь за правило жизни, то онъ слѣдуетъ ему неуклонно и не измѣняетъ себѣ. Если онъ чему нибудь сочувствуетъ, то навѣрное испыталъ его самымъ осязательнымъ образомъ. Вообще характеръ мужескаго возраста—положительность жизни: онъ не уносится въ міръ всевозможныхъ мечтаній, но вѣруетъ въ одну дѣйствительность.

IV. СТАРЧЕСКІЙ ВОЗРАСТЪ.

«Наступятъ тяжелые годы и дни, въ которые скажешь: нѣтъ мнѣ удовольствія въ нихъ»,[1] говоритъ о старческихъ лѣтахъ одинъ древній наблюдатель жизни, и затѣмъ въ наглядныхъ образахъ описываетъ тѣлесныя немощи жизни старческой. Но есть и нравственные, духовные недостатки этой жизни. Въ старческихъ лѣтахъ сила и огонь естественной жизни болѣе или менѣе оставляютъ человѣка. Оттого добрыя свойства, которыя до этой поры оживлялись и поддерживались самою природою человѣка, въ старости болѣе и менѣе отступаютъ отъ человѣка. Такъ изчезаетъ напр. прежняя

---

[1] Екклис. 12, 1.

бодрость души, прежнее усердіе къ исполненію обязанностей, прежняя ревность о благѣ ближнихъ и проч.,—ихъ мѣсто заступаютъ равнодушіе и бездѣйствіе. Но мало этого: нѣкоторыя дурныя наклонности, которыя до этого времени крѣпкою силою природы удерживались въ границахъ, теперь со смертію этой силы дѣйствуютъ необузданно. Таковы напр. пьянство, суетливость, сладострастіе, прихотливость въ пищѣ и питіи и другіе пороки, въ которые большею частію впадаетъ человѣкъ въ старости [2]. Съ ослабленіемъ физическихъ и нравственныхъ силъ старика, въ немъ выступаютъ, далѣе, всѣ тѣ дурныя нравственныя состоянія, которыя составляютъ естественное слѣдствіе слабости и которыя доселѣ не были замѣтны. Таковы: зависть ко всѣмъ мужественнымъ стремленіямъ, страхъ настоящаго и будущаго, подозрительность и проч. Въ старческомъ возрастѣ выступаютъ не только недостатки слабости, но въ немъ много и другихъ недостатковъ, зависящихъ отъ самаго состоянія природы старческой, напр. человѣкъ въ старости крѣпко сродняется съ своими взглядами, привычками и проч., поэтому онъ упоренъ; подвергается болѣзнямъ, поэтому сердитъ; бываетъ неспособенъ наслаждаться благами жизни, поэтому склоненъ омрачать радость другихъ. Еще: старикъ долго жилъ на землѣ; оттого онъ часто такъ привязывается къ жизни, такъ сродняется со всѣмъ земнымъ, что наконецъ какбы сростается съ этимъ міромъ; отсюда для стариковъ бываетъ несносна мысль о смерти, разлучающей ихъ съ этимъ міромъ,—они какбы оземленяются. Если старикъ не въ состояніи пріобрѣтать изъ благъ земли, то онъ по крайней мѣрѣ крѣпко держится пріобрѣтеннаго. Онъ думаетъ притомъ, что вѣчно будетъ продолжаться тотъ порядокъ вещей, какой былъ при немъ. Словомъ, онъ не хочетъ двигаться, куда бы то ни было, изъ того положенія, въ которомъ застала его старость. Такимъ образомъ старику въ безчисленныхъ случаяхъ грозятъ опас-

---

[2] 3 Царств. 11, 4; Дан. гл. 13.

ности ко грѣху, которыя прежде для него не существовали, и человѣкъ нерѣдко въ глубокой старости впадаетъ въ такіе пороки, которымъ доселѣ онъ былъ недоступенъ, и часто жизнь человѣка оканчивается при явномъ торжествѣ зла надъ добромъ въ немъ.

Однако старикъ долженъ быть не такимъ въ своей нравственно-религіозной жизни... Объ этомъ ясно даетъ знать сама природа, поставившая его въ концѣ этой земной жизни и предъ началомъ другой, загробной,—именно: онъ долженъ въ это время обладать не чѣмъ инымъ, а этою духовною зрѣлостію, которая бы дѣлала его готовымъ для вступленія въ иную нравственно-совершеннѣйшую жизнь. «Ты войдешь во гробъ какъ зрѣлая пшеница, сжатая во время», говорится о праведникѣ въ словѣ Божіемъ [1]. Къ этой зрѣлости духа располагаетъ старца многое и въ физической, и въ нравственной жизни его. Такъ, живыя и крѣпкія силы природы мало по малу слабѣютъ въ старости. До этихъ поръ онъ трудился на землѣ, не зная устали: рано и поздно онъ долженъ былъ дѣлать. Но теперь для него тяжелыми становятся труды, онъ сдаетъ ихъ на руки другихъ, а себѣ оставляетъ ту прибыль, какая лежитъ въ его душѣ и какую онъ пріобрѣлъ въ своей жизни, т. е. вѣру, любовь, преданность, благоразуміе, осмотрительность и проч. Далѣе, въ старости живость тѣлесныхъ чувствъ притупляется, все тѣло становится болѣе или менѣе мертвымъ для впечатлѣній природы внѣшней; волей неволей прерывается связь съ міромъ. Изъ близкихъ старцу людей дѣти составили особыя семейства, друзья юности умолкли или въ могилѣ, самая супруга его смотритъ во гробъ. Но если міръ чувственный изчезаетъ для старика, то и онъ самъ долженъ отрѣшаться отъ міра не однимъ тѣломъ, но и душею своею. Наконецъ самыя обстоятельства жизни часто располагаютъ старца отрѣшаться отъ міра сего. Не старикъ ли, болѣе чѣмъ кто нибудь, теряетъ имущество, на которое упо-

---

[1] Іов. 5, 26.

треблялъ онъ всѣ свои силы и на которое располагалъ въ старости? Не у него ли умираютъ дѣти и супруга? Не онъ ли забытъ и покинутъ тѣмъ поколѣніемъ, которое жило и воспитывалось при немъ и чрезъ него? Не онъ ли въ какомъ-то пренебреженіи у всѣхъ, терпитъ насмѣшки, лишается пропитанія, и проч. О? тяжела старику жизнь въ мірѣ!

Обратимся къ внутреннему душевному настроенію старца. Возрасты юношескій и мужескій есть время разныхъ предположеній, безпокойной дѣятельности, отваги на все. Совсѣмъ другое въ старости. Къ этому времени все бываетъ пройдено и старикъ возвращается къ тому, изъ чего вышелъ. Знаніе, послѣ многихъ странствованій, возвращается къ простотѣ вѣры. Духъ старца, въ теченіи жизни всюду летавшій какъ голубь Ноя, но какъ голубь Ноя нигдѣ ненашедшій себѣ мѣста покоя, усталый опять возвращается въ ковчегу [1], т. е. къ вѣрѣ, и подъ пантіемъ вѣры предается самоотверженію, покорному смиренію, безмолвной преданности въ волю Божію и проч. Выводъ долговременной жизни говоритъ ему: все суета! Точно также и сердце, которое прежде раздѣлялось и запутывалось въ тысячахъ интересовъ, въ старости возвращается къ чистой, свободной отъ всякихъ увлеченій, любви. Когда евангелисту Іоанну было 90 лѣтъ, онъ зналъ одно: «дѣти, любите другъ друга». Наконецъ и земныя надежды, такъ часто измѣнявшія старцу въ теченіе всей жизни его, теперь въ концѣ ея совершенно оставляютъ его: онъ переноситъ свои надежды въ міръ другой, загробный! Такимъ образомъ старецъ хотя и тѣломъ и душею находится въ этомъ мірѣ, но уже принадлежитъ болѣе другому міру, чѣмъ этому. Волей неволей мысль о вѣчности становится господствующею въ немъ. Правда, онъ часто осматривается на пройденную жизнь, и съ благодарностію и любовію останавливается на тѣхъ дарахъ и милостяхъ, какія получалъ отъ Бога во время долгой жизни своей, съ скорбію и раскаяніемъ—на тѣхъ

---

[1] Быт. 8, 8—11.

грѣхахъ и ошибкахъ, какія сдѣлалъ въ разныхъ обстоятельствахъ жизни: но и это все скорѣе побуждаетъ его обратить свой взоръ къ Богу милостивому и всемогущему. При взглядѣ на гробъ, не можетъ несмущать его страхъ; но надежда одерживаетъ верхъ, и онъ, какъ Апостолъ, исполняется искреннимъ желаніемъ отрѣшиться отъ этого міра для жизни въ другомъ мірѣ [1]. Посему старецъ-христіанинъ есть постоянный и пламенный молитвенникъ предъ Богомъ. Старица Анна постоянно пребывала въ храмѣ, гдѣ день и ночь служила Богу [2]. Впрочемъ, если старецъ-христіанинъ и отрѣшается отъ міра сего, то не отрѣшается отъ христіанской любви къ братіямъ, остающимся въ мірѣ. Напротивъ, онъ радъ дѣлиться съ ними тѣми нравственными сокровищами, какія пріобрѣлъ долговременною жизнію въ мірѣ, именно благоразуміемъ, осторожностію, опытностію и проч., и безкорыстностная расположенность его ко всѣмъ дѣлаетъ его избраннымъ совѣтникомъ и руководителемъ окружающихъ его. У него нѣтъ многаго изъ того, что имѣютъ другіе, но у него есть свѣтлый взглядъ на міръ, и съ этимъ взглядомъ онъ—Симеонъ въ мірѣ [3]. Но кто не только самъ сдѣлаетъ, но и научитъ другихъ дѣлать доброе, тотъ великъ будетъ въ томъ царствѣ небесномъ [4], вступить въ которое готовится старикъ.

Какъ можетъ старецъ съ одной стороны избѣгнуть немалочисленныхъ нравственныхъ опасностей, угрожающихъ его возрасту, съ другой стороны—достигнуть высокой цѣли, поставленной ему? Весьма многіе изъ достигшихъ глубокой старости не знаютъ ни тѣхъ нравственныхъ опасностей, которыя угрожаютъ старческому возрасту, ни того совершенства, къ какому призываетъ ихъ этотъ возрастъ. Большею частію они заботятся о томъ лишь, какъ бы поболѣе и получше пожить на остатокъ дней. Отсюда долгъ каждаго старика первѣе всего имѣть ясный и вѣрный взглядъ нетолько на то, что̀ можетъ быть съ ними—стариками, но и то, что̀

---

[1] Филип. 1, 23. [2] Лук. 2, 37. [3] Лук. 2, 25—35. [4] Матѳ. 5, 19.

должно быть у нихъ въ старости. Если кто, то они не должны забывать, что «насколько истлѣваетъ ихъ внѣшній человѣкъ, на столько долженъ обновляться внутренній» [1]. Далѣе, стараясь избѣгать грозящихъ опасностей и достигать должнаго совершенства, многіе изъ стариковъ, въ порывѣ благочестиваго желанія, думаютъ, будто въ это послѣднее время жизни они могутъ сдѣлать то, что было и можно и нужно сдѣлать въ возрасты предшествующіе—юношескій и мужескій. Но старикъ не въ состояніи созидать сначала, онъ можетъ только доканчивать зданіе по тому плану, по какому началъ прежде строить. Посему пусть онъ спѣшитъ развивать въ себѣ то, что положено добраго въ предшествующихъ возрастахъ жизни, не затѣвая ничего особеннаго, чтобъ въ противномъ случаѣ не остаться и безъ того и безъ другаго. Въ царствѣ Божіемъ не будетъ забытъ каждый за свое такое или иное дѣланіе. Въ сторону самолюбіе, и на первомъ мѣстѣ смиреніе! Но если у кого, то у старика должна быть самая полная надежда на помощь и милость Божію. Слабый и тѣломъ и духомъ, онъ долженъ всецѣло предавать себя Богу. Онъ долженъ просить, любить, надѣяться. Онъ долженъ быть дитятей вѣры. Сама Церковь, какъ къ безпомощному дитяти, поспѣшитъ къ нему въ послѣднія минуты жизни и въ таинствахъ покаянія и причащенія доставитъ ему примиреніе съ Богомъ и пищу безсмертія, а въ таинствѣ елеосвященія даруетъ ему послѣднее очищеніе и утѣшеніе и вмѣстѣ силы и бодрость къ перенесенію страданій и предстоящей борьбы со смертію [2].

Стоя на границахъ двухъ міровъ, земнаго и небеснаго, умирающій старецъ устремляетъ и умъ и сердце въ міръ небесный, и готовая вступить въ этотъ міръ душа его и радуется и трепещетъ... А міръ земный—оставляемый?.. И онъ въ нѣсколько мгновеній развернется весь

---

[1] 2 Кор. 4, 16.

[2] Елеосвященіе совершается надъ каждымъ трудно-больнымъ: но такъ какъ къ трудно-больнымъ болѣе всего принадлежатъ близкіе къ смерти старики, то оно имѣетъ свое особенное значеніе для стариковъ.

предъ сознаніемъ умирающаго, [1] какъ свитокъ Іезекіиля [2].... и можетъ быть, не одинъ поэтъ скажетъ о своей земной жизни, какъ о лѣтописи всякаго горя:

« Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая—
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла. »

« Чтоже? усни моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится;
Только однимъ человѣкомъ убавится...
Убыль его никому не больна,
Память о немъ никому не нужна!»...

Но къ чему эти раздирающія душу сожалѣнія о жизни невозвратно-прошедшей?—

Тише!.. о жизни покончен вопросъ.
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ! [3] —

І. Аѳанасій.

[1] Это фактъ изъ наблюденій надъ умирающими [2]. Іезек. 2 9. 10.
[3] Изъ стихотвореній И. С. Никитина, нетакъ давно скончавшагося.

ОБЪ ИСКУССТВАХЪ ДРЕВНИХЪ ХРИСТІАНЪ.

Отношеніе христіанства къ искусству: **зодчество**: первоначальныя молитвенныя храмины; катакомбы; церкви; базилики; описаніе храмовъ: Воскресенія въ Іерусалимѣ и св. Климента въ Римѣ; восточная византійская архитектура; положеніе церковныхъ зданій и внутреннія украшенія; **образовательныя искусства**: скульптура и живопись первыхъ вѣковъ; изящество въ отдѣлкѣ церковной утвари; саркофаги; замѣчательное свидѣтельство св. Григорія Нисскаго; скульптура и живопись, послѣ времени Константина великаго; мозаика; миніатюрная живопись; **древняя христіанская символика**: символы для обозначенія истинъ вѣры, взятые изъ миѳологіи, трехъ царствъ природы и человѣческой жизни; дискъ на св. изображеніяхъ; символы четырехъ Евангелистовъ; **поэзія**: пѣснопѣнія первыхъ христіанъ; св. Ефремъ Сиринъ, св. Григорій Богословъ, св. Іоаннъ Златоустъ, Синезій—составители церковныхъ пѣсней на востокѣ; Лактанцій, Ювенкъ, Иларій, св. Амвросій, Пруденцій, Павлинъ Ноланскій на западѣ; **пѣніе**: пѣніе псалмовъ и гимновъ; значеніе церковнаго пѣнія; его простота; пѣвчіе; заботливость епископовъ о приличномъ пѣніи; различный образъ пѣнія; пѣніе антифонное, на востокѣ и западѣ; заботливость о пѣніи и пѣвчихъ въ Римѣ въ VI вѣкѣ; любовь къ пѣнію—духовное пѣніе въ домахъ; **музыка**: непригодность ея для храма.

Понятно, что христіанство своимъ направленіемъ, своими небесными истинами, своими великими событіями должно было оказать благодѣтельное вліяніе на искусства. Возвышенная личность Господа Іисуса, прославившаго въ Себѣ человѣчество божествомъ—ученіе вѣры съ ея символикою, разнообразіе священной исторіи, какъ ветхаго, такъ и новаго Завѣта, составили богатый запасъ художественныхъ идей, далеко превышающихъ поэтическіе образы Гомера, которымъ Фидіасъ такъ много одолженъ удачнымъ представленіемъ своего Юпитера. Евангеліе св. Іоанна прямо можно назвать свангеліемъ живописцевъ, такъ какъ въ немъ находятся прекрасные образы добраго пастыря, виноградника Господня, тайной вечери, умовенія ногъ, страданій и смерти Господа, и проч. И св. Лука много представляетъ такихъ повѣствованій, которыя легко могутъ быть воспроизведены кистію или рѣзцомъ; древнее преданіе говоритъ даже, что и самъ

евангелистъ написалъ образъ пресвятыя Богоматери, чтобы сохранить для всеобщаго благоговѣйнаго чествованія черты пренепорочной Дѣвы.

Голосъ, иногда укоряющій христіанство за то, будто оно уничтожаетъ или стѣсняетъ искусство, слышенъ былъ еще въ глубокой древности и раздавался въ устахъ Цельса, Лукіана, Юліана, Ливанія и подобныхъ. Какъ истинная Христова Церковь не допускала никакого пренебреженія или стѣсненія человѣческаго искусства: то, кажется, что укоризны противниковъ христіанства скорѣе относятся къ еретикамъ первыхъ вѣковъ. Секты назореевъ, евіонитовъ, монтанистовъ, и особенно Тертуліанъ—по отпаденіи своемъ отъ Церкви, [1] именно считали изящныя искусства живописи и скульптуры изобрѣтеніемъ лукаваго, съ цѣлью ослѣплять и увлекать людей. Несмотря на это, у самихъ еретиковъ искусство не всегда было въ совершенномъ пренебреженіи, хотя они и употребляли его для распространенія или утвержденія своихъ заблужденій. Такъ мы знаемъ, что василіане, проживавшіе въ Египтѣ, были извѣстны суевѣрнымъ употребленіемъ камней, обдѣланныхъ особеннымъ образомъ; маркіониты, покланявшіеся змѣю, имѣли у себя мѣдную змѣю въ деревянномъ ящикѣ; [2] офиты пользовались художественными изображеніями для своихъ іероглифовъ — пальмовой вѣтви, меча, змѣи, книги, седмисвѣщнаго свѣтильника, солнца, луны, звѣздъ и проч. Βῆμα манихеевъ — возвышенное на пять ступеней сѣдалище, украшенное рѣдкими тканями,—принадлежало также къ замѣчательнымъ произведеніямъ искусства.

Истинная Христова Церковь съ самаго начала была покровительницею и защитницею искусства. Если она въ первое время неохотно допускала разныя священныя изображенія,—то изъ предосторожности, весьма умѣстной по отношенію къ новообращеннымъ изъ язычества, чтобы тварь не смѣшали съ Творцемъ, святое не обезчестили прикосновеніемъ не-

---

[1] Jdolol. c. 3. [2] Theodoret. fabul. haeret. I. 24.

чистыхъ рукъ и образъ не приняли за одно съ образуемымъ. Это столь же мало доказываетъ нерасположеніе христіанства къ искусству, какъ и случай, разсказанный въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ (16, 23), когда въ Ефесѣ всѣ среброкователи поднялись противъ Павла и проповѣдуемаго имъ ученія, потому что они поняли, что съ паденіемъ поклоненія Діанѣ потерпятъ большой убытокъ. Отсюда можно заключить не о разрушительной, а скорѣе о преобразовательной и возсоздательной силѣ христіанства по отношенію къ искусству. Столь же несправедливо было бы вмѣнять въ вину христіанской Церкви и то обстоятельство, что, по достиженіи христіанствомъ торжества и окончательномъ паденіи язычества, нѣкоторые ревнители разрушали или позволяли разрушать и истреблять храмы язычниковъ или произведенія ихъ искусства. Подобные случаи имѣютъ совершенно частное значеніе и, если иногда находятъ тѣнь оправданія въ распоряженіяхъ самихъ императоровъ, желавшихъ какъ можно скорѣе покончить съ старымъ порядкомъ вещей,—то уже никакъ не въ голосѣ и волѣ Церкви. Если, далѣе, захотѣлъ бы кто укорить Церковь въ томъ, что христіанство уничтожило цвѣтъ греческаго искусства: то отвѣтъ простой — христіанство явилось въ свѣтъ тогда, какъ цвѣтущее время греческаго искусства давно уже прошло; мало того,—именно въ христіанствѣ падающее искусство нашло новую опору и новыя силы и, проникнувшись его духомъ, выиграло не только въ объемѣ и разнообразіи, но особенно въ глубинѣ, достоинствѣ и значеніи. Церковь прямо возставала противъ искусства только тогда, когда оно порабощало себя языческому суевѣрію и приготовляло предметы языческаго богослуженія. Если въ первое время христіане мало занимались художествами: причина этого скрывается въ обстоятельствахъ времени. И какъ, въ самомъ дѣлѣ художества могли процвѣтать въ Церкви тогда, когда она подвергалась жестокому преслѣдованію, и малѣйшій знакъ могъ выдать христіанъ въ руки враговъ ихъ! Прошло время гоненій, устранились стѣснительныя обстоятельства,—искусство

развилось въ Церкви—и притомъ такъ, что она сдѣлалась не столько преемницею стараго искусства, сколько матерью—помолодѣвшаго и измѣненнаго.

Неблагопріятныя обстоятельства, о которыхъ мы сейчасъ сказали, сопровождавшія появленіе въ свѣтъ Христовой Церкви, не позволяли думать въ первое время не только о великолѣпныхъ, но даже весьма скромныхъ памятникахъ зодчества. Въ вѣкъ апостольскій, и даже долго спустя, дома вѣрующихъ служили мѣстами христіанскихъ богослужебныхъ собраній, и уже рано была отдѣляема въ домахъ для этой цѣли обширная и свѣтлая, у богатыхъ большею частію украшенная, горница, находившаяся въ верхнемъ этажѣ, подъ плоскою кровлею (Дѣян. 1,13.20,8). Покои, окружавшіе эту горницу, ряды колоннъ, иногда находившіяся въ ней, ниши и проч. совершенно согласовались съ различными литургическими потребностями и церковною дисциплиною въ раздѣленіи половъ во время богослуженія. Съ наступленіемъ тяжкаго времени гоненій, дома не были уже болѣе безопасными мѣстами молитвенныхъ собраній и надобно было, оставивъ города и селенія, пріютиться въ пещерахъ, подземельяхъ, катакомбахъ, стойлахъ, гумнахъ, баняхъ, корабляхъ, и даже самыхъ темницахъ. [1]

Перечисливъ мѣста потаенныхъ собраній древнихъ христіанъ, мы не лишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ о подземельяхъ или катакомбахъ; потому что археологическія открытія, сдѣланныя на мѣстахъ, гдѣ находились эти подземелья, даютъ возможность изложить обстоятельныя свѣдѣнія о нихъ. Эти катакомбы были довольно обширныя подземныя помѣщенія съ переходами и палатами, предназначенными для богослужебныхъ дѣйствій. Во многихъ городахъ Италіи, гдѣ именно древніе христіане были подъ глазами главнѣйшаго языческаго правительства и должны были скорѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, подумать о мѣрахъ благоразумной предосторожности, еще и теперь путешественникъ можетъ видѣть

[1] Constit. apost. VI. Euseb. H. E. VII. 22.

этотъ любопытный остатокъ стараго времени. Катакомбы въ Римѣ, какъ и можно ожидать, суть самыя замѣчательныя: онѣ тянутся подъ улицами и зданіями города на далекое разстояніе, и числомъ доходятъ до шестидесяти. Катакомбы состоятъ изъ длинныхъ, прямоугольно пересѣкающихся переходовъ, — дотого тѣсныхъ, что едва двое могутъ идти въ нихъ рядомъ,—до того многочисленныхъ, что въ нихъ легко можно потерять дорогу; по мѣстамъ въ переходахъ сдѣланы четвероугольныя, довольно обширныя, со сводами, палаты. Въ этихъ послѣднихъ помѣщеніяхъ было отправляемо богослуженіе, какъ можно заключать изъ найденныхъ престоловъ надъ гробами мучениковъ и мраморныхъ сѣдалищъ (вѣроятно для епископовъ). Замѣтили въ катакомбахъ и вмѣстилище для воды, конечно, для совершенія св. крещенія надъ оглашенными, а также и ниши, въ которыхъ горѣлъ огонь— въ глиняныхъ лампахъ. Въ переходахъ были погребаемы усопшіе христіане, особенноже св. мученики. Для этого въ стѣнахъ, по ту и другую сторону, въ горизонтальномъ направленіи были высѣкаемы углубленія, и въ эти углубленія вкладываемы тѣла почившихъ, а потомъ закрываемы мраморною доскою или просто кирпичами. Въ иныхъ мѣстахъ видно четырнадцать рядовъ такихъ углубленій, расположенныхъ одно надъ другимъ, въ другихъ—только три или два.

Лишь только гоненіе ослабѣло и Церковь достигла нѣкотораго спокойствія: вѣрующіе, для выраженія своего внѣшняго богопочтенія, не довольствовались болѣе сокровенными мѣстами, а во многихъ городахъ поспѣшили устроить храмы, которые, конечно, въ слѣдующія гоненія и были первою жертвою разъяренныхъ язычниковъ. [1] Такъ въ Римѣ, предъ временемъ Діоклетіана, считалось уже болѣе сорока церквей, а въ Никомидіи, при этомъ императорѣ, былъ огромный и великолѣпный храмъ, вмѣщавшій двадцать тысячь человѣкъ. [2] Нельзя ничего сказать опредѣленнаго объ архитек-

[1] Euseb. H. E. VIII, 2.—Lactant. de mort. persecut. 10—12 Arnob.ado. gent. lib. IV. [2] Optat. Milev. de schisma Donat. III. 8. Lactant. de morte persecut.

турномъ стилѣ этихъ церквей; достовѣрно только, что онъ отличался замѣчательною простотою и неизысканностію. Тертулліанъ пишетъ: «домъ нашей голубицы (т. е. церковь) простъ, всегда на высокомъ и открытомъ мѣстѣ и обращенъ къ свѣту (т. е. на востокъ)». [1] Въ третьемъ столѣтіи, съ умноженіемъ числа церквей, могли, конечно, болѣе заботиться объ архитектоникѣ ихъ. Изъ драгоцѣнности сосудовъ, употреблявшихся при богослуженіи и въ самое время гоненій состоявшихъ нерѣдко изъ благородныхъ металловъ, можно заключить, что и богослужебныя зданія, въ своей постройкѣ, покрайней мѣрѣ внутри, достаточно соотвѣтствовали богатству прочихъ украшеній.

Со времени Константина великаго церковная архитектура начинаетъ быстро развиваться. Хотя языческіе храмы и опустѣли, но христіане не желали пользоваться ими для своего богослуженія,—какъ это мы знаемъ по примѣру въ Александріи изъ второй половины четвертаго вѣка [2], и потомъ по событіямъ въ Карѳагенѣ и Антіохіи. Надобно было подумать объ устройствѣ зданій, прямо предназначенныхъ для христіанскаго богослуженія и расположенныхъ сообразно съ этою цѣлію. Самою любимою формою церковнаго зодчества, покрайней мѣрѣ, на западѣ, былъ продолговатый четвероугольникъ [3]. Такой четвероугольникъ, будучи закругленъ въ верхней своей части, удовлетворительно соотвѣтствовалъ всѣмъ литургическимъ потребностямъ—устройству алтаря, каѳедры, отдѣльнымъ мѣстамъ для половъ, для разныхъ степеней кающихся, и допускалъ еще пристройки для помѣщенія церковной утвари, крещальни и проч. По сходству съ древними судебными зданіями, великолѣпно сооруженными и называвшимися базиликами, или царскими домами, —эти храмы также назывались базиликами; особенно же это имя надобно усвоить храмамъ, воздвигнутымъ Константиномъ великимъ въ Римѣ, Константинополѣ и Іерусалимѣ.

---

[1] Tertull. c. Valent. 5. [2] Chronic. Alexandr. a. 379. [3] Constit. apostol. II. 57.

Чтобы дать болѣе близкое понятіе о древнемъ христіанскомъ церковномъ зодчествѣ, на востокѣ и западѣ, мы представимъ здѣсь описаніе сначала церкви, построенной Константиномъ великимъ въ Іерусалимѣ, а потомъ старѣйшей и лучше сохранившейся до сего времени базилики св. Климента въ Римѣ.

Описаніе храма, построеннаго императоромъ Константиномъ на святыхъ мѣстахъ распятія и воскресенія Господня, сохранено намъ церковнымъ историкомъ Евсевіемъ, епископомъ кесарійскимъ. Евсевій, конечно, самъ много разъ видѣлъ воздвигнутый храмъ, а потому слова его имѣютъ силу очевиднаго доказательства. Сказавъ о пещерѣ воскресенія, и украшеніяхъ ея, историкъ продолжаетъ такимъ образомъ:

«Изъ пещеры есть выходъ на обширную площадь подъ открытымъ небомъ. Эта площадь выстлана блестящимъ камнемъ и съ трехъ сторонъ обведена длинными, непрерывными портиками.

«Рядомъ съ пещерою, на восточной сторонѣ ея, стоитъ базилика—зданіе чрезвычайное, высоты неизмѣримой, широты и длины необыкновенной. Внутренняя сторона его одѣта разноцвѣтными мраморами, а наружный видъ стѣнъ, блистающій полированными и одинъ съ другимъ сплоенными камнями, представляется дѣломъ чрезвычайно красивымъ и нисколько не уступаетъ мрамору. Что же касается до крыши, то внѣшняя сторона ея надъ куполомъ, для защиты отъ зимнихъ дождей, покрыта свинцомъ, а внутренняя, украшенная глубокою рѣзьбою, распростираясь, подобно великому морю, надъ всею базиликою взаимно связанными дугами и вездѣ блистая золотомъ, озаряетъ весь храмъ будто лучами свѣта.

«По обѣимъ сторонамъ храма, во всю его длину тянутся двѣ линіи двойныхъ—верхняго и нижняго—портиковъ; вверху они испещрены также золотомъ. Портики на лицевой сторонѣ базилики поддерживаются величественными колоннами, а внутреннія противъ нихъ лежатъ на отводахъ, покрытыхъ

снаружи многочисленными украшеніями. Трое воротъ, обращенныхъ къ солнечному восходу, весьма хорошо устроены для принятія множества поклонниковъ во внутренность храма.

«Противъ этихъ воротъ стоитъ главный предметъ всего полукруга (алтарь), восходящій до самой высоты базилики. Онъ, по числу двѣнадцати апостоловъ Спасителя, увѣнчанъ двѣнадцатью колоннами, которыхъ вершины украшены великими, вылитыми изъ серебра вазами—прекраснымъ приношеніемъ Богу отъ самого царя.

«Отсюда, идя ко входамъ, находящимся предъ храмомъ, вступаешь въ паперть. Здѣсь видишь первый дворъ и по обѣимъ сторонамъ портики, а послѣ всего ворота; за воротами же на самой серединѣ торговой площади, превосходно устроено предвратіе, которое мимоходящимъ представляетъ поразительный видъ внутренности храма». [1] Очень великолѣпенъ былъ и храмъ св. Апостоловъ въ Константинополѣ, воздвигнутый также Константиномъ, и имѣлъ ту особенность, что куполъ его, покрытый мѣдью, былъ ярко позолоченъ. [2]

Если описаніе храма воскресенія въ Іерусалимѣ служитъ для нашихъ читателей хорошимъ образцомъ того, какъ древніе заботились о благолѣпіи дома Божія: то описаніе базилики св. Климента въ Римѣ—центрѣ католичества—составляетъ фактическое доказательство въ пользу православной восточной Церкви—относительно расположенія церковнаго зданія. Базилика св. Климента [3] составляетъ параллелограмъ, имѣющій на одномъ концѣ полукруглое и возвышенное пространство. Въ этомъ полукружіи, очевидно, былъ прежде, до временъ католичества, алтарь, гдѣ находились престолъ и мѣста епископа и священниковъ; устройство престола замѣчательно тѣмъ, что онъ возвышается надъ помостомъ еще на три ступени. Алтарь, завершенный вверху сводами, от-

[1] Euseb. Vit. Const. III, 35—39. [2] Ibid. IV, 58. [3] Описаніе мы заимствуемъ изъ иностраннаго изданія: «Organ für christliche Kunst» I jahrg. 1851. № 1.

дѣляется отъ остальной церкви—преградою, которая и есть остатокъ древнѣйшаго иконостаса; посрединѣ преграды — царскія двери, а по сторонамъ клиросы. Пространство предъ иконостасомъ, хотя ниже, чѣмъ самый алтарь, но въ сравненіи съ церковію выше на одну ступень, и огорожено въ полроста; въ этой перегородкѣ устроена опять дверь. Справа и слѣва отъ этого возвышенія, которое мы назовемъ солеею, были два другія возвышенія, одно для храненія церковныхъ сосудовъ и одеждъ и другое—для св. книгъ (напр. Евангелія) и церковныхъ записей. Ряды колоннъ раздѣляютъ храмъ на три неравномѣрно широкія полосы; колонны соединены вверху арками. Верхняя часть средней полосы храма имѣетъ съ той и другой стороны много оконъ для освѣщенія внутренности церкви. Какъ на любопытную особенность древнихъ зданій подобнаго рода, мы указываемъ на то, что окна сначала или оставались совершенно незакрытыми, или были закрываемы тонкими мраморными листами—сплошными, или съ маленькими, круглыми отверстіями, въ которыя уже вставляли стекло,—и что изъ внутренней части храма видны были стропила, на которыхъ держалась крыша. Предъ фасадомъ базилики находится площадка, окруженная рядомъ колоннъ.

Эта архитектура базиликъ, столько употребительная на западѣ, потерпѣла на востокѣ измѣненіе чрезъ приспособленіе купола, который, однако же, только при Юстиніанѣ, въ сооруженной имъ въ Константинополѣ церкви св. Софіи, представилъ гармоническое цѣлое, исполненное по правиламъ искусства. Вмѣстѣ съ куполомъ, на востокѣ, въ церковныхъ зданіяхъ допускали другое расположеніе, чѣмъ на западѣ; такъ была любима форма квадрата,—употребительно осьмигранное очертаніе, но особенно уважаемъ равносторонній, такъ называемый, греческій крестъ, до такой степени, что даже и въ базиликахъ, устроенныхъ параллелограмомъ, напоминаютъ его колонны, крестообразно расположенныя, или крестообразное раздѣленіе мѣстъ для паствы внутри храма.

Главнымъ правиломъ было и въ древности, какъ и теперь,

устроивать храмъ алтаремъ на востокъ. [1] Значеніе этого обычая мы поймемъ легко, когда припомнимъ, что и въ молитвѣ, и при всѣхъ богослужебныхъ дѣйствіяхъ, древніе христіане обращались лицемъ къ востоку, какъ странѣ свѣта. Были, впрочемъ, и исключенія, условливавшіяся особыми обстоятельствами. Такъ Павлинъ, епископъ ноланскій, отступилъ отъ общаго правила, потому что онъ долженъ былъ свою церковь частію пристроить къ старой, а частію направить ее ко гробу св. Феликса, находившемуся въ этой старой церкви. Если мѣстность позволяла, то храмъ охотно строили на высотѣ, чтобы выразить этимъ, что Христосъ на камнѣ основалъ свою Церковь, и поставилъ ее, какъ градъ на верху горы (Матѳ. 16, 18. 5, 14).

Христіанскіе императоры своими великолѣпными постройками весьма много подвинули церковное зодчество впередъ, хотя, впрочемъ, и надобно согласиться, что это великолѣпіе большею частію было развиваемо внутри зданій, тогда какъ наружность ихъ имѣла по возможности простой видъ. О внутреннемъ украшеніи храмовъ мы сейчасъ будемъ говорить; теперь же замѣтимъ, что императоры на христіанскіе храмы употребляли не только камни изъ прежнихъ языческихъ сооруженій, но и цѣлыя колонны, нерѣдко весьма драгоцѣнныя. И не только сами государи отличались такою ревностію въ возведеніи зданій, столько необходимыхъ для христіанъ, но и давали предписанія своимъ чиновникамъ всячески помогать въ этомъ дѣлѣ епископамъ [2]. Какое, дѣйствительно, большое участіе епископы принимали въ церковныхъ постройкахъ, видно изъ того, что Поссидій, біографъ блаженнаго Августина, съ удивленіемъ замѣчаетъ о немъ, что этотъ епископъ не построилъ ни одной церкви, [3] чтобы не развлечься въ своихъ духовныхъ упражненіяхъ.

Вмѣстѣ съ архитектурою, древніе христіане охотно занимались и искусствами образовательными, именно: живо-

---

[1] Constit. apost. II. 57. [2] Euseb. vit. Const. II. 45, 46. [3] Possid. vit. August. c. 24.

писью, изваяніями, сдѣланными изъ камня, металла, дерева, воска. Такъ какъ эти искусства въ первое время христіанской Церкви должны были заниматься предметами, дотолѣ не разработанными: то и не надобно удивляться, если древнія христіанскія изображенія болѣе назидаютъ и поучаютъ своимъ содержаніемъ, чѣмъ плѣняютъ взоръ красотою исполненія. Въ началѣ древніе изображали символы, и притомъ взятые изъ природы, а послѣ перешли и къ историко-библейскимъ картинамъ. Божественное лице Господа долго устрашало древнихъ художниковъ и они не осмѣливались прямо изобразить человѣческія черты Сына Божія, такъ, что Тертулліанъ замѣчаетъ, что въ его время Христа представляли подъ образомъ добраго пастыря [1], и Климентъ Александрійскій описываетъ первоначальное искусство въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «на нашихъ перстняхъ пусть будетъ голубь, или рыба, или корабль, несущійся при попутномъ вѣтрѣ, или лира, какъ у Поликрата, или якорь, какъ его вырѣзывалъ на камнѣ Селевкъ» [2]. Скульптура нашла себѣ обширное поле для занятій на гробахъ и украшеніи ихъ. Каменныя плиты на нихъ имѣли не только надписи, но и символическія изображенія, указывавшія на имя, состояніе или судьбу усопшаго. По причинѣ совершеннаго упадка искусства при появленіи христіанства, а потому, по причинѣ недостатка хорошихъ образцевъ, далѣе—по причинѣ гоненія, тяготѣвшаго надъ Церковію, очень понятно, что и скульптура, и живопись въ первыя столѣтія христіанства представляются глазу изслѣдователя въ грубыхъ неразвитыхъ формахъ. Но духъ жизни, обильно дышавшій въ христіанствѣ, давалъ разумѣть, что оно, современемъ, разовьетъ и облагообразитъ и эти свои начатки.

Что касается живописи, то мы имѣемъ изъ прежняго времени безспорное доказательство того, какъ древніе художники умѣли выражать свою мысль и въ простыхъ формахъ. Такъ, въ началѣ февраля 1855 года, въ одной германской вѣ-

[1] De pudic. c.10. [2] Pædag. III. 11.

домости [1] сообщены были замѣчательныя свѣдѣнія объ открытіяхъ въ римскихъ катакомбахъ. Именно въ катокомбахъ Каликста нашли фрески изъ втораго вѣка, составлявшіе образное толкованіе шестаго подобія «Пастыря» Ермы: пастырь съ пасущимися овцами—въ разныхъ положеніяхъ, какъ это изложено въ упомянутой книгѣ Ермы [2]. Еще замѣчательнѣе картина, представляющая созиданіе христіанской Церкви на основаніи третьяго видѣнія Ермы [3]. Ангелы въ образѣ юношей и дѣвицъ приносятъ камни, видѣнъ блистающій утесъ, какбы основной, краеугольный камень всего зданія со входомъ (Христосъ); напротивъ св. крещеніе символически представлено въ образѣ рыбъ, извлекаемыхъ изъ воды. Въ объясненіе послѣдняго изображенія можно припомнить слова Климента александрійскаго: «кто рыбу ловитъ, помни объ апостолѣ и дитяти, извлекаемомъ изъ воды» [4].

Чѣмъ глубже вкоренялись христіанскія истины въ умы и сердца людей и чѣмъ менѣе грозила опасность отпаденія въ язычество: тѣмъ съ большею свободою вѣрующіе могли заниматься художествами. Уже въ самое первое время искусства находили себѣ занятіе въ приготовленіи церковныхъ сосудовъ и утвари, которые не только были устрояемы изъ дорогихъ матерій, золота и серебра, о чемъ слухъ прошелъ даже къ язычникамъ [5], но и украшаемы различнымъ образомъ. Въ катакомбахъ, дѣйствительно, нашли, если вѣрить свидѣтельству одного западнаго историка [6], много серебряныхъ вещей, относящихся ко временамъ гоненій. На художественную отдѣлку древнихъ потировъ указываетъ Тертулліанъ [7], писатель II вѣка, и мы никакого не имѣемъ основанія допустить, будто съ теченіемъ времени развитіе христіанскаго искусства остановилось: время Константина великаго доказало совершенно противное. Такъ этотъ императоръ устроилъ въ Константинополѣ водометъ, у котораго

---

[1] Augsburg. Allgem. Zeitung. 1855. [2] Cap. I. sequ. [3] Cap. III—V. [4] Ubi pridem. [5] Prudent. Peristeph. II. v. 68 sequ. [6] Gregor. Turon. De glor. martyr. I. 38. [3] De pudic. c. 6.

видны были фигуры Христа въ образѣ добраго пастыря и Даніила между львами; послѣдняя была изъ бронзы [1]. Впослѣдствіи эти предметы сдѣлались любимыми у христіанскихъ художниковъ и ихъ часто можно встрѣчать на древнихъ саркофагахъ. Упомянутый императоръ принесъ въ даръ римской церкви три золотые сосуда, изъ которыхъ два вѣсили по тридцати, а послѣдній—украшенный драгоцѣнными каменьями—пятьдесятъ фунтовъ. Онъ же, построивъ храмъ въ Іерусалимѣ, «снабдилъ его богатою утварью и весь украсилъ, какъ говоритъ Евсевій, невыразимо изящными сокровищами многочисленныхъ приношеній, какъ-то золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями, по различнымъ матеріаламъ; для описанія каждой изъ этихъ художнически отдѣланныхъ утварей, въ отношеніи къ ихъ величинѣ, множеству и разнообразію, недостало бы у насъ времени» [2].

Пластическое искусство, какъ мы уже и замѣтили, главнымъ образомъ проявляло свою дѣятельность въ украшеніи гробовъ древнихъ христіанъ, особенно съ того времени, какъ вошло въ обычай дѣлать саркофаги. Саркофаги появились собственно со времени Константина великаго; по крайней мѣрѣ, ни одинъ изъ отрытыхъ доселѣ въ катакомбахъ, по свидѣтельству одного антикварія [3], по времени не восходитъ далѣе названнаго императора. Прежде довольствовались только одними надгробными плитами и надписями или символическими изображеніями на этихъ плитахъ. Саркофаги были украшаемы слѣдующимъ образомъ: передняя сторона была раздѣляема столбиками на нѣсколько продолговатыхъ пространствъ, завершенныхъ дугами, и въ эти пространства были помѣщаемы отдѣльныя фигуры или группы, непревышавшія трехъ лицъ. Число такихъ пространствъ неодинаково; иногда они расположены въ два ряда. На нѣкоторыхъ саркофагахъ вся передняя сторона занята однимъ главнымъ изображеніемъ: побочныя имѣются на свободныхъ мѣстахъ,

[1] Euseb. vit. Const. III, 49. [2] Ibid. III, 40.
[3] Kinkel, «Geschichte der bildenden Künste», Bonn, 1845. § 182.

иногда по угламъ. Для такихъ изображеній христіанская пластика съ удовольствіемъ пользовалась библейскими повѣствованіями ветхаго и новаго Завѣта; и притомъ такъ, что любила придерживаться однихъ и тѣхъ же лицъ и событій. Фигуры представляются грубо обработанными, короткими, съ толстыми руками и ногами. Случается, что изображенія такъ, повидимому, безпорядочно расположены и такъ неудачно выбраны, что можно было бы заключить о недостаткѣ художественнаго вкуса у древнихъ, еслибы глубокая мысль, соединявшая разрозненныя части въ одно цѣлое, не лежала въ основаніи всего произведенія. Если, напримѣръ, мы видимъ на одномъ саркофагѣ поставленными вмѣстѣ предметы весьма разнородные: исторію пророка Іоны, воскресенія Лазаря и изведеніе Моисеемъ воды изъ утеса; то все это выражаетъ ту великую истину, что Іисусъ Христосъ, прообразованный Іоною, и чудесами (особенно воскресеніемъ Лазаря) доказавшій свое божество, есть источникъ воды, текущей въ жизнь вѣчную.

Примѣръ императора Константина, такъ много заботившагося объ устройствѣ и украшеніи церковныхъ зданій, благодѣтельно дѣйствовалъ на общества христіанскія. Во многихъ городахъ были воздвигнуты храмы, которые часто вмѣщали въ своихъ стѣнахъ всѣ роды искусствъ. Въ доказательство мы хотимъ привести здѣсь замѣчательное свидѣтельство св. Григорія Нисскаго. Въ рѣчи о мученикѣ Ѳеодорѣ, отецъ Церкви выражается такимъ образомъ: «всякій, пришедши въ мѣсто, подобное этому, гдѣ мы сегодня имѣемъ свое собраніе и гдѣ храмъ праведнаго и св. мощи, — прежде всего утѣшится величіемъ предметовъ, видимыхъ имъ, взирая на зданіе, какъ храмъ Божій, — великолѣпное и по огромности постройки и по украшеніямъ; здѣсь и столяръ превратилъ дерево въ образъ животныхъ, и каменосѣчецъ отполировалъ камни на подобіе серебра, и живописецъ, наложивъ искусственные цвѣта, удачно изобразилъ намъ красками, какбы въ нѣкоторой книгѣ, содержащей истолкованіе язы-

ковъ, — все: подвиги мученика, сопротивленіе, мученіе, звѣрскій и жестокій видъ мучителей, ихъ сильный гнѣвъ, огненную печь, блаженнѣйшую кончину борца, образъ подвигоположника Христа въ человѣческомъ видѣ,—и такимъ образомъ, представивъ намъ борьбу и труды мученика, украсилъ храмъ, какъ лугъ пріятный и цвѣтущій»[1]. Таковы были въ IV вѣкѣ храмы въ Понтѣ и Каппадокіи, не говоря о другихъ провинціяхъ имперіи.

Въ концѣ четвертаго и началѣ пятаго столѣтія церковная пластика сдѣлала уже большіе успѣхи. При Юліанѣ великолѣпіе церковныхъ сосудовъ и утвари привлекало завистливые взгляды квестора Феликса. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время много было сдѣлано для благолѣпія богослуженія. Не говоря уже о подсвѣчникахъ, лампадахъ, въ нѣкоторыхъ храмахъ престолы были облекаемы серебряными досками и накрываемы великолѣпною сѣнью на серебряныхъ же столбикахъ съ драгоцѣнными ткаными или вышитыми занавѣсями. Мы указываемъ на обновленіе старой церкви Феликса, предпринятое Павлиномъ Ноланскимъ. Здѣсь были не только колонны изъ мрамора и мѣди, быть можетъ съ позолоченными капителями (какъ напримѣръ это встрѣчается у Пруденція[2], и Іеронима[3], но и огромные подсвѣчники, висячія лампады, у престола даже серебряныя. Немалое украшеніе составляла лампада въ видѣ креста, устроенная изъ золота и драгоцѣнныхъ камней; на верху ея была корона, составленная изъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтныхъ камней[4]. При входѣ въ храмъ стояли бассейны различнаго вида и не одинаковой величины; между ними вниманіе привлекали особенно пять мраморныхъ раковинъ и одинъ источникъ воды съ бронзовою, отлично сдѣланною накрышкою[5].

Не менѣе значительно развилась со времени Константина великаго и церковная живопись. Дѣлали въ то время и въ этомъ отношеніи все, что могли дѣлать, и если древніе не умѣли

---

[1] Orat. in Theodor. Martyr. [2] Perist. XII. 219. [3] Ep. 18 al. 22. [4] Paulin. Natal. II, 431. 432. 408—425. [5] Carm. 25. 41.

придать своимъ изображеніямъ особеннаго изящества и лучшей отдѣлки,—то уже, конечно, по обстоятельствамъ, отъ нихъ независѣвшимъ (выше мы указали, какія это были обстоятельства). Живопись времени Константина и послѣ него, кромѣ символическихъ изображеній, столько любимыхъ во второмъ и третьемъ вѣкахъ, представляетъ библейскіе предметы ветхаго и новаго Завѣта; изъ ветхаго Завѣта особенно прообразы Христа—каковы: Давидъ съ пращею, Илія на огненной колесницѣ, Іовъ, Даніилъ, Самсонъ, Іона, три отрока въ пещи, видѣніе Іезекіиля; изъ новаго Завѣта она занималась, естественно, лицемъ самого Господа и изображала Его крещеніе, ученіе во храмѣ, бесѣду съ Самарянкою, входъ въ Іерусалимъ, судъ Пилата, и нѣкоторые изъ чудесъ: воскрешеніе Лазаря, умноженіе хлѣбовъ, исцѣленія. Послѣ искусство взялось и за исторію дѣтства и страданій Господа. Со времени несторіанской ереси мы видимъ изображенія Божіей Матери съ Богомладенцемъ на лонѣ и нерѣдко—тремя восточными мудрецами въ молитвенномъ положеніи. Были изображаемы и апостолы, хотя большею частію въ своихъ символахъ. И не только эти библейскія лица и событія представляли древніе художники, но предметомъ своего искусства они избирали иногда и обычаи того времени, какъ напр. агапы, и своихъ современниковъ, напр. мужей и женъ въ молитвенномъ положеніи, первыхъ съ непокрытою, и другихъ съ покрытою главою, согласно увѣщанію св. Апостола (1 Кор. 11, 10). Тайнодѣйствій Церкви, вѣроятно, на основаніи disciplina arcani, не любили изображать въ живописи. Ангеловъ допускали съ большою осторожностію въ свящ. изображенія, конечно, по опасенію соблазнить новообращенныхъ изъ язычества и подать имъ поводъ къ ложнымъ представленіямъ и возврату въ свои заблужденія. Однакоже, еще Константинъ подарилъ изображенія Ангеловъ одной церкви въ Римѣ, а въ храмѣ Св. Софіи, построенномъ Юстиніаномъ въ Константинополѣ, былъ написанъ цѣлый ликъ небесныхъ силъ вокругъ Господа Вседержителя. Сначала живописали Ангеловъ въ ви-

дѣ древнихъ геніевъ—мальчиками съ крыльями, а потомъ—и особенно въ Константинополѣ—мужами безъ крыльевъ, облеченными въ стихарь, часто съ ораремъ. Уже въ раннее время употребляли и для домашняго почитанія изображенія святыхъ; такъ св. Іоаннъ Златоустъ повѣствуетъ, что антіохійцы желали видѣть изображеніе своего епископа Мелетія вездѣ—«на кольцахъ и сосудахъ, чашахъ и стѣнахъ покоевъ». [1] Введеніе ихъ въ общее почитаніе, утвержденное VII вселенскимъ Соборомъ, хотя произошло рано—современно съ почитаніемъ святыхъ, о которомъ напр. свидѣтельствуютъ уже св. Іустинъ мученикъ-философъ, окружное посланіе смирнской Церкви о мученіи св. Поликарпа, св. Кипріанъ и проч., но конечно, невдругъ, постепенно и съ извѣстными ограниченіями и предосторожностями. На сводахъ катакомбъ и стѣнахъ древнѣйшихъ храмовъ встрѣчаются живописныя изображенія цѣлыми группами; такъ въ подземельи Каликста нашли четыре довольно обширныя комнаты, въ которыхъ—на стѣнахъ и потолкѣ—было изображено множество ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ исторій. Богатствомъ живописныхъ изображеній, точно такъже, какъ и богатствомъ скульптурныхъ, отличалась церковь, построенная Павлиномъ ноланскимъ на свое иждивеніе. Здѣсь можно было видѣть изображенія изъ ветхаго Завѣта, — изъ Пятокнижія, Іисуса Навина, Руѳи, съ надписями на верху, пояснявшими содержаніе; въ старой же церкви, возстановленной Павлиномъ, нельзя было не примѣтить изображеній изъ новаго Завѣта, такъ что, по желанію ктитора, ветхій Завѣтъ былъ въ новой, и новый въ старой церкви. Въ притворѣ онъ изобразилъ исторію Іова и Товіи, а также мучениковъ обоего пола и наконецъ исторіи Іудиѳи и Есѳири, чтобы представить мужьямъ и женамъ примѣры, достойные подражанія. Съ этою же цѣлію наставленія и назиданія вообще любили дѣлать въ древныхъ церквахъ разныя символическія изображенія и надписи, такъ напр. по свидѣтельству св. Амвросія, такія изобра-

[1] Homil. de Melet.

женія и надписи были устроены въ его время въ мѣстѣ назначенномъ для дѣвъ. [1]

Намъ представляется здѣсь не излишнимъ замѣтить объ употребленіи у древнихъ обнаженныхъ фигуръ. Не входя въ подробности, мы скажемъ только, что древле-христіанское искусство не употребляло обнаженія легкомысленно, но однакоже, и не избѣгало слишкомъ старательно. Древніе художники, нисколько не стѣсняясь, представляли фигуры обнаженными, когда историческая истина или существо дѣла того требовали, напр. при изображеніи грѣхопаденія Адама и Евы, крещенія Господня. Также Іовъ, Іона, Даніилъ во рву львиномъ охотно были рисуемы обнаженными. Но когда, не вредя исторіи и природѣ дѣла, можно было представить кого либо въ одеждѣ или безъ одежды, — тогда всего скорѣе выбирали первое, какъ безопаснѣйшее для цѣломудренныхъ взоровъ. [2]

Въ живописи древняго времени видное мѣсто занимаетъ мозаика. Еще въ классической древности, какъ доказываютъ нѣкоторые остатки, это искусство доведено было до высокаго техническаго совершенства, и христіанскими художниками особенно употребляемо въ тѣхъ частяхъ зданій, которыя предназначались къ разсматриванію издали, съ нѣкотораго разстоянія. Таковы, восточная полукруглая стѣна алтаря, своды и стѣны церкви, какъ внутреннія, такъ и наружныя. Очень рано въ Римѣ, потомъ въ Нолѣ, въ церкви Павлина были уже произведены стекляныя мозаическія работы [3]. Именно у Павлина весь алтарь былъ великолѣпно украшенъ мозаикою. Тамъ были изображены: голосъ Отца, говорящій свыше, св. Духъ въ образѣ голубя, сходящій съ неба, Христосъ, какъ агнецъ у креста, окруженнаго голубями, обозначающими апостоловъ; отъ агнца истекаютъ четыре рѣки, выражающіе четырехъ евангелистовъ. Все это поясняли надписи, сдѣланныя Павлиномъ. Мозаическія представленія не всегда ограничивались только отдѣльными лицами, а иногда

[1] Ambros. ad virg. c. 6. [2] Organ für christl. Kunst, 1854. № 11. 12.
[3] Baron. ad ann. 386. n. 41.

представляли цѣлые виды; такъ въ одной церкви въ Римѣ, въ 424 году, изъ разноцвѣтныхъ камней были составлены виды Іерусалима и Виѳлеема; встрѣчаются между мозаиками и символическія представленія, а также и цѣлыя группы.

Въ сравненіи съ живописью, о которой мы доселѣ говорили, часто принимавшею значительныя по развитію и величинѣ формы, миніатюрная живопись занимала очень скромное мѣсто. Кругъ ея дѣятельности сначала былъ очень ограниченъ и состоялъ въ украшеніи книгъ священныхъ и богослужебныхъ и другихъ уважаемыхъ сочиненій. Хотя и весьма мало дошло до насъ памятниковъ такого рода изъ первыхъ пяти столѣтій; но, на основаніи нѣкоторыхъ изслѣдованій, можно заключить, что и эта отрасль живописи въ древнее время не была пренебрегаема. Въ Аусбургской всеобщей вѣдомости, за 1854 годъ [1], напечатанъ замѣчательный разсказъ о миніатюрахъ, относящихся къ IV, V, VI, VII вѣкамъ; они расположены по порядку книгъ св. писанія, отъ книги Бытія до Руѳь. Мы не будемъ излагать здѣсь подробнаго описанія этихъ рисунковъ: но не можемъ не сообщить своимъ читателямъ слѣдующихъ свѣдѣній. Въ изображеніи исторіи Іисуса Навина преобладаетъ древле-христіанская символика: такъ Богъ, являющійся праведному мужу, означается рукою, простертою съ неба. Занимателенъ рисунокъ раздѣленія свѣта и тьмы и появленія дня и ночи; ночь представлена на черномъ фонѣ въ видѣ женщины, съ покрываломъ на головѣ и подлѣ нея на голубомъ полѣ день въ образѣ мужа, съ факеломъ въ рукѣ и поднятою лѣвою рукою; вверху рука Божія, изъ которой исходитъ три луча. Достойно вниманія изображеніе Эноха; патріархъ представленъ въ стоящемъ положеніи, съ сіяніемъ около головы, съ свиткомъ въ лѣвой рукѣ; надъ нимъ въ голубомъ небѣ солнце и луна и двѣнадцать символическихъ знаковъ мѣсяцевъ; подлѣ сидитъ мужская фигура, въ досадѣ отворотившаяся отъ него: это, безъ сомнѣнія, олицетвореніе смерти, которую Энохъ побѣдилъ, потому что взятъ

[1] Beilag. 307.

живой на небо; надпись, находящаяся при рисункѣ, именно намекаетъ на это обстоятельство словами: «имѣющій большую власть надъ смертію». Не менѣе оригинально изображенъ и змѣй искуситель: при самомъ грѣхопаденіи онъ представленъ стоящимъ предъ Евою на четырехъ ногахъ, съ длинною шеею и такимъ же хвостомъ; но послѣ изреченнаго Богомъ проклятія, въ дальнѣйшихъ рисункахъ животное является уже въ другомъ видѣ: ноги, голова, шея лежатъ на землѣ и изъ всего этого отдѣляется пресмыкающееся, которое и намъ извѣстно подъ именемъ змѣя. Какъ сходенъ этотъ рисунокъ съ мнѣніями св. отцевъ—Ефрема Сирина, Іоанна Златоуста, Василія великаго, думавшихъ, что змѣй сотворенъ четвероногимъ и уже вслѣдствіе грѣхопаденія первыхъ людей потерялъ ноги и получилъ наказаніе—пресмыкаться въ прахѣ и грязи!

Съ живописью древнихъ христіанъ тѣсно связано употребленіе у нихъ символическихъ представленій для выраженія истинъ вѣры. Особеннаго вниманія заслуживаютъ символы, перенесенные изъ язычества въ христіанство, конечно для того, чтобы сдѣлать для новообращенныхъ извѣстную истину наглядною и въ тоже время скрыть ее отъ невѣрующихъ. Мы начнемъ съ Орѳея, древняго языческаго поэта; христіане пользовались его образомъ для того, чтобы означить, что какъ онъ пріятнымъ звукомъ своей лиры укрощалъ дикихъ звѣрей, такъ Іисусъ своимъ ученіемъ укрощаетъ необузданныя страсти человѣка. На барельефахъ, вазахъ и камняхъ вырѣзывали похищеніе Геркулесомъ яблока гесперидъ; по языческой миѳологіи, гесперидъ (дѣти ночи) жили на одномъ острову западнаго океана и владѣли садомъ съ золотыми яблоками, охраняемыми дракономъ; если христіанское искусство пользовалось этою сказкою, то, конечно, для обозначенія исторіи паденія, и съ этою цѣлію вмѣсто дракона, изображало змѣя, для большаго соотвѣтствія съ библейскимъ повѣствованіемъ. Къ разряду символовъ, перешедшихъ изъ язычества въ христіанство, принадлежатъ геніи, которыми

обозначались ангелы,—викторія, которою выражалась побѣда Христовой вѣры надъ невѣріемъ, кентавры, служившіе символомъ грубой чувственности. Птица фениксъ, о которой древніе разсказывали, что она сожигаетъ себя и изъ своего пепла возстаетъ помолодѣвшею, была употребляема для выраженія воскресенія плоти. Точно также и языческія божества, около времени Константина великаго, служили символическими фигурами. Аполлонъ подлѣ Христа означалъ то, что Господь есть солнце правды и свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ. Аполлонъ на огненной колесницѣ изображалъ Илію, восходящаго на небо; викторія—богиня побѣды подлѣ или сверху креста и имени Іисусова, обозначала побѣду, какую одержало ученіе Христово во всемъ мірѣ.

Къ другому роду относятся символы, взятые изъ трехъ царствъ природы и общежительнаго круга. Такъ, облако означало Бога—непостижимаго для человѣка; источникъ—новую жизнь во Христѣ; пальма—побѣду надъ смертію,—тоже и вѣнецъ (эти оба символа усвоялись св. мученикамъ); пчелы служили образомъ трудолюбиваго и согласнаго общества; рыба, по соотвѣтствію греческаго названія ἰχθύς съ словами: Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій--употреблялась для обозначенія Господа, или иногда, какъ мы видѣли, и крещенія. Дельфинъ выражалъ силу христіанства, безбѣдно проводящаго сквозь врата смерти, такъ какъ у язычниковъ эта рыба слыла путеводною въ страну мертвыхъ; голубь—Св. Духа и незлобіе; голубь съ масличною вѣтвію—приближеніе къ лучшему свѣту; два голубя, прикасающіеся носами — бракъ; змѣй—зависть и соблазнъ, почему въ древнихъ изображеніяхъ онъ держитъ во рту яблоко; олень—стремленіе души къ Богу, по мысли Псалма 41: «какъ лань ищетъ потоковъ водъ, такъ душа моя ищетъ Тебя, Боже!» Конями древніе художники означали побѣду, полученную Христомъ, а потому головы лошадей увѣнчивали иногда пальмами, подобно тому, какъ и на ристалищѣ были увѣнчиваемы кони, одержавшіе

верхъ. На надгробномъ памятникѣ св. мученика Валентина крестъ былъ высѣченъ между двумя конями, которые смотрѣли на него. Левъ означалъ твердость и мужество, съ какими христіане переносили за Христа все,—или самого Христа, который въ св. писаніи называется «львомъ отъ колѣна Іудова» (Быт. 49, 9). Агнецъ знаменовалъ Спасителя, а потому имѣлъ иногда сіяніе вокругъ головы и крестъ, и былъ окруженъ другими двѣнадцатью агнцами (апостолами). Чрезъ символъ зайца хотѣли означить страхъ, въ какомъ христіане постоянно находились по причинѣ гоненія, какъ Тертулліанъ замѣчаетъ: «на насъ, какбы мы были зайцами, направлена охота; насъ окружаютъ издали и вблизи свирѣпствуютъ противъ насъ, по своему обычаю, наши враги». Пѣтухомъ художники хотѣли означить бодрственность, а лисицею—предусмотрительность во время гоненія. На одномъ гробѣ усмотрѣли рыбу и пять хлѣбовъ—напоминаніе о чудѣ умноженія хлѣбовъ и свидѣтельство вѣры во всемогущество Господа. Затруднителенъ для объясненія символъ человѣческихъ слѣдовъ или и цѣлыхъ ногъ; можетъ быть они выражаютъ просто—отшествіе усопшаго въ другой лучшій міръ.

Можно видѣть, далѣе, на монументахъ древнихъ христіанъ живописныя и рѣзныя изображенія деревъ, означающихъ людей, которые познаются изъ дѣлъ, какъ деревья—изъ плодовъ. Кипарисъ, между всѣми деревьями, служилъ образомъ и смерти, потому что разъ отсѣченный онъ болѣе уже не вырастаетъ, и безсмертія, потому что онъ не гніетъ и не теряетъ своихъ листьевъ. Пальма была знакомъ побѣды въ страданіи за вѣру; маслина—мира благочестивой души, успокоивающейся въ Богѣ; виноградная лоза—тѣснаго соединенія вѣрующихъ со Христомъ, съ которымъ они связаны, какъ вѣтви съ корнемъ. Этимъ послѣднимъ символомъ обозначалась, конечно, и св. Евхаристія. Такая же мысль скрывалась и въ гроздахъ или виноградныхъ кистяхъ, которыя щиплютъ птицы, и въ голубяхъ, которые пьютъ изъ одной чаши. Колосья, которые часто представляются въ соединеніи

съ виноградными лозами, указываютъ на другую составную часть таинства Причащенія—хлѣбъ. Орѣхи были также изображаемы на надгробіяхъ древнихъ, и это для того, чтобы выразить, что какъ въ орѣхѣ шелуха снаружи, а ядро внутри, такъ и Сынъ Божій, облекшись плотію, служитъ пищею душъ нашихъ. Листья составляли символъ непрочности и измѣнчивости. Христіанская древность употребляла много другихъ символовъ: корабль означалъ Церковь, якорь—надежду; бочка, составленная изъ множества досчечекъ, изъ которыхъ каждая поддерживаетъ другую, выражала единодушіе и согласіе вѣрующихъ. Другіе символы, не имѣя отношенія къ какой либо истинѣ вѣры, означаютъ занятіе и ремесло усопшаго; такъ надъ гробомъ одного хлѣбнаго торговца изображена мѣра, надъ гробомъ могиляковъ—лопата, молотокъ, циркуль и проч. На гробахъ мучениковъ представлены орудія ихъ страданій,—мечь, факелъ, щипцы, колесо и т. д.

Если двѣ буквы греческаго алфавита А и Ω замѣчаются на древнихъ монументахъ въ качествѣ символовъ: то, конечно, на основаніи словъ самого Іисуса Христа, который говоритъ въ Апокалипсисѣ: «Я есмь алфа и омега, начало и конецъ» (1, 8). И буквы Х и Р, вмѣстѣ соединенныя, также нерѣдко встрѣчаются у древнихъ: они означали имя Христа. Четыре времени года, въ символическомъ значеніи выражали: зима—настоящую жизнь, весна—воскресеніе тѣлъ, лѣто—любовь Божію, осень—мученичество (такъ изъясняетъ древній писатель Минуцій Феликсъ); времена года обозначались соотвѣтствующими имъ занятіями. Одинъ монументъ имѣлъ слѣдующій многосоставной символъ: на камнѣ, который есть, конечно, Христосъ, стоитъ домъ, означающій Церковь; слѣва рыба, намекающая на преподаваемое Церковію крещеніе; справа свѣтильникъ, какъ знакъ просвѣщенія вѣрою; вверху вѣсы, напоминающія о вѣчномъ правосудіи и наконецъ гробъ Лазаря, увѣряющій о будущемъ воскресеніи. Злые духи были изображаемы въ видѣ змѣй, драконовъ, вороновъ.

Къ христіанской символикѣ надобно отнести и сіяніе около головъ святыхъ, такъ называемый дискъ или луночку (δίσκος, μήνισκος). Хотя и неоспоримо, что этотъ символъ могъ появиться въ Церкви независимо отъ внѣшняго вліянія; но достойно замѣчанія, однакоже, то обстоятельство, что еще язычники окружали головы своихъ боговъ лучами, и были даже такъ неразборчивы, что придавали это сіяніе изображеніямъ особенно прославившихся мужей. Какъ въ св. Писаніи награда, ожидающая вѣрнаго подвижника Христова, весьма часто представляется подъ образомъ вѣнца (напримѣръ 1 Кор. 9, 25. 2 Тим. 4, 8.): то этотъ аттрибутъ охотно усвояли мученикамъ, а потомъ даже исповѣдникамъ. Одинъ археологъ [1] видѣлъ два старыя изображенія св. апостоловъ Петра и Павла, гдѣ надъ ихъ главами изображенъ лавровый вѣнокъ. Впрочемъ на другихъ древнихъ изображеніяхъ, напримѣръ изъ четвертаго вѣка, лики Іисуса Христа, апостоловъ и прочихъ святыхъ являются и безъ всякаго сіянія. Сіяніе вокругъ главы Господа, гдѣ оно употреблялось, имѣло ту особенность, что состояло въ трехъ свѣтлыхъ полосахъ или лучахъ, составляющихъ какбы три верхніе рога креста. Что въ древнее время, даже у христіанъ, дискъ не имѣлъ того опредѣленнаго значенія, какое усвояется ему нынѣшнимъ искусствомъ—именно выраженія святости,—а вообще означалъ нѣчто возвышенное въ предметѣ, отдѣляющее его отъ другихъ подобныхъ предметовъ,—видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. На одной древней монетѣ времени Валента и Валентиніана—изображенія этихъ императоровъ представлены съ дискомъ, тогда какъ стоящій между ними мальчикъ Граціанъ не имѣетъ этого отличія, потому что онъ еще не былъ облеченъ достоинствомъ августа. Дискъ придавали даже животнымъ, если они сопоставлялись въ какое либо отношеніе къ вѣрѣ: такъ фениксу, о которомъ мы говорили выше,—агнцу, если онъ представлялъ Господа,—четыремъ символамъ Евангелистовъ—человѣку, льву, тельцу, орлу.

[1] Mamachi, antiqu. christ. I.

Кстати о символахъ Евангелистовъ. Въ древній періодъ времени, собственно первыхъ четырехъ вѣковъ, которыми мы ограничиваемъ свое изслѣдованіе, не видно ни одного изображенія этихъ символовъ, хотя уже св. Ириней усвояетъ ихъ Евангелистамъ. Тогда пользовались для обозначенія упомянутыхъ св. лицъ четырьмя свитками или четырьмя источниками, истекающими изъ горы, на которой находились Христосъ, Его монограмма или крестъ. Четыре символа Евангелистовъ были прежде даже предметомъ спора; св. Ириней усвоялъ человѣка Матѳею, орла Марку, тельца Лукѣ, и льва Іоанну [1], тогда какъ блаж. Августинъ—льва Матѳею, человѣка—Марку, тельца—Лукѣ и орла—Іоанну [2]. Мнѣніе Іеронима, который также хорошо зналъ христіанскій востокъ какъ и западъ, удержано въ церковномъ искусствѣ донынѣ, такъ что человѣкъ изображаетъ Матѳея, левъ—Марка, телецъ—Луку и орелъ—Іоанна [3]. Теперь принято представлять символы непремѣнно съ самими Евангелистами; а прежде иногда они были рисуемы одни. Что до евангелиста Іоанна—онъ былъ изображаемъ юношею [4], часто съ чашею въ рукѣ, изъ которой выставляется змѣя, для обозначенія того случая, когда святой выпилъ безвредно сосудъ съ ядомъ, чтобы показать идольскому жрецу силу христіанской вѣры [5].

Если мы доселѣ занимались разсмотрѣніемъ образовательныхъ искусствъ у древнихъ христіанъ: то это вовсе не значитъ, будто у нихъ уже не было обращено никакого вниманія на тоническія искусства, — т. е. искусства звуковъ. Поэзія и пѣніе были въ употребленіи у первыхъ вѣрующихъ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ неоспоримыя доказательства.

Поэзія въ христіанствѣ, въ самомъ началѣ, была служительницею Церкви. Произведенія древнѣйшаго царя-пѣвца Давида, нашли большое употребленіе въ церковно-богослужебныхъ собраніяхъ [6], такъ что св. Златоустъ замѣчалъ:

---

[1] Adv. haeres. III. 11. 17. [2] De consens. evangel. c. 6. [3] Hieron. contr. Iovin. [4] Comment. in Ezech. C. I. [5] August. Soliloqu. c. 22. [6] Ефес. 5, 19. Колос. 3, 16. 1 Кор. 14, 15. Іаков. 5, 13. Constit. apostol. II, 57. VIII, 34. Tertull. de jejun. c. 10 et 11. Ambros. epist. 33. ad Marcell. soror.

« въ нашихъ собраніяхъ Давидъ первый, средній и послѣдній [1], а Іеронимъ отдавалъ его псалмамъ предпочтеніе предъ остатками классической древности: «Давидъ нашъ Симонидъ, Пиндаръ и Алкей, нашъ Флаккъ, Катуллъ и Серенъ» [2]. Скоро и изъ среды самой Церкви возстали мужи съ возвышенными чувствами, съ пламенною рѣчью — и составили довольно своихъ пѣсней, дышащихъ чистымъ христіанскимъ богословіемъ. Такія духовныя пѣсни были извѣстны уже въ апостольское время и тогда еще ихъ отличали отъ псалмовъ. «Слово Христово, писалъ апостолъ Павелъ колоссянамъ, да обитаетъ въ васъ обильно, со всякою премудростію; научайте и вразумляйте другъ друга псалмами, славословіемъ и духовными пѣснями, съ благодатію воспѣвая въ сердцахъ вашихъ Господу» (Колос. 3, 16). Св. Игнатій богоносецъ, въ посланіи къ Ефесеямъ [3], говоритъ о пѣснопѣніяхъ, употреблявшихся у древнихъ христіанъ.

Мы имѣемъ не только общія извѣстія о духовно-стихотворныхъ пѣснопѣніяхъ въ первое время христіанства, но древность сохранила для насъ имена христіанскихъ пѣснописцевъ того періода. Таковы св. мученикъ Аѳинагоръ, который предъ смертію составилъ гимнъ, долго сохранявшійся въ Церкви [4]; египетскій епископъ Непосъ, составившій много пѣснопѣній, пользовавшихся извѣстностію [5]; Климентъ александрійскій, окончившій свое сочиненіе «Педагогъ» двумя гимнами Богу и Христу, изъ которыхъ одинъ дошелъ до насъ. Апостольскія постановленія заключаютъ въ себѣ много риѳмованныхъ или и прозаическихъ пѣснопѣній, употреблявшихся въ первые три вѣка; изъ нихъ малое славословіе: «слава Отцу и Сыну и Св. Духу», серафимская пѣснь: «святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ», великое славословіе: «слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ»—сохранились до нашего времени. Торжественный гимнъ: «Тебе Бога хвалимъ», въ главныхъ своихъ частяхъ также принадлежитъ этому времени.

---

[1] Hom. VI de poenit. [2] Ep. 50 al. 103 ad Paulin. [3] ad Ephes. n. 4. [4] Basil. M. de Spirit. S. c. 29. [5] Euseb. H. E. VII, 24.

Какое вліяніе древняя поэзія оказывала на чувство вѣрующихъ и съ какимъ стараніемъ занимались ею, видно изъ того обстоятельства, что еретики Вардесанъ и его сынъ Армоній своими гимнами увлекли весьма многихъ на свою сторону. Такой успѣхъ злонамѣренныхъ людей побудилъ сирійскаго діакона св. Ефрема составлять свои православные гимны, чтобы отучить вѣрующихъ отъ еретическихъ. Всѣ догматы св. Церкви, нравственность, священные обряды, были для него источникомъ пѣснопѣній, которыя долго повторялись въ устахъ народа, хотя до нашего времени и не сохранились. Изъ пѣсней св. Ефрема особенною извѣстностью пользовалась написанная на разрушеніе Никомидіи, сильно пострадавшей въ VI вѣкѣ отъ землетрясенія. И между твореніями св. Григорія богослова находится много стихотворныхъ произведеній; его стихи, частію богословскаго, частію историческаго содержанія (между послѣдними 129 эпитафій и 94 эпиграммы), отличаются высокими достоинствами какъ формы, такъ и содержанія; почему св. Златоустъ нѣкоторыя изъ его пѣснопѣній обратилъ въ общее церковное употребленіе. Самъ св. Іоаннъ Златоустъ долженъ былъ бороться съ аріанами тѣмъ же оружіемъ, какъ св. Ефремъ съ еретиками своего времени. Арій и его хитрые и недобросовѣстные приверженцы употребляли всю силу поэзіи и самую торжественную обстановку, чтобы привить свое ученіе въ умы и сердца легковѣрныхъ. Съ цѣлію противодѣйствовать стараніямъ враговъ истины Златоустъ и самъ составилъ не мало духовныхъ пѣснопѣній, и много составленныхъ прежде ввелъ въ общественное употребленіе [1]. Стихотворенія подобнаго рода, по необходимости, имѣли догматическій характеръ; точно также, какъ и произведенія Синезія, птолемаидскаго епископа, отличавшіяся благозвучіемъ и изяществомъ, и воспѣвавшія величіе Бога, Его неизреченное всемогущество, таинство пресвятой Троицы, искупленіе, начало новаго Завѣта и конецъ ветхаго, и проч.

[1] Socrat. H. E. VI, 8. Sozom. H. E. VIII, 8.

Хотя иной любитель, такъ называемой, классической древности и отдастъ предпочтеніе до-христіанскимъ поэтамъ предъ христіанскими: но не таково можетъ быть сужденіе знатока дѣла. Одинъ германскій ученый совершенно безпристрастно замѣчаетъ: «уже въ первое время своего развитія (христіанская) поэзія произвела довольно превосходнаго, что, по зрѣлости содержанія, глубинѣ и возвышенности религіозныхъ чувствъ, — выдерживаетъ параллель съ произведеніями языческой поэзіи прежняго времени; уступая послѣднимъ въ чистотѣ языка, она превосходитъ ихъ большею самостоятельностію и поэтическимъ пареніемъ» [1]. Мы можемъ прибавить къ этому замѣчательному сужденію германца: произведенія христіанской поэзіи, въ сравненіи съ языческими до-христіанскаго времени, отличаются несравненно высшею духовностію, большимъ нравственнымъ достоинствомъ и совершеннымъ соотвѣтствіемъ съ внутреннѣйшими стремленіями нашей души.

Съ четвертаго вѣка, и особенно на западѣ, христіанская поэзія усвоила себѣ метрико-строфическое построеніе. Іеронимъ называетъ между западными поэтами — Лактанція, Ювенка и Иларія; нѣкоторыя изъ стихотвореній послѣдняго были даже въ церковномъ употребленіи [2]. Іеронимъ упоминаетъ о затерянномъ теперь собраніи духовныхъ пѣсней, составленныхъ Иларіемъ подъ названіемъ: «книга таинствъ». Около времени Иларія († 368 г.) христіанскіе гимны были обыкновенно составляемы въ поэтическомъ размѣрѣ: самъ Иларій замѣчаетъ объ этомъ и видитъ въ этомъ дѣло Божія милосердія. [3] Но особенною любовію къ поэзіи и музыкѣ отличался св. Амвросій медіоланскій. Его гимны были въ большомъ употребленіи у современниковъ и потомковъ.

Хорошимъ представителемъ не только лирической поэзіи, а также эпической и дидактической въ IV вѣкѣ служитъ Пруденцій, префектъ императорскаго преторія, родившійся около

---

[1] Bähr, Geschichte der römischen Literatur, Supplem. 1. Abtheil. Die christlichen Dichter. Karlsruhe, 1836. S. 5. [2] Catal. vir. illustr. c. 80. 84. 100. [3] In Ps. 65.

348 г. въ Испаніи. Его произведенія суть: 1) гимны на разныя времена дня и разные праздники (καθημέρινον); 2 Психомахія (ψυχομαχία), гдѣ описывается борьба добра и зла въ человѣкѣ; 3) Перистефанонъ (περὶ στεφανῶν)—поэтическое описаніе страданій и смерти многихъ мучениковъ, имѣющее даже церковно-историческое значеніе; [1] 4) апотеозъ (ἀποθέωσις)—стихотвореніе противъ оспаривавшихъ ученіе о Божествѣ,—далѣе о природѣ души и воскресеніи тѣла; 5) амартигени (ἁμαρτιγενή)—дидактическое стихотвореніе о происхожденіи грѣха и 6) двѣ книги противъ Симмаха, излагающія почти всю систему богословія. Знаніе греческихъ и римскихъ дохристіанскихъ поэтовъ, какимъ обладалъ Пруденцій въ достаточной степени, придавало особенную обработанность его произведеніямъ, и тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что онъ не избѣжалъ нѣкоторыхъ невѣрностей въ языкѣ и версификаціи. Пруденцій имѣетъ ту неоспоримую заслугу, что приспособилъ поэзію во всѣхъ ея отрасляхъ къ предметамъ вѣры. У него, впрочемъ, преобладаетъ больше наука и искусство. Неподдѣльное чувство и мягкое сердце видны у Павлина ноланскаго, оставившаго много стихотвореній, не столько лирическаго, сколько описательнаго свойства. Поэзія его замѣчательна тѣмъ, что она отвергла всѣ языческія украшенія и ограничилась строго-христіанскимъ кругомъ мыслей и чувствъ; она не раба-подражательница древней классической поэзіи, а скорѣе ея знакомая, сходная съ нею только—языкомъ и размѣромъ. Въ одномъ стихотвореніи Павлинъ проситъ прощенія за цитатъ изъ Виргилія, потому что, по его выраженію, «такое заимствованіе должно быть чуждо монаха».

Всегда и вездѣ неразлучною спутницею поэзіи было пѣніе. И въ христіанствѣ, въ самомъ началѣ, является пѣніе; такъ первая вѣсть въ мірѣ о явленіи Спасителя была воспѣ-

[1] Именно ученый Руинартъ біографическія пѣснопѣнія о страданіяхъ св. Ипполита, Лаврентія, Киприна, Кассіана, осьмнадцати мучениковъ и Евлаліи признавалъ древнѣйшими и подлинными свидѣтельствами.

та ангелами: «слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе» (Лук. 2, 14). Самъ Господь, въ случаяхъ особенной важности, употреблялъ пѣніе, и этимъ какбы освятилъ его для Церкви; такъ, по окончаніи тайной вечери, Іисусъ Христосъ и апостолы—«воспѣвъ, пошли на гору Масличную» (Матѳ. 26, 30). Что, въ самомъ дѣлѣ, пѣніе при богослуженіи въ древнее время занимало важное мѣсто, видно изъ многократныхъ указаній св. апостоловъ на эту составную часть обрядности (Ефес. 5, 19. Колос. 3, 16. Іак. 5, 13. 1 Кор. 14, 15. Дѣян. 2, 47. 16, 25.) Изъ апостольскихъ выраженій мы можемъ заключить даже о различіи пѣнія, употреблявшагося въ первобытной Церкви: именно мы находимъ пѣніе псалмовъ и пѣсней, или гимновъ. [1] Что до перваго, то, по всей вѣроятности, вмѣстѣ съ псалмами, употреблявшимися въ іудейскомъ богослуженіи, Церковь заимствовала и нѣкоторыя мелодіи, или музыкальный риѳмъ древнѣйшихъ евреевъ. Конечно, звуки еврейской музыки, слышавшіеся въ пѣніи псалмовъ, были чужды уху христіанъ изъ язычниковъ,—но послѣдніе могли быть достаточно вознаграждены пѣніемъ гимновъ, уже положенныхъ на музыку народную, столько близкую имъ. Можетъ быть даже, что изъ смѣшенія мотивовъ той и другой музыки произошло нѣчто среднее—съ основнымъ характеромъ Давидовыхъ тоновъ. [2] Образъ пѣнія былъ простой и серьезный, но въ тоже время пріятный и торжественный. Этихъ преимуществъ духовное пѣніе достигало при помощи неизысканнаго и ровнаго произношенія, о чемъ и говоритъ св. Златоустъ: «ничто не возвышаетъ души столько, ничто не можетъ столько удержать ее на высотѣ, отрѣшить отъ земли и освободить отъ узъ плоти, ничто не проникаетъ ее такою любовію и истинною мудростію, ничто не внушаетъ ей такого презрѣнія къ земному, какъ ровное пѣніе псалма и похвальная пѣснь Господу, произносимая въ тактъ. Вся наша природа находитъ въ такомъ пѣніи столь

[1] Clem. Alex. Pædag. 11. 4. it. orat. ad gent. [2] Organ für christl. Kunst. V Iahrg. 1855, № 4.

великую радость, что при помощи его часто успокоиваются плачущія дѣти». [1] И св. Аѳанасій великій старался о простотѣ и достоинствѣ церковнаго пѣнія и употреблялъ всѣ усилія отвлечь своихъ согражданъ отъ свѣтской музыки, такъ что казалось, какъ будто онъ говорилъ, а не пѣлъ. [2] Протяжное пѣніе особенно было въ употребленіи въ Африкѣ, такъ что еретики донатисты даже укоряли за него православныхъ. [3] Впрочемъ Церковь не чуждалась и скораго, живаго пѣнія, и только предостерегала вѣрующихъ, отъ изнѣженныхъ и женоподобныхъ звуковъ. [4] Пѣніемъ въ храмѣ управляли особенные пѣвцы (ψάλται), о которыхъ уже св. Игнатій богоносецъ упоминаетъ въ своихъ посланіяхъ. Лаодикійскій соборъ предписываетъ даже, что «кромѣ пѣвцевъ, состоящихъ въ клирѣ, на амвонъ входящихъ и по книгѣ поющихъ, не должно инымъ нѣкоторымъ пѣть въ церкви»; [5] но это распоряженіе, конечно, должно понимать, по изъясненію Вальсамона, такъ, что соборъ запрещаетъ мірянамъ предначинать пѣніе и вообще распоряжаться на клиросѣ. При богослуженіи можно было употреблять только пѣснопѣнія, одобренныя Церковію; кажется, впрочемъ, что рано вкрались разныя злоупотребленія въ этомъ отношеніи, потому что Лаодикійскій соборъ, въ одномъ правилѣ, говоритъ о псалмахъ «несвященныхъ», [6] т. е. составленныхъ еретиками или людьми несвѣдущими. Вѣрующіе, видя такую заботливость Церкви о пѣніи, съ охотою—пѣли и пѣли, конечно, хорошо. Тертулліанъ пишетъ о древней агапѣ: «по умовеніи рукъ и зажженіи свѣчей, христіане занимаютъ другъ друга, однакоже такъ, что они постоянно помнятъ о всеслышащемъ Богѣ; просятъ каждаго (кому угодно) пропѣть пѣснь Богу, которую онъ беретъ изъ св. Писанія или изобрѣтаетъ самъ». [7] Съ своей стороны, епископы наблюдали, чтобы пѣніе сохраняло достоинство и приличіе—и гдѣ вкрадывались злоупотребленія, тамъ они

---

[1] Homil. in Psal. [2] August. Confess. X. 33. [3] August. Ep 119. [4] Clem. Alex. Paedag. 11. 4. Учитель сильно возстаетъ противъ хроматической гармоніи. [5] С. 15. [6] С. 59. [7] Apolog. c. 39.

тотчасъ же были отмѣняемы предстоятелями церквей. Такъ св. Аѳанасій великій, какъ мы видѣли выше, былъ поставленъ въ необходимость вооружиться противъ пѣнія, неприличнаго храму, и придать ему болѣе пристойный видъ. Св. Іоаннъ Златоустъ превосходно охарактеризовалъ свѣтское языческое—и церковное пѣніе въ слѣдующемъ обращеніи къ своимъ слушателямъ: «эти два рода пѣнія такъ различны, какъ хоры ангеловъ, плѣняющихъ благозвучіемъ небесныя сферы, и негармоническій крикъ животныхъ.. Когда играютъ на флейтѣ губами,—то надутыя щеки и напряженно сжатые мускулы придаютъ лицу непріятное выраженіе, а здѣсь (въ христіанскомъ пѣніи) все дышетъ пріятностію Духа Божія, который, вмѣсто флейтъ, лиръ и трубъ, возбуждаетъ къ хвалѣ Всевышняго голоса святыхъ. Мы напрасно старались бы описать словами чувственнымъ людямъ пріятность этихъ мелодій». [1]

Въ древнѣйшее время пѣснопѣнія были произносимы въ богослужебныхъ собраніяхъ всѣмъ народомъ; Св. Златоустъ, въ одной бесѣдѣ, сравнивая апостольскія времена съ своими, замѣчаетъ: «нѣкогда всѣ пѣли вмѣстѣ, что и мы дѣлаемъ теперь». [2] И въ другомъ мѣстѣ онъ выражается: « жены и мужи, старцы и юноши поломъ и возрастомъ различны, но не различны въ отношеніи къ пѣнію; потому что духъ, соединяя голоса каждаго въ отдѣльности, изъ всѣхъ устрояетъ одну мелодію». [3] Блаж. Августинъ также упоминаетъ объ общемъ народномъ пѣніи; [4] и Иларій даетъ понять, что этотъ образъ пѣнія не былъ чуждъ западу. [5] Одновременно съ общимъ, всенароднымъ пѣніемъ уже рано появилось и перемѣнное пѣніе. Историкъ Сократъ возводитъ начало этого пѣнія къ св. Игнатію антіохійскому, который, по откровенію, видѣлъ ангеловъ, какъ они поперемѣнно восхваляли Пресв. Троицу; [6] послѣ священномученика перемѣнное пѣніе осталось въ Антіохіи. Если Ѳеодоритъ, напротивъ того, утверждаетъ, что антіохій-

---

[1] Hom. 68. [2] Hom. 36 in 1 Cor. [3] In Ps. 145. [4] De verb. apost. serm. 10. [5] In Ps. 65. [6] H. E. 11, 8.

ская Церковь перемѣнное пѣніе псалмовъ заимствовала отъ монаховъ Флавіана и Діоскора въ царствованіе Констанція: [1] то оба показанія примиряются предположеніемъ, что пѣніе, введенное св. Игнатіемъ въ Антіохіи и съ теченіемъ времени забытое, упомянутыми иноками было опять возстановлено.— Такъ, перемѣнному пѣнію принадлежитъ глубокая древность, потому что, по свидѣтельству Іеронима, уже іудей Филонъ, жившій въ I вѣкѣ, утверждалъ, что христіане рано утромъ сбираются на извѣстномъ мѣстѣ и, раздѣлившись на хоры, изъ которыхъ у каждаго свой начальникъ, поютъ искуснымъ, удивленія достойнымъ образомъ. Изъ Антіохіи такое пѣніе перешло въ Константинополь, гдѣ Златоустъ нашелъ его въ употребленіи; усовершенствовавъ, св. отецъ противопоставилъ его аріанамъ, съ успѣхомъ употреблявшимъ его въ своихъ собраніяхъ; [2] Св. Василій великій замѣчаетъ, что обычай —пѣть на два хора, въ его время былъ распространенъ по всему востоку. [3] Этотъ отецъ Церкви весьма много заботился о церковномъ пѣніи: онъ не только былъ личный любитель его, но и употреблялъ всѣ старанія о возвращеніи пѣнію церковной чистоты тамъ, гдѣ, по злоупотребленію, она была нарушена посторонними примѣсями. Перемѣнное пѣніе состояло въ томъ, что народъ, раздѣлившись на два лика, попеременно пѣлъ и притомъ нетолько псалмы, но и нарочито составленные гимны. Перемѣнное пѣніе называли антифоннымъ (ἀντιφωνή). Общее и перемѣнное пѣніе соединяются въ третьемъ родѣ пѣнія, гдѣ пѣвецъ (φώνασκος, ὑποβολεύς) произноситъ одну часть стиха или строфы, а хоръ оканчиваетъ, или пѣвецъ возглашаетъ весь стихъ, а хоръ его повторяетъ. Это у грековъ называлось ὑπηχεῖν, ὑπακοεῖν, τὰ ἀκροστιχία ὑποψάλλειν, у латинянъ, succinere; и самое пѣніе называлось на западѣ: responsorium, на востокѣ—ὑποψαλμα, διάψαλμα, ἀκροτελεύτιον, ἐφύμνον. [4] Иной разъ начальникъ хора пѣлъ весь стихъ, и народъ

---

[1] H. E. 11, 24. [2] Socrat. H. E. VI, 8. [3] Basil. ep. ad Neocaes. [4] Const. apost. 11, 57.—Chrysost. in Ps. 137; Hom. 36 in 1. Cor. Basil. M. ep. 69 ad Neocaes. Ambros. Hex III, 5. August. enarr. in Ps. 18 et 138.

только оканчивалъ: аминь; иногда хотя и рѣдко, случалось, что онъ пѣлъ одинъ, и всѣ слушали молча,—что происходило больше тогда, когда гимнъ былъ пѣтъ въ первый разъ. Еще было пѣніе, въ которомъ только извѣстныя части были повторяемы; такъ св. Аѳанасій александрійскій, великій, во время гоненія на себя, велѣлъ пѣть псаломъ, изъ котораго хоръ повторялъ слова: «яко въ вѣкъ милость Его». При перенесеніи мощей св. Вавилы въ Антіохіи народъ пѣлъ: «да постыдятся всѣ, поклоняющіеся идоламъ, хвалящіеся своими истуканами ». [1]

Св. Амвросій медіоланскій, великій отецъ запада, подражалъ антифонному пѣнію восточной Церкви. Какъ это случилось, разсказываетъ въ своей исповѣди блаж. Августинъ: «императрица Іустина, по слѣпому пристрастію къ аріанамъ, преслѣдовала епископа Амвросія, такъ что онъ принужденъ былъ удалиться въ церковь. Народъ, любившій его, остался съ нимъ и готовъ былъ съ нимъ и умереть. Когда дѣло тянулось и безпокоились, чтобы народъ не соскучился, — стали пѣть псалмы и употребили пѣніе по обычаю восточныхъ Церквей. Съ этого времени прекрасное нововведеніе существуетъ въ Медіоланѣ, и его примѣру послѣдовали почти всѣ Церкви (на Западѣ)» [2]. Это пѣніе «по обычаю восточныхъ Церквей» было не другое, какъ антифонное. Какое впечатлѣніе оно производило—свидѣтель блаж. Августинъ. «Сколько плакалъ я,—взываетъ Августинъ св. Амвросію, — слушая твои гимны и пѣснопѣнія, глубоко потрясенный голосами твоей Церкви, умильно звучащей! Тѣ голоса лились въ мои уши и истина капала въ мое сердце; возгаралось во мнѣ чувство благоговѣнія, слезы лились—и мнѣ было тогда такъ хорошо!» [3] Какъ полюбили пѣніе на западѣ, видно изъ того, что при св. Григоріѣ Двоесловѣ въ Римѣ учреждено было училище пѣнія для церковниковъ, и особливо для сиротъ, а въ другіе города были отправлены клирики, искусные въ пѣніи, чтобы наставлять людей въ пѣніи и руководствовать ими при

[1] Sozom. H. E. III, 6. V, 19. [2] IX, 7. [3] IX, 4.

богослуженіи. Замѣчательно, что даже отъ кандидатовъ на священство требовалось хорошее знаніе церковнаго пѣнія, какъ одно изъ важныхъ условій ихъ способности. [1] Мы не станемъ здѣсь входить въ подробности о различіи образовавшихся на западѣ двухъ родовъ пѣнія—амвросіанскаго (метрическаго) и грегоріанскаго (безъ метра). Желающіе могутъ найти свѣдѣнія въ иностранныхъ сочиненіяхъ. [2]

Духовное пѣніе не только было употребляемо при общественномъ богослуженіи въ церкви, но вѣрующіе охотно пользовались имъ въ домахъ своихъ—для взаимнаго назиданія. Вспомнимъ, что Тертулліанъ говоритъ о древней агапѣ, и какъ св. Златоустъ убѣждаетъ отцевъ—учить домашнихъ благочестивому пѣнію. [3] Упомянутый писатель II-го вѣка, Тертулліанъ, между благочестивыми занятіями христіанской четы ставитъ и духовное пѣніе. «Между ними обоими, онъ пишетъ, [4] раздаются псаломъ и славословіе, и они между собою соперничаютъ, кто лучше поетъ Богу». Историкъ Сократъ разсказываетъ, что императоръ Ѳеодосій младшій каждый день съ своими сестрами упражнялся, въ своемъ дворцѣ, въ пѣніи псалмовъ. [5] Народъ и дѣти знали псалмы наизусть, и каждый ихъ пѣлъ,—какъ замѣчаетъ Іеронимъ, земледѣлецъ у плуга, портной и виноделецъ за своей работой. [6]

Въ заключеніе намъ остается сказать о музыкѣ, въ собственномъ смыслѣ, и объ употребленіи ея у древнихъ христіанъ. Въ особенно торжественныхъ случаяхъ, какъ наприм. бракосочетаніяхъ, музыка была въ употребленіи,—но не въ церкви, какъ само собою понятно, а въ домѣ. Вообще противъ инструментальной музыки своего времени первые христіане имѣли предубѣжденіе; такъ Климентъ Александрійскій не одобряетъ флейтъ и свистковъ Пана, и едва снисходительно отзывается о трубахъ, гитарѣ и гусляхъ. Изъ выше приведеннаго мѣста св. Златоуста, въ которомъ онъ по-

---

[1] Ioann. diac. in vit. Gregor. 11, 6. [2] Forkel, Allgem. Geschichte der Musik; Lüft, Liturgik II B, 1 Abtheil, S. 211. [3] Homil. 60 in Math. in Psal. 141. [4] Ad uxor. 1, 6. [5] H. E. VII, 32. [6] Ep. 17. al. 44.

казываетъ различіе христіанскаго и языческаго пѣнія, видно, какого мнѣнія о музыкѣ были церковные Отцы и учители его времени; именно они думали, что музыка не годится для храма, и что истинная церковная музыка—разумная и всякому понятная—есть простое пѣніе.[1] Древній западъ не зналъ органной музыки, и она вошла тамъ въ употребленіе уже въ очень позднее время: по отзыву нѣкоторыхъ, даже въ XVI столѣтіи!

Священникъ Павелъ Матвѣевскій.

[1] Hom. 68.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ СВЯТИТЕЛЯ И ЧУДОТВОРЦА НИКОЛАЯ.

Блажени кротцыи, яко тіи наслѣдятъ землю. Матѳ. 5, 5.

И — вотъ нынѣ съ радостію видимъ исполненіе сего обѣтованія, и въ память его совершаемъ торжественный праздникъ. Святитель Христовъ Николай чудотворецъ, въ жизни бывшій образомъ кротости, по смерти дѣйствительно наслѣдовалъ селеніе святыхъ Божіихъ, гдѣ, среди небесной славы и блаженства, вѣчно обитаетъ кротость.

Остановимъ, братіе, мысли и чувствованія наши на этой боголюбезной добродѣтели святителя Христова Николая, скораго помощника и молитвенника о душахъ нашихъ, чтобы, видя ее въ живомъ, Церковію представляемомъ и столь близкомъ нашему сердцу образѣ кротости, тѣмъ легче намъ оживить ею свои сердца и, при помощи благодати Божіей, тѣмъ лучше настроить свою жизнь.

Кротость, по самому своему существу, заключаетъ въ себѣ столь чудную силу, что не только сама бываетъ тверда и неколебима, но тихимъ и легкимъ способомъ благотворнаго своего вліянія утверждаетъ все и вокругъ себя. Кротость тверда правильною своею уступчивостію, мягкостію и миролюбіемъ. Посмотрите, какъ встрѣчаетъ обиду заносчивая дерзость. Она или сокрушаетъ обидчика, или сама сокрушается отъ досады оскорбленнаго самолюбія: — напротивъ кротость, въ этомъ случаѣ, и не поражаетъ противника, и сама остается невозмутимою. Оттого гдѣ не уживется она? Какъ тихое и мирное расположеніе сердца, кротость не *ищетъ высшихъ себе, и крѣплшихъ себе не испытуетъ* (Сир. 3, 21);

она чужда всякихъ притязаній на права другихъ и никогда не раздражаетъ ближняго. Кротость, какъ тихая рѣка, течетъ ровно и мирно въ предѣлахъ своей дѣятельности. Одушевлены ли кротостію величіе и власть:—онѣ благоразумно снисходительны къ низшимъ и подчиненнымъ; терпѣливо и охотно внемлютъ ихъ нуждамъ и прошеніямъ, и бываютъ тихою пристанью для обуреваемыхъ напастями. Живутъ ли въ духѣ кротости подчиненные:—повиновеніе и покорность составляютъ душу гражданской ихъ жизни; ропотъ и недовольство чужды ихъ сердцу и мыслямъ. Кроткій начальникъ—отецъ своихъ подчиненныхъ, и подчиненные повинуются ему не *за страхъ, а за совѣсть*, хотя бы онъ употреблялъ иногда и нужную строгость. Дышетъ ли духомъ кротости пастырь и учитель словеснаго стада:—его слово невольно проникаетъ въ душу поучаемыхъ; самое обличеніе съ его стороны не огорчаетъ, а умиляетъ и трогаетъ. Ему довольно бываетъ и одного намека на пороки, чтобы смягчить сердце и возбудить раскаяніе. Въ судіи—кротость открываетъ душу преступника, и легко извлекаетъ признаніе изъ глубины его сердца. Мужественный, но кроткій воинъ—это почтенный и достолюбезный членъ своихъ соотечественниковъ:—а безъ кротости—онъ есть гроза не враговъ, а своихъ ближнихъ. Что́ вожделѣннѣе благотворенія въ общежитіи? но и оно, если исходитъ отъ руки человѣка строптиваго, — теряетъ пріятность и пріемлется хладнокровно; самая бѣдность, вынуждаемая крайностію воспользоваться подаяніемъ, остается равнодушною къ милостынѣ, когда видитъ, что она подается съ рѣзкимъ укоромъ и презрѣніемъ. Кротость же все услаждаетъ.—Поступки кроткаго тихи и благоприличны; обхожденіе и нравы пріятны, безъ лицемѣрія; слова мягки, безъ лести, и какбы увлаживаютъ слухъ и душу. Въ сердцѣ кроткаго почіютъ миръ и покой, обрѣтаемые въ самой кротости. Кроткаго всѣ любятъ; такъ что предъ нимъ, по видимому, смиряется и самая гордость. Кротость привлекаетъ къ себѣ очи Господа, покоющіяся преимущественно на крот-

комъ (Ис. 66, 27)—. *На кого воззрю, токмо на кроткаго*, вѣщаетъ Господь. При видѣ кротости, невольно привязываешься къ человѣку кроткому. Свидѣтель и примѣръ этого великій святитель и чудотворецъ Николай. Что́ привлекало къ нему, въ житіи его, очи и сердца всѣхъ, видѣвшихъ его? Наипаче—святая кротость. Кроткій, ангельскій его видъ, проливалъ во всѣхъ отраду и утѣшеніе. Какъ тихій свѣтъ весенняго солнца льетъ мирную радость въ наши сердца: такъ одинъ взоръ святой кротости святителя Николая умилялъ сердца самыя ожесточенныя.—Вотъ почему, братіе, кротость, столь любезная не только на землѣ, но и на небѣ, получаетъ въ наслѣдіе себѣ небо и землю; блаженна тамъ и здѣсь; это драгоцѣнная добродѣтель въ вѣчности и времени, безъ ней многое доброе или изчезаетъ, или теряетъ свою цѣну.

Не вѣрьте, братіе, если кто, чуждый духа кротости, говоритъ вамъ, что кротость есть слабодушіе, безсиліе и вялость сердца, и будто она несовмѣстна съ силою и величіемъ духа. Это вовсе несправедливо. Правда, безсиліе и слабость духа большею частію обнаруживаются тихостію, и имѣютъ видъ кротости; но только—видъ, а не самую кротость. Кротость есть дѣло нашего тщанія, а особенно, Божіей благодати. Кротость, какъ добродѣтель, является тогда, когда человѣкъ, сознавая полноту жизни и душевныхъ силъ, не раздражается, не увлекается ни гордостію, ни гнѣвомъ, но старается обуздывать и смирять себя. Чрезъ постоянный навыкъ такого-то самоукрощенія, онъ, при помощи Божіей благодати, наконецъ насаждаетъ въ себѣ ту именно добродѣтель, о которой мы теперь бесѣдуемъ. Кротость есть подвигъ самоограниченія, сдержанности и обузданія строптивой безпокойной природы.

Поэтому кротость очень совмѣстна съ силою и величіемъ духа: это никакъ не безсиліе и вялость характера, а благоустроенность и умиреніе сердца. Вѣдь и море иногда бываетъ кротко и тихо, но не отъ скудости воды, а отъ ровнаго и покойнаго ея движенія. Въ комъ особенно трудно, пови-

димому, предполагать присутствіе кротости, какъ не въ человѣкѣ, идущемъ по пути воинскаго званія: но и воинъ тогда только бываетъ истиннымъ воиномъ, когда онъ—по храбрости и неустрашимости,—левъ среди враговъ, во время сраженія, является агнцемъ во время мира, — агнцемъ, не только съ своими, но и съ бывшими врагами. Истинное мужество или храбрость умѣетъ сдерживать себя, въ нужное время, и съ кротостію неразлучна. Не кротокъ ли, по свидѣтельству слова Божія, былъ Моисей? А между тѣмъ не видимъ ли мы въ немъ мужа сильнаго и великаго, на рамена коего какбы возложилъ Господь всѣ надежды народа многочисленнаго, — всѣ нужды и требованія людей преогорчевающихъ? Не онъ ли велъ брани, или лучше, управлялъ ими въ пустынѣ? Примѣръ и образецъ кротости — также и Давидъ: а не онъ ли обладалъ великою крѣпостію не только тѣла, такъ что, пася стадо, *со львы играше*, *яко съ козлищи* (Сир. 47, 3), но и духа, когда, царствуя надъ Израилемъ, поражалъ полчища враговъ? Такіе и подобные примѣры—непререкаемое для насъ увѣреніе, что величіе и сила духа удобно могутъ соединяться съ кротостію сердца, а кротость съ величіемъ и силою духа. Болѣе же всего такое соединеніе мы видимъ въ лицѣ самого Господа Спасителя. Что можетъ сравниться съ безприкладнымъ Его величіемъ? Ангелы, въ благоговѣніи, трепещутъ предъ Нимъ, когда Онъ являетъ праведный гнѣвъ свой, въ смятеніе приходитъ вся тварь. Но, въ праведномъ своемъ гнѣвѣ, являясь, по слову Писанія, *страшнымъ* (Втор. 10, 17), онъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть Богъ кроткій и, по собственному Его слову, — самая кротость и любовь безконечная. Если Онъ не поражаетъ насъ за наши преступленія, умножающіяся до безконечности и оскорбляющія божественное Его величіе, но еще долготерпитъ намъ: то что видно изъ этого? Видна Его любовь милосердая, и вмѣстѣ кротость безпредѣльная.

Такъ, ложно, братіе, будто кротость несовмѣстна съ величіемъ и силою духа. Напротивъ, истинное величіе даже и не можетъ быть безъ кротости! Величіе и сила, нераство-

ренныя кротостію, не привлекаютъ къ себѣ любви, а скорѣе тяготятъ и ужасаютъ человѣчество. Только истинная кротость христіанская дѣлаетъ ихъ достолюбезными и пріятными. Она отрада и утѣшеніе человѣческихъ обществъ, ограда мира и тишины, залогъ нашего временнаго счастія и вѣчнаго блаженства.

Кто же, братіе, не возлюбитъ сей достолюбезной добродѣтели? не возжелаетъ ея, какъ сокровища драгоцѣннаго и не отверзетъ для ней своего сердца?!

Обратимся молитвенно къ образу кротости—святителю и чудотворцу Николаю, да умолитъ онъ Господа, кроткаго и смиреннаго сердцемъ, чтобы божественною Его благодатію утвердилась въ нашихъ сердцахъ и правахъ и въ жизни всего міра святая Его кротость. Да сохранится она навсегда и въ высокомъ духѣ августѣйшаго Монарха нашего, чтобы подъ небесною державою Вседержителя и подъ скипетромъ Помазанника Его всѣ мы кроткое, *тихое и безмолвное житіе провождали во всякомъ благочестіи и чистотѣ*, и наслѣдовали истинное—какъ временное счастіе, такъ и вѣчное блаженство, по непреложному слову истины: *блажени кротцыи, яко тіи наслѣдятъ землю*. Аминь.

Архимандритъ Фотій.

ИНОКИНѢ *.

Я зналъ тебя, когда въ семъ мірѣ
Еще ребенкомъ ты была,
И ставъ поэтовъ юныхъ въ клирѣ,
Перстами дѣтскими на лирѣ
Аккорды первые брала.
Потомъ, дѣвицею-мірянкой
Являлась ты къ семьѣ людской;
Но свѣта лживою приманкой
Талантъ не увлекался твой.
И вотъ — обѣтомъ послушанья
Сковавъ всѣ думы и мечты,
Свой даръ склонивъ подъ гнетъ молчанья,
Явилась инокиней ты.
Прости, что предъ тобой я смѣю
Предстать и въ эти времена —
Быть можетъ съ грѣшною моею
И ложной мыслью! Вотъ она:

* * *

Таланты Богомъ намъ даются; —
Коль въ гимнахъ, ими что поются,
Горятъ небесные лучи,
То и съ церковнаго порога
Тотъ поднялъ голосъ противъ Бога,

---

* Давая мѣсто въ своемъ журналѣ этому посланію извѣстнаго поэта, В. Г. Бенедиктова, къ рясофорной послушницѣ, Е. Н. Шаховой и—ея Возраженію, не излишнимъ считаемъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Въ самомъ «Возраженіи» представляется довольно удовлетворительный отвѣтъ относительно обѣта молчанія. Что же касается до «жалобы на гордыхъ пастырей духовныхъ», то единственный случай, могшій возбудить въ поэтѣ чувство неудовольствія противъ «учителей смиренія», которые будто бы «бросили въ него проклятіями и камнями»,—былъ, сколько намъ извѣстно, тотъ, что на одно его стихотвореніе, напечатанное въ Сынѣ Отечества, подъ заглавіемъ: «*Недоумѣніе*»,—въ Церковной Лѣтописи Духовной Бесѣды (14 мая 1860 г.) сдѣлано замѣчаніе, что мысль, выраженная въ немъ, кощунственна; но сдѣлано съ такою умѣренностію, что самому поэту не высказано при этомъ даже ни одного укоризненнаго слова. Такъ дѣйствуетъ обличеніе, совершаемое въ духѣ истинной христіанской любви, — всегда отличающее погрѣшность отъ погрѣшающаго. А съ другой стороны, такъ трудно бываетъ человѣку, нетерпящему обличеній, отдѣлить свое заблужденіе отъ себя самого!

*

Таланту кто сказалъ: «молчи!
«Молчи! я у тебя отъемлю
«Права на пѣснь, на вѣщій стонъ,
«Уйди въ пустыню! Вройся въ землю,
«Иль въ кельѣ будь похороненъ!»
Не правъ, кто сдавшись словъ сихъ грому,
Готовъ, въ отказъ святымъ правамъ,
Внимать наставнику земному,
А не евангельскимъ словамъ.

* * *

Не сотворивъ себѣ кумира,
Талантъ, свѣтиломъ міру будь!
Въ быту мірскомъ, сквозь дрязги міра
Пробей монашественный путь!
И стой — не за стѣной угрюмой,
Но смутъ житейскихъ посреди,
Съ своей отшельнической думой
И честной схимою въ груди!
Любви небесной дай намъ пламень!
Явись съ участьемъ — не съ грозой,
И грудь людскую — этотъ камень
Прожги молитвенной слезой!

Я ученикъ, я — не учитель,
Я — червь земли, не сынъ небесъ,
Но и не демонъ искуситель,
Не посланный изъ ада бѣсъ,
Который хочетъ къ вѣчной мукѣ
Тебя привлечь бряцаньемъ словъ;
Я самъ божественной наукѣ
Учиться у тебя готовъ.
Себя не чту, не именую
Я вѣдущимъ, но предаю
На судъ твой мысль мою земную,
Какъ грѣхъ, какъ исповѣдь мою.

* * *

Притомъ, средь думъ моихъ грѣховныхъ,
Тебѣ я жалуюсь скорбя
На гордыхъ пастырей духовныхъ ,
На цѣлый свѣтъ и на тебя.
Когда не могъ я быть послушнымъ

Суду учителей кривыхъ,
Ни оставаться равнодушнымъ
Къ велѣнью Божьихъ словъ святыхъ,
Когда изъ хладныхъ сферъ деизма
Скорѣй предаться былъ я радъ
Смолѣ кипящей скептицизма,—
Я думалъ: христіанинъ-братъ,
Чтобъ утолить мнѣ сердца муку,
Ко мнѣ свой голосъ устремитъ,
Съ любовью мнѣ протянетъ руку
И нечестивца вразумитъ; —
Просилъ я свѣта, разумѣнья —
И чтожь? Учители смиренья,
Свой гнѣвомъ духъ воспламеня,
Подъ небомъ о Христѣ мнѣ братья,
Свои мнѣ бросили проклятья,
Швырнули камнями въ меня. —
И ты, вдыхая свѣтъ эѳирный,
Ко мнѣ безжалостна была,
И средь молитвъ, изъ кельи мирной
Свой камень также подняла!

В. Бенедиктовъ.

ВОЗРАЖЕНІЕ.

Гляжу въ раздумьи на посланье
Знакомой, дружеской руки,
Въ которомъ только двѣ строки
Зовутъ меня прервать молчанье...
Ты говоришь, что «ты готовъ
Наукѣ, высшей всѣхъ, учиться,
Съ моихъ простыхъ, смиренныхъ словъ»;
Когда ты *можешь* такъ смириться,
Ты близокъ выдти изъ оковъ!

« Оковы!» скажешь,—« я не скованъ!
« Мой разумъ воленъ, прямъ и смѣлъ.
« И просвѣщенъ и образованъ,
« И тайны всѣ уразумѣлъ».
Такъ! отчего же сердца муки,
Сомнѣній тягостный недугъ,
Ты сознаешь въ себѣ, мой другъ!
И всѣ искусства, всѣ науки
Ихъ заглушить не могутъ вдругъ?
Душа глубокая поэта,
Его высокій, свѣтлый умъ,
Соскучивъ жизнью на-обумъ,
И ждутъ, и ищутъ свыше свѣта,—
Но внѣ и внутрь его темно.....
Есть въ мірѣ ложныя свѣтила:
Лучи ихъ тусклы.
И давно
Отъ нихъ я очи отвратила,
И устремила ихъ на дно
Души своей..... Тамъ море скрыто,
Тамъ цѣлый тайный міръ сокрытъ,
И *тамъ*—сіяніе разлито,
И свѣтъ Божественный раскрытъ.

Не вдругъ, не тотчасъ, постепенно
Нашъ умъ идетъ изъ тмы во свѣтъ,
И проникаетъ вдохновенно
Въ духовный міръ, гдѣ мрака нѣтъ.....

Твоя тоска мнѣ такъ знакома!
Я путь сомнѣній перешла;
Я путы разума сняла;
И очутилась вдругъ какъ дома!
Мнѣ вѣра свѣтъ и жизнь дала.
Но мой языкъ тебѣ не внятенъ:
Ты возстаешь на мой обѣтъ!
Твой разумъ сумракомъ одѣтъ,
А потому и непонятенъ...
Отъ Бога свѣтлостью ума
Сначала щедро озаренный,
И даромъ слова одаренный,
Избранникъ неба вдохновенный,
Ты въ міръ вступилъ,—но быстро тма
Земныхъ страстей тебя объяла,
Вдругъ ослѣпила, обуяла,
И силой адски-роковой
Словила въ плѣнъ весь жребій твой.....
Но благодатію призванья
Невольно, тонко вразумленъ,
Ты ищешь истины познанья,
Тогда, какъ жизни путь пройденъ!

Такой ошибки изначала
Твоя знакомка избѣжала,
И робко, съ вѣрою простой,
Пробралась узкою тропой.....
Но здѣсь святое руководство
Отца-посланника небесъ,
Мнѣ указало превосходство
Священной истины словесъ.
Глаголъ служителя Христова
Мнѣ былъ небесный, вѣщій громъ
Само-Божественнаго Слова:
Душѣ онъ долженъ быть знакомъ!

Нездѣшней мудрости уроки
Учитель мнѣ преподавалъ:
Опредѣливъ ученью сроки,
Онъ чрезъ Евангельскія строки
Меня къ *той жизни* призывалъ.
Какъ вѣрный рабъ Живаго Бога,
Онъ указаніемъ перста
На Крестъ, сказалъ мнѣ: « до Христа—
« Смиренный крестъ—одна дорога!
« Смири свой умъ—уздой Креста,
« Да будетъ, бѣшеный, какъ плѣнникъ,
« Какъ данникъ Истины святой,
« Чтобъ не былъ онъ за суетой
« Призванья перваго измѣнникъ!
« Учись, воспитывай себя;
« Знай: даръ твой данъ не для тебя!
« Нѣтъ! это—ближнихъ достоянье.....
« Но прежде вычистись сама,
« И передай имъ осіянье
« Отъ свѣта чистаго ума! »

* * *

Пѣвецъ! еще не ждешь ли слова?
Что жь? я учить тебя готова:
Но въ тѣсной рамкѣ мѣрныхъ строкъ,
Не помѣстится мой урокъ!
Притомъ условимся... Безспорно,
Самоотверженно—покорно,
Здѣсь, у подножія Креста,
Рѣшись отвергнуть разумъ гордый,
Отбрось отъ сердца камень твердый,
И—узришь свѣта Свѣтъ,—Христа!

Е. Шахова.

III.

Христіанскіе мученики, пострадавшіе на востокѣ со времени завоеванія Константинополя турками.

съ новогреческаго языка перевелъ священникъ Петръ Соловьевъ. Спб. 1862. XIII и 314 стр.

Гроза, разразившаяся въ половинѣ VII вѣка надъ цвѣтущими областями восточной Греческой имперіи — Сиріею и Египтомъ—достаточно показывала, какая судьба ожидаетъ и остальныя области и самую столицу ея—Константинополь. Фанатическіе выходцы Аравійскаго полуострова, называемые у греческихъ хронографовъ измаильтянами, сарацинами, агарянами, а у европейскихъ писателей — магометанами, мусульманами, оттоманами,—овладѣвъ Сиріею и Египтомъ, стали приготовляться къ нападенію на другія части имперіи. Съ другой стороны, поведеніе этихъ выходцевъ въ Египтѣ по отношенію къ христіанамъ не менѣе ясно давало разумѣть, чего отъ нихъ должны были ожидать, впослѣдствіи времени, православные, живущіе въ другихъ мѣстахъ, еще неподпавшихъ игу невѣрныхъ. Въ свое время мы имѣли случай изучить начатки мусульманскаго господства въ Сиріи и Египтѣ, потому и можемъ представить читателямъ любопытный, хотя и печальный, перечень гоненій, вынесенныхъ христіанами отъ послѣдователей лжепророка. Изъ этого перечня всякій фактически убѣдится, что религіозный фанатизмъ—невѣжественный и слѣпой—сопутствовалъ магометанству, можно сказать, отъ самыхъ пеленокъ. А подобное обстоятельство приводитъ къ неизбѣжному заключенію, что этотъ фанатизмъ не есть какая либо случайность у мусульманъ, что нибудь переходное, а скорѣе есть необходимая принадлежность ихъ убѣжденій, обратившаяся, такъ сказать, въ ихъ плоть и кровь. Мы съ намѣреніемъ останавливаемся на вопросѣ о мусульманскомъ фанатизмѣ и желаемъ исторически пояснить его; потому что въ послѣднее время, вслѣдъ за западными друзьями оттомановъ, нѣкоторые начали уже говорить, что едва ли этотъ фанатизмъ и такъ сроденъ

туркамъ, и такъ страшенъ въ своемъ обнаруженіи, какъ это обыкновенно представляютъ. Если голосъ современниковъ, часто увлекаемыхъ страстями, можно заподозрить, то, уже конечно, не голосъ исторіи, передающій всѣмъ и каждому, что́ и какъ было

Достойно замѣчанія, что въ Египтѣ, какъ послѣ, и въ Константинополѣ, турки показались сначала большими доброжелателями христіанъ; но послѣдствія не медлили доказать, что въ основаніи такого поведенія лежала отнюдь не искренность убѣжденія, а просто политическій разсчетъ. Только лишь турки окрѣпли въ Египтѣ, какъ начали гоненія на христіанъ: Абуель-ацицъ, намѣстникъ багдадскаго калифа, уничтожилъ всѣ кресты, сдѣланные для употребленія при церковной службѣ, и къ церковнымъ дверямъ велѣлъ прибить унизительныя для христіанства надписи, а скоро и совсѣмъ запретилъ отправленіе богослуженія. Абаза, сынъ его, и внукъ, Абдалла, продолжили гоненіе такъ, что множество христіанъ бѣжали изъ Египта и лучше желали умереть въ дорогѣ отъ нужды и голода, чѣмъ попасть въ руки преслѣдователей. Азама, назначенный правителемъ Египта около 715 года, въ жестокости не уступалъ своимъ предшественникамъ: многихъ христіанъ онъ изуродовалъ, многихъ уморилъ въ пыткахъ, многихъ предалъ смерти; при немъ самъ калифъ Омаръ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ исповѣдующіе имя Христово или оставили страну, или приняли магометанство. Обейдалла, новый правитель Египта, отмѣтилъ православныхъ позорнымъ знакомъ—свинцовымъ обручемъ вокругъ шеи [1]. Но пока еще гоненіе поражаетъ одинъ Египетъ; а вотъ примѣръ всеобщаго преслѣдованія христіанъ въ багдадскихъ владѣніяхъ: калифъ Мутефакелъ-Яафаръ велѣлъ всѣмъ христіанамъ носить поверхъ одежды лоскутья и бахраму разныхъ цвѣтовъ; вмѣсто узды—употреблять веревки, обложилъ дома христіанъ податью въ пользу мечетей и приказалъ отличать ихъ изображеніями обезьяны, собаки или дьявола. Церкви были разрушены; процессіи воспрещены; у христіанъ отняты права общественной службы [2]. Самымъ нагляднымъ выраженіемъ религіознаго фанатизма турокъ въ Египтѣ было гоненіе Гакема. Въ это время пострадали многіе мученики, записанные исторіею: такъ Іеремія, патріархъ іерусалимскій;

[1] См. наше изслѣдованіе: «Очеркъ исторіи александрійской Церкви современъ халкидонскаго Собора», напечатанное въ Христ. чтеніи за 1856 годъ, ч. 1. стр. 231—239. [2] См. тамъ же, стр. 247—248.

какъ жестоко было это гоненіе, продолжавшееся девять лѣтъ, можно заключать изъ того, что, по исчисленію одного историка, церквей и монастырей было разрушено до 30,000 [1]. Слѣдующія гоненія—при Мустанзиръ-Биллѣ [2], при Ро́дуанѣ [3], при Адидѣ [4],—сдѣлали то, что православныхъ христіанъ въ Египтѣ, въ теченіе четырехъ вѣковъ съ половиною, убавилось болѣе, чѣмъ двумя третями (съ 300 тысячь на 90). Гоненіе 1303 года, прекратившееся и снова возобновленное, замѣчательно тѣмъ, что уже въ немъ принимала яростное участіе магометанская чернь [5].

Если такъ жестоко страдалъ отъ изувѣровъ Египетъ въ то время, когда еще православіе имѣло оплотъ въ несокрушенной части Восточной имперіи, когда еще константинопольскіе императоры, отъ времени до времени, могли защищать христіанство отъ рѣшительнаго истребленія, или оно могло надѣяться на пособіе отъ крестоносныхъ дружинъ запада,—то что сказать о томъ времени, какъ съ паденіемъ Царьграда въ 1453 году и съ прекращеніемъ крестовыхъ походовъ, исчезла для угнетенныхъ христіанъ всякая надежда на внѣшнюю помощь? Правда, Магометъ II, завоевавъ Царьградъ, оказывалъ христіанамъ великое благорасположеніе, такъ что, по свидѣтельству достовѣрнаго писателя Филиппа кипрскаго, «издалъ указъ, въ которомъ угрожалъ тяжкими наказаніями тѣмъ, которые захотѣли бы обезпокоить или оклеветать христіанъ; и нетолько самъ султанъ любилъ христіанъ, но и всѣ его турки жаловали ихъ, по причинѣ царскаго едикта» [6]. Но причина такого поведенія если не объясняется личными качествами султана,—то, конечно, и не идетъ далѣе политики. И сами христіане очень хорошо знали, въ чьи руки попали; понимали это и на западѣ. На западѣ именно, 230 лѣтъ спустя по завоеваніи турками Константинополя, «всѣ были убѣждены (приводимъ слова тогдашняго современника), что христіанская вѣра въ томъ мѣстѣ совсѣмъ истреблена и уже мало можно найдти тамъ единовѣрцевъ; иногда съ этимъ соглашались благоразумнѣйшіе и самые трудолюбивые изъ историковъ» [7]. Съ какимъ удивленіемъ издатель хроники Филиппа кипрскаго, около того же времени, добывъ въ свои руки сочиненіе Крузія («Turco Graecia»), вычиталъ, что «христіанская вѣра еще продолжаетъ существовать среди такого варварства»; это казалось добродушному

[1] Стр. 259—263. [2] Стр. 264. [3] Стр. 267. [4] Стр. 361. [5] Стр. 382—386. [6] Philippi Cyprii, Cronicon Ecclesiae, pag. 340. [7] Ib., p. 324.

*

ученому какбы чудомъ [1]. И могли ли сложиться другіе взгляды на взаимныя отношенія турокъ и христіанъ, могли ли составиться другія убѣжденія, когда первые, съ самаго своего появленія на театрѣ исторіи, какъ мы сейчасъ видѣли, представляются естественными и непримиримыми врагами христіанъ?

Нельзя допустить, чтобы западъ среднихъ вѣковъ составилъ такое замѣчательное понятіе о туркахъ, не имѣя достаточныхъ доказательствъ справедливости его. Западные христіане, въ періодъ крестовыхъ походовъ, имѣли много случаевъ познакомиться съ аравійскими выходцами; а по прошествіи времени походовъ, торговля венеціанцевъ, генуэзцевъ, сицилійцевъ постоянно доставляла Европѣ, можно думать, немало свѣдѣній о новыхъ властелинахъ прежней Восточной имперіи. И всѣ эти свѣдѣнія сходятся къ тому, что ученый едва вѣритъ, чтобы въ Турціи, среди варварскаго народа, чрезъ два вѣка отъ завоеванія Царьграда, еще существовало христіанство!

Но вотъ, въ новѣйшее время, по случаю недавней войны, быть можетъ, сами турки были удивлены похвалами, которыя расточались имъ тамъ и сямъ на западѣ Европы. Много было произнесено пышныхъ фразъ о цивилизаціи, гуманности, правосудіи, вѣротерпимости, будто бы уже дѣйствующихъ въ Оттоманской имперіи. Еще больше было сказано о прекрасной будущности, которая ожидаетъ всѣхъ подданныхъ Порты, въ силу разныхъ распоряженій тамошняго правительства. Но много ли надо проницательности, чтобы примѣтить, что все это—пока слова, произносимыя, конечно, съ цѣлію, но отъ которыхъ тѣмъ не легче для угнетенныхъ вѣковымъ игомъ. Даже въ то самое время, когда составлялись Турціи похвалы, на западѣ писалось нѣчто совсѣмъ другое безпристрастнымъ ученымъ, принадлежащимъ къ исповѣданію, сильно покровительствуемому на востокѣ и имѣющему менѣе всего причину жаловаться. Такъ выражался о Турціи этотъ ученый въ 1854 году: тамъ «совершенная непрочность всѣхъ политическихъ и соціальныхъ отношеній подъ гнетомъ деспотизма; христіанскія населенія во всякое время могутъ подвергнуться раззоренію, грабежу и смерти. Семейная жизнь не обезопашена, земледѣліе не можетъ процвѣтать, ни одна отрасль народнаго благосостоянія не можетъ развиться. О правосудіи и думать нечего. Бѣдность, невѣжество,

[1] «Instar miraculi mihi esset.» Ib., p. 330.

угнетенія всякаго рода удѣлъ даже способнѣйшихъ и даровитѣйшихъ племенъ, которыя принуждены были выжить долгое время подъ игомъ такого деспотизма» [1].

Все это мы говорили съ тою цѣлію, чтобы доказать фактически и документально—на основаніи свидѣтельствъ самаго запада — что турки вовсе не такъ человѣколюбивы и не такъ вѣротерпимы, какъ иные, быть можетъ, представляютъ себѣ. Что до свидѣтельствъ востока, то они написаны неизгладимыми чертами крови. Еще въ свѣжей памяти плачевныя событія въ Сиріи и горахъ Ливанскихъ, гдѣ затаенное изувѣрство и ненависть мусульманъ ко всему христіанскому, вырвавшись наружу, потребовали многочисленныхъ жертвъ: 20,000 христіанъ заплатили своею жизнію или благосостояніемъ за то одно, что они христіане. Но если такое ужасное выраженіе фанатизма и не можетъ повторяться часто, по причинѣ самаго своего объема и вниманія, какое оно возбуждаетъ въ христіанскихъ державахъ: то не столько обширное, менѣе гласное, даже совсѣмъ безгласное, такъ сказать, одиночное выраженіе фанатизма всегда возможно въ Турціи. Много подобныхъ случаевъ, безъ сомнѣнія, не доходитъ до всеобщаго свѣдѣнія; но уже и то, что отъ времени до времени проскользаетъ въ періодическихъ изданіяхъ или замѣткахъ путешественниковъ, достаточно оправдываетъ наши слова. Полное довѣріе правительства къ магометанамъ и недовѣріе къ христіанамъ открываетъ широкую дверь къ притѣсненію послѣднихъ. Какой нибудь арабъ объявляетъ въ слухъ всѣхъ, что такой-то христіанинъ поносилъ Магомета: сбѣгается народъ, начинается шумное совѣщаніе, какъ и что сдѣлать съ мнимымъ преступникомъ, и чрезъ нѣсколько часовъ его уже нѣтъ въ живыхъ: онъ умираетъ среди тяжкихъ и позорныхъ мукъ [2]. Подслушаетъ турокъ, что какой нибудь христіанинъ, въ разсѣянности или въ шутку, произнесъ «саляватъ», сокращенное выраженіе магометанскаго ученія, или только и два начальныя слова: «Ля—Илля», — доноситъ въ судъ, и христіанина требуютъ къ отвѣту, спрашиваютъ, не магометанинъ ли онъ, и, на отрицательное увѣреніе, пытаютъ и казнятъ, какъ принявшаго

---

[1] Kirchen-Lexicon oder Encyclopädie der katholischen Theologie von H. Wetzer u. Welte, XI Band. 340 S.

[2] Таково произшествіе, разсказанное г. Рафаловичемъ: «Путешествіе по нижнему Египту и внутреннимъ областямъ Дельты», 1850 г., стр. 17.

магометанство, но оставившаго его. Сойдутся нѣсколько пріятелей турокъ,—одѣнутъ христіанина въ турецкую чалму, одежду и туфли, или, еще лучше, приведутъ его въ безчувственное состояніе и обрѣжутъ; потомъ распустятъ слухъ, что такой-то принялъ мусульманство,—и когда самъ христіанинъ упорно будетъ отрекаться отъ этого, опять въ судъ, опять жестокія пытки, неминуемая смерть. Всѣ такіе случаи, конечно, были бы невѣроятны, если бы не происходили на самомъ дѣлѣ, и даже въ очень недавнее время—въ 1838 году! Одной пустой, ни на чемъ неосновавной клеветы враговъ достаточно, чтобы или принудить жертву къ отреченію отъ вѣры, или лишить ее жизни единственно потому, что это христіанинъ.

Вотъ передъ нашими глазами цѣлый рядъ св. мучениковъ, прославившихъ св. восточную Церковь, и кровію запечатлѣвшихъ твердость своей вѣры. Рука нашихъ греческихъ единовѣрцевъ записала ихъ подвиги, кончину и чудеса на память потомства, а нашъ почтенный соотечественникъ перевелъ ихъ записи—въ наставленіе намъ [1]. Мы представляемъ читателямъ имена св. страстотерпцевъ:

1. Іоаннъ трапезундскій.
2. Георгій-сербъ.
3. Іоаннъ янинскій.
4. Михаилъ Маврудисъ.
5. Ѳеофанъ.
6. Дмитрій Торнара.
7. Іоаннъ Кулика.
8. Лука митилинскій.
9. Іоаннъ Калфа.
10. Макарій кійскій.
11. Серафимъ.
12. Николай.
13. Ѳеофилъ.
14. Маркъ.
15. Іорданъ.
16. Іоаннъ-отрокъ.
17. Сѵмеонъ трапезундскій.
18. Аѳанасій.
19. Анастасій.
20. Николай Карашанъ.
21. Парѳеній, патріархъ константинопольскій, по прозванію Парѳенаки.
22. Димитрій.
23. Гавріилъ.
24. Гавріилъ, епископъ сербскій.
25. Іоаннъ-влахъ.
26. Іоаннъ Павликиръ.
27. Аѳанасій кійскій.
28. Николай.
29. Гавріилъ.
30. Тріандафилъ.
31. Стамматій.
32. Ангелисъ.
33. Ахмедъ-Калфа.
34. Павелъ-русскій невольникъ.
35. Захарія, еписк. коринѳскій.
36. Іосифъ алепскій.

---

[1] Сказанія о нѣкоторыхъ мученикахъ его перевода уже были напечатаны въ «Духовной Бесѣдѣ».

37. Романъ.
38. Аѳанасій.
39. Авксентій.
40. Аргира.
41. Савва Нигделинъ.
42. Никита нисиросскій.
43. Анастасій.
44. Христъ.
45. Кир-анна.
46. Георгій птолемаидскій.
47. Николай хіосскій.
48. Димъ.
49. Акилина.
50. Панагіотъ кесарійскій.
51. Михаилъ.
52. Георгій.
53. Михаилъ.
54. Іоаннъ пелопонесскій.
55. Антоній.
56. Аѳанасій.
57. Христодулъ.
58. Анастасій.
59. Захарій.
60. Дмитрій.
61. Мануилъ.
62. Миронъ критскій.
63. Александръ дервишъ.
64. Анастасій.
65. Поліодоръ.
66. Ѳеодоръ новый.
67. Злата (Хрисія).
68. Георгій.
69. Константинъ.
70. Георгій новый.

Обращая вниманіе на послѣдовательность св. мучениковъ, мы замѣчаемъ, что они, начинаясь вскорѣ послѣ завоеванія турками Константинополя — въ 1492 году — продолжаются до самаго поздняго времени: послѣдній мученикъ, Георгій новый, пострадалъ въ 1838 году. Украшая собою св. восточную Церковь въ ея порабощеніи, они неоспоримо доказываютъ плачевное ея состояніе подъ игомъ дикихъ выходцевъ пустыни. Какъ еще обстоятельства въ Турціи не совсѣмъ перемѣнились, несмотря на разныя султанскія повелѣнія—въ родѣ , напримѣръ гатти-гумайюна 1856 года — продолжающія оставаться большею частію прекрасными распоряженіями только на бумагѣ: то можно предполагать, что греческій мартирологій еще не оконченъ.

Такимъ образомъ, православная Церковь на востокѣ боролась и донынѣ борется противъ своихъ притѣснителей. Послушаемъ, что̀ говоритъ объ этой борьбѣ почтенный переводчикъ, который самъ жилъ нѣкоторое время на востокѣ и имѣетъ, слѣдовательно, наглядное понятіе о взаимныхъ отношеніяхъ турокъ и христіанъ. «Много было нужно нравственной и физической силы, терпѣнія, твердости и непоколебимости, чтобы истинныя чада Церкви Христовой могли устоять противъ страшныхъ гоненій и искушеній. Одна только твердость св. убѣжденій, одна только невидимая, но почти осязаемая помощь Пастыреначальника Іисуса Христа могли на

востокѣ поддержать гонимую воинствующую Церковь, которую и врата адова не одолѣютъ; одна только небесная помощь хранила и хранитъ православное стадо Христово среди изувѣрныхъ завоевателей—турокъ.

При такомъ страшномъ, всеобщемъ изувѣрствѣ притѣснителей, старавшихся всѣми возможными средствами поглотить христіанскій элементъ въ многочисленныхъ и, слѣдовательно, страшныхъ для нихъ подданныхъ, естественно, что и сопротивленіе въ свою очередь можетъ показаться для нѣкоторыхъ чѣмъ-то въ родѣ фанатизма по своему упорству. Но это былъ не фанатизмъ, а проявленіе живой, пламенной вѣры и любви къ Іисусу Христу, той живой вѣры и надежды, которая остается единственнымъ, прочнымъ утѣшеніемъ страждущихъ. Защитники истины и проповѣдники Тріипостаснаго Божества и Божества Господа нашего Іисуса Христа были столь крѣпки вѣрою, духовнымъ разумомъ, такъ сильны духомъ, что попрали всѣ силы вражіи, перенесли страшныя мученія отъ безчеловѣчныхъ варваровъ, претерпѣвали мучительную смерть и тѣмъ доказали, что отъ истины и любви Христовой ничто ихъ не разлучитъ. Мученическая ихъ кончина всегда была поучительнымъ урокомъ для ослабѣвающихъ въ вѣрѣ, утвержденіемъ для истинно-вѣрующихъ, посрамленіемъ для мусульманъ и рѣзкимъ обличеніемъ ихъ нечестія и заблужденій... Вытекающая изъ живой вѣры къ Спасителю кровавая жертва ихъ принимаема была Господомъ, какъ искренняя жертва Авеля. Господь благоволилъ къ своимъ страдальцамъ за Имя свое и прославилъ ихъ многими чудесами при страданіяхъ и послѣ смерти, и имена ихъ написаны на небесѣхъ. Если бы эти добровольные мученики не угодны были Богу, то больные, слѣпые и бѣсноватые не исцѣлялись бы чрезъ одно прикосновеніе къ гробамъ и св. останкамъ страдальцевъ. Наконецъ, самые ихъ подвиги при мученіяхъ, твердость, непоколебимость въ вѣрѣ, чрезвычайное терпѣніе въ пыткахъ, — все это ясно показываетъ, что тутъ видимо участвовала небесная помощь Господа Іисуса Христа, за котораго они страдали. Эта-то помощь укрѣпляла тѣлесныя немощи страстотерпцевъ, ободряла духъ ихъ, подобно какъ древнихъ мучениковъ, питала ихъ надежду на будущее и давала силы переносить страшныя истязанія даже слабымъ дѣвственницамъ. Если слѣдить за подвигами самоотверженія и терпѣнія этихъ новыхъ мучениковъ, то нельзя не придти къ убѣжденію, что подвиги ихъ едва ли уступаютъ подвигамъ древнихъ мучени-

ковъ и что новые Георгіи и Димитріи были подобны своимъ древнимъ соименникамъ не по имени только, но и самымъ дѣломъ, т. е. по твердости въ перенесеніи жестокихъ мученій. Церковь греческая не безъ основанія причислила къ лику святыхъ своихъ новыхъ мучениковъ и прославляетъ ихъ подвиги въ составленныхъ въ память ихъ службахъ. Эти страдальцы были чада порабощенной греческой православной Церкви и пролили кровь свою за ея утвержденіе и незыблемость.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что живая вѣра въ Господа Іисуса Христа—условіе нашего спасенія—еще не ослабѣла между христіанами востока, что она, какъ свѣтлая небесная искра, таится въ простыхъ сердцахъ ихъ, неиспорченныхъ тлетворныхъ дыханіемъ исламизма, и что затаенный пламень живой вѣры донынѣ обнаруживается тамъ, какъ скоро какой нибудь случай вызываетъ его проявленіе (стр. V, VI, VIII, IX).

Если послѣднія слова почтеннаго переводчика понятны сами собою безъ поясненій, то мы думаемъ, что весьма неизлишне подтвердить фактами, взятыми изъ самой книги, дальнѣйшія его выраженія, высказанныя въ пользу св. мучениковъ греческой Церкви. Наше изслѣдованіе приведетъ къ тому же заключенію, именно: что греческіе мученики не уступаютъ нимало древнимъ мученикамъ христіанства, а потому суть истинные страстотерпцы.

Христіанскіе систематики, при опредѣленіи истиннаго мученичества, принимаютъ во вниманіе слѣдующія обстоятельства: 1) многочисленность страдальцевъ и принадлежность ихъ къ разнымъ состояніямъ общества; 2) жестокость и продолжительность мученія; 3) мужество, постоянство, твердость, иногда даже радость въ страданіи; 4) многочисленныя и всенародныя чудеса отъ св. останковъ и 5) благодѣтельныя и важныя послѣдствія ихъ смерти. [1] Мы только примѣрами пояснимъ, что всѣ эти пункты совершенно оправдываются на мученикахъ греческой Церкви.

Многочисленность мучениковъ и принадлежность ихъ разнымъ званіямъ: 1) константинопольскій патріархъ Парѳеній (стр. 89); 2) сербскій архіепископъ Гавріилъ (стр. 100); 3) епископы Серафимъ (стр. 61), Гавріилъ (стр. 98) и Захарія (стр. 133); 4) іеромонахи Аѳанасій (стр. 85) и Анастасій (стр. 162); 5) монахъ Гавріилъ (стр. 116); 6) архитекторъ Іоаннъ

---

[1] Praelectiones theologicae , Perrone, volum. I, pag 140.

(стр. 57); 7) живописцы Анастасій (стр. 85) и Θеодоръ новый (стр. 257); 8) сынъ священника Іоаннъ (стр. 201); 9) моряки Θеофилъ (стр. 74) и Тріандафилъ (стр. 118); 10) купцы Іоаннъ трапезундскій (стр. 1) и Николай (стр. 107); 11) золотыхъ дѣлъ мастера Георгій Сербъ (стр. 6) и Ангелисъ (стр. 121); 12) мѣдники Іорданъ (стр. 79) и Михаилъ (стр. 199); 13) мѣховщики Авксентій (стр. 140) и Захарія (стр. 217); 14) портные Іоаннъ янинскій (стр. 26), Лука митилинскій (стр. 55), Іоаннъ отрокъ (стр. 81), Христодулъ (стр. 213) и Миронъ (стр. 230); 15) хлѣбный торговецъ Михаилъ Маврудисъ (стр. 40); 16) хлѣбопекарь Николай (стр. 70) 17); рыболовъ Димъ (стр. 186); 18) виноградарь Михаилъ (стр. 194); 19) садовникъ Христъ (стр. 165); 20) служители Георгій птолемаидскій (стр. 171) и Антоній (стр. 204); 21) поднощикъ въ таверне Димитрій (стр. 224).

Жестокость и продолжительность мученія: 1) Георгія серба медленно жгутъ, вытаскивая изъ огня для увѣщаній (стр. 23); 2) Николай (стр. 72) и Θеофанъ (стр. 76) умираютъ огнемъ; 3) Луку пытаютъ, сдираютъ кожу и бросаютъ на ченгелъ (стр. 57); епископа Серафима сажаютъ на колъ (стр. 66); 4) 15 человѣкъ бьютъ Θеодора, поворачивая съ одной стороны на другую (стр. 269); Аθанасій терпитъ 204 жесточайшихъ удара по пятамъ (стр. 216), Константину надѣваютъ раскаленную желѣзную шапку, сжимаютъ виски такъ, что глаза выходятъ съ мѣстъ своихъ (стр. 296); 5) Поліодора мучатъ цѣлую ночь (стр. 253), Аθанасія—60 дней (стр. 106), Іоанна Калфа—въ продолженіе 3 мѣсяцевъ (стр. 59); Злату бьютъ въ продолженіе 3 мѣсяцевъ, изъ спины вырѣзываютъ ремни, прокалываютъ голову и наконецъ рубятъ на части (стр. 278); Аргиру 15 лѣтъ томятъ въ темничномъ заключеніи (стр. 148).

Мужество и твердость, иногда и радость въ страданіи: Іоаннъ янинскій поетъ въ огнѣ: «Христосъ воскресе!» (стр. 32); Михаилъ Маврудисъ также (стр. 51); Николай весело идетъ на смерть (стр. 114); на лицѣ Авксентія не видно и слѣдовъ печали (стр. 144).

Многочисленныя и всенародныя чудеса: 1) небесный свѣтъ, видимый христіанами и магометанами, осіяваетъ св. мощи — Николая (стр. 113), Ангелиса (стр. 125), священномученика Анастасія (стр. 164), Георгія новаго (стр. 313), Киръ-Анны (стр. 170), Николая (стр. 184); 2) огненный столбъ и ангель-

ское пѣснопѣніе надъ св. мощами—Іоанна трапезундскаго (стр. 5), епископа Серафима (стр. 68), Георгія (стр. 173); 3) главы св. мучениковъ Николая (стр. 73) и Авксентія (стр. 145) чудодѣйствуютъ; одежды Константина исцѣляютъ больныхъ (стр. 302); одежды и петля Георгія—тоже (стр. 314); 4) св. мученики Іоаннъ янинскій (стр. 33), Никита (стр. 160), Димъ (стр. 188), Поліодоръ (стр. 256) чудодѣйствуютъ.

Благодѣтельныя и важныя послѣдствія: мученическая кончина Никиты обращаетъ въ христіанство отпадшаго брата его (стр. 161); кончина великомученика Поліодора утверждаетъ христіанъ и посрамляетъ магометанъ (стр. 256).

Для полнаго удостовѣренія нашихъ читателей въ томъ, что новые мученики греческой Церкви суть дѣйствительно святые Божіи, облагодатствованные даромъ чудотвореній, мы представимъ здѣсь нѣсколько разсказовъ:

«Одинъ бѣдный портной, жившій трудомъ, по несчастію укололъ большой палецъ на правой рукѣ и не могъ взяться за иглу цѣлыхъ пятнадцать дней. Мучимый нестерпимою болью и крайнею бѣдностію, онъ вспомнилъ страстотерпца Христова Дима и обратился къ нему съ теплою молитвою объ исцѣленіи. Николай приложилъ больной палецъ къ могилѣ мученика и поутру былъ здравъ; бѣдный труженикъ принялся за свою работу по обыкновенію. Бѣдность Николая происходила еще и оттого, что жена его три года тому назадъ лишилась зрѣнія и не только не въ состояніи была помогать своему мужу въ трудахъ, но и ходить безъ проводника. Узнавъ, что мужъ ея исцѣлился при гробѣ мученика, она въ сопровожденіи другихъ женщинъ отправилась къ священной могилѣ, усердно помолилась на ней и, при помощи тѣхъ же женщинъ, возвратилась домой. На другой день, поутру, она вдругъ говоритъ мужу, что видитъ, хотя и не совсѣмъ ясно; тотъ сначала не повѣрилъ, а потомъ показалъ ей свои пальцы, и она назвала ихъ поимянно. Впрочемъ, онъ запретилъ ей разглашать объ этомъ до времени. Проснувшись на другой день, слѣпая прозрѣла совершенно и съ радостію принялась за шитье самыхъ легкихъ вещей. Послѣ этого она пользовалась яснымъ зрѣніемъ до самой смерти. Другой, нѣкто Іоаннъ, по прозванію Асланъ-оглу, страдалъ тяжкою головною болью, которая не давала ему покоя ни днемъ, ни ночью. Больной обратился съ молитвою о помощи къ св. Диму, и болѣзнь тотчасъ же оставила его (стр. 188).

Въ новомъ Ефесѣ, гдѣ пострадалъ св. великомученикъ Поліодоръ, былъ нѣкто Николай, одержимый бѣсомъ. Бѣсъ говорилъ устами больнаго, часто разрѣшалъ сомнѣнія и открывалъ тайны. У іеромонаха-очевидца были частицы св. останковъ мученика и кусокъ петли. Увидѣвъ однажды бѣсноватаго, онъ сжалился надъ его жестокими страданіями и рѣшился испытать надъ нимъ силу мощей страстотерпца. Скрывъ подъ рясою на груди петлю и перстъ мученика, онъ идетъ къ больному. Едва только онъ вошелъ въ двери и Николай замѣтилъ его, какъ бѣснованіе его разразилось въ страшныхъ крикахъ. «Ты пришелъ сжечь меня», кричалъ несчастный, называя инока по имени. «Горю! сгорѣлъ.» Іеромонахъ, снявъ камилавку, приблизился къ больному и именемъ Господа заклиналъ его сказать, отчего онъ кричитъ такъ. Демонъ отвѣчалъ: «я сгорѣлъ, потому что ты принесъ сюда перстъ и петлю мученика Поліодора». Крича это, онъ вышелъ изъ больнаго, и этотъ благодатію Божіею, дѣйствовавшею въ мощахъ св. мученика, навсегда избавился отъ своего страшнаго недуга (стр. 257).

Одинъ инокъ успѣлъ пріобрѣсти покупкою отъ мусульманъ нѣкоторыя одежды св. мученика Константина, которыя и привезъ съ собою въ Кавсокаливскій скитъ. Священныя принадлежности мученика не преминули обнаружить цѣлительныя силы отъ болѣзней. У одного изъ монастырскихъ послушниковъ сильно разболѣлась голова. Когда больной не зналъ, чѣмъ помочь себѣ, то старецъ сказалъ ему: «ахъ, бѣдный, возьми съ вѣрою одежду святаго, завяжи ею свою голову: можетъ быть, и поправишься». Послушникъ исполнилъ, какъ было ему сказано, спокойно проспалъ ночь и по утру былъ совершенно здоровъ. Другой страдалъ зубною болью, отъ которой избавился, призвавъ на помощь святаго. Еще одинъ іеромонахъ, страдавшій разстройствомъ умственныхъ способностей, мало по малу приближался уже къ совершенному умопомѣшательству, но, взявъ часть отъ одежды мученика, съ вѣрою облобызалъ ее и, призвавъ на помощь себѣ св. Константина, исцѣлился отъ своего недуга (стр. 302).

Одинъ портной, по имени Николай, страдалъ столь тяжкою и неизлѣчимою болѣзнію, что всѣ врачи отказались отъ него и онъ уже ждалъ своей кончины, но, къ счастію, пожелалъ облобызать св. мощи мученика Авксентія на своемъ смертномъ одрѣ. Честная глава была принесена, возложена на больнаго,

и онъ исцѣлѣлъ отъ тяжкаго недуга. Однимъ только славословіемъ бѣдный Николай могъ возблагодарить Господа и Его св. мученика (стр. 146).

Избранныя поученія двѣнадцати архипастырей русской Церкви, съ ихъ портретами.

Москва, 1861 г., III т., 444 стр.

Прекрасно изданная книга, въ большую осьмушку, заключаетъ въ себѣ, какъ и самое названіе показываетъ, нѣсколько поученій нѣкоторыхъ нашихъ архипастырей. Эти поученія уже прежде были напечатаны или отдѣльными изданіями, или по частямъ въ духовныхъ журналахъ, а потому большею частію знакомы любителямъ назидательнаго чтенія. При всемъ томъ, мысль г. издателя — соединить вмѣстѣ избранныя поученія нашихъ архипастырей, разсѣянныя по разнымъ изданіямъ, нельзя не встрѣтить съ полнымъ сочувствіемъ: въ подобномъ сопоставленіи легче обозрѣваешь произведенія нашихъ святителей, отчетливѣе изучаешь ихъ особенности, и наконецъ несомнѣнно убѣждаешься, что, при всемъ разнообразіи предметовъ и способовъ изложенія, во всѣхъ продолжается та же златая нить чистаго христіански-православнаго ученія. Но — да позволитъ издатель высказать намъ свою мысль — для совершеннаго достиженія упомянутой цѣли, т. е. для возможно полнаго и отчетливаго знакомства съ проповѣдническими трудами нашихъ архипастырей, необходимо включать въ сборники дѣйствительно лучшія и, такъ сказать, характеристическія, поученія — и притомъ всѣхъ епископовъ-проповѣдниковъ извѣстнаго періода времени. Въ томъ и другомъ отношеніи «Избранныя поученія» не совершенно безукоризненны.

Между современными, или близкими къ современности, архипастырскими поученіями, слова высокопреосвященнаго митрополита московскаго Филарета, какъ и можно ожидать, занимаютъ первое мѣсто. Въ сборникѣ напечатаны слѣдующія слова этого знаменитаго учителя Церкви: на Рождество Христово — о славѣ въ воплощеніи Сына Божія; на Благовѣщеніе пресвятыя Богородицы — о томъ, съ какою осторожностію надобно принимать слышимое отъ другихъ; въ великій пятокъ — о любви Божіей, явленной во Христѣ распятомъ; въ св. Пасху — о благотворныхъ дѣйствіяхъ воскресенія Христова; въ

день вознесенія Господня — о томъ, что въ вознесеніи Господнемъ есть образъ будущаго пришествія Христова; въ день сошествія Св. Духа — на текстъ: исполняйтеся Духомъ; на Преображеніе Господне — о силѣ и дѣйственности молитвы; въ день Успенія пресвятыя Богородицы — о житейскомъ попеченіи, какъ препятствіи благодатному Божію посѣщенію; въ день святителя Алексія — о безсмертіи души и воскресеніи мертвыхъ; въ недѣлю 3-ю по Пятдесятницѣ — противъ роскоши въ одеждѣ и убранствѣ; въ Сергіевой лаврѣ, по освященіи храма — объ истинномъ пустынножительствѣ; въ московской семинаріи, также по освященіи храма — о томъ, какъ надобно пользоваться близостію св. храма.

Послѣ 12-ти словъ высокопреосвященнаго Филарета слѣдуютъ пять словъ московскаго митрополита (покойнаго) Платона: на память преподобнаго Сергія; въ день святителя Алексія — о будущемъ воскресеніи тѣлъ; на память преподобнаго Сергія — похвальное угоднику Божію; на день Св. Духа — о плодахъ Св. Духа; на память преподобнаго Сергія — о преимуществахъ пустынножительства; рѣчь Императору Александру I, по коронованіи.

Изъ сочиненій кіевскаго митрополита (покойнаго) Филарета представлено три бесѣды: о молитвѣ Господней, безкорыстіи и преданности Промыслу Божію.

Изъ многотомныхъ и превосходныхъ твореній с. петербургскаго митрополита (покойнаго) Михаила, извлечено четыре бесѣды: о томъ, какіе плоды причащенія св. Христовыхъ таинъ; о томъ, что дары, благодатію Божію данные, не должно погублять, но умножать; о томъ, что исправленіе свое не должно отлагать до другаго времени, а надобно пользоваться настоящимъ; о воскресеніи мертвыхъ.

Изъ поученій с. петербургскаго митрополита (покойнаго) Никанора взято три слова: въ недѣлю православія — объ обрядѣ православія; въ первую недѣлю великаго поста — о молитвѣ св. Ефрема Сирина; въ недѣлю Ваій — о подражаніи дѣтямъ.

У с.петербургскаго митрополита (покойнаго) Григорія выписано одно слово въ 20 недѣлю по пятдесятницѣ — объ утѣшеніи, доставляемомъ вѣрою въ потерѣ близкихъ сердцу.

За митрополитами слѣдуетъ рядъ архіепископовъ, именно: херсонскій—Иннокентій (покойный), у котораго заимствованы слова: въ великій пятокъ, поразительное своею краткостію;

на отданіе св. Пасхи; въ тюремной вологодской Церкви;—послѣднія два слова представляютъ рядъ назидательныхъ мыслей, приспособленныхъ ко времени и мѣсту.

Тверской — Амвросій (покойный), которому принадлежитъ замѣчательное слово на случай присяги избранныхъ судей—объ обязанностяхъ лицъ, облеченныхъ властію.

Ярославскій—Евгеній, у котораго взяты слова: въ день рожденія Государя Императора—о христіанской мудрости семейной и гражданской; по принесеніи чудотворной иконы Богоматери изъ Курска въ Коренную обитель; въ недѣлю цвѣтоносную—наставленіе Бѣлгородскимъ воспитанникамъ; въ день введенія во храмъ пресв. Богородицы, о воспитаніи дѣтей.

Нижегородскій—Іаковъ (покойный), въ четырехъ словахъ, поучаетъ: о чистотѣ сердца; о причинахъ—побуждающихъ искать царства Божія прежде всего; о царствіи Божіемъ; о духовной смерти.

Черниговскій—Филаретъ, въ пяти словахъ, говоритъ: въ недѣлю всѣхъ святыхъ—о значеніи храма всѣхъ святыхъ на кладбищѣ; въ недѣлю девятую—о вредѣ и тяжести грѣха; въ недѣлю четырнадцатую по пятдесятницѣ—о брачномъ одѣяніи души; въ день преподобнаго Сергія—о духовной жизни; по освященіи обновленаго въ Ригѣ храма—о почитаніи иконъ.

Могилевскій—Евсевій, въ семи поученіяхъ, проповѣдуетъ: о заповѣди—чти отца твоего и матерь твою; объ обязанностяхъ дѣтей къ родителямъ; о почтеніи дѣтей къ родителямъ; о повиновеніи дѣтей къ родителямъ; о грѣхахъ дѣтей противъ пятой заповѣди; объ обязанностяхъ родителей къ дѣтямъ; о воспитаніи дѣтей.

Изъ этого краткаго обзора читатель видитъ все богатство содержанія «Избранныхъ поученій». Но сборникъ, конечно, могъ бы быть еще лучше, если бы г. издатель не стѣснялъ себя произвольно взятымъ числомъ двѣнадцати. Отчего, напр. не въ ряду іерарховъ проповѣдниковъ покойный воронежскій архіепископъ Игнатій, отличавшійся глубиною мыслей, обширностію взгляда, полнотою изложенія? Отчего опущены здравствующіе еще проповѣдники—харьковскій архіепископъ Макарій, тамбовскій епископъ Ѳеофанъ? И изъ сочиненій высокопреосвященнѣйшаго с. петербургскаго митрополита Григорія, отчего взято одно слово въ 20-ю недѣлю, когда, какъ извѣстно, онъ весьма много проповѣдывалъ, и многія его проповѣди замѣчательны въ разныхъ отношеніяхъ? Очень вѣроятно, что

г. издатель, при составленіи своего сборника, руководствовался своимъ взглядомъ на дѣло, и съ своей точки зрѣнія, быть можетъ, правъ; въ такомъ случаѣ пожалѣемъ, что онъ намъ не пояснилъ своихъ мыслей въ предисловіи, которое было бы весьма не лишнее при его книгѣ. Изъ предисловія мы узнали бы, почему г. издатель избираетъ извѣстныхъ проповѣдниковъ и извѣстныя проповѣди. Наконецъ, чувствительный недостатокъ разбираемой книги—отсутствіе краткихъ біографій: портреты и избранныя сочиненія уже довольно знакомятъ читателя съ знаменитыми іерархами, но это знакомство еще остается неполнымъ, потому что читатель не знаетъ, когда и гдѣ они дѣйствовали. Сборникъ, составленный по нашимъ указаніямъ, былъ бы уже не простой сборникъ, а имѣлъ бы самостоятельное, ученое значеніе, и заслуга г. издателя предъ обществомъ была бы еще выше.

Священникъ Павелъ Матвѣевскій.

IV.

Возведеніе въ санъ архіепископа. Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ 8 апрѣля 1862 г., преосвященные епископы: тобольскій и сибирскій *Ѳеогностъ*, волынскій и житомірскій *Антоній*, и харьковскій и ахтырскій *Макарій*, во вниманіе къ отлично усердному служенію и ревностнымъ пастырскимъ трудамъ ихъ, возведены въ санъ архіепископа.

Всемилостивѣйшія награды преосвященнымъ. Въ 8 день апрѣля 1862 г., преосвященному *Іосифу*, митрополиту литовскому и виленскому, Всемилостивѣйше пожалованы алмазные знаки ордена св. Андрея первозваннаго; преосвященному *Иннокентію*, архіепископу камчатскому, курильскому и алеутскому—алмазные знаки ордена св. Александра невскаго; преосвященный *Димитрій*, архіепископъ херсонскій и одесскій, и преосвященный *Григорій*, епископъ калужскій и боровскій, сопричислены къ ордену св. Владиміра 2 ст.; преосвященный *Антоній*, епископъ новомиргородскій, сопричисленъ къ ордену св. Анны 1 степени; преосвященный *Геронтій*, епископъ мингрельскій, и преосвященный *Леонтій*, епископъ, ревельскій — къ ордену св. Владиміра 3 степени.

Назначеніе директора духовно-учебнаго управленія статсъ-секретаремъ Его Величества. Его Императорское Величество, въ присутствіи своемъ въ С. Петербургѣ, марта 4 дня 1862 года соизволилъ отдать по духовному вѣдомству православнаго исповѣданія приказъ, коимъ директоръ духовно-учебнаго управленія при св. Сѵнодѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, въ званіи камергера, князь *Урусовъ*—назначенъ статсъ-секретаремъ Его Императорскаго Величества, съ оставленіемъ въ настоящей должности и придворномъ званіи.

Распоряженія по духовно-учебному вѣдомству. Святѣйшій Сѵнодъ опредѣленіемъ отъ 29 марта сего года постановилъ: ректоромъ и профессоромъ богословія въ костромскую семинарію и настоятелемъ богородицкаго игрицкаго второкласнаго мо-

настыря назначить инспектора с. петербургской семинаріи, архимандрита *Іосифа*; а на его мѣсто инспекторомъ с. петербургской семинаріи перевесть инспектора смоленской семинаріи, іеромонаха *Ѳеодосія*; опредѣленіемъ же св. Сѵнода отъ 17 февраля, учитель псковской семинаріи, игуменъ *Вонифатій* назначенъ настоятелемъ торопецкаго третьекласнаго монастыря, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита и съ увольненіемъ отъ духовно училищной службы.

Разрѣшеніе изданія Литовскихъ епархіальныхъ вѣдомостей. — Опредѣленіемъ святѣйшаго Сѵнода, отъ 23 апрѣля сего 1862 года, разрѣшено изданіе Литовскихъ епархіальныхъ вѣдомостей, по программѣ, представленной преосвященнымъ Іосифомъ, митрополитомъ Литовскимъ.

Разрѣшеніе изданія Вѣстника Западной и Югозападной Россіи. — По предложенію г. сѵнодальнаго оберъ-прокурора, святѣйшій правительствующій Сѵнодъ, отъ 15 минувшаго февраля, опредѣлилъ — разрѣшить учителю кіевской семинаріи, коллежскому совѣтнику Говорскому издавать въ г. Кіевѣ журналъ, подъ названіемъ: «Вѣстникъ Западной и Югозападной Россіи», по представленной Говорскимъ программѣ, изъ которой видно, что главная задача этого журнала состоитъ въ томъ, чтобы историческимъ путемъ противодѣйствовать существующей въ Западномъ и Югозападномъ краѣ Россіи, польской и римско-католической пропагандѣ, которая силится подорвать тамъ интересы Церкви православной и подавить русскую народность.

Опредѣленіе относительно празднованія торжественныхъ дней. — Въ 5-й день февраля сего 1862 г., Государь Императоръ Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе св. Сѵнода состоявшееся слѣдствіе представленія преосвященнаго митрополита московскаго Филарета, чтобы впредь: 1) празднованіе рожденій и тезоименитствъ членовъ Императорскаго Дома, кромѣ дней собственно Императорскихъ и Государя Наслѣдника Цесаревича, совершаемо было въ ближайшіе воскресные дни; 2) въ сіи дни не возбранять погребеніе усопшихъ, и 3) прекращено было празднованіе дней побѣдъ, кромѣ дня побѣды подъ Полтавою, въ который по прежнему молебное пѣніе должно быть совершаемо.

Назначеніе срока служенію благочинныхъ въ Кіевской епархіи. — Резолюціею высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, митрополита Кіевскаго, отъ 29 ноября 1861 года, поручено было уѣзднымъ протоіереямъ отобрать отъ духовенства собственноручныя, за общею подписью всѣхъ священниковъ и причетниковъ, отзывы духовенства каждой благочиніи, Кіевской епархіи, кого на будущее время они пожелаютъ имѣть благочинными. Вслѣдствіе сего кандидаты, избранные духовенствомъ, опредѣлены благочинными; а тѣмъ, которые при этомъ случаѣ уволены отъ благочиннической должности, объявлена архипастырская благодарность за усердную и безпорочную службу. За симъ, резолюціею его высокопреосвященства отъ 29 марта, приказано предъявить благочиннымъ, какъ новымъ, такъ и прежнимъ по всей епархіи, что они оставляются въ сей должности только на пять лѣтъ, съ тѣмъ однакожъ, что по истеченіи этого срока, они могутъ быть избраны духовенствомъ и на слѣдующее пятилѣтіе, и что изъ числа избирателей и избираемыхъ не исключаются и нынѣ увольняемые благочинные и даже имѣютъ въ семъ отношеніи нѣкоторое преимущество предъ прочими (*Кіевск. епарх. вѣд.*).

I.

Освященіе мѵра, совершенное 5-го апрѣля въ кіевопечерской лаврѣ*.

Архіерейское служеніе литургіи въ великій четвергъ замѣчательно ежегодно обрядомъ торжественнаго умовенія ногъ, которое, по окончаніи литургіи, совершаетъ самъ святитель съ 12-ю священнослужителями. Въ настоящемъ году въ Кіевѣ оно ознаменовано еще священнодѣйствіемъ освященія мѵра, происходящимъ обычно чрезъ три года.

Освященію мѵра предшествовало предварительное его приготовленіе. По чиноположенію Церкви, въ среду крестопоклонной недѣли, различные ладаны, благовонныя вещества и цвѣты [1] влагаются въ сосудъ, наполненный деревянымъ масломъ и виномъ. На страстной недѣлѣ происходитъ самое мѵровареніе, продолжающееся съ понедѣльника до среды. Мѣстомъ для сего служитъ кіево-софійскій каѳедральный соборъ или кіевопечерская лавра; въ настоящій разъ мѵро приготовлялось при лаврской трапезной церкви. Утромъ, въ великій понедѣль-

* См. Кіевск. епарх. вѣдомости, 1862 г., № 8.

[1] Въ составъ мѵра входитъ до 30-ти разныхъ веществъ.

никъ, высокопреосвященный митрополитъ кіевскій Арсеній съ преосвященнымъ викаріемъ своимъ, епископомъ Серафимомъ, въ предстояніи старшаго духовенства, совершивъ водоосвященіе и окропивъ св. водою вещества и всѣ принадлежности мироваренія, которыя были расположены въ алтарѣ трапезной церкви, влилъ въ уготовленные котлы масло и вино; туда же вложены и другія нѣкоторыя вещества, указанныя въ печатномъ чинѣ; затѣмъ его высокопреосвященство самъ возжегъ огонь подъ котлами. Діаконы въ облаченіи, промѣшивали влитыя въ котлы масло и вино, а священники, въ продолженіи трехъ дней, непрерывно читали евангеліе. Въ великую среду, пополудни, въ изготовленное уже мѵро влиты эфирно-ароматныя вещества. Наконецъ мѵро разлито изъ котловъ въ сосуды, которые оставлены были на престолѣ трапезной церкви до великаго четвертка.

Въ четвертокъ, при окончаніи благовѣста къ литургіи, высокопреосвященнѣйшій митрополитъ, въ сопровожденіи 6-ти архимандритовъ, 4-хъ протоіереевъ и 2-хъ іеромонаховъ, вступилъ въ великую лаврскую церковь, и, по облаченіи, открылъ ходъ изъ успенскаго собора, за св. мѵромъ, въ трапезную церковь, въ предшествіи многочисленнаго духовенства, въ преднесеніи креста и хоругвій. По вступленіи въ алтарь, его высокопреосвященство благословилъ духовенству взять съ престола сосуды съ приготовленнымъ мѵромъ, а самъ изволилъ поднять золотой алавастръ съ такимъ же мѵромъ, и при колокольномъ звонѣ, среди рядовъ множества богомольцевъ, 20-ть серебряныхъ большихъ сосудовъ [1] понесены были 40 священно-служителями вокругъ большой церкви, при пѣніи пѣсни: «Благословенъ еси, Христе Боже нашъ, иже премудры ловцы явлей..» и проч., а, по прибытіи процессіи въ церковь, поставлены на жертвенникѣ, вокругъ св. сосудовъ съ приготовленными для литургіи дарами. Божественная литургія совершена была соборнѣ высокопреосвященнымъ митрополитомъ вмѣстѣ съ преосвященнымъ викаріемъ. На великомъ ходѣ, вслѣдъ за дарами, подняты были священнослужащими и покрытые воздухами сосуды съ приготовленнымъ мѵромъ, а алавастръ, при осѣненіи двухъ рипидъ, несенъ былъ каѳедральнымъ протоіереемъ и въ царскихъ дверяхъ принятъ самимъ

[1] Сосуды эти изящной работы, имѣютъ форму узко-горлыхъ высокихъ вазъ съ двумя ухами при каждой, съ вызолоченными на крышкахъ крестами, сдѣланы въ 1850 г. Кіевософійск. каѳедр. соборомъ.

митрополитомъ. Внесенные въ олтарь сосуды съ мѵромъ поставлены были на престолѣ также вокругъ св. сосудовъ съ дарами. Самое освященіе мѵра послѣдовало за освященіемъ даровъ, послѣ возгласа: «И да будутъ милости великаго Бога и Спаса..»—Первоархипастырь, открывая каждый изъ сосудовъ, благословлялъ ихъ трижды крестнымъ знаменіемъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Потомъ, въ слухъ всѣхъ, произнесъ молитву освященія, взывая къ Господу милости и Отцу свѣтовъ, да дастъ и ему благодать тайнодѣйственнаго служенія подобно Моисею, Самуилу и Апостоламъ и ниспослетъ Св. Духа на мѵро, сотворивъ оное помазаніемъ духовнымъ, хранилищемъ жизни, освященіемъ душъ и тѣлесъ, елеемъ радованія и проч. Послѣ главопреклоненной молитвы, владыка возгласилъ славу пресвятой Тройцѣ и заключилъ священнодѣйствіе освященія мѵра троекратнымъ крестнымъ знаменіемъ опять надъ каждымъ изъ сосудовъ.

По отпустѣ литургіи и по совершеніи обряда умовенія ногъ, новоосвященное мѵро торжественно отнесено священнослужившими въ лаврскую ризницу, при пѣніи 44-го псалма: «Отрыгну сердце мое слово благо..»

Св. мѵро, приготовляемое у насъ только въ Москвѣ и Кіевѣ, изъ Кіева раздается въ ближайшія къ Кіеву и во всѣ юго-западныя епархіи, а также отпускается въ сопредѣльныя княжества Молдавіи и Валахіи.

Благословеніе св. Сѵнода за пожертвованіе въ пользу духовныхъ воспитанниковъ. — Опредѣленіемъ св. Сѵнода 16-го сего апрѣля положено: екатеринбургскому купеческому сыну *Евфимію Телегину* за устройство для 32-хъ сиротъ, учениковъ екатеринбургскаго духовнаго училища, суконныхъ плащей цѣною въ 115 руб. 70 копѣекъ серебромъ, преподать благословеніе святѣйшаго Сѵнода.

Новый источникъ пожертвованій въ пользу духовныхъ воспитанницъ. — Въ 8 № кіевскихъ епархіальныхъ вѣдомостей (15 апрѣля 1862 г.), напечатано, что *въ замѣнъ праздничныхъ визитовъ*, протоіереями, священниками и церковными старостами г. Кіева, пожертвовано въ пользу сиротъ, воспитывающихся въ Кіевскомъ духовномъ женскомъ училищѣ, 56 р. 75 к. с.

Новый видъ выраженія благодарности крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости. * Общество временно-обязанныхъ крестьянъ поселка Ѳеодосіевскаго и Талаковскаго, екатеринославской губерніи, александровскаго уѣзда, пограничное мортовому городу Маріумполю, выписывая образа Спасителя, изданные г. Калистратовымъ въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, выразило желаніе, если останутся отъ пересылки къ нимъ иконъ деньги, чтобы въ Кіево-печерской лаврѣ, во время служенія литургіи высокопреосвященнымъ митрополитомъ, вынута была изъ просфоры частица о здравіи всего ихъ общества и чтобы въ лаврѣ была поставлена отъ нихъ свѣча предъ образомъ Спасителя.

По докладѣ о семъ желаніи высокопреосвященному митрополиту Арсенію, угодно было его высокопреосвященству избрать для сего вербное воскресеніе, въ который день Церковь воспоминаетъ воскрешеніе Іисусомъ Христомъ Лазаря изъ мертвыхъ. Во время херувимской, предъ перенесеніемъ даровъ съ жертвенника на престолъ, владыка вынулъ изъ большой, на сей случай приготовленной, просфоры частицу о здравіи крестьянъ общества Ѳеодосіевскаго и Талаковскаго. Объ этомъ г. Калистратовымъ подробно сообщено 2 апрѣля ихъ старостѣ Тимоѳею Ольховому съ препровожденіемъ самой просфоры. Предъ иконой Спасителя въ заутреню свѣтлаго Воскресенія поставлена большая (пятирублевая) свѣча—и зажжена при первыхъ звукахъ: Христосъ воскресе, которая и горѣла всю святую недѣлю, во время службы.

Приглашеніе къ пожертвованію на сооруженіе новаго храма на мѣстѣ рожденія святителя Тихона. — Валдайскаго уѣзда, въ селѣ Короцкомъ, на мѣстѣ рожденія новоявленнаго святителя и чудотворца Тихона, деревянный храмъ, построенный въ началѣ XVIII вѣка, отъ ветхости пришелъ въ совершенное раззореніе, и мѣстные жители, по бѣдности ихъ, не могутъ соорудить новаго храма. Въ этой церкви святитель Тихонъ воспріялъ св. крещеніе, въ ней пріобщался св. таинъ, въ ней читалъ, пѣлъ и молился, и возлѣ нея погребены родитель и предки его.

Клиръ Короцкой церкви, вмѣстѣ съ прихожанами, обращаются къ усердію православныхъ христіанъ, и именемъ свя-

---

* См. Кіевск. епархіальн. вѣд. 1862 г., № 8.

тителя Тихона просятъ всѣхъ и каждаго, по мѣрѣ усердія и средствъ, оказать свое содѣйствіе къ сооруженію на семъ мѣстѣ новаго храма *въ честь и память святителя Тихона.*

Усердствующіе благоволятъ приношенія свои адресовать: въ городъ *Валдай*, Новгородской губерніи, настоятелю иверскаго монастыря *архимандриту Лаврентію.* О полученіи и употребленіи денегъ будетъ извѣщаемо чрезъ духовные журналы и газеты. Имена жертвователей внесутся въ синодикъ на вѣчное поминовеніе за здравіе или о вѣчномъ покоѣ, по извѣщенію приносителей.

Святитель Тихонъ, предстоя нынѣ предъ престоломъ Царя славы, умолитъ Господа Бога о всѣхъ чтущихъ память его. Безчисленныя чудотворенія, совершившіяся и нынѣ продолжающіяся по молитвенному обращенію къ св. Тихону, служатъ вѣрнымъ ручательствомъ мощнаго его ходатайства предъ Богомъ.

Рѣчь архипастыря къ воспитанникамъ полоцкаго кадетскаго корпуса*.

Благородные юноши!

Прощаясь съ вами, хочу преподать вамъ святительское мое благословеніе, какъ сынамъ Церкви православной, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по долгу моего пастырства и старчества, не могу не сказать вамъ нѣсколько словъ въ ваше назиданіе.

Долгое и всестороннее испытаніе васъ въ законѣ Божіемъ привело насъ къ отрадному убѣжденію въ томъ, что вы достаточно изучили и уразумѣли догматы вѣры православной и уставы матери нашей св. Церкви. Какъ святитель Церкви Христовой, не могу отъ всей полноты души не возносить за васъ благодаренія Богу—подателю всякой премудрости, и не засвидѣтельствовать моей признательности учащимъ за отличные успѣхи въ законѣ Божіемъ, зная по опыту, что всякое образованіе и воспитаніе безплодны, если не будутъ основаны на благочестіи, т. е. на твердыхъ началахъ вѣры и добродѣтели,—*благочестіи, имѣющемъ въ себѣ обѣтованіе жизни и настоящей и будущей* (1 Тимоѳ. 4, 8). Эта истина такъ непреложна, что голосъ ея, отъ начала христіанства, постоянно раздается въ рѣчахъ самыхъ лучшихъ мыслителей, какъ древняго, такъ и новаго міра,—что безъ свѣта Божественнаго откровенія не возмо-

* Сказана высокопреосвященнѣйшимъ *Василіемъ*, архіепископомъ полоцкимъ и витебскимъ, въ маѣ 1862 года.

женъ никакой прогрессъ, никакое улучшеніе въ жизни человѣчества, и что мудрость земная, неутверждаемая на этомъ основаніи, не приноситъ никакой пользы, какъ говоритъ Апостолъ: *умъ, неплѣненный въ послушаніе вѣры Христовой, только кичитъ, взимаясь на разумъ Божій.* Что видимъ? Несмотря на вѣковыя усилія человѣческаго ума во всѣхъ родахъ знанія, мы не болѣе знаемъ, какъ только одни внѣшнія явленія природы. Намъ вовсе недоступны сокровенныя причины, на которыхъ основаны явленія міра духовнаго и вещественнаго. Одно только откровеніе, указывая на Бога, какъ на виновника всякаго бытія, Подателя жизни, и Творца безсмертнаго человѣческаго духа, можетъ успокоить наше сердце среди бездны недоумѣній, которыя окружаютъ умъ человѣческій при взглядѣ на временную жизнь нашу на землѣ и при тяжеломъ сознаніи тлѣнія и ничтожества всего земнаго.

Кто изъ насъ не сознаетъ, какъ часто мудрость человѣческая, уклонившись отъ свѣта божественнаго Евангелія, превращается въ безуміе, по слову Апостола Павла: *мудрость міра сего буйство у Бога есть* (1 Кор. 3, 18 — 19). И вѣрно слово Апостола, потому что мудрость земная, не руководимая свѣтомъ Божественнаго откровенія, неизбѣжно впадаетъ въ противорѣчіе сама съ собою и въ самыя грубыя заблужденія. Въ этомъ до очевидности, убѣждаетъ насъ исторія развитія ума человѣческаго внѣ свѣта откровенія Божія въ древнемъ философскомъ мірѣ до появленія христіанства, пока Богъ-Слово, сокрывшись подъ образомъ человѣка, возвѣстилъ человѣчеству: *Азъ есмь свѣтъ міру, Истина и Путь къ животу* (Іоан. 8, 12). Какъ же мудрость человѣческая встрѣтила на землѣ ипостасную Премудрость Божію, явившуюся въ лицѣ Богочеловѣка-Христа? Всѣмъ намъ извѣстна исторія голгоѳскаго креста, къ которому пригвоздила мудрость человѣческая Божественнаго Учителя истины—Спасителя міра, Христа. Извѣстно намъ и то, какой тяжелый крестъ должно было поднять на своихъ раменахъ христіанство, при появленіи своемъ на землѣ, въ борьбѣ съ заблужденіями человѣческаго ума, съ его кичливостію и надменіемъ, чтобы плѣнить его свѣтомъ истины въ послушаніе вѣры Христовой. Вамъ, благородные юноши, изъ исторіи Церкви христіанской, близко извѣстна кровавая картина трехвѣковаго мученичества за истину Христову и непреложное свидѣтельство божественности закона евангельскаго и всего христіанства въ лицѣ св. мучениковъ.

Оцѣнивая современный нашъ прогрессъ и европейскую цивилизацію, съ точки зрѣнія нашего православія и церковности, нельзя не видѣть, что русская мысль и русская наука не высказали еще своего самостоятельнаго отношенія къ европейской мудрости, и все то, что́ мы называемъ прогрессомъ и цивилизаціею въ простотѣ сердца, все это не наше, чужое—европейское, матеріалистическое или раціоналистическое. Взирая на грустную картину, какъ русская мысль раболѣпствуетъ предъ матеріализмомъ или раціонализмомъ принциповъ европейской цивилизаціи, невольно православный пастырь повторяетъ своей паствѣ то, что́ нѣкогда говорили великіе мужи христіанской древности своимъ современникамъ: *берегитесь духа лестча, не всякому духу вѣруйте, а искушайте духи, аще отъ Бога суть.*—Въ поясненіе сказаннаго, хочу привесть еще слова одного христіанскаго учителя, Ермія. Вотъ что́ сказалъ онъ мудрости міра: «я готовъ слѣдовать мудрецамъ, если хотя «двое изъ нихъ будутъ согласны между собою въ основныхъ во«просахъ и если они научатъ одной какой нибудь истинѣ ясно и «доказательно. Великіе мудрецы Греціи попеременно превра«щаютъ меня во всѣхъ животныхъ; я вижу, что они дѣлятъ «душу мою на нѣсколько родовъ, что одинъ объясняетъ ея «природу такъ, другой иначе, и, признаюсь, подобная пута«ница отвращаетъ меня. То я безсмертенъ и радуюсь, то смер«тенъ и стенаю; вдругъ меня дѣлятъ на атомы, дѣлаютъ меня «изъ воды, воздуха и огня; потомъ опять вдругъ я уже не «воздухъ, не огонь, а какой-то дикій звѣрь или рыба». Подобно мудрому Ермію, и въ наше время пастырю Церкви приходится указывать на подобныя заблужденія ума человѣческаго, омраченнаго духомъ современнаго матеріализма или раціонализма западной цивилизаціи, указывать на весь вредъ, какой происходитъ отъ того, что передовые люди русскаго міра и общества, надмеваясь земнымъ знаніемъ, смежаютъ око своего разума предъ свѣтомъ Христова евангелія.

Здѣсь хочу предложить нѣсколько вопросовъ современному мудрованію, которымъ такъ увлекается наше юношество, не подозрѣвая имѣющихъ произойти отъ того гибельныхъ слѣдствій. Кто внѣдрилъ въ душѣ человѣчества свѣтлыя истины бытія Божія, безсмертія души и надежду на загробную жизнь, и основательно научилъ насъ знать эти истины, какъ не Откровеніе? Кто успокоилъ сомнѣніе ума на счетъ познанія истины въ лицѣ высочайшей Истины—Богочеловѣка Христа, принесшаго Себя

въ жертву за грѣхи міра, какъ не христіанство? Кто указалъ путь къ возсоединенію отпадшаго человѣка съ Богомъ, къ его возрожденію и освященію благодатію Св. Духа, какъ не христіанство? Что́ же видимъ? Созерцаемъ грустную картину борьбы разныхъ мнѣній и сомнѣній, ожесточенную ненависть ко всему религіозному и церковному, во имя какихъ то принциповъ чуждой намъ цивилизаціи! Нельзя не поскорбѣть, что плоды скороспѣлой цивилизаціи покупаются у насъ такою дорогою цѣною. Во имя принциповъ европейскаго матеріализма современной цивилизаціи, православнымъ сынамъ русской Церкви отрекаться отъ ея авторитета, возставать противъ авторитета Евангелія, это значитъ возставать противъ авторитета власти Божественной, потому что Просвѣтитель міра Христосъ есть Владыка и Глава Церкви и Виновникъ Закона Евангельскаго, есть Свѣтъ міру, Истина и Животъ. Спрашиваю: гдѣ мы найдемъ ручательство, что то или другое научное воззрѣніе на назначеніе человѣка вѣрно, когда оно не будетъ освѣщено свѣтомъ Евангелія? Кому неизвѣстно изреченіе псалмопѣвца: *всякъ человѣкъ ложь?* Прискорбно, что въ наше время величайшій даръ Божій—даръ слова—служитъ въ современной журналистикѣ, благодаря вліянію иноземной цивилизаціи, органомъ лжи и клеветы на св. Церковь и догматы вѣры. Конечно, это не новость для Церкви: она и прежде видывала въ своихъ нѣдрахъ толпы хулителей св. ея догматовъ, и прежде выслушивала съ терпѣніемъ клеветы своихъ враговъ, какъ нынѣ съ терпѣніемъ выслушиваетъ многорѣчивыя заблужденія мудрыхъ міра: Штраусовъ, Фейербаховъ, Бокклей, Бюхнеровъ, Шопенгауеровъ — этихъ кумировъ современной мудрости, и ложныхъ авторитетовъ для умничанья нашей молодежи. Какъ пастырь Церкви Христовой и служитель Слова, не скрою отъ васъ, благородные юноши, что, по попущенію Божію, настали тяжелыя времена для православія, что и у насъ, благодаря матеріалистическому духу времени и превратному направленію литературы, религіозное начало одними забыто, другими пренебрегается, а иными попрано. И русская современная молодежь своею антипатіею ко всему православно церковному хочетъ превзойдти даже сыновъ запада, поборниковъ необузданнаго произвола въ дѣлахъ религіи.

Вотъ въ какое тяжелое время приходится вамъ, благородные юноши, выходить изъ сего святилища науки въ жизнь общественно-государственную, на великое поприще военной

службы. На васъ будетъ лежать долгъ прежде всего не силою меча, а силою убѣжденія, защищать отъ нарушителей законнаго порядка и государственное благо и престолъ, Россію и св. Церковь. Господь призываетъ васъ къ доблестнымъ подвигамъ жизни военной,—служите же престолу и отечеству вѣрою и правдою, чтобы вамъ своею доблестію заслужить вѣчную признательность Россіи. Помните въ жизни заповѣдь великаго пророка Господня, сказанную воинамъ, просившимъ наставленія: *никогоже обидите, ни оклеветайте, и довольни будите оброки вашими.* Будьте мужественны во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, среди всякихъ лишеній и трудовъ, и никогда не отпадайте отъ вѣры. Къ этому обязываютъ васъ и ваше образованіе и воспитаніе, это внушаетъ вамъ и признательность къ отечеству и благодарность къ попеченіямъ Благочестивѣйшаго Монарха, который истинно отечески заботится о просвѣщеніи военнаго юношества свѣтомъ вѣры и науки. Въ заключеніе хочу напутствовать васъ заповѣдію Апостола: *Бога бойтесь, Царя чтите*, и заповѣди его соблюдайте.

Да благословитъ самъ Господь Богъ благословеніемъ небеснымъ новое поприще вашей военной жизни. Умоляю васъ, какъ святитель-старецъ, берегитесь тлетворнаго духа многоязычиваго современнаго мудрованія, для котораго нѣтъ ни Бога-Судіи, ни Его правды, ни воздаянія за беззаконія. Вѣрьте, что проведенное мною время въ испытаніи васъ въ законѣ Божіемъ останется для меня навсегда памятно, чтобы поминать васъ въ св. молитвахъ у престола Божія. А ваши успѣхи на поприщѣ военной жизни и дѣятельности для начальствовавшихъ и трудившихся надъ вашимъ образованіемъ и воспитаніемъ, будетъ отрадною наградою за ихъ усердіе. Аминь.

Русская рѣчь еврейскаго раввина *. Подъ этимъ названіемъ мы прочитали въ 59 № Спб. Вѣдомостей выдержки изъ рѣчи г. Минора, минскаго общественнаго раввина, произнесенной имъ 21 января сего года въ большомъ еврейскомъ молитвенномъ домѣ, въ присутствіи начальствующихъ лицъ, по случаю полученнаго извѣстія о Высочайшей милости къ евреямъ, состоявшейся 27 ноября 1861г., по представленію министра народнаго просвѣщенія, о предоставленіи нѣкоторыхъ преимуществъ евреямъ, получившимъ образованіе, а

* Сообщено изъ Штутгарда, о. *протоіереемъ Іоанномъ Базаровымъ.*

равно служащимъ при еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Нельзя не порадоваться такому знаку милости нашего возлюбленнаго и всѣми благословляемаго Монарха къ своимъ подданнымъ изъ еврейскаго племени. Ничье сердце не можетъ такъ искренно сочувствовать благосостоянію своихъ сочеловѣковъ, какъ сердце христіанское. Но намъ кажется, что почтенный раввинъ минскаго еврейскаго молитвеннаго дома принялъ на себя слишкомъ трудную задачу—объяснять торжественно значеніе этой монаршей милости русскою рѣчью. Прежде всего мы хотѣли бы спросить почтеннаго раввина: на какой почвѣ стоитъ онъ, говоря объ отечествѣ, соотечественникахъ, согражданахъ,—на политической ли только, или и религіозной? Въ первомъ случаѣ мы протягиваемъ ему руку, какъ своему согражданину; въ послѣднемъ мы напомнимъ ему исторію его народа и его всемірное значеніе, и укажемъ ему прямо, не въ обиду, а въ честь ему, на его законное, непреходящее, *отечество*—Палестину, землю святую, землю Бога Израилева, землю также священную для христіанъ, для цѣлаго человѣчества. Но мы не ошибаемся, если скажемъ, что г. раввинъ Миноръ и въ своей *русской* рѣчи стоитъ на почвѣ іудейства. И было бы странно ожидать противнаго отъ учителя Моисеева закона! Это значило бы отказаться отъ преданія цѣлыхъ вѣковъ, отъ завѣтныхъ вѣрованій цѣлыхъ поколѣній. И дѣйствительно: еврейскій раввинъ привѣтствуетъ духовныя и гражданскія власти въ самомъ началѣ своей рѣчи отъ имени *маститой, но вѣчно-юной синагоги*. Вступленіе это заставляетъ насъ невольно вспомнить, что мы стоимъ лицомъ къ лицу предъ этою чудною представительницею никогда нестарѣющагося народа Божія, который одинъ пережилъ всѣ міровые перевороты, стершіе современные ему народы съ лица земли. И только въ этой мысли мы понимаемъ и молитвенное воззваніе еврея о соединеніи *всѣхъ разновѣрныхъ народовъ въ одну общую семью*. Немудрено послѣ этого, что ученый раввинъ еврейскій долженъ былъ прежде всего успокоить своихъ *еврейскихъ* собратій на счетъ своей *русской* рѣчи въ молитвенномъ домѣ еврейскимъ—напоминаніемъ царя Соломона, по желанію котораго *позволялось иностранному гостю излить свою душу и сердце предъ лицемъ Бога Израилева на своемъ собственномъ языкѣ*. Но то насъ удивляетъ, какъ могъ раввинъ еврейскій назвать русскій языкъ *нашимъ* (т. е. еврейскимъ) *собственнымъ отечественнымъ языкомъ!* Мы готовы предположить, что, говоря это, почтенный раввинъ ставитъ себя снова на граж-

данскую почву и хочетъ своею русскою рѣчью подтвердить равноправность своего племени съ русскимъ народомъ. Въ этомъ отношеніи мы совершенно съ нимъ согласны и первые готовы радоваться за будущее благосостояніе евреевъ въ огромномъ семействѣ русскаго народа. Но согласится ли еврейская совѣсть купить такою дорогою цѣною гражданскія права своей націи? Неужели правовѣрный еврей согласится сдѣлаться русскимъ, нѣмцемъ, французомъ, англичаниномъ, не измѣнивъ основному началу своего вѣрованія? Неужели истый еврей можетъ забыть, что его національность есть его религія? Мы этому не вѣримъ и не хотимъ вѣрить изъ уваженія къ самимъ евреямъ. Мы довольно хорошо знаемъ Библію во всей ея полнотѣ, и потому не въ состояніи ни на минуту увлечься тою мыслію, будто евреи могутъ слиться съ другими національностями. Нѣтъ, судьба этого народа намъ извѣстна изъ откровенія болѣе, чѣмъ имъ самимъ. Мы знаемъ одинъ только исходъ къ этому единенію народовъ въ одну общую семью, — и это нашъ общій всѣхъ Мессія, Христосъ Іисусъ, въ которомъ *одномъ* перестаетъ разность между іудеемъ и язычникомъ, между рабомъ и свободнымъ, даже между полами мужескимъ и женскимъ. Напрасно почтенный минскій раввинъ заботится о томъ, *кто возвѣститъ русскому міру про истины и красоты религіознаго ученія* евреевъ, *если не русскіе евреи*. Русскіе христіане, такъ же хорошо, какъ христіане всѣхъ націй и языковъ, знаютъ и умѣютъ цѣнить и эти богооткровенныя истины и эти красоты Боговдохновенной поэзіи евреевъ. *Честь іудейской религіи*, которую г. Миноръ думаетъ *искупить предъ лицомъ всей Россіи произнесеніемъ частыхъ проповѣдей на русскомъ языкѣ*, никогда не страдала отъ того, что евреи и молятся и назидаются въ своихъ моленьяхъ на своемъ природномъ языкѣ. Если же минскому раввину думается, что этимъ путемъ *еврейскій духовный міръ пріобрѣтаетъ себѣ обширное поле для своей духовной дѣятельности, для своего духовнаго вліянія*, то онъ очень ошибается. Ему, какъ ученому раввину, должно быть извѣстно, что іудейство ни въ какой странѣ не дѣлаетъ пропаганды. А если онъ когда поглубже вдумался въ этотъ фактъ, то ему должна была ясно открыться та истина, проповѣдуемая христіанами, и проповѣдываемая вѣками, что іудейство есть только историческій памятникъ непреложной истины и что въ этомъ всемірномъ значеніи своемъ оно составляетъ живое, неистребляемое вѣками, доказательство истины христіанства. Въ этомъ

отношеніи мы готовы отъ глубины вѣрующаго сердца удивляться, вмѣстѣ съ почтеннымъ раввиномъ, величію той борьбы, которую ведетъ за іудеевъ Провидѣніе съ окружающимъ ихъ человѣчествомъ. Не одни только гоненія среднихъ вѣковъ, не одни покушенія язычествующихъ народовъ на истребленіе народа Божія изумляютъ насъ своею безплодностію: мы гораздо болѣе удивляемся дивнымъ судьбамъ Промысла въ сохраненіи іудейской національности среди всѣхъ обольстительныхъ покушеній современной цивилизаціи слить съ массою человѣчества разсѣянные обломки избраннаго народа Божія. Къ чему хранится этотъ народъ въ своей первобытной цѣлости, намъ извѣстно изъ откровенія (Лев. 26, 40; Іезек. 20, 41; 37, 24. 25. 26. Рим. гл. 11). И только тогда замолкнутъ и этотъ *вѣчно угрюмый*, *вѣчно укоряющій стонъ* этого народа, и его *вѣчныя жалобы на человѣчество*. Жаль только, что этому же раввину, такъ горько оплакивающему свою судьбу, представляется *еще далекимъ* тотъ *день*, *когда примиреніе* его народа *будетъ истинное и искреннее*. Въ настоящее время онъ изображаетъ горькую участь своего народа картиною *бѣднаго пасынка, изнывающаго подъ холоднымъ, безсочувственнымъ и вѣчно недовѣрчивымъ окомъ своего вотчима*. Дѣйствительно, картина очень жалкая и бросающая тѣнь на несправедливость *вотчима*. Но это крайность—въ противоположность другой крайности, вслѣдствіе которой еврейскій раввинъ претендуетъ на право своихъ единоплеменниковъ служить государству, *какъ всѣ прочіе сыны его*. Настоящая правда должна лежать въ срединѣ между этими двумя крайностями. Да не прогнѣвается на насъ почтенный раввинъ минской синагоги, если мы ему напомнимъ его іудейское происхожденіе, исключающее всякое *усыновленіе* какой бы то ни было чуждой національности. Мы готовы всегда признать русскаго еврея своимъ согражданиномъ, но никогда—своимъ *соотечественникомъ*. Названіе *пасынка*, конечно, слишкомъ обидно для кого бы то ни было, подданнаго одного и того же государя. Но пришлецъ въ странѣ чужой, заброшенный рукою Провидѣнія, по яснымъ и вѣчно сбывающимся пророчествамъ, въ среду народовъ, чуждыхъ ему, таковъ всегда былъ и есть народъ еврейскій съ тѣхъ поръ, какъ онъ отвергъ своего Мессію. И когда г. Миноръ, отъ лица сыновъ своихъ, патетически вопрошаетъ: «гдѣ же столь жарко намъ суленое отечество, кому мнѣ посвятить силы мои, тѣлесныя и умственныя, какіе это интересы, которымъ я назначенъ служить?» то мы въ этихъ словахъ слышимъ только отголосокъ

того вопля, которымъ собираются эти расточенные сыны Израиля и до сихъ поръ, въ извѣстные дни, оплакивать развалины древле славнаго Іерусалима, столицы ихъ религіозныхъ вѣрованій и ихъ міроваго значенія для цѣлаго человѣчества. Мы невольно поражаемся религіознымъ ужасомъ, когда вслѣдъ за тѣмъ изъ устъ того же раввина слышимъ слѣдующія слова: *и нерѣдко проклинали мы ту минуту, когда сами вкушали изъ древа знанія добра и зла, обрекая раскаянію и мукамъ не только себя, но и свое будущее поколѣніе.* Намъ невольно приходятъ при этомъ на мысль послѣднія главы Второзаконія, гдѣ такъ грозно возвѣщены проклятія на избранный, но имѣвшій нарушить завѣтъ свой съ Богомъ, народъ Божій. Напрасно ученый раввинъ старается приписать неуспѣхъ своей націи въ общей политической жизни народовъ одному *пугливому воображенію* этихъ народовъ, будто бы *вѣчно встревоженныхъ мыслію* о томъ, что евреи, при гражданской равноправности въ государствѣ, могутъ *разомъ завладѣть всѣми служебными отраслями государственнаго управленія*, такъ что наконецъ пожалуй *оттѣснятъ на задній планъ всѣ прочія національности.* Мы видимъ, напротивъ того, что самые сыны *Альбіона, Галліи и Гесперидъ*, при всемъ усиліи современной цивилизаціи, не могутъ поднять сыновъ Авраамовыхъ выше уровня коммерческихъ и финансовыхъ головъ. Ни министерское значеніе Фульдовъ, ни засѣданіе въ англійскомъ парламентѣ евреевъ не подняли этой національности на столько, чтобы она могла взять рѣшительный перевѣсъ надъ прочими національностями въ какой либо отрасли государственнаго управленія. И въ этомъ мы видимъ чудесно сбывающееся опредѣленіе Божіе надъ разсѣянными сынами непокориваго народа. И какъ ни *ясными* кажутся минскому раввину высказываемыя имъ самимъ *истины*, на счетъ полной равноправности евреевъ съ прочими членами христіанскихъ государствъ, онѣ все-таки остаются de facto, по выраженію самого раввина, *какбы особымъ классомъ незаконнорожденныхъ дѣтей.* И вина въ этомъ лежитъ вовсе не въ *отсталомъ духѣ предубѣжденій и фанатизмѣ, религіозномъ и цеховомъ* (?), но единственно въ исторіи самого этого народа, исторіи, оправдываемой вѣками и дивно сбывающейся и доселѣ предъ нашими глазами. *Горе*, которое возвѣщается такъ громко ревнителемъ своей еврейской національности странамъ и народамъ, *задумывающимъ завоевать себѣ свободу, исключая изъ оной тысячи своихъ сыновъ* (?), *еврейскаго исповѣданія*, слышится нами въ первый разъ въ те-

ченіе цѣлыхъ вѣковъ историческаго существованія народовъ изъ *маститой*, *но вѣчно юной синагоги* минской. Опираясь на исторію всѣхъ странъ и народовъ, возросшихъ до политической свободы, но при этомъ несравнившихъ до полной равноправности своихъ еврейскихъ согражданъ, мы надѣемся, что не подвергнемся той участи, которою минскій раввинъ грозитъ *менѣе просвѣщеннымъ*, *менѣе благоразумнымъ народамъ* за неуваженіе къ еврейской національности наравнѣ съ своею собственною. Мы не можемъ пройдти молчаніемъ и молитвеннаго заключенія патетической рѣчи г. Минора. Сдѣлавъ передъ тѣмъ воззваніе къ *дщери Израиля* въ такихъ словахъ: *просвѣтись же и просвѣщай!* онъ обращается къ Богу съ молитвою, чтобы Онъ примирилъ своихъ дѣтей (т. е. евреевъ) съ Его же дѣтьми, *окружающими* ихъ (т. е. евреевъ) *племенами*. Какъ мы ни готовы сочувствовать пробужденному патріотизму іудейскаго раввина, въ пылу котораго ему представляется родное ему племя осѣдлымъ народомъ, а всѣ прочіе народы, не исключая, конечно, и русскаго, среди котораго живутъ и минскіе евреи, племенами, окружающими этотъ народъ, мы не можемъ не замѣтить одного, что эманципація іудеевъ еще ни въ одномъ христіанскомъ государствѣ не доведена до того, чтобы имъ дозволено было не только просвѣщаться самимъ, но и *просвѣщать* своихъ согражданъ-христіанъ. Мы вполнѣ убѣждены, что и въ нашемъ отечествѣ благотворныя привиллегіи, даруемыя теперь евреямъ, ограничатся ихъ внутреннимъ бытомъ и не распространятся до вліянія ихъ на умственное образованіе христіанскаго юношества. У насъ, при всеобщемъ возрожденіи нашего отечества, подобные вопросы еще новы. Но въ западныхъ государствахъ, имѣющихъ на своей сторонѣ опытъ пережитыхъ реформъ, эти вопросы давно нашли свое рѣшеніе. Такъ, напримѣръ, еще недавно въ Германіи было отказано одному ученому еврею въ желаніи занять мѣсто учителя математики въ одной изъ гимназій. Да не укоряетъ почтенный минскій раввинъ германскихъ христіанъ за это въ религіозномъ фанатизмѣ. Нѣтъ; здѣсь ничего нѣтъ другаго, кромѣ просвѣтленной христіанской совѣсти. Пусть евреи, и наши, и всѣхъ возможныхъ странъ, заводятъ у себя училища, пусть образуются во всѣхъ отрасляхъ наукъ и искусствъ; мы, христіане, первые будемъ сочувствовать ихъ успѣхамъ, ихъ возрастающему благосостоянію. Но пусть они при этомъ не забудутъ своей религіозной исторіи, всегда неразлучной съ ихъ гражданскимъ

бытомъ и замѣняющей для нихъ исторію политическую ихъ народа. Съ этой только точки зрѣнія мы уважаемъ въ лицѣ ихъ древній народъ Божій. Мы надѣемся, что путемъ образованія и просвѣщенія они скорѣе придутъ къ сознанію той священной истины, которая давно ждетъ ихъ на пути ихъ долгаго и поистинѣ жалкаго странствованія по землямъ чужимъ.

Что же касается до современнаго намъ гуманизма, который въ свою очередь готовъ запечатлѣть нашъ взглядъ на эманципацію евреевъ именемъ узкости, отсталости и даже, пожалуй, фанатизма, то мы замѣтили на это, что государство прежде всего не должно забывать, что оно—государство христіанское, и, вслѣдствіе этого самосознанія, вести своихъ подданныхъ къ возможно большему усовершенствованію, но не жертвуя для этого своими вѣрованіями. Вѣротерпимость есть великое дѣло христіанской любви. Но вѣротерпимость не есть индиферентизмъ, и если въ этомъ отношеніи указываютъ, какъ на образецъ, на Сѣверо-Американскіе штаты, то при этомъ упускаютъ изъ виду главное, и именно: тѣсно связанную съ свободою вѣроисповѣданій автономію каждаго вѣроисповѣданія. Предоставленныя самимъ себѣ, эти вѣроисповѣданія, изъ чувства самосохраненія, тѣмъ тѣснѣе группируются въ отдѣльныя секты, сохраняя при этомъ полное право не только не принимать къ себѣ въ школы учителей разномыслящихъ, но даже и на выборахъ въ общественныя должности выставлять и поддерживать кандидатовъ своей партіи. Тамъ же, гдѣ государство существуетъ на другихъ началахъ, гдѣ оно представляетъ собою нравственную единицу, въ нѣкоторомъ родѣ, обособленную личность, тамъ само государство должно имѣть свой характеръ, свою совѣсть, свое ему свойственное самосознаніе.

Записки миссіонера кузнецкаго отдѣленія Алтайской духовной миссіи, священника Василія Вербицкаго, за 1861 годъ *.

Январь мѣсяцъ пробылъ я въ главномъ станѣ миссіи — Улалѣ, по требованіямъ службы.

19 февраля. Приходитъ ко мнѣ инородецъ улуса *Туштелепа* съ ознобленными руками за врачевствомъ и насущнымъ хлѣбомъ. Къ отмороженнымъ пальцамъ мы привязали тертаго картофелю и спросили его, какъ съ нимъ случилось такое несча-

* Сообщены сотруднику миссіи, московской Спиридоновской ц. свящ. Ник. Лаврову. Извлечено изъ Душеполезнаго чтенія за мартъ 1862 г.

тіе. Инородецъ отвѣчалъ: «какъ Богу, такъ и вамъ каюсь, батюшка, что за великіе грѣхи свои я наказанъ. Было у меня двое дѣтей, которыхъ одного за другимъ шайтанъ (злой духъ) съѣлъ. Вотъ я камлать, вотъ я камлать; но у меня и скотина стала валиться. Я думаю, что, должно быть, нашъ камъ не искусенъ отогнать отъ меня несчастіе, и, по совѣту своихъ, отправился въ *Абинцы* (улусъ въ 35 верстахъ отъ Туштелепа), упросилъ здѣшняго кама покамлать у меня въ домѣ, угостилъ его виномъ, да и самъ съ нимъ подпилъ,—должно быть, порядочно, потому что не помню, какъ вышелъ я изъ Абинцевъ, а очувствовался уже въ полѣ, тогда, какъ сталъ сильно зябнуть. Мнѣ снилось, будто бы я самъ сдѣлался камомъ и камлалъ, вмѣсто лапокъ, голыми руками». Сдѣлавъ сему инородцу приличное случаю наставленіе и получивъ отъ него обѣщаніе никогда не прибѣгать къ шаманству, я отпустилъ его съ миромъ и снабдилъ 2 пудами муки.

6 апрѣля. Воспріялъ св. крещеніе 10-тилѣтній отрокъ *Іосифъ*, въ идолопоклонствѣ *Таканай*. Онъ пришелъ къ намъ за 250 верстъ отъ его жилища, въ Черни. И это пространство Таканай прошелъ на лыжахъ. Покачиваясь изъ стороны въ сторону, инородецъ на лыжахъ легко пробѣгаетъ отъ 70 до 80 верстъ въ весенній день, а въ самый короткій зимній обыкновеннымъ бѣгомъ отъ 50 до 60. Но если охотнику нужно перехватить звѣря, т. е. пересѣчь линію бѣга, замѣтить его направленіе, то онъ пробѣгаетъ отъ 100 до 150 верстъ въ день.

9 апрѣля. Рѣка Кондома вскрылась. Открывается весна, а съ нею и наши заботы о построеніи церкви. Инородцы нашего улуса, по собственному своему усердію, вырубили, приплавили по рѣкѣ и вытащили на себѣ превосходныя сосновыя связи, во всю длину предполагаемаго зданія (21 арш.), подвезли нѣсколько и камня на фундаментъ, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, скоро ли выстроится церковь.

1—22 мая. Посѣщалъ я ближайшіе ко мнѣ улусы инородцевъ; проповѣдывалъ имъ слово Божіе; увѣровавшихъ крестилъ; совершалъ таинство брака надъ супругами, вступавшими изъ язычества въ Церковь Христову; домики и юрты, въ которыхъ все семейство воспринимало св. крещеніе, освящалъ. Въ этотъ объѣздъ мой, Господь преимущественно воззрѣлъ на улусъ *Осиновскій*, гдѣ въ рѣчкѣ *Кандалепъ* воспріяли св. крещеніе 31 человѣкъ.

25 мая. Совершили крестный ходъ изъ храмины, въ кото-

рой теперь отправляется богослуженіе, на мѣсто, предназначенное для устроенія церкви, и, отслуживъ молебенъ съ водосвятіемъ, произвели закладку оной.

26 мая. Отправились мы съ толмачемъ къ Черновымъ инородцамъ. Въ Черни телѣжныхъ дорогъ нѣтъ: ѣхали верхомъ.

Въ улусѣ *Подкатунскомъ* ожидали меня двое инородцевъ, которые уже были мною оглашены евангельскимъ ученіемъ. Теперь они воспріяли крещеніе, вмѣстѣ съ дѣтьми другихъ новокрещенныхъ инородцевъ.

27 мая. Дорога въ Черни уже извѣстная: горы, чаща лѣсная, колодины и рѣчки съ размытыми берегами при бродахъ — это общій характеръ всей алтайской Черни.

Для тѣхъ, которыхъ нужда приведетъ ночевать въ Черни, должно замѣтить, что ни на чемъ другомъ не нужно ложиться спать, какъ только на *потникѣ* (войлокъ, подлагаемый подъ сѣдло). Эта постель есть самое вѣрное огражденіе отъ змѣй, которыхъ столь много въ лѣсахъ. Весною, а особенно осенью, по ночамъ онѣ свистятъ наподобіе сверчковъ, только звучнѣе и безпрестанно. Для змѣй конскій потъ нестерпимъ; даже при ужаленіи онъ служитъ противоядіемъ, если ужаленное мѣсто завернуть потникомъ недавно вспотѣвшей лошади.

Въ волости *Карачерской*, или *Шорской*, мы остановились въ юртѣ знакомаго мнѣ инородца *Унакпая*, передали ему поклонъ отъ роднаго его брата, крещеннаго инородца Кузедеевскаго улуса. Вѣсть, что пріѣхалъ *абыз* (священникъ), разнеслась между инородцами быстро: нѣкоторые изъ ближайшихъ юртъ стали собираться ко мнѣ изъ любопытства, потому что здѣсь никакой священникъ не бывалъ никогда. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій съ той и другой стороны, я узналъ, что *Якуша*, башлыка (старосты) Кондомско-итиберской волости, нѣтъ дома, а до юрты *Эбискэ*, башлыка Карачерской волости, не болѣе 8 верстъ; туда мы и отправились на смѣнныхъ коняхъ, пригласивъ собравшихся ко мнѣ инородцевъ, если кому изъ нихъ желательно слышать слово Божіе, чтобы они завтра прибыли къ намъ.

Башлыкъ *Эбискэ* мнѣ знакомъ и, въ проѣздъ свой съ ясакомъ чрезъ нашъ улусъ, заѣзжаетъ ко мнѣ. Я просилъ его созвать изъ близкихъ къ нему кочевьевъ инородцевъ, что̀ онъ и исполнилъ. Собралось народу человѣкъ до 100, исключая дѣтей, и предложена была имъ проповѣдь объ истинномъ Богѣ, съ опроверженіемъ ихъ заблужденій, относительно лож-

ныхъ ихъ боговъ; о человѣкѣ, его сотвореніи, назначеніи, паденіи, объ искупленіи, которымъ человѣкъ можетъ и долженъ пользоваться, о душѣ человѣческой, ея безсмертіи, участи душъ людей некрещенныхъ, и проч. Ученію моему никто не противорѣчилъ, и всѣ соглашались, что все сказанное мною дѣйствительно справедливо. Въ числѣ слушателей моихъ былъ и *камъ*, или *шаманъ*, который тоже не противорѣчилъ, только не соглашался, что *шайтанъ* (злой духъ) не можетъ сдѣлать зла безъ попущенія Божія, представляя его всемогущимъ во злѣ нравственномъ и физическомъ. Послѣ того я предложилъ имъ ученіе о томъ, что̀ собственно должно разумѣть подъ зломъ: я доказывалъ имъ, что смерть человѣка, болѣзни, различныя несчастія,—все это вовсе не зло, а уже необходимое слѣдствіе зла—грѣха, и для человѣка крещеннаго и преданнаго въ волю Божію не составляетъ такой тягости и бѣды, какъ понимаютъ это они, люди некрещенные и незнающіе истиннаго Бога. Въ этомъ-то и состоитъ, сказалъ я, превосходство добраго христіанина предъ человѣкомъ некрещеннымъ, что онъ не боится ни несчастій въ здѣшней жизни, ни даже смерти, вѣруя и зная, что несчастіями очищаются грѣхи наши, а смерть есть не что иное, какъ переходъ изъ этой земной жизни въ другую, лучшую; а какъ вы этому не совершенно вѣруете, прибавилъ я, то вамъ и потерпѣть здѣсь ничего не хочется, а тѣмъ болѣе умирать страшно; вамъ даже и мысль о смерти нестерпима, потому вы и бросаете тѣ юрты, гдѣ былъ покойникъ; но вѣдь сколько ни камлайте, а отъ смерти никуда не скочуете; это вы и сами знаете, когда говорите: кому должно умереть, того камъ не отниметъ; кому съ голоду умереть, того и богачъ не избавитъ.

По окончаніи проповѣди я занялся камомъ. Но что̀ это за лицо, и въ чемъ его должность?—По вѣрованію алтайскихъ инородцевъ, божество раздѣляется на два начала: доброе—*Ульгэнь*, и злое—*Эрликъ*. Обоимъ имъ подчинено множество духовъ, первому — чистыхъ, послѣднему — нечистыхъ. Ульгэнь столь добръ и милостивъ, что неспособенъ сдѣлать что либо непріятное для человѣка. Онъ добръ до слабости. Эрликъ, напротивъ, столь золъ, что не можетъ не злодѣйствовать, а только отлагаетъ иногда навремя враждебныя свои дѣйствія на человѣка. Средство для выраженія почтенія доброму началу и для умилостивленія, или какбы задобренія злаго начала, есть жертва. Жертвы раздѣляются на кровавыя и на простыя. Къ первымъ

принадлежатъ закланіе и съѣденіе животныхъ, ко вторымъ—обильное приготовленіе и распитіе особенной браги. Посредникъ между богами и человѣкомъ, распорядитель при жертвоприношеніяхъ—*камъ*, или *шаманъ*. Должность эта, по ихъ понятію, не произвольная. Шаманы избираются изъ обоего пола еще въ дѣтствѣ самимъ шайтаномъ, или Эрликомъ, и шаманятъ всегда подъ его вдохновеніемъ, какбы отрѣшившись отъ внѣшняго міра, такъ что во время демонослуженія они дѣйствительно являются какъ бѣсноватые, съ мутными, блуждающими глазами, съ конвульсіями въ помраченномъ лицѣ и во всѣхъ членахъ, ничего не видятъ, не слышатъ и не чувствуютъ. При отправленіи демонослуженія употребляется бубенъ, обтянутый кожею морала (родъ оленя); въ срединѣ бубна—рукоятка съ желѣзными погремушками и колечками, иногда имѣющая форму идола; снаружи кожа разрисована кровію; тутъ уродливыя изображенія коней, солнца, гуся, извѣстныхъ высокихъ горъ, березника и т. п. Дополненіе къ бубну—*орба*, или колотушка изъ заячей лапы, также съ кольцами и тряпками.

Улыэню камлаютъ рѣдко, потому что онъ и безъ того добръ. Впрочемъ, каждый взрослый человѣкъ, по вступленіи въ супружество, обязанъ принесть ему жертву—коня свѣтлой масти. Время приношенія жертвы — преимущественно весна, когда поспѣетъ *кандыкъ* (лилейное растеніе), изъ котораго приготовляется къ тому случаю особенный опьяняющій напитокъ—*абыртка*. Мѣсто приношенія жертвы—березовый лѣсъ. Въ принесеніи этой жертвы участвуютъ одни мужчины, равно и камъ долженъ быть мужчина. Ѣсть же и пить идоложертвенное могутъ и женщины, но въ такомъ порядкѣ: дѣвицы на самомъ мѣстѣ, гдѣ была принесена жертва, женщины не ближе 50 саж.

Эрлику, какъ злому псу, то и дѣло приносится жертва, при всякомъ его нападеніи. Ему идетъ въ жертву всякая скотина, а за неимѣніемъ никакой—брага. Мѣстомъ шаманства—юрта, дворъ или могила, словомъ—гдѣ происходило несчастіе.

Камъ, съ которымъ я теперь имѣлъ разговоръ, согласился, что онъ не всегда же можетъ умилостивить шайтана, но никакъ не хотѣлъ сознаться въ своей лжи, будто онъ всегда, когда камлаетъ, слышитъ его голосъ, хотя самого и не видитъ. Когда я предложилъ ему, чтобы онъ, если надѣется на шайтана, вошелъ въ огонь, то онъ сказалъ, что шайтанъ не

имѣетъ такой силы, чтобъ его выручить оттуда. На это я разсказалъ ему примѣры, что вѣрующіе въ истиннаго Бога и и на Него уповающіе и въ огнѣ не сгарали. Слѣдовательно, одинъ только всемогущій Богъ—христіанскій, съ чѣмъ и онъ, не умѣя ничего сказать, вполнѣ согласился, и, если бы другіе приняли христіанство, крестился бы и онъ.

Послѣ проповѣди и бесѣды съ камомъ, одинъ инородецъ, слушавшій весьма внимательно, изъявилъ желаніе креститься; былъ наставленъ въ главныхъ истинахъ христіанства, обученъ краткимъ молитвамъ, нареченъ *Николаемъ* и вечеромъ воспріялъ св. крещеніе, въ р. *Казасъ*. Прочіе же инородцы вмѣстѣ съ башлыкомъ отложили крещеніе подъ предлогомъ, что они, безъ совѣщанія своей волости—во время сбора ясака (въ іюлѣ), на это рѣшиться не могутъ.

29 мая. Переночевавъ въ новой юртѣ башлыка, мы сегодня отправились далѣе. Дорога ровная верстъ на 10. Горы по сторонамъ—самыя знаменитыя; а мы ѣдемъ прямо къ р. *Шалымъ*, отъ которой лугами проѣхавъ 2 версты, достигли юрты 110-лѣтняго старика *Чòтушки*, живущаго вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, эсауломъ (помощникъ старосты) Карачерской волости. Здѣсь до 6 юртъ, есть и изба, принадлежащая двумъ братьямъ: *Какъ* и *Ананью*, у которыхъ мы и остановились.

Мѣстоположеніе здѣсь дикое и угрюмое; свѣта Божія вольнаго немного,—все застѣнено. Инородцы, здѣсь живущіе, по русски говорятъ хорошо; научились отъ мастеровыхъ служителей Спасскаго золотаго промысла, который отъ нихъ въ 8 верстахъ; но дорого платятъ за свою науку: рѣшительно никакого хозяйства завести не могутъ: мастеровые кругомъ ихъ обираютъ. У хозяина нашего Каки, ничего не найдя въ избѣ, они выставили и унесли оконныя рамы.

30 мая. Собравшемуся народу была предложена евангельская проповѣдь. Успѣхъ и плоды ея въ рукѣ Божіей. Послѣ проповѣди я угостилъ 110-лѣтняго старика Чòтушку чаемъ съ сухарями. Весьма довольный своимъ угощеніемъ, старикъ разсказывалъ, что онъ служилъ 30 лѣтъ эсауломъ, бывалъ въ Томскѣ, Енисейскѣ и Кузнецкѣ; спрашивалъ меня, съ вѣдома ли царя я заѣхалъ къ нимъ въ Чернь, не самъ ли собою. Я сказалъ ему, что меня Богъ послалъ, чтобы сказать имъ все то, что̀ они слышали. «Да», отвѣтилъ старикъ и спросилъ, нѣтъ ли со мною вина. «Слова Божія у меня много, а вина нѣтъ», я сказалъ. «Правда, правда», подтвердилъ онъ.

Юрты инородцевъ въ полугорѣ надъ р. Кондомой. Я пошелъ полюбоваться на нашу рѣку; но она здѣсь на половину уже, чѣмъ у насъ, въ улусѣ Кузедеевскомъ. Проходя по берегу, я встрѣтилъ бѣглеца изъ Спасскаго золотаго промысла, утекавшаго съ работы, и уговаривалъ его возвратиться. «Вѣдь долго ли, скоро ли, а непремѣнно тебя поймаютъ, накажутъ жестоко, и навсегда потеряешь ты честное имя; притомъ же и трудиться недолго: Всемилостивѣйшій Государь нашъ всѣмъ даруетъ свободу; потерпи, братецъ, немного».—«Да какъ терпѣть-то, батька? работа каторжная: тройкѣ (3 человѣкъ) каждый день должно вырыть 100 пуд. песку со щебнемъ, отнести на носилкахъ отъ 50 до 70 саженъ. Посмотрите на меня, вѣдь на мнѣ лица нѣтъ».

— «Что̀ же дѣлать, другъ мой! Ты знаешь ли, кто положилъ трудъ человѣку и за что̀? Трудъ положенъ Богомъ за наши грѣхи. Если бы не было грѣха, не было бы и труда изнуряющаго. Итакъ, любезный, ты поступаешь противъ заповѣди Божіей, противъ присяги, тобою данной, чтобы служить, не жалѣя живота своего. И отъ наказанія человѣческаго ускользнуть тебѣ трудно, а отъ наказанія Божія за тяжкій грѣхъ клятвопреступленія и вовсе невозможно».

— «Нѣтъ, батюшка, я уже рѣшился и назадъ не возвращусь».

— «А если я скажу въ Александровкѣ о твоемъ побѣгѣ?»

— «Пожалуй, хоть и скажите. Насъ здѣсь не ловятъ: некому, некогда, да въ тайгѣ и невозможно. Недавно сбѣжала цѣлая партія изъ 20 чел., и то никто не розыскивалъ; свой братъ, если и увидитъ, такъ не выдастъ. Прощайте...»

Когда я сказалъ объ этомъ инородцамъ, они подтвердили, что дѣйствительно здѣсь бѣглецовъ не ловятъ, и потому весною, какъ вскроются рѣки, ихъ много плыветъ на *саликахъ* (небольшой плотъ). «Да и чему ловить-то ихъ?» прибавили инородцы. «Они пошатаются, пошатаются лѣтомъ вокругъ русскихъ деревень, а къ зимѣ сами же опять явятся, если не будутъ переловлены».

Вотъ и ночь наступила. Спать въ избушкѣ мы съ толмачемъ уже не рѣшились, а разбили палатку и уснули на свѣжемъ воздухѣ.

31 мая. Утромъ отправились мы по дорогѣ къ башлыку *Тазашской* волости, перебрели р. *Олак*, и шли вверхъ по р. *Кондомѣ*. Въ 2 верстахъ отъ ночлега встрѣтили мы замѣчательный,

высунувшійся изъ рѣки раздвоенный камень. По вѣрованію инородцевъ алтайскихъ, горы до потопа были богатырями. Послѣ потопа земля лишилась первоначальной твердости и не могла ихъ держать на себѣ. Богатыри превратились въ горы, оставивъ за собою только имена свои.

Въ р. Кондому много впадаетъ рѣчекъ съ обѣихъ сторонъ. Отъ камня *Аздрадэша* мы перебродили р. *Шогаголъ*, *Ныташту*, *Тельбесь*, взобрались на гору *Кезей* и спустились къ Александровскому промыслу при р. *Камначи*. — Добываніе золота имѣетъ большое сходство съ нашимъ дѣломъ. И намъ много приходится *шурфовать* по горамъ и болотамъ, чтобъ изъ большой ямы мусора и грязи достать песчинку золота.

Здѣсь я узналъ, что встрѣтившійся со мною бѣглецъ, говоря о своей тяжелой работѣ, утаилъ, что чрезъ двѣ недѣли работы дается имъ недѣля, такъ называемая *гульная*, для отдохновенія. Подобное забвеніе отдыха и дней радости бываетъ и съ нами грѣшными, и мы иногда позабываемъ замѣчаніе св. Златоуста, что «никому невозможно быть всегда въ скорбяхъ: этого не перенесетъ природа человѣческая. Но поелику мы всегда желаемъ быть въ радости, то и думаемъ, что всегда находимся въ печали; сверхъ того, поелику радостное и пріятное скоро забываемъ, а печальное всегда помнимъ, то и говоримъ, что всегда находимся въ печаляхъ».

Отъ Александровскаго промысла поднялись на г. *Карадюбе* и съ вершины ея спустились къ р. *Кычи*, у которой отдохнули, напились чаю и подкрѣпились пищею. Смѣнили коней у инородца *Сарапана*, двоюроднаго брата *Какэ*. Юрта *Сарапана* кругомъ обставлена ульями.

Отъ *Сарапана* переѣхали г. *Чилзай* и къ вечеру, вымоченные сильнѣйшимъ дождемъ, добрались до башлыка *Тазашской* волости *Эбискэ*, 2-го при р. *Курен*.

1 іюня. Вознесеніе Христово. Возставши отъ сна, мы съ толмачемъ прочли утреннія молитвы и часы. Въ торжественные праздники быть въ Черни невесело. У черновыхъ некрещенныхъ инородцевъ нѣтъ никакихъ праздниковъ, исключая св. Пасхи, которая и у нихъ празднуется,—разумѣется, по своему, и только одинъ день. Живущіе же вмѣстѣ съ крещенными принимаютъ что нибудь только изъ внѣшнихъ обычаевъ, соединенныхъ съ сими праздниками, какъ, напримѣръ, не работаютъ, одѣваются въ лучшія одежды, и проч.

Дѣти здѣсь смѣлы, садятся рядомъ и ѣдятъ мои сухари съ

удовольствіемъ. Послѣ общей проповѣди я занялся дѣтьми. Вынувъ изъ сумы книжку (псалтирь въ русскомъ переводѣ), я объяснялъ имъ, для чего пишутся книги и какъ выучиваются читать ихъ. Потомъ, для испытанія ихъ понятій, посадивъ вокругъ себя человѣкъ до 10, я сталъ имъ называть въ избранной строчкѣ каждую букву, заставляя и ихъ произносить тоже. Всѣ они съ живѣйшимъ удовольствіемъ повторяли за мною буквы и очень смѣялись надъ собственнымъ своимъ единогласнымъ произношеніемъ; впрочемъ, несмотря на смѣхъ, изучили наименованіе буквъ цѣлой строчки довольно скоро. Особенно одинъ 9-лѣтній мальчикъ отличался бойкими способностями и соглашался ѣхать со мною для обученія въ наше училище; но родители не дозволили ему.

Вечеромъ, въ юртѣ нашей было людно и шумно. Хозяинъ юрты недавно женился; родственники его жены посѣтили новобрачныхъ. Завидѣвъ родныхъ своей жены, хозяинъ нашъ поспѣшилъ перевязать свою голову платкомъ, потому что нельзя видѣть головы его до тѣхъ поръ, пока онъ не выплатитъ всего калыма, а онъ уплатилъ еще только 75 р. сер.,— осталось еще доплачивать скотомъ.

2 *іюня*. Снова собраны были инородцы и снова была предложена имъ евангельская проповѣдь. Послѣ проповѣди инородецъ *Аѳанасій* изъявилъ желаніе креститься, съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы и жена его приняла христіанство. Но, сколько мы ни убѣждали жену его къ принятію христіанства, она осталась непреклонною. Покойный отецъ Аѳанасія, *Кучугэнь*, бывшій башлыкомъ Тазашской волости, помѣшался въ умѣ, и, сколько ни камлалъ, въ теченіе цѣлаго года находился въ этомъ состояніи, повременамъ только пользуясь разсудкомъ. Не видя исхода своему несчастному положенію, онъ рѣшился креститься съ вѣрою въ исцѣленіе, и дѣйствительно христіанское упованіе не посрамило его: послѣ крещенія до самой смерти своей онъ постоянно былъ въ полномъ умѣ. Внукъ Кучугэня и племянникъ Аѳанасія, *Николай*, 36 лѣтъ отъ роду, подвергся тому же несчастію и избралъ то же средство къ исцѣленію: крещенъ мною въ сентябрѣ 1859 г., и до сихъ поръ, благодареніе Господу, здоровъ. Живые примѣры эти очень подѣйствовали на Аѳанасія, и онъ, склоняя жену свою къ принятію христіанства, выразилъ сожалѣніе, что ему, человѣку некрещенному, въ будущей жизни не видать своего отца, на что жена его съ грубостію сказала: «какую ты тамъ еще жизнь

нашелъ, когда умрешь!», — и удалилась изъ нашей юрты. И Аѳанасій послѣдовалъ за нею, ибо не смогъ вмѣстить въ себѣ мудрое слово: *не даждь женѣ души твоея, еже превзыти ей надъ крѣпость твою* (Сир. 9, 2).

Сегодня, какъ и вчера, шелъ дождь, смѣнявшійся снѣгомъ. Рѣчки прибыли и разлились. Дорога къ рѣчкѣ *Мадыру*, протекающей по границѣ *Сагайской* степи, куда мы имѣли направленіе, и безъ того отличалась топями и болотами, а въ настоящее время сдѣлалась непроходимою. Поэтому и по близости наступающаго праздника св. Пятидесятницы, къ которому съ нетерпѣніемъ ожидали насъ крещенныя чада наши, мы рѣшились возвратиться вспять. На ночлегъ опять прибыли къ инородцу *Сарапану*. Онъ и его семейство—люди трудолюбивые; у него и дѣти отъ 8 лѣтъ не сидятъ безъ дѣла: или вяжутъ рыболовныя сѣти, по его указанію, или другимъ чѣмъ либо занимаются по хозяйству; даже постороннимъ гостямъ онъ непремѣнно сунетъ въ руки какую либо работу. Это единственное, мною когда либо виданное, трудолюбивое семейство среди необрусѣвшихъ инородцевъ, которые обыкновенно склонны къ праздности.

3 іюня. Гостепріимный инородецъ *Сарапанъ* предложилъ намъ на завтракъ уху изъ свѣжихъ харіузовъ. Да откроетъ ему Господь Богъ очи душевныя! Онъ очень печалится о смерти своего сына, который умеръ въ тайгѣ на звѣроловствѣ, такъ что безъ слезъ не можетъ разсказывать объ этомъ своемъ горѣ. На убѣжденіе мое принять христіанство онъ отвѣчалъ: «зачѣмъ мнѣ идти къ Богу, когда я лишился сына: значитъ я человѣкъ недостойный», и проч.

5 іюня. Ночевали на сей день въ палаткѣ при рѣкѣ *Узуленъ*. Ночь была холодная, съ большимъ инеемъ, а потому и сонъ, несмотря на усталость, былъ тревожный.

Благодареніе Господу Богу,—прибыли благополучно на мѣсто своего жительства; еще изъ-за рѣки Кондомы съ удовольствіемъ взирали на поднятую до оконъ нашу церковь.

Подъ впечатлѣніемъ перваго обозрѣнія Черновыхъ инородцевъ сдѣлаю слѣдующее общее замѣчаніе о нихъ.

Черновые инородцы Кузнецкаго округа отличаются отъ алтайскихъ калмыковъ языкомъ, понятіями, образомъ жизни и одеждою. Они не такъ робки, какъ алтайцы, не столь дики и разсудительнѣе послѣднихъ; ученіе христіанское слушаютъ охотно, и называютъ его: *Кутай-дын-указъ*, т. е. Божій указъ; без-

смертію души большею частію вѣрятъ и знаютъ, что некрещенный человѣкъ идетъ къ діаволу; соглашаются, что христіанская вѣра лучше, только отстать отъ шаманства не рѣшаются, изъ опасенія злаго духа. Къ общественной жизни они склонны, ибо большею частію живутъ аилами отъ 5 до 15 юртъ.

Черновые инородцы весьма честны, гостепріимны и довольствуются самою умѣренною пищею. Поутру и днемъ они ничего не ѣдятъ, кромѣ талкана (мука изъ поджареннаго ячменя). Вечеромъ инородцы употребляютъ болѣе питательную пищу, именно *тутмаги*: это катушки изъ прѣснаго пшеничнаго тѣста, вареныя съ рыбой, кониной или въ молокѣ, у кого есть оно. Вареная пища разливается изъ общаго котла, всякому въ свою чашечку, и каждый садится съ своею частію, гдѣ найдетъ себѣ удобнѣе — на полу или на возвышеніи въ родѣ лавки. Люди бѣдные, неимѣющіе у себя тутмаша, идутъ ужинать въ сосѣднія юрты, гдѣ всегда принимаются, какбы члены семейства. Замѣчательно, что если дѣтямъ дать нѣсколько сухарей, то они непремѣнно раздѣлятъ это лакомство со всѣми находящимися въ юртѣ—черта прекрасная. О, скоро ли *откроетъ Господь мышцу Свою святую* предъ ними, и когда *узрятъ они спасеніе, еже отъ Бога нашего!* (Ис. 52, 10).

8—23 іюля. Посѣщалъ я улусы бачатскіе. Состояніе инородцевъ улуса *Черты* всегда меня радуетъ. Здѣсь всегда встрѣчается менѣе безпорядковъ языческихъ между новокрещенными инородцами, чѣмъ въ сосѣднихъ съ нимъ улусахъ. Хорошъ былъ бы и *Большой* улусъ, если бы нравственность инородцевъ не искушалась отъ постоянныхъ и, кажется, незаконныхъ питейныхъ выставокъ, и отъ людей праздно ходящихъ у нихъ *въ одеждахъ овчихъ*, тогда какъ внутрь они *суть волцы хищницы* (Матѳ. 7, 15).

Въ улусѣ *Чертинскомъ*, по наставленіи въ истинахъ христіанства, крещено въ р. *Бачатѣ* семейство изъ 4 человѣкъ. Въ этомъ улусѣ мы останавливаемся въ домѣ новокрещеннаго инородца *Петра*, бывшаго 17 лѣтъ башлыкомъ одной изъ телеутскихъ волостей. Когда я замѣтилъ ему, что онъ напрасно отказался отъ своей должности, и сказалъ, что алтайскій зайсанъ Корту получилъ медаль за свою службу, Петръ отвѣтилъ: «что намъ медаль, батюшка?—въ работѣ она не пособитъ, въ бѣдности ее не укусишь, а худое что́ сдѣлаешь, и на медаль не посмотрятъ».

Отъ 22 *августа до 8 сентября*. Былъ я въ главномъ пунктѣ миссіи — Улалѣ, по служебнымъ обязанностямъ, гдѣ, между прочимъ, съ начальникомъ миссіи, о. протоіереемъ и іеромонахомъ о. Макаріемъ, совѣщались о переводѣ литургіи и священной исторіи новаго Завѣта на языки алтайскихъ калмыковъ и кузнецкихъ татаръ, и разсуждали, какой орѳографіи держаться при подобныхъ переводахъ.

1 октября. Въ навечеріи Покрова пресвятыя Богородицы служили въ первый разъ всенощное бдѣніе въ новой церкви нашей, которая внутри совершенно отдѣлана; остались неготовыми только одни наружные фронтоны надъ крыльцами.

12 октября. Знаменательно, что церковь наша въ честь честнаго и славнаго пророка, предтечи и крестителя Господня Іоанна началась строиться въ день обрѣтенія честныя главы сего пророка 25 мая, а сегодня — въ празднество перенесенія десныя руки мощей Крестителя — совершенно окончена.

Въ теченіе сего 1861 года, просвѣщено мною св. крещеніемъ обратившихся изъ идолопоклонства мужескаго пола 25, женскаго 22, обоего—47 человѣкъ. Инородческихъ дѣтей обучалось въ нашемъ училищѣ мужескаго пола 11 и женскаго 1 сирота въ моемъ домѣ. Ученики, незнавшіе ни одного слова порусски, вмѣстѣ съ чтеніемъ легко выучиваются и говорить по русски, читаютъ и поютъ въ церкви и тѣмъ утѣшаютъ и меня и своихъ родителей. Старшіе пишутъ своимъ отцамъ и другимъ инородцамъ билеты, что̀ почитается признакомъ самаго высшаго образованія, потому что̀ за написаніе билетовъ инородцы платили прежде довольно дорого постороннимъ грамотеямъ.

Письмо протоіерея І. В. Васильева къ г. Гизо, члену французской академіи[1].

Милостивый Государь!

Въ недавно изданномъ вами сочиненіи, подъ заглавіемъ: *L' Eglise et la société chrétienne en 1861* (Церковь и христіанское общество въ 1861 году), вы удерживаетесь отъ разсужденій о Церкви, къ которой я имѣю счастіе принадлежать. «Въ числѣ христіанскихъ Церквей, которыми я занимаюсь, говорите вы, я не включаю Церковь греческую, потому что не достаточно знакомъ съ нею, для того, чтобы съ точностію су-

[1] Переведено изъ l'Union Chrétienne des 17 et 24 novembre, 1-er, 8, 15, 22 et 29 décembre 1861, 19 et 26 janvier et 2 février 1862, *А. И. Поповицкимъ.*

дить о ея настоящемъ положеніи и о ея будущности (стр. 94)». Не удивляйтесь, если я выражу вамъ свою признательность за молчаніе, которымъ вы проходите православную каѳолическую Церковь, названную вами, по обычаю, принятому на западѣ, греческою. Ничего не можетъ быть логичнѣе, какъ молчать о предметѣ незнакомомъ; и при всемъ томъ, подобное молчаніе чрезвычайно рѣдко со стороны писателя, когда онъ встрѣчаетъ на пути своемъ вопросъ, который находится въ естественной связи съ другими, составляющими предметъ его изслѣдованій. Чѣмъ менѣе я встрѣчаю людей, скромно сознающихся въ невѣдѣніи нашей Церкви, тѣмъ съ большимъ удивленіемъ останавливаюсь предъ вашимъ признаніемъ, особенно если подумаю, что оно сдѣлано человѣкомъ краснорѣчивымъ, котораго серьезное слово было бы оракуломъ для многихъ.

Но, если я благодаренъ вамъ за то, что вы не сказали ничего невѣрнаго о восточно-каѳолической Церкви, то какою благодарностію проникнулся бы я, еслибы вы произнесли о ней сужденіе истинное, и познакомили бы съ нею вашихъ читателей!

Вы конечно не раздѣляете того ошибочнаго и оскорбительнаго мнѣнія, что эта отрасль христіанства не заслуживаетъ вниманія и что ея значеніе въ исторіи цивилизаціи было ничтожно.

Прежде всего, это — Церковь древняя, а древность учрежденія даетъ уже право на уваженіе со стороны всякаго мыслящаго человѣка. Вамъ извѣстно, что Церковь восточная существуетъ столько же вѣковъ, сколько и само христіанское общество. Если уже съ этой точки зрѣнія она почтенна, то она особенно должна быть почтенна для христіанина, который смотритъ на такое высокое происхожденіе не только, какъ на титло знатности, но и какъ на доказательство вѣрности Церкви къ благоговѣйному соблюденію слова и установленій божественнаго Учителя.

Я далекъ отъ того, чтобы приписывать рѣшительную важность численности, особенно въ Церквахъ христіанскихъ. Чтобы ни говорила римская Церковь, такъ громко хвалящаяся числомъ своихъ членовъ (которые большею частію принадлежатъ ей только по имени), число никогда не было, въ идеѣ христіанской, знакомъ истины. Между тѣмъ нельзя отвергать, что все же оно служитъ знакомъ важности учрежденія, и обнаруживаетъ жизнь общества въ болѣе высокой степени; потому-то

оно заслуживаетъ того, чтобы обратить на себя должное вниманіе. Въ этомъ отношеніи, равно какъ и относительно своей древности, каѳолическая Церковь восточнаго исповѣданія стòитъ изученія; она имѣетъ право на то, чтобы свидѣтельство ея было принято въ религіозныхъ вопросахъ, занимающихъ нынѣ міръ. Вамъ не безъизвѣстно, милостивый государь, что число ея вѣрныхъ простирается до восьмидесяти милліоновъ.

Основательно минуя всѣ оттѣнки, существующіе между различными исповѣданіями христіанскими, вы распредѣляете ихъ по началамъ и органическому устройству, составляющимъ основаніе ихъ существованія и отличительныя черты ихъ внѣшняго вида. Вы допускаете одно только исключеніе изъ этого правила, въ пользу *церкви галликанской* (стр. 69), которая, составляя отрасль римской Церкви, всегда боролась за сохраненіе своей самостоятельности и первобытной дисциплины, лежавшей въ ея основаніи, и которая до послѣдняго времени сопротивлялась посягательствамъ папской власти.

Что касается до исповѣданій протестантскихъ, то не разсматривая ихъ числа и разномыслій, которыя однакожь на столько важны, чтобы принять ихъ въ разсчетъ, вы дѣлаете изъ нихъ одну Церковь, потому что всѣ они имѣютъ основаніемъ свободное изслѣдованіе, въ противоположность власти папской.

Я не отвергаю точности этой классификаціи, но я попрошу у васъ позволенія назвать ее неполною. Есть еще одна Церковь христіанская, устроенная не на тѣхъ началахъ, которыя вы перечисляете; Церковь, существенно отличная отъ двухъ учрежденій, которыми вы ограничиваете свое изслѣдованіе: это Церковь каѳолическая восточнаго исповѣданія.

Пропускъ, на который я принимаю смѣлость указать вамъ, тѣмъ важнѣе и тѣмъ достойнѣе сожалѣнія, что начала ея устройства представляютъ именно средство разрѣшить поднятый вами вопросъ. Повѣрьте, милостивый государь, что внѣ началъ устройства нашей Церкви, этотъ важный вопросъ всегда останется задачей, неразрѣшимой для самыхъ ученыхъ соображеній.

Вы сопоставляете два христіанскихъ учрежденія, раздѣляемыхъ между собою бездною, которую вы не наполните ничѣмъ. Римскій католицизмъ основанъ на началѣ безусловнаго авторитета; папа думаетъ, что этотъ авторитетъ воплощенъ въ его особѣ. Его только устами выражается истина; его законы на-

чертываютъ путь къ добру и христіанской добродѣтели; онъ единый пастырь; всѣ невнимающіе его голосу не овцы Спасителя; они не могутъ достигнуть спасенія. Внѣ папства нѣтъ истины, нѣтъ добродѣтели христіанской, нѣтъ спасенія: таково римское ученіе. Протестантство, напротивъ, основано на свободѣ; совѣсть каждаго руководитъ его на пути добродѣтели; отъ каждаго зависитъ его собственное спасеніе во Іисусѣ Христѣ. Какъ примирить эти двѣ крайности?

Я допускаю, что извѣстное количество религіозныхъ истинъ составляютъ основаніе, общее обѣимъ Церквамъ; что онѣ признаютъ одни и тѣ же повелѣнія Божіи; но нужно допустить также, что различія между ними еще многочисленнѣе; что въ глазахъ людей форма часто беретъ верхъ надъ сущностью, которую она нерѣдко подвергаетъ коренному измѣненію. Папа согласенъ, что *всякій путь ведетъ къ Риму*; но онъ далеко не согласенъ на то, что всякій путь ведетъ ко спасенію. «Я одинъ, говоритъ онъ протестантамъ, въ качествѣ представителя Іисуса Христа, располагаю истиною; принимайте ее съ благоговѣніемъ изъ моихъ устъ». — «Позвольте, отвѣчаютъ протестанты, нужно изслѣдовать, основательны ли ваши притязанія».— «Прочь изслѣдованіе, отвѣчаетъ папа, вѣрьте мнѣ на слово, иначе вы еретики, возмутители; вы будете осуждены на вѣчную муку». — «Но не вы ли скорѣе, отвѣчаютъ протестанты, представитель великой блудницы вавилонской, сидящей на семи холмахъ, и разливающей повсюду ядъ заблужденія?» — «Анаѳема!» возражаетъ папа. Когда съ обѣихъ сторонъ такъ относятся другъ къ другу, возможна ли тутъ даже мысль о соглашеніи?

Вы понимаете также, какъ и я, антагонизмъ, существующій между католицизмомъ и протестантствомъ; оттого-то, жалѣя о нарушеніи единства (стр. 7), вы не думаете, «чтобы сліяніе различныхъ христіанскихъ исповѣданій и религіозное единство христіанскаго міра были возможны, потому что они не были бы ни истинны, ни прочны» (стр. 8). Вы соглашаетесь, что обѣ Церкви раздѣлились навсегда, и вы уговариваете членовъ ихъ соединить свои силы на *общую* защиту! Вы убѣждаете въ частности вашихъ единовѣрцевъ, протестантовъ, поддержать римскую Церковь въ переворотѣ, которому она подвергается въ настоящее время.

Вашъ призывъ можетъ ли быть услышанъ? Можно ли слѣдовать за вами на этомъ пути? во имя чего, съ какою цѣлію,

какими средствами протестанты могутъ содѣйствовать защитѣ папства? Во имя братской любви, терпимости, состраданія? Но всѣ эти чувства, одушевляющія членовъ протестантской Церкви, могутъ быть примѣнены только къ отдѣльнымъ личностямъ, но нисколько непримѣнимы къ учрежденіямъ и ученію; братская любовь, когда дѣло идетъ объ ученіи, считающемся ложнымъ, есть оскорбленіе истины; терпимость къ установленію, признаваемому несправедливымъ и вреднымъ, противна нравственности. Любовь и терпимость запрещаютъ употребленіе средствъ насильственныхъ и коварныхъ противъ убѣжденій, хотя бы они были ошибочны; но отсюда еще далеко до обязанности поддерживать то, что кажется противнымъ истинѣ и справедливости.

Или протестанты должны помогать папству для защиты общихъ интересовъ? Вы утверждаете это, когда говорите: «Для католиковъ и протестантовъ, *общая* опасность угрожаетъ нынѣ Церквамъ христіанскимъ; *общія* основанія ихъ вѣры подвергаются нападенію; всѣ онѣ имѣютъ одинаковый интересъ и одинаковую обязанность защищать ихъ, потому что всѣ онѣ равно могутъ погибнуть при распаденіи зданія, подъ которымъ живутъ». Если опасность, въ одно время угрожающая и христіанству и папству, такъ велика, такъ неминуема, то нужно удивляться равнодушію, которое охлаждало до сихъ поръ протестантскія Церкви и которое вы стараетесь разсѣять. Ни одна изъ вашихъ Церквей не замѣчала, что папство и христіанство отвѣчаютъ одно за другое (fussent solidaires); всѣ онѣ скорѣе готовы видѣть въ паденіи папской власти событіе, благопріятное для преобразованія христіанской Церкви. Постижимо ли подобное ослѣпленіе, если, какъ вы говорите, интересы христіанства и папства слиты между собою? Если бы было такъ, то поколебались ли бы онѣ послѣдовать вашему призыву, вашимъ увѣщаніямъ—прійдти на помощь свѣтской власти римскаго епископа? Ваши единовѣрцы, милостивый государь, я говорю это къ ихъ чести, никогда не были на заднемъ планѣ, когда врагъ угрожалъ основнымъ истинамъ христіанской вѣры; произведенія неоспоримой учености были плодами ихъ энергическихъ битвъ за дѣло Іисуса Христа. Они не отступали даже предъ междоусобными столкновеніями для защиты этого дѣла отъ противниковъ, набиравшихся въ ихъ собственныхъ рядахъ, и, подъ вліяніемъ неумолимой логики, доводившихъ начало свободнаго изслѣдованія до самыхъ

крайнихъ предѣловъ. Они боролись съ этими опасными врагами, нападавшими на нихъ подъ ихъ собственнымъ знаменемъ; оружіе ихъ было такъ хорошо закалено, что сами католики не пренебрегали имъ пользоваться противъ своихъ собственныхъ враговъ. Борьба между Штраусомъ и богословами нѣмецкаго протестантизма одна въ состояніи доказать мою мысль.

Протестанты доказали, своими учеными сочиненіями, не одну только ревность къ защитѣ истинныхъ христіанскихъ интерессовъ. Нравственныя и соціальныя начала, изшедшія изъ христіанства, всегда находили въ нихъ защитниковъ; права семейства, нетерпимость вмѣстѣ съ раздражительностью, ея всегдашнею спутницею, порождали въ средѣ ихъ людей добросовѣстныхъ, полныхъ справедливости и христіанской любви. Безпристрастіе легче для нихъ, нежели для членовъ прочихъ христіанскихъ исповѣданій, именно по причинѣ свободы, съ которою они относятся къ догматамъ. За то они съ одинаковой добросовѣстностью порицаютъ и инквизиторовъ и Кальвина, какъ гонителя, законы нетерпимости римскіе и шведскіе; за то они отдаютъ равную справедливость людямъ вѣрующимъ и добродѣтельнымъ, принадлежатъ ли они къ католической Церкви или къ протестантской. Кто не помнитъ ихъ похвалъ, ихъ удивленія, ихъ благоговѣнія къ архіепископу парижскому Афру, когда этотъ прелатъ палъ жертвою своей христіанской любви?

Изъ всего этого я заключаю, милостивый государь, что можно удивляться равнодушію вашихъ единовѣрцевъ, если, какъ вы утверждаете, христіанскіе интересы замѣшаны въ борьбу, выдерживаемую папствомъ.

Откуда происходитъ, что чувство опасности остается чуждымъ для нихъ до сихъ поръ? Откуда происходитъ, что ихъ христіанская ревность остается въ бездѣйствіи, не смотря на ваше краснорѣчивое воззваніе?

Не оттого ли, что затруднительное положеніе и опасности римской Церкви не имѣютъ того высокаго значенія, какое вы стараетесь придать имъ? Не оттого ли, что всѣ протестанты поняли, подобно вамъ, что настоящая борьба папства не касается существенныхъ интересовъ ихъ Церкви? Вы говорите, въ самомъ дѣлѣ: «затруднительное положеніе и опасности французской протестантской Церкви, о которой одной я хочу говорить здѣсь, *другаго свойства;* она не замѣшана въ поли-

тическую борьбу нашего времени; она не служитъ предметомъ никакихъ нападеній со стороны свѣтской власти и не внушаетъ друзьямъ свободы никакого недовѣрія. Но ея организація не полна; ей недостаетъ своего особаго управленія, опирающагося на преданіе. И такимъ-то образомъ, посреди живаго религіознаго движенія, французскій протестантизмъ оказывается лишеннымъ внутренняго авторитета и свободы, которые ему нужны. Истинная христіанская вѣра оживляется между протестантами и оживляетъ преніе, порождающее разномысліе. Это одновременное пробужденіе протестантскихъ вѣры и критики совпадаетъ съ нападками, которымъ подвергается само христіанство. И въ этомъ неуловимомъ столкновеніи, протестантство подвергается опасности видѣть дѣло свое испорченнымъ и изъ подъ знамени христіанской свободы перейдти подъ знамя скептицизма и равнодушія въ дѣлѣ вѣры» (стр. 98).

Эта картина, очень тревожная для Церкви протестантской, доказываетъ, что предметомъ думъ для ея членовъ долженъ быть не вопросъ о свѣтской власти папы, а совершенно другой; что ея внутреннія затрудненія слишкомъ важны, чтобы ей заниматься еще затрудненіями Церкви римской. Часто бываетъ благородно приходить на помощь противнику; но неблагоразумно помогать врагу, который вмѣсто того, чтобы быть признательнымъ за помощь, оказанную въ несчастіи, тотчасъ же обратился бы съ оружіемъ въ рукахъ противъ своего благодѣтеля. А это именно и сдѣлало бы папство по отношенію къ протестантству.

Вы думаете, милостивый государь, что свобода и слѣдовательно сила римской Церкви составляютъ интересъ для всего христіанскаго общества. Мысль эта была бы справедлива, еслибы Церковь римская поставила себѣ за правило приглашать всѣхъ на пиръ свободы, которую ей помогли бы возвратить; но опытъ показываетъ, что никогда такъ не было и никогда не будетъ. Опираясь на свой авторитетъ, который оно называетъ божественнымъ и непогрѣшимымъ, папство требуетъ свободы, какъ ему одному свойственнаго блага, а не какъ блага общаго; она хочетъ свободы для себя, а не для другихъ; такъ что укрѣплять папство, значитъ ослаблять протестантство; дѣлать папство свободнѣе, значитъ стѣснять кругъ свободы протестантской. Я не понимаю, милостивый государь, что можно совѣтовать приносить такія жертвы, потому что эти жертвы не законны, когда есть убѣжденіе, что противникъ, для кото-

раго требуютъ помощи, не слѣдуетъ по пути истины и добра. А таково именно мнѣніе протестантовъ по отношенію къ папству.

Протестантство не есть ли протестъ противъ власти папской, духовной и свѣтской? Слѣдовательно, протестантъ, сохраняющій свой истинный характеръ, смотритъ и долженъ смотрѣть на папство, какъ на главный источникъ всѣхъ золъ, поражающихъ христіанскій міръ; онъ долженъ бороться съ нимъ на смерть и принимать, какъ даръ Провидѣнія, все, что стремится къ ослабленію его вліянія. Такъ какъ свѣтское начало, какъ всякій согласится, есть только опора началу духовному, то протестантъ долженъ бороться и съ тѣмъ и съ другимъ на одинаковомъ основаніи. Невозможно примирить двухъ противоположныхъ вещей: протестовать противъ установленія и поддерживать его въ одно и то же время; развѣ только вы захотите прислушаться къ извѣстнымъ интересамъ, стоящимъ внѣ истины и добра. Но я не думаю, чтобы цѣлію вашею было вести вашихъ единовѣрцевъ по этому пути, на который они конечно вступить не согласятся.

Если бы разсужденія, которыя я вамъ предлагаю, милостивый государь, исходили отъ протестанта, то ихъ можно было бы приписать духу партіи, предубѣжденію; но я также не принадлежу къ протестантству, какъ и къ Церкви римской; я даже счастливъ, что могу объявить вамъ, что я принадлежу къ Церкви, которая, крѣпко придерживаясь своего ученія и апостольскаго устройства, всегда умѣла цѣнить въ духѣ справедливости и христіанской любви борьбу западныхъ Церквей; слѣдовательно я могу безпристрастно судить объ этомъ дѣлѣ.

До сихъ поръ я изслѣдовалъ только второстепенную сторону поднятаго вами вопроса. Вы позволите мнѣ послѣдовать за вами въ предлагаемомъ вами рѣшеніи.

Правы ли вы, милостивый государь, утверждая, что отличительный характеръ римско-католической Церкви заключается въ началѣ авторитета? Мы докажемъ вамъ, что ея начало есть начало преобладанія, котораго не должно смѣшивать съ авторитетомъ, потому-что оно составляетъ злоупотребленіе этого послѣдняго. Вы ближе къ истинѣ, когда говорите, что начало протестантской Церкви заключается въ свободѣ. Но, принимая вашу теорію въ томъ видѣ, какъ вы ее представляете, все же нельзя допустить вашего мнѣнія о существованіи этихъ двухъ противоположныхъ началъ въ двухъ раздѣленныхъ Цер-

квахъ, которыя вы стараетесь слить въ одну Церковь. Какъ допустить законность этихъ двухъ противоположныхъ началъ, и вѣрить въ тожество двухъ обществъ, раздѣленныхъ именно тѣмъ, что составляетъ самое основаніе ихъ существованія? Вы чувствовали невозможность примиренія между собою этихъ двухъ началъ; оттого-то, потерявъ надежду сблизить эти крайности, вы прибѣгаете къ вымыслу всеобщей христіанской Церкви, которая заключала бы въ себѣ всѣ частныя Церкви. Но вы напрасно возобновляете эту отвлеченность, которая если и можетъ быть приложена къ христіанству, *какъ религіозному чувству*, зато совершенно противоположна ему, *какъ ученію*. Этотъ вымыселъ еще менѣе приличествуетъ христіанству, какъ обществу христіанъ. Такое всеобщее собраніе составляетъ христіанскій міръ, но не Церковь. Церковь есть дѣйствительное общество, имѣющее опредѣленное существованіе, съ опредѣленнымъ ученіемъ, съ особымъ устройствомъ; члены ея знаютъ другъ друга; они находятся другъ съ другомъ въ отношеніяхъ вѣрованій и чувствъ; они стремятся къ *общей* цѣли, при *общихъ* средствахъ. Тотъ, кто имѣетъ притязаніе принадлежать вообще христіанству, не принадлежитъ въ дѣйствительности ни одной Церкви; это религіозный космополитъ; онѣ думаетъ, что онъ вездѣ дома, а на самомъ дѣлѣ онъ не дома нигдѣ. Но лишь только этотъ *номадъ* религіознаго міра вступаетъ съ другимъ въ отношенія одинаковыхъ вѣрованій и одинаковой религіозной практики, какъ уже эти два христіанина составляютъ Церковь, отличную отъ другихъ христіанскихъ обществъ, или сливающуюся съ однимъ изъ нихъ. Религіозное обособленіе также невозможно, какъ и обособленіе общественное, соціальное, и отвлеченная идея Церкви есть ничто, если она не есть особность, т. е. невозможность.

Если неоспоримо , что человѣкъ созданъ для жизни въ обществѣ, въ смыслѣ гражданскомъ, то тѣмъ не менѣе неоспоримо, что онъ сотворенъ для того, чтобы жить въ обществѣ и въ смыслѣ религіозномъ, или, что тоже, для того, чтобы принадлежать какой нибудь Церкви. Такъ какъ Церковь есть общество, то члены, ее составляющіе, имѣютъ взаимныя обязанности и управляются законами, опредѣляющими ихъ взаимныя отношенія. Это общество можетъ терпѣть мнѣнія, непротиворѣчащія его догматамъ; оно можетъ, въ общественной жизни, допускать разныя степени и разнообразіе въ отправленіи обязанностей добра; оно можетъ, по отношенію къ испо-

вѣданію и дисциплинѣ, дѣлать уступки мѣстнымъ обстоятельствамъ, частнымъ нуждамъ. Но ему не дозволено, подъ страхомъ собственнаго уничтоженія, допускать въ вѣрованіяхъ и *да* и *нѣтъ*, включать въ свои основные законы начала противоположныя или противорѣчащія одно другому. Если бы оно дѣйствовало такимъ образомъ, всякая связь между его членами была бы разорвана; единство, составляющее основаніе его существованія, было бы невозможно; авторитетъ его былъ бы миѳомъ; оно перестало бы существовать, оно скоро почувствовало бы на себѣ дѣйствіе этихъ словъ божественнаго Учителя: «всякое царство, раздѣлившееся на себя, падетъ». Таково справедливое мнѣніе древнихъ отцевъ Церкви, видѣвшихъ внѣ единой, истинной Церкви Іисуса Христа однѣ только *секты*. Вѣротерпимость, введенная современной цивилизаціей въ общественные нравы, употребляетъ языкъ менѣе строгій. За исключеніемъ римской Церкви, имѣющей свои основанія находить неудобными для себя результаты цивилизаціи, всѣ христіанскія общества даютъ взаимно другъ другу названіе Церкви; но всѣ подразумѣваютъ, что только *одна* Церковь *правильно* или *канонически* организована, *одна* только есть истинная Церковь христіанская; онѣ думаютъ, что всѣ прочія, несогласныя съ этою Церковью, болѣе или менѣе отдалились отъ апостольскаго устройства или вѣрованія. Подъ именемъ христіанскаго міра *(chrétienté)*, т. е. совокупности вѣрующихъ въ Іисуса Христа, разумѣютъ всѣ Церкви вообще; но очевидно невозможно разумѣть подъ этимъ именемъ общества, находящагося подъ управленіемъ однихъ и тѣхъ же законовъ, соединеннаго общностью вѣрованій. Итакъ *Церковь* всеобщая есть не что иное, какъ отвлеченное понятіе; а всякая отвлеченность безплодна, когда приходится разрѣшать практическія затрудненія, волнующія религіозный міръ.

Въ виду двухъ Церквей, римской и протестантской, взаимно отталкивающихъ одна другую, столько же въ слѣдствіе противоположности ихъ началъ, сколько по причинѣ наслѣдственной ненависти, вашъ вымыселъ всеобщей, отвлеченной Церкви показался вамъ недостаточнымъ. Оттого-то, отвергая возможность ихъ соединенія, вы довольствуетесь тѣмъ, что даете имъ совѣтъ сблизиться, и высказываете желаніе, чтобы римско-католическая Церковь укрѣпила свои силы свободой, которой у нея нѣтъ; чтобы Церковь протестантская приняла авторитетъ, который она отвергла (стр. 99). Это почти зна-

читъ, что вамъ хотѣлось бы видѣть существованіе отвлеченной Церкви, о которой вы составили себѣ понятіе. Къ несчастію, вы не указываете пути, который ведетъ къ сближенію, составляющему предметъ вашихъ желаній. Трудно противникамъ немедленно сдѣлать другъ другу взаимныя уступки. Имъ необходимъ посредникъ, который бы пользовался довѣріемъ обѣихъ сторонъ и на котораго было бы возложено дѣло сближенія, при помощи разумныхъ и справедливыхъ уступокъ, какія можно было бы принять съ обѣихъ сторонъ.

Этого посредника я вижу въ христіанской древности, въ устройствѣ первенствующей Церкви. Не говорите, что я предлагаю разрѣшить одно затрудненіе другимъ, что трудно выяснить и отыскать одно неизвѣстное посредствомъ другаго неизвѣстнаго. Начала, устройство, духъ первенствующей Церкви, въ томъ видѣ, какъ она существовала даже на западѣ въ продолженіе многихъ вѣковъ, не такъ трудно отыскать, какъ вы можете подумать съ перваго раза. Ихъ можно примѣтить, такъ сказать, съ перваго взгляда, если только вы станете искать свѣта съ прямотой и безъ предубѣжденій. Только предубѣжденія, страсти, корысть перехватываютъ лучи свѣта и не даютъ имъ освѣтить нашъ умъ; только они породили эти тысячи мелочныхъ споровъ, эти тонкости, эти систематическія теоріи, извратившія истинныя начала, здравый смыслъ и исторію.

Первенствующая Церковь есть *фактъ*, она принадлежитъ исторіи; она обнаружила свое существованіе законами, общественнымъ устройствомъ, вѣрованіями; она оставила касательно различныхъ предметовъ множество памятниковъ, которыхъ подлинность не можетъ подлежать спору; познакомиться съ ней также легко, какъ и съ французскимъ обществомъ въ самыя извѣстныя эпохи его исторіи. Возвратъ къ древнему устройству Церкви есть единственное условіе спасенія для Церквей западныхъ. Онѣ, хотя не ясно, повидимому, чувствуютъ это, потому что дѣлаютъ попытки въ этомъ отношеніи, хотя и поверхностнымъ образомъ.

Церковь римская употребляетъ усилія къ возстановленію древней архитектуры, древняго пѣнія, древней литургіи, древнихъ обрядовъ; она старается такимъ образомъ облечься внѣшнимъ видомъ древности или который, по крайней мѣрѣ, кажется древнимъ, сохраняя при томъ въ основаніи свое новое бытіе.

Галликанская Церковь всегда выказывала болѣе искреннюю

любовь къ древности, и сохранила отъ нея нѣсколько драгоцѣнныхъ обломковъ; но условія ея существованія въ нѣдрахъ Церкви римской и политическія причины всегда дѣлали безплодными усилія, употребленныя ею во многихъ случаяхъ, для возвращенія къ первобытному устройству. Въ Церкви англиканской совершается въ настоящее время благополучное движеніе въ пользу возврата къ этому устройству.

Даже протестантская Церковь стремится къ пересозданію на древнихъ основаніяхъ; но она слишкомъ крѣпко держится за новѣйшую эпоху своихъ великихъ реформаторовъ; она думаетъ, что можно проникнуть до апостольской древности, оставляя безъ вниманія первые вѣка, сообщившіе о ней вѣрное и полное свидѣтельство. Изслѣдуя духъ, жизнь, идею христіанской древности, протестантская Церковь слишкомъ рѣшительно отвергаетъ ея форму, ея внѣшнее развитіе; отчего предметъ ея изысканій дѣлается неуловимымъ, потому что духъ и жизнь обнаруживаются только въ дѣйствіи, составляющемъ ихъ форму.

Эти стремленія къ древнему устройству Церкви доказываютъ, что западныя Церкви, не смотря на ихъ разномыслія, чувствуютъ, что онѣ потеряли его, и что онѣ не могутъ быть лишены его безнаказанно. Въ самомъ дѣлѣ, первый и самый гибельный результатъ этой потери есть недостатокъ гармоніи между началами авторитета и свободы, началами, составляющими непреложное условіе всякаго правильнаго существованія. Въ природѣ они равносильны сосредоточенію и изліянію наружу, движенію и направленію; въ человѣкѣ — истинѣ и убѣжденію, закону и волѣ, совѣсти и чувству. Эти основныя и существенныя начала въ обществѣ составляютъ авторитетъ и свободу. Безъ перваго нѣтъ порядка, прочности; безъ послѣдней нѣтъ жизни, усовершенствованія. Равновѣсіе между этими двумя началами дѣлаетъ жизнь правильною, прогрессъ дѣйствительнымъ.

Христіанская Церковь, какъ общество, и даже какъ образецъ всякаго общества, получила въ удѣлъ эту гармонію, проистекающую изъ правильнаго дѣйствія авторитета и свободы. Основаніе ей положилъ ея божественный Зиждитель. Сообщая людямъ истину, онъ требовалъ, чтобы они свободно принимали ее. Для того, чтобы показать все уваженіе, на которое имѣла право свобода, Онъ представилъ, въ пользу возвѣщенныхъ имъ истинъ, доказательства, вслѣдствіе которыхъ онѣ дѣлаются удобопріем-

лемыми даже со стороны ихъ божественной и безконечной. Обязывая людей слѣдовать своимъ повелѣніямъ, Онъ самъ первый исполнялъ ихъ; сообщая слабости человѣческой сверхъестественную помощь своею благодатію, Онъ сдѣлалъ изъ этой благодати только средство къ возвращенію человѣку его первобытной свободы, которую онъ потерялъ, сдѣлавшись рабомъ грѣха, и Онъ попустилъ человѣку даже возможность сопротивленія самой божественной помощи.

Жертва искупленія есть высочайшій типъ авторитета, возстановленнаго при посредствѣ свободы, направляемой покорностью. Спаситель, основавъ Церковь, призвалъ всѣхъ людей вступить въ нее; Онъ передалъ свой авторитетъ ученикамъ, которые приводили его въ дѣйствіе въ обществѣ, свободно составленномъ и соединенномъ любовію. Авторитетъ, дѣйствующій во имя Господа, есть бремя легкое, потому что источникъ его заключается въ любви и самоотверженіи. Кромѣ этихъ качествъ, составляющихъ основу божественнаго авторитета, переданнаго апостоламъ, божественный Учитель опредѣлилъ условія, при какихъ вожди Его Церкви должны были имъ пользоваться. Чтобы сдѣлать его свободно пріемлемымъ, Онъ положилъ въ основаніе его *преданіе* и сдѣлалъ его *собирательнымъ (collectif)*. Такимъ образомъ, авторитетъ, проистекающій изъ преданія и чрезъ него восходящій къ своему божественному источнику, принимаетъ величественный и непогрѣшимый характеръ. Съ другой стороны, такъ какъ этотъ авторитетъ дѣйствуетъ собирательно *(collectivement)*, то онъ становится чуждымъ всякаго духа частнаго интереса, несправедливости, преобладанія. Самый независимый человѣкъ можетъ сказать самому себѣ: «Я могу подчиниться этому авторитету, потому что такъ повелѣваетъ Богъ; человѣческая сторона, которую я нахожу въ немъ, не оскорбляетъ и не унижаетъ меня. Въ самомъ дѣлѣ, произволъ при немъ невозможенъ, и авторитетъ, въ сущности, есть голосъ Церкви, которой я — живой и свободный членъ».

Вслѣдствіе такихъ намѣреній Божіихъ, и въ виду прочности и развитія Церкви въ будущемъ, апостолы пользовались общимъ авторитетомъ вмѣстѣ. Не забудемъ, что каждый изъ нихъ въ отдѣльности обладалъ достаточнымъ свѣтомъ и сверхъестественнымъ дѣйствіемъ, дававшими каждому возможность быть единственнымъ руководителемъ цѣлой Церкви. Но апостолы, вѣрные божественной мысли, дѣйствовали согласно не только

другъ съ другомъ, но и съ прочими учениками Іисуса Христа, и они учредили соборы, которые, въ ихъ мысли, представляли собирательный авторитетъ Церкви; вслѣдствіе чего справедливо говорятъ, что устройство христіанскаго общества есть устройство существеннымъ образомъ *соборное*.

Первый соборъ, созванный апостолами въ Іерусалимѣ, докажетъ вамъ, милостивый государь, справедливость изложенныхъ сейчасъ размышленій о томъ, какимъ образомъ авторитетъ дѣйствовалъ первоначально въ Церкви. Это священное собраніе послужило образцомъ для всѣхъ вселенскихъ соборовъ, бывшихъ впослѣдствіи. Въ немъ разрѣшался, какъ вамъ извѣстно, вопросъ о допущеніи въ христіанское общество язычниковъ. Явились сомнѣнія, споры по этому предмету: излишнее усердіе, гордость, скрывавшаяся подъ личиною вѣрности древней вѣрѣ, возбудили волненіе, стремившееся къ тому, чтобы отнять у христіанства его характеръ всеобщности, и заключить его въ тѣсные предѣлы іудейства. Авторитетъ одного апостола, хотя онъ былъ первый между ними, не далъ вопросу окончательнаго рѣшенія. Ученіе другаго апостола, котораго особое назначеніе состояло въ принятіи необрѣзанныхъ въ Церковь, показалось недостаточнымъ. Поднятый вопросъ интересовалъ всю Церковь; предубѣжденія и страсти еще болѣе затрудняли его рѣшеніе. Тогда былъ призванъ авторитетъ всей Церкви. Онъ-то просвѣщаетъ однихъ, заставляетъ умолкнуть другихъ, и умиряетъ христіанское общество.

Въ *Исторіи цивилизаціи* (Histoire de la civilisation) вы защищали, милостивый государь, теорію, совершенно противоположную олицетворенію авторитета въ одномъ лицѣ; вы утверждали въ ней, что Церковь христіанская, въ первое время своего существованія, была обществомъ демократическимъ, что она перешла къ монархическому управленію, только переживъ епископскій періодъ, который вы называете аристократическимъ. Это сравненіе между церковнымъ управленіемъ и различными формами правительствъ человѣческихъ, очень ошибочно. Церковь отличается отъ человѣческихъ обществъ своимъ происхожденіемъ, цѣлью, духомъ и средствами. Ваше сравненіе носитъ кромѣ того отпечатокъ *натурализма*, который благопріятствуетъ, повидимому, мысли, что источникъ христіанскаго авторитета заключается въ смыслѣ человѣческомъ. Наконецъ исторія не подтверждаетъ вашей теоріи. Достаточно прочесть разсказъ объ апостольскомъ соборѣ, изложенный въ

книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, чтобы видѣть, что не всѣ члены этого собранія присутствовали на немъ на правахъ равныхъ; что были различные разряды между ними; сначала апостолы, потомъ священники или старцы, которые не были *представителями* вѣрныхъ, но присутствовали на соборѣ отъ ихъ имени, вслѣдствіе своего посвященія, наконецъ разрядъ самихъ вѣрныхъ или *братьевъ*, какъ называетъ ихъ священный писатель. Вы видите, что тѣ же разряды упомянуты въ началѣ постановленія, изданнаго соборомъ и посланнаго ко всей Церкви. Если мы прослѣдимъ совѣщанія собора, если опредѣлимъ, какое участіе каждый принялъ въ рѣшеніи вопроса, мы ясно отличимъ тѣхъ, которые ожидаютъ рѣшенія, съ намѣреніемъ подчиниться признанному авторитету; это большинство вѣрующихъ. Другіе представляютъ свѣдѣнія и мнѣнія для уясненія вопроса, и приготовляютъ такимъ образомъ матеріалъ для постановленія рѣшенія; это сотрудники апостоловъ въ проповѣданіи евангелія, старцы или священники, и конечно, также нѣкоторые простые вѣрующіе, отличавшіеся или духовными дарами, полученными ими отъ Бога, или возвышенностію своего характера, или ревностію къ дѣлу вѣры. Третьи наконецъ постановляютъ рѣшеніе и произносятъ приговоръ, соображаясь съ вѣрою, принятою и хранимою въ Церкви христіанской, равно какъ съ мнѣніями лицъ, принимавшихъ участіе въ совѣщаніи и проникнутыхъ этою вѣрою. Кромѣ того, въ этомъ рѣшеніи мы усматриваемъ явленіе новаго элемента, сверхъестественнаго авторитета, и замѣчаемъ, что надъ всѣми этими видимыми элементами носится невидимая сила, Духъ Святый, отмѣчающій новое постановленіе печатію свѣта, силы, порядка, единства и мира.

Духъ Святый приводитъ рѣшенія, происходящія повидимому изъ человѣческаго источника, къ ихъ божественному источнику, и сообщаетъ авторитету, дѣйствующему въ людяхъ, характеръ непогрѣшимости. За этой божественной силою или лучше рядомъ съ ней, видны дѣйствія и авторитетъ Христа, который пріобрѣлъ Церкви Святаго Духа и сообщилъ апостоламъ свой собственный авторитетъ, какъ слѣдствіе искупленія.

Разсматриваемый такимъ образомъ при свѣтѣ евангельскаго ученія и исторіи, христіанскій авторитетъ не былъ въ началѣ ни демократическимъ, ни аристократическимъ, ни монархическимъ. Эти свойства, приписанныя ему вами въ сочиненіи, наиболѣе содѣйствовавшемъ вашей литературной славѣ, нейдутъ

ему. Онъ самъ по себѣ божественъ, и долженъ быть приводимъ въ дѣйствіе *собирательно* (collectivement) всѣми вождями Церкви при содѣйствіи и во имя Церкви, но съ характеромъ, вслѣдствіе котораго они дѣлаются посланниками Іисуса Христа. Духъ Св., одушевляющій Церковь, поддерживаетъ имъ пастырей, которые не могутъ имѣть другаго притязанія, кромѣ того, чтобы быть его органами, его служителями. Оттого и Церковь добровольно принимаетъ рѣшенія своихъ пастырей, потому что ихъ устами говоритъ самый этотъ божественный авторитетъ.

Апостолъ Павелъ сравниваетъ устройство Церкви съ человѣческимъ тѣломъ; всѣ члены этого тѣла слѣдуютъ направленію, сообщаемому ему головою, т. е. возбужденію ума и воли; но умъ и воля, въ свою очередь, соображаются съ состояніемъ и назначеніемъ каждаго члена, и ничего не совершаютъ безъ ихъ содѣйствія. Изъ этой гармоніи проистекаетъ единство жизни и направленія. Точно также и въ Церкви, составляющей органическое цѣлое, авторитетъ чуждъ преобладанія, повиновеніе свободно отъ всякаго принужденія; одинъ и тотъ же духъ проникаетъ вождей и ведомыхъ.

Еслибы ваша система о постепенныхъ видоизмѣненіяхъ въ управленіи Церковію была истинна, въ исторіи были бы замѣтны слѣды этихъ видоизмѣненій. Но исторія первыхъ осьми вѣковъ сообщаетъ намъ многочисленныя свидѣтельства о томъ, что авторитетъ всегда дѣйствовалъ въ ней одинаковымъ образомъ; что общія дѣла Церкви всегда были рѣшаемы и направляемы взаимнымъ дѣйствіемъ апостольскихъ преемниковъ, т. е. епископовъ, при помощи священниковъ, въ присутствіи Церкви, и при содѣйствіи вѣрующихъ.

Правда, что при значительномъ увеличеніи числа вѣрующихъ невозможно было предоставить имъ дѣятельнаго и непосредственнаго участія въ дѣлахъ Церкви; но ихъ представляло извѣстное число именитыхъ людей, особенно же чиновниковъ гражданскаго правительства и даже лицъ, стоявшихъ въ главѣ этого правительства. Отсюда возникло право, котораго государи требуютъ для себя, участвовать въ устройствѣ религіозныхъ дѣлъ.

Я счелъ нужнымъ, милостивый государь, нѣсколько распространиться о свойствахъ авторитета въ Церкви, потому что вы разсуждали о немъ, не давъ о немъ точнаго понятія. Вы оставили его въ состояніи отвлеченности, также какъ и вашу

идею всеобщей Церкви. Опредѣливъ характеръ его, я попытаюсь теперь доказать, что римская Церковь, измѣнила его, превративъ его въ *преобладаніе*, и что Церковь протестантская недостаточно приняла его въ соображеніе и слишкомъ много уступила духу свободы.

Съ самыхъ первыхъ вѣковъ Церкви, ея собирательный и основанный на преданіи авторитетъ часто былъ не признанъ и подвергаемъ нападеніямъ. Вникнувъ въ источникъ возникавшаго сопротивленія ему, мы найдемъ тоже чувство, которое внушило человѣку первое возмущеніе противъ Бога и было причиною перваго грѣха, — гордость, научающую человѣка ставить себя на мѣсто Бога. Гордость ума подстрекаетъ человѣка становиться выше божественнаго откровенія, или, по крайней мѣрѣ, присвоивать себѣ его истолкованіе; гордость сердца ведетъ къ преобладанію и отрицанію христіанской любви; этотъ порокъ былъ источникомъ всѣхъ ересей и всѣхъ раздѣленій. Такъ разсуждаютъ объ этомъ апостолы, первые хранители божественнаго авторитета (2 Кор. 10, 5. 2 Петр. 2, 10). Корысть и чувственность примѣшались къ гордости; но на нихъ должно смотрѣть только, какъ на второстепенную причину раздѣленій, терзавшихъ Церковь; если бы эти побужденія не подвергались вліянію страсти болѣе могущественной, они не произвели бы ничего крѣпкаго и прочнаго.

Были конечно заблужденія, происходившія отъ слабости человѣческаго ума, который, по своей ограниченной природѣ, естественно склоненъ къ безконечнымъ видоизмѣненіямъ. Христіанскій авторитетъ всегда принималъ во вниманіе эту склонность, составляющую для ума человѣческаго природную необходимость; онъ никогда не осуждалъ разномыслія въ предметахъ, которыхъ Богъ не открылъ людямъ ясно и положительно. Справедливыя разномыслія, какова бы ни была ихъ важность, происходятъ не отъ гордости или возмущенія противъ Бога, потому что они не противорѣчатъ Его слову, но отъ умственной дѣятельности, неимѣющей ничего противнаго откровенному ученію и преданіямъ, вѣрно хранимымъ Церковію. Ихъ возбуждаетъ любовь къ истинѣ, и эта любовь, въ союзѣ съ любовію христіанскою и смиреніемъ, всегда вноситъ мысли отдѣльныхъ лицъ въ великій потокъ *вселенскаго* ученія.

Мнѣ кажется, милостивый государь, что поставляя разнообразіе убѣжденій условіемъ существованія людей на землѣ (стр. 9), вы обращаете слишкомъ мало вліянія на единство, ко-

торое также составляетъ начало и законъ мысли и жизни человѣческой. Согласіе этихъ двухъ законовъ также очевидно во внѣшней природѣ, во внѣшнихъ нашихъ чувствахъ, какъ и въ отправленіяхъ нашего ума и внутренняго чувства. Будучи необходимымъ элементомъ всякой жизни, разнообразіе составляетъ однако же только случайную ея сторону и его источникъ находится въ частностяхъ, зависящихъ отъ обстоятельствъ времени, нравовъ, степени умственнаго развитія. Единство, напротивъ, составляетъ основаніе дѣйствительности, прочности, порядка. Разнообразіе, доведенное до крайности, есть отрицаніе истины, убѣжденія, душевнаго спокойствія.

Если мы прибавимъ къ этимъ общимъ разсужденіямъ, что христіанство есть *фактъ*, что его ученіе есть *откровеніе*, что единство было въ мысли Основателя Церкви, что Христосъ, для установленія единства, даровалъ дѣйствительныя средства къ его достиженію, что это единство существовало: то дѣлается очевиднымъ, что не должно ни отвергать единства, ни терять надежду на его осуществленіе. Согласіе возможно, въ извѣстной степени, въ предметахъ мірскихъ, напримѣръ, въ наукѣ и въ жизни общественной; зачѣмъ же отвергать возможность его въ предметахъ болѣе важныхъ, въ предметахъ божественныхъ, въ христіанскихъ убѣжденіяхъ? Религіозныя и нравственныя начала составляютъ удѣлъ всѣхъ людей; первобытныя стремленія находятся въ глубинѣ всѣхъ душъ; силы человѣческія направляются одними и тѣми же законами. За чѣмъ же отвергать рѣшительнымъ образомъ согласіе, общность, единство? Скептицизмъ есть смерть ума, если его прилагать къ наукѣ; онъ становится опасностію для спасенія, если его приложить къ убѣжденіямъ религіознымъ. Но начало разнообразія, допускаемое въ томъ видѣ, какъ это дѣлаете вы, милостивый государь, ведетъ прямо къ скептицизму. Богъ есть начало единства: чѣмъ болѣе человѣкъ приближается къ Нему, тѣмъ единство легче; чѣмъ болѣе онъ удаляется отъ него, тѣмъ болѣе теряется въ разнообразіи. Вы принимаете, по видимому, Церковь за вавилонское столпотвореніе, тогда какъ она въ точности изображается тайною вечерію. Не должно смѣшивать эти два предмета. Первый выражаетъ смѣшеніе гордости, искавшей единства искусственнаго, внѣшняго, вынужденнаго, противнаго волѣ Божіей; второй указываетъ, распространяетъ и сохраняетъ единство божественное, дѣйствительное, свободное, при посредствѣ законнаго и необходимаго разнообразія.

Изъ этихъ разсужденій слѣдуетъ, что Церковь должна быть принята какъ дѣйствительность, а не какъ вымыселъ; что откровенное ученіе есть догматъ, а не мнѣніе; что авторитетъ есть право, а не злоупотребленіе; а разнообразіе безъ единства подрываетъ и Церковь, и ученіе, и авторитетъ. Вы, по видимому, соглашаетесь допустить по крайней мѣрѣ первое и третье изъ этихъ положеній.

Нападенія, которымъ подверглись нѣкоторые пункты ученія Церкви и многіе изъ ея догматовъ, менѣе важны и опасны, чѣмъ тѣ, которыя были направлены противъ ея устройства; потому что, при посредствѣ правильнаго дѣйствія своего авторитета, ей легко было восторжествовать надъ врагами своего ученія. Случаи догматическихъ ересей можно сравнить съ мѣстными болѣзнями, которыя поражаютъ только нѣкоторыя части организма, но не касаются общей экономіи жизни; эти болѣзни можно вылѣчить, даже если бы пришлось отсѣчь больной членъ. Не то бываетъ, когда болѣзненное начало поражаетъ цѣлый организмъ; дѣйствіе этого начала можетъ быть медленно, но оно смертельно. Тоже самое происходитъ, когда искажено и извращено устройство Церкви. Залогъ вѣры чрезъ это самое подвергается опасности, потому что это сокровище сохраняется именно посредствомъ гармоніи учрежденій; начало авторитета ослаблено, потому что ему дано другое направленіе.

Попытки римскаго епископа сосредоточить въ своемъ лицѣ вселенскую Церковь, заключали въ себѣ особенно это опасное стремленіе испровергнуть все устройство Церкви. Желая воплотить въ одномъ себѣ авторитетъ, онъ отвергъ собирательный авторитетъ Церкви; присвоивъ себѣ обладаніе преданіемъ, онъ сдѣлалъ его подозрительнымъ; сосредоточивъ въ лицѣ своемъ единство, онъ нанесъ смертельный ударъ свободѣ. Съ тѣхъ поръ авторитетъ сдѣлался *властью*, потомъ переродился въ *преобладаніе*, и наконецъ сталъ *деспотизмомъ*. Римскій епископъ дошелъ до того, что началъ утверждать, что его мнѣніе есть догматъ; что его воля замѣняетъ авторитетъ и законъ; онъ сказалъ: «Церковь — это я». Вслѣдствіе такихъ притязаній, не только міряне, но даже епископы потеряли всякое значеніе и лишились участія въ жизни и водительствѣ Церкви.

Папа не сразу достигъ этой степени власти, преобладанія, которое вы, по видимому, смѣшиваете съ авторитетомъ. Попытки его были многочисленны и разнообразны. Сначала онъ

нашелъ себѣ предлогъ для этого въ важности города, въ которомъ находилось его сѣдалище; онъ сталъ опираться на воспоминаніе о великихъ апостолахъ, насадившихъ тамъ слово Евангелія; онъ началъ стремиться къ преобладанію надъ нѣкоторыми частными Церквами, съ цѣлію испровергнуть мало по малу собирательный авторитетъ Церкви, и постепенно присвоить его себѣ. Споры его съ азіатскими и африканскими Церквами могутъ служить доказательствомъ моихъ словъ. Но въ это время, понятіе объ истинномъ христіанскомъ авторитетѣ было такъ ясно, привязанность къ истинной христіанской свободѣ такъ крѣпка, что со всѣхъ сторонъ возвысились голоса для ихъ защиты, и тотъ, который покусился было на ихъ похищеніе, принужденъ былъ возвратиться къ порядку.

Время гоненій не благопріятствовало созванію вселенскихъ соборовъ; но ревность пастырей давала возможность собираться соборамъ помѣстнымъ, которые боролись со зломъ, угрожавшимъ той или другой части Церкви, и помогали ея нуждамъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда опасность грозила, по видимому, всей Церкви, помѣстные соборы взаимно сообщали одинъ другому свои рѣшенія, и тогда постановленія ихъ принимали характеръ вселенскій. Папа, какъ и всякій другой епископъ, подчинялся этому каноническому порядку, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ, какъ мы сказали выше, отдавался первымъ проблескамъ честолюбія, которое въ то время не сопровождалось однакожь никакими важными послѣдствіями.

Итакъ мы достигли до той эпохи, когда Церковь получила внѣшнюю свободу, т. е. до эпохи вселенскихъ соборовъ. Мы замѣчаемъ здѣсь тѣ же попытки со стороны римскаго епископа, присвоить себѣ авторитетъ Церкви, и тотъ же неуспѣхъ, до тѣхъ поръ, пока онъ открыто не разорвалъ связь съ вселенскою Церковію.

Получивъ, въ началѣ четвертаго вѣка, свободу, Церковь развернула свои силы и окружила яркимъ блескомъ свой авторитетъ. Первые пять вѣковъ, послѣдовавшихъ за эпохою гоненій, были свидѣтелями созванія вселенскихъ соборовъ, давшихъ окончательное устройство Церкви. Я унизилъ бы, милостивый государь, вашу репутацію, какъ историка, если бы хоть на минуту остановился на критическомъ разборѣ мнѣній новѣйшихъ богослововъ римской Церкви, утверждающихъ, что вселенскіе соборы созывалъ папа; что онъ, лично или чрезъ своихъ по-

сланниковъ, предсѣдательствовалъ на этихъ священныхъ собраніяхъ; что его только утвержденіе давало имъ каноническую силу. Богословы Церкви галликанской давно уже уничтожили эту ошибочную систему; довольно указать на одного Боссюэта. Римскіе епископы такъ мало участвовали въ созваніи соборовъ, что нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ соединялись даже безъ ихъ вѣдома. Таковъ былъ первый константинопольскій вселенскій соборъ. Наконецъ исторія свидѣтельствуетъ, что епископъ римскій принималъ гораздо менѣе участія въ созваніи вселенскихъ соборовъ, нежели его восточные собратія. Причина этого факта очень проста, а именно: опасности и нужды Церкви живѣе чувствовались въ Александріи и Константинополѣ, нежели въ Римѣ. Ревнуя къ вліянію или лучше къ обязанности своихъ собратій, св. Левъ также хотѣлъ устроить созваніе вселенскаго собора въ Италіи; онъ очень сильно настаивалъ на этомъ предъ императоромъ Ѳеодосіемъ; но всѣ его попытки остались безплодными. Въ другое время, папа Вигилій, отвергая необходимость вселенскаго собора, упрямо отказывался отъ всякаго въ немъ участія, но былъ принужденъ присоединиться къ нему.

Вопреки римской теоріи о видимомъ, личномъ и постоянномъ средоточіи Церкви, это средоточіе обнаруживалось, смотря по обстоятельствамъ, въ той или другой части каѳолической Церкви; оно никогда не было ни постояннымъ, ни личнымъ. Церковь устроена по образу Бога, который не имѣетъ средоточія, или лучше, который самъ весь средоточіе и соединяетъ въ себѣ всѣ точки всемірной окружности. Богъ можетъ дѣйствовать, проявляться въ какое время и въ какомъ мѣстѣ Ему благоугодно; такимъ же образомъ и Церковь проявляетъ свою дѣятельность, свой авторитетъ, свободно, въ данный моментъ, въ такомъ мѣстѣ, которое кажется ей приличнымъ. Если обстоятельства не выходятъ изъ обыкновеннаго порядка, если они нормальны, то существованіе таинственнаго тѣла Христова, божественная сила, одушевляющая его, находится, такъ сказать, въ скрытомъ состояніи; его дѣятельность тиха, едва замѣтна; таковъ законъ всякой правильной жизни. Но если опасность угрожаетъ одной изъ ея частей, если съ какой нибудь стороны является какая нибудь потребность, тогда въ немъ сосредоточивается сила, душа; онѣ дѣлаются явными, или для того, чтобы одолѣть препятствіе, или чтобы выдержать борьбу, или чтобы дать направленіе движенію. Эта подвижность

дѣятельности Церкви очевидна изъ различія мѣстъ, избиравшихся соборами для своего соединенія: пастыри вселенской Церкви сходились то въ Никеи, то въ Константинополѣ, то въ Ефесѣ или Халкидонѣ. Эта подвижность обнаруживается также въ различіи лицъ, бывшихъ двигателями или руководителями соборовъ. Въ Антіохіи является Евстафій; въ Александріи Аѳанасій или Кириллъ; въ Ниссѣ Григорій; въ Кордовѣ Осія; въ Римѣ Левъ, въ Константинополѣ Анатолій или Тарасій. Духъ Божій, одушевляющій Церковь, не стѣсняетъ ея свободы; Онъ сообщаетъ дары свои, кому захочетъ, и въ той мѣрѣ, какая Ему кажется приличною.

Если знакомство съ дѣяніями вселенскихъ соборовъ необходимо для богослова или для изслѣдователя каноническаго права, то оно не менѣе нужно и для историка. Вы конечно изслѣдовали, милостивый государь, образъ дѣйствій соборовъ, духъ, руководившій ими, рѣшенія и постановленія, ими изданныя. Вы замѣтили, что они ввѣряли церковный авторитетъ собранію епископовъ; что они не имѣли римскихъ идей о томъ, какимъ образомъ онъ долженъ дѣйствовать; что они уступили широкое мѣсто свободѣ въ предметахъ сомнительныхъ, второстепенныхъ, внѣшнихъ.

Ваши изслѣдованія привели васъ, безъ сомнѣнія, къ убѣжденію въ дѣйствительномъ существованіи постепенныхъ попытокъ римскихъ епископовъ похитить авторитетъ и отнять свободу Церкви, начиная съ высокомѣрныхъ словъ легатовъ св. Льва и сопротивленія Вигилія, и вы видѣли, какимъ образомъ притязанія ихъ пали предъ дѣйствительнымъ авторитетомъ Церкви и предъ свободою, которою пользовался каждый изъ ея пастырей. При всемъ томъ, я не могу не привести здѣсь, по этому поводу, прекрасныхъ словъ сказанныхъ отцами ефесскаго собора, по случаю захвата правъ кипрской Церкви, который пытался сдѣлать патріархъ антіохійскій: «Да не преступаются, говорилъ этотъ соборъ, правила отцовъ нашихъ, да не проникнетъ надменность мірской власти подъ покровомъ священнослуженія, и да не утратимъ мы мало по малу и незамѣтнымъ образомъ свободу, которую Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Освободитель людей, пріобрѣлъ намъ цѣною Своей крови» (Прав. 8.). Позвольте также напомнить вамъ слова, сказанныя отцами карѳагенскаго собора (426 г.) папѣ Целестину, который покушался на свободу его совѣщаній, и съ этою цѣлію послалъ туда легата своего Фаустина. «Никейскій

соборъ нашелъ разумнымъ и справедливымъ, чтобы возникающія дѣла, каковы бы они ни были, оканчивались въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они начались; ибо отцы нашли, что благодать Святаго Духа не чужда ни какой области, что она помогаетъ священнослужителямъ Христовымъ благоразумно отличать правду и вѣрно творить ее, и что въ особенности, въ случаѣ сопротивленія приговору первыхъ судей, дозволено каждому обращаться къ собору своей области или даже къ собору вселенскому. Есть ли человѣкъ, который бы былъ столько простъ, что сталъ бы думать, что Богъ нашъ внушилъ правоту суда какому нибудь *одному* судьѣ, и отказалъ бы въ ней безчисленнымъ священникамъ, собравшимся на соборъ? Мы не находимъ ни на одномъ соборѣ никакого постановленія, которое дозволяло бы вашему святѣйшеству посылать отъ ребра своего *(a latere)* посланниковъ. Итакъ да благоугодно вамъ будетъ не посылать сюда, по просьбѣ нѣкоторыхъ лицъ, вашихъ клириковъ въ качествѣ *слѣдственныхъ судей,* и не дозволяйте этого, дабы не показалось, что мы вносимъ духъ мірскаго надменія въ Церковь Христову» (*Pandect.* canon., Beveregg, tom. 1, p. 765 и 768).

По причинѣ стремленія, прирожденнаго уму человѣческому, и вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ, установлены были правила, для облегченія взаимныхъ отношеній и для отправленія церковныхъ дѣлъ. Мѣстныя Церкви сосредоточились вокругъ своихъ сестеръ, пользовавшихся большимъ гражданскимъ или географическимъ значеніемъ. Обычай и практика предшествовали закону. Соборы только признали этотъ порядокъ, не возводя его на степень божественнаго права, но включили его въ право человѣческое, подлежащее видоизмѣненіямъ. Такъ какъ государство почитало Церковь и покровительствовало ей, то эта послѣдняя, изъ признательности, равно какъ и въ интересахъ порядка, согласилась поставить себя въ соотвѣтствіе съ политическими раздѣленіями странъ. Четвертый вселенскій соборъ именно говоритъ: «Городъ, который царскою грамотою удостоенъ имени митрополіи, долженъ пользоваться этою честію, и епископъ, управляющій Церковію этого города, также да пользуется правами, присвоенными митрополіи» (Прав. 12). Семнадцатое правило того же собора расширяетъ это начало и утверждаетъ его на будущее время: «Если царская власть предоставлена городу или будетъ ему предоставлена впослѣдствіи, то церковные округи должны находиться въ

соотвѣтствіи съ политическими и гражданскими раздѣленіями».

Вслѣдствіе этого правила, устроились церковныя митрополіи, экзархаты и патріархаты, т. е. мѣстныя средоточія церковныхъ дѣлъ. Но несправедливо было бы видѣть въ нихъ начатки монархической формы въ управленіи Церковію. Достаточно бросить поверхностный взглядъ на порядокъ отношеній между пастырями частныхъ Церквей къ своимъ митрополитамъ или патріархамъ, учрежденный этими правилами, чтобы убѣдиться, что все здѣсь ограничивается формой; что единоличная власть исключена рѣшительнымъ образомъ; что такой порядокъ вещей допущенъ съ единственной цѣлью: устроить и оградить участіе каждаго въ управленіи Церковію. Митрополитъ ничего не могъ дѣлать безъ дѣйствительнаго содѣйствія своихъ соепископовъ; законное обращеніе, съ жалобою на его своеволіе, къ собору помѣстному или частному, было признано. Слѣдовательно не было никакого сосредоточенія власти, заключавшейся всегда въ собирательной дѣятельности всѣхъ епископовъ, представлявшихъ Церковь. Правда, что епископы важнѣйшихъ городовъ составляли какбы среднюю инстанцію между помѣстными и вселенскими соборами; такимъ образомъ епископъ римскій, по третьему правилу сардикійскаго собора,—епископъ константинопольскій, по четвертому правилу собора халкидонскаго, пользовались этимъ высокимъ преимуществомъ; но эти правила ясно утверждаютъ, что посредничество этихъ епископовъ было только условное, но что оно не проистекало изъ положительнаго права, основаннаго на авторитетѣ, которымъ они были облечены. Такимъ образомъ, свобода была сохранена вполнѣ. Повторимъ еще разъ, потому что многіе упрямо отвергаютъ это: когда верховная власть сосредоточена во вселенскомъ соборѣ, передъ которымъ всѣ—низшіе,—авторитетъ и свобода Церкви остаются неприкосновенными. Чтобы видѣть, какимъ образомъ несогласные голоса были приводимы въ гармонію, нужно припомнить осужденія и низложенія, которымъ самые могущественные изъ патріарховъ подвергались со стороны вселенскихъ соборовъ. Не смотря на всю тонкость защитниковъ самодержавныхъ преимуществъ папъ, исторія указываетъ намъ на осужденіе многихъ изъ нихъ вселенскими соборами, и одинъ изъ лучшихъ папъ довелъ почтеніе къ постановленіямъ соборовъ до того, что сравнивалъ ихъ съ евангеліемъ (См. *Oeuvres de saint Grégoire le grand* и *Hist. écclés. de Fleury*, *livre XXXV*, *ch. XIII*)

И между тѣмъ почести, соединенныя съ патріаршествомъ, послужили точкою исхода и средствомъ къ присвоенію неограниченной власти въ Церкви. Восточные патріархи, также какъ и папы, были заражены страстію честолюбія; но частыя сношенія епископовъ между собою, почтеніе, которое востокъ всегда оказывалъ къ правиламъ соборовъ, поставили непреодолимыя преграды всякому преобладанію. Оттого-то мы видимъ слѣды этихъ попытокъ противъ авторитета и свободы Церкви только въ однихъ титлахъ нѣкоторыхъ патріарховъ. Константинопольскій патріархъ носитъ до сихъ поръ титло *вселенскаго*; александрійскій украшается величественнымъ титломъ *вселенскаго судіи*, но все здѣсь ограничивается словами.

Римскій патріархъ не ограничился титлами; при помощи своей настойчивости и обстоятельствъ, онъ достигъ верховной власти надъ тою частію Церкви, въ которой онъ пользовался патріаршими преимуществами.

Кромѣ неутомимаго постоянства, выказаннаго епископами римскими для достиженія господства въ Церкви христіанской, многія обстоятельства содѣйствовали превращенію ихъ патріаршихъ почестей въ верховную власть. Если обаяніе древней столицы міра было таково для грековъ, столь ревнивыхъ къ своей независимости, что восточная столица римской имперіи должна была получить названіе *новаго* Рима, то какое суевѣрное почтеніе къ ней должны были питать западные народы, полные воспоминаній о геройскихъ подвигахъ римлянъ? Хотя это почтеніе не спасло Рима ни отъ уничиженія, ни отъ завоеваній, въ эпоху великаго движенія сѣверныхъ народовъ, превратности въ судьбѣ вѣчнаго города не могли однакожь сорвать ореола, украшавшаго чело его. Онъ оставался кумиромъ низвергнутымъ, сброшеннымъ въ прахъ, но этотъ кумиръ все еще былъ боготворимъ.

Если языческій Римъ остался въ воображеніи новѣйшихъ народовъ славнымъ воспоминаніемъ, то Римъ христіанскій пріобрѣлъ дѣйствительное вліяніе. Послѣ того, какъ Константинополь сталъ столицею имперіи, епископы римскіе сдѣлались лицами политическими, совѣтниками цезарей, хранителями ихъ власти, посредниками между восточными императорами и ихъ италіанскими подданными, наконецъ покровителями вѣчнаго города и заступниками его предъ дикими завоевателями. Папы первыхъ семи вѣковъ смотрѣли на это исключительное положеніе скорѣе, какъ на бремя, нежели какъ на случай вос-

пользоваться имъ въ честолюбивыхъ видахъ. Исторія сохранила ихъ жалобы по этому предмету. Несмотря на то, это вліяніе, возникшее вслѣдствіе обстоятельствъ, имѣло большую долю участія въ увеличеніи ихъ духовной власти. Міръ вообще не умѣетъ различать власти неодинаковаго свойства; онъ не восходитъ къ источнику и довольно часто смѣшиваетъ власть въ самой себѣ съ ея употребленіемъ.

Другое обстоятельство способствовало еще болѣе и прямѣе увеличенію папскаго могущества: именно, во многихъ странахъ западной Европы, христіанская вѣра была насаждена или возстановлена миссіонерами, присланными отъ папъ. Такимъ образомъ Церковь, которая на западѣ могла хвалиться апостольскимъ происхожденіемъ и которой это титло сообщало уже высокое вліяніе, расширила его еще болѣе своими миссіями. Епископъ римскій, будучи уже первымъ пастыремъ запада, пріобрѣлъ истинно родительскія права въ вѣрѣ и сдѣлался вполнѣ *папою*, или *отцомъ* по преимуществу для Церквей, которыя были одолжены ему своимъ существованіемъ. Мы не одобрили бы римскаго епископа, еслибы онъ обратился ко всему западу съ слѣдующими словами апостола Павла, сказанными коринѳянамъ: «аще и многи пѣстуны имате о Христѣ, но не многи отцы, о Христѣ бо Іисусѣ благовѣствованіемъ азъ вы родихъ» (1 Кор. 4, 15). Такія слова, въ устахъ папы были бы большимъ преувеличеніемъ, потому что во многихъ странахъ западной Европы первыми проповѣдниками евангелія были миссіонеры, прибывшіе съ востока. Но немногія Церкви вспоминали объ этомъ восточномъ происхожденіи, за исключеніемъ впрочемъ Великобританіи, которая сумѣла противопоставить свои первобытныя преданія преданіямъ римскимъ, принесеннымъ ей монахомъ Августиномъ. Итакъ можно сказать, что на Римъ вообще смотрѣли, какъ на источникъ христіанства для запада. Но родительскія права равняются истинному авторитету, и притомъ даже болѣе въ духовномъ отношеніи, чѣмъ въ порядкѣ природы.

Въ продолженіи четвертаго и пятаго вѣковъ, непосредственныя сношенія епископовъ Африки, Испаніи и Галліи съ восточными епископами были довольно часты. Первые пастыри посѣщали другъ друга, добровольно или вслѣдствіе гоненій и изгнанія. Насилія, употребленныя нѣкоторыми императорами противъ лучшихъ епископовъ, послужили, въ планахъ Провидѣнія, ко благу Церкви. Такимъ образомъ изгнаніе святаго

Аѳанасія было полезно для запада, изгнаніе св. Иларія—для востока. Легко также замѣтить въ исторіи, что число западныхъ епископовъ было гораздо значительнѣе на соборахъ четвертаго вѣка, нежели на соборахъ слѣдующихъ вѣковъ, въ продолженіи которыхъ папа сдѣлался, лично или чрезъ своихъ легатовъ, представителемъ западной Церкви. Римская имперія рушилась предъ наплывомъ сѣверныхъ народовъ; восточные императоры, не смотря на свои притязанія, потеряли всякое значеніе для новыхъ націй, образовавшихся на западѣ—сношенія дѣлались почти невозможными между епископами новыхъ Церквей и восточными; тогда-то явился обычай на западѣ, сноситься съ востокомъ чрезъ посредство папы, и чрезъ него получать постановленія соборовъ, на которыхъ эти епископы не могли уже присутствовать, и свѣдѣнія о христіанскомъ востокѣ. Уступая необходимости и довѣряясь отеческому характеру папства, западные епископы отказались мало по малу отъ своей епископской иниціативы въ пользу своего патріарха и подпали подъ его опеку, какъ будто бы они были малолѣтніе или лишенные своихъ собственныхъ правъ. Западный патріархъ сдѣлался такимъ образомъ духовною главою этой части Европы. Съ теченіемъ времени, воспоминаніе о видоизмѣненіяхъ, чрезъ которыя прошла власть его, изгладилось. Скоро за тѣмъ люди, которымъ нужно было сохранить этотъ порядокъ вещей, создали изъ него систему, ученіе, членъ вѣры.

Въ эпоху, до которой мы дошли теперь, папа находился еще въ общеніи съ христіанскимъ востокомъ, который смотрѣлъ на него, какъ на одного изъ патріарховъ, въ отношеніи къ дисциплинѣ, и какъ на епископа, равнаго всякому другому епископу, по отношенію къ божественному авторитету. Какъ патріархъ, онъ былъ однимъ изъ пяти каноническихъ средоточій Церкви; какъ учитель, онъ былъ простымъ членомъ епископскаго собора. Такое положеніе не могло продолжаться долго; привыкнувъ къ верховной власти съ своемъ патріархатѣ, папа захотѣлъ распространить ее на всѣ патріархаты, на всю Церковь. Не въ состояніи будучи сломить преграды древняго, основаннаго на преданіи и собирательнаго авторитета, воздвигнутой востокомъ, онъ разорвалъ съ нимъ связь, отдѣлился отъ него и громко заговорилъ, что восточные впали въ расколъ, потому что отказываются признать его божественный авторитетъ.

Между тѣмъ епископы западнаго патріархата могли вспом-

нить о своихъ свободныхъ и братскихъ сношеніяхъ съ пастырями христіанскаго востока; они привыкли къ нѣкоторымъ обычаямъ въ своихъ каноническихъ совѣщаніяхъ; они сохранили нѣкоторые обломки коллективнаго или соборнаго управленія, и не дозволили бы лишить себя ихъ вовсе. Папство поняло это, потому оно сохранило соборъ, по крайней мѣрѣ, на словахъ; но въ тоже время оно постаралось сосредоточить въ лицѣ папы весь авторитетъ. Въ этихъ видахъ были изобрѣтены ложныя декреталіи; искажались тексты свящ. писанія, чтобы вывести изъ нихъ мнимую власть, и былъ употребленъ для этой цѣли способъ истолкованія, который привелъ, посреди всѣхъ ересей, къ раціонализму, т. е. къ истолкованію *отдѣльному*, личному и чисто фантастическому.

Чтобы соблюсти внѣшній видъ соборнаго управленія, папство созывало соборы, и многія изъ этихъ собраній украсило именемъ *вселенскихъ*. Но оно присвоило себѣ всю власть въ созваніи, въ совѣщаніяхъ и въ утвержденіи постановленій; оно сдѣлало такимъ образомъ соборы чистымъ посмѣшищемъ и отняло у всѣхъ членовъ всякій авторитетъ. Эти члены стали имѣть на нихъ только значеніе совѣтниковъ, богослововъ. Исторія большей части западныхъ соборовъ не оставляетъ въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Если иные изъ нихъ высказывали желаніе воспользоваться нѣкоторымъ авторитетомъ, заявляли нѣкоторыя попытки независимости, папы тотчасъ же распускали ихъ, утверждая, что безъ нихъ, папъ, эти соборы не могутъ быть истинными соборами. Такимъ образомъ епископство значило для папъ не болѣе, чѣмъ сенатъ въ деспотическое царствованіе самыхъ неограниченныхъ императоровъ римскихъ.

По этому-то ученіе о непогрѣшимости римскаго епископа мнѣ кажется несравненно логичнѣе. Будучи главою Церкви по праву божественному, собирая и распуская соборы по своему произволу, управляя по своему усмотрѣнію, онъ не можетъ и не долженъ не быть непогрѣшимымъ; внѣ его нѣтъ ни вѣры, ни спокойствія совѣсти. Если допустить божественную власть папства, то нужно допустить также родъ личнаго *(individuelle)* вдохновенія, котораго дѣйствіе совершается внѣ нравственнаго характера лица; нужно сдѣлать изъ папы Каіафу, который пророчествуетъ, самъ того не подозрѣвая, даже тогда, когда онъ дѣлаетъ зло. Это-то фаталистическое вдохновеніе и названо рѣшеніемъ *ex cathedrâ*.

Къ приведеннымъ нами фактамъ, мы можемъ присовоку-

пить другіе, особенно способствовавшіе распространенію ложныхъ идей о духовной власти папства.

Римскіе епископы создали, во всѣхъ частяхъ западной Церкви, кардиналовъ, имѣвшихъ личный интересъ поддерживать власть, въ которой они принимали такое широкое участіе и которая осыпала ихъ почестями; они учредили новыя епископіи, новыя приматства, на долю которыхъ также выпадали огромныя милости; они не щадили никакихъ средствъ, внушенныхъ корыстью или тщеславіемъ для того, чтобы привязать къ себѣ множество духовныхъ лицъ неразрывными узами; они пустили въ міръ безчисленное множество монаховъ, зависѣвшихъ отъ нихъ и отъ ихъ престола получавшихъ и привилегіи и самое ученіе; они при всякомъ обстоятельствѣ прибѣгали къ свѣтской власти и ловко пользовались случаями привлекать на свою сторону государей, располагать ихъ къ поддержанію и увеличенію своего могущества. Таковы средства, при помощи которыхъ установилось на западѣ ученіе о папской власти. Отъ времени до времени, слышались независимые голоса, чтобы напомнить міру истинное ученіе; но отъ нихъ оставался только слабый отголосокъ во всемірномъ концертѣ корыстнаго раболѣпства.

Ко всѣмъ этимъ средствамъ папство присоединило еще свѣтскую власть, политическое царство, которое составляетъ не опору законнаго авторитета, какъ вы утверждаете, милостивый государь, но оплотъ незаконно пріобрѣтеннаго преобладанія *.

Отзывы изъ Черногоріи — благотворителямъ.

6/18 апрѣля изъ Черногоріи.

Дѣла наши нѣсколько поправились: сраженіе при Керницѣ и второе въ ущеліи Дуги были блистательны для черногорцевъ Были бы средства, они пошли бъ впередъ. Средствами я называю *извѣстный нервъ всякаго успѣшнаго дѣла*. Между прочими письмами, полученными мною, одно изъ Болгаріи, прекрасно написанное, всѣ же свидѣтельствуютъ о посильныхъ стараніяхъ сосѣднихъ христіанъ помочь намъ и о прекрасномъ духѣ, ихъ оживляющемъ. Какъ пойдетъ все дѣло, трудно предвидѣть, но очень будетъ жаль, если столько геройскихъ усилій и доблестныхъ подвиговъ, столько тяжкихъ испытаній и страданій пропадутъ безъ пользы. Положеніе для Черногоріи опасно; но за то—утѣшительна оплошность турковъ. Всего хуже ужасный го-

* Окончаніе будетъ помѣщено въ слѣдующей книжкѣ «Странника».

лодъ, и не на что купить хлѣба. Я передалъ 2,423 р., присланные графиней Пратасовой. Не бойтесь, что сумма мала: всякая малость теперь великая помощь для насъ, въ такой ужасной крайности, и благодарность наша за всякую помощь безпредѣльна.

Черногорія, 13/25 апрѣля 1862 г.

Я получилъ ваше письмо отъ 24 марта (5 апрѣля), за которое не знаю, какъ выразить вамъ мою глубочайшую благодарность. Мое ходатайство къ вамъ въ пользу вашихъ единовѣрцевъ въ южной Герцеговинѣ, проливающихъ свою кровь за вѣру и право жить по человѣчески, не уподобилось гласу, вопіющему въ пустынѣ, а нашло въ добрыхъ и человѣколюбивыхъ сердцахъ русскихъ людей теплое и истинно-христіанское сочувствіе. Вы поспѣшили потрудиться переслать возможную помощь для напитанія голодныхъ, утѣшенія вдовъ и сиротъ и вообще для поддержанія вашихъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ братьевъ въ тяжкой ихъ борьбѣ съ многочисленными лишеніями и съ непримиримымъ врагомъ христіанскаго имени.

Они благословляютъ имена благотворителей. Да воздастъ Богъ имъ въ десятеро и сотеро и исполнитъ желаніе добрыхъ и человѣколюбивыхъ сердецъ!

На дняхъ я получилъ изъ Россіи 1,600 руб. для раздачи герцеговинцамъ, а изъ Вѣны 4505 гульд., 56 крейцер., вырученныхъ съ векселя, присланнаго вами съ извѣстіемъ, что эта сумма (2,423 р. на русскія деньги) составлена изъ сборовъ графини Пратасовой и что предоставляется въ мое распоряженіе для оказанія пособія нашимъ единовѣрцамъ.

Дужскіе монахи пребываютъ еще въ Рагузѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ шушскихъ старшинъ, но не знаю, долго ли продлится ихъ мирное пребываніе тамъ, потому что австрійскія власти, въ угодность Омеръ-пашѣ, смотрятъ косо и непріязненно на нихъ, и желаютъ удалить ихъ на островъ Лопудъ, гдѣ нѣтъ православныхъ жителей, ни православнаго храма. Ихъ хотѣли изгнать въ страстную недѣлю и они съ трудомъ упросили губернатора австрійскаго оставить ихъ по крайней мѣрѣ отпраздновать пасху въ кругу православныхъ рагужанъ. Изъ церковной утвари они успѣли спасти болѣе важныя вещи, но за то война Дервишъ-паши повредила много монастырскимъ зданіямъ и самой церкви, въ которой разбили на куски образа иконостаса. Колоколъ остался на своемъ мѣстѣ привязанный крѣпко къ стѣнѣ толстыми веревками, для того, чтобы какъ нибудь случайно его звукъ не осквернилъ слуха «право-

вѣрныхъ». Баши-бузуки изъ мести и злобы къ христіанамъ и къ инокамъ, отбили отъ него языкъ. Монастырь можно будетъ поправить, а также и колоколъ; дай Богъ только, чтобы народъ устоялъ, вмѣстѣ съ своею преданностію къ вѣрѣ и славѣ предковъ.

Съ 11-го апрѣля получено княгиней Васильчиковой для пособія голодающимъ христіанамъ въ Босніи и Герцеговинѣ:

Изъ Москвы отъ неизвѣстныхъ — 27 р.; 22-го апрѣля изъ Москвы, чрезъ М. А. Муханову (вмѣстѣ съ утварью въ Іерусалимъ), для герцеговинцевъ—50 р.; 26-го апрѣля изъ Мстиславля (Могилевской губерніи) отъ архимандрита Іоанникія 200 р.

О пожертвованіяхъ на улучшеніе быта православныхъ поклонниковъ въ Палестинѣ. Съ 15-го апрѣля 1860 по 1-е января 1862 года поступили въ коммиссаріатскій департаментъ морскаго министерства отъ разныхъ лицъ пожертвованія на улучшеніе быта православныхъ поклонниковъ въ Палестинѣ, всего на сумму 9,416 руб. 65 коп.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу о семъ Его Императорскаго Высочества генералъ-адмирала, Высочайше повелѣть соизволилъ: «объявить жертвователямъ благодарность Его Величества».

Разныя пожертвованія на Аѳонъ, въ Іерусалимъ и другія мѣста.

Въ редакцію журнала «Странникъ», въ продолженіе сего мая и предъидущаго мѣсяца, поступили слѣдующія пожертвованія: изъ г. Вологды, отъ священника *Василія Муникова*, на Аѳонъ, въ монастырь св. Пантелеймона, 4 р., изъ нихъ 1 р. для поминовенія о здравіи: іерея Василія, Хіоніи и чадъ ихъ, и за упокой: подъяка Андрея и его сродниковъ, и 3 руб. за здравіе Николая, Евдокіи и чадъ ихъ, и Александра, Софіи и чадъ ихъ; за упокой Маріи, Димитрія, Агніи, Алексія, Маріи, Ѳеодора, Анны, Ѳеодора, Пелагіи, Марѳы, Николая, Василія, Параскевы, Іоанна, Олимпіады и сродниковъ ихъ; изъ г. Брянска, отъ *свящ. Павла Преображенскаго*, 12 р. 50 к., изъ нихъ на Аѳонъ, въ храмъ св. Пантелеймона, на поминовеніе о здравіи: Іоанна, Елены, млад. Акилины, Наталіи; за упокой: Стефана, Димитрія, Анастасіи, Даріи, Вассы, Татіаны, Іоанна, Іакова, Николая, младенцевъ: Константина, Олимпіады, Александра и Ольги 5 р. с.; въ Іерусалимъ на масло ко гробу Господню, на поминовеніе о здравіи и о упокоеніи выше поименованныхъ лицъ, 5 р. с., и на Аѳонъ, въ храмъ св. Пантелеймона, для поминовенія о здравіи: іерея Павла, болящаго Іоанна, Сергія, Михаила, за упокой діакона Іосифа, утопшаго Петра, Варвары, Даріи, Варвары, младенцевъ Михаила и Елисаветы, 2 р. 50 к. с.; изъ Каратузской станицы, отъ свящ. *Николая Коровина*, 26 руб., на Аѳонъ, въ монастырь св. Пантелеймона, на вѣчное поминовеніе рабовъ Божіихъ: іерея Ѳеодора, Владиміра, Іоанна и Евдокіи; изъ Себежскаго уѣзда, отъ вдовы свящ. села Курилова, *Парасковьи Страшковской*, 10 руб., изъ нихъ 2 руб. въ Іерусалимъ, на масло ко гробу Господню, и на поминовеніе отъ дня пасхи до дня пятидесятницы о упокоеніи душъ іереевъ: Евстафія, Іосифа, Григорія и чадъ ихъ, рабовъ Божіихъ Мелетія, Елены, Маріи и сродниковъ ихъ, 1 руб. на свѣчи и 7 руб. въ храмъ Хилендарской лавры

на св горѣ Аѳонской, для поминовенія въ этомъ храмѣ на проскомидіи, въ теченіи года, о упокоеніи душъ тѣхъ же іереевъ съ чадами ихъ и тѣхъ же рабовъ Божіихъ и сродниковъ ихъ; отъ безсрочно отпущеннаго рядоваго *Игнатія Николаева*, 2 руб., на вспомоществованіе православныхъ поклонниковъ въ Палестинѣ; изъ Вятской губ., Котельничскаго уѣзда, васильковскаго волостнаго правленія, отъ отставнаго рядоваго солдата *Матѳія Старикова*, 10 руб , въ Іерусалимъ ко гробу Господню, на поминовеніе о здравіи рабовъ Божіихъ: Матѳія, Анны и Гликеріи; изъ г. Каниска (чрезъ Григорія Сѣдякина), *отъ неизвѣстнаго*, 3 руб., на Аѳонъ, въ монастырь Руссикъ, для поминовенія усопшихъ рабовъ Божіихъ: Варѳоломея, Ирины, Зиновіи, Іоанна, Михаила, Петра, Іоакима, Василія, Татіаны, Ирины, Анны и сродниковъ ихъ; изъ г. Таганрога, отъ купеческой жены *Агавіи Вукашевичь*, 25 руб. сер., въ пять св. мѣстъ, за упокой рабовъ Божіихъ на литургіи у гроба Господня: Василисы и Емиліяна, 5 руб., на Аѳонъ въ храмъ пророка Иліи, 5 руб. въ алтайскую миссію, 5 руб., для возстановленія православныхъ церквей на Кавказѣ, 5 руб., въ пользу сирійскихъ христіанъ, пострадавшихъ отъ турокъ: 5 руб.; изъ Таганрога отъ *Николая Вукашевича*, 5 р. с., изъ нихъ 1 рубль ко гробу Господню, для поминовенія на литургіи благочестивѣйшаго Государя Императора Николая I-го; 1 рубль въ Іерусалимъ, ко гробу Господню, для поминовенія за упокой: Иліи, Елены, Николая, Іоанна, Петра, Елисаветы, 5 рубл., на Аѳонъ, въ храмъ св. Пантелеймона, и въ алтайскую миссію, 1 рубль, для поминовенія тѣхъ же, въ пользу православныхъ христіанъ, пострадавшихъ въ Сиріи, 1 р.; изъ г. Харькова, отъ *Александра Куликова* 50 к.; изъ г. Аткарска, *отъ неизвѣстнаго* 8 руб., на Аѳонъ, въ монастырь Руссцкъ, для поминовенія за упокой: Іоанна, Екатерины, Іоанна, Трифона, Варвары, Елисея, Евфросиніи, Ѳеклы, Матроны, Харитона, и о здравіи Георгія, Наталіи, Евдокіи: изъ Витебской губ., Велижскаго уѣзда, отъ крестьянъ *Василія Михайлова* и *Ивана Макарова*, 13 руб., въ Іерусалимъ на свѣчи ко гробу Господню и для поминовенія о здравіи рабовъ Божіихъ: Василія, Іоанна, Іосифа, Симеона, Наума, Захарія, Константина, Маріи, Варвары, Агаѳіи, Марѳы, Христины, Іоанна, Герасима, Никиты, Іереміи, Кондратія, Александра, Анастасіи, Даріи, Ксеніи, Стефаниды, Меланіи, Стефаниды, Александры, Елены, Маріи, Маріи, Праскевы, и сродниковъ ихъ; изъ г. Каниска, *отъ Григорія Сѣдякина*, 5 руб., на Аѳонъ, въ монастырь Св. Пантелеймона, для поминовенія, за упокой рабовъ Божіихъ: Іакова, Андрея, Іоанна, Стефана, Іоанна, Ипата, Алексія, Ѳеодоры, Елены, Параскевы, Анисіи, Евдокіи, Параскевы, Татіаны; изъ Симбирской губ., Ардатовскаго уѣзда, села Каласева, отъ удѣльнаго крестьянина *Андрея Аѳанасьева*, 7 руб., въ Іерусалимъ, въ храмъ гроба Господня, для поминовенія о здравіи рабовъ Божіихъ іерея Петра, Пелагіи, съ чадами, рабовъ Божіихъ Андрея, Аѳанасія и Татіаны съ чадами, за упокой діакона Стефана, чтеца Василія, Даріи, Маріи, младенца Петра, Максима, Анны, Агафіи, воина Іоанна, Ѳеодора, Матѳія, убіеннаго Матѳія, Евдокіи, Димитріи, Варвары, Евдокіи, Маріи, младенцевъ Захарія, и Ксеніи; изъ г. Тетюшъ, отъ *Г. Л.* 75 руб , изъ нихъ 50 руб., на возобновленіе базилики св. Николая чудотворца мѵръ-ликійскаго, и 25 руб., въ тюремный комитетъ, для выкупа содержащихся за долги; изъ Калужской губ., Тарусскаго уѣзда, *отъ неизвѣстнаго* 25 руб.; изъ нихъ 10 руб., въ Іерусалимъ, въ пользу гроба Господня и для поминовенія о здравіи іерея Михаила, Маріи и Василія; 5 руб. — на страннопріемную гостинницу, и 10 руб., въ пользу пра-

вославныхъ христіанъ, пострадавшихъ отъ турокъ въ Сиріи; изъ Вятской губ., Глазовскаго уѣзда, залазинскаго завода отъ крестьянина *Ѳеоктиста Путятина* 5 руб., въ Іерусалимъ, въ пользу гроба Господня и для годичнаго поминовенія о здравіи: Ѳеоктиста, Матроны, Прокопія, Параскевы, Марѳы, Анны, Іоанна, Маріи, Василія, Василія, Василія, Александры, Андрея, Антонины, Михаила, Евгенія и Павла, за упокой Василія, Анны, Деомида, Акилины, Антонія и чадъ, младенцевъ Михаила, Михаила, Никандра, Василія, Симеона и Деомида; изъ г. Воронежа, *отъ неизвѣстнаго* 32 руб. и 30 к., изъ нихъ 10 руб., въ Іерусалимъ, въ пользу гроба Господня, для поминовенія усопшихъ рабовъ Божіихъ Николая, Наталіи, Маргариты, и всѣхъ сродниковъ; 11 руб., въ пользу Алтайской духовной миссіи, для поминовенія усопшихъ рабовъ Божіихъ Димитрія, Николая, Наталіи, Александры, Маргариты, и всѣхъ сродниковъ ихъ; 11 руб. и 30 к. на Аѳонъ, въ монастырь Иверъ, Иверской Божіей Матери, на свѣчи и масло, для поминовенія душъ усопшихъ рабовъ Божіихъ Димитрія, Николая, Александры, Маргариты и всѣхъ усопшихъ сродниковъ ихъ; изъ Фридрихсгама, *отъ неизвѣстнаго* 1000 руб., изъ нихъ 400 руб., въ Іерусалимъ, ко гробу Господню, для поминовенія о здравіи Василія, Маріи, Михаила, Ольги, Иліи, Стефана, Василія, Екатерины, Константина, Евгеніи, Сергія, и сродниковъ ихъ; за упокой Іоанна, Іоанна, Василія, Николая, Петра, Георгія, Ѳеодора, Ѳеодора, Маріи, Ирины, Наталіи, Анны, Матроны, Екатерины, Евфиміи, Пелагіи, Маріи, Татіаны, Ѳеодора, Анны; 300 руб., на Аѳонъ въ монастырь св. Пантелеймона, что называется Русикъ, для поминовенія за упокой Гавріила, Василисы, Іакова, Екатерины, Григорія, Василія, Анны, Ѳеодора, Параскевы, Анны и сродниковъ ихъ; 300 руб. въ пользу христіанъ, бѣдствующихъ подъ властію турокъ, нуждающихся въ кровѣ; изъ г. Шуи Владимірской губ., *отъ неизвѣстнаго* 100 руб., изъ нихъ въ Іерусалимъ на масло и свѣчи ко гробу Господню, для поминовенія 35 руб., въ Геѳсиманію, ко гробу Божіей Матери, для той же цѣли, 15 руб., на Аѳонъ въ Иверскій монастырь Божіей Матери, для той же цѣли 10 руб., на Аѳонъ, въ монастырь св. Пантелеймона, для той же цѣли 6 руб., въ Пустынскій монастырь Могилевской епархіи для той же цѣли 5 руб. 25 к., въ помощь бѣдствующихъ христіанъ въ Европейской Турціи и Босніи 18 руб. и 75 к. въ помощь бѣдствующихъ христіанъ въ Азіатской Турціи 10 руб., для поминовенія о здравіи и прощеніи грѣховъ и спасеніи душъ рабовъ Божіихъ Іоанна, Варвары, Пелагіи, Александры, Екатерины, Емиліана, Христины, Вѣры, Александры, Владиміра, Николая, іерея Евстафія, Маріи, Софіи, Параскевы, Антонины, Александры, Николая и Михаила, о упокоеніи душъ рабовъ Божіихъ Михаила, Евфросиніи, Петра, Іоанна, Петра, Евстафія и всѣхъ сродниковъ ихъ; изъ Тобольской губ., Туринскаго уѣзда отъ свящ. *Симеона Терновскаго* 4 руб., на Аѳонъ, въ пользу бѣднѣйшаго монастыря, для поминовенія о здравіи рабовъ Божіихъ Василія, Никиты, Александра, Николая, Константина, Александры, Олимпіады, Елисаветы, за упокой іереевъ Александра, Александра, Іоанна, Василія, діакона Евгенія, подьяка Іоанна, рабовъ Іоанна, Іоанна, Алексія, Алексія, Димитрія, Тимоѳея, Василія, Елисаветы, Даріи, Анны, Евдокіи, Евдокіи, Зиновіи, Пелагіи; изъ Енисейской губерніи, Минусинскаго округа, села Аскыскаго, Петропавловской церкви, отъ священника *Петра Соколова*, 5 руб., въ Іерусалимъ во гробу Господню, для поминовенія о здравіи и спасеніи рабы Божіей Глафиры; изъ г. Рогачева, отъ священника Лучинской церкви о. *Н.*

Суходольскаго, 8 руб., на Аѳонъ въ храмъ св. Пантелеймона, на вѣчное поминовеніе іереевъ: Іоанна, Стефана, Михаила, Романа и Параскевы, Даріи, Анны и Елисаветы; изъ г. Воронежа, отъ *неизвѣстнаго*, 5 руб., въ Іерусалимъ, въ пользу гроба Господня, для поминовенія о здравіи Антонія, Надежды съ чадами, Евдокіи, Магдалины и Александры съ чадами ихъ, и Елисаветы; изъ Новгородской губ., Кирилловскаго уѣзда, отъ благочиннаго, Волокословинской церкви священника *Николая Дьякова*, пожертвованные отъ разныхъ лицъ 9 руб., изъ нихъ 4 руб. въ пользу храма Господня, въ Іерусалимъ, для поминовенія о здравіи іерея Платона, Марѳы, Даріи, Павла, Ксеніи, Павла; за упокой воина Андрея, Григорія, Платона, Іоанна, Павла, Михаила и Антонія убіенныхъ, Лупиа, Анны, Олимпіады, а остальные 5 руб., въ пользу братіи русскаго Пантелеймонова монастыря, для поминовенія за здравіе Анисіи, за упокой Аѳанасія, Іоанна, Капитолины, Вассы, Герасима, Петра, Григорія, Лукіи, Іуліаніи, Анастасіи и Маріамны; отъ благочиннаго, ревельскаго Преображенскаго собора протоіерея *Митрофана Брянцева*, 5 руб., въ пользу храма іерусалимскаго, для поминовенія, при гробѣ Господнемъ, усопшихъ рабовъ Божіихъ: архимандрита Кирилла, протоіерея Ѳеодора, діакона Іоанна, Агаѳіи, Татіаны, Николая, Константина и всѣхъ сродниковъ, и о здравіи протоіерея Митрофана, Анны, Іоанна, Николая, Іуліи и ихъ сродниковъ; отъ подполковника *Рева*, 5 руб., тоже для поминовенія, при гробѣ Господнемъ, о здравіи рабовъ Божіихъ: Андрея, Александры и дѣтей ихъ, младенцевъ: Елены, Надежды и Анны; изъ г. Ялуторовска, отъ священника с. Коркинскаго *о. Георгія Лебедева*, 10 руб., изъ нихъ 5 руб. въ Іерусалимъ ко гробу Господню, а остальные 6 руб. на Аѳонъ въ монастырь св. Пантелеймона, для поминовенія въ томъ и другомъ мѣстѣ о здравіи Георгія, Александра, Іоанна, Глафиры и сродниковъ ихъ; за упокой преосвященнѣйшаго митрополита Іоанна, архіепископа Аѳанасія, священноархимандрита Макарія, іеросхимонаховъ: Серафима, Мардарія, Арсенія, старца Даніила, іеромонаховъ: Серафима, Назарія, іереевъ: Сергія, Никиты, Петра, Ѳеодора, Михаила, Василія, діаконовъ: Владиміра, Іакова, чтеца Іоанна, рабовъ Божіихъ: Артемія, Петра, Даріи, Агриппины, Анны, Елисаветы, Александры, Евгеніи и сродниковъ ихъ; изъ г. Коломны, отъ *Ѳеодора Рашкова*, 15 руб., изъ нихъ 10 руб. на Аѳонъ, въ монастырь св. Пантелеймона, и 5 руб., въ Іерусалимъ ко гробу Господню, для поминовенія за упокой: Филиппа, Екатерины, Маріи, Василія, Ольги и Евдокіи, и о здравіи Ѳеодора; изъ Терской области, станицы Науръ, отъ *неизвѣстнаго*, 4 руб., въ Іерусалимъ, ко гробу Господню, для поминовенія за упокой Александра; изъ Москвы, отъ *І. П. К.*, 5 руб., изъ нихъ въ Іерусалимъ, на масло ко гробу Господню, 2 руб. и 3 руб. для поминовенія о здравіи: іерея Павла, Анны, чадъ ихъ: Александра, Григорія, Екатерины, Сергія, Маріи, діакона Іоанна, Маріи, за упокой іеромонаха Гавріила, Пелагіи и сродниковъ ихъ; астраханской Знаменской церкви отъ протоіерея *Константина Петрова*, 25 руб., изъ нихъ 10 руб. въ Іерусалимъ, ко гробу Господню, на вѣчное поминовеніе Сергія и Іуліаніи, 10 руб. на Аѳонъ, въ бѣднѣйшій монастырь, и 5 руб. на вспомоществованіе сирійскимъ христіанамъ; чрезъ него же, отъ дѣвицы *Надежды*, въ Іерусалимъ, ко гробу Господню, 1 руб.; Казанской губ., Свіяжскаго уѣзда, изъ села Вязовыхъ, отъ діакона *Іоанна Стефанова*, 200 руб., изъ нихъ 60 руб. въ Іерусалимъ, ко гробу Господню, и 60 руб. въ Геѳсиманію, и 60 же руб. въ Виѳлеемъ, въ мѣсто рожденія Господа нашего Іисуса Христа, и остальные за тѣмъ 20 руб.

на свѣчи и масло въ вышеозначенныя мѣста, для поминовенія о здравіи всѣхъ православныхъ христіанъ и за упокой; изъ Кичуя, Уфимской епархіи, чрезъ священника Ѳеодора Альбинскаго, отъ *неизвѣстнаго*, 10 руб., въ пользу христіанъ, пострадавшихъ въ Сиріи отъ изувѣрства мусульманъ; изъ Владимірской губерніи, Шуйскаго уѣзда, погоста Ильинскаго-Телешева, отъ священника *Николая Соловьева*, 7 руб., пожертвованные его прихожанами въ пользу страждущихъ христіанъ въ Сиріи; изъ г. Витебска, чрезъ купца Чирьева, отъ *неизвѣстнаго*, 5 руб., въ Іерусалимъ, на масло ко гробу Господню, для поминовенія о здравіи: Іоанна, Александры, Гликеріи, Елисаветы, Надежды, Петра, Людмилы, Владиміра, Сергія, Елисаветы, Ольги, Іоанна и ихъ сродниковъ; изъ г. Бендеръ, Бессарабской области, отъ дьячка Преображенскаго собора *Матвѣя Бобченко*, 7 руб., изъ нихъ 5 руб. въ пользу одного изъ бѣднѣйшихъ монастырей на Аѳонѣ и для поминовенія о здравіи: Матѳея, Софіи, Петра съ чадами, и за упокой іерея Михаила, Ѳіоніи, Моисея и Ѳерапонта, 2 руб., въ Іерусалимъ, на масло ко гробу Господню; изъ г. Усть-Сысольска отъ *неизвѣстнаго*, 5 руб., на Аѳонъ, въ пользу монастыря св. Пантелеймона, для поминовенія Тимоѳея, Анастасіи и Симеона; изъ г. Аткарска, *отъ неизвѣстнаго*, 10 руб., на Аѳонъ, въ пользу одного изъ бѣднѣйшихъ монастырей; отъ *неизвѣстнаго*, 1 руб. 50 коп., Архангельской губ., Онежскаго уѣзда, въ обитель Кожеозерскую, на нужды монастыря; изъ м. Новая Прага, отъ *Ефросиніи Угричь-Требинской*, 25 руб., въ Іерусалимъ, въ пользу храма Воскресенія Христова, на вѣчное поминовеніе за упокой рабовъ Божіихъ: Павла, Сергія, Алексія, Анны, Елисаветы, отрока Алексія, Устиніи, Татіаны, Николая, Елисаветы, Александра; изъ г. Мстиславля, отъ священника *Григорія Солнцева*, 1 руб., въ Іерусалимъ, въ храмъ Воскресенія Христова, у живоноснаго гроба Господня, и 1 руб., на Аѳонъ, въ Дохіарскій монастырь, для чудотворной иконы Божіей Матери, называемой Скоропослушницы; изъ г. Бѣлева, отъ штабсъ-капитана *Николая Шрейтерфельдта*, 3 руб., изъ нихъ въ Іерусалимъ 2 руб., для поминовенія при гробѣ Господнемъ о здравіи: Анны, Николая и Михаила, за упокой Константина и Николая, 1 руб., въ пользу страждущихъ православныхъ христіанъ въ Сиріи; изъ г. Таганрога, отъ купца *Павла Чехова*, 3 руб., въ Іерусалимъ, въ храмъ Воскресенія Христова, для поминовенія при гробѣ Господнемъ о здравіи рабовъ Божіихъ: Іоанна и Евдокіи; отъ помѣщицы Нѣжинскаго уѣзда, Черниговской губ., *Маріи Репешко*, 15 руб., въ Іерусалимъ, на масло ко гробу Господню, 5 руб., въ Іерусалимъ, въ пользу храма Господня и для поминовенія о здравіи: Ѳеодора, Маріи, Стефана, Вѣры и сродниковъ ихъ, 5 руб., въ пользу христіанъ, бѣдствующихъ подъ властію турокъ, и нуждающихся въ хлѣбѣ; изъ Нерчинскаго завода, Забайкалской области, отъ протоіерея *Симеона Боголюбскаго*, 3 руб., въ Іерусалимъ, ко гробу Господню, для поминовенія о здравіи: Николая, Александра, Анны и Евдокіи, и за упокой: іерея Павла, раба Божія Алексія, младенцевъ: Маріи, Маріи, Маріи, Анастасіи и Августины.

Объ отправленіи куда слѣдуетъ, всѣхъ сихъ пожертвованій, на сумму 1764 р. и 80 к. согласно съ назначеніемъ жертвователей, со стороны редакціи «Странника» сдѣлано надлежащее распоряженіе.

ВЫШЕЛЪ ТРЕТІЙ ВЫПУСКЪ ИЗДАНІЯ:

ПОРТРЕТЫ ДУХОВНЫХЪ ЛИЦЪ.

СОСТАВЪ ЕГО:

Алексій, епископъ Таврическій и Симферопольскій.

Антоній, архіепископъ Волынскій и Житомирскій.

Антоній, епископъ Смоленскій и Дорогобужскій.

Антоній, Святотроицкія Сергіевы лавры намѣстникъ, архимандритъ.

Аѳанасій, архіепископъ Астраханскій и Енотаевскій.

Васильевъ, Іосифъ Васильевичъ, протоіерей Посольской церкви въ Парижѣ.

Евсевій, архіепископъ Могилевскій и Мстиславскій.

Иринархъ, архіепископъ Подольскій и Брацлавскій.

Іосифъ, архіепископъ Воронежскій и Задонскій.

Леонидъ, епископъ Дмитровскій.

Леонтій, епископъ Ревельскій.

Никандръ, епископъ Тульскій и Бѣлевскій.

Нарѳеній, епископъ Иркутскій и Нерчинскій.

Сергіевскій, Николай Александровичъ, профессоръ богословія въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ, священникъ.

Христофоръ, епископъ Вологодскій и Устюжскій.

Ѳеодоръ, архимандритъ.

Портреты рисованы съ фотографій и печатаны на китайской бумагѣ пепельнаго цвѣта.

Цѣна за третій выпускъ 4 р. 50 к., съ пересылкою (на палкѣ въ клеенкѣ) 5 руб.

Продается въ книжныхъ магазинахъ: въ С. Петербургѣ **Н. Г. Овсянникова**, въ Гостинномъ дворѣ, въ Москвѣ **А. И. Осрапонтова**, на Никольской улицѣ. Гг. иногородные адресуются прямо **въ Контору портретовъ духовныхъ лицъ, въ С. Петербургѣ.**

Тамъ же продается первый и второй выпуски портретовъ духовныхъ лицъ; цѣна первому выпуску, состоящему изъ 15 портретовъ и приложенія, 5 р., съ пересылкою (на палкѣ въ клеенкѣ) 6 р.; цѣна второму выпуску, состоящему изъ 11

портретовъ, 3 р. 50 к., съ пересылкою (на палкѣ въ клеенкѣ) 4 руб.

Порознь портреты продаются по 50 к. каждый; выписывающіе же по своему выбору изъ всѣхъ трехъ выпусковъ не менѣе 10 портретовъ заразъ, платятъ по 40 к., не менѣе 50 портретовъ по 35 к., не менѣе 100 портретовъ по 30 к.; на пересылку прилагается по 50 к. на каждые десять портретовъ.

За отсутствіемъ издателя изъ Петербурга въ продолженіи пяти мѣсяцевъ, работы по изданію были пріостановлены на это время и поступившія на портреты требованія не могли быть удовлетворены до настоящаго времени.

Предостереженіе: Въ продажѣ появились, сдѣланные въ Москвѣ лубочные снимки съ настоящихъ портретовъ.

V.

ВЗГЛЯДЪ НА СОВРЕМЕННЫЙ МАТЕРІАЛИЗМЪ

СЪ НРАВСТВЕННОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

Матеріализмомъ называется такое философское ученіе, которое матерію или бытіе, познаваемое внѣшними чувствами, хочетъ сдѣлать основаніемъ жизни, и потому всѣ психическія явленія выводитъ изъ началъ матеріальныхъ. Появленіе этого ученія всегда сопровождалось либо деморализаціею большинства въ томъ обществѣ, въ которомъ оно появлялось, либо по крайней мѣрѣ грубою чувственною жизнію того лица, которое высказывало его. Главное же—матеріализмъ непремѣнно бывалъ вѣрнымъ показателемъ упадка религіознаго чувства въ той сферѣ, гдѣ онъ распространялся.

Основателемъ матеріализма былъ *Левкиппъ*, греческій философъ, жившій около 510 г. до Р. Хр. Онъ училъ о бытіи двухъ началъ, именно о *полнотѣ* и *пустотѣ*. *Полнота* и *пустота*, по его ученію, суть недѣлимыя и неизмѣнныя тѣла, основное свойство которыхъ фигура и которыя въ своемъ многоразличіи объясняютъ многоразличіе образовавшихся чрезъ нихъ явленій и тѣлъ. Систему этихъ основныхъ тѣлъ развилъ потомъ философъ *Демокритъ*, родившійся 470 г. до Р. Х. Онъ полагалъ послѣднимъ элементарнымъ основаніемъ природы множественность тѣлесныхъ первоначальныхъ частицъ, атомовъ, которые наполняютъ пространство и по закону сходства или несходства притягиваются или отталкиваются. Духовную жизнь выясняетъ онъ изъ выдыханія и вдыханія совершенно тонкихъ атомовъ; представленія чувственнаго міра, по его ученію, суть впечатлѣнія и образы атомовъ, входящихъ въ органы. Боги суть только совокупности атомовъ. Основной принципъ нравственности — спокойная, пріятная жизнь, которая составляетъ высшее благо [1]. Еще дальше развилъ это ученіе *Эпикуръ*

[1] Diog. Laërt. IX. 31. 41—43. Plut. de plac. phil. 1. 26, II. I. Cicer. Acad. Quaest. IV, 37.

(340—270 г. до Р. Хр.). Міръ, по его ученію, сложился самъ собою, безъ вмѣшательства боговъ или другихъ высшихъ существъ, по внутренней необходимости. Онъ принимаетъ вѣчность матеріи, т. е. атомовъ, изъ которыхъ состоятъ всѣ тѣла. Атомы эти отъ вѣчности носились въ пространствѣ, потомъ, сталкиваясь между собою, приходили въ движеніе, образовали тѣла. Атомы вѣчны, соединенія ихъ временны. На постоянномъ переходѣ ихъ изъ одной формы въ другую основаны всѣ круговращенія матеріи, всѣ явленія жизни и смерти. Отсюда все въ мірѣ безцѣльно, необходимо, основано на естественной связи причины и слѣдствія. Душа человѣка, по Эпикуру, состоитъ изъ тончайшихъ, невѣсомыхъ атомовъ; при разрушеніи тѣла, атомы души мгновенно разлетаются и такимъ образомъ прекращается сознаніе. Единственнымъ источникомъ знанія человѣка служатъ внѣшнія чувства. Развивается человѣкъ вслѣдствіе естественной связи причинъ и слѣдствій. Религію Эпикуръ совершенно отрицаетъ и видитъ въ ней одно суевѣріе и невѣжество. Боги—это созданія фантазіи, и потому они не имѣютъ никакого вліянія на міръ и судьбу людей. Цѣль и законъ жизни и высшее благо ея—наслажденіе [1]. Нелѣпость этого ученія сознавали самые язычники и сильно опровергали его, большею частію на основаніяхъ философскихъ. Оно никогда и нигдѣ не получало популярности, пока люди дорожили разумною своею природою, всматривались, по возможности, въ ея требованія и не прилагались къ скотамъ безсмысленнымъ. Оно преслѣдуемо было даже правительствами свободныхъ эллинскихъ республикъ: не говоримъ уже о Протагорѣ, который за сомнѣніе касательно бытія боговъ изгнанъ былъ изъ Аѳинъ,—извѣстно, что и Эпикуръ долженъ былъ оправдываться предъ судомъ аѳинскимъ и скрывать безобразіе своей философіи подъ маскою лицемѣрія.

Въ позднѣйшей древности, равно какъ и въ средніе вѣка мы не находимъ этого чистаго матеріализма. Уже въ XVII вѣкѣ, т. е. въ періодъ религіозныхъ нравственныхъ и политическихъ смутъ въ Англіи, первый сталъ развивать его *Гоббсъ*. Въ своемъ сочиненіи «De cive» онъ побужденіемъ къ основанію государства признаетъ взаимный страхъ людей и необходимость. Человѣкъ, по его ученію, есть только чувственно чувствующее существо, котораго права, влеченія и силы—понятія тождественныя. Въ

[1] См. Лукреція de rerum natur. главы I, II, III, IV, V.

естественномъ своемъ состояніи онъ стремится лишь къ удовлетворенію индивидуальныхъ потребностей, вслѣдствіе чего справедливыя требованія всѣхъ производятъ наконецъ борьбу всѣхъ противъ всѣхъ (bellum omnium contra omnes—homo homini lupus). Обязательство въ отношеніи къ высшей власти, которая возникла отъ стремленія къ монократіи посредствомъ перенесенія индивидуальныхъ правъ на собраніе, сохраняется дотолѣ, пока продолжается право гражданской защиты. Сама религія есть только произведеніе страха и дѣйствительное орудіе гражданскаго порядка въ рукахъ правителя. Личная польза есть моментъ возникновенія всѣхъ соціальныхъ союзовъ; страсть и желаніе образуютъ право индивидуума, сила — мѣру осуществленія этого права. Весь міръ, такимъ образомъ, есть только организмъ силы, въ которомъ нѣтъ ни порока, ни добродѣтели, ни правды, ни неправды, и только побѣда сильнѣйшаго надъ слабѣйшимъ можетъ составлять высшее благо жизни [1]. Кто знакомъ съ исторіею Англіи Гоббсова времени, тотъ нисколько не удивится чудовищности такихъ понятій новаго Эпикура. Онъ философствовалъ въ году революціонныхъ движеній, когда попираемо было все святое и достоуважаемое, когда въ государствѣ боролись между собою три Церкви и ни одна изъ нихъ не водилась духомъ Христовымъ, и когда поэтому нравственная жизнь, потерявъ религіозное свое основаніе, увлекалась бурнымъ потокомъ ничѣмъ необуздываемыхъ страстей.

Положенія Гоббса особенно широкое распространеніе нашли во Франціи, гдѣ ихъ слѣдствія были доведены до крайности. Особенно въ этомъ направленіи трудились *Гельвецій* и *Ламеттри*. Въ своемъ сочиненіи «de l'esprit», Гельвецій всю дѣятельность духа выясняетъ изъ способности чувственнаго воспріятія и утверждаетъ, что мотивъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій составляетъ потребность личнаго довольства, добродѣтель же состоитъ только въ томъ, чтобы личное довольство, собственный личный интересъ подчинять общественнымъ цѣлямъ, какъ-то цѣлямъ семейства, общества и государства. Ламеттри, въ своихъ сочиненіяхъ [2], развиваетъ матеріализмъ и атеизмъ еще далѣе и совершенно открыто проповѣдуетъ безнравственность.

---

[1] De cive L. I. c. 2. §§ 2—9. c. 3. § I. c. 5. §§ 3—9.

[2] Art de jouir ou l' école de la volupté, и Anti-Seneque ou discours sur le bonheur.

Все положительное въ религіи, нравственности, политикѣ и прочее, такимъ образомъ, должно погибнуть, и мы видимъ, что практическое приложеніе этого ученія во французской революціи дѣйствительно привело къ страшной нескладицѣ. По низложеніи всѣхъ формъ правленія, аристократической монархіи, конституціонной монархіи, демократической республики, директоріальнаго правленія, консульства, императорства, матеріализмъ умолкъ на нѣкоторое время, пока снова не поднялся, какъ гидра, въ соціальныхъ теоріяхъ. Въ послѣднія четыре десятилѣтія органомъ матеріализма во Франціи явилась особенно романтическая литература: она отвергла всѣ религіозныя и нравственныя начала, чтобы чрезъ поэтическую испорченность разрушить первыя и необходимыя основанія общества.

Въ Германіи матеріализмъ сначала вошелъ въ естественныя науки, но въ настоящее время обнаруживаетъ вліяніе и на жизнь нравственную. *Людвигъ Фейербахъ*, котораго современные германскіе матеріалисты обыкновенно называютъ своимъ отцомъ, превратилъ психологію въ антропологію, философію религіи въ психологію, абсолютный духъ въ конечный, субъективный. Ученіе его не имѣетъ системы: это только страстное стремленіе бороться съ идеализмомъ и естественно успокоивающееся на совершенномъ матеріализмѣ. *Карлъ Фохтъ* въ своихъ сочиненіяхъ по части естественныхъ наукъ идетъ по тому же поприщу еще открытѣе и съ своими матеріалистическими взглядами соединяетъ легкомысліе и тривіальность. Въ настоящее время распространеніемъ и развитіемъ матеріализма въ Германіи занимаются *Молешотъ* и *Луи Бюхнеръ*.

Вотъ сущность ихъ ученія:

«Мысль является какъ движеніе матеріи функціи мозга», говоритъ Молешотъ, «который безъ фосфора не можетъ мыслить и отличается отъ близко подходящаго къ нему мозга обезьяны бо́льшими складками лба и бо́льшимъ количествомъ жира.» Нечего и говорить, что это положеніе высказывается голословно, безъ всякаго доказательства.

«Самосознаніе есть не что иное, какъ способность сознавать отношенія вещей къ намъ.» Но сознаніе себя — своего я—къ какимъ вещамъ поставляетъ оно насъ въ отношеніе?

«Движеніе есть слѣдствіе внѣшняго толчка, а не такъ называемой свободной воли, которая сама только выражаетъ состояніе мозга, условленнаго внѣшними воздѣйствіями.» Бѣдный Молешотъ! Онъ не можетъ и пошевелить пальцемъ, если что

нибудь внѣшнее не прикажетъ ему тронуть его. Это значитъ не только отказываться отъ своей воли, но и становить себя ниже скота.

«Все, что̀ приписываютъ случаю, свободной волѣ, страстямъ человѣка или степени разумѣнія, связано съ твердымъ, неизмѣннымъ закономъ, какъ явленіе матеріальнаго міра.» Видно, Молешотъ или никогда не ошибался, или никогда не сознавалъ своихъ ошибокъ. Если же онъ ошибался и сознавался въ этомъ, то сознаніе ошибки, по теоріи матеріализма, было нелогично; потому что̀ онъ дѣлалъ такъ, а не иначе, по неизмѣннымъ законамъ.

«Человѣческій родъ, какъ естественная необходимость, живетъ такъ, что отвергаетъ будто злое все то, что̀ противорѣчитъ требованіямъ рода.» Что̀ жь? Такъ и должно быть. Нелѣпыя положенія матеріализма противорѣчатъ требованіямъ разумной природы человѣчества; человѣчество и отвергаетъ его, какъ зло.

Луи Бюхнеръ говоритъ:

«Сущность матеріализма состоитъ въ отрицаніи сверхъестественнаго въ области человѣческаго знанія и мышленія.»

«Духъ мертвъ, но матерія оживляетъ его. Высшій, сверхъчувственный, духовный, или моральный міръ большею частію есть изобрѣтеніе философскихъ и богословскихъ мудрованій, по крайней мѣрѣ на сколько его область изслѣдуется внѣ природы.» Почему Бюхнеръ не подумалъ о томъ, что̀ заставляло и заставляетъ философовъ и богослововъ стремиться къ такимъ изобрѣтеніямъ? и какъ могли они навязать всѣмъ народамъ и племенамъ свои изобрѣтенія, какъ истинныя, если въ людяхъ нѣтъ почвы, въ которой они укоренились бы и перешли въ непоколебимыя убѣжденія? Въ животныхъ безсловесныхъ—та же матерія, а подобныхъ изобрѣтеній не дѣлаетъ.

«Атомъ, или малѣйшая простая основная часть матеріи, есть Богъ, которому обязано своимъ происхожденіемъ все бытіе, какъ низшее, такъ и самое высшее. Существуя отъ вѣчности и не уничтожаясь въ вѣчности, этотъ атомъ беретъ участіе въ вѣчномъ, неутомимомъ бытіи сегодня въ томъ, завтра въ другомъ образованіи и самъ въ такой перемѣнѣ явленій всегда пребываетъ однимъ и тѣмъ же неизмѣнно.» Этимъ положеніемъ возбуждается больше чувство сожалѣнія къ Бюхнеру, какъ человѣку, потерявшему смыслъ, чѣмъ желаніе опровергать его. Мы замѣтимъ только, что онъ здѣсь противорѣчитъ самъ

[1] Kreislauf des Lebens. [2] Ausg. S. 392. 424. 431 441. 44 5. 449.

себѣ: сказавъ, что «сущность матеріализма состоитъ въ отрицаніи сверхъестественнаго въ области человѣческаго мышленія, онъ мыслитъ, однакожь, какой-то такой атомъ, называемый у него Богомъ, который никакъ не постигается чувствами, но и не можетъ быть указанъ или открытъ въ природѣ, до какой бы степени ни утончаема была матерія. Зачѣмъ же, отрицая сверхъестественное, предполагать какой-то сверхъестественный атомъ?

«Точнѣйшія изслѣдованія и опыты естественныхъ наукъ не оставляютъ никакого сомнѣнія о такъ называемомъ безсмертіи матеріи въ ея элементахъ, или въ первоначальныхъ частицахъ.» Что матеріалисты почитаютъ матерію безсмертною, это не удивительно; потому что они не знаютъ, что́ такое матерія. Вещи образуются, разрушаются и, принимая качество по матеріи, называются матеріальными; но какими качествами опредѣляется матерія? Что̀ такое она сама по себѣ? Скажемъ болѣе: что́ такое она независимо отъ условій планетнаго ея развитія? Такіе вопросы матеріалистамъ и въ голову не приходятъ.

«Первоначальная матерія въ атомахъ, или малѣйшихъ частицахъ, безсмертна и неизмѣнна и составляетъ вѣчный несокрушимый столпъ всего извѣстнаго намъ бытія.»

«Міръ управляется по извѣстнымъ намъ естественнымъ законамъ, которые вѣчны, неизмѣнны и всеобщи. Никакой воздухъ не движется, никакой листъ не падаетъ на землю, никакая звѣзда не освѣщаетъ ночи, не выражая той строгой необходимости, которая происходитъ вслѣдствіе совокупной игры вѣчныхъ и неизмѣнныхъ законовъ природы.» Если бы Бюхнеръ могъ или хотѣлъ быть послѣдовательнымъ, то долженъ бы былъ разсмотрѣть: что это за законы необходимости? кто ихъ предначерталъ? природа ли какая-то, о которой онъ теперь говоритъ, или какой-то атомъ-Богъ, о которомъ говорилъ прежде? А безъ этого — слова: законы, природа, атомъ, суть только слова, незаключающія въ себѣ никакого смысла и противорѣчащія опыту самого Бюхнера, который изложилъ свою матеріалистическую теорію, побуждаясь не закономъ необходимости (потому что могъ и не излагать ее), а своею свободною волею.

«Природа не слѣдуетъ никакой цѣли, но въ исполненіи предписаннаго ей формализма слѣдуетъ въ ней самой лежащимъ механическимъ, физическимъ и химическимъ законамъ, не за-

ботясь о томъ, достигнетъ ли она на этомъ пути цѣлесообразныхъ или нецѣлесообразныхъ результатовъ.»

«Такъ называемая телеологическая точка зрѣнія ложна, неестественна и должна быть изгнана изъ изслѣдованій». Явно, что, отвергая цѣлесообразность развитія явленій въ природѣ, матеріалисты противорѣчатъ наблюденіямъ тѣхъ самыхъ естественныхъ наукъ, въ которыхъ они ищутъ своей опоры. Ни химія, ни физика, ни ботаника, ни зоологія, ни физіологія не могутъ сдѣлать того, чтобы не замѣтить цѣлесообразнаго отношенія вещей. Но всего жалче грубое упорство матеріалистовъ въ сферѣ собственнаго ихъ сознанія. Какъ же они, существа свободныя, имѣя возможность дѣлать что нибудь и не дѣлать, стремиться къ чему нибудь и не стремиться, избирать что нибудь и не избирать, и сознавая, что всякое ихъ избраніе совершается по соображеніямъ какой нибудь пользы себѣ или другимъ,—какъ же они отрицаютъ цѣлесообразность своихъ дѣйствій? Неужели матеріалистъ не сознаетъ цѣли, когда шьетъ себѣ платье, пишетъ трактатъ, читаетъ книгу, идетъ къ своему другу, отдаетъ приказанія слугѣ, и проч.? Вѣдь все это опыты, и всѣми этими опытами явно опровергается положеніе матеріалистовъ о безцѣльности человѣческихъ дѣйствій.

Надобно замѣтить, что всѣ эти и другія сродныя съ ними положенія какъ древняго, такъ и новаго матеріализма ничѣмъ не доказываются и выводятся изъ такого начала, которое есть чистое предположеніе,—даже менѣе, чѣмъ предположеніе: какая-то слѣпая необходимость, унижающая достоинство и значеніе той самой силы человѣка, которая полагаетъ ее. И, однакожь, къ удивленію, люди иногда увлекаются такимъ безумнымъ ученіемъ, какъ очарованные, или какъ жалкія жертвы помѣшательства.

«Наше время», говоритъ Монталамберъ, «кажется, болѣе и болѣе склоняется къ этимъ матеріалистическимъ взглядамъ; въ нашемъ образованномъ мірѣ подъ именемъ эмпиризма, кажется, разверзаетъ свою пасть какое-то чудовище отрицанія и учитъ преходящее поколѣніе отказаться отъ нравственности и разума, отъ совѣсти, и вѣры» [1]; «а подъ именемъ реализма, это убивающее вліяніе разъѣдаетъ широко литературу, искусство и философію». Къ несчастію, и въ русской журнали-

[1] Kraft und Sfoff, 4 Ausg. § 35.—Natur und Geist, 1857. S. 6. 7. 81. 92. 99. 100. 181. 263. 271.

стикѣ съ нѣкоторыхъ поръ стали являться матеріалистическія тенденціи.

Мы уважаемъ труды людей, изслѣдывающихъ законы міра матеріальнаго: они принесли уже много пользы наукамъ естественнымъ. Но, какъ скоро эти изслѣдованія выходятъ изъ своей области въ область имъ чуждую и недоступную, сила ихъ исчезаетъ и даетъ въ результатѣ однѣ пустыя химеры. Въ естественныхъ наукахъ, на сколько вещи матеріальны, основанія ихъ могутъ еще держаться, по крайней мѣрѣ отрицательно, или какъ чистыя недоступныя опыту предположенія; но когда естествоиспытатели хотятъ ввести и ихъ въ рядъ истинъ системы матеріалистической, они убѣгаютъ отъ этой чуждой себѣ среды и даютъ понять, что имъ нужны другія условія бытія, что ихъ развитіе совершается по законамъ міра нравственнаго, по отношенію къ которому всякая матеріальная являемость есть только выраженіе того, что̀ лежитъ въ основаніи явленій.

Шопенгауэръ, говоря о матеріализмѣ, называетъ его ученіемъ пошлымъ, въ которомъ столь же отвратительно нравственное скотство послѣднихъ результатовъ, какъ и невѣроятное безразсудство первыхъ принциповъ, потому что органическая природа низводится ими до случайной игры химическихъ силъ.

Отъ физіологіи больше ничего нельзя требовать, какъ познанія матеріальныхъ процессовъ, которыми посредствуется мышленіе; происхожденіе же мышленія изъ матеріи не доказано. Предметъ физиковъ—матерія; съ идеею имъ дѣлать нечего. Прежняя такъ называемая натуральная философія еще мало погрѣшала, изъ идей приходя къ матеріи; но обратный ходъ уже крайне нелѣпъ. Если духъ не можетъ обнаружиться безъ матеріи, то матерія безъ духа вовсе не мыслима.

Какъ растеніе переработываетъ въ себѣ неорганическую природу, а животное растительную, такъ человѣкъ переработываетъ животность. Но если растеніе организуетъ стихіи неорудныя силою растительности, а животное развиваетъ въ организмѣ растительность силою животности, то человѣкъ, какъ существо свободно разумное, возвышаетъ и облагорживаетъ свою животность силою разумнаго и свободнаго духа.

Пусть дѣйствующій въ немъ агентъ имѣетъ матеріальную силу воды, или воздуха, пусть въ рядъ его агентовъ входитъ дѣятельность свѣта, тепла, звука; но коренной элементъ въ

немъ имѣетъ такое господство надъ всѣми орудными, что послѣдніе организуются не иначе, какъ по плану и для цѣлей перваго. Духовное, разумно свободное начало въ человѣкѣ есть начало опредѣляющее, образовательное, а не продуктъ матеріи, какъ говорятъ матеріалисты, превращающіе дѣйствіе въ дѣятеля, а дѣятеля въ дѣйствіе.

Мысль своимъ происхожденіемъ и образованіемъ обязана не мозгу: она пользуется мозгомъ только какъ органомъ своей дѣятельности; духъ не можетъ вступать въ міръ явленій, въ условія планетной жизни помимо агентовъ той планеты, на которой онъ долженъ развиваться,—и почему не допустить, что централизація этихъ агентовъ есть мозгъ? Арнольдъ Руге говоритъ: «мышленіе само по себѣ безтѣлесно: оно есть такая дѣятельность, которая издается мозгомъ, какъ звукъ струной, какъ слово ртомъ; оно есть свободное движеніе въ своемъ элементѣ, въ самосознанномъ общемъ. Можно ли языкъ и понятія, имъ выражаемыя, назвать отдѣленіемъ мозга, какъ желчь отдѣленіемъ печени? Отъ чувственнаго воззрѣнія ко всеобщему понятію—страшный скачокъ. Это скачокъ отъ явленія къ бытію, изъ міра осязательнаго въ міръ мысли, изъ царства необходимости въ царство свободной воли. Почему такого скачка не дѣлаетъ животное, а только человѣкъ? Господа естествоиспытатели, воображая, что отрицательная свобода философскаго созерцанія есть уже полная, дѣйствительная свобода, поступаютъ очень легко.» Человѣкъ есть звено, связывающее видимый міръ съ духовнымъ: въ этомъ звенѣ оканчивается процессъ организаціи и начинается процессъ свободныхъ дѣйствій. Человѣкъ есть существо, дѣйствующее съ сознаніемъ, и его дѣятельность заключается въ представленіи и стремленіи, въ мышленіи и волѣ.

Животное заключено въ строго очерченномъ для него кругѣ представленій; человѣкъ же чрезъ размышленіе и вниманіе можетъ произвольно расширять первоначальныя свои представленія и, измѣняя соединенныя съ нимъ и зависящія отъ него чувства и стремленія, возвышаться надъ ними. Жизнь человѣка поэтому стоитъ на чертѣ естественнаго круга его влеченій и потребностей, и этотъ кругъ съ одной стороны движется размышленіемъ, а съ другой измѣняется чрезъ внѣшнія впечатлѣнія. Дѣятельностію разума человѣкъ противостоитъ естественнымъ своимъ склонностямъ; воля его теперь уже не слѣпотствуетъ, но становится на столько свободною,

на сколько изъ понятій получаетъ побужденія опредѣляться къ дѣятельности. Такимъ образомъ, человѣкъ долженъ быть понимаемъ какъ духъ, какъ мыслительная дѣятельность или разумъ съ естественными потребностями, опредѣляемыми планетною его жизнію,—другими словами: человѣкъ есть лицо. Въ личности высказывается *я*, выражающееся *самосознаніемъ*, *самочувствіемъ* и *самоопредѣленіемъ* воли. Конечное не можетъ быть основаніемъ для выясненія духа; въ конечномъ духѣ должно быть безконечное. Божественное есть принципъ, первоначально *возбуждающій*, *опредѣляющій* къ духовнымъ успѣхамъ и *вызывающій* всестороннее развитіе. Божественно безконечное въ человѣкѣ есть вѣчное, пребывающее, которое не можетъ быть обнято никакимъ временемъ, но само дѣйствуетъ въ индивидуальной жизни человѣка; оно есть основаніе и возможность всякаго совершенствованія, оно есть живая сила, которою держится все конечное, оно есть внутренняя связь, чрезъ которую всякая человѣческая жизненная связь получаетъ прочность.

Такъ какъ назначеніе всякаго существа есть его совершенство, то и назначеніе человѣка состоитъ въ нравственномъ совершенствованіи свободной личности, въ движеніи къ полнотѣ человѣческаго существа, въ жизни по Богу, въ развитіи божественной стихіи, лежащей сѣменемъ разумности во всемъ человѣчествѣ. Такимъ образомъ, человѣкъ находится во внутреннемъ, живомъ союзѣ со всѣмъ истиннымъ, добрымъ и прекраснымъ, на сколько оно отпечатлѣно Творцомъ въ разныхъ областяхъ бытія.

Если же человѣкъ по своей личности находится въ живомъ отношеніи къ Богу, какъ безконечному существу, то мы религію почитаемъ живою связью между Богомъ и человѣкомъ, который усвояетъ себѣ *истину*, *науку*, *искусство*, *воспитаніе* и *образованіе*, какъ второстепенныя цѣли жизни. Эти цѣли на столько служатъ содержаніемъ человѣческаго назначенія и должны осуществляться человѣческою волею, на сколько онѣ входятъ въ общее попеченіе добра.

Осуществленіе *добра* совершается постепеннымъ достиженіемъ цѣли человѣческаго назначенія; а формы или законы осуществленія его словомъ и дѣломъ, или внутреннею и внѣшнею жизнію называются нравственностію.

Изъ силъ и побужденій, стремящихся осуществлять добро въ жизни, на первомъ планѣ является *воля* и разсматривается какъ способность практическая. Чрезъ волю, какъ силу перво-

начальную и основную, духъ опредѣляетъ къ дѣятельности всѣ прочія способности. Но направленіе воли можетъ быть очень различно, откуда происходитъ возможность нравственной и безнравственной, доброй и злой воли. Воля человѣка есть внутренняя его собственность; ею человѣкъ поставляетъ себѣ цѣль и достигаетъ ея, т. е. опредѣляетъ себя къ тѣмъ поступкамъ, которые признаются необходимыми для достиженія поставленной цѣли. Отсюда тонкая связь воли съ размышленіемъ, со взвѣшиваніемъ основаній. Въ этой возможности опредѣляться къ чему нибудь на извѣстномъ основаніи, а не на простомъ побужденіи, состоитъ *свобода* воли.

Мотивы воли—*чувственность*, *разсудокъ и разумъ*. Если воля опредѣляется чувственными побужденіями, то является жажда чувственныхъ наслажденій. Человѣкъ, возбуждаемый одними впечатлѣніями чувственности, дѣлается рабомъ чувственныхъ своихъ удовольствій и въ этомъ направленіи воли можетъ дойдти до скотства. Но въ человѣкѣ являются и свѣтлыя минуты, которыя вызываютъ въ немъ раскаяніе, чувство недовольства и обращеніе къ лучшему,—однимъ словомъ, пробуждается *совѣсть*, которою человѣкъ *качественно* отличается отъ животнаго. Если волѣ дѣлаетъ предписанія разсудокъ, то человѣкъ старается свои дѣйствія подчинять одному общему понятію, одной цѣли; отсюда является *интересъ*, какъ главный мотивъ, который, какъ скоро, въ извѣстномъ отношеніи, имѣютъ одинаковыя требованія всѣ люди, приводитъ къ общему интересу. А когда законодателемъ воли становится разумъ, тогда масштабомъ дѣйствій бываютъ принципы, или самостоятельныя, вѣчныя и безусловныя идеи. Если воля совершаетъ добро для самого Бога, то она становится волею *нравственною*. Нравственность поэтому есть такое настроеніе жизни, по которому человѣкъ въ своей конечности стремится сознательно обнаруживать вѣчную божественную сторону своего существа. А когда нравственность дѣлается постояннымъ направленіемъ жизни человѣка, то происходитъ *добродѣтель*.

Всѣ указанныя нами явленія духовной и нравственной жизни человѣка не суть вынужденный плодъ системы, но несомнѣнные факты, доступные сознанію каждаго. Мы такъ ясно сознаемъ ихъ, что тутъ не умѣстны никакія доказательства. Пріиди и виждь. Что же? пробовалъ ли когда нибудь матеріализмъ вывесть и объяснить ихъ изъ матеріи? Какимъ образомъ, напримѣръ, частное воззрѣніе превращается въ общее

понятіе? Какъ моя воля, сама завися отъ матеріальныхъ началъ, часто тирански господствуетъ не только надъ матеріею вообще, но и надъ собственнымъ своимъ тѣломъ? Для чего я, произшедшій всецѣло изъ земли, стараюсь усовершать не только себя, но и самую землю? Откуда взялось во мнѣ это стремленіе къ лучшему, тогда какъ родившее меня начало сковано закономъ необходимости и не можетъ нарушить его, хотя бы даже для того, чтобъ сдѣлать большіе успѣхи въ своемъ развитіи? Противъ матеріализма возстаютъ не только высокія и благородныя стремленія человѣческой души, нерѣдко торжествующія надъ чувственными требованіями матеріальной природы, но и самые человѣческіе страсти и пороки, потому что они являются въ сознаніи какъ что-то въ жизни человѣка враждебное и насильственное.

Стремленіе матеріалистовъ отрицать благородство своего рода, отказываться отъ своего законнаго достоинства, причислять себя къ животнымъ, которыя противъ воли преданы власти неизвѣстнаго имъ внѣшняго закона, для человѣка здравомыслящаго болѣе смѣшно, чѣмъ опасно. Онъ едва ли даже сочтетъ приличнымъ и презирать такихъ мыслителей, а развѣ будетъ только жалѣть о нихъ. Не говоря много о такомъ жалкомъ состояніи человѣческихъ убѣжденій, мы спросимъ матеріалистовъ: если, по ихъ ученію, нѣтъ ни нравственности, ни свободной воли, если человѣкъ есть только болѣе развитое животное и механически слѣдуетъ законамъ матеріальной необходимости, если поэтому для него нравственно одно то, что́ полезно его матеріальной природѣ,—то какую цѣль и значеніе въ человѣчествѣ имѣютъ воспитаніе, образованіе, искуство, за которыя ратуютъ сами матеріалисты? Не глупо ли послѣ этого поступали всѣ благородныя личности исторіи, жертвовавшія собою для блага ближнихъ? что̀ такое послѣ этого всѣ вообще возвышенныя стремленія человѣчества, какъ не одно жалкое ребяческое увлеченіе? не будетъ ли послѣ этого одинъ злодѣй справедливъ, а добрые безразсудны? Если матеріализмъ вѣренъ, то нѣтъ сердца, которое бы меня любило; всякій сильнѣйшій можетъ ограбить меня и дѣлать со мной, что́ ему угодно. Порокъ награждается, добродѣтель въ узахъ, вездѣ недостатокъ, бѣдность, насиліе—и нѣтъ утѣшенія! Всѣ мы безъ души, земная жизнь безъ небесной, міръ—безъ Бога и правосудія! Если цѣль жизни одно матеріальное наслажденіе, то бѣдный страдалецъ достигаетъ ли своей цѣли? Не имѣетъ ли онъ по-

этому права жаловаться на силу, произведшую его на этотъ свѣтъ? Не въ правѣ ли мы назвать нашу жизнь пустою и глупой шуткой, шуткой нашего Творца, забавляющагося нашими страданіями?

Къ концу Римской республики принципомъ жизни большинства сдѣлалось ученіе Эпикура, которое мало отличалось отъ современнаго матеріализма. Пороки, совершаемые послѣдователями этого ученія, были такъ отвратительны, что самые легкомысленные люди ужасались, смотря на развратъ тогдашняго общества, и каждаго приверженца Эпикурова называли: «Epicuri de grege porcus» (свиньею изъ стада Эпикурова). Праздность, которая разъѣдала всю гражданскую жизнь, страшное распространеніе роскоши и грязнаго служенія чувственности въ высшемъ классѣ и пролетаріата въ низшемъ, который оттого сдѣлался товаромъ,— все это было слѣдствіемъ *деморализаціи*. Были только отдѣльныя личности, которыя съ любовію принимали строгія положенія стоицизма, чтобы по крайней мѣрѣ въ нихъ найдти нѣкоторое успокоеніе предъ всеобщею безнравственностію и распущенностію.

Когда въ XVII и XVIII столѣтіи матеріализмъ, вышедшій изъ Англіи, распространился по Франціи и сдѣлался популярнымъ въ литературѣ и искусствѣ, въ придворной и частной жизни, судьба отдѣльныхъ лицъ и цѣлаго государства была рѣшена. XVII вѣкъ былъ льстивъ, но онъ и въ самой лести сохранялъ извѣстную мѣру благопристойности; но XVIII вѣкъ льстилъ и вмѣстѣ осмѣивалъ; эпикурейская философія Вольтера сдѣлалась верхомъ совершенства для людей поверхностныхъ. Безнравственность XVIII вѣка есть пятно, котораго не въ состояніи смыть всѣ чудеса его краснорѣчія и геніальности. Матеріализмъ тогда стремился къ тому, чтобы, заглушая голосъ совѣсти, открыть для игры страстей свободное, неограниченное поле. Хотя реформаторы древности, Сократъ, Платонъ, Цицеронъ, Сенека, преслѣдовали предразсудки и суевѣрія своего народа не съ большею пощадою, однако мы не находимъ, чтобы они свободу духа употребляли на разрушеніе узъ нравственности. Въ XVIII же вѣкѣ зараза умственнаго безобразія проникла въ души даже самыхъ строгихъ писателей. О словѣ «добродѣтель» XVIII вѣкъ не имѣлъ понятія. У Вольтера добродѣтель является искусствомъ сдѣлать жизнь по возможности пріятною и украсить наслажденіе лоскомъ изящности. У писателей втораго и третьяго ранга и въ

système de la Nature добродѣтель и порокъ были смѣшаны. Не безъ причины краснорѣчіе Боссюэта усиливалось коснуться сердца и обратить грѣшниковъ; не напрасно ла-Брюеръ такъ грозно бичевалъ порокъ и порочныхъ.

Послѣ того, какъ философія *Кондильяка*, который эмпиризмъ *Локка* превратилъ въ плоскій сенсуализмъ и атеизмъ, нашла общее сочувствіе во Франціи, послѣ того, какъ Руссо въ своихъ сочиненіяхъ [1] разлилъ ядъ чувственныхъ удовольствій и основалъ систему ложной религіи, послѣ того, какъ энциклопедисты, а особенно Ламеттри, располагали къ чувственному наслажденію какъ къ морали,—послѣ всего этого удивительно, что, при дѣйствительно существовавшихъ неправильныхъ отношеніяхъ въ государственной жизни, при большихъ долгахъ, при продажныхъ государственныхъ должностяхъ, и самые умѣренные люди начали ожидать спасенія только отъ совершеннаго ниспроверженія существовавшаго порядка. Отсюда тѣ безнравственныя сцены и постыдные религіозные ужасы, отсюда божество разума, отсюда слова Шометта (Chaumette) при освященіи этого божества 10 ноября 1793 г.: «Фанатизмъ прошелъ, потому что онъ озаренъ свѣтомъ ума. Готическіе своды, цѣлыя столѣтія служившіе заблужденію, теперь оглашаются голосомъ истины и видятъ жертву свободѣ, равенству и природѣ. Теперь одно желаніе, одна молитва раздается со всѣхъ сторонъ: долой священниковъ, долой другихъ боговъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ представляетъ природа!»

Хотя современный матеріализмъ прямо не проповѣдуетъ безнравственности и разврата, подобно матеріализму XVIII вѣка, но результатъ его все тотъ же. Что разумѣютъ современные матеріалисты подъ словомъ *свобода?* Не что̀ иное, какъ освобожденіе отъ всѣхъ узъ и ограниченій, которыми связываются страсти. Позволеніе дѣлать все, что̀ кому угодно—вотъ что̀ называютъ они свободой. Работникъ хочетъ быть хозяиномъ,—это, по его понятію, свобода; чувственный человѣкъ требуетъ уничтоженія всѣхъ нравственныхъ законовъ, а грубый—неограниченнаго права располагать своимъ кулакомъ. Матеріалисты не хотятъ согласиться, что, слѣдуя принципамъ свободы вообще, подъ гражданской свободой нельзя понимать ничего, кромѣ господства надъ своими страстями, чтобы не оскорблять ни семейства, ни общества, ни государства. Что̀ разу-

[1] Преимущественно въ «La nouvelle Heloise» и «Emile ou de l'éducation».

мѣетъ матеріалистическое направленіе нашего времени подъ воспитаніемъ и образованіемъ? Тщеславное, безплодное резонерство, одностороннее формальное развитіе разсудка, и все это для пріятной чувственной жизни. Какой результатъ такого воспитанія и образованія? *Поколѣніе*, неспособное понимать возвышенности чувствованій; выдолбленная по одному образцу мышленія *масса*, которая отказалась отъ благочестивой простоты отцовъ и замѣнила ее ничтожною суетностію и надменностію; черствый, прозаическій *народъ*, котораго не трогаютъ высокіе подвиги гражданина, который съ равнодушіемъ относится ко всему, что́ не приноситъ ему матеріальной пользы, который хранитъ недовѣріе ко всему, что́ въ дѣлѣ или мысляхъ возвышается надъ общею моралью, питаетъ презрѣніе ко всему, что́ было плодомъ долговременнаго размышленія. Монталамбертъ въ одной своей рѣчи превосходно опредѣляетъ это направленіе нашего времени: «стремленіе къ возвышеннымъ предметамъ», говоритъ онъ, «вотъ то, чего недостаетъ нашему обществу; оно окончательно предалось только накопленію и сбереженію богатства; поэтому всякое усиліе возвысить опять энергію духа было бы полною заслугою и благодѣяніемъ.» «Берегитесь», говорилъ Боссюэтъ французской академіи, «берегитесь, чтобы изнѣженная утонченность не угасила огня вашего духа!» Въ наше время должно бояться не изнѣженной утонченности, а грубости всеохватывающаго матеріализма, который преходящее поколѣніе учитъ «отказаться отъ вкуса и нравственности, отъ разума и чести, отъ совѣсти и вѣры». «Подъ именемъ реализма это убійственное вліяніе разъѣдаетъ широко литературу, искусство и даже философію...» «Противустанемъ этому печальному паденію, которое сулятъ намъ какъ успѣхъ; противопоставимъ этимъ тріумфамъ Плутуса чистыя и возвышенныя побѣды разума.»

При матеріалистическомъ направленіи нашего времени, не возможны ни истинная добродѣтель, ни истинное счастіе. Наложничество, развратъ и насиліе съ точки зрѣнія современнаго матеріализма не преступны, таинство брака, которымъ Церковь освящаетъ союзъ супруговъ, для него не имѣетъ силы. Безнравственность и распутство, такимъ образомъ, должны охватить все человѣчество и довести его до того безобразія, которое мы видимъ въ царствѣ животномъ. А безнравственность и широкое распространеніе пауперизма идутъ рука объ руку.

Итакъ, смѣло можно утверждать, что современный матеріа-

лизмъ съ нравственной точки зрѣнія есть иронія на человѣчество и что необходимыми слѣдствіями его будутъ разнузданность динамическихъ силъ, варварство и страшная бѣдность. Прошедшее узнало эту истину, и, что́ было и долженствовало быть по существу дѣла, то будетъ опять, если матеріализмъ совершенно охватитъ жизнь общества.

Яковъ Линденбергъ.

Приложение къ «Страннику».

ЧУДЕСНЫЯ ИСЦѢЛЕНІЯ,

СОВЕРШИВШІЯСЯ ПРИ ОТКРЫТІИ МОЩЕЙ СВЯТИТЕЛЯ И ЧУДОТВОРЦА ТИХОНА, ЕПИСКОПА ВОРОНЕЖСКАГО И ЕЛЕЦКАГО *.

1. Воронежской губерніи, Бобровскаго уѣзда, слободы Бутурлиновки, дочь государственнаго крестьянина Григорія Кириллова Камянаго — *дѣвица Татьяна*, родившаяся 1838 г., 6-го января (24-хъ лѣтъ), въ первые годы своего дѣтства была въ совершенно здоровомъ состояніи и отличалась, по отзыву отца, бойкостію и понятливостію, соотвѣтствующими дѣтскому возрасту. До 6-тилѣтняго возраста въ ней не замѣтно было никакой болѣзни. Но страшная болѣзнь поразила ее неожиданно. Въ одинъ лѣтній день отецъ ея отправился въ поле и взялъ ее съ собою; наложивши сноповъ, онъ возвратился съ нею домой. День былъ теплый, и онъ уложилъ дочь свою Татьяну спать на дворѣ; но не прошло и часу, какъ дочь его вскрикнула. Отецъ бросился къ ней и увидѣлъ, что она вся въ поту, слабая и какбы полумертвая: онъ внесъ ее въ избу и положилъ въ постель. На другой день отецъ и его домашніе увидѣли, что у Татьяны были сведены руки и ноги и вся она была скорчена; въ рукахъ, ногахъ и поясницѣ не видно было жизни; спинная кость въ поясницѣ была сведена и входила даже въ ребра, кости и жилы были какбы перевиты; руки были пригнуты къ лицу, а ноги къ животу, и она вся была свита какбы въ клубокъ. И душевныя способности ея измѣнились. Прежде бойкая и памятная, она сдѣлалась тупоумною и безпамятною. Родители ея обращались къ лѣкарямъ, но помощи не было. Изъ своихъ рукъ они ее кормили и поили и носили на своихъ рукахъ.

* Обо всѣхъ, излагаемыхъ здѣсь, современныхъ намъ чудесныхъ исцѣленіяхъ въ г. Задонскѣ напечатано въ «Душеполезномъ чтеніи», за октябрь, ноябрь и декабрь 1861 г. и январь 1862 г., въ «Церковной лѣтописи Дух. бесѣды», въ прошедшемъ году (начиная съ 25 ноября) и въ нынѣшнемъ, и въ «Христіанскомъ чтеніи» за декабрь 1861 г., и съ января 1862 г. — Въ «Душеполезномъ чтеніи» подлинность показанія о каждомъ исцѣленіи,—показанія очевидныхъ свидѣтелей, подъ присягою, — засвидѣтельствовалъ своею подписью мѣстный архипастырь: *Іосифъ, архіепископъ воронежскій.*

Такъ было до десятилѣтняго возраста. Сама Татьяна подъ присягою показала: «въ рукахъ, ногахъ и поясницѣ я не замѣчала жизни; въ такомъ положеніи все во мнѣ срослось, все во мнѣ было сухо, и одна лишь кожа связывала кости во мнѣ. При такомъ состояніи тѣла, и душевныя мои способности были несовершенны, разсудокъ мой былъ слабъ, память моя мало что̀ удерживала; домашніе мои съ трудомъ могли что либо растолковать мнѣ; молитвъ Господнихъ заучить я почти была не въ состояніи.»

Когда Татьянѣ исполнилось десять лѣтъ, въ одинъ праздникъ дѣдъ ея пришелъ изъ церкви съ какимъ-то странникомъ, по сословію человѣкомъ благороднымъ, который прогостилъ въ ихъ домѣ 4 дня. Странникъ этотъ, увидѣвъ больную, сказалъ ея отцу и домашнимъ: «больной своей вы ничѣмъ не лѣчите, а молитесь Богу». Выходя изъ дома, онъ далъ записку и сказалъ: «вотъ вамъ записка, — здѣсь я написалъ имена святыхъ, которымъ вы отслужите молебенъ, поставьте три свѣчи и попросите священника отслужить за здравіе больной обѣдню. Болѣзнь вашей дочери пройдетъ постепенно, а лѣчить ее — не лѣчите». По уходѣ странника, покойная мать больной исполнила въ точности всѣ его наставленія.

И дѣйствительно, по благости Божіей, Татьяна получила облегченіе отъ своей болѣзни. Черезъ два дня родители замѣтили, что у Татьяны руки нѣсколько опустило, а чрезъ нѣсколько времени онѣ сдѣлались свободными, и она кое-что начала ими брать, а потомъ кое-что и дѣлать; при помощи рукъ она стала ползать; ноги же и поясница оставались у ней въ прежнемъ положеніи. Сама Татьяна такъ говоритъ о своемъ положеніи въ это время: «По уходѣ странника, когда матерью моею было исполнено все, что̀ онъ приказывалъ, стала я приходить въ себя, стала я понимать все, что̀ говорили мнѣ; стала я разумѣть, что̀ читали мнѣ; стала я выучивать и молитвы, а въ рукахъ своихъ я получила послабленіе отъ корчи, съ ощущеніемъ въ нихъ мучительной болѣзни, которая, впрочемъ, чрезъ нѣсколько времени меня оставила, и руки мои мало по малу начали расправляться, стали оживать и наполняться тѣломъ, и я могла чрезъ нѣсколько времени ими кое-что и работать. Ноги же мои и поясница оставались въ прежнемъ положеніи: также были сведены, также сухи и также безчувственны. Но, при помо́щи рукъ, я начала учиться ползать».

Когда Татьянѣ было около 15 лѣтъ, ея дядя, крестьянинъ

той же слободы, Косьма Жидковъ, предъ праздникомъ св. Троицы, собрался ѣхать въ Воронежъ на богомолье. Татьяна упросила его взять ее съ собою, чтобы помолиться у мощей святителя и чудотворца Митрофана. Дядя исполнилъ желаніе больной племянницы. По прибытіи въ Воронежъ, онъ сносилъ ее къ мощамъ святителя Митрофана. «И только что я приложилась», говоритъ о себѣ Татьяна, «къ мощамъ угодника Божія, какъ ощутила въ правой ногѣ страшную боль, какую я чувствовала и въ рукахъ въ то время, когда корчи и безчувственность оставляли ихъ; но боль сія, по милости Божіей и по молитвамъ угодника Божія, прошла скоро; а въ правой ногѣ моей я почувствовала ослабленіе отъ корчи, жилы ея нѣсколько отпустило, которыя, какъ я чувствовала, стали биться, жизнь въ ней показалась, и правая нога постепенно стала наполняться тѣломъ, и я нѣсколько стала владѣть ею.»

Эту перемѣну въ состояніи здоровья Татьяны замѣтили и ея родители. «По пріѣздѣ изъ Воронежа, мы увидѣли, что правая нога у нашей дочери сдѣлалась свободнѣе, по милости Божіей и молитвамъ угодника Божія Митрофана; жизнь въ правой ногѣ показалась, и она стала дѣйствовать ею.»

Родные выучили Татьяну шить сапоги, и она, имѣя способныя руки, постоянно занималась этою работою. Послѣ поѣздки въ Воронежъ и ползать для нея сдѣлалось свободнѣе. «И, хотя я», говоритъ о себѣ Татьяна, «стерла руки и ноги до крови, но доползла до церкви, гдѣ одно было для меня утѣшеніе— молить Господа, чтобы Онъ продлилъ ко мнѣ милость свою, и Господь не лишилъ меня своей милости: въ рукахъ и правой ногѣ я замѣчала постепенное прибавленіе тѣла и постепенное измѣненіе къ лучшему; но лѣвая нога моя и поясница оставались въ томъ же положеніи, были также безчувственны и также сухи.

«Весною сего года, прошелъ въ нашей слободѣ слухъ, что будутъ открывать св. мощи угодника Божія, святителя Тихона. Я передъ праздникомъ св. Троицы просила родителя своего отпустить меня съ кѣмъ нибудь въ городъ Задонскъ—помолиться при мощахъ сего угодника Божія; но родитель мой отказалъ мнѣ въ этомъ, какъ потому, что по болѣзненному моему состоянію при мнѣ нуженъ былъ свой человѣкъ, который бы присмотрѣлъ за мной, такъ и потому, что ко времени открытія мощей святителя Тихона онъ обѣщалъ мнѣ самъ свозить меня въ городъ Задонскъ; но желаніе сіе — помолиться у мощей св. Тихона—меня не оставляло ни днемъ, ни ночью.

«2-го числа августа сего года, я, родитель мой, сестра моя малолѣтняя Анна и невѣстка наша отправились на богомолье въ городъ Задонскъ. Не доѣзжая до города Задонска пяти верстъ, 10-го числа того же мѣсяца, мы остановились на дорогѣ покормить лошадей. Я сползла на рукахъ съ повозки, но когда опять я начала влѣзать на повозку, нечаянно лѣвую свою ногу поставила на оглоблю, и ощутила дѣйствіе въ оной: лѣвая нога моя по желанію моему двигалась. Слезы радости и благодарности Господу Богу сами собой полились рѣкой изъ глазъ моихъ. Я хотѣла скрыть отъ своихъ явленіе милости Божіей ко мнѣ, но владѣть собою была не въ состояніи. Испытавъ еще состояніе лѣвой моей ноги и увѣрившись въ томъ, что движеніе въ ней есть, что жизнь въ ней показалась, я о семъ сказала невѣсткѣ и отцу моему, а они, выслушавъ сіе, приказали мнѣ молчать, молиться Богу и ждать отъ Него небесной помощи.

«Прибывъ въ городъ Задонскъ, въ пятницу 11-го августа, отецъ мой снесъ меня въ монастырскую ограду и посадилъ меня близь памятника прежней усыпальницы святителя Тихона, а я, безъ сознанія ухватившись за рѣшетку, сама поднялась, стала на обѣ ноги и выпрямилась, положила три земные поклона, прося угодника Божія Тихона исцѣлить мою душу и тѣло, и сама, держась за рѣшетку, въ первый разъ въ жизни обошла памятникъ.

«Какая радость наполняла мое сердце, я сказать не въ состояніи. Я плакала и вся тряслась; но при этомъ и мучительную боль я ощущала во всей моей поясницѣ, и слышала, что жилы въ поясницѣ моей распущались; онѣ бились во мнѣ такъ, что біеніе ихъ я совершенно сознавала.

«Не скрылось сіе дѣйствіе благодати Божіей и отъ многихъ; меня (не знаю, кто они) схватили на руки, понесли въ церковь и приложили къ ракѣ угодника Божія, святителя Тихона. Я вся въ слезахъ просила державшихъ меня опустить на полъ, и, когда опустили, я совершенно сознала послабленіе болѣзни ногъ моихъ и моей поясницы; на правую ногу я стала твердо и почувствовала дѣйствіе и лѣвой ноги, и опять вся выпрямилась. Когда я помолилась угоднику Божію, богомольцы понесли меня по всей церкви; я прикладывалась ко всѣмъ иконамъ въ церкви и ко гробамъ другихъ угодниковъ Божіихъ внѣ оной. Всѣ радовались со мной и благодарили Господа за ниспосланіе благодати Его въ моемъ исцѣленіи чрезъ угодника Его, святителя Тихона.

«По открытіи св. мощей угодника Божія, святителя Тихона, я отъ множества народа не могла приложиться къ мощамъ, а предъ праздникомъ Успенія Пресвятыя Богородицы, ночью, когда открылась возможность свободно войдти въ храмъ, гдѣ нынѣ почиваютъ св. мощи, я приложилась къ нимъ, и въ это время я еще испытала надъ собою дѣйствіе благодати Божіей. Лишь только я приложилась къ мощамъ, какъ услышала, что всѣ составы костей поясницы моей стали входить въ мѣста свои, кости во мнѣ хрустѣли, и не только я ощущала и слышала сіе, но и всѣ близь стоящіе и молящіеся со мной слышали сіе дѣйствіе благодати Божіей во мнѣ, но притомъ я ощутила нестерпимую боль во всей моей поясницѣ, и едва могла удержаться, чтобы не вскричать; но боль сія продолжалась не болѣе двухъ дней.

«Нынѣ, по благодати Божіей и ходатайству угодниковъ Его, святителей Митрофана и Тихона, воронежскихъ чудотворцевъ, я сознаю себя совершенно благополучною; руками я владѣю свободно; ходить я хотя и не могу, но ноги мои постепенно приходятъ въ лучшее положеніе, постепенно прибавляется на нихъ тѣло, и, ухватившись за палку, или за что̀ другое, или съ помощію людей, если будутъ поддерживать подъ руки, я и переступать мо̀гу; въ поясницѣ боли не ощущаю, прямо могу сидѣть, прямо и стоять, свободно работать, и въ поясницѣ тѣло постоянно прибываетъ, и я уповаю, что Господь, по молитвамъ угодниковъ Его, святителей Митрофана и Тихона, воронежскихъ чудотворцевъ, продлитъ ко мнѣ милость свою.»

12 человѣкъ свидѣтелей подъ присягою подтвердили это чудесное исцѣленіе.

---

2. Города Воронежа мѣщанская *дѣвица Домника*, вольноотпущенная г. полковникомъ Михаиломъ Марковичемъ Пареновымъ, имѣющая нынѣ около 40-ка лѣтъ отъ рожденія, съ 1844 года одержима была нечистымъ духомъ. При каждомъ новомѣсячіи дѣлались съ нею припадки: сначала оказывались уныніе, тоска, потомъ начинался крикъ съ произношеніемъ дерзкихъ словъ противъ всего святаго, особенно противъ святыхъ угодниковъ Божіихъ; нерѣдко доходила она даже и до богохульства; затѣмъ дѣлался съ нею ударъ съ страшными терзаніями, продолжавшимися отъ трехъ часовъ до четырехъ; послѣ такого страданія она приходила какбы въ оцѣпенѣніе и въ совершенное безпамятство.

Такъ 17 лѣтъ она мучима была отъ исконнаго врага рода человѣческаго. Сколько она ни употребляла средствъ для исцѣленія отъ врачей тѣлесныхъ, но не получала облегченія отъ жестокой своей болѣзни. Одно только утѣшеніе и отраду находила она, когда, опомнившись отъ тяжкаго недуга своего, прибѣгала съ вѣрою и теплою молитвою къ Царицѣ небесной, Божіей Матери, и великому угоднику Божію святителю Тихону, котораго особенно она чтила и съ благоговѣніемъ покланялась иконѣ его.

Икона святителя Тихона, болѣе 50-ти лѣтъ назадъ тому, дана была въ благословеніе родителямъ дѣвицы Домники отъ боголюбивой ихъ барышни, дѣвицы Евдокіи Михайловны, дочери полковника Паренова, который любилъ и уважалъ святителя болѣе потому, что имѣніе означеннаго полковника находилось близъ Толшевскаго монастыря: и когда святитель Божій Тихонъ жилъ на покоѣ въ Толшевскомъ монастырѣ, то часто посѣщалъ ихъ домъ и, по преданію, какъ разсказываетъ о томъ мать дѣвицы Домники, въ сладкоглаголивыхъ и назидательныхъ бесѣдахъ своихъ съ ними, поучалъ ихъ духовной жизни, вразумлялъ, какъ они должны обходиться съ своими подданными, по словамъ святаго Апостола Павла: *Господіе, правду и уравненіе рабомъ подавайте, вѣдяще, яко и вы имате Господа на небесѣхъ.* «Вы», говорилъ имъ святитель Божій, «приказываете своимъ рабамъ исполнять всѣ ваши господскія работы,—не лишайте ихъ средствъ работать и Господу Богу.»

Когда пронесся слухъ объ открытіи святыхъ мощей святителя Тихона, означенная дѣвица Домника усугубила свои теплыя моленія предъ иконою угодника Божія Тихона, испрашивая съ вѣрою его небесной помощи и заступленія объ исцѣленіи отъ мучительнаго ея страданія и дала обѣтъ сходить и поклониться его святымъ, нетлѣннымъ мощамъ. Святитель Божій, говорила дѣвица, являлся ей въ сонномъ видѣніи и, будто бы вставши изъ гроба, благословилъ ее; но что онъ говорилъ ей, того она не припомнитъ.

Когда болящая дѣвица Домника возъимѣла непремѣнное намѣреніе исполнить данный обѣтъ свой—сходить въ задонскій монастырь для поклоненія угоднику Божію, то злой духъ вселилъ въ мысль ея, чтобы она оставила свое намѣреніе, что она не получитъ исцѣленія, и что святый Тихонъ не поможетъ ей, но онъ или убьетъ, или сожжетъ ее. Чтобъ побѣдить такія нечистыя мысли, страдалица прибѣгла съ пламен-

ною мольбою къ святителю, и, при такомъ своемъ молитвенномъ состояніи, она объята была какимъ-то ужасомъ, такъ что не смѣла и боялась взглянуть на икону великаго угодника Божія Тихона.

Наконецъ, съ помощію Божіею, преодолѣвъ всѣ препятствія, дѣлаемыя ей отъ злаго духа, сего 1861 года, августа 10-го дня, она отправилась въ городъ Задонскъ для поклоненія. Когда же стала она подходить къ самому монастырю, съ нею сдѣлался припадокъ, такъ что отнялись у ней руки и ноги; но бывшіе при томъ странніе богомольцы подняли ее и съ великимъ трудомъ ввели въ церковь, къ угоднику Божію. Тутъ съ нею повторился еще сильнѣйшій ударъ, и она нѣсколько минутъ находилась въ безчувственномъ положеніи, а какъ скоро она опомнилась и, съ помощію другихъ, приложилась къ святымъ мощамъ святителя Тихона, то въ ту же минуту почувствовала, что изо рта ея вышелъ какой-то холодный паръ, подобный темному облаку. Послѣ того ей сдѣлалось легче, она спокойно простояла всю божественную литургію, отслужила молебенъ святителю Тихону и съ умиленіемъ изливала душу свою предъ Господомъ Богомъ и святымъ Его угодникомъ. И такъ, благоговѣнія и радости исполненная, воздавъ хвалу, благодареніе и поклоненіе Богу, дивно прославляющему святыя Своя, возвратилась изъ монастыря и благополучно пришла въ домъ свой, и до сего времени находится въ совершенномъ здоровьѣ.

Чудесное исцѣленіе дѣвицы Домники подтвердили подъ присягою три свидѣтеля.

3. Жена коннозаводскаго крестьянина, Воронежской губерніи, Бобровскаго уѣзда, села Хрѣнова, Ефима *Журихина — Пелагея Петрова*, въ 1858 году, 6-го іюля, когда ей отъ роду былъ 21 годъ, занимаясь на полѣ уборкою ржи, вдругъ почувствовала неизъяснимую грусть. Это состояніе продолжалось шесть дней, до 12-го числа іюля, но не препятствовало ей заниматься домашними и полевыми работами; 12-го іюля она также вмѣстѣ съ мужемъ занималась на полѣ возкою сноповъ, и вдругъ почувствовала дурноту; сначала потемнѣло въ глазахъ, а потомъ что-то вступило въ голову, и она, не могши продолжать полевой работы, прилегла на связанные снопы. Послѣ этого она скоро пришла въ себя и рѣшилась идти къ своему стану, находящемуся саженяхъ во ста отъ того мѣста, гдѣ съ нею сдѣ-

лалась дурнота. Но она не успѣла сдѣлать болѣе двухъ или трехъ саженъ, какъ сдѣлался новый сильный обморокъ, и она въ безчувствіи упала на землю. Это случилось съ ней во время деревенскаго полеваго завтрака, въ 9-мъ часу утра. Мужъ, найдя ее въ безчувственномъ состояніи, рѣшился не безпокоить и оставилъ до времени окончанія работъ, послѣ которыхъ въ томъ же состояніи она перенесена была домой. Это состояніе безчувствія продолжалось шесть дней; послѣ этого она пришла въ память, начала узнавать другихъ и чрезъ шесть недѣль могла свободно ходить и слегка заниматься своимъ дѣломъ. Но со времени удара она сдѣлалась совершенно нѣмою и не могла произнести ни одного слова. Съ этого же времени появился у ней постоянный, легкій и тихій кашель.

Чрезъ годъ, когда она находилась въ церкви, предъ окончаніемъ литургіи, съ ней случился обморокъ, подобный прежнему, и она около сутокъ находилась въ безчувственномъ состояніи. По минованіи этого обморока, состояніе ея не улучшилось. Она не могла владѣть языкомъ и только кашлемъ издавала звуки. Три года продолжалось это состояніе со времени перваго удара.

Когда вѣсть объ открытіи мощей св. угодника Тихона и о множествѣ богомольцевъ, идущихъ въ г. Задонскъ къ открытію св. мощей, достигла селенія Хрѣноваго, Пелагія Петрова рѣшилась идти пѣшкомъ въ г. Задонскъ для поклоненія мощамъ новоявленнаго чудотворца, святителя Тихона, въ надеждѣ—по молитвамъ угодника Божія получить исцѣленіе. Она пришла въ Задонскъ 11-го числа августа, въ пятницу, съ крестьянками своего села: Екатериною Семеновою Катреповою и Маріею Платоновою Началовою; но, по многочисленному стеченію народа, онѣ не могли пройдти въ церковь, гдѣ почиваютъ нетлѣнныя мощи св. Тихона. Въ слѣдующіе дни и 14-го числа, послѣ открытія св. мощей, по той же причинѣ, онѣ не могли исполнить своего сердечнаго желанія — приложиться къ св. мощамъ угодника Божія. Въ этотъ день Пелагія Петрова пошла съ своими спутницами въ теплую Успенскую церковь, гдѣ находилось надгробіе, подъ которымъ покоились нетлѣнные останки до времени ихъ торжественнаго открытія. На этомъ надгробіи было изображеніе святителя, къ которому прикладывались усердные богомольцы,—сначала къ ножкамъ, а потомъ къ ручкамъ. Слѣдуя этому примѣру, и Пелагія Петрова сначала приложилась къ ножкамъ, а потомъ къ ручкамъ, и вдругъ, хо-

тя и некрѣпко, воскликнула: Слава Тебѣ, Господи! Послѣ этого перваго возглашенія, она начала многократно повторять: Господи помилуй! Господи помилуй! Радость и какой-то невольный страхъ объяли ея спутницъ и другихъ свидѣтелей этого чудеснаго исцѣленія, какъ явленія спасительной силы Божіей по молитвамъ святаго угодника. Спутницы Пелагіи Петровой отъ радости и страха не вѣрили, чтобы эта была та Пелагія, которая, въ продолженіи трехъ лѣтъ, не говорила ни слова. По выходѣ изъ церкви, толпа любопытнаго народа окружила исцѣлѣвшую и ея спутницъ. При этомъ нашелся одинъ человѣкъ, который уговорилъ исцѣлѣвшую и ея спутницъ явиться къ высокопреосвященному митрополиту Исидору, и самъ представилъ ихъ. Справедливость этого чудеснаго исцѣленія подтверждена подъ присягою, кромѣ исцѣлѣвшей, 14-ю человѣками свидѣтелей. Получивши благословеніе высокопреосвященнаго митрополита Исидора, Пелагія Петрова Журихина и ея спутницы приложилась къ самымъ св. мощамъ св. Тихона. Съ того времени Журихина находится въ совершенномъ здоровьи и говоритъ совершенно свободно.

Справедливость показанія подтвердили восемь человѣкъ причта и болѣе шести человѣкъ родственниковъ и сосѣдей, подъ присягою.

---

4. Жена государственнаго крестьянина, Воронежской губерніи, Задонскаго уѣзда, села Конь-Колодезя, Петра Евсеева *Власова — Акилина Никифорова*, отъ роду 36-ти лѣтъ, не владѣла правою ногою. Эта болѣзнь произошла отъ сильной простуды и усилилась до того, что она постоянно чувствовала въ ногѣ нестерпимую острую боль, которая усиливалась при малѣйшемъ прикосновеніи. Акилина ходила на костыляхъ и тогда только чувствовала нѣкоторое облегченіе, когда за ступень привязывала поясомъ больную ногу къ шеѣ. Протекло уже семь лѣтъ отъ начала болѣзни, и она не чувствовала никакой перемѣны къ лучшему. Семилѣтнія страданія, ослабляя вѣру на помощь человѣческую, укрѣпляли вѣру на помощь божественную. Услышавъ объ открытіи св. мощей святителя и чудотворца Тихона, она съ крестьянкою своего села Авдотьею Семеновою Клюшниковою отправилась въ г. Задонскъ искать врачевства отъ своей болѣзни у св. мощей угодника Божія. Въ г. Задонскъ къ 11-му числу августа уже стеклось много богомольцевъ, и нелегко было достигнуть до гроба святителя. Но несчастное

положеніе больной привлекло участіе многихъ постороннихъ лицъ, и она, съ помощію ихъ и своей спутницы Клюшниковой, достигла до гроба св. Тихона и, приложившись къ ракѣ угодника Божія, получила исцѣленіе. Это было 11-го числа августа. Акилина Никифорова Власова теперь свободно владѣетъ ногою и принимаетъ участіе въ полевыхъ работахъ.

Кромѣ мѣстнаго священника и діакона, четыре человѣка изъ ея сосѣдей подтвердили подъ присягою ея чудесное исцѣленіе.

5. Дочь однодворца, Воронежской губерніи, Нижнедѣвицкаго уѣзда, села Краснополья, Матвѣя Иродіонова *Черникова*, *дѣвица Евфимія*, 14-ти лѣтъ; на 7-мъ году отъ рожденія, кажется, отъ испуга у ней начали образовываться наросты на груди и спинѣ. Больная чувствовала, что внутри ея всѣ жилы какбы притягивались къ наростамъ, и она могла переходить съ мѣста на мѣсто не иначе, какъ только въ наклонномъ положеніи (сгорбившись до живота). При этомъ она чувствовала въ животѣ нестерпимую боль, которая не давала больной спокою ни днемъ, ни ночью, а послѣ принятія пищи начиналась мучительная рвота. Два года тому назадъ больная не могла уже ни стоять, ни сидѣть.

Мать больной Стефанида Гаврилова, узнавъ о днѣ открытія св. мощей святителя Тихона, поспѣшила прибыть къ этому дню въ г. Задонскъ съ своею больною дочерью. Больная съ трудомъ могла пріѣхать. «Но когда мать моя», разсказываетъ о себѣ больная, «приложила меня къ ракѣ угодника Божія, а одинъ изъ монаховъ возложилъ на мою спину крестъ, я тайно молилась и вдругъ почувствовала въ душѣ что-то для меня непонятное, и грустное и вмѣстѣ радостное, а внутри себя какую-то тонкую прохладу. Въ то же мгновеніе я выпрямилась и могла полагать земные поклоны и ходить съ полною свободою», что̀, благодареніе Богу и Его св. угоднику, продолжается и нынѣ. Но наросты на груди и спинѣ остаются въ прежнемъ положеніи.

Это чудесное исцѣленіе, кромѣ больной и ея родителей, подтверждено подъ присягою 18-ю свидѣтелями.

6. Государственный крестьянинъ, Воронежской губерніи, пригородной слободы города Боброва, *Спиридонъ Васильевъ Артемьевъ*, 35 лѣтъ, съ давняго времени страдалъ головною болью и ничего не видѣлъ лѣвымъ глазомъ. Въ послѣднія шесть

лѣтъ головная болѣзнь усилилась, и онъ нерѣдко находился въ самомъ болѣзненномъ состояніи. При этой болѣзни онъ сталъ слабо видѣть и правымъ глазомъ. Слабость зрѣнія увеличилась до того, что онъ не могъ ходить безъ проводника и различать предметы, даже въ ясную погоду.

Ко времени открытія св. мощей святителя и чудотворца Тихона, онъ пришелъ въ г. Задонскъ вмѣстѣ съ своею женою, и какъ только приложился къ св. мощамъ угодника Божія, тотчасъ же, при выходѣ изъ церкви, почувствовалъ облегченіе отъ головной боли и правымъ глазомъ началъ видѣть явственнѣе прежняго. Въ настоящее же время Спиридонъ Васильевъ не чувствуетъ никакой боли въ головѣ, правымъ глазомъ можетъ различать предметы и вообще чувствуетъ себя въ лучшемъ состояніи противъ прежняго.

Это исцѣленіе, кромѣ отца и жены исцѣлѣвшаго, подтвердили подъ присягою три свидѣтеля.

7. Воронежской губерніи, Землянскаго уѣзда, села Дегтеваго, государственная крестьянка дѣвица *Стефанида Ѳеодорова*, по прозванію *Черныхъ*, 19-ти лѣтъ отъ рода, подъ присягою показала, что она съ 1857 года не владѣла обѣими ногами. Онѣ были сведены. Не могла она ничѣмъ заниматься, лежала на боку, такъ принимала и пищу.

По объясненію ея матери, крестьянки Анны Егоровой, показавшей также подъ присягою, болѣзнь ея дочери началась 8 го ноября 1857 года ударомъ въ поясницу, на которой и по сіе время находится шишка, отъ чего она сдѣлалась скорченною, надъ колѣнями жилы были сведены, и недугъ ея дочери такъ былъ мучителенъ, что она цѣлый годъ кричала во весь голосъ, лежала на одномъ правомъ боку и крикомъ своимъ не давала покоя всему семейству.

Отецъ Стефаниды Ѳеодоръ Черныхъ привезъ ее въ задонскій монастырь въ августѣ мѣсяцѣ и 14-го числа, послѣ литургіи и благодарнаго молебна, съ помощію чужой женщины, принесъ ее къ ракѣ мощей святителя Тихона. Она Стефанида приложилась къ мощамъ святителя Тихона, и тѣми же вынесена была на рукахъ изъ церкви и положена на траву на монастырскомъ дворѣ. Когда спустили ее съ рукъ, она Стефанида почувствовала свободное движеніе ногъ, встала съ помощію сторонней женщины и при пособіи палки стала ходить. Въ настоящее время она Стефанида при пособіи палки ходитъ въ

сельскій свой храмъ къ богослуженію, чего прежде не могла дѣлать.

Справедливость показанія подтвердили подъ присягою мать и бабка исцѣлѣвшей и, за отсутствіемъ отца, восемь человѣкъ сосѣдей.

8. Воронежской губерніи, Новохоперскаго уѣзда, села Артюшкина, помѣщика Сергѣя Николаева Доломанова временно-обязанная дворовая дѣвица *Татіана Андреева Оболенская*, 49-ти лѣтъ отъ роду, подъ присягою показала, что она Оболенская съ малолѣтства находилась въ услуженіи у господъ, занималась мытьемъ бѣлья и ѣзжала всегда съ господами по дорогамъ и до 40-калѣтняго возраста была здорова.

Лѣтъ 9-ть тому назадъ, однажды, въ осеннее время, она ѣздила съ своею госпожею (нынѣ умершею) въ село Тихвинское, отстоящее отъ села Артюшкина на 40 верстъ. Пробывши тамъ около мѣсяца, они возвратились уже зимою.

На возвратномъ пути, въ лѣтнемъ экипажѣ и въ лѣтнемъ платьѣ, она Оболенская до такой степени простудилась, а болѣе застудила ноги, что, по пріѣздѣ домой, другими снята была съ экипажа. Съ сего времени у ней Оболенской сдѣлалось сильное онѣмѣніе въ ногахъ, съ присовокупленіемъ къ сему припадочныхъ конвульсій въ каждое новолуніе и полнолуніе, и продолжалась сія болѣзнь въ одинаковой мѣрѣ до 11-го августа 1861 года. Чувствуя нестерпимую болѣзнь, она много разъ прибѣгала къ медицинскимъ пособіямъ, но нисколько не получала отъ нихъ облегченія.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1861 года, она Оболенская, по случаю открытія мощей святителя Тихона въ городѣ Задонскѣ, ѣздила туда съ матерью своею, дворовою женщиною того же помѣщика, Марѳою Григорьевою, для поклоненія мощамъ святителя Тихона. Во дворъ монастырскій она была внесена матерью и двумя женщинами: діаконицею того же села Анастасіею Вязовою и новохоперскою мѣщанкою Евдокіею Богдановою, а въ церковь, по причинѣ тѣсноты отъ множества народа, была внесена и поднесена къ ракѣ святителя Тихона двумя неизвѣстными ей женщинами. 11-го августа, въ пятницу, она Оболенская, съ полнымъ упованіемъ на помощь святителя Тихона, приложилась къ ракѣ и тутъ же почувствовала во всемъ тѣлѣ, особенно въ ногахъ, такое облегченіе, что въ то же время, съ самою малѣйшею помощію другихъ, вышла на своихъ ногахъ изъ церкви и одна, безъ поддержки

другихъ, долго стояла на монастырскомъ дворѣ. Въ каковомъ состояніи здоровья она Оболенская находится и доселѣ.

Справедливость показанія подтвердили подъ присягою мать исцѣлѣвшей и двѣ упоминаемыя въ семъ описаніи женщины.

9. Тульской губерніи и уѣзда, сельца Воловникова, временно обязанный г-на Хрущева крестьянинъ Климентъ *Онисимовъ*, отецъ *Аграфены*, получившей исцѣленіе по молитвенному ходатайству святителя Тихона, отъ роду 46-ти лѣтъ, подъ присягою показалъ, что дочь его Аграфена въ дѣтскомъ возрастѣ чувствовала головную боль. Вскорѣ по выходѣ въ замужство, когда ей исполнилось уже 17-ть лѣтъ, неизвѣстно отъ чего, начались съ нею припадки бѣснованія, которымъ она подвергалась часто, по услышаніи благовѣста къ литургіи, хотя и оставалась въ своемъ домѣ; когда же приходила въ церковь къ литургіи, то предъ чтеніемъ святаго Евангелія падала на полъ, билась, страннымъ голосомъ выла и рыдала, не произнося никакихъ внятныхъ словъ, не открывая глазъ и не слыша унимающихъ и уговаривающихъ ее. Животъ ея въ это время раздувался и дѣлался твердымъ, какъ камень. Въ такомъ положеніи она выводима была изъ церкви и могла быть въ оной только уже по окончаніи богослуженія, когда приходила въ чувство. По возвращеніи изъ церкви въ домъ, она Аграфена цѣлый день лежала въ сильномъ изнеможеніи; на другой день, хотя и могла ходить и что либо дѣлать, но чувствовала себя очень слабою. Таковымъ же болѣзненнымъ припадкамъ, хотя и не столь продолжительнымъ и изнурительнымъ, она подвергалась и во время молебствія, совершаемаго причтомъ въ домѣ ихъ.

Около 8-ми лѣтъ была она одержима такою болѣзнію. Услышавши о времени открытія мощей святителя Тихона, Аграфена съ мужемъ своимъ Аѳанасіемъ Васильевымъ рѣшилась идти въ Задонскъ, оттуда возвратилась здоровою и, спустя недѣлю, отправилась съ своимъ мужемъ по его промышленности въ Москву, гдѣ мужъ ея и прежде живалъ, и она съ нимъ временно бывала, а болѣе живала въ своемъ семействѣ, въ сельцѣ Воловниковѣ. Изъ Москвы мужъ Аграфены отъ 26-го сентября писалъ, что она въ настоящее время совершенно здорова.

Къ сему свекровь ея, жившая съ Аграфеною въ одномъ домѣ, Анна Елисеева, присовокупила, что, по возвращеніи изъ

Задонска, когда, по обыкновенію, брали въ свой домъ изъ церкви святыя иконы, Аграфена съ дядями своими ходила за оными въ церковь и какъ въ церкви, такъ и въ домѣ при отправленіи службы была совершенно здорова.

Справедливость показанія подъ присягою подтвердили, сверхъ свекрови Аграфены, трое дядей ея и тетка и 6-ть человѣкъ сосѣдей.

10. Города Тулы, дочь оружейника, дѣвица *Евдокія Васильева Рудакова*, 21 года отъ роду, подъ присягою показала, что она со дня рожденія до 11-тилѣтняго возраста была здорова; не упомнитъ, въ какомъ году, осенью, въ день Покрова Пресвятыя Богородицы, она Евдокія ходила къ двоюродной своей теткѣ, мѣщанкѣ Александрѣ Никитиной Подовинниковой, и ночевала у ней. На другой день, часовъ въ 8-мь утра, съ другою дѣвицею, двумя годами старшею ея, Анною Моисеевою, шла домой. Она Евдокія нечаянно споткнулась, упала на землю, выбранилась и сама никакъ не могла встать, мгновенно лишившись владѣнія въ рукахъ и ногахъ. Спутница ея Анна притащила ее домой. Послѣ сего Евдокія лежала въ постели шесть недѣль, не владѣя ни руками, ни ногами. Она отвезена была въ больницу и три мѣсяца была лѣчима, но исцѣленія не получила. Впрочемъ, въ первыя шесть лѣтъ она чувствовала себя лучше, нежели въ послѣдніе четыре года. Въ эти послѣдніе годы она не могла пройдти и нѣсколько саженъ, на каждомъ шагу падала и сама не могла вставать и руками что либо дѣлать.

По пріѣздѣ въ Задонскъ, когда она пріобщена была святыхъ таинъ и, послѣ обѣдни, принесена на мѣсто могилы святителя Тихона, молилась предъ находящимся на памятникѣ образомъ Матери Божіей, получила свободное владѣніе въ рукахъ и ногахъ, такъ что отъ мѣста могилы сама, безъ всякаго пособія, дошла до дома, въ которомъ она остановилась по пріѣздѣ изъ Тулы. Въ этомъ домѣ она жила десять дней и ходила въ церковь безъ всякой поддержки. Въ пути изъ Задонска до Тулы она вылѣзала изъ тарантаса также безъ всякой поддержки, а когда влѣзала, была поддерживаема.

Въ настоящее время она руками владѣетъ довольно хорошо, хотя и не въ состояніи дѣлать что либо трудное и тяжелое, напримѣръ носить дрова, поднять чугунъ съ пола или съ высоты снять, чувствуя какую-то онѣмѣлость въ локтяхъ,

но прядетъ, чулки вяжетъ, комнаты мететъ и прочее, а въ ногахъ чувствуетъ еще какую-то слабость, по комнатѣ ходитъ безъ поддержки, но далеко еще ходить не можетъ, и остается въ полномъ упованіи на милость Божію и на молитвенное ходатайство святителя Тихона, продолжая молитвы предъ его иконою, которою благословилъ ее митрополитъ Исидоръ.

Справедливость показанія подтвердили подъ присягою мать исцѣлѣвшей, дядя и крестный отецъ ея, упоминаемая въ семъ показаніи Анна и 9-ть человѣкъ сосѣдей.

11. Орловской губерніи, Елецкаго уѣзда, деревни Боевки, государственная крестьянка, дѣвица *Надежда Тимоѳеева Боева*, отъ роду 27 лѣтъ, подъ присягою показала: въ какомъ состояніи было ея здоровье до семилѣтняго возраста, она не помнитъ. Восьмой годъ своей жизни она провела въ постели, чувствовала болѣзнь во всемъ тѣлѣ и колотье во всѣхъ членахъ, руками и ногами не могла дѣйствовать. Въ это время у ней образовались спереди и сзади горбы. На девятомъ году ея жизни, родители ея возили ее въ Задонскъ и носили въ пещеру, гдѣ почивали мощи святителя Тихона. Когда ее приложили къ гробницѣ святителя, она мгновенно получила владѣніе руками и ногами и ощутила нѣкоторую легкость во всемъ тѣлѣ; начала, хотя и съ трудомъ, ходить; горбы же продолжали увеличиваться, такъ что она съ трудомъ могла дышать.

Въ такомъ состояніи ея здоровье находилось до 11-го числа августа 1861 года. Сего числа она на своихъ ногахъ, съ помощію палки, пришла въ городъ Задонскъ и, предъ начатіемъ всенощнаго бдѣнія, взошла на монастырскій дворъ. Въ ту же минуту почувствовала она сильную слабость во всемъ тѣлѣ, такъ что не могла двигаться. На другой день, въ субботу, съ ней сдѣлались корчи, чрезвычайное разслабленіе во всемъ тѣлѣ; разодрало ей ротъ, и ей казалось, что глаза ея выкатились изъ своихъ мѣстъ. Затѣмъ она впала въ совершенное безпамятство.

Въ это время она была на монастырскомъ дворѣ, и ей представилось, что звѣзды на небѣ блистаютъ особеннымъ свѣтомъ, и въ тѣлѣ было какое-то особенное пріятное ощущеніе, и что ей кто-то (но кто именно, того не помнитъ и вообразить не можетъ) далъ икону малую въ золотомъ окладѣ, но что на той иконѣ было изображено, того припомнить не можетъ. Все это

представлялось ей одной, окружающіе же ее сего не видали. Послѣ сего она опамятовалась и почувствовала нѣкоторое облегченіе во всѣмъ тѣлѣ, но ходить не могла.

Въ воскресенье 13-го августа, предъ началомъ литургіи, она принесена была въ соборную церковь, гдѣ находились мощи святителя.

Когда святыя мощи понесли въ олтарь, она видѣла ясно, что святитель Тихонъ, какъ онъ изображается на иконѣ, приблизился къ ней и, наклонясь къ ней, взялъ ее подъ мышку правой руки, поставилъ ее на ноги, при чемъ она укрѣпилась всѣмъ тѣломъ и могла сама подойдти къ причастію святыхъ таинъ.

Въ настоящее время горбъ у нея спереди въ половину того, какъ былъ прежде; горбъ сзади также значительно уменьшился, станъ почти совсѣмъ выпрямился, и ея ростъ нѣсколько увеличился, дыханіе свободно, ходитъ безпрепятственно и во всемъ тѣлѣ чувствуетъ легкость и крѣпость.

Справедливость показанія подтвердили подъ присягою: отецъ и мать исцѣлѣвшей и 22 человѣка сосѣдей.

---

12. Орловской губерніи и того же уѣзда, села Философова ратницкая жена Александра Иванова, отъ роду 40 лѣтъ, подъ присягою показала, что дочь ея *Аграфена Пахомова Мазнева*, жена временно-обязаннаго крестьянина г. Шенигъ, Емельяна Егорова Мазнева, дѣйствительно была одержима болѣзнію года три, сначала сильною головною болью, а потомъ сведеніемъ рукъ и ногъ, такъ что она не могла ходить, а ползала. И кормили и поили ее другіе, носили на рукахъ, куда слѣдовало, и была она Аграфена одержима бѣснованіемъ. Въ 1860 году свозили ее въ городъ Ливенскъ, и она почувствовала тамъ облегченіе.

Въ 1861 году, къ открытію святыхъ мощей святителя Тихона, привозили ее въ городъ Задонскъ. По сказанію матери, когда подвозили ее къ Задонску, она разорвала на себѣ все платье и бѣлье. Въ припадкахъ бѣснованія она получала необыкновенную силу, въ дорогѣ къ Задонску рвалась къ рѣкѣ, чтобы утопиться, будучи возбуждаема къ сему какою-то силою. Между тяжкими и продолжительными припадками, Аграфена творила молитву съ крестнымъ знаменіемъ. И это облегчало нѣсколько ея страданія. Въ припадкахъ они просила окружавшихъ держать ее и раскрывала ихъ помыслы.

Когда приложили ее къ гробницѣ святителя Тихона, бѣснованія кончились, и она Аграфена получила свободное движеніе въ рукахъ и ногахъ, и можетъ сама ходить при помощи костыля.

13. Тамбовской губерніи, Усманскаго уѣзда, Пятницкой слободы, государственнаго крестьянина Дмитрія Ильина *Свиридова* жена *Анастасія Евдокимова*, 23-хъ лѣтъ отъ роду, получила въ Задонскѣ, незадолго до открытія святыхъ мощей Тихона, исцѣленіе, достойное примѣчанія.

Особенно-горестныя обстоятельства жизни, не со всякимъ случающіяся, воспитали въ Анастасіи Евдокимовой отвращеніе отъ всего земнаго, холодность къ ближнимъ, даже къ роднымъ, невниманіе къ домашнему быту. Скрывая отъ другихъ такое мрачное состояніе души, она думала своими силами выйдти изъ него. Но когда собственныя усилія не произвели въ ней желаемой перемѣны, она откровенно объявила о своемъ душевномъ разстройствѣ матери своей, при ней жившей, Евдокіи Никитиной Васильевой, и своему мужу, Димитрію Свиридову, имѣвшему къ ней добрыя отношенія. Они, съ общаго соглашенія, отслужили въ своемъ домѣ молебное пѣніе Божіей Матери, заступницѣ скорбящихъ.

Въ началѣ ноября 1860 года, въ жизни Анастасіи замѣтили перемѣну къ худшему. Прежняя только холодность души перешла въ сильную ненависть ко всему и ко всѣмъ, кромѣ сына, полуторагодоваго малютки, котораго она не переставала еще любить, изъ жалости къ его возрасту. Сверхъ того въ болящей открылись нестерпимая тоска, безсонница, отвращеніе отъ пищи. Страхъ охватилъ душу, мрачныя представленія, принимающія ясность внѣшнихъ видѣній, тревожили ее, и внутренній голосъ неотступно и утвердительно предрекалъ ей и сыну вѣчную погибель. Во все время этого искушенія, она искала помощи почти въ непрестанной, днемъ и по ночамъ совершаемой молитвѣ, а потомъ впала въ отчаяніе и совсѣмъ бросила молиться, считая себя отверженною Богомъ. Въ ночь на 6-е декабря того же года, въ ней обнаружилась совершенная потеря разсудка. Къ изумленію и ужасу родныхъ, она начала говорить странныя рѣчи, будто она уже въ другомъ мірѣ, гдѣ небо низко, свѣтъ мраченъ, гдѣ все: земля, воздухъ и прочее—нечисты, осквернены духомъ злобы, и самые люди въ призрачномъ мірѣ казались ей злыми привидѣніями. Больная не признавала ни родныхъ, ни мужа, на всѣхъ бросалась,

дралась и кричала: «за что́ вы лишили меня христіанской, чистой земли? Возвратите меня въ мой родной христіанскій міръ, къ моимъ кровнымъ братіямъ, христіанамъ», и тому подобное.

Въ слѣдующемъ, 1861 году, чрезъ недѣлю послѣ праздника Богоявленія Господня, умеръ ея сынъ. Это усугубило ужасныя душевныя страданія Анастасіи. Ей представлялось, что сына отравила непріязненная сила и увлекла его съ собою на вѣчныя мученія. Въ отчаяніи, она, изодравъ на себѣ платье, бѣгала по улицамъ, уходила иногда въ сосѣднія селенія и неистово кричала. Домашніе вынужденными нашлись держать ее на привязи. Всѣ сподручныя мѣры приняты были къ исцѣленію несчастной; но ничто не помогало: умопомѣшательство (назовемъ такъ это состояніе) усиливалось, и болѣзнь во всѣхъ перемѣнахъ своихъ продолжалась такимъ образомъ почти цѣлый годъ.

Въ томъ же 1861 году, дней за двадцать до праздника живоначальной Троицы, Анастасія, въ крайнемъ изнеможеніи силъ, уснула и видѣла сонъ, будто стоитъ она у мощей святителя Тихона задонскаго и хочетъ рукою поднять покровъ, коимъ покрыты святыя мощи его; голосъ невидимый запрещаетъ ей касаться покрова; святитель же мягкосердо сказалъ: «пусть откроетъ». Въ тотъ же моментъ она проснулась; надежда на одинъ мигъ озарила ея душу, и она почувствовала желаніе идти въ Задонскъ къ святителю Тихону, но едва успѣла заявить о семъ матери, какъ невѣріе и отчаяніе опять овладѣли ею и какая-то противная сила непреоборимо отвлекала ее отъ исполненія благодатной мысли. Мать же, ухватившись за эту мысль, какъ за якорь спасенія, увѣряла потерянную дочь свою, что святитель Тихонъ непремѣнно возвратитъ ей христіанскую землю, и успѣла расположить ее, послѣ большихъ усилій, къ путешествію въ Задонскъ. Особенныхъ трудовъ стоило матери довести ее до Задонска; но и для дочери, по ея болѣзни, нелегко было это путешествіе. Полное отсутствіе разсудка, крайнее изнеможеніе физическихъ силъ, одышка и давленіе въ груди невыразимо затрудняли движеніе болящей.

За двѣ недѣли до праздника Святыя Троицы, пришли онѣ въ Задонскъ и, не заходя никуда, прямо вошли въ церковь, въ которой тогда подъ спудомъ покоились святыя мощи угодника Божія Тихона. Руководимая матерью, больная приблизилась къ надгробію, на которомъ былъ изображенъ образъ свя-

тителя. Лишь только она коснулась къ образу устами, въ то же мгновеніе ее озарила было надежда благодатнаго избавленія; но мрачное отчаяніе, какбы препираясь, вытѣснило это свѣтлое и животворное чувство души. Въ такомъ состояніи духа она и вышла изъ церкви. Мать повела ее въ погребальную пещеру задонскаго монастыря, въ которой погребены тѣла подвижниковъ, въ Бозѣ почившихъ: схимонаха Митрофана, іеросхимонаховъ: Агаппта, Наѳанаила и Авраамія, затворника Георгія, блаженнаго Антонія (Алексѣевича), также старицъ: Евѳиміи (Григорьевны Поповой), Матроны (Наумовны) и другихъ. Тамъ больная поспѣшно приложилась къ образу Архистратига Михаила, и вдругъ въ ея душѣ и въ чувствахъ мгновенно все измѣнилось; она совершенно пришла въ себя и, въ неизъяснимой радости, вскрикнула: «ахъ! вотъ здѣсь наша-то родная, христіанская, чистая земля! Вотъ наши кровные братья-христіане,—нашъ свѣтъ! А вотъ и моя родная матушка!» Съ этими словами она поклонилась матери до земли, какбы здороваясь съ нею, при неожиданномъ свиданіи послѣ долгой разлуки. Разсудокъ къ ней возвратился, сознаніе вошло въ свои предѣлы, и больная Анастасія Евдокимова совершенно исцѣлилась, сдѣлавшись какбы инымъ, новымъ человѣкомъ. Въ чувствованіяхъ благодарности, съ полною вѣрою, горячимъ усердіемъ и радостными слезами начала она молиться Богу и потомъ прикладывалась къ изображеніямъ на внутреннихъ стѣнахъ погребальной пещеры (часовни). Вечеромъ того же дня она исповѣдалась и, по должномъ церковномъ приготовленіи, на другой день была удостоена причастія святыхъ таинъ.

Получивъ исцѣленіе, Анастасія, въ сердечной радости, очень скоро шла и спѣшно возвратилась въ домъ свой. На пути, въ одномъ селеніи, она опять подверглась было испытанію. Остановившись для ночлега, она не могла заснуть до глубокой ночи, и такъ около полуночи опять почувствовала страхъ, мысли снова взволновались отчаяніемъ; ей показалось, что она низвергается въ прежнюю бездну и привидѣнія засыпаютъ ее землею. Анастасія разбудила мать свою, которая, оградивъ ее крестнымъ знаменіемъ, внушила ей самой креститься и мысленно читать молитву. Послѣ этого Анастасія нѣсколько забылась и въ этомъ состояніи, полусонномъ и полубодрственномъ, увидѣла свѣтъ, подобный полуденному блеску солнца, и Архангела Михаила вблизи стоящимъ, который сказалъ ей: «не бойся, теперь все прошло». Очнувшись, она начала вслухъ

матери радостно благодарить св. угодника Божія Тихона и Михаила Архистратига небесныхъ силъ. «Съ того времени, какъ показала мать исцѣленной—свидѣтельница болѣзней и чуда—съ того времени, за молитвами великаго угодника Божія и чудотворца Тихона, также покровительствомъ Архангела Михаила, она, благодаря Бога, находится, по прежнему, въ здравомъ умѣ, безпрепятственно ходитъ къ богослуженію въ церковь, молится дома, благоговѣйно чтитъ святыню, ко всѣмъ ближнимъ питаетъ любовь и ревностно заботится о домашнемъ хозяйствѣ».

Бывши во второй разъ въ Задонскѣ, при самомъ уже открытіи святыхъ мощей святителя Тихона, Анастасія Свиридова о чудесномъ своемъ исцѣленіи сама повѣдала духовному начальству, по распоряженію котораго это событіе въ то же время было записано и потомъ подвергнуто законному обслѣдованію. Всѣ лица, по сему дѣлу спрошенныя, заявили свои личныя наблюденія согласно съ показаніями исцѣленной, и истинность всего событія засвидѣтельствовали подъ присягою: сама исцѣленная, мать ея Евдокія Васильева, мужъ Димитрій Свиридовъ, свекоръ Илья Свиридовъ и пять человѣкъ ея сосѣдей по мѣстожительству.

14. Тамбовской губерніи, Липецкаго уѣзда, Бутырской волости, села Сселокъ, дочь государственнаго крестьянина Стефана Діомидова *Двуреченскаго — дѣвица Анна*, 20-ти лѣтъ, показала подъ присягою слѣдующее о своей болѣзни и чудесномъ исцѣленіи у мощей святителя Тихона:

«Въ 1859 году, будучи совершенно здоровою, я вскорѣ послѣ праздника Рождества Христова, а именно въ послѣднихъ числахъ декабря, занимаясь пряжей, почувствовала въ себѣ боль. Началась она тяготою въ плечахъ, затѣмъ открылись ломота, слабость во всѣхъ членахъ тѣла и душевная тоска», отчего она, какъ говорили при показаніяхъ родные и знакомые, постоянно была печальна. Въ такомъ состояніи больная находилась до послѣднихъ чиселъ іюня истекшаго 1861 года. «А въ началѣ іюля», говорила она, «занимаясь въ полѣ жатвой ржи, я почувствовала лихорадку, которая вскорѣ обратилась въ припадки бѣснованія. Эти припадки, помню, повторялись со мною ежедневно, и притомъ по нѣскольку разъ въ сутки, особенно при напоминаніи мнѣ о чемъ нибудь священномъ. Что́ со мною было во время самыхъ припадковъ, о томъ

я ничего не помнила, по причинѣ совершенной потери чувствъ и памяти.» Родители же ея: отецъ Стефанъ Діомидовъ, 58-ми-лѣтній старецъ, мать Параскева Ѳомина, старица 63-хъ лѣтъ, братья ея и знакомые этому семейству изобразили единогласно въ ужасной картинѣ состояніе ея во время припадковъ. «Бѣсноватая», говорили они, «кричала во весь голосъ и на всѣ голоса, въ неистовствѣ рвала и вырывала волосы на своей головѣ, щипала тѣло, грызла руки, подвергалась корчамъ и кривляніямъ, тряслась всѣмъ тѣломъ, ругалась надъ святынею, поносила безъ разбора всѣхъ родныхъ. Тѣло свое въ безчувственномъ состояніи она такъ безжалостно всегда грызла и щипала, что съ него не сходили пятна и раны. Мы, кто видѣлъ это, старались изъ жалости удерживать ее отъ поврежденія себя; но у ней въ то время дѣйствовала такая сила, что двумъ или тремъ здоровымъ мужчинамъ трудно было одолѣть ее.» По прекращеніи припадковъ, возвратившись къ сознанію, больная чувствовала сильную тоску, крайнее оскудѣніе силъ, боль во всѣхъ членахъ, и зрѣлище язвъ, собственною рукою нанесенныхъ себѣ, увеличивало тяготу ея сердца.

«Услышавъ о скоромъ открытіи мощей святаго Тихона задонскаго», такъ говорила Анна Двуреченская о своемъ исцѣленіи, «я просила у него помощи и дала обѣтъ быть въ Задонскѣ при самомъ открытіи. Я ничего не помню, какъ меня отправили изъ дому, что́ со мной дѣлалось на дорогѣ, какъ меня привезли въ Задонскъ, какъ я прикладывалась къ ракѣ святителя Тихона: въ продолженіи всего этого времени я находилась въ безчувственномъ состояніи (объ этомъ разсказали мнѣ послѣ).» Можно по этому судить, въ какомъ страдальческомъ недугѣ была бѣсноватая и какъ сильно и всецѣло обладалъ ею духъ тьмы! Но при ней въ путешествіи были ея отецъ съ матерью и родной 26-ти-лѣтній братъ Прокопій Степановъ. Недостатокъ ея разсказовъ они пополнили слѣдующими обстоятельствами. «По ея желанію, мы», говорилъ отецъ, «повезли страждущую въ Задонскъ, дня за четыре до открытія святыхъ мощей. На пути все время она была въ безчувственномъ состояніи и въ припадкахъ бѣснованія играла пѣсни, прыгала, обнаруживая такую силу, что я съ женою и съ сыномъ, будучи въ силахъ, едва могли держать ее на повозкѣ. По прибытіи въ Задонскъ, еще до открытія святыхъ мощей, мы съ 9-го числа августа, ежедневно, значитъ нѣсколько разъ, прикладывали больную къ ракѣ святаго Тихона, но вы-

носили ее всякій разъ назадъ въ безчувственномъ состояніи, внѣ себя, съ припадками бѣснованія.» Соображеніе сихъ обстоятельствъ со временемъ исцѣленія бѣсноватой приводитъ невольно къ той мысли, что святитель, такъ сказать, намѣренно удерживалъ цѣлебную свою силу до дня торжественнаго открытія святыхъ мощей его, чтобы мы въ нетлѣнномъ тѣлѣ его, какбы очами, узрѣли источникъ, изъ котораго исходитъ обильный даръ чудотвореній. Ибо исцѣленіе бѣсноватой послѣдовало 13-го августа, въ день открытія святыхъ мощей, и во время самаго крестнаго хода съ ними. Обстоятельство это такъ поразительно, что мы рѣшились привести его со всѣми подробностями.

Во время крестнаго хода со святыми мощами вокругъ монастыря, отецъ бѣсноватой, мать и братъ стояли въ толпѣ народа на монастырскомъ дворѣ, окруживъ больную и бдительно наблюдая за нею. Въ виду ихъ болящая Анна, очнувшись, пришла къ сознанію, впервые послѣ отправленія изъ своего дома, и, возложивъ на себя крестное знаменіе, устремила глаза къ мощамъ святителя, несомымъ въ воздушномъ пространствѣ, на значительной высотѣ. Въ этотъ моментъ она увидѣла парящимъ надъ главою святителя Тихона, въ воздухѣ, юношу, съ открытыми русыми волосами, въ бѣломъ длиннаго покроя одѣяніи, опоясаннаго чернымъ поясомъ. Взоры и руки его, въ молитвенномъ состояніи, простерты были къ небу. Но видъ его былъ печаленъ и мраченъ. Въ порывахъ восторга, Анна просила окружавшихъ ее, особенно отца, мать и брата, взглянуть на видѣніе. Они искали его глазами, но ничего не увидѣли. Когда святыя мощи пронесли мимо того мѣста, гдѣ стояла въ народѣ страждущая, предъ глазами Анны дивное видѣніе еще повторилось; только лицо юноши на этотъ разъ сіяло неизреченною радостію. Когда спрашивали у ней: «чему можно уподобить это видѣніе», она отвѣчала: «по моему мнѣнію, оно похоже на изображеніе святыхъ ангеловъ или святыхъ угодниковъ Божіихъ, представляемыхъ на иконахъ въ молитвенномъ видѣ».

Изслѣдованіе сего чудотворенія происходило 29-го сентября прошлаго 1861 года. Въ заключеніе показанія исцѣленная сказала: «я выѣхала изъ Задонска, благодаря Бога и святителя Тихона, совершенно здоровою, какъ и теперь себя чувствую. Прежней тоски и припадковъ бѣснованія съ тѣхъ поръ со мною не бываетъ». Отецъ, припоминая дальнѣйшія обстоя-

тельства тяжкихъ страданій, съ своей стороны присовокупилъ, что послѣ видѣнія дочь его неоднократно прикладывалась къ святымъ мощамъ, но всегда была въ чувствѣ, и припадки бѣснованія не обнаруживались; изъ Задонска везена была совершенно здоровою и теперь никакой боли не чувствуетъ.

Объ обстоятельствахъ славнаго исцѣленія Анны Двуреченской засвидѣтельствовали подъ присягою, кромѣ упомянутыхъ въ самомъ событіи лицъ, родной братъ ея (старшій Прокофія) Михаилъ Степановъ Двуреченскій, волостной голова Дмитрій Андреевъ и 11 человѣкъ крестьянъ-односельцевъ, которые знали объ ея болѣзни до отправленія въ Задонскъ и по возвращеніи Анны домой вполнѣ убѣдились въ совершенномъ ея исцѣленіи. «Какъ она освободилась отъ прежней болѣзни», сказали они въ одинъ голосъ, «мы не знаемъ, только въ настоящее время она находится совершенно здоровою, за что̀, какъ слышимъ, и сама она и ея родные благодарятъ Бога и святаго отца нашего Тихона.»

15. Тамбовской губерніи, Козловскаго уѣзда, деревни Иловайскихъ Двориковъ, временно-обязанный помѣщика М. П. Попова крестьянинъ *Матвей Дмитріевъ Поляковъ*, имѣющій отъ роду 30-ть лѣтъ, въ 1855 году получилъ ломоту въ рукахъ и въ ногахъ. «Отъ чего эта болѣзнь приключилась мнѣ», говорилъ онъ при показаніи, «я не замѣтилъ, а думаю, что отъ худаго одѣянія въ холодное время.» Впослѣдствіи времени болѣзнь его усилилась и приняла такой злокачественный характеръ, что съ правой стороны на плечѣ и рукѣ, также на лбу открылись раны, изъ которыхъ текла матерія. Тогда онъ лишился возможности носить платье и работать. Оставалось для него еще одно утѣшеніе: онъ могъ пока ходить. Но, вслѣдствіе потери соковъ отъ ранъ, силы его постепенно упадали, такъ что онъ едва держался на ногахъ во время ходьбы, а послѣднія двѣ недѣли передъ исцѣленіемъ лежалъ уже въ постели. Такимъ образомъ, болѣзнь Полякова длилась шесть лѣтъ, и надежды на благополучный исходъ ея не было.

Какъ же онъ получилъ исцѣленіе? Здѣсь мы приведемъ его собственный разсказъ, въ устахъ неграмотнаго имѣющій особую красоту и убѣдительность. «Имѣя», говорилъ Поляковъ, «живую вѣру и упованіе на помощь святителя Тихона, прославленнаго Богомъ, дивнымъ во святыхъ, принялъ я твердое намѣреніе идти въ городъ Задонскъ на поклоненіе его свя-

тымъ и чудотворнымъ мощамъ. На первый день я, съ большимъ трудомъ, прошелъ 7 верстъ; во второй день и третій, чувствуя уже нѣкоторое облегченіе отъ болѣзни, я могъ проходить верстъ по 30-ти, а поблизости къ Задонску, молитвами угодника Божія, раны на тѣлѣ моемъ засохли, и я сталъ совсѣмъ здоровъ. Въ настоящее время хотя и чувствую малую боль въ однѣхъ ногахъ, впрочемъ силы есть, и я работаю. Все сказанное могутъ подтвердить родственники мои сосѣди.» Такъ заключилъ показаніе свое исцѣленный Матѳей Поляковъ.

И дѣйствительно, съ призываніемъ имени Божія подъ присягою, разсказъ о семъ чудотвореніи подтвердили: родной братъ его Ѳеодосій, двоюродный братъ ихъ Иванъ Созоновъ и 4 человѣка крестьянъ, проживавшихъ въ сосѣдствѣ съ ними. Всѣ эти лица не были непосредственными зрителями исцѣленія и потому свидѣтельствовали только о послѣдствіяхъ чуда, т. е., что Матѳей Поляковъ только по прибытіи изъ Задонска сталъ здоровъ и началъ работать.

---

16. Тамбовской губерніи, города Козлова, приписная мѣщанка, дѣвица *Евдокія Никитина Пушкина*, 52-хъ лѣтъ, по мѣсту рожденія своего, жила до 16-тилѣтняго возраста въ Козловскомъ уѣздѣ, въ селѣ Хмѣлевой слободѣ, при родителяхъ (нынѣ уже умершихъ), которые были однодворцы. Потомъ, не чувствуя призванія къ семейной жизни, она, съ благословенія родителей, въ Хмѣлевѣ же поселилась въ особой, уединенной келліи, въ сообществѣ другихъ благочестивыхъ женъ, въ уединеніи искавшихъ себѣ спасенія. Въ Хмѣлевѣ, какъ и вездѣ по селамъ, богослуженія совершались только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Желая ежедневно присутствовать при богослуженіи, Евдокія, по смерти родителей, въ 1836 году, перешла на постоянное жительство въ городъ Козловъ, приписалась въ мѣщанство и, вмѣстѣ съ племянницею, дѣвицею Параскевою Пушкиной, поселилась тамъ въ купленной ею хижинѣ, вблизи соборной церкви. Она была всегда совершенно здорова, а съ 1848 года,—отъ испуга ли, по случаю бывшихъ въ томъ году въ Козловѣ страшныхъ пожаровъ, или отъ другой какой причины,—она начала чувствовать біеніе сердца, сопровождавшееся истомою души. Поначалу болѣзнь была не такъ сильна и припадки не часто повторялись; но впослѣдствіи, особенно съ 1850 года, болѣзнь, усилившись, сдѣлалась столь невыносима, что Евдокія, отъ сильной тоски, теряла

привязанность къ жизни и просила у Бога смерти. Въ послѣднее время припадки стали повторяться противу прежняго чаще, дня черезъ три и даже менѣе. Въ сильной тоскѣ больная никѣмъ и ничѣмъ не была довольна, изъ постоянно ласковой дѣлалась капризною, ко всему придиралась, и жившая съ нею племянница, безъ всякой причины, терпѣла отъ ней огорченія. Болѣзненные припадки обыкновенно прекращались сильною отрыжкою.

Въ началѣ августа прошлаго 1831 года, услышавъ о скоромъ открытіи мощей святителя Тихона, котораго и прежде благоговѣйно чтила, не разъ, ради памяти его, бывала въ Задонскѣ и служила при его гробѣ панихиды,—Евдокія, какъ сама говорила, укрѣпившись вѣрою въ мощное ходатайство святителя Тихона предъ Богомъ и вполнѣ уповая получить по его молитвамъ исцѣленіе, отправилась, за 10 сутокъ до открытія святыхъ мощей, въ городъ Задонскъ, одна пѣшкомъ. Въ дорогѣ она провела 4 дня, и пришла въ Задонскъ 7-го августа, вечеромъ. Съ самаго выхода изъ Козлова, горя усердіемъ поклониться и облобызать святыя мощи Тихона, она не чувствовала біенія сердца, но мысли самаго мрачнаго свойства давили ея душу, какбы извнѣ нападая на нее, и отрыжка, не прекращаясь во всю дорогу, мучила больную.

Прибывши въ Задонскъ, она, изъ благоговѣнія къ святителю, чтобы достойно коснуться святаго его тѣла и очистить чудотворной силѣ доступъ къ своей душѣ, поговѣла и 12-го числа въ Богородицкомъ монастырѣ причастилась святыхъ таинъ. Сильное желаніе ея приложиться къ святымъ мощамъ, въ самый день открытія ихъ, не исполнилось, по причинѣ многолюдства и тѣсноты народа. Въ среду же 16-го августа, по окончаніи литургіи, которую совершалъ Сергій, епископъ курскій, она вмѣстѣ съ другими поклонниками приблизилась къ ракѣ святителя Тихона и, едва коснулась устами святыхъ мощей, въ тотъ же моментъ ощутила въ себѣ внезапную перемѣну: отрыжка, и въ Задонскѣ томившая ее, прекратилась, духъ унынія исчезъ, мысли сдѣлались свѣтлыми, чувства отрады, сладости и довольства охватили ея душу и тѣло. Выразивъ такія мысли, Евдокія прибавила: «впрочемъ, я не могу пересказать со всею точностію, что̀ такое во мнѣ произошло и долго ли я находилась въ такомъ блаженномъ состояніи. Я была тогда внѣ себя отъ радости. Очнувшись же, я, какъ умѣла, благодарила святаго Тихона, моего благодатнаго

врача и молитвенника. Болѣзненные припадки съ тѣхъ поръ со мною не повторялись, и въ настоящее время, благодаря Бога и великаго Его угодника, святителя Тихона, я совершенно здорова, какъ душею, такъ и тѣломъ. Клянусь Богомъ, котораго я призывала въ клятвенномъ обѣщаніи, напередъ сего показанія данномъ, что все показанное мною есть сущая правда и лжи ни тѣни тутъ нѣтъ».

Евдокія Пушкина сперва таила о своемъ чудесномъ исцѣленіи, но потомъ открыла о немъ въ Задонскѣ двумъ іеромонахамъ. Въ Козловѣ, согласно съ повѣствованіемъ въ Задонскѣ, она сдѣлала точное и подробное его описаніе, подтвердивъ присягою истинность его въ самыхъ малѣйшихъ подробностяхъ. Жившая съ нею болѣе 25-ти лѣтъ родная племянница Параскева Иванова Пушкина, имѣющая отъ роду 40 лѣтъ, съ своей стороны показала какъ о ея болѣзни и припадкахъ до путешествія въ Задонскъ, такъ и о возвратѣ къ ней совершеннаго спокойствія и здоровья по пришествіи обратно въ городъ Козловъ.

---

17. Тульской губерніи, Богородицкаго уѣзда, прихода села Спасскаго, деревни Контевки, временно-обязанный крестьянинъ помѣщика Алексѣя Стефановича Хомякова *Мартинъ Семеновъ*, по прозванію Купцовъ, 70-ти лѣтъ отъ роду, по приведеніи къ присягѣ, показалъ:

Въ 1859 году, 20-го февраля, на сырной недѣлѣ, въ четвертокъ, пошелъ онъ въ сосѣднюю деревню Котовку по своимъ надобностямъ къ крестьянину Авксентію Павлову. Послѣ обѣда пошелъ онъ въ сѣнникъ отдохнуть и уснулъ. Крестьянинъ Павловъ разбудилъ его. Онъ почувствовалъ въ лѣвой рукѣ, въ боку и ногѣ онѣмѣніе, и самъ не могъ встать, а поднялъ его Павловъ и отвезъ домой. Въ домѣ употреблены были кровопусканіе и другія врачебныя пособія; но болѣзнь до того усилилась, что его переворачивали съ боку на бокъ. Болѣзнь сія продолжалась болѣе года; послѣ нѣсколько ослабѣла. Онъ, хотя съ величайшимъ трудомъ, началъ съ палкою перетаскивать ногу. Услышавши о готовящемся открытіи мощей св. Тихона въ Задонскѣ, онъ возъимѣлъ желаніе поклониться св. мощамъ; въ дорогѣ шелъ не болѣе семи верстъ въ сутки.

Пришедши въ Задонскъ 9-го числа августа, онъ приложился къ ракѣ святителя Тихона и въ то же время почувствовалъ, что онѣмѣніе нѣсколько разрѣшилось; онъ сталъ чувствовать

болѣе развязности въ рукѣ и въ ногѣ. Въ этотъ день онъ въ первый разъ могъ самъ подпоясаться. На возвратномъ пути онъ могъ уже проходить отъ 15-ти до 20 верстъ въ сутки, хотя совершеннаго выздоровленія еще не чувствуетъ.

Справедливость показанія подтвердили: священникъ приходскій по священству и пять человѣкъ родственниковъ и нѣсколько сосѣдей подъ присягою.

18. Орловской губерніи, города Ливновъ солдатка вдова *Евфросинія Гавріилова Бабичева*, 48-ми лѣтъ отъ роду, подъ присягою показала, что она, занимаясь мелочною продажею яблокъ и проч., назадъ тому лѣтъ шесть на ярмаркѣ въ Ливнахъ, въ день усѣкновенія главы св. Іоанна Крестителя, въ ненастную и дождливую погоду промочила и застудила ноги и почувствовала въ нихъ судороги. Такъ какъ она сама не могла уже идти, то наняла мужичка, который и привезъ ее съ товаромъ въ квартиру, занимаемую ею у двоюродной сестры, въ пригородной слободѣ. Въ продолженіи шести-лѣтней болѣзни своей она, по причинѣ бѣдности своей, ничѣмъ не лѣчилась. Священникъ нѣсколько разъ ее исповѣдывалъ и пріобщалъ св. таинъ и однажды особоровалъ. Болѣзнь ея, постепенно усиливаясь во всемъ тѣлѣ, дошла до того, что она не могла не только ходить, но даже и лежать на спинѣ, а находилась почти въ висячемъ положеніи съ помощію укрѣпленнаго надъ ея кроватью шеста, за который она держалась попеременно то одною, то другою рукою, и питалась приношеніями отъ двоюроднаго брата и другихъ.

Когда услышала она въ іюлѣ мѣсяцѣ сего года объ открытіи мощей святителя Тихона въ г. Задонскѣ, то мысленно молилась ему усердно о помилованіи ея и дала обѣтъ идти въ Задонскъ на поклоненіе угоднику Божію, какъ скоро будетъ имѣть облегченіе. Съ того времени она начала вставать съ постели и ходить по избѣ, опираясь на палку. Въ послѣднихъ числахъ мѣсяца іюля она, хотя съ большимъ трудомъ, отправилась въ Задонскъ, пригласила съ собою пятнадцатилѣтнюю племянницу свою, дѣвицу Надежду Сахарову. Въ пути, при ежедневномъ постепенномъ облегченіи, не болѣе, какъ въ недѣлю, она пришла въ Задонскъ.

Въ августѣ, 1-го числа, приложившись къ надгробію святителя Тихона, она получила совершенное исцѣленіе. О семъ объявила она архимандриту Задонскаго монастыря и осталась,

по усердію, до открытія мощей. Въ сіе время она увидѣлась въ Задонскомъ монастырѣ съ купцомъ Шубинымъ, который зналъ о ея болѣзни и питалъ ее во время оной, и разсказала ему о своемъ исцѣленіи.

Справедливость показанія подъ присягою подтвердили три человѣка, знающіе о ея болѣзни.

19. Тульской губерніи, Епифановскаго уѣзда, деревни Извольской, Казановки тожъ, помѣщика Льва Львовича Карбоньеръ временно-обязанный крестьянинъ *Климентъ Онуфріевъ* подъ присягою показалъ: три года тому назадъ, по уборкѣ хлѣба въ осеннее время (это было въ воскресенье), домашніе его пошли въ поле для сбереганія жнивы. Онъ пріѣхалъ туда же, наложилъ жнивы возъ и привезъ его домой безъ всякой помѣхи. Какъ до вечера оставалось еще довольно времени, то онъ поѣхалъ въ другой разъ. Въ сей разъ домашніе его наложили возъ больше прежняго. Онъ находился на возу и увязывалъ его веревкою; когда натягивалъ веревку, она оборвалась, и онъ упалъ съ воза и ударился о землю такъ сильно, что разшибъ себѣ голову. Такъ какъ онъ упалъ на правый бокъ, то отшибъ себѣ правую руку и правую ногу. Семейные его свалили жниву, положили его на телѣгу и почти замертво привезли домой. По ночному времени и дальнему разстоянію отъ села, никто не рѣшился ѣхать за священникомъ. На другой день священникъ исповѣдывалъ его, пріобщилъ св. таинъ и особоровалъ. Съ того времени онъ не владѣлъ правою рукою, не могъ ею перекреститься, а молился лѣвою. Ходить онъ могъ не иначе, какъ съ помощію другихъ, и то передвигая правую ногу. Оттого обувь на правой ногѣ изнашивалась скорѣе, нежели на лѣвой. Шея его также сильно была повреждена. Онъ думалъ, что навсегда останется калѣкою. Когда сдѣлалось извѣстнымъ объ открытіи мощей св. Тихона, онъ возъимѣлъ сильное желаніе побывать въ Задонскѣ. Съ большимъ трудомъ онъ дотащился до Задонска. Когда на ряду съ другими онъ приложился къ мощамъ св. Тихона, почувствовалъ облегченіе отъ своей болѣзни. Послѣ сего онъ не разсудилъ долѣе оставаться въ Задонскомъ монастырѣ и отправился обратно домой; на дорогѣ замѣтилъ въ себѣ перемѣну къ лучшему. Ногою онъ сталъ свободнѣе идти и рукою могъ креститься. Удивлялся онъ сей перемѣнѣ и самъ себѣ не вѣрилъ.

Отошедши верстъ 25-ть отъ Задонска, онъ остановился но-

чевать въ домѣ церковнаго старосты, куда, по какой-то надобности, пришелъ приходскій священникъ. Онъ разсказалъ священнику о своемъ исцѣленіи, и священникъ сказалъ ему, что онъ нехорошо сдѣлалъ, что не заявилъ въ монастырѣ о своемъ исцѣленіи. Ему не хотѣлось возвращаться въ монастырь, однакожь рѣшился возвратиться и объявилъ въ монастырѣ о своемъ исцѣленіи. Въ настоящее время онъ можетъ посѣщать храмы Божіи и по силѣ своей помогаетъ домашнимъ въ ихъ занятіяхъ; по исцѣленіи своемъ ходилъ для богомолья въ нѣкоторыя святыя обители.

Справедливость показанія подтвердили подъ присягою шесть человѣкъ сосѣдей, знавшіе о его болѣзни.

---

20. Орловской губерніи, города Ельца, мѣщанина Андрея Максимова сынъ, *Тимоѳей Андреевъ*, 18-ти лѣтъ отъ роду, по приведеніи къ присягѣ показалъ:

На седьмомъ году возраста своего почувствовалъ онъ сильную ломоту въ обѣихъ ногахъ. Вскорѣ открылись на нихъ раны отъ колѣнъ до пятъ. Раны болѣе были около ступни. Отъ сего онъ едва передвигался, то съ палкою, то ползкомъ, около 10-ти лѣтъ. Услышавши объ открытіи мощей св. Тихона, онъ Тимоѳей, пожелавъ быть въ Задонскѣ, выползъ изъ дома на четвереньках въ сопровожденіи матери. На третьей верстѣ онъ почувствовалъ облегченіе и хотя съ болью, но на ногахъ пошелъ съ другими. Пришедши въ Задонскъ 11-го числа августа, онъ вмѣстѣ съ матерію пошелъ къ всенощному бдѣнію. За множествомъ народа не могши приложиться къ ракѣ св. Тихона, онъ взялъ изъ лампады, висящей предъ мощами, масла и выпилъ оное. Послѣ сего сдѣлалось гораздо легче. 14-го августа онъ приложился къ мощамъ св. Тихона и почувствовалъ еще большее облегченіе. Раны на ногахъ начали вдругъ затягиваться. По возвращеніи изъ Задонска, онъ началъ ходить свободно.

Справедливость показанія подтвердили: мѣстный священникъ по священству, пономарь сей же церкви, отецъ, мать, свояк и одинъ изъ сосѣдей.

21. Орловской губерніи, города Ельца, мѣщанинъ *Иванъ Васильевъ Рязановъ* подъ присягою показалъ: 1861 года, въ послѣднихъ числахъ февраля мѣсяца, приключилась ему болѣзнь, какъ предполагаетъ онъ, отъ простуды. Сзади костреца появи-

лась шишка въ куриное яйцо и съ продолженіемъ времени быстро разросталась и наконецъ сдѣлалась величиною почти съ человѣческую голову. Отъ сей болѣзни у него была сильная стрѣльба отъ шишки по самую ступень правой ноги и продолжалась день и ночь. Ходилъ онъ съ большимъ трудомъ, съ помощію костыля. Для облегченія отъ страшнаго мученія, прибѣгалъ онъ къ разнымъ медицинскимъ пособіямъ и простымъ женщинамъ, но облегченія ни малѣйшаго не получилъ. Услышавши о близкомъ открытіи мощей св. Тихона, онъ далъ обѣтъ ѣхать въ Задонскъ. Въ пятницу 11-го числа августа онъ удостоился приложиться къ гробницѣ св. Тихона и тутъ же почувствовалъ облегченіе въ болѣзни. Стрѣльба совершенно уничтожилась, и онъ пошелъ свободно безъ костыля. Изъ Задонска на пути домой онъ прошелъ 15-ть верстъ съ палочкою. Стрѣльбы по сіе время не ощущаетъ. Но по пріѣздѣ домой онъ увлеченъ былъ простыми бабками къ средствамъ лѣченія, въ намѣреніи извести шишку, разными припарками. Въ настоящее время онъ затрудняется въ ходьбѣ. Нога у него какбы одервенѣла. Но стрѣльбы и по настоящее время не чувствуетъ.

Справедливость показанія подъ присягою подтвердили: жена, тетка и двое сосѣдей.

---

22. Курской губерніи, Старооскольскаго уѣзда, села Никольскаго, деревни Ржавца, дворовая женка наслѣдниковъ умершаго поручика Викторова, Елисавета Давыдова *Безбородова*, 69-ти лѣтъ отъ роду, мать глухонѣмаго *Василія Леонтіева* и родная сестра его Варвара Леонтьева, по мужу Васильева, солдатка 35-ти лѣтъ отъ роду, подъ присягою показали: Василій, имѣющій отъ роду 32 года, глухонѣмой, до 5-ти лѣтняго возраста не ходилъ ногами; съ сего времени началъ ходить слабо, согнувшись; глазами смотрѣлъ неясно и почти всегда ихъ зажмуривалъ; ни о чемъ не имѣлъ понятія; крестнаго знаменія самъ никогда на себѣ не могъ положить. Когда подавали ему ѣсть, то мать его крестила своею рукою. Ѣсть не могъ просить, хотя и до двухъ дней не ѣлъ. Подавали пищу ему или мать, или сестра. Во всю жизнь свою онъ сидѣлъ, пригнувъ голову свою къ колѣнямъ; рѣдко самъ могъ приподняться, но на все требовалась сторонняя помощь; спалъ немного, и то тревожно. Какъ онъ былъ безсмысленъ, то и свойства онъ былъ спокойнаго и необидливаго. Въ первыхъ

числахъ августа сего 1861 года сестра его Варвара положила твердое обѣщаніе вести его съ собою въ Задонскъ. Съ большимъ трудомъ Варвара вела Василія. Почти цѣлый день едва могла она пройдти съ нимъ двѣ версты, такъ какъ онъ, то ведомый ею, то самъ положивъ на нее руку свою, шелъ слабо, вяло и сгорбясь. Когда они вышли на воронежскую дорогу, то сторонніе, ѣхавшіе, изъ жалости и состраданія взяли ихъ въ свою повозку и довезли до Воронежа. Отъ Воронежа также прошли они версты 4; но Василію было легче. Разные поклонники, ѣхавшіе въ Задонскъ, подвозили ихъ, кто сколько могъ. Такимъ образомъ они доѣхали до Задонска. Когда Варвара съ Василіемъ взошла въ церковь, и когда онъ приложился къ мощамъ св. Тихона (куда Варвару не допустили, а только одного его, Василія), и когда онъ, приложившись къ мощамъ, подходилъ къ сестрѣ своей, то она замѣтила тотчасъ въ немъ перемѣну. Онъ началъ креститься, цѣловалъ крестъ, бывшій у него на груди, началъ ходить прямѣе, хотя держалъ при себѣ два костылька. Они прожили въ Задонскѣ полтора мѣсяца. Василій все болѣе и болѣе укрѣплялся въ ногахъ и сталъ ходить прямо, безъ всякой сторонней помощи. Изъ Задонска пошли они пѣшкомъ. Въ дождливое время ихъ кто либо подвозилъ. Изъ Задонска заходили въ Елецъ, изъ Ельца въ Ливны и 23 октября возвратились въ Старый Осколъ. Въ настоящее время глухонѣмой Василій, привыкшій болѣе другихъ къ сестрѣ своей Варварѣ, наставляемый отъ сестры знаками, сталъ молиться Богу, ходитъ съ нею въ церковь, можетъ самъ предъ иконою поставить свѣчу, можетъ креститься и изрѣдка класть поклоны, цѣлуетъ часто на груди висящія у него иконы разныхъ святыхъ, пьетъ, ѣстъ, спитъ мало, но спокойно. Скоро онъ ходить не можетъ, но ходитъ прямо и тихо; говорить и слышать не можетъ, а о нужномъ показываетъ иногда знаками. Ведетъ себя скромно.

Справедливость показанія о предшествующемъ состояніи глухонѣмаго Василія подтвердили многіе подъ присягою, и о настоящемъ его состояніи удостовѣрилъ своимъ подписомъ города Стараго Оскола соборный протоіерей Евфимій Казминскій.

---

23. Рязанской губерніи, Ряжскаго уѣзда, села Ухлова, временно-обязанная крестьянка г. Лопухина, *Евдокія Иванова Анохина*, 50 лѣтъ отъ роду, подъ присягою показала:

Пять лѣтъ тому назадъ, она, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, родила сына Сергія и съ сихъ родовъ почувствовала онѣмѣніе во всемъ тѣлѣ,—съ груди до ногъ, такъ что ходить могла не иначе, какъ только съ помощію двухъ костылей. Болѣзнь сія еще болѣе усилилась съ пасхи того же года, и въ продолженіи двухъ лѣтъ опять до пасхи же она вовсе не ходила, а постоянно лежала; ее поворачивали съ боку на бокъ. Послѣ сего въ пасхальную вечерню у нея на лѣвой ногѣ сталъ дѣйствовать палецъ—мизинецъ. Продолжая лежать въ постели безъ всякаго движенія, она молила Бога и св. Николая чудотворца, чтобы Господь далъ ей возможность дойдти до храма Божія. Въ ту весну, въ первый день послѣ праздника св. Николая чудотворца, когда въ ихъ храмѣ была Боголюбская икона Божіей Матери изъ села Зимарова, Раненбургскаго уѣзда, ей сильно захотѣлось быть въ храмѣ. По просьбѣ ея, подняли ее съ кровати и подъ руки довели, или, вѣрнѣе, донесли до церкви. Въ церкви она просидѣла, согнувши ноги въ колѣняхъ, въ продолженіи всей обѣдни, будучи не въ состояніи подняться. Послѣ обѣдни она попросила отслужить молебенъ Божіей Матери; изъ церкви ее опять привели подъ руки. Послѣ сего, она почувствовала себя немного лучше, сама стала приподниматься на кровати и потихоньку могла спускаться съ нея, но ходить еще не могла. Впослѣдствіи времени она стала понемногу чувствовать себя все лучше и лучше и наконецъ, съ большимъ трудомъ, при пособіи двухъ палокъ, могла ходить; но въ ногахъ всегда чувствовала сильнѣйшую боль, такъ что, по ея выраженію, ноги у нея какъ будто кипѣли въ чугунѣ. Въ такомъ положеніи она рѣшилась отправиться въ г. Задонскъ, къ открытію мощей св. Тихона. Изъ Ухлова отправилась она вмѣстѣ съ своею сосѣдкою, крестьянкою, вдовою Анною Дмитріевою Морозовою, и, по своему обѣщанію, рѣшилась идти пѣшкомъ. Въ теченіи трехъ дней, съ великимъ трудомъ она дошла до города Раненбурга, наканунѣ Преображенія Господня. Изъ опасенія за слабость своего здоровья, въ г. Раненбургѣ, въ праздникъ Преображенія, онѣ пріобщились св. таинъ. На другой день Преображенія вышла она изъ г. Раненбурга и встрѣтила крестьянина, который везъ московскую, неизвѣстную ей, купчиху, также больную, коего и просила она подвезть ее. Крестьянинъ подвезъ ее верстъ 15 до того мѣста, гдѣ онъ долженъ былъ повернуть съ дороги въ свою деревню. Съ сего мѣста она пошла пѣшкомъ и

чувствовала себя крайне усталою. Посему встрѣчавшихся попутчиковъ она просила подвозить ее. За 15 верстъ отъ Задонска она совершенно ослабѣла и не могла подняться. Въ такомъ положеніи ее привезли въ Задонскъ. Здѣсь она помѣстилась въ одной квартирѣ съ вышеупомянутою купчихою. На другой день, утромъ, 10 числа августа, она, при помощи двухъ палокъ, съ большимъ трудомъ, пошла въ церковь, въ которой почивали неоткрытыя еще мощи св. Тихона. По окончаніи ранней обѣдни, она приложилась къ ракѣ св. мощей и пробыла то въ церкви, то около церкви до самаго вечера и возвратилась на квартиру. Въ пятницу, 11 числа августа, она, при помощи палокъ, отправилась утромъ опять въ ту же церковь и опять то въ храмѣ, то около онаго пробыла до самаго вечера. Вечеромъ сего же 11 числа, во время всенощнаго бдѣнія, она вдругъ почувствовала себя очень легко, такъ что и стоя молилась, и на колѣни становилась, и руки у нея поднимались какъ-то свободнѣе во время сей молитвы,—словомъ, она получила какъ будто новую жизнь. Изъ церкви, по окончаніи всенощнаго бдѣнія, она шла уже совершенно свободно, сначала съ одной палкой, а потомъ, приподнявъ оную, шла и безъ ея помощи. Не довѣряя самой себѣ, она и радовалась и благодарила Бога и угодника Его, св. Тихона. Въ субботу 12 числа августа она уже свободно пришла изъ своей квартиры въ церковь и опять пробыла до вечера, то въ храмѣ, то около храма. Въ день открытія мощей св. Тихона она снова пробыла весь день въ храмѣ или около него, чувствовала себя здоровою и молилась Богу. Августа 14 она отправилась домой съ своимъ односельцемъ, крестьяниномъ Иваномъ Артамоновымъ Гоголинымъ на его лошади, хотя могла идти пѣшкомъ. Въ настоящее время она чувствуетъ себя здоровою, боли въ ногахъ не имѣетъ, ходитъ безъ палокъ и занимается всѣми домашними работами.

Справедливость показанія подтвердили подъ присягою: мужъ и двѣ дочери болѣвшей и нѣсколько сосѣдей.

---

24. Орловской губерніи, Мценскаго уѣзда, села Желабухи, государственная крестьянка *Вѣра Иванова Бужухина*, отъ роду 38 лѣтъ, подъ присягою показала, что она страдала съ 17 лѣтъ отъ рожденія бѣснованіемъ. Сія болѣзнь обнаруживалась въ ней такими припадками: повременамъ она кричала, рвала на себѣ платье, била себя, рвала у себя волосы на головѣ и

въ такомъ положеніи желала иногда лишить себя жизни. Такіе припадки случались съ нею и дома и въ церкви. Подобные припадки случались и въ тѣхъ мѣстахъ, куда ходила она на богомолье, какъ, напримѣръ, въ Оптиной и Жабынской пустыняхъ, въ Духовѣ монастырѣ и др.; особенно сіи припадки обнаружились въ Задонскомъ монастырѣ. Часа за два до открытія мощей св. Тихона она билась, кричала разными голосами и впала наконецъ въ безпамятство. Во время обнесенія мощей св. Тихона около монастыря она находилась въ народной толпѣ, ощущала сладостное благоуханіе и такое радостное состояніе, котораго никогда она прежде не чувствовала. Вскорѣ началось съ нею чиханіе, которое скоро прекратилось. Съ того времени она освободилась отъ бѣснованія и возвратилась домой здоровою.

Справедливость показанія подтвердили подъ присягою нѣсколько родственниковъ и сосѣдей и бывшая съ нею въ Задонскѣ крестьянка Варвара Алексѣева.

25. Рязанской губерніи, Данковскаго уѣзда, села Долгова бывшая однодворка, а нынѣ государственная крестьянка дѣвица *Елена Иванова Плетнева*, 16 лѣтъ отъ роду, подъ присягою показала:

Съ 12 съ половиною лѣтъ она, вслѣдствіе прежде бывшей болѣзни, сдѣлалась больна ногами такъ, что въ теченіи трехъ съ половиною лѣтъ не могла не только ходить, но и владѣть ими. Постоянно она сидѣла. Для принятія св. таинъ родные носили ее въ церковь, или, по крайней нуждѣ, въ домъ священника. Лѣвое колѣно ея было сведено; пятка лѣвой ноги пригибалась кверху. На обѣихъ ногахъ было много ранъ. Изъ ступни лѣвой ноги отъ боли выпали три кости, величиною съ полвершка.

Къ открытію мощей св. Тихона мать привезла ее въ Задонскъ. Въ пятницу, во время вечерни, мать ея, съ дѣвицею села Долгова Ѳеклою Никифоровою, внесла ее на рукахъ въ церковь, гдѣ почивали мощи св. Тихона, и приложила ее къ ракѣ. Въ сіе время она тотчасъ почувствовала облегченіе въ ногахъ и, съ помощію матери и дѣвицы Ѳеклы, отошла отъ раки на своихъ ногахъ. На другой день въ субботу она была у заутрени и обѣдни и ходила въ церковь съ помощію матери и дѣвицы Никифоровой. Двѣ ночи она ночевала около монастыря подъ открытымъ небомъ, въ теченіи коихъ она вставала

сама и молилась Богу, обращая взоръ свой къ монастырю. Въ Воскресенье, когда мощи св. Тихона обносили около монастыря, она на своихъ ногахъ приложилась къ мощамъ и получила совершенное исцѣленіе.

Съ сего времени раны на ея ногахъ начали мало по малу закрываться, и въ настоящее время осталась одна только небольшая рана на лѣвой ногѣ. Къ ранѣ сей для размягченія прикладывается теплый творогъ.

Нынѣ съ помощію палки какъ въ церковь, такъ и всюду куда нужно, она ходитъ свободно и со дня на день ощущаетъ большее облегченіе.

Справедливость показанія подтвердили подъ присягою: мать, отецъ исцѣленной, вышеозначенная дѣвица Ѳекла и 6-ть человѣкъ сосѣдей.

Іосифъ, архіепископъ воронежскій и задонскій.

25 января,
1861 г.

МОЛИТВА СВЯТИТЕЛЮ И ЧУДОТВОРЦУ ТИХОНУ,
ПО ОТКРЫТІИ СВЯТЫХЪ ЕГО МОЩЕЙ.

О, священная главо, крѣпкій нашъ молитвенниче и заступниче святителю Тихоне, услыши насъ, съ вѣрою призывающихъ Тя, и усердно припадающихъ къ рацѣ честныхъ и многоцѣлебныхъ мощей Твоихъ! Поминай насъ у престола Вседержителева и не престай молися о насъ ко Христу Богу: Тебѣ бо дадеся благодать молитися за ны. Вѣмы, яко грѣхи наши разлучаютъ между нами и Тобою, и недостойны есмы толикаго отца и ходатая. Но Ты, бывъ подражатель человѣколюбія Божія, не престани вопія о насъ ко Господу: испроси предстательствомъ Твоимъ у Всемилостиваго Бога нашего миръ Церкви Его, на землѣ воинствующей, пастырямъ ея силу ревностно подвизатися о спасеніи людей, Благочестивѣйшему Государю нашему Императору Александру Николаевичу благопоспѣшеніе въ устроеніи благоденствія царства Его, и всему Августѣйшему Дому милость Божію и долгоденствіе. Умоли небеснаго Отца и всѣмъ намъ подати даръ коемуждо благопотребенъ, вѣру истинную, надежду твердую и любовь неоскудѣвающую, градовъ нашихъ утвержденіе, міра умиреніе, отъ глада и пагубы избавленіе, отъ нашествія иноплеменниковъ сохраненіе, юнымъ и младенцамъ благое въ вѣрѣ возрастаніе, старымъ и немощнымъ утѣшеніе и подкрѣпленіе, болящимъ исцѣленіе, сиротамъ и вдовицамъ милость и заступленіе, заблудшимъ исправленіе, бѣдствующимъ благовременную помощь. Не посрами насъ въ упованіи нашемъ, споспѣшествуй, яко отецъ чадолюбивый, и намъ понести иго Христово въ благодушіи и терпѣніи, и всѣхъ управи въ мирѣ и покаяніи непостыдно скончати животъ свой, и царствія небеснаго наслѣдникомъ быти, идѣже Ты нынѣ водворяешися со Ангелы и всѣми святыми, прославляя Бога, въ Троицѣ славимаго, Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

СТРА́ННИКЪ.

ДУХОВНЫЙ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРОТОІЕРЕЕМЪ, М. Б. ВАСИЛІЕМЪ ГРЕЧУЛЕВИЧЕМЪ.

Не и҆мамы здѣ҆ пребыва́ющаго гра́да,
но грядꙋ́щаго взыскꙋ́емъ.
Євр. гі, ді.

1862.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ІЮНЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1862.

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется.
С. Петербургъ, 30 мая 1862 года.

Цензоръ, Архимандритъ *Сергій*.

I.

ЕПИСКОПЪ КАДЬЯКСКІЙ, ІОАСАФЪ БОЛОТОВЪ *.

Преосвященный кадьякскій Іоасафъ родился въ 1761 году, января 22 дня, Тверской губерніи, Кашинскаго уѣзда, въ селѣ Стражковѣ, отъ священника Иліи Болотова, и при крещеніи нареченъ былъ Іоанномъ. Рано въ немъ обнаружились дарованія, энергія и любовь къ ученію. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Кашинскомъ духовномъ училищѣ, бывшемъ тогда въ Дмитровскомъ монастырѣ; потомъ до богословскаго класса обучался онъ въ Тверской семинаріи; а за тѣмъ перешелъ въ Ярославскую семинарію, гдѣ и окончилъ курсъ въ числѣ самыхъ лучшихъ воспитанниковъ.

Чувствуя призваніе къ иноческой жизни, преосвященный Іоасафъ (въ то время еще Іоаннъ) по окончаніи курса ученія не пожелалъ поступить въ приходскіе священники, хотя ему и предлагали много мѣстъ. Однакожь, чтобы дать себѣ время убѣдиться въ твердости этого призванія и изъ любви къ просвѣщенію, онъ предварительно поступилъ на должность учителя Угличскаго духовнаго училища, которую и исполнялъ около четырехъ лѣтъ. Въ 1786 году, бывши 25 отъ роду, онъ принялъ постриженіе, съ именемъ Іоасафа, въ Толгскомъ монастырѣ, что близь Ярославля, — откуда, ради большаго уединенія, перешелъ въ Югскую Дороѳееву пустынь (Угличскаго уѣзда), а изъ нея—въ Валаамскій монастырь, что на островѣ Ладожскаго озера. Пустынное уединеніе этой обители, строгость жизни ея монашествующихъ и святость ея настоятеля (о. Назарія) чрезвычайно нравились молодому

* Эта біографія заимствована изъ лѣтописи города Иркутска, составляемой и печатаемой нижеподписавшимся въ Иркутскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ (№№ 22 и 23 1860 г.).

иноку; въ ней онъ хотѣлъ жить и подвизаться въ подвигахъ благочестія до конца земнаго своего странствованія; но не такъ судилъ промыслъ Божій.

Въ половинѣ прошедшаго столѣтія русскіе промышленники открыли Алеутскіе острова, промышляли тамъ бобровъ и другихъ звѣрей, но съ тѣмъ вмѣстѣ и располагали полудикихъ жителей тѣхъ острововъ къ принятію вѣры христіанской. Когда же всѣ промышленники соединились въ одну компанію (которая нынѣ извѣстна подъ именемъ россійско-американской), то агентъ ея, умный и набожный рыльскій купецъ Шелеховъ, вошелъ къ высшему начальству съ представленіемъ объ отправленіи на Алеутскіе острова духовной миссіи. Св. Сѵнодъ при этомъ обратилъ преимущественное свое вниманіе на Валаамскій монастырь, и настоятелю его—благочестивому игумену Назарію поручилъ избрать между подчиненными ему иноками требовавшихся для Америки миссіонеровъ. Выборъ о. Назарія палъ на іеромонаха Іоасафа, такъ какъ въ немъ онъ замѣчалъ нравъ свѣтлый и пріятный, кротость и твердость духа, увлекательный даръ слова съ силою убѣжденія и строгую обдуманность въ исполненіи предпріятій. Іоасафъ съ радостію изъявилъ согласіе принять на себя трудный апостольскій подвигъ. Въ помощь ему назначены были еще трое [1], монашествующихъ Валаамскаго же монастыря. По именному повелѣнію Государыни Императрицы, Іоасафъ сдѣланъ былъ начальникомъ образовавшейся миссіи, тотчасъ же рукоположенъ въ архимандриты и, для благолѣпія при отправленіи богослуженія, ему были пожалованы митра и наперсный крестъ, да и вообще вся миссія снабжена всѣмъ нужнымъ для священнослуженія и проповѣди христіаства. Все это происходило въ концѣ 1793 года. Въ слѣдующемъ 1794 году миссіонеры отправились къ мѣсту своего назначенія и провели въ пути цѣлые 9 мѣсяцевъ: отъ Петербурга до Охотска ѣхали они сухимъ путемъ, а отъ Охотска до

---

[1] По другимъ свѣдѣніямъ—девять.

Кадьяка плыли моремъ, при чемъ случилась буря и путешественники подвергались крайней опасности. На Кадьякѣ миссіонеры нашли русское поселеніе и вскорѣ выстроили церковь. Іоасафъ, по природной даровитости, скоро ознакомился съ языкомъ полудикихъ туземцевъ и безъ особеннаго труда успѣлъ съ помощниками, въ особенности съ іеромонахами Макаріемъ и Ювеналіемъ, обратить въ христіанство нѣсколько тысячъ язычниковъ. Ювеналій, ревнуя о славѣ имени Христова, перебрался было на твердую землю Америки и именно на полуостровъ Аляску; но тамошніе дикари (кенайцы) оказались болѣе алеутовъ привязанными къ язычеству и вѣропроповѣдника предали мученической смерти. Между тѣмъ на Кадьякѣ миссіонерами была заведена школа, въ которой они обучали набранныхъ новокрещенскихъ дѣтей. — Намѣреніе правительства было то, чтобы впослѣдствіи способнѣйшихъ и наиболѣе нравственныхъ изъ воспитанниковъ, для удобнѣйшаго обращенія дикарей и для лучшаго поддержанія христіанства между новообращенными, рукополагать въ священно-и-церковнослужители къ мѣстнымъ церквамъ. Для сей цѣли указомъ отъ 19 іюля 1796 года императрица Екатерина II повелѣла св. Сѵноду посвятить начальника Алеутской миссіи, архимандрита Іоасафа во епископа Кадьякскаго, съ титломъ викарія Иркутской епархіи. Вслѣдствіе того Іоасафъ, въ концѣ 1798 года, былъ вызванъ въ Иркутскъ, и тамъ 3 апрѣля слѣдующаго 1799 года, на 39 году жизни нареченъ, а 10 того же апрѣля [1] иркутскимъ преосвященнымъ Веніаминомъ хиротонисанъ въ епископа. Въ началѣ мая новопосвященный преосвященный былъ уже и съ свитой своей въ Охотскѣ и тамъ 10 числа сѣлъ на компанейскій корабль Фениксъ. Но, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, преосвященный Іоасафъ не видалъ своей новопросвѣщенной паствы: корабль, на которомъ плылъ онъ, пропалъ безъ вѣсти: по нѣкоторымъ вещамъ, выбрасываемымъ на берега

[1] Въ это число въ 1799 году было вербное воскресенье, по церковному— недѣля вай.

острова Кадьяка, полагаютъ, что онъ со всѣмъ своимъ грузомъ и всѣми своими пассажирами погибъ близь самой цѣли своего плаванія.

Въ заключеніе замѣтимъ, что преосвященный Іоасафъ, среди многотрудной, славной своей дѣятельности, находилъ время и для ученыхъ занятій, которыя у него сосредоточивались на мѣстной природѣ, бытѣ и нравахъ жителей. Наблюденія свои по этимъ предметамъ онъ изложилъ въ *Топографическомъ, климатическомъ, статистическомъ и нравственномъ описаніи острова Кадьяка.* Это сочиненіе авторомъ, по пріѣздѣ въ Иркутскъ, было представлено въ св. Синодъ и, какъ замѣчательное и потому между прочимъ, что до него объ Алеутскихъ островахъ у насъ еще ничего не было писано, было напечатано въ октябрской книжкѣ журнала: «*Другъ просвѣщенія*», 1895 года.

Все, или почти все доселѣ сказанное о преосвященномъ Іоасафѣ Болотовѣ, и прежде было извѣстно частію изъ *Словаря историческаго о писателяхъ дух. чина* (ч. 1. стр. 298—300), частію изъ 5 кн. *Очерковъ Россіи*, *Пассека*, частію изъ статьи преосв. камчатскаго Иннокентія, помѣщенной въ Журн. мин. нар. пр. на 1840 г. (ч. 26), и наконецъ изъ *Исторіи Р. Церкви*, архіеп. черниговскаго Филарета (пер. V. стр. 44—46); но слѣдующее о немъ извѣстіе является въ печати только въ первый разъ... Предъ отъѣздомъ въ Америку, страну столько отдаленную, преосв. Іоасафъ за долгъ счелъ навѣстить престарѣлаго родителя своего и другихъ близкихъ родственниковъ, для чего онъ и пріѣзжалъ на нѣсколько дней въ село Стражково и городъ Кашинъ. Въ послѣднемъ находилась бѣдная сестра его, скончавшаяся въ 1831 году. Отъ нея авторъ предлагаемой біографіи и слышалъ разсказъ объ одномъ поступкѣ преосв. Іоасафа, характеризующемъ неистощимую готовность его къ помощи ближнему и его находчивость въ крайнихъ обстоятельствахъ. Проходя въ то время къ сестрѣ, мимо зыби, находящейся подъ горою, что близь кашинской Введенской церкви, онъ увидѣлъ крестья-

нина, который, бывши въ нетрезвомъ видѣ, попалъ въ эту трясину и никакъ не могъ изъ нея выбраться, хотя до твердой земли было не болѣе двухъ аршинъ. За неимѣніемъ при себѣ трости, преосв. Іоасафъ тотчасъ снялъ съ себя единственную шелковую рясу и бросилъ ее вмѣсто веревки, сказавши, чтобы утопающій ухватился за нее; чрезъ это бѣднякъ избавился отъ вѣрной смерти.

Ѳеодоръ Пежемскій.

КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ О ЛИВЕНСКОМЪ

ЧТЕЦѢ ІОАННѢ БОГОЯВЛЕНСКОМЪ,

ПОДВИЗАВШЕМСЯ ВЪ Г. ТАМБОВѢ, ПОДЪ ИМЕНЕМЪ ИЛІИ *.

Чтецъ Іоаннъ Петровичь Богоявленскій былъ сынъ священника Орловской епархіи, Ливенскаго уѣзда села Круглаго, Петра Георгіевича Шубина, у котораго, кромѣ его, были еще четыре сына и одна дочь. Первоначальное обученіе грамотѣ онъ получилъ въ домѣ отца своего, а потомъ былъ опредѣленъ въ Сѣвское духовное училище. По желанію отца и по другимъ обстоятельствамъ, Іоаннъ долженъ былъ вмѣсто своей родовой фамиліи, принять фамилію Богоявленскаго; тоже самое должны были сдѣлать при вступленіи въ училище и братья его. Хотя Іоаннъ былъ одаренъ отличными способностями и любовію къ ученію, но, имѣя слабое въ то время здоровье, принужденъ былъ прекратить семинарское свое обученіе. По выходѣ изъ семинаріи (изъ класса поэзіи), онъ поступилъ, въ качествѣ келейника, въ служеніе къ преосвященному Досиѳею, епископу орловскому и сѣвскому. Находясь въ этой должности, Іоаннъ за кротость характера и расторопность весьма былъ любимъ преосвященнымъ. Однажды, во время игры съ другимъ келейникомъ, Іоаннъ сильно ушибъ себѣ правую руку, которая отъ этого такъ жестоко заболѣла, что онъ принужденъ былъ для поправленія здоровья уѣхать къ своему отцу; но, проживъ у него около года, не могъ совершенно излѣчить больной своей руки,—она до конца его жизни осталась согбенною. По сему случаю Іоаннъ, не имѣя возможности служить при домѣ пре-

---

* Собраны сыномъ его, Кромскаго Успенскаго собора протоіереемъ *Николаемъ Шубинымъ*.

освященнаго съ прежнею расторопностію, въ 1811 году, [1] согласно своему желанію, и имѣя отъ роду 17-ть лѣтъ поступилъ на мѣсто причетника къ Казанской церкви въ г. Ливнахъ. Проживши на этой должности нѣсколько времени, чтецъ Іоаннъ просилъ у преосвященнаго Досиѳея позволенія, ради спасенія своей души и для удовлетворенія своей наклонности—избрать странническую жизнь, для посѣщенія св. мѣстъ и поклоненія мощамъ св. угодниковъ, но, по молодости его лѣтъ, не уволенъ. Послѣ сего, въ 1813 году, тайно ходилъ онъ изъ Ливенъ въ Коренную пустынь (Курской губ.), но, пробывши тамъ малое время, и побуждаемый (какъ самъ впослѣдствіи объяснялъ) жалостію къ оставленной имъ матери, бывшей тогда уже вдовою, возвратился опять въ Ливны къ своей должности. Будучи 23 лѣтъ отъ роду, чтецъ Іоаннъ, во исполненіе желанія своей старушки матери, женился на одной бѣдной дѣвицѣ, дочери умершаго ливенскаго купца, Маріи Ивановой. Отъ этого брака у него черезъ два съ половиною года, родился сынъ Николай. Пламенное желаніе чтеца Іоанна было—посѣять въ младенцѣ, сынѣ своемъ, сѣмена твердой вѣры въ Бога и доброй нравственности, и потому, когда сынъ его достигъ трехлѣтняго возраста, онъ началъ обучать его грамотѣ, направляя въ то же время юные, нетвердые еще шаги его, по пути добродѣтели. Супружеская жизнь его протекала въ любви и согласіи. Но, такъ какъ постоянное влеченіе къ страннической и подвижнической жизни овладѣло всѣмъ существомъ его: то тихая и безмятежная семейная жизнь нисколько его не прельщала. Имѣя въ мысляхъ и сердцѣ своемъ заповѣдь Спасителя (Матѳ. 19, 29): *иже оставитъ домъ, или матерь, или жену, или чада... сторицею пріиметъ, и животъ вѣчный наслѣдитъ*, чтецъ Іоаннъ весьма часто въ разговорахъ своихъ выражалъ любовь и наклонность къ уединенію и страннической жизни. Любимое занятіе его

---

[1] Хронологія описываемыхъ здѣсь событій показана приблизительно, ибо всѣ сіи свѣдѣнія сообщены мнѣ старушкою — матерью, которой хорошо извѣстны были только факты. *Примѣч. протоіерея Н. Шубина.*

было, въ часы отдохновенія отъ дневныхъ трудовъ, читать св. Писаніе и житіе св. угодниковъ; къ сему душеполезному чтенію онъ такъ былъ привязанъ, что нерѣдко за чтеніемъ Библіи, или Минеи-четьи проводилъ цѣлыя ночи. Служебныя обязанности своего званія исполнялъ онъ тщательно и съ любовію. Характеръ имѣлъ твердый, даже строгій, возмущавшійся, въ особенности, отъ неправды и пристрастныхъ какихъ либо дѣйствій, что̀ весьма часто и небоязненно обличалъ даже въ людяхъ, высшихъ себя по званію и сану. Несмотря на эту особенность своего характера, чтецъ Іоаннъ былъ всѣми, какъ духовенствомъ, такъ и прихожанами, любимъ и уважаемъ. Наружный видъ его тоже былъ не менѣе привлекателенъ: чтецъ Іоаннъ отличался статностію роста и благообразіемъ лица; въ бытность свою причетникомъ въ Ливнахъ, одежду носилъ всегда чистую, опрятную, даже щеголеватую, отлично зналъ многія мастерства, именно столярное, слесарное, портное, сапожное, малярное и др.

Наконецъ, наступило назначенное смотрѣніемъ Божіимъ время, въ которое чтецъ Іоаннъ долженъ былъ привести въ исполненіе пламенное свое желаніе. 1822 года, въ ночь на 17 сентября, на день воскресный, онъ тайно обрѣзалъ себѣ длинные волосы, надѣлъ нищенское, изорванное платье и обувь,—тихо, въ глубокую полночь скрылся изъ дома, оставивъ 23-лѣтнюю жену свою и малолѣтняго сына (ему было тогда около 5 лѣтъ) безъ всякихъ средствъ къ жизни, въ надеждѣ на единый Промыслъ Всевышняго. Покинутая, безутѣшная семья его, а потомъ и начальство стали по всей епархіи дѣлать розыски, но все было тщетно... не было никакого слуха, никакого извѣстія о безвѣстно-пропавшемъ чтецѣ Іоаннѣ [1]. Для пропитанія столь странно осиротѣвшей семьи,

[1] Въ рапортѣ благочиннаго, ливенскаго протоіерея Іоанна Андреева преосвящ. Гавріилу, епископу орловскому и сѣвскому, о томъ, что пономарь Иванъ Петровъ Богоявленскій самовольно отлучился, и неизвѣстно гдѣ обрѣтается, присовокуплено: «судя жь по наружному его набожному характеру и прилежному занятію чтеніемъ книгъ священнаго писанія, а паче житій святыхъ отцевъ, полагаютъ они (мѣстные) священники и жена его, пономаря, что онъ

попечительное начальство предоставило за малолѣтнимъ сыномъ Николаемъ отцовское его мѣсто, которымъ онъ и пользовался до окончанія учебнаго своего курса въ семинаріи.

До 1829 года, о мѣстопребываніи тайно скрывшагося чтеца Іоанна не было никакихъ ясныхъ, положительныхъ извѣстій (кромѣ разныхъ темныхъ слуховъ, противурѣчащихъ разсказовъ); но въ этомъ году, приходившія въ Ливны для сбора денежныхъ пожертвованій, двѣ послушницы Тамбовскаго женскаго монастыря, извѣстили, что на 3-й недѣлѣ великаго поста въ Тамбовѣ скончался нѣкоторый странникъ, извѣстный тамъ подъ именемъ *Иліи нѣмаго*, [1] и что онъ будто-бы былъ вышеупомянутый, тайно ушедшій чтецъ Іоаннъ. Основываясь на этомъ извѣстіи, благочинный г. Ливенъ, соборный протоіерей Іоаннъ Іоанновичь Скрябинъ, письмомъ отъ 8 ноября того же года просилъ священника Тамбовскаго женскаго монастыря, о. Іоанна Андреева (бывшаго въ Тамбовѣ духовнымъ отцемъ Иліи) извѣстить его, въ какой мѣрѣ справедливы сообщенныя вышеупомянутыми послушницами свѣдѣнія. Въ отвѣтъ на это означенный духовникъ прислалъ протоіерею Скрябину письмо, въ которомъ подробно описалъ жизнь и труды чтеца Іоанна въ Тамбовѣ. Письмо тамбовскаго священника въ подлинникѣ представлено было тогдашнему преосвященному орловскому Никодиму. При письмѣ прислана была и рукопис-

---

отлучился въ какой либо монастырь, или пустынь, для богомолья, а можетъ быть и всегдашняго жительства, такъ какъ и прежде сего, 1813 года въ августѣ мѣсяцѣ, для выполненія таковыхъ же своихъ духовныхъ желаній, бывъ еще холостымъ, самовольно и никомужь не объявясь, подобно сему, отлучался Курской епархіи въ Коренную пустынь. Отъ роду ему 27 лѣтъ, жену имѣетъ и сына 5-ти лѣтъ; примѣтами — роста средняго, круглоликъ, волосы на головѣ и усахъ русые, а на бородѣ очень малые и рѣдкіе, правою рукою сухорукъ, дома собственнаго и другаго имущества у себя не имѣетъ, кромѣ небольшаго и небогатаго платья; а потому жена его, съ малолѣтнимъ сыномъ остается безъ всякаго пропитанія». На этомъ рапортѣ, который въ подлинникѣ хранится въ архивѣ орловской духовной консисторіи, резолюція преосв. Гавріила послѣдовала такая: «распорядиться консисторіи приличнымъ образомъ. Доходы же отдавать женѣ пономаря Петрова впредь до усмотрѣнія».

[1] Названіе это дано было чтецу Іоанну, потому что, когда спросили его объ имени, онъ, притворившись нѣмымъ, и желая скрыть свое настоящее имя, указалъ на образъ Иліи Пророка,—давая этимъ знать, что и его имя *Илія*.

ная книга съ рисованными картинками, подъ названіемъ: *Сердце человѣческое есть или храмъ Божій, или жилище діавола*; эта книга написана была собственноручно *иѣмымъ Иліею*, въ казармѣ за печью и прислана въ назиданіе сыну [1].

Предлагаемъ, вслѣдъ за симъ, вниманію благочестивыхъ читателей и сказанное письмо, какъ необходимое дополненіе изъясненнаго нами краткаго біографическаго очерка.

ПИСЬМО СВЯЩЕННИКА ТАМБОВСКАГО ЖЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ О. ІОАННА, О ЖИЗНИ И ТРУДАХЪ ИЛІИ (ЧТЕЦА ІОАННА).

«Ваше высокоблагословеніе,

«Пречестнѣйшій о. протоіерей Іоаннъ Іоанновичь!

«Почтенное письмо ваше отъ 8 ноября сего года пущенное чрезъ почту, я имѣлъ честь получить, и симъ доношу вашему высоблагословенію, что все, разсказанное въ городѣ Ливнахъ, рясофорными послушницами нашего женскаго монастыря Варварою и Эмиліею, и въ помянутомъ вашемъ письмѣ пространно изложенное, совершенная правда. Странникъ Илія, бывшій въ свое время ливенской Казанской двуштатной церкви чтецъ, Иванъ, дѣйствительно скончался въ домѣ приказа общественнаго призрѣнія на третьей недѣли вел. поста сего 1829 г., и мною съ двумя священниками по церковному обряду причетниковъ съ дозволенія начальства, погребенъ на воздвиженскомъ нашемъ градскомъ кладбищѣ. Онъ былъ нѣмъ, глухъ и притомъ глупъ, со всѣми говаривалъ только знаками глазъ, рукъ, и тѣлодвиженіемъ. Росту былъ высокаго, лица бѣлаго, хаживалъ въ одеждѣ нищенской, въ рубашкѣ женской, съ головою остриженною. На родинѣ же своей былъ онъ ученикомъ орловской семинаріи, дошелъ до класса поэзіи, изъ котораго поступилъ въ келлію къ его Преосвященству, преосвященнѣйшему орловскому, но по нездоровью, уволенъ для поклоненія святымъ мощамъ кіевскихъ печерскихъ преподобныхъ. По возвращеніи къ своей должно-

[1] Эти документы хранятся въ архивѣ орловской духовной консисторіи.

сти, онъ просилъ начальство дозволить ему вступить въ званіе иноческое, но получилъ отказъ. Тогда онъ женился и поступилъ къ помянутой Казанской церкви причетникомъ. Находясь въ этой должности, для содержанія семейства, занимался онъ столярною работою, и проводя такимъ образомъ жизнь, все еще не переставалъ думать о поступленіи въ иночество. Въ одно время, окончивъ какую-то столярную вещь, приготовилъ онъ себѣ приличную нищенскую одежду, съ вечера вышелъ на дворъ, остригъ голову, снялъ съ себя одежду и, положивъ ее подъ кадку, надѣлъ нищенскую. Въ этой одеждѣ, призвавъ Господа въ помощь, по примѣру Симеона юродиваго, пошелъ онъ прямо на востокъ; почему и пришлось ему по тракту проходить города: Елецъ, Липецкъ, Козловъ. Прибывъ въ Тамбовъ, первое свое пребываніе дневное имѣлъ онъ при церкви Знаменія Божіей Матери; а для ночнаго покоя отходилъ на выгонъ за 4 и 5 верстъ въ новосозидаемую пустую кладбищенскую каменную церковь, именуемую Петропавловскою. Въ Знаменской церкви, доставъ изъ слѣдованной псалтири нѣсколько листовъ, по нимъ читалъ онъ свои молитвы, и питался милостынею, а къ зимѣ перешелъ къ церквамъ Казанскаго мужескаго монастыря, гдѣ находится и архіерейскій домъ, и служа братіи и церкви, молилъ принять его въ число живущихъ. Но, такъ какъ онъ не говаривалъ, былъ глухъ и глупъ; то экономъ съ братіею писали ему и письменно давали знать, что требуютъ отъ него паспорта, а паспорта у него не было. Поэтому они и запретили ему ходить къ ихъ церквамъ. Тогда перешелъ онъ въ приходскую Покровскую церковь, гдѣ топилъ печи, мелъ церковь, услуживалъ причетникамъ и священникамъ, и употреблялъ всѣ способы, чтобы причтъ невозбранно дозволилъ ему жить въ сторожкѣ при церкви; но причтъ этой церкви тоже усумнился, и далъ знать градской полиціи, которая и взяла его къ допросу. Но, какъ нѣмой и глупый, не отвѣчая на допросы присутствующихъ, отправленъ былъ онъ для присоединенія къ числу бродягъ въ тюремный замокъ, гдѣ съ таки-

ми же бродягами употребляемъ былъ на градскія работы; и когда отъ тяжкихъ работъ подвергся жестокимъ болѣзнямъ, то, преодолѣваемый ими, рѣшился было уже открыть начальству дѣйствительное свое званіе и состояніе. Между тѣмъ, въ то время пришлось быть въ замкѣ тремъ женщинамъ, которыя также были невинны, но предприняли такой подвигъ единственно для полученія вѣчнаго блаженства, и готовились отправиться на поселеніе[1]. Эти женщины догадались, что онъ арестантъ незлонамѣренный, и тайною съ нимъ бесѣдою убѣдили его быть мужественнымъ въ терпѣніи, не ослабѣвать въ ношеніи креста Христова,—представивъ ему въ примѣръ и себя. Въ замкѣ терпѣлъ онъ нужды и болѣзни цѣлый годъ; когда же выздоровѣлъ, то былъ причисленъ къ рабочимъ смирительнаго дома, съ которыми на день всегда ходилъ для работъ въ общественный приказъ; а на ночь возвращался въ замокъ въ качествѣ арестанта. Въ то время въ приказѣ смотрителемъ былъ человѣкъ весьма строгій, который на первый разъ объявилъ ему свое рѣшеніе, что онъ будетъ бить его палками по три раза въ день, до тѣхъ поръ, пока онъ сознается, кто онъ таковъ? Такихъ угрозъ Илья сильно боялся, однакожь побоямъ его не подвергали.

«Вскорѣ прежній смотритель смѣнился и мѣсто его занялъ другой, происходившій изъ духовнаго званія. Этотъ замѣтилъ особенное усердіе Ильи въ работахъ и потому оставилъ его рабочимъ постоянно при приказѣ, съ тѣмъ, чтобы ночное его пребываніе было въ той самой казармѣ, гдѣ находились всѣ часовые солдаты; тогда странствованію Ильи совершилось три года. Теперь онъ получилъ нѣкоторую свободу; и, такъ какъ отъ самыхъ Ливенъ нигдѣ не сподоблялся исповѣдаться и пріобщиться св. таинъ, то ему дозволено было между работами посѣщать храмъ Божій и именно нашу церковь монастырскую, какъ ближайшую. Такимъ образомъ въ рабочіе

---

[1] О желаніи нести подвигъ подобнаго рода, съ отзывомъ о немъ преосв. Иннокентія, епископа харьковскаго (впослѣдствіи — архіепископа херсонскаго) см. іюльскую книжку «Странника» за 1860 г., отд. I, стр. 84—85.

часы Илья всегда занимался въ приказѣ, а въ служебные приходилъ въ церковь. Зимою онъ съ нашими монастырствующими носилъ и возилъ дрова для отопленія церкви и услуживалъ во св. олтарѣ причетникамъ; а лѣтомъ занимался другими по церкви услугами, и въ это время пожелалъ свести знакомство со мною и быть у меня на исповѣди. Однажды, возвращаясь отъ заутрени, я оглянулся назадъ, и увидѣлъ идущаго позади меня Илью. Онъ не отставалъ отъ меня и тогда, когда я входилъ въ сѣни и покои. «Что тебѣ надобно?» спросилъ я. Вмѣсто отвѣта старался онъ объяснить мнѣ знаками, что желаетъ остаться со мною наединѣ. Я понялъ его желаніе, и хотя живу совершенно одинокимъ, однако принялъ его въ отдаленной комнатѣ, гдѣ Илья, поклонившись мнѣ въ ноги, просилъ меня усильно соблюсть по смерть его тайну, которую онъ объявитъ. Въ это время онъ исповѣдался и, совершенно ознакомившись со мною, говорилъ, «что онъ знаетъ меня уже третій годъ, тогда какъ я, равно какъ и прочіе въ монастырѣ, видѣлъ въ немъ нѣмаго Илью. Съ этого случая, приходя ко мнѣ тайно, онъ получалъ отъ меня то чернилицу, перо, ножичекъ и бумагу, то книги для чтенія и занимался ими въ своемъ приказѣ. Причисленный наконецъ къ сумасшедшимъ, онъ, подъ видомъ нищаго, просилъ меня взять его подъ росписку; и я въ намѣреніи приспособить его къ нашему ближнему отъ города монастырю, доставилъ ему псалтирь самаго малаго формата, чтобы онъ изучилъ ее на память. Изучивъ псалтирь, онъ возвратилъ ее мнѣ,—былъ и въ монастырѣ, но монастырь ему не понравился; онъ удалился снова въ свою казарму и жилъ среди солдатъ за печью. Получивъ отъ своего начальства хорошее о себѣ мнѣніе, имѣлъ совершенную свободу ходить въ церковь на службу, и монашествующіе любили его, бирали въ свои келліи для обѣдовъ, иногда дарили ему платочки, утирочки и прочее; но однажды, рано поутру, отнесъ онъ все это въ семинарію и отдалъ при запискѣ сиротамъ-бурсакамъ. Кромѣ же нашего монастыря и церквей онъ никуда не хаживалъ, да и не позволялось; стаи-

валъ всегда съ нищими у двери, и принималъ милостыню, которою питалъ своихъ сумасшедшихъ; покупалъ имъ тайно булки, ягоды, яблоки и прочее. Въ послѣдніе годы я хотѣлъ было взять его изъ приказа къ себѣ и построить ему внутри моего сада келлію; Илья на это соглашался: но потомъ мы нашли собща, что покой, который онъ получитъ, по его молодости, послужитъ ему во вредъ. Ввѣривъ себя совершенно промыслу Вышняго, онъ рѣшился навсегда оставаться въ приказѣ, и потому, посвятивъ себя работѣ на поварнѣ сумасшедшихъ, за вареньемъ квасовъ и прочаго, уже пропускалъ и службы Божіи. Я еще вначалѣ сшилъ ему верхнее платье, въ которомъ онъ хаживалъ только въ церковь, домашняя же его одежда оставалась подъ верхнею и была такого качества, столь ветха и древня, равно какъ и рубашка, что висѣла отрепьями и своею чернотою походила на черную овчину. Такъ какъ я въ комнатѣ живу одинъ, то онъ нерѣдко ходилъ ко мнѣ тайно, но въ баню не хаживалъ, рубахъ отъ меня не принималъ; умѣлъ вязать чулки, и потому собиралъ по комнатамъ приказа чулочные оттирки, чѣмъ моютъ полы, вымывалъ ихъ, распускалъ и изъ этихъ нитокъ вязалъ тайно чулки, которыми надѣлялъ сумасшедшихъ. Ему давалось на годъ по однимъ котамъ; такъ, чтобы они послужили ему, я покупалъ для него подошвы, равно и сапожный инструментъ, и онъ подшивалъ свои коты тайно на чердакѣ при свѣтѣ луны. Но всего не опишешь. Въ текущемъ 1829 году на масляницѣ, подъ четвергъ, Илья ночевалъ у меня, и своимъ больнымъ просилъ рыбы; я отпустилъ. Поутру оба мы пошли со двора, я къ заутрени, а онъ въ свой приказъ. Ночевалъ онъ у меня въ недѣлю православія. — Я имѣлъ въ немъ духовнаго друга и по одной бумагѣ просилъ его совѣта. Онъ велѣлъ отвѣтить мнѣ, однакожь велѣлъ не скоро, и притомъ запискою, какъ всегда у насъ бывало. Иногда ему нужно было попросить меня о чемъ нибудь тайно духовно; тогда, ища руки священнической, будто бы хотѣлъ принять отъ меня милостыню или благословеніе, онъ передавалъ мнѣ за-

жатую въ его ладони записку. Такую-то записку подалъ онъ мнѣ на 2 недѣлѣ великаго поста въ среду или четвергъ, а на третьей—въ обители мнѣ сказываютъ, что приходили солдаты, и объявили, что Илья померъ. Я тотчасъ побѣжалъ въ приказъ, и оказалось, что говорили правду. Тогда я все относительно его открылъ смотрителю, отъ котораго и получилъ позволеніе взять его тѣло и похоронить на мой счетъ. Въ тоже время донесъ я о немъ и своему преосвященному Аѳанасію. Для усопшаго сшили новое приличное платье и облачили его въ стихарь. Монашествующіе несли его въ свою церковь выше плечей. Отпѣто погребеніе торжественное, стеченіе народа было великое, на кладбище тѣло несено было самими монашествующими. Прощайте, высокопочтеннѣйшій, не оставьте насъ святыми своими молитвами. За симъ имѣю честь пребыть вашего высокоблагословенія слугою и богомольцемъ,

Священникъ Іоаннъ Андреевъ

Города Тамбова Вознесенскаго Дѣвичьяго монастыря.

«P. S. При семъ посылаю одну книжицу собственной его руки съ картинами; книжица написана въ приказѣ, а картины изготовлены ему мною наймомъ. Прошу отдать это сыну его въ благословеніе родительское. Также засвидѣтельствуйте мое почтеніе и супругѣ его».

(Приписка въ подлинномъ письмѣ товарища означеннаго священника по церкви). «Означеннаго Илію я зналъ лично, когда онъ содержался въ приказѣ и хаживалъ къ намъ въ монастырь ко службѣ Божіей; разумѣлъ въ немъ человѣка высшей духовной жизни. Посему, когда онъ скончался, я погребалъ его вмѣстѣ съ духовнымъ его отцемъ и священникомъ приказа іереемъ Стефаномъ Берзнеговскимъ, какъ человѣка трудившагося ради Господа. Вознесенскій *іерей Василій Іонинъ*. 22 ноября 1829 года».

Въ заключеніе представленныхъ нами краткихъ свѣдѣній о жизни раба Божія чтеца Іоанна, нельзя не замѣтить, что подвигъ его, какъ все необыкновенное, безъ сомнѣнія, не мо-

жетъ быть признанъ образцомъ для подражанія; но достоинъ полнаго вниманія, по силѣ преобладающаго въ немъ религіознаго чувства, которое выдержано до послѣдняго вздоха. Общее правило для всякаго христіанина: «каждый оставайся въ томъ званіи, въ которомъ призванъ» (1 Кор. 7, 20). Но и при соблюденіи этого обязательнаго для всѣхъ правила, — каждый изъ насъ можетъ найдти для себя и въ выходящемъ изъ ряду обыкновенныхъ подвигѣ чтеца Іоанна много поучительнаго: взявшись за плугъ, онъ уже не оглядывался назадъ, но претерпѣлъ до конца (Лук. 9, 62. Матѳ. 10, 22); за то и упованіе его на Бога, относительно семейства его,— которое онъ и въ удаленіи отъ міра не переставалъ любить,—не посрамило его.

Протоіерей Петръ Полидоровъ.

2 февраля, 1861 г.
Орелъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ИВАНѢ ЯКОВЛЕВИЧѢ КОРЕЙШѢ.

(ИЗЪ ПИСЬМА СВЯЩЕННИКА КЪ О. АРХИМАНДРИТУ ѲЕОДОРУ.)

Читая житіе Ивана Яковлевича, который г. Прыжовымъ, въ ироническомъ смыслѣ, названъ пророкомъ извѣстнымъ въ Москвѣ, и газету: Наше время, гдѣ онъ названъ даже лжепророкомъ, удивлялся и скорбѣлъ я душею, зачѣмъ люди умные, съ большимъ запасомъ свѣдѣній всякаго рода и съ совершеннымъ незнаніемъ Ивана Яковлевича и его дѣлъ, взялись за перо и, къ оскорбленію многихъ, написали его житіе односторонне, поверхностно, съ обозначеніемъ его дѣлъ маловажныхъ и съ опущеніемъ дѣлъ, заслуживающихъ вниманіе. Нѣтъ, Иванъ Яковлевичь былъ совсѣмъ не таковъ, какимъ его выставляютъ. Я убѣдился въ этомъ собственнымъ опытомъ. Моя жена, по выходѣ замужъ, здоровьемъ своимъ пользовалась только 7 мѣсяцевъ, и лишилась его вдругъ. Въ 1833 году, 6-го декабря, на погостѣ Борзецовѣ, Коломенскаго—уѣзда, куда я, по окончаніи курса семинарскихъ наукъ, опредѣленъ былъ во священники,—она, будучи совершенно здоровою, пошла къ обѣдни, а изъ церкви возвратилась домой въ задумчивости, съ сильною тоскою и болью подъ ложечкою, и, выпивъ одну чашку чаю, начала плакать. Тоска, боль подъ ложечкой и слезы съ каждымъ днемъ у ней усиливались. Спустя дней пять отъ появленія болѣзни, я отправился съ нею въ Коломну, къ лѣкарю Павлу Андреевичу Гейсу. Гейсъ болѣзнь жены назвалъ *истерикою*, и сталъ пользовать ее медицинскими средствами, но ни онъ, ни бронницкій лѣкарь Ложешниковъ, ни полковые,—уланскаго полка, медики—Заюнчуковскій и Васильевъ, ни тульскій Самонъ Григорьевичь Парпура, ни

*

даже московскіе доктора, Альфонскій и покойный Высоцкій, пользовавшіе больную одинъ послѣ другаго, въ продолженіи семи лѣтъ съ половиною, медицинскими средствами, не только не могли поправить разстроенное здоровье жены моей, напротивъ, съ каждымъ днемъ болѣзнь ея становилась болѣе сложною и неразгаданною, такъ, что Заюнчуковскій, лѣчившій жену два года постоянно, удивлялся болѣзни и бездѣйствію медицинскихъ пособій. Наконецъ, отъ усиленной боли разстроился и разсудокъ ея. По прошествіи 3-хъ мѣсяцевъ отъ начала болѣзни жены, я былъ перемѣщенъ въ село Петровское, Бронницкаго уѣзда, и когда болѣзнь жены развилась и сдѣлала ее недвижимою, тогда я, по совѣту сосѣдняго священника, села Ульянина, о. Сергія Бѣляева, началъ читать надъ больною заклинательныя молитвы по требнику Петра Могилы, который, по совѣту Бѣляева же, былъ выпрошенъ мною у священника села Татарницова, о. Алексія Львова [1]. Чтеніе однако мало помогало. Однажды, при чтеніи молитвы къ кресту Господню, вдругъ больная, потерявшая на нѣсколько дней самый даръ слова, начала упрашивать меня, чтобъ я оставилъ непріятное для нея чтеніе и, при этомъ, высказала такое высокое ученіе о лицѣ Господа Іисуса, какое можетъ быть доступно ученымъ людямъ, но никакъ не простымъ женщинамъ. Когда я предложилъ ей ѣхать къ Ивану Яковлевичу, она съ охотою приняла мое предложеніе, хотя прежде никакъ на то не соглашалась, и 2-го января 1840 года, мы были уже у Ивана Яковлевича. Онъ сидѣлъ въ это время на полу. Я спросилъ его о больной: будетъ ли она здорова? Онъ отвѣчалъ: «хоть не такъ скоро, а будетъ здорова». Потомъ приказалъ принести кавиты (такъ называлъ онъ простое вино). Служитель принесъ въ небольшомъ съ позолотою стаканчикѣ травнику. Накрывъ принесенное вино простынею, Иванъ Яковлевичь болѣе половины вина выпилъ самъ, а остальное сквозь простыню же велѣлъ больной вы-

[1] Священники: Бѣляевъ и Львовъ живы и могутъ подтвердить мои слова, если это окажется нужнымъ.

пить, и чудное дѣло! — не прошло и 6 минутъ, какъ больная объявила мнѣ, что она уже не чувствуетъ боли подъ ложечкой. Потомъ Иванъ Яковлевичь приказалъ совершить таинство елеосвященія надъ больною, которое, по пріѣздѣ домой, 9-го января и было совершено, по назначенію самого Ивана Яковлевича, сосѣднимъ, села Константинова, священникомъ Іоанномъ Замысловымъ, и къ вечеру того же дня тупость, которая выражалась отъ сильныхъ болѣзней на лицѣ моей жены, уничтожилась, и, по милости Божіей ко мнѣ, и благодаря участію, которое принялъ Иванъ Яковлевичь въ болѣзняхъ жены, она доселѣ жива и совершенно освободилась отъ тоски и отъ болѣзней, отъ которыхъ страдала семь лѣтъ [1].

Я и самъ слишкомъ пять лѣтъ страдалъ отъ жестокой боли подъ ложечкой, такъ что я, кромѣ овсянаго супу, ничего не могъ употреблять въ пищу, въ то же время чувствовалъ нестерпимыя головныя боли, и въ особенности боль въ глазахъ, отъ которой каждую минуту былъ въ опасности потерять совершенно зрѣніе. До полудня, хоть и съ трудомъ, но могъ еще смотрѣть; а послѣ полудня я совершенно не могъ видѣть свѣта, не могъ даже сидѣть противъ чего нибудь бѣлаго. Многіе пользовали меня медицинскими средствами; ставили по совѣту медиковъ піявки, два раза открывали кровь изъ рукъ, и многое принималъ я внутрь, но ничто не помогало мнѣ. Надобно замѣтить, что головная и глазная боль у меня есть наслѣдственная отъ родителя, который отъ головной болѣзни на 60 году лишился зрѣнія; двѣ его родныя сестры, также какъ и родитель мой, лишились зрѣнія, будучи лѣтъ сорока. Кто знаетъ? Можетъ быть и меня ожидала та же самая участь. Но, по неизреченному милосердію Божію ко мнѣ грѣшному, и отеческому вниманію благодѣтеля моего Ивана Яковлевича, доселѣ я вижу, и не

---

[1] Священники: морчуговскій—о. Воскресенскій, участвовавшій въ чтеніи надъ больною заклинательныхъ молитвъ, и константиновскій—о. Замысловъ, совершавшій, какъ сказано, по назначенію Ивана Яковлевича, таинство елеосвященія, живы и теперь, и если будетъ настоять нужда, то они подтвердятъ мои слова.

чувствую глазныхъ и головныхъ болѣзней,—хотя боль подъ ложечкой, только рѣдко и совсѣмъ не въ той степени, какъ бывало прежде, чувствую и доселѣ, и, по совѣту Ивана Яковлевича, пью теперь святую воду, отслуживъ молебенъ животворящему кресту съ водоосвященіемъ. Что́ же спасло меня отъ боли глазной и головной?

Когда я просилъ Ивана Яковлевича о помощи, онъ началъ такъ: «и Иванъ Яковлевичь былъ боленъ головою и глазами, открывалъ кровь по разу изъ руки, но пользы не было никакой, а потому и тебѣ нѣтъ надобности еще открывать кровь; купи-ка себѣ малую священную исторію, да читай ее,—и Богъ просвѣтитъ твои очи». Потомъ велѣлъ мнѣ на ночь мочить глаза виномъ, настояннымъ камфорою, а голову на ночь же мочить уксусомъ. Я все это исполнилъ, и милосердый Богъ, дѣйствительно, просвѣтилъ мои очи. Не болѣе какъ чрезъ мѣсяцъ, я совершенно освободился отъ пятилѣтнѣй глазной и головной боли; впрочемъ и доселѣ продолжаю мочить голову уксусомъ, а глаза виномъ, настояннымъ камфорою.

Вотъ и еще одно замѣчательное обстоятельство. Мѣсяца три я страдалъ отъ ревматизма въ лѣвой рукѣ, и по совѣту медиковъ, растиралъ больную руку спиртами, но пользы не было, кромѣ того, что иногда боль уменьшалась на время. Когда мнѣ случалось побывать у Ивана Яковлевича, то боль въ рукѣ такъ ослабѣла, что я, пробывши у него часовъ семь, забылъ даже и спросить: чѣмъ пользовать больную руку? Но когда началъ прощаться съ Иваномъ Яковлевичемъ, онъ сталъ давать мнѣ табаку. Я протянулъ правую руку, но онъ, отталкивая ее, сказалъ: «Ни, отецъ архидіаконъ, дай другую руку». Тутъ только я вспомнилъ, что лѣвая рука моя больна, — и я просилъ его о помощи. Онъ изъ большаго рога насыпалъ на свою руку щепоти три табаку, передалъ его мнѣ въ лѣвую больную руку и приказалъ такъ и ѣхать. И что же? Многимъ, можетъ быть, покажется смѣшнымъ и невѣроятнымъ, но я

говорю истину: въ то самое время, какъ я принялъ въ руку табакъ, какъ будто загорѣлась моя рука отъ пальцевъ до самаго плеча, а потомъ пришла въ такое разслабленіе, что я совершенно не могъ владѣть ею. Прибывъ на квартиру, я легъ и уснулъ съ табакомъ (этому будетъ лѣтъ 13), и, по благости Божіей, рука моя доселѣ здорова, какъ и правая.

Кромѣ того Иванъ Яковлевичь предсказалъ мнѣ пожаръ и сохраненіе меня отъ онаго, предсказалъ смерть мужа сестры моей, который былъ священникомъ Зарайскаго уѣзда, на погостѣ Спасъ Дощатый, предсказалъ смерть матери жены моей; отъ многихъ болѣзней избавилъ двухъ дочерей и двухъ моихъ сыновей, сестру мою родную и другихъ моихъ родныхъ; но передачею сихъ событій подробностей я не смѣю утомлять ваше вниманіе.

Священникъ Михаилъ Спасскій.

1 марта, 1861 года.
С. Васильевское, Коломенскаго уѣзда.

ДЕРЗКОЕ ЛЮБОПЫТСТВО.

Въ 1835 году, когда народъ православный изъ всѣхъ концовъ Россіи большими массами стремился въ городъ Воронежъ для поклоненія почивающимъ тамъ святымъ, нетлѣннымъ мощамъ новоявленнаго чудотворца Митрофана,—случилось и мнѣ быть въ этомъ городѣ, по дѣламъ службы. Время тогда было лѣтнее; а лѣтомъ бываетъ особенно большой приливъ богомольцевъ. Общее вниманіе всѣхъ вѣрующихъ поглощено было обиліемъ чудесъ, истекавшихъ отъ раки угодника Божія, и невольно вызывало пламенныя молитвы однихъ, и безпредѣльную благодарность другихъ, получавшихъ просимое отъ Господа, по молитвамъ святителя. Впрочемъ, это говорится только о православныхъ христіанахъ; что же касается до иновѣрцевъ, то большая часть изъ нихъ на все такое смотрѣла иначе, — какъ-то недовѣрчиво, — особенно протестанты, изъ которыхъ многіе не хотѣли вѣрить никакимъ чудесамъ и исцѣленіямъ, и оставались упорными въ своемъ невѣріи даже тогда, когда исцѣленія совершались предъ ихъ глазами. Обо всемъ этомъ толковали они по своему, и совершавшіяся чудесныя явленія приписывали чему нибудь иному, а отнюдь не чудодѣйственной силѣ и благодати, дарованной отъ Бога угоднику. Къ числу такихъ невѣровъ принадлежалъ одинъ молодой офицеръ, поручикъ III...къ [1], съ которымъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, познакомился я въ городѣ Сумахъ, а въ описываемое время находился онъ, какъ и я, въ Воронежѣ, — и тоже по дѣламъ службы. Однажды, разговаривая съ нимъ, не помню —о чемъ именно, подъ конецъ мы какъ-то свели свою бесѣду на совершавшіяся тогда чудесныя исцѣленія, и особенно много

[1] Католикъ ли былъ онъ тогда, или протестантъ, утвердительно теперь сказать не могу, только не православный.

разсуждали объ исцѣленіи одной благородной дѣвицы [1], о чемъ впослѣдствіи напечатана была отдѣльная статья, въ какомъ-то періодическомъ изданіи [2].

«Знаете ли, что случилось со мною здѣсь (въ Воронежѣ)? перебилъ меня г. Ш...ъ.—Не такъ давно, смотря на усердіе, съ какимъ стремился народъ къ ракѣ угодника Митрофана, пришелъ и я къ мысли, — разумѣется изъ одного любопытства, послѣдовать примѣру православныхъ, — приложиться къ мощамъ святителя. И вотъ, съ густою массою народа, подвигаюсь помаленьку впередъ, къ ракѣ новоявленнаго чудотворца. Оставалось уже сдѣлать нѣсколько шаговъ: но тутъ-то и остановился, какбы прикованный къ мѣсту; хочу далѣе идти, и не могу; какая-то сила удерживаетъ меня на одномъ мѣстѣ; дѣлаю вновь усиліе, и все понапрасну. Богомольцы идутъ впередъ, минуя меня; одинъ только я не въ силахъ сдвинуться съ мѣста. Послѣ неудачныхъ попытокъ, повторенныхъ не одинъ разъ, я долженъ былъ наконецъ вернуться назадъ и оставить свое намѣреніе безъ исполненія».

Спустя шесть лѣтъ послѣ этого разговора, привелось мнѣ опять встрѣтиться съ г. Ш...комъ въ С. Петербургѣ, гдѣ занималъ онъ видное мѣсто по одному министерству, но, къ сожалѣнію, не пришло на мысль, спросить его, убѣдился ли онъ въ правотѣ православной нашей вѣры, и не сдѣлался ли уже исповѣдникомъ ея, послѣ того урока, какой данъ былъ ему въ Воронежѣ угодникомъ Божіимъ Митрофаномъ.

Петръ Ивановъ.

23-го декабря, 1861 года.
Г. Козельскъ.

---

[2] По фамиліи, помнится, Азанчевской.

[3] Послѣ мнѣ довелось читать въ рукописи—подробную исторію исцѣленія этой дѣвицы.

УРОКЪ БОЛТЛИВОЙ МОЛОДОСТИ.

Нѣтъ сорокъ уже назадъ тому, какъ совершилось одно достопримѣчательное и назидательное, но весьма немногимъ извѣстное произшествіе. Нѣсколько человѣкъ взрослыхъ уже молодыхъ дворянъ, находившихся въ одномъ, столичномъ, военно-учебномъ заведеніи, пользуясь досугомъ, который выпалъ на ихъ долю, сошлись въ одну комнату, и проводили время въ разговорахъ. Говорили они много, безъ умолку, и съ тою пылкостію, какою нерѣдко увлекается незрѣлый возрастъ юности. Разнообразная болтовня ихъ о томъ-о-семъ попеременно смѣнялась то множествомъ анекдотовъ, приправленныхъ достаточнымъ количествомъ остротъ собственнаго издѣлія, то неподдѣльнымъ юморомъ и оглушительнымъ взрывомъ смѣха. Говоря о всякой всячинѣ, собесѣдники договорились наконецъ и до христіанской религіи. Казалось, только этого и не доставало еще для дѣятельности досужихъ языковъ. За то, чего теперь не высказано къ униженію православной вѣры и надъ чѣмъ не издѣвалась буйная молодость! Здѣсь открылось обширное поле вольномыслію и кощунству надъ всѣмъ, что есть святаго и досточтимаго для всякаго истиннаго христіанина. Высказываемое невѣріе не имѣло никакихъ границъ. Быть можетъ, и долго шелъ бы такой возмутительный говоръ, если бы одинъ неожиданный случай не прекратилъ безумной болтовни,—и вотъ какимъ образомъ: среди полнаго разгара, до какого только могутъ достигать неумолкаемый шумъ и буесловіе, продолжавшіеся немалое уже время,—вдругъ, одинъ изъ собесѣдниковъ закричалъ самымъ ужаснымъ голосомъ и замертво упалъ на полъ. Такая неожиданность переполошила все сборище буйной ватаги и положила конецъ

безчинію. Теперь, все стихло; говоръ и шумъ умолкли; смѣхъ прекратился, глумленія забыты, вниманіе всѣхъ устремлено на того, кто доселѣ такъ бойко ратовалъ противъ христіанской религіи, а теперь, поверженный на полъ, лежитъ безъ чувствъ. Когда же тревожное впечатлѣніе, произведенное и удивленіемъ и испугомъ, миновало и осталась одна какая-то робость и боязнь, соучастники безбожной болтовни приняли самое живое и дѣятельное участіе въ положеніи своего товарища: всѣ засуетились около него, желая подать ему помощь, чѣмъ и какъ кто могъ,—и заботливость ихъ не осталась безплодною; лежавшій на полу собратъ ихъ приведенъ былъ въ чувство, и могъ удовлетворительно отвѣчать на вопросы любопытствующихъ собесѣдниковъ.

—«Товарищи!»—это было первое его слово, съ которымъ онъ обратился къ нимъ,—«съ этихъ поръ, говорите, что кому вздумается о христіанской религіи и кощунствуйте, на сколько достанетъ у васъ дерзости, а я рѣшительно и навсегда отказываюсь принимать участіе въ подобныхъ разговорахъ».

«Что это значитъ? раздалось со всѣхъ сторонъ,—разскажи пожалуйста, что съ тобою случилось?»

— «А вотъ что,—отвѣчалъ онъ, оправляясь послѣ своего паденія. Когда неумѣстные и богохульные разговоры наши перешли за предѣлы всего возможнаго,и языкъ нашъ не удерживался уже ничѣмъ, не знаю, что заставило меня взглянуть на плотно-притворенную дверь, ведущую въ смежный покой. Эта дверь вдругъ тихо и безъ малѣйшаго скрипа распахнулась настежь, и — какъ выразить вамъ ужасъ, овладѣвшій мною въ ту минуту, когда глазамъ моимъ, среди отверстой двери, предсталъ невѣдомый, святолѣпный и благообразный старецъ, окруженный весь поразительнымъ сіяніемъ! Окинувъ наше собраніе грознымъ окомъ, въ которомъ ясно выражался гнѣвъ его на наше глумленіе и пустословіе, онъ устремилъ потомъ взоры свои на одного уже меня. Невыносимъ былъ этотъ взглядъ, полный гнѣва и укора, а особенно—

когда вмѣстѣ съ тѣмъ, свѣтоносный мужъ тотъ погрозился на меня пальцемъ. Все это было дѣломъ мгновенія, и кончилось тѣмъ, что я не выдержалъ—ни суроваго взгляда этого небеснаго посланника, ни угрозы его. Отъ страха я затрепсталъ всѣми членами, какъ древесный листъ, и съ ужасающимъ воплемъ упалъ на полъ. Какъ долго лежалъ я въ такомъ оцѣпенѣніи, это знаете вы, гораздо лучше, чѣмъ я. Вотъ вамъ, друзья мои, урокъ, данный чрезъ меня, въ предосторожность и во избѣжаніе подобныхъ пагубныхъ бесѣдъ».

Описанное здѣсь происшествіе, съ чувствомъ неподдѣльнаго сѣтованія, передалъ мнѣ въ дружеской бесѣдѣ, хорошій мой знакомый, поручивъ К.... въ [1], въ то время, когда я служилъ съ нимъ въ одномъ батальонѣ [2], и разсказъ его заслуживаетъ тѣмъ большаго довѣрія, что и самъ онъ находился въ числѣ тѣхъ молодыхъ людей, и былъ личнымъ свидѣтелемъ событія.

Петръ Ивановъ.

23-го декабря, 1861 года.
Г. Козельскъ.

---

[1] Объявить имя, отчество и фамилію этого моего знакомца я не уполномоченъ.

[2] Это было, сколько помню, въ 1834 году, во время квартированія нашего съ батальономъ, въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Кіевской губерніи.

СИЛА ВѢРЫ И МОЛИТВЫ.

Многіе говорятъ, что чудеса были только въ прежнее время, а нынѣ ихъ нѣтъ. Не будемъ опровергать мнѣніе подобныхъ людей, а разскажемъ о извѣстныхъ намъ случаяхъ, которые нельзя не признать за чудесныя событія.

Вотъ одинъ изъ нихъ: Въ концѣ мая 1841 года, въ Вяткѣ и окрестныхъ уѣздахъ, послѣ хорошей лѣтней теплой и ясной погоды, наступилъ такой холодъ, что съ 29 числа выпалъ снѣгъ, и шелъ онъ двое сутокъ въ Вяткѣ, Слободскомъ и Орловѣ, въ такомъ количествѣ, что начали уже ѣздить на саняхъ. Такая холодная погода простояла до 4 іюня.

На поляхъ къ этому времени посѣвы озимовые были уже на колосу, а яровые въ четверть вышиною, но рѣдки. Скотъ весь кормился на выгонѣ. Но вдругъ все запало снѣгомъ и замерзло! Скота стало кормить нечѣмъ: у жителей въ запасѣ корма уже не было, въ ожиданіи новаго урожая. Нѣкоторые выгнали скотину въ лѣсъ, чтобъ питался онъ листомъ и хвоей съ деревьевъ; другіе рубили прутье съ деревъ и возили домой, чтобы не уморить скотины,—даже соломенныя крыши на гумнахъ и овинахъ всѣ были скормлены, а въ городахъ цѣна на сѣно поднялась съ 6 до 75 к. сер. за пудъ. Народъ пришелъ въ такое уныніе, что жаль было смотрѣть. Всѣ говорили, что за грѣхи Богъ наказываетъ и, видно, всѣмъ придется умирать съ голоду: посѣвы замерзли.

Тогда городскія власти и духовенство рѣшились прибѣгнуть къ молитвѣ,чтобъ успокоить волненіе въ народѣ и поселить въ немъ духъ вѣры и надежды на Бога. Для этого положили сдѣлать крестный ходъ со св. иконами вокругъ городовъ. И во всѣхъ трехъ городахъ, совершили эти крестные

ходы въ одинъ день 4 іюня, — хотя письменныхъ сношеній объ этомъ между городами не было. Такая же молитва была и во многихъ селахъ, какъ это послѣ сдѣлалось извѣстнымъ. Народу при этомъ вездѣ было много. И онъ молился съ большимъ усердіемъ и сокрушеніемъ: рѣдкій не плакалъ. Я въ это время былъ въ г. Слободскомъ. Здѣсь, послѣ обѣдни, отъ всѣхъ церквей, при звонѣ, въ Преображенскій соборъ пришли съ иконами, и народъ былъ изъ города чуть не весь. Много было и изъ окрестныхъ деревень. Для молебна вышли передъ Преображенскій соборъ на площадь. Въ священнодѣйствіи старшимъ былъ благочинный, протоіерей Вознесенскаго собора Павелъ Лаврентьевичъ Мышкинъ. Когда діаконъ передъ окончаніемъ молебна, возгласилъ: «Со умиленіемъ и слезами преклонше колѣна»,—народъ палъ въ снѣгъ, и протоіерей сталъ читать положенную молитву, но не могъ: залился слезами, а за нимъ и народъ... Вдругъ, въ это время раздвинулись облака, и молящихся освѣтило яркое лѣтнее, но бѣлое, солнце; повѣяло тепломъ, и, вскорѣ, снѣгъ сдѣлался мягкимъ. Молящіеся поражены были радостію и большимъ умиленіемъ. Молитвословіе кончилось, и облака опять задвинулись, но холоду уже не стало. Народъ разошелся по домамъ съ отрадою и увѣренностію, что Богъ умилосердился. Послѣ этого, въ три часа по полудни облака скрылись, солнце начало смотрѣть на землю привѣтливо; съ крышъ потекло ручьями. На другой день скотъ пошелъ на выгонъ; трава подъ снѣгомъ для него уцѣлѣла; а посѣвамъ не только не сдѣлалось вреда, но яровыя, помлѣвшіе отъ мороза, вышли снова,—густые и темные, какъ послѣ удобренія, колосья ржи отпали и вмѣсто ихъ изъ стеблей выросли другіе; вообще урожай травъ и хлѣба былъ прекрасный. Мужички съ радости заговорили между собою· «надо тужить о грѣхахъ, а о Божьемъ нечего. Богъ знаетъ , чему надо быть: — и кто знаетъ? невзгода эта за грѣхи ли была, чтобъ мы усерднѣе молились, или къ лучшему? Потому что, если бы не было снѣгу, да стужи, то хлѣбъ и траву, можетъ быть, поѣлъ бы

червь, а теперь его нѣтъ». Червя, дѣйствительно, отъ ранняго тепла появилось много въ землѣ и наверху. «То и другое», повторяли другіе, «потому что все это устроилъ Божій промыслъ по своему милосердію къ намъ».

А вотъ и другой случай: Въ іюлѣ 1855 года, въ лѣсахъ Вятской губерніи отъ засухи появились пожары во многихъ мѣстахъ. Одинъ изъ нихъ изъ Вятской губерніи перешелъ въ Вологодскую. Никакія человѣческія усилія остановить его не могли: онъ шелъ по такому лѣсу, гдѣ народонаселенія близко не было. Направленіе имѣлъ прямо на Кажимскій желѣздѣлательный заводъ, бывшій г. Маликова, а нынѣ г. Бенардаки. Заводъ этотъ имѣетъ населенія болѣе 250 домовъ, да около него при р. Кобрѣ нѣсколько зырянскихъ деревушекъ и два три дома на заводской пристани и Комскомъ рудникѣ. Нѣкоторыя деревушки у зырянъ, при р. Кобрѣ, уже сгорѣли, и огонь перешелъ въ заводскую дачу, сжегши по пути на Коберской пристани и въ Комскомъ рудникѣ сѣно заводское и въ куреняхъ заготовленныя для выжега угля дрова. Для тушенія его высланы были всѣ могущіе работать заводскіе люди съ топорами и лопатами, но ничего сдѣлать не могли: пожаръ не повиновался никакимъ нашимъ усиліямъ, и отъ завода былъ уже не болѣе какъ въ 10-ти верстахъ. Искры несло вѣтромъ и пепелъ отъ нихъ валился на заводъ. Въ заводѣ строеніе, кромѣ церкви и господскаго дома, все деревяное, и лѣсъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, былъ вплоть до строеній, а если гдѣ былъ и подальше, то между лѣсомъ и строеніемъ пустыри покрыты были сучьями, кореньемъ и пнями, оставшимися отъ срубленнаго лѣсу. Кругомъ завода разставили въ бочкахъ и кадкахъ воду, а на крыши строеній поставили людей съ водой и швабрами. Но чѣмъ ближе приближался огонь, тѣмъ болѣе на строенія валился пепелъ и искры. Имущество изъ домовъ все было вынесено или въ церковь или на чистое мѣсто къ заводскому пруду, и всѣ ожидали уже, что вотъ вотъ вспыхнетъ какое нибудь строеніе

и тогда сгоритъ весь заводъ. Огонь къ вечеру перебросился было чрезъ рѣку Сысолу.

Тогда управляющій заводомъ сказалъ священнику: батюшка, человѣческія силы, видно, спасти заводъ не могутъ: смотрите, искры — какъ дождь, летятъ цѣлыя прутья съ огнемъ. Дадимъ знать по заводу, чтобъ съ этого же времени жители завода постились, а завтра явились на общую молитву, чтобъ Богъ помиловалъ насъ. А вы отслужите всенощное бдѣніе—съ прибавленіемъ, гдѣ положено на ектеніяхъ и возгласахъ, молитвъ о избавленіи отъ запаленія». Священникъ съ радостію изъявилъ готовность на все. Немедленно сдѣлано распоряженіе, — и раздался благовѣстъ къ великой вечернѣ. Вѣтеръ тогда затихъ. Вечерня, а потомъ, поутру утреня и литургія были совершены, и начатъ крестный ходъ съ св.иконами изъ храма на площадь. Передъ церковью отслужили съ водоосвященіемъ молебенъ и пошли кругомъ завода. Въ это время было дымно и съ верху валился горящій пепелъ и хвоя; ни солнца, ни облаковъ было не видно; былъ удушающій жаръ. Когда на плотинѣ передъ фабриками завода отслуженъ былъ первый краткій молебенъ, и священникъ сталъ осѣнять крестомъ и кропить, возглашая: «Господу помолимся! рцемъ вси: Господи помилуй! » — тогда всѣ бывшіе въ крестномъ ходу замѣтили, что начинаетъ кропить дождь. Съ каплями дождя у священника и у многихъ другихъ начали капать слезы умиленія. Послѣ втораго молебна на сѣверной сторонѣ завода, дождь сталъ идти крупнѣе.. Послѣ третьяго молебна на западной сторонѣ завода, дождь пошелъ еще крупнѣе, сильнѣе и крупнѣе..., а за четвертымъ молебномъ на южной сторонѣ—дождь полился какъ изъ ведра. Радости не было конца. «Отецъ Левъ,—сказалъ управляющій священнику, не будемъ какъ девять прокаженныхъ, но какъ десятый, возвратимся, и, падши, поблагодаримъ Бога. Отслужите завтра благодарственную службу».— Священникъ на другой день послѣ обѣдни совершилъ благодарственный молебенъ, а народу сдѣлано угощеніе и данъ от-

дыхъ. Горе и бѣда остались только въ воспоминаніи, да въ *дѣлѣ*, которое послѣ того произведено о лѣсномъ пожарѣ и хранится гдѣ-то въ уѣздномъ судѣ.

Итакъ вѣра и усердная молитва въ бѣдахъ и напастяхъ единственное есть утѣшеніе. Этому вѣрятъ не одни христіане, а даже магометане. Я слышалъ подобный этому разсказъ отъ слободской игуменіи. Въ то самое время горѣли лѣса около г. Слободскаго, и мельница тамошняго дѣвичьяго монастыря, находящаяся въ лѣсу отъ города въ 8 верстахъ, была въ опасности. Пожаръ былъ близко; тушеніемъ его занимались татары каринскіе. Игуменья была тамъ съ сестрами и съ иконами изъ монастыря. Съ которой стороны подуетъ вѣтромъ огонь на мельницу, на ту сторону онѣ и перейдутъ съ этими образами, и, вѣтеръ или затихнетъ, или оборотится въ другую сторону. Татары это видѣли не одинъ разъ, и потому чуть откуда польетъ пламя сильнѣе, они и закричатъ: «мачка, мачка, сюда сюда съ Боговымъ-то образомъ! сюда больно бѣжитъ огонь-то». — И безъ особенныхъ усилій мельница была спасена среди огня.

Разсказы эти слышаны мною отъ очевидцевъ и записаны для памяти.

І. Суворовъ.

января 1861.
г. Слободской.

СИЛА ВѢРЫ, И БЛАГОДАТНАЯ ПОМОЩЬ
МУРОМСКИХЪ ЧУДОТВОРЦЕВЪ ПЕТРА И ФЕВРОНІИ.

По вѣрѣ вашю, буди вама. Матѳ. 9, 29 ст.

I.

Въ 1860 году, 23 марта, готовясь совершать божественную литургію преждеосвященныхъ даровъ, въ 7 часовъ утра пришелъ я въ теплый соборъ [1], чтобъ до начатія божественной службы прочесть правило ко святому причащенію и приготовить потребное къ священнодѣйствію. Отсюда я долженъ былъ идти въ холодный соборъ за ризницею. Взошедши на паперть холоднаго собора, я увидѣлъ тамъ молящагося, неизвѣстнаго мнѣ, крестьянина. Когда взошелъ я въ соборъ, взошелъ за мною и крестьянинъ. Узнавъ отъ меня, гдѣ почиваютъ мощи св. чудотворцевъ Петра и Февроніи, онъ подошелъ къ ракѣ ихъ, палъ на колѣна и молился долго. Окончивъ дѣло свое въ соборѣ, я возвратился въ теплый, куда пришелъ за мною и крестьянинъ. Одежда на немъ была довольно бѣдная — плохой, обношенный полушубокъ, и сверхъ его, почти такой же черный кафтанъ, — ноги обуты въ лапти. Я спросилъ его: кто онъ, откуда, и зачѣмъ въ Муромѣ въ такое сырое и опасное время? Дорога начинала въ это время портиться, мѣстами появлялась вода, и ледъ на рѣкѣ Окѣ уже слабѣлъ. Крестьянинъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: «Я—Нижегородской губерніи, Ардатовскаго уѣзда [2], села Пузы Страховыхъ, зовутъ меня Степаномъ Ивановымъ. Всю нынѣшнюю зиму прострадалъ я отъ

---

[1] При муромскомъ Богородицкомъ соборѣ, совершенно отдѣльно отъ него, имѣется теплый соборъ, во имя нерукотвореннаго образа, сооруженный въ концѣ XVIII-го столѣтія муромскимъ купцомъ Бушуевымъ.

[2] Ардатовъ отъ Мурома разстояніемъ 90 верстъ.

зубной боли, наконецъ болѣзнь моя такъ усилилась, что я не могъ не только работать, но даже заснуть. Въ этихъ ужасныхъ страданіяхъ, вдругъ пришло мнѣ на мысль сходить пѣшкомъ въ г. Муромъ и помолиться тамъ св. чудотворцамъ Петру и Февроніи. Желаніе это такъ усилилось во мнѣ, что, не смотря ни на мучительную боль свою, ни на трудность пути, я собрался и пошелъ въ Муромъ,—и вотъ только теперь пришелъ сюда». Выслушавъ разсказъ его, я хотѣлъ было предложить ему нѣкоторыя общеизвѣстныя пособія противъ зубной боли, но какой-то внутренній голосъ, видимо въ обличеніе моего маловѣрія и въ урокъ и доказательство силы вѣры, удержалъ меня—и я только спросилъ крестьянина: что жь теперь зубная твоя боль? Отъ усталости, и особенно отъ холода и сырости, она должна еще усилиться? Крестьянинъ простодушно отвѣчалъ мнѣ: «сначала въ дорогѣ зубы болѣли, на другой день они позатихли, а теперь я почти не слышу боли». Послѣ сего я видѣлъ его еще разъ, и онъ, пробывъ сутки въ Муромѣ, отправился домой совершенно здоровымъ.

Подъ какой законъ разсудка, природы и медицины можно подвести такое явленіе? При такихъ условіяхъ, при коихъ и здоровый могъ бы получить болѣзнь, и даже сильнѣйшую зубной, зубная боль прошла? Пусть кто хочетъ и какъ знаетъ доказываетъ, что это естественно,—я твердо убѣжденъ, что такое исцѣленіе совершила чудодѣйственная сила вѣры и внутренно прославилъ *Бога, дивнаго во святыхъ Своихъ.*

II.

1860 года, апрѣля 29 дня, въ 8 часовъ утра двое купцовъ, муромскій Гавріилъ Яковлевъ Усовъ, и моршанскій Ѳедоръ Іассоновъ Синевъ, и при нихъ 12 человѣкъ пассажировъ и рабочихъ отправлялись изъ Мурома по р. Окѣ догонять суда свои, плывшія съ хлѣбомъ въ г. Нижній. Рѣка была въ полномъ разливѣ; восточный вѣтеръ начиналъ волновать ее встрѣчь воды,—но для людей, издѣтства привыкшихъ къ судоходству, такое явленіе было не ново—и не произвело на нихъ особеннаго впечатлѣнія. Народу было достаточно, лодка удобная.

Такъ какъ нѣкоторые изъ пассажировъ позамедлили прибыть на лодку, — то она не могла отвалить отъ берега раньше 10 часовъ. Въ этотъ промежутокъ времени одинъ изъ купцовъ, именно Синевъ, пользуясь досугомъ, и близостію разстоянія [1], пошелъ въ муромскій Богородицкій соборъ, гдѣ почиваютъ мощи св. чудотворцевъ Петра и Февроніи, съ намѣреніемъ, какъ послѣ разсказывалъ онъ, приложиться къ нимъ. Пришедши въ соборъ, я нашелъ его, говоритъ онъ, запертымъ, потому что богослуженіе уже окончилось. Это сильно опечалило меня, но дѣлать было нечего; наступало время плыть, и я, помолясь сквозь окно на паперти собора, пошелъ было къ лодкѣ, но къ счастію моему въ эту минуту встрѣтился мнѣ соборный священникъ, который съ ключемъ въ рукѣ, шелъ въ соборъ служить молебенъ св. чудотворцамъ Петру и Февроніи, по просьбѣ какого-то проѣзжающаго. Вмѣстѣ съ ними вошелъ и я въ соборъ, помолился св. чудотворцамъ и приложился къ ракѣ ихъ. Въ 10 часовъ утра лодка отплыла отъ берега. На другой день утромъ разнеслась вѣсть по городу, что лодка, на которой отправился муромскій купецъ Усовъ, потонула. Къ вечеру того же дня эта вѣсть вполнѣ оправдалась: въ Муромъ привезенъ былъ купецъ Синевъ, съ двумя пассажирами, и вотъ что онъ разсказалъ: «въ 10 часовъ отплыли мы отъ берега. Чтобъ скорѣе догнать суда, мы поплыли не рѣкою, а пересѣкши ее, поплыли полоями, потому что рѣка въ этомъ мѣстѣ сдѣлала большой изгибъ. Часа черезъ два, вѣтеръ и волны усилились, — черезъ часъ времени, плаваніе сдѣлалось совершенно затруднительнымъ. Купецъ Усовъ, какъ мужчина крѣпкій, самъ взялъ кормовое весло. Въ это время вѣтеръ рванулъ сильно, лодку заворотило—кормовое весло переломилось. Гибель была неизбѣжна. Народъ обомлѣлъ,—потомъ всѣ начали суетиться, торопиться, собираться,—не зная, куда, каждый хваталъ свою вещь,—не зная, на что. Картина

[1] Лодка стояла на томъ мѣстѣ берега, — на коемъ построенъ муромскій Богородицкій соборъ.

была ужаснѣйшая... Всѣ кричали: Батюшки! погибаемъ! погибаемъ! Между тѣмъ вѣтеръ и волны все больше больше усиливались,— лодку сильно бросало изъ стороны въ сторону,— править было нечѣмъ, — вблизи не видно было не только берега, но даже куста. Видя неизбѣжную смерть, я призвалъ въ помощь св. чудотворцевъ Петра и Февронію, и началъ раздѣваться,—тоже совѣтовалъ сдѣлать и купцу Усову: но онъ стоялъ на лодкѣ неподвижно. Снявъ съ себя все до исподней одежи, я бросился въ воду, предполагая въ страхѣ — переплыть необозримое пространство. Отплывъ отъ лодки сажени на три по качкѣ валовъ, я услышалъ ужаснѣйшій крикъ, — обернулся: — вижу накатившаяся волна захлебнула лодку и опрокинула ее вверхъ дномъ. Нѣкоторые изъ людей плавали по поверхности воды; другихъ я не замѣтилъ. Проплававъ долгое время, я началъ чувствовать, что ослабѣваю, потому поплылъ обратно къ лодкѣ; — ухватился за нее,—но качка валовъ оторвала меня отъ лодки, и я опять долженъ былъ плавать, бросаемый съ волны на волну. Не помню какъ, но только мнѣ удалось опять ухватиться за лодку, и я, собравъ всѣ силы, вспрыгнулъ на нее, опрокинутую дномъ къ верху. Ко мнѣ подплыли четверо изъ пассажировъ,— мальчикъ лѣтъ 16, да трое взрослыхъ мужчинъ. Ухвативъ мальчика за руку, я втащилъ его къ себѣ на дно лодки, но онъ въ короткое время на рукахъ у меня померъ. Одинъ изъ ухватившихся за лодку ослабѣлъ и оторвался отъ нея, другихъ двоихъ ухватилъ я за руки и держалъ крѣпко, уговаривая, сколько есть силъ, держаться другою рукою за лодку. По пологямъ носило насъ долго, наконецъ вынесло въ рѣку. Къ нашему счастію, не вдалекѣ отъ этого мѣста стояло судно. Замѣтивъ насъ, хозяинъ судна выслалъ лодку съ своимъ народомъ и насъ всѣхъ троихъ привезли на судно. Во все это страшное время я не переставалъ призывать въ помощь св. чудотворцевъ Петра и Февронію, — постоянно повторяя: св. чудотворцы Петръ и Февронія, спасите меня! И спасеніе мое приписываю единственно чудодѣйственной ихъ силѣ...» На-

добно замѣтить, что купецъ Синевъ, пробывъ въ водѣ, какъ самъ онъ разсказывалъ, часовъ 7 или 8-мь, въ такое холодное время, при такихъ сильныхъ потрясеніяхъ душевныхъ,—не получилъ никакой особенной болѣзни, и , пробывъ недолгое время въ Муромѣ, отправился въ г. Нижній; двое пассажировъ тоже спаслись при его помощи.

На этой же лодкѣ, съ означенными купцами, собрался, по собственной надобности, не далеко плыть муромскій житель Н. А. Б. «Я, разсказывалъ онъ, пришелъ уже на лодку,—но какое-то тревожное чувство овладѣло мною и тайный внутренній голосъ останавливалъ меня;—не знаю, почему,—но мнѣ, при всей надобности, сильно не хотѣлось плыть. Со мною былъ животворящій крестъ, перешедшій мнѣ въ благословеніе отъ дѣдовъ, безъ котораго я никуда не отправляюсь и не начинаю никакого важнаго дѣла. Внутренно призвалъ я въ помощь силу св. креста, — но мысль воротиться тотчасъ съ лодки домой не оставляла меня. У меня не стало больше силъ противиться внутреннему голосу и оставаться на лодкѣ. Подъ предлогомъ не на долгое время отлучиться съ лодки, я сошелъ съ ней на берегъ—и тотчасъ послалъ мальчика моего къ купцамъ сказать, что я раздумалъ плыть съ ними. Что это за внутренній, тайный голосъ, удержавшій меня отъ напрасныя неизбѣжныя смерти?»—Нельзя не видѣть въ немъ благодатнаго охраненія свыше, даруемаго по силѣ вѣры и упованія на Господа.

Священникъ Александръ Орфановъ.

3 іюня, 1860 г.
Муромъ.

II.

О ЧИСТОТѢ И НЕПОРОЧНОСТИ ВѢРЫ.

Святый Апостолъ Іаковъ говоритъ: *вѣра чиста и непорочна предъ Богомъ и Отцемъ сія есть, еже посѣщати сирыхъ и вдовицъ въ скорбехъ ихъ, и нескверна себе блюсти отъ міра* (Іак. 1, 27). Это изреченіе замѣчательно своею особенною полнотою; оно заключаетъ въ себѣ сокращеніе всѣхъ христіанскихъ обязанностей.

Въ словахъ Апостола указывается вѣра чистая и непорочная троякая: 1) *вѣра сама въ себѣ*, какъ наше внутреннее убѣжденіе, при неправотѣ котораго она не можетъ быть чиста и непорочна предъ Богомъ; 2) *вѣра по отношенію къ ближнимъ*, сопровождаемая любовію къ нимъ, и 3) *вѣра въ отношеніи къ себѣ самимъ*, соединяемая съ чистотою, или неоскверненностію нашего поведенія. Этотъ тройственный союзъ вѣры составляетъ ея полноту и совершенство; удовлетворяетъ тремъ главнѣйшимъ силамъ нашей души—уму, волѣ и сердцу, и нашимъ высшимъ стремленіямъ къ истинѣ, добру и счастію. Удовлетвореніе уму, ищущему истины, доставляетъ вѣра чистая и непорочная сама въ себѣ; волѣ, естественно расположенной къ добру, — посѣщеніе *сирыхъ* и *вдовицъ въ скорбехъ ихъ;* сердцу, жаждущему удовольствій, — *соблюденіе себя неоскверненнымъ отъ міра.*

I.

Вѣра чиста и непорочна *сама въ себѣ*, безъ сомнѣнія, та, которая своимъ ученіемъ наиболѣе удовлетворяетъ человѣка здравомыслящаго. Такова изъ всѣхъ существующихъ на землѣ вѣръ, *христіанская.*

Каждый здравомыслящій чувствуетъ и вѣра Христова подтверждаетъ то чувство, что человѣкъ — грѣшникъ (Рим. 5, 11), который своимъ грѣхопаденіемъ безконечно оскорбилъ

Бога, правду вѣчную, и подвергъ себя вѣчному осужденію. Какова же должна быть вѣра и ея помощь для грѣшника? Для него необходимо нуженъ Спаситель, который бы уврачевалъ больнаго, возстановилъ падшаго, умирилъ и соединилъ виновнаго съ Богомъ. Вѣра христіанская дѣйствительно и благовѣствуетъ о такомъ Спасителѣ міра. По соображенію простому и здравому, Онъ долженъ быть лице *великое*, *всемірное*, потому что *весь міръ лежитъ во злѣ* (1 Іоан. 5, 19). Всѣ явленія міра физическаго тѣсно между собою соединены и совершаются во взаимной зависимости: и событія духовно-нравственныя слѣдуютъ въ необходимой преемственности, подобно сѣмени, изъ котораго земля производитъ сперва зелень, потомъ колосъ, потомъ полное зерно въ колосѣ (Марк. 4, 28). При этой внутренней неразрывной связи событій надлежало ожидать Мессіи и къ принятію Его готовиться всему человѣчеству: мы и видимъ въ исторіи это всемірное ожиданіе Спасителя и приготовленіе къ срѣтенію Его. Ветхій Завѣтъ весь былъ предвозвѣстникомъ Его. Мессія сдѣлался основаніемъ пророковъ и апостоловъ (Еф. 2, 20).

По предположенію разумному, Онъ долженъ быть *безгрѣшный и невинный*. Грѣшнику не спасти грѣшника, утопающему не избавить погибающаго. Кто же долженъ быть этотъ великій, безгрѣшный и невинный Спаситель? Безъ сомнѣнія—ни человѣкъ, ни Ангелъ, а самъ Богъ. Человѣкъ сотворенный и падшій не можетъ возстановить падшихъ, и особенно удовлетворить Творцу своему за грѣхъ противъ него. Ангелъ и безгрѣшенъ, но его посредничество, какъ сотвореннаго, недостаточно для умилостивленія Бога. Только самъ Богъ — Творецъ міра могъ быть его искупителемъ и возстановителемъ. Сотвореніе человѣка было дѣломъ всемогущества Божія и возсозданіе падшаго *въ новую тварь* (2 Кор. 5, 17) есть дѣло того же всемогущества. На эти правильныя предположенія и требованія разума вѣра христіанская самымъ положительнымъ образомъ отвѣчаетъ: *единъ есть Богъ, и единъ ходатай Бога и человѣковъ,—человѣкъ*

Христосъ Іисусъ, давый Себе избавленіе за всѣхъ (1 Тим. 2, 5—6). Такъ Ходатай и Спаситель міра есть самъ вѣчный, всеправедный и всемогущій Богъ, который одинъ можетъ удовлетворить своему правосудію за грѣхъ сотвореннаго Имъ существа, и возстановить союзъ его съ Собою.

Для чего же Богъ воплотился, чтобы быть ходатаемъ Бога и человѣковъ? Почему бы силою одного своего всемогущаго хотѣнія не возстановить міръ, созданный Имъ изъ ничего? Господь воплотился, чтобы ближе поставить Себя на мѣсто виновнаго,—въ Себѣ явить примѣръ истины и добра и видимо предать Себя въ жертву за грѣхъ міра видимаго. Грѣхъ учиненъ на землѣ: Спаситель сошелъ съ небесъ на землю и принялъ на Себя грѣхи міра. Согрѣшилъ первый человѣкъ, взятый *отъ земли*: и *Господь съ небесе* явился во плоти (Іоан. 1, 14) и *вселися въ ны*, какъ вторый и истинный человѣкъ (1 Кор. 15,47), кромѣ грѣха, который Богу несвойственъ. Какъ всѣ вообще дѣти, т. е. люди, имѣютъ плоть и кровь, говоритъ Апостолъ: то и Онъ (Сынъ Божій) также восприняль оныя (Евр. 2, 14—15). Грѣхъ сдѣланъ человѣкомъ: и Богъ послалъ Сына своего въ подобіи плоти грѣховной въ жертву за грѣхъ (Рим. 8, 3). Грѣхъ произошелъ чрезъ послушаніе человѣка слову воплощеннаго діавола: и спасеніе наше должно совершиться чрезъ послушаніе слову воплотившагося Сына Божія; *сей есть Сынъ Мой возлюбленный, того послушайте* (Матѳ. 17,5). Невѣдавшій грѣха, говоритъ Апостолъ, Господь сдѣлался за насъ жертвою грѣха, чтобы мы въ Немъ стали праведниками предъ Богомъ. Богъ во Христѣ примирилъ съ Собою міръ, не вмѣняя людямъ преступленій ихъ (2 Кор. 5, 21. 19). Какъ однимъ преступленіемъ всѣмъ человѣкамъ осужденіе: такъ одною правдою всѣмъ человѣкамъ оправданіе къ жизни. Какъ непослушаніемъ одного человѣка стали многіе грѣшниками, такъ и послушаніемъ одного содѣлаются многіе праведными. Человѣкъ унизилъ себя чрезъ грѣхъ, подвергъ страданіямъ и смерти: и Спаситель принялъ зракъ раба и явился въ состояніи уничиженія; терпѣлъ, страдалъ и умеръ,

какъ человѣкъ, чтобы своею смертію сокрушить имѣющаго державу смерти (Евр. 2, 14), быть жертвою примиренія правды Божіей съ виновнымъ человѣкомъ.

Жало смерти—грѣхъ (1 Кор. 15, 56); тягчайшее его послѣдствіе—смерть; но жертва Спасителя не ограничилась смертію за наши грѣхи. Одна смерть Христа была бы только карою, но не спасительною побѣдою, возстановляющею жизнь. Христосъ предалъ Себя за грѣхи наши на смерть и воскресъ для оправданія нашего (Рим. 5, 25). Своимъ воскресеніемъ Онъ разрушилъ смерть, возстановилъ жизнь и положилъ начало общаго воскресенія мертвыхъ для вѣчной блаженной жизни (1 Кор. 15, 20). Такимъ образомъ вѣра христіанская есть религія жизни, радости и безсмертія; воскресеніе Христово есть вѣнецъ и слава ходатайства Богочеловѣка,—главный признакъ божественности Его и Его вѣры. Христосъ чрезъ свое воскресеніе изъ мертвыхъ во всей силѣ открылся Сыномъ Божіимъ (Рим. 1, 4). Если Христосъ не воскресъ: то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра ваша, пишетъ Апостолъ (1 Кор. 15, 14). Воскресившій Христа изъ мертвыхъ оживитъ и ваши смертныя тѣла (Рим. 8, 11). Чрезъ воскресеніе Іисуса Христа, все совершенное и изглаголанное Имъ, такъ сказать, ожило, утвердилось и возрасло, потому что стало животворнымъ, безсмертнымъ, вѣчнымъ. *Вы печаль имате нынѣ*, говорилъ Іисусъ Христосъ ученикамъ своимъ предъ своею смертію, *паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возметъ отъ васъ* (Іоан. 16, 22).

Но согрѣшилъ человѣкъ, а Спаситель его есть Богочеловѣкъ; поэтому справедливо надобно ожидать плодовъ искупленія обильнѣе и преимущественнѣе сравнительно съ слѣдствіями грѣха. Эту истину раскрывая, Апостолъ говоритъ: дѣйствіе благодати не какъ преступленіе. Если преступленіемъ одного (Адама) многіе подверглись смерти: то кольми паче благодать Божія и даръ благодатію одного человѣка Іисуса Христа преизбыточествуетъ для многихъ. Судъ за

одно преступленіе къ осужденію, а дѣйствіе благодати при многихъ преступленіяхъ къ оправданію. Если преступленіемъ одного смерть царствовала посредствомъ одного: то кольми паче пріемлющіе обиліе благодати и даръ праведности будутъ царствовать въ жизни посредствомъ единаго Іисуса Христа (Римл. 5, 18—19. 15, 17).

Христіанская вѣра чиста и непорочна сама въ себѣ и *со стороны нравственной*, съ которой разумъ, сердце и совѣсть человѣка здравомыслящаго невольно согласуется. Въ этомъ отношеніи она вся въ существѣ своемъ есть воплощеніе божественной любви и живѣйшаго участія въ судьбѣ страдающаго человѣка. Спаситель *грѣхи наша носитъ, и о насъ болѣзнуетъ* (Ис. 53, 4), говоритъ слово Божіе. Онъ воплотился, и всѣ человѣки сдѣлались Его братьями по плоти (Евр. 2, 11); ко всѣмъ Онъ сталъ близокъ, всѣмъ сочувствуетъ, всѣмъ готовъ подать помощь и утѣшеніе. А кому не нужны помощь и утѣшеніе? Въ этомъ нуждаются бѣдные, нищіе, увѣчные, больные, алчущіе, жаждущіе, неимѣющіе крова, узники: и Онъ называетъ всѣхъ ихъ меньшими своими братьями (Матѳ. 25, 34—40). Къ Нему должны стремиться нищіе духомъ, плачущіе, кроткіе, милостивые, чистые сердцемъ, миротворцы, гонимые за правду и вѣру: и Онъ всѣмъ имъ обѣщаетъ блаженство вѣчное (Матѳ. 5, 1—12). Къ Себѣ Онъ зоветъ труждающихся и обремененныхъ, которыхъ обнадеживаетъ успокоить (Матѳ. 11, 28). Къ Нему должны обращаться всѣ скорбящіе, которыхъ прошенія и слезы Онъ никогда не отвергалъ и даже помогалъ безъ мольбы ихъ о помощи, а по собственному къ нимъ сожалѣнію (Лук. 7, 13), съ плачущими Самъ плакалъ (Іоан. 11, 35). Онъ ищетъ заблудшихъ, чтобы привести ихъ къ Отцу небесному, готовъ нести ихъ на раменахъ своихъ, прощаетъ кающимся всѣ грѣхи (Лук. 15, 5. 11—25). Къ человѣческимъ немощамъ Онъ чрезвычайно снисходителенъ (Іоан. 8, 11); терпѣливо и попечительно ожидаетъ исправленія и плодовъ добрыхъ (Лук. 12, 8—9). Съ любовію и кротостію Онъ допу-

скалъ къ Себѣ дѣтей, обнималъ и благословлялъ ихъ (Марк. 10, 13—16). Пусть призываютъ Его всѣ обуреваемые различными искушеніями: Онъ Самъ претерпѣлъ искушенія: можетъ помогать и искушаемымъ (Евр. 2, 18). Къ Нему пусть идутъ всѣ дѣятели общественные—судіи, врачи, учители, священники, цари. Онъ Самъ есть единственный судія, врачь, учитель, священникъ и царь.

Многоразличная благодатная помощь Спасителя, который объемлетъ скорби и нужды всего міра, не мнима, а дѣйствительна, потому что Тотъ, кто зоветъ къ Себѣ, и къ кому всѣ должны съ сочувствіемъ стремиться, есть не человѣкъ, а Богочеловѣкъ, коего слово, обѣщаніе и сочувствіе всемогущи и дѣйственны. Самое высшее, чрезвычайное знаменіе и выраженіе божественной любви и участія къ человѣку явлены въ таинствѣ тѣла и крови Христовыхъ, ядомыхъ христіаниномъ. Въ свои болѣзненныя, смертныя тѣло и кровь христіанинъ принимаетъ святѣйшія и животворящія тѣло и кровь Спасителя. Его тѣломъ и кровію, непричастными грѣху и смерти (Дѣян. 2, 24), и тѣло и кровь наши освященныя и оживленныя, если и умрутъ, то оживутъ. *Ядый Мою плоть, и піяй Мою кровь, имать животъ вѣчный* (Іоан. 6, 54).

Какъ усвоить себѣ все то, что Спаситель совершилъ для насъ и за насъ? Что можетъ приблизить насъ къ Его благодатной помощи, готовой и открытой для всѣхъ? Слово Божіе отвѣчаетъ: живою *вѣрою* въ Спасителя. *Праведный отъ вѣры живъ будетъ*, пишетъ Апостолъ (Гал. 3, 11) Для усвоенія Его благодатной помощи Онъ требуетъ отъ насъ участія искренняго и сердечнаго, во глубинѣ души, но вмѣстѣ и самого легкаго,—вѣры. Другое средство для нашего приближенія къ помощи Спасителя есть исполненіе закона,—но это средство хотя необходимо соединяется съ первымъ, но одно безъ помощи вѣры невозможно, потому что никто изъ людей исполнить всего закона не въ силахъ, и человѣкъ всегда долженъ терзаться въ своихъ грѣхахъ и никогда не имѣть возможности умирить и успокоить себя (Гал. 3, 10—14).

Притомъ исполненіе закона есть средство внѣшнее, нестолько проникающее освященіемъ своимъ въ глубину существа нашего, какъ первое—вѣра, исходящая изъ сердца. «Аще бо отъ дѣлъ спасеши мя», Церковь произноситъ въ молитвѣ отъ лица христіанина, «нѣсть се благодать и даръ, но паче долгъ[1]». Въ усвоеніи вѣрою благодати спасенія кто изъ здравомыслящихъ не усмотритъ безпредѣльнаго участія небесъ въ грѣховной, страдательной судьбѣ человѣка?

Такимъ образомъ, вѣра христіанская есть чиста и непорочна сама въ себѣ, своимъ здравымъ и святымъ ученіемъ, и безпредѣльнымъ спасительнымъ участіемъ въ судьбѣ человѣка.

Что же значатъ теперь религіи: языческая, магометанская и іудейская?

По суду здраваго разума, онѣ должны быть выраженіемъ чувства слѣпаго, неразумнаго; безжизненны и безполезны, потому что не имѣютъ Спасителя.

Грѣшника не могутъ спасти ни ангелъ, ни человѣкъ, тѣмъ менѣе ничтожные мертвые обряды,—выдумки болѣзненнаго воображенія, какіе существуютъ въ язычествѣ, магометанствѣ и іудействѣ. Они не могутъ удовлетворить за грѣхъ божественному правосудію, умирить совѣсть и обратиться въ жизнь человѣка. Обрядъ, не жизнь,—совершается временно, нерѣдко безъ участія и расположенія, а жизнь течетъ проще, естественнѣе, нежели обрядъ, особечно языческій, нечистый. Апостолъ Павелъ непрестаннымъ повтореніемъ даже священныхъ ветхозавѣтныхъ обрядовъ доказываетъ ихъ несовершенство и безсиліе очистить грѣшника предъ Богомъ. (Евр. 99, 9. 10, 1—4).

Съ мертвыми и нечистыми обрядами язычества въ магометанствѣ соединяется вѣра въ пророка, но лице его въ отношеніи къ правосудію Божію и умиренію совѣсти тоже, что безсильный и безжизненный обрядъ. Истинная религія

---

[1] Въ молитвѣ утренней.

сколько имѣла пророковъ, но среди ихъ сонма—проповѣдуетъ одного Богочеловѣка—Спасителя. Пророкъ истинный хотя и выше обыкновеннаго человѣка, какъ лице облагодатствованное, но все же человѣкъ, не чуждъ грѣха и слѣдовательно, самъ имѣетъ нужду въ Спасителѣ Богѣ. Если въ магометанствѣ встрѣчаются лица, спокойно вѣрующіе: это состояніе усыпленія человѣка, едвали сколько нибудь мыслящаго, и пріемлющаго мертвую букву за истину. Если бы магометанинъ посмотрѣлъ на свою жизнь и своего мнимаго пророка съ обрядами: увидѣлъ бы, что въ жизнь его не втекаетъ ничего свѣтлаго изъ его религіи, кромѣ изувѣрства и фанатизма, свойственныхъ буквѣ и лжи.

Въ іудействѣ съ обрядами многочисленными и безполезными мелькаетъ темное чаяніе Спасителя. Но какъ Онъ уже пришелъ, а они еще ожидаютъ Его: то ихъ вѣра остается безъ возможности удовлетворить правдѣ Божіей, успокоить совѣсть и сдѣлаться религіею жизни.

Если Апостолъ Павелъ о вѣрѣ христіанской говоритъ, что она была бы тщетна, если бы не исповѣдала Христа воскресшаго (1 Кор. 15, 14, 17): то что сказать о религіяхъ языческой, магометанской и раввинской!

Такъ христіанство, одна изъ всѣхъ вѣръ на землѣ, чисто, непорочно и божественно. Какая благодарность должна быть въ сердцахъ нашихъ къ Божію промыслу, воспитавшему насъ въ лонѣ Церкви Христовой!

Протоіерей Григорій Дебольскій.

ОБЪ ИНДИФФЕРЕНТИЗМѢ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

На дняхъ получилъ я отъ васъ письмо, на которое спѣшу отвѣчать вамъ на первыхъ же порахъ моего досуга. Прежде всего считаю долгомъ своимъ принести вамъ искреннюю благодарность за то, что вы, слушая рѣчи какого-то знакомаго вамъ либерала, не остались къ нимъ равнодушны, а приняли ихъ къ сердцу, какъ истинная христіанка. Нравится мнѣ и то, что вы не рѣшились сами вступить съ нимъ въ споръ, а почли за лучшее переписаться объ этомъ съ духовнымъ отцомъ вашимъ. Вы поступили въ этомъ случаѣ почти такъ же, какъ поступили однажды благочестивые предки наши, которые, не ручаясь за себя, на предложеніе шведскаго короля Магнуса — состязаться о вѣрѣ, умно отвѣчали: «если король хочетъ знать, какая вѣра лучше, греческая или римская; то можетъ для состязанія отправить людей ученыхъ къ патріарху цареградскому: ибо мы приняли законъ отъ грековъ, и не намѣрены входить въ суетные споры». Я знаю, что вы вѣрующая христіанка; но знаю и то, что вы не настолько изучили религію, чтобъ могли отчетливо отвѣчать всякому вопрошающему о вашемъ упованіи, могли защитить религію такъ, какъ бы слѣдовало,— и потому, если бы вы сами вздумали вступить съ вашимъ знакомцемъ въ горячій споръ, — то, кто знаетъ?... можетъ быть, вашъ споръ былъ бы для васъ безполезнымъ, а ему подалъ бы случай одержать надъ вами побѣду, или, по крайней мѣрѣ, поколебать ваши православныя убѣжденія.

Но, отвѣчая на ваше письмо, я не буду входить въ какія нибудь глубокія, подробныя изслѣдованія предмета: письмо— не трактатъ; вы—не богословъ. Я ограничусь только немно-

гими замѣчаніями, которыя могъ бы высказать вамъ всякій просвѣщенный христіанинъ, болѣе вашего либерала и даже васъ самихъ (простите, Бога ради, за откровенность) знакомый съ ученіемъ вѣры и Церкви. Буду излагать свои замѣчанія въ томъ порядкѣ, въ какомъ высказалъ вамъ свои мысли недобрый вашъ собесѣдникъ. По вашимъ словамъ, онъ, какъ будто глумясь надъ вашимъ православіемъ, говорилъ вамъ: «религій много, и каждая изъ нихъ выдаетъ себя за единственно-истинную религію: кто жь въ состояніи найдти между ними истинную религію? Да и за чѣмъ искать ее? Каждая религія одинакова, только въ различныхъ формахъ, содержитъ истину и одинаково достигаетъ цѣли; потому что существенное въ религіи вѣра въ бытіе Божіе и исполненіе нравственнаго закона; а все прочее въ ней такъ не важно, что можно къ нему относиться безразлично. Притомъ человѣкъ имѣетъ полное право сохранять свободу личнаго убѣжденія въ дѣлѣ религіи, — и потому только фанатику свойственно горячо отстаивать, защищать свою религію; благомыслящій человѣкъ спокоенъ и равнодушенъ въ этомъ отношеніи». Такихъ ораторовъ, какъ вашъ собесѣдникъ, въ нашъ вѣкъ не мало; такъ разсуждаютъ всѣ такъ называемые индифферентисты, и разсуждаютъ крайне неосновательно. Вдумайтесь хорошенько въ ихъ разсужденія.

Они говорятъ: «много религій на свѣтѣ, и каждая выдаетъ себя за единственно истинную религію: кто жь въ состояніи найти между ними такую именно религію?» Кто въ состояніи найдти?... На нашъ взглядъ такой вопросъ—едва ли не лишній вопросъ. Эта религія давно уже, 18 слишкомъ вѣковъ, найдена, только не разумомъ; разуму—не найти ея.... Ее принесъ на землю и далъ намъ Спаситель нашъ, а распространяли и объясняли св. Апостолы и богомудрые преемники ихъ; ее оградили отъ ересей и утвердили вселенскіе соборы. Гдѣ же эта религія исповѣдуется? Въ Церкви православной, той самой, къ которой и мы съ вами, по милости Божіей, имѣемъ счастіе принадлежать. Нужны на то доказательства?

Ихъ много: вотъ кровь мучениковъ, пролитая за эту религію, вотъ чудеса, которыми сопровождалась и сопровождается проповѣдь ея, вотъ нетлѣнные останки мужей и женъ, исповѣдывавшихъ эту религію!... Ужели этого мало? Знаю, что слово: *чудеса* на лицѣ вашего собесѣдника и подобныхъ ему либераловъ вызываетъ недовѣрчивую, презрительную улыбку. Но, мнѣ кажется, эта недовѣрчивая улыбка если кому къ лицу, то развѣ язычнику, а отнюдь не христіанину, потому что если только онъ вѣритъ Библіи (а какъ ему не вѣрить, если только онъ христіанинъ не по имени?),—то какъ же не знать ему того, что чудеса совершались и въ ветхомъ и новомъ Завѣтѣ всемогущею силою Божіею? И кто жь въ правѣ ограничить извѣстнымъ временемъ дѣйствіе этой всемогущей силы Божіей? Кто въ правѣ сказать, что прежде Богъ могъ творить чудеса, а теперь не можетъ, или что прежде Ему было нужно творить ихъ, а теперь не нужно? Гдѣ слабому смертному ограничивать дѣйствія Бога всемогущаго? — Знаю, и вы знаете, что были и будутъ и ложныя чудеса и ложные чудотворцы: но что жь изъ этого? — Если въ исторіи могутъ быть и бываютъ вымыслы: то можно ли сказать, что по этому вся исторія — вымыслъ? — Нѣтъ; если можетъ быть ложная монета, то потому только, что есть истинная монета: иначе откуда бы взялось самое понятіе о фальшивой монетѣ? Да, какъ прежде чудеса совершались, такъ совершаются они и въ наше время. И кто знакомъ съ духовною литературою, тотъ знаетъ, въ какомъ избыткѣ совершаются они, напримѣръ, при ракѣ новоявленнаго чудотворца святителя Тихона. Но кто же виноватъ, если объ нихъ говоритъ только духовная литература, а свѣтская ловитъ на лету каждое даже мелочное явленіе обыденной жизни, не пренебрегаетъ даже и самыми грязными явленіями, чтобъ занести ихъ на свои страницы, и не хочетъ удѣлить ни одной страницы для заявленія о такихъ благодатныхъ событіяхъ, которыя всегда служили и служатъ славою и украшеніемъ для Церкви и членовъ ея и должны бы быть потому написаны золотыми

буквами на память въ родъ и родъ?... Грустный фактъ! Но душа вѣрующая утѣшаетъ себя такъ: Спаситель ли не былъ чудотворецъ? Его ли чудеса не были видны? А всѣ ли видѣли ихъ? всѣ ли признали Его за чудотворца? Увы! многіе и многіе тогда добровольно смежали очи свои, и оттого-то и распяли Господа славы. Что же мудренаго, если и теперь многіе и многіе добровольно смежаютъ очи свои, чтобъ не видѣть того, что предъ *очію ихъ* совершается? ***Всепроникающая*** современность вездѣ любитъ указывать на одинъ свой самодѣльный *прогрессъ*, вездѣ громко провозглашаетъ о немъ, а дѣлъ Божіихъ не хочетъ видѣть, словъ Писанія не хочетъ слышать: *міръ во злѣ лежитъ*.... Но, простите, я нѣсколько отступилъ отъ дѣла. Итакъ, повторяю, за истину православія говоритъ кровь мучениковъ, говорятъ чудеса, говорятъ св. мощи. Ужели этого мало? Если и этого мало: то пусть же укажутъ намъ и докажутъ, въ чемъ именно мы отступили отъ ученія Спасителя, отъ ученія Апостоловъ, ихъ преемниковъ и вселенскихъ соборовъ? И неразъ дѣлались попытки указать намъ это, но попытки всегда оставались попытками, ничѣмъ недоказанными; а между тѣмъ православные какъ прежде, такъ и теперь могутъ сказать: если въ нашемъ православномъ ученіи есть какія нибудь ошибки,—то тѣ же ошибки непремѣнно должны быть и въ ученіи Спасителя, и въ ученіи Апостоловъ, и отцевъ Церкви, и вселенскихъ соборовъ: потому что мы-то именно и исповѣдуемъ ученіе, какое они намъ завѣщали. У насъ авторитетъ въ дѣлѣ вѣры несравненно выше авторитета разума....

Но обращаюсь опять къ вашему собесѣднику. Онъ продолжаетъ: «каждая религія одинаково, только въ различныхъ формахъ, содержитъ истину и одинаково достигаетъ цѣли, потому что существенное въ религіи—вѣра въ Бога и исполненіе нравственнаго закона, а все прочее въ ней не важно и не существенно». Здѣсь, мнѣ кажется, что́ мысль, то ложь. Вникните: «каждая религія одинаково, только въ различныхъ формахъ, содержитъ истину и одинаково достигаетъ цѣли»..

Такъ говорить, согласитесь сами, не значитъ ли обличать въ себѣ рѣшительное незнаніе различія религій? Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно сказать, что каждая религія одинаково содержитъ истину, когда одна религія проповѣдуетъ, на прим. семь таинствъ, другая—только два; одна говоритъ, что постъ необходимъ для спасенія человѣка, другая—отвергаетъ его; одна говоритъ, что иконамъ должно покланяться, другая твердитъ: не должно: иконы тоже, что идолы; одна признаетъ за источникъ христіанскаго ученія священное писаніе и священное преданіе, другая—одно только священное писаніе, и т. д.?.. Какъ будто во всемъ этомъ истина одна,—только формы различны!.. «Существенное въ религіи—только вѣра въ Бога и исполненіе нравственнаго закона». Это-новая ложь. Если бы это одно было существенное въ религіи, — то, скажите, зачѣмъ бы было Спасителю нашему учить, на прим., о таинствахъ, зачѣмъ о Св. Троицѣ, зачѣмъ о молитвѣ, о постѣ и т. д.?.. А исполненіе нравственнаго закона развѣ вездѣ опять одинаково возможно? Безъ благодати Божіей, каждый знаетъ, невозможно исполненіе нравственнаго закона, потому что если бы оно возможно было,—то зачѣмъ бы было Господу учреждать святыя таинства, которыя сообщаютъ человѣку благодатную силу, зачѣмъ бы было Ему ниспосылать на землю Духа Святаго, зачѣмъ бы было сознаваться каждому Апостолу: *благодатію Божіею есмь, еже есмь?* А орудіями благодати Божіей служатъ таинства; слѣдовательно, гдѣ больше таинствъ, тамъ больше и токовъ благодати Божіей, тамъ больше и средствъ для человѣка къ исполненію нравственнаго закона. Итакъ, повторяю, можно ли сказать: во всякой религіи одинаково возможно исполненіе нравственнаго закона? Опытное преимущество нашей православной Церкви въ этомъ отношеніи представляютъ безчисленные сонмы святыхъ мужей и женъ, исполнившихъ при помощи благодати и при своихъ посильныхъ трудахъ нравственный законъ, и за то удостоившихся чести быть причтенными къ лику друзей Божіихъ. «Кромѣ вѣры въ Бога и ис-

полненія нравственнаго закона, увѣрялъ васъ вашъ собесѣдникъ, все прочее въ религіи неважно и несущественно, къ чему можно относиться безразлично». А по моему понятію, если религія есть истинная и Богомъ откровенная, то въ ней не можетъ и не должно быть ничего неважнаго, то есть такого, что можетъ быть принимаемо и нѣтъ, о чемъ можно одинаково думать такъ и иначе. Нѣтъ, она должна быть истинною и въ общемъ и въ частномъ. Посмотрите на нашъ тѣлесный организмъ. Въ немъ много членовъ. Одни изъ нихъ болѣе главны, другіе менѣе,—это правда; но не менѣе правда и то, что всѣ они существенно нужны для цѣлаго организма: иначе зачѣмъ бы было Господу и давать ихъ намъ? И попробуйте отнять отъ организма какой нибудь членъ, хоть и не главный: что выйдетъ тогда? Организмъ будетъ или уродливъ, т. е. не такой, какимъ бы онъ долженъ быть по природѣ, или даже болѣзненъ. Не тоже ли самое и въ богоучрежденномъ, стройномъ составѣ религіи? Правда, и въ этомъ составѣ одни члены болѣе главны, другіе менѣе, — но тѣмъ не менѣе всѣ они существенно необходимы для насъ. Иначе въ этомъ стройномъ составѣ неминуемо послѣдуетъ болѣзненное разстройство. Еще обратите вниманіе вотъ на что: если въ религіи, какъ утверждалъ вашъ знакомецъ, важно только общее и существенное, а не какія нибудь частныя догматическія и другія разности: то, скажите, кто жь приметъ на себя право и смѣлость провести въ ней рѣшительную границу между важнымъ и неважнымъ, между необходимымъ и предоставленнымъ личному произволу? Очевидно, одинъ разумъ человѣческій сдѣлается тогда судьею богооткровенной истины, одинъ онъ долженъ будетъ по своему личному усмотрѣнію рѣшить, что въ религіи важно и что неважно. Но, согласитесь сами, въ состояніи ли этотъ бѣдный разумъ скудною пядію своею измѣрить безконечные предметы божественные? Что мудренаго, если этотъ судья почтетъ существеннымъ и важнымъ то, что не существенно, и отвергнетъ какъ нѣчто неважное то, безъ чего обойтись человѣку

нельзя?... Что говорить?... Посмотрѣли бы вы внимательнѣе на исторію раціонализма, гдѣ разумъ въ дѣлѣ религіи играетъ такую важную роль, вы увидѣли бы какъ много онъ уже представилъ и представляетъ такихъ печальныхъ явленій!...

Но вы, можетъ быть, утомились, читая мои строки: утомился и я, сообщая вамъ свои замѣчанія: позвольте же мнѣ отложить дальнѣйшую бесѣду съ вами до другаго раза. Господь съ вами!

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Исполняю данное вамъ обѣщаніе и прошу вашего вниманія.

Вашъ собесѣдникъ продолжалъ: «человѣкъ имѣетъ полное право сохранять свободу личнаго убѣжденія въ дѣлѣ вѣры».— Если когда, то нынѣ особенно уважается личное убѣжденіе человѣка, и, нужно сказать, уважается справедливо. Человѣкъ безъ убѣжденій что за человѣкъ? Онъ подобенъ слабой трости, колеблемой вѣтромъ туда и сюда. Тоже нужно сказать и относительно религіи. Не будь у человѣка твердаго, отчетливаго убѣжденія въ дѣлѣ вѣры,—что онъ? Каждая мысль, каждое слово, высказанное другимъ, легко можетъ сбить его съ пути. Не будь у него разумнаго убѣжденія,— его сердце можетъ быть отверсто для суевѣрій и предразсудковъ всякаго рода. Но бѣда наша въ томъ, что подъ словомъ: убѣжденіе—большею частію разумѣютъ ничѣмъ неограниченный произволъ личнаго мнѣнія,—но такого рода убѣжденіе никогда не можетъ быть такимъ непогрѣшительнымъ началомъ, на которое можно бы было безопасно опираться въ ученіи вѣры; оттого-то истинный христіанинъ никогда и не вѣруетъ въ такое самозаконіе.

Извѣстно изъ опыта, что воззрѣнія людей на вещи, а вслѣдъ за тѣмъ и убѣжденія ихъ даже касательно одного и

того же предмета очень и очень различны: сколько головъ, столько и умовъ, а между тѣмъ добро должно быть только одно, и истина должна быть также одна. Притомъ сами знаете, что внутренній законъ, начало нашихъ убѣжденій, у всѣхъ насъ поврежденъ, съ той несчастной поры, какъ повредилъ его нашъ праотецъ въ раю. Оттого теперь и у хищника, напримѣръ, есть своего рода убѣжденіе, почему онъ беретъ чужое,—убѣжденіе ложное, но для него, по видимому, достаточное; и у лѣниваго есть свое убѣжденіе, почему онъ бѣжитъ отъ труда,—убѣжденіе ложное, но для него тоже, по видимому, достаточное. Ужели жь можно оправдать и хищника и тунеядца, потому только, что они такъ, а не иначе живутъ и дѣйствуютъ, руководясь своимъ личнымъ, для нихъ достаточнымъ, убѣжденіемъ? А спросите еще исторію: отъ чего въ мірѣ происходили иногда общественныя потрясенія, отъ чего лились рѣки крови человѣческой, отъ чего опрокидывались иногда даже престолы царей, подвергались кощунству и неистовому поруганію алтари Бога вышняго? Спросите ее, и если она захочетъ отвѣтить вамъ безпристрастно, — то, вѣрно, скажетъ вамъ: много было на то причинъ,—но главнымъ образомъ всѣ эти грустныя явленія зависѣли отъ ложнаго убѣжденія человѣка, убѣжденія, въ которомъ громко высказывались его личный произволъ, его страсти эгоизма... значитъ, чтобъ убѣжденіе человѣка въ дѣлѣ вѣры было убѣжденіемъ истиннымъ,—нужно, непремѣнно нужно, чтобъ оно провѣрено и подкрѣплено было какимъ нибудь высшимъ авторитетомъ, а этотъ авторитетъ для насъ—законъ евангельскій, раскрытый и объясненный св. Апостолами и Церковію.

Вспомните еще: у нашихъ прародителей было въ раю сначала одно убѣжденіе,—убѣжденіе, основанное на авторитетѣ Божественномъ,—и, смотрите, что за блаженные были всѣ тѣ дни, пока длилось это убѣжденіе! Но вотъ является у нихъ иное убѣжденіе, основанное, по видимому, на добромъ началѣ,—на врожденномъ человѣку стремленіи къ просвѣщенію: *будете, яко бози, вѣдяще доброе и лукавое* (Быт. 3, 5),—

и увы! это новое убѣжденіе, такъ много, по видимому, льстившее человѣку, такъ много, по видимому, обѣщавшее ему, — сколько горя, сколько бѣдъ принесло оно всѣмъ потомкамъ несчастныхъ прародителей! Перенеситесь мыслію къ временамъ земной жизни Іисуса Христа, и вслушайтесь въ убѣжденія тогдашнихъ книжниковъ и фарисеевъ. Вѣдь и у нихъ тоже своего рода убѣжденія, но, конечно, стократъ лучше было бы для нихъ быть вовсе безъ убѣжденій, чѣмъ имѣть такія убѣжденія, какими они тогда хвалились... Вотъ вамъ самодѣльныя, человѣческія убѣжденія въ дѣлахъ вѣры!

Здѣсь, на землѣ, наши убѣжденія не всегда еще влекутъ за собой отвѣтственность. Но будетъ время, когда спросятъ у всѣхъ насъ отчета въ нашихъ убѣжденіяхъ. И пусть православный христіанинъ, предположимъ невозможное, погрѣшаетъ въ своихъ убѣжденіяхъ, которыя онъ основываетъ въ дѣлѣ вѣры на законѣ Христовомъ, раскрытомъ и объясненномъ св. Апостолами и вселенскою Церковію. Какъ вы думаете: въ состояніи ли онъ будетъ оправдаться въ своихъ заблужденіяхъ на праведномъ судѣ Божіемъ? Надѣюсь услышать отъ васъ на это утвердительный отвѣтъ. Онъ можетъ сказать тогда Господу: «Господи! я вѣрилъ, я жилъ и дѣйствовалъ такъ, а не иначе, потому, что меня въ томъ убѣдилъ единородный Сынъ Твой, котораго Ты самъ же называлъ своимъ возлюбленнымъ, убѣдили св. Апостолы, которыхъ Самъ же Ты облекъ силою свыше, о которыхъ Самъ же Ты сказалъ: *слушаяй васъ, Мене слушаетъ, и отметаяйся васъ, Мене отметается*,—убѣдили великіе преемники ихъ, Василіи, Григоріи, Іоанны, на которыхъ видимо почивалъ Духъ Твой Святый, Духъ истины. Вотъ мои авторитеты, на которые я опирался въ моихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ! Если же я погрѣшилъ въ моихъ убѣжденіяхъ,—то суди не меня, суди тѣхъ, которые внушили мнѣ такія убѣжденія. Что же, позвольте васъ спросить, что можетъ сказать вамъ собесѣдникъ въ оправданіе своихъ погрѣшительныхъ убѣжденій, если они основаны были у него не на Божественномъ

авторитетѣ, а на его личномъ мнѣніи, или мнѣніи подобныхъ ему людей? А вѣдь онъ долженъ же будетъ что нибудь сказать, если только правда, что человѣкъ не животное, не камень, что настоящая жизнь его есть только начало той жизни, которая никогда не будетъ имѣть конца. Что же можетъ сказать онъ? то ли: я такъ думалъ, мнѣ такъ казалось? Стыдно: такое оправданіе и отъ неразумныхъ дѣтей не принимается. То ли: я жилъ въ то время, когда мои убѣжденія были современны, тогда какъ древнія, отеческія убѣжденія считались отсталыми, были не по духу времени? Страшно: религіозная истина вѣдь не какой нибудь предметъ моды, который подчиняется вкусу времени и обстоятельствамъ; она дана намъ не на одно извѣстное время, а навсегда: когда жь она можетъ быть несовременна? Вспомните, что Спаситель сказалъ объ истинѣ: *дондеже прейдетъ небо и земля: іота едина или едина черта не прейдетъ отъ закона* (Матѳ. 5, 18).— Что еще онъ скажетъ за свои убѣжденія? Что скажетъ?.. Богъ знаетъ; а мнѣ невольно приходитъ на мысль: бѣдный, *безотвѣтный* человѣкъ съ личнымъ, но ложнымъ убѣжденіемъ!..

«Только фанатику, заключилъ свою рѣчь вашъ собесѣдникъ, свойственно горячо отстаивать, защищать свою религію; благомыслящій человѣкъ спокоенъ и равнодушенъ въ этомъ отношеніи». А вы бы сказали ему: если это правда, то какъ же, по вашему, назвать намъ нашего Спасителя, положившаго душу свою за насъ и за истинность своего ученія? Какъ назвать Апостоловъ, которые также не щадили жизни своей, защищая проповѣдуемое ими ученіе, какъ назвать мучениковъ, которые и въ темницахъ, и на кострахъ, и подъ мечемъ и подъ градомъ камней не переставали отстаивать ученіе вѣры и Церкви и печатлѣли его собственною кровію? Ужели все это были фанатики?... Сохрани Богъ, чтобъ христіанинъ до того обезумѣлъ, чтобъ могъ высказать подобную мысль!...

Присмотритесь къ тому, что ближе къ намъ. Вотъ христо-

любивый воинъ защищаетъ до крови свое отечество: что жь? Ужели это фанатикъ? Нѣтъ, это не фанатикъ; это—истинный патріотъ. Будь онъ равнодушенъ къ пользамъ отечества: вы же сами не дадите ему почетнаго имени доблестнаго героя; вы назовете его двоедушнымъ человѣкомъ, назовете измѣнникомъ. Вотъ добрый гражданинъ горячо отстаиваетъ и защищаетъ интересы своего государства: ужели и это фанатикъ? Нѣтъ, это не фанатикъ, это самый вѣрный слуга отечества. Будь онъ равнодушенъ къ интересамъ отечества: вы же сами скажете: это членъ общества негодный, это человѣкъ беззаботный, или заботящійся только о своемъ личномъ благѣ, вовсе не думая о томъ, что его частное благо непремѣнно условливается общимъ благомъ. Вотъ ученый горячо защищаетъ истинныя начала науки: ужели и это фанатикъ? Нѣтъ, это не фанатикъ, это истинный жрецъ науки. Будь онъ холоденъ къ интересамъ науки: вы же сами заклеймите его поноснымъ именемъ невѣжды. Но если такъ дороги для насъ земные интересы, интересы отечества и науки: то скажите, во сколько же разъ должны быть дороже для насъ интересы небесные, интересы вѣры и Церкви? Во столько разъ, во сколько небо дороже земли!...

Итакъ отнюдь не фанатикъ тотъ, кто съ живымъ участіемъ сердца защищаетъ интересы православной вѣры и Церкви. Нѣтъ, это, по моему, самый живой членъ Церкви, это—горячій послѣдователь Христовъ, это усердный подражатель Апостоловъ. И на оборотъ, никакъ нельзя назвать благомыслящимъ того человѣка, кто холоденъ и равнодушенъ въ дѣлахъ вѣры. Такой человѣкъ, по выраженію св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, *ни студенъ*, *ни теплъ*, а участь такого человѣка, по словамъ того же Апостола (Апок. 3, 16), очень и очень незавидна, и не дай Богъ никому изъ насъ испытать ее!... Вотъ все, что могъ я сказать вамъ на ваше письмо! Простите: Господь съ вами!

Священникъ Константинъ Добронравинъ.

ОБЪ УПОТРЕБЛЕНІИ ДУХОВНО-УЧИЛИЩНАГО КАПИТАЛА.

Духовно-училищный капиталъ былъ придуманъ «комитетомъ о усовершеніи духовныхъ училищъ» для обезпеченія жалованьемъ служащаго при церквахъ духовенства и для содержанія духовно-учебныхъ заведеній. Въ статьѣ «объ употребленіи духовно-училищнаго капитала», помѣщенной въ іюньской книжкѣ «Странника», за прошедшій 1861 годъ, мы указали въ какой мѣрѣ этотъ капиталъ обращался на производство денежныхъ окладовъ церковнымъ причтамъ: комитетъ предназначилъ на этотъ предметъ 7,101,404 р. ассигн., а коммиссія духовныхъ училищъ и духовно-учебное управленіе не издерживали и половины милліона. Къ сожалѣнію, означенныя учрежденія не могли воспользоваться этой выгодой, чтобы всецѣло обратить ее ко благу духовныхъ училищъ— втораго и послѣдняго предмета, на который долженъ былъ, по предположенію комитета, употребляться духовно-училищный капиталъ [1].

Желая разсказать объ употребленіи духовно-училищнаго капитала на духовныя училища, мы прежде всего попросимъ нашихъ читателей припомнить постепенность, съ какою открывались эти заведенія въ новомъ видѣ [2]. Комитетъ о усовершеніи духовныхъ училищъ опредѣлилъ, чтобы коммиссія духовныхъ училищъ, начавъ преобразованіе духовно-учебныхъ заведеній съ санктпетербургскаго округа, преобразо-

---

[1] Мы надѣемся, что теперь само собою разрѣшилось недоумѣніе, высказанное, по поводу послѣдней статьи нашей (Странникъ, іюнь 1861) Черниговскими епархіальными извѣстіями, которымъ мы весьма благодарны за теплое слово о статьяхъ нашихъ, имѣющихъ своимъ предметомъ содержаніе духовныхъ училищъ въ Россіи.

[2] Странникъ 1860 г. Ноябрь.

вала его въ теченіи 1809 года. Вслѣдствіе чего коммиссія положила въ началѣ 1809 года открыть санктпетербургскую духовную академію съ семинаріею, а въ продолженіи его и прочія училища санктпетербургскаго духовно-учебнаго округа. При этомъ становится понятнымъ и слѣдующее распоряженіе коммиссіи [1], — одно изъ первоначальныхъ ея распоряженій,— по которому князь Голицынъ просилъ государственнаго казначея: изъ 332,200 р. исчисленныхъ на годовое содержаніе всѣхъ примѣрно предназначенныхъ къ открытію въ санктпетербургскомъ учебномъ округѣ училищъ, отпустить 86,900 руб.,—годовую штатную сумму на содержаніе академіи и семинаріи въ Санктпетербургѣ, а остальныя 265,300 р. обратить въ банкъ на имя коммиссіи, потому что она опредѣлила покрывать ими расходы, неизбѣжные при образованіи въ продолженіи 1809 года прочихъ училищъ. Приступивъ за тѣмъ къ самому образованію училищъ въ санктпетербургской епархіи и, назначивъ на каждое изъ нихъ опредѣленную комитетомъ штатную сумму, коммиссія увидѣла съ одной стороны, что на исправленіе нѣкоторыхъ училищныхъ зданій, надѣленіе училищъ классическими книгами и заготовленіе потребныхъ вещей по экономической и учебной части не было назначено комитетомъ никакой суммы, а съ другой, что назначенные имъ оклады наставническаго жалованья, достаточные для наставниковъ-духовныхъ лицъ, имѣвшихъ, по самому званію своему, другія доходныя должности, были недостаточны для ученыхъ свѣтскаго званія, которыхъ оказалось необходимымъ пригласить для преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ. Положено было, не испрашивая новыхъ пособій отъ казны, употребить на это остатки отъ 352,200 р., предназначенныхъ на содержаніе санктпетербургскаго округа,—остатки, которые могли произойти отъ уменьшенія числа училищъ, примѣрно назначеннаго комитетомъ, отъ постепеннаго ихъ устройства и отъ неполнаго въ началѣ комплекта воспи-

---

[1] Журн. комисс. 27 окт. 1808 г.

танниковъ академіи и семинаріи [1]. Между тѣмъ преосвященные митрополитъ новгородскій и епископъ архангельскій довели до свѣдѣнія коммиссіи, что училища, назначенныя для ихъ епархій, уже готовы къ открытію. Опредѣливъ открыть ихъ къ сентябрю, коммиссія назначила на содержаніе ихъ всю сполна штатную сумму за сентябрскую треть, а на приготовленіе для нихъ столовъ, стульевъ, скамеекъ, чернильницъ и прочихъ вещей,—полную же штатную сумму за цѣлый мѣсяцъ августъ, причитающуюся на эти училища. Сверхъ этого на означенныя одновременныя издержки она дозволила употреблять всѣ остатки отъ окладной суммы на сентябрскую треть [2], съ тѣмъ однако, чтобы преосвященные представили подробные отчеты въ издержкахъ. По сдѣланному коммиссіею расчисленію, слѣдовало получить:

1. епархіи новгородской 10,375 р., именно: а) за сентябрскую треть на 10 уѣздныхъ училищъ 5,000 р. и на 18 приходскихъ 3,300 р., б) за мѣсяцъ августъ на 10 уѣздныхъ училищъ 1,250 р. и на 18 приходскихъ 825 р.

2. епархіи архангельской 2,916 р. 66⅓ коп., именно: а) за сентябрскую треть на одно уѣздное училище 500 р. и на 10 приходскихъ 1,833 р. 33½ коп.; б) за августъ мѣсяцъ на одно уѣздное училище 125 р. и на 10 приходскихъ 458 руб. 33⅓ коп.

Всего на обѣ епархіи слѣдовало 13,291 р. 66⅓ коп.

Въ избѣжаніе излишнихъ затрудненій относительно отпуска этой суммы изъ хранящихся въ государственномъ заемномъ банкѣ 265,300 р., коммиссія просила государственнаго казначея Голубцова предписать казеннымъ палатамъ: новго-

---

[1] Докладъ коммиссіи объ этомъ утвержденъ Государемъ 22 января 1809 г.

[2] Остатки эти могли произойти отъ суммъ: 1) назначенной на содержаніе училищныхъ домовъ, такъ какъ помѣщеніе многихъ изъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ предназначено въ монастыряхъ и 2) назначенной въ жалованье ректорамъ, смотрителямъ и учителямъ, такъ какъ не во всѣхъ училищахъ было опредѣленное число тѣхъ и другихъ. Остатокъ отъ этихъ двухъ суммъ по новгородской епархіи, при открытіи въ ней училищъ, простирался до 1,299 р. 18¼ к. Дѣл. ком. экон. экспед. № 15 (1809 г.).

родской, олонецкой и архангельской, чтобы онѣ, по сношеніи съ консисторіями, произвели отпускъ въ опредѣленномъ ими количествѣ въ назначенныя ими мѣста. Въ замѣнъ такихъ отпусковъ заемному банку слѣдовало возвращать ассигнованныя деньги изъ 265,300 р. въ санктпетербургское остаточное казначейство... Мы остановились на этихъ частныхъ мѣрахъ коммиссіи потому особенно, что онѣ были приводимы въ исполненіе и при дальнѣйшемъ открытіи духовныхъ училищъ. Такъ въ 1810 году, съ образованіемъ училищъ въ прочихъ епархіяхъ санктпетербургскаго округа, изъ 352,200 р., исчисленныхъ на годовое содержаніе всѣхъ училищъ, предназначенныхъ къ открытію въ этомъ округѣ, 162,950 р. отпущено было на открывшіяся училища, а остальныя затѣмъ 189,250 р. внесены были въ банкъ. При чемъ сумма, слѣдующая на содержаніе академіи, семинаріи и училища, находящихся въ Санктпетербургѣ, выдавалась изъ остаточнаго казначейства по полугодно, а сумма, ассигнуемая на прочія училища — изъ губернскихъ палатъ и уѣздныхъ казначействъ по третямъ года. Деньги, оставшіяся въ количествѣ 189,250 р. отъ неоткрытія всѣхъ примѣрно предназначенныхъ къ устройству училищъ, отданы въ банкъ на томъ же основаніи, на которомъ въ 1809 году внесены были туда 265,300 р. Остатки штатныхъ суммъ по духовнымъ училищамъ къ 1823 году составили капиталъ въ 1,080,000 р.; въ этомъ году одинъ милліонъ былъ отдѣленъ на составленіе *капитала пенсіоннаго*... Таковы были распоряженія коммиссіи при открытіи по новому плану санктпетербургскаго духовно-учебнаго округа. Подобнымъ же образомъ распоряжалась она, преобразовывая прочіе три округа: московскій, кіевскій и казанскій. Все различіе было въ томъ, что потребная на нихъ сумма сперва выдѣлялась изъ отпускаемыхъ казною 2 милл., а потомъ, съ прекращеніемъ этого отпуска, составлялась изъ процентовъ и свѣчныхъ доходовъ.

До 1820 года каждое изъ духовныхъ училищъ получало на свое содержаніе столько, сколько ему слѣдовало по при-

мѣрнымъ штатамъ, какіе составилъ комитетъ сообразно съ мѣстными свѣдѣніями, имъ собранными. Возвышавшіяся съ 1808 года цѣны на жизненныя потребности и вновь возникавшіе предметы расходовъ дѣлали эти штаты явно недостаточными. Кругъ дѣйствія обширной учебной части распространялся; нужды въ соразмѣрность того увеличивались. Коммиссія все чаще и чаще получала отъ мѣстныхъ начальствъ представленія о необходимости улучшить состояніе учащихъ и учащихся. Впрочемъ эти представленія лишь потверждали наблюденія самой коммиссіи, которая, съ постепеннымъ образованіемъ училищъ пріобрѣтая ближайшія и подробнѣйшія свѣдѣнія, давно усматривала трудность такого положенія дѣлъ. Краснорѣчивымъ доказательствомъ сего была та сумма, какую коммиссія выдавала на училища по такъ называемымъ особеннымъ постановленіямъ. Сумма эта въ 1820 году, когда по штату 1808 года на содержаніе всѣхъ четырехъ округовъ отпущено было 926,350 р., простиралась до 211,353 руб. Послѣ этого ничего болѣе не оставалось, какъ составить новые училищные штаты, болѣе соразмѣрные съ обстоятельствами того времени и средствами самой коммиссіи. 22 мая 1820 года высочайше утвержденъ былъ докладъ коммиссіи о возвышеніи училищныхъ окладовъ. Удержавъ принятое въ 1808 году комитетомъ и основанное на статистическихъ соображеніяхъ раздѣленіе училищъ, по мѣстнымъ выгодамъ епархій, на три разряда (кромѣ минской епархіи, возведенной изъ 2 класса въ 1-й, по указу 17 іюня 1818 г.), коммиссія увеличила сумму, ассигнуемую на училища по штату 1808 года, на 703,720 р., такъ что содержаніе училищъ, по новому штату, стало стоить ей 1,674,120 р. [1]. Именно опредѣлено:

На санктпетербургскую духовную академію.	111,350 р.
« каждую изъ трехъ прочихъ академій	78,600 —
« санктпетербургскую духовную семинарію	45,250 —
« каждую изъ семинарій 1-го разряда.	31,060 —

[1] Дѣл. ком. по экон. эксп. № 865 «о возвышеніи училищныхъ окладовъ» нач. мая 11, 1820 г.

| | | |

поръ, какъ во вниманіе къ бѣдному состоянію большей части бѣлаго духовенства, предписано семинаріямъ оказывать врачебное пособіе и своекоштнымъ ученикамъ семинарій и состоящихъ при нихъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Въ коммиссію духовныхъ училищъ немало поступало представленій о возвышеніи окладовъ на училищныя больницы, а также и на содержаніе домовъ. Всѣ эти обстоятельства и соображенія побудили коммиссію духовныхъ училищъ: 1) оклады жалованья возвысить вообще на половину противъ прежняго, съ небольшими измѣненіями, по ближайшему приспособленію къ обстоятельствамъ мѣстъ и должностей; 2) оклады ректоровъ академій и семинарій производить вполнѣ, если они не пользуются жалованьемъ или доходами отъ управляемыхъ монастырей, а когда будутъ имъ поручены монастыри въ управленіе, тогда отъ одной трети до половины оклада ректорскаго, по усмотрѣнію начальства и съ утвержденія коммиссіи духовныхъ училищъ, обращать въ экономію училища; 3) оклады на содержаніе домовъ училищныхъ и больницъ возвысить на половину противъ прежняго для училищъ не очень многолюдныхъ, и удвоить для многолюднѣйшихъ; 4) оклады на содержаніе смотрителей приходскихъ училищъ, находящихся въ соединеніи съ уѣздными, исключить изъ штатовъ, а дополнительное жалованье инспекторовъ уѣздныхъ училищъ, производившееся по особому распоряженію, внесть въ штаты; 5) къ общимъ же штатнымъ расходамъ по училищамъ присоединить и тѣ 100,000 р., какія коммиссія, съ высочайшаго разрѣшенія, выдавала ежегодно наставникамъ, опредѣленнымъ сверхъ штата въ нѣкоторыя училища на классы, отдѣляемые по множеству учениковъ. Новый штатъ для духовныхъ училищъ, составленный коммиссіею, сообразно съ этими ея распоряженіями, былъ высочайше утвержденъ 23 мая 1836 года, и со второй половины того же года приведенъ въ дѣйствіе. Разность суммъ по этому штату и по штату 1820 года заключается въ 468,225 р.[1]. Такъ какъ штатъ 1836 го-

[1] О возвыш. учил. окладовъ въ 1836 г.

да, съ нѣкоторыми незначительными перемѣнами, дѣйствуетъ и донынѣ, то съ нимъ слѣдуетъ познакомиться покороче. Вотъ прежде всего штатъ духовныхъ академій—высшихъ духовно-ученыхъ заведеній. *

Штатъ академіи.	Санктпетербургской.	Московской.	Кіевской.
На жалованье:	ассигнаціями.		
Ректору	3000	2500	2,250
6-ти профессорамъ	18,000	15,000	13,000
Инспектору	1000	900	800
Эконому	1000	900	800
Секретарю	700	600	600
Помощнику его	450	400	400
4-мъ письмоводителямъ	1800	1600	1600
На содержаніе строеній, отопленіе, освѣщеніе и проч.	20,000	14,000	14,000
На содержаніе больницы и медикаменты	2000	1500	1500
На библіотеку, классическія книги и кабинеты	2000	2000	2000
На содержаніе 20-ти студентовъ	54,000	30,000	30,000
Лѣкарю	800	800	800
12-ти баккалаврамъ	18,000	15,000	13,000
На журналы и періодическія сочиненія	250	250	250
На проѣздъ ревизоровъ	2500	2500	2500
На канцелярскіе расходы	700	700	700
Итого	126,900	95,250	91,800

Эти штаты остаются въ силѣ до настоящаго дня. Такимъ образомъ и на содержаніе духовныхъ училищъ, по штатамъ ихъ, коммиссія и духовно-учебное управленіе издерживали не много больше той цифры, какую указалъ комитетъ. Если такъ, то стоило ли коммиссіи особеннаго труда удвоеніе духовно-училищнаго капитала, и не дозволило ли себѣ какихъ либо опущеній духовно-учебное управленіе, такъ немного увеличившее его? Отвѣтъ будетъ ясенъ, когда мы познакомимся съ тѣми постоянными и одновременными расходами, которые, не смотря на то, что не были указаны комитетомъ, коммиссія и духовно-учебное управленіе волей-неволей должны были взять на себя. Такъ, по отношенію къ тѣмъ же духовнымъ училищамъ, означенныя учрежденія никогда не ограничива-

* Штатъ семинарій и училищъ представляется въ прилагаемой таблицѣ.

лись отпускомъ требуемой ихъ штатами суммы, а старались, по мѣрѣ возможности, удовлетворять всѣ нужды духовныхъ училищъ. Значительныя суммы шли, какъ это мы увидимъ впослѣдствіи, на прогоны и обзаведеніе наставниковъ и учениковъ, на наемъ для многихъ изъ нихъ квартиръ, на печатаніе и разсылку учебныхъ книгъ, вѣнчиковъ и листовъ разрѣшительной молитвы, на снабженіе духовныхъ училищъ узаконеніями, на заготовленіе магистерскихъ крестовъ, на награды, пособія, жалованье, пенсіи и производство столовыхъ денегъ за службу по духовно-учебному вѣдомству и, особенно, на содержаніе бурсъ и бѣдныхъ учениковъ. Въ 1839 году, напримѣръ, когда штатная сумма на всѣ духовныя училища простиралась до 2,142,345 р., коммиссія на покрытіе означенныхъ расходовъ издержала 1,344,675 р. асс.[1].

Священникъ Іоаннъ Покровскій.

---

[1] Продолженіе будетъ.

Штатъ духовныхъ семинарій.

	1-го разряда.				2-го разряда.		3-го разряда.		
	СЕМИНАРІИ РАЗРЯДЪ СЕЙ СОСТАВЛЯЮЩІЯ.								
	1) Санктпетербургская. 2) Олонецкая.	Новгородская.	1) Тобольская. 2) Псковская. 3) Архангельская. 4) Иркутская, 5) Пермская, 6) Минская, 7) Херсонская.	Вологодская.	1) Московская, 2) Виѳанская, 3) Ярославская, 4) Тверская, 5) Калужская, 6) Смоленская, 7) Владимірская, 8) Вятская, 9) Костромская.	1) Могилевская, 2) Оренбургская.	1) Кіевская, 2) Казанская, 3) Рязанская, 4) Подольская, 5) Черниговская, 6) Нижегородская, 7) Курская, 8) Воронежская, 9) Тамбовская, 10) Орловская, 11) Полтавская, 12) Волынская, 13) Пензенская, 14) Симбирская.	1) Астраханская, 2) Екатеринославская, 3) Харьковскій коллегіумъ.	Кишиневская.
На жалованье:	РУБЛИ АССИГНАЦІЯМИ.								
Ректору.	1500	1500	1125	1125	1000	1000	900	900	990
6-ти профессорамъ . . .	1000	1000	6750	6750	6000	6000	5400	5400	5400
Инспектору прибавочнаго жалованья	700	700	600	600	525	525	450	450	450
Эконому	700	700	600	600	525	525	450	450	450
Секретарю прибавочнаго жалованья	500	500	450	450	375	475	300	300	300
Лекарю	500	590	500	500	500	500	500	500	500
Библіотекарю прибавочнаго жалованья	450	450	350	350	250	250	250	250	250
3-мъ письмоводителямъ .	1050	1050	900	900	750	750	525	525	525
На содержаніе домовъ, услуги, отопленіе и пр.	6000	8000	3750	5000	4000	3000	3000	2250	2250
На больницы и медикам.	750	1000	600	800	800	600	800	600	600
На содержаніе 100 семинаристовъ	30000	30000	20000	20000	17000	17000	12000	12000	6000
На библіотеку, приращеніе ея и классич. книги.	500	500	400	400	400	400	400	400	400
На канцелярскіе расходы.	300	300	250	550	250	250	250	250	250
Итого	51950	54200	36275	37000	32725	31175	25225	24275	18275

Штатъ духовныхъ училищъ.

	Перваго разряда.					Втораго разряда.		Третьяго разряда.	
	ЕПАРХІИ СІИ РАЗРЯДЫ СОСТАВЛЯЮЩІЯ.								
	Санктпетербургская, Олонецкая и Полоцкая.			Тобольская, Псковская, Архангельская, Иркутская, Пермская, Минская, Вологодская, Новгородская, Томская и Херсонская.		Московская, Ярославская, Тверская, Калужская, Смоленская, Владимірская, Тульская, Вятская, Костромская, Могилевская, и Оренбургская.		Кіевская, Казанская, Рязанская, Черниговская, Подольская, Нижегородская, Курская, Воронежская, Тамбовская, Орловская, Полтавская, Волынская, Пензенская, Саратовская, Астраханская, Екатеринославская, Харьковская, Симбирская, Новочеркасская и Кишиневская.	
	Въ С. Петербургѣ.	Въ прочихъ городахъ.							
I. Штатъ уѣзднаго училища. На жалованье.	РУБЛИ АССИГНАЦІЯМИ.								
Смотрителю или ректору .	750	750		650		600		520	
2 учителямъ высшаго отдѣленія	1500	1500		1300		1200		1050	
2 учителямъ низшаго . .	1400	1400		1200		1050		900	
Инспектору прибавочныхъ	350	350		200		200		200	
На содержаніе дома, освѣщеніе, услугу, письмоводство и проч.	1000	600		500		450		400	
Итого . . .	5000	4600		3850		3500		3075	
II. Штатъ приходскаго училища.		Приходскія училища, находящіяся при уѣздныхъ.	Особо состоящія.	Находящіяся при уѣздныхъ.	Особо состоящія.	Находящіяся при уѣздныхъ.	Особо состоящія.	Приходскія училища, находящіяся при уѣздныхъ.	Особо состоящія.
Смотрителю	—	—	600 р.	—	450 р.	—	375 р.	—	300 р.
Учителю 2 класса	600 р.	600 р.	600 »	450 р.	450 »	450 р.	375 »	375 р.	300 »
— 1 —	500 »	500 »	500 »	350 »	350 »	300 »	300 »	250 »	250 »
На содержаніе дома, услугу, освѣщеніе.	400 »	300 »	300 »	200 »	200 »	175 »	175 »	150 »	150 »
Итого . . .	1500 »	1100 »	2000 »	1000 »	1450 »	850 »	1225 »	700 »	1000 »

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ СОШЕСТВІЯ СВЯТАГО ДУХА НА АПОСТОЛОВЪ.

Азъ умолю Отца, и иного Утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами въ вѣкъ. Іоан. 11, 16

Нынѣ *бысть внезапу съ небесе шумъ, яко носиму дыханію бурну* (Дѣян. 2, 2. 3); нынѣ, въ видѣ *огненныхъ языкъ*, почилъ Духъ Святый на Апостолахъ. Убо исполнилось предреченіе Іисуса распятаго и вознесшагося. Ученики Его *не остались сиры* (Іоан. 14, 17), но обрѣли Отца небеснаго, усыновляющаго ихъ Себѣ,—не остались въ сѣтованіи и скорби, но получили Утѣшителя. Ходатай Бога и человѣковъ исходатайствовалъ то, что ниспосланъ на землю Духъ Святый, Утѣшитель невидимый, но истинный и вѣчный; Утѣшитель и вмѣстѣ наставникъ, наставникъ и вмѣстѣ вождь, вождь и вмѣстѣ совѣтникъ, совѣтникъ и вмѣстѣ Богъ. *Сей Утѣшитель*, по глаголу Христову, *будетъ* съ учениками Его *въ вѣкъ*.

Не одни іерусалимскіе ученики, но и всѣ вѣрующіе во Христа, отъ временъ древнихъ доселѣ имѣютъ небеснаго Утѣшителя. Дабы поздніе земножители не усомнились въ толикомъ дарованіи,—Пророкъ возвѣстилъ намъ: *излію отъ Духа Моего на всяку плоть* (Іоил. 2, 28); Апостолъ подтвердилъ сіе проповѣдію: *вамъ есть обѣтованіе Духа и чадомъ вашимъ* (Дѣян. 2, 39).

Но, Утѣшителю благій! сколько разъ призываетъ Тебя Церковь — *пріиди и вселися въ ны:* Ты не приходишь и не являешься духу нашему. Не утѣшаешь, повидимому, и сѣтующихъ, оставляешь сирыми, какбы для того, чтобы предать насъ міру и суетности.

Нѣтъ, сл., глаголъ Божій непреложенъ. Утѣшитель съ нами въ вѣкъ, Іисусъ Христосъ не далече отъ насъ, по Его собственному обѣщанію: *Се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ. 28, 20). Духъ Святый готовъ наставлять и утѣшать всякаго человѣка. Убо кого же Онъ утѣшаетъ, пребывая на земли?

Здравые не требуютъ врача, но болящіе; подобно сему, тѣ, которые веселятся на вся дни свѣтло, не требуютъ утѣшителя. Нѣтъ мѣста утѣшенію среди веселія. Излишно бы было утѣшеніе тому, который непрестанно окруженъ утѣхами. Итакъ утѣшеніе отлагается къ бѣдствіямъ. Не токмо болѣзни, тѣснота и гоненіе; но и плачь истинный низводитъ къ себѣ небеснаго Утѣшителя: и по слову Господню, *блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся.*

Ученики Іисуса Христа, оставляемые Имъ въ мірѣ, должны были учить безъ учителя, скорбѣть безъ утѣшителя, терпѣть безъ заступника. Посему Господь предварилъ ихъ недоумѣніе, обѣтованіемъ: *не оставлю васъ сиры. Азъ умолю Отца, и иного Утѣшителя дастъ вамъ.* Такимъ образомъ и тѣ, коихъ мы называемъ сирыми, не остаются таковыми. Они обрѣтаютъ Бога помощника себѣ, когда не находятъ помощи человѣческой; утѣшаются Духомъ Святымъ, когда ближніе отрекаются утѣшать ихъ. Для сего-то обнищавшій насъ ради Господь, странныхъ и сирыхъ именуетъ меньшею братіею своею; все, что рука человѣческая подаетъ алчущимъ и жаждущимъ, Онъ Себѣ пріемлетъ: *понеже сотвористе единому сихъ братій меншихъ, Мнѣ сотвористе.*

Итакъ небесное утѣшеніе, Духъ Святый обходитъ богатыхъ, не останавливается съ пресыщенными, удаляется веселящихся; но является тамъ, гдѣ взываютъ къ Нему о помощи, гдѣ воздыханія, слезы, скорби и тягота взыскуютъ Его утѣшенія. Блажени алчущіе, блажени жаждущіе, блажени нищіе духомъ; они обогащаются вѣчнымъ сокровищемъ, насыщаются отъ тука дома Божія, пріемлютъ источникъ воды текущей въ животъ вѣчный.

Они блажени,—что же мы, сл.?—неужели источникъ благъ небесныхъ течетъ и не для насъ; неужели Утѣшитель благій сошелъ не для нашего утѣшенія: или мы одни осуждены не на то, чтобы Духъ Святый не посѣщалъ насъ вѣчно?

Горе, горе намъ, сл., если обильно утѣшаетъ насъ міръ, и мы уже не ищемъ утѣхи небесной; если только веселимся во времени, и не плачемъ о вѣчной погибели души нашей; если любимъ только себя, свою плоть, и землю, а не ищемъ неба, не стараемся стяжать Бога истинною любовію! Слово Господне угрожаетъ насъ тѣмъ, что Духъ Божій, вся исполняющій, не исполнитъ нашего сердца, вездѣсущій никогда не посѣтитъ насъ. *Не имать Духъ Мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ во вѣкъ, зане суть плоть* (Быт. 4, 3).

Тотъ, кто обращаетъ взоры на себя, на свою плоть и пригвожденіе ея къ землѣ; потомъ возводитъ ихъ горѣ, и воспоминаетъ, что небо предназначено въ жилище ему, что слава вѣчная, прежде сложенія міра уготована въ его наслѣдіе (Матѳ. 25, 34): не воздохнетъ ли о лишеніи сихъ благъ, не простретъ ли рукъ своихъ къ Богу съ моленіемъ; не возопіетъ ли отъ всея души, и отъ всея крѣпости къ невидимому Ходатаю о помощи: *возстани, возстани, Господи, въ помощь мою: вразуми мя, и вразумлюся*, просвѣти мглу души моея, научи мыслить, желать и дѣйствовать по закону Твоему?

Сей вопль языка и сердца, восходитъ, сл.! до Бога. *Ищущіе Мене*, глаголетъ Онъ, *обрящутъ благодать*; *явлюся имъ самъ*.

Дабы оставить собственное дѣйствіе нашему произволенію, дабы не причинить бѣдствіе насиліемъ, Господь нашъ токмо повелѣваетъ, а не противъ воли даруетъ; повелѣваетъ: *ищите*, и потомъ присоединяетъ обѣщаніе: *обрящете*.

Сею истиною обнадеженный царь Давидъ, весь день воздѣвалъ руки къ Богу, ложе и постелю свою омочалъ слезами; сокрушалъ духъ и тѣло, готовъ былъ на раны; только бы обрѣсти Господа. И Господь склонилъ ухо свое въ молитву его, простеръ десницу въ подкрѣпленіе его. *Съ нимъ есмь*,

глаголалъ Господь, *въ скорби, изму его, и прославлю его, и явлю ему спасеніе Мое.* Самъ Давидъ, скорбѣвшій прежде, ощутивъ руку Божію, восклицалъ наконецъ: *Десница Господня сотвори силу, Десница Господня вознесе мя: предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть.*

Но сколь часто утѣсняемые, воздѣвая руки къ Богу, не обрѣтаютъ защитника; сколь часто плачущіе вопіютъ отъ всея крѣпости, и Господь не внемлетъ ихъ воплямъ! Исчезъ свѣтъ очей моихъ отъ слезъ, жалуется пророкъ, гортань моя изсохла отъ воздыханій — и *нѣсть помогаяй ми.* Почему же сіе? Почему Духъ Утѣшитель не утѣшаетъ?

Тайна сія кроется, сл., не въ Духѣ Утѣшителѣ, но въ томъ, кто ищетъ утѣшенія. Апостоламъ не былъ *дарованъ Духъ Святый*, когда *Христосъ не у бѣ прославленъ.* Если въ человѣкѣ прежде не прославится Христосъ; то не пріидетъ къ нему и Духъ Утѣшитель. Если мы такъ мало вѣруемъ божественному страданію, божественной любви къ человѣку, что отрекаемся понести скорби въ славу Христа; отрекаемся любить Его столько, сколько Онъ, сый Богъ, возлюбилъ насъ недостойныхъ: то Духъ крѣпости не укрѣпитъ насъ, Духъ премудрости не просвѣтитъ и Утѣшитель не утѣшитъ насъ; *никтоже можетъ пріити ко Отцу*, посылающему Духа, глаголетъ Сынъ Божій, *токмо Мною.* Единственный путь, по коему ощутительно приходитъ Духъ Божій въ сердца наши,—есть искреннее вѣрованіе во Іисуса, распятаго за насъ. Отверзаются сердца наши для осѣненій Духа, когда очищаются не человѣческими страданіями, не просто болѣзнями, и не слезами, но страданіемъ со Христомъ. Уготовляемся къ принятію Духа, когда столько нисходимъ къ кротости и смиренію, сколько *кротокъ и смиренъ сердцемъ* былъ Ходатай нашъ.

Какъ легко, сл., симъ путемъ восходить до той степени, гдѣ пріемлетъ насъ сила Вышняго и руководствуетъ благодатію своею. Не умудряйтеся, не изыскивайте средствъ, не будьте, *яко младенцы;* не надѣясь на себя и людей, возложите все упованіе, всѣ надежды на Господа, такъ какъ младен-

цы всего надѣются отъ своихъ родителей и не дѣйствуютъ своимъ искусствомъ, не полагаются на свои силы. *Аще не будете, яко дѣти*, глаголетъ писаніе, *не внидете въ царствіе Божіе.*

Подлинно, что̀ наша мудрость, когда единъ Господь есть истинная премудрость; что̀ наши силы, когда единъ Господь силенъ; что наши намѣренія и предпріятія, когда Господь разоряетъ всѣ совѣты человѣческія, и посмѣвается лукавству ихъ? Такимъ образомъ, обрѣтая тщету въ самихъ себѣ, безсиліе въ умѣ, непостоянство въ желаніяхъ и во всемъ, насъ окружающемъ, словомъ: тщету внутрь насъ, тщету внѣ, и тщету вездѣ: не должны ли мы искать того, что есть постоянно, вѣчно и божественно? Какой бы нищій отказался просить милостыни у Того, который все дать обѣщаетъ? Кто, истаевающій отъ глада, не просилъ бы хлѣба, — когда бы услышалъ, что щедрый раздаятель подаетъ не токмо хлѣбъ, но и одѣяніе, и жилище, и самую жизнь? Но мы, неимѣющіе благъ небесныхъ, лишенные *хлѣба сшедшаго съ небесе*, и лишаемые всѣхъ даровъ, оставленныхъ на землѣ Іисусомъ Христомъ: мы, по духу бѣдные, не просимъ отъ Того, который вся намъ дарствовать обѣщается: *аще Богъ*, по словамъ Апостола, *Сына своего не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его, како не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ* (Рим. 8, 33)? Какъ же намъ не быть младенцами предъ Богомъ столь великимъ? Какъ не предать себя Его водительству, когда Онъ возводитъ и низводитъ, богатитъ и убожитъ, прославляетъ или предаетъ посрамленію, когда *Онъ творитъ всяческая*, а мы Его твореніе? Мы бреніе, изъ коего скудельникъ *творитъ, яже хощетъ.* О, если бы мы имѣли силу Божію—*сокровище Духа въ скудельныхъ* сосудѣхъ (2 Кор. 4, 7)!

Такъ, Боже всесвятый! мы ищемъ благъ Твоихъ, но блага земныя встрѣчаются намъ—и удерживаютъ : ищемъ Твоего утѣшенія; но останавливаемся, находя утѣшеніе въ мірѣ и суетностяхъ; ищемъ свѣта Твоего для просвѣщенія сердецъ нашихъ, но увлекаемся блескомъ земнымъ, помрачающимъ

насъ. Убо, трисвятый Боже, Душе Утѣшителю, коего имя призвано на храмъ сей,—вездѣсущій и вся исполняющій, — услыши, если не моленія, то желанія наши, среди молитвъ къ Тебѣ возносящіяся отъ сея страны дольнія — услыши, пріиди просвѣтить мысли наши, очистить сердца — и тогда вселися въ ны! — Аминь.

Иннокентій, епископъ пензенскій и саратовскій.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ СВЯТЫХЪ, СЛАВНЫХЪ И ВСЕХВАЛЬНЫХЪ, ПЕРВОВЕРХОВНЫХЪ АПОСТОЛЪ ПЕТРА И ПАВЛА*.

Кто изнемогаетъ, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и азъ не разжизаюся?

Слова св. Апостола Павла. 2 Кор. гл. 11, ст. 29.

Не напрасно святая Церковь, ублажая всехвальныхъ Апостоловъ, поетъ: «чтемъ болѣзни и труды ваши». Какое неизчислимое множество болѣзней и трудовъ представляетъ намъ нынѣ чтенное краткое воспоминаніе св. Апостола Павла о своемъ служеніи благовѣствованію Христову! Изнуренія, бдѣнія, алчба и жажда, стужа и нагота, отвсюду опасности и бѣды, кораблекрушенія, раны, темницы и многократныя приражения смерти — вотъ печати его апостольскаго подвига. Но сего не довольно: «еще тягостнѣе, какъ замѣчаетъ св. Златоустъ [1], были для него внутреннія боренія, и одна за другою приливавшіяся волны заботъ о братіяхъ. Каждый, даже самый уничиженнѣйшій изъ нихъ былъ для него—какъ ближайшій родной, отъ котораго ничто не могло его отторгнуть; о каждомъ онъ болѣлъ, какъ мать, находящаяся въ мукахъ рожденія. *Кто изнемогаетъ, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и азъ не разжизаюся?* Слова сіи показываютъ, что онъ такъ сокрушался объ изнемогающихъ, какъ бы самъ одержимъ былъ ихъ болѣзнію; такъ страдалъ вмѣстѣ съ братіями соблазняющимися, какъ бы палимъ былъ и горѣлъ.

Вотъ образецъ истинной сострадательности для пастырей

* Это слово извѣстнаго профессора московской Д. академіи, покойнаго протоіерея Ѳеодора Александровича Голубинскаго, сообщено намъ въ подлинникѣ графомъ Мих. Вл. Толстымъ.

[1] Въ 25 бесѣдѣ на 2 посланіе къ Коринѳянамъ.

духовныхъ, для родителей христіанскихъ, и для всѣхъ, радѣющихъ о спасеніи ближнихъ! Взирая на сей высокій образецъ, размыслимъ, благочестивые слушатели, откуда истекаетъ и чѣмъ подкрѣпляется въ душѣ истиннаго ученика Христова чувство состраданія къ немощнымъ и впадающимъ во грѣхи собратіямъ.

Источникъ всякаго святаго чувствованія въ сердцѣ христіанина есть божественное сердце Спасителя нашего: такъ источникъ христіанскаго состраданія къ одержимымъ болѣзнями душевными есть неизреченно милосердое состраданіе Господа Іисуса Христа ко всѣмъ грѣшникамъ. *Не имамы бо архіерея не могуща спострадати немощемъ нашимъ, но искушена по всяческимъ, подобно* намъ, *развѣ грѣха* (Евр. 4, 15). Сколь глубоко грѣшный человѣкъ палъ, столь глубоко многомилостивый Господь преклонился къ падшему, чтобы его возставить. Какія только униженія, лишенія и скорби навлекъ на себя и приготовилъ себѣ человѣкъ, отступившій отъ Бога,—всѣ оныя, кромѣ грѣха, милосердующій Господь воспріялъ на Себя, соединивъ съ Божественнымъ естествомъ своимъ, немогущимъ страдать, естество человѣческое. Онъ нетолько извѣдалъ на Себѣ немощи и страданія, но и вкусилъ самую смерть; не только претерпѣлъ жесточайшія мученія тѣлесныя, но и испыталъ ужаснѣйшее для души состояніе оставленія отъ Бога. Такъ велика любовь Его, такъ безпредѣльно Его состраданіе къ грѣшникамъ!

Вѣрные ученики Господа, преобразуясь въ Его образъ, пріемлютъ отъ Него и силу любви Его. Онъ своею любовію и состраданіемъ объемлетъ всѣхъ человѣковъ; а послѣдователи Его обращаютъ изліянную въ сердце ихъ часть любви Божественной на тѣхъ людей, съ которыми они въ общеніи поставлены. Какъ Господь поднялъ на рамо свое заблуждшее овча, родъ человѣческій, и понесъ на Себѣ его немощи, страданія и грѣхи; такъ истинный послѣдователь Христовъ возлагаетъ на душу свою душу брата своего, и испытываетъ въ самомъ себѣ его искушенія, болѣзни и скорби.

Онъ живо чувствуетъ, что всѣ члены Церкви суть члены единаго тѣла Христова; и потому, когда страдаетъ какой нибудь членъ близкій къ нему, страдаетъ и онъ; когда изнемогаютъ братія, изнемогаетъ и онъ; когда огнь соблазна воспламеняется въ нихъ, онъ дѣйствуетъ и на его сердце, и возбуждаетъ въ ономъ иной огнь, огнь жалости, любви и ревности о славѣ Божіей и о спасеніи брата. Такъ святый Павелъ, хотя и долженъ былъ отлучить отъ общенія съ Церковію грѣшника коринѳскаго, но сердце его горѣло огнемъ скорби, когда онъ писалъ сей грозный приговоръ,—какъ самъ онъ свидѣтельствуетъ о томъ во второмъ посланіи къ коринѳянамъ: *отъ печали бо многія и туги сердца написахъ вамъ многими слезами* (гл. 2, ст. 4); и потомъ любовь его не потерпѣла, чтобы пораженный недугомъ членъ навсегда отдѣленъ былъ отъ тѣла Христова: онъ умоляетъ коринѳянъ простить и утѣшить наказаннаго и утвердить къ нему любовь, *да не како многою скорбію пожертъ будетъ таковый* (2 Кор. 2, 7. 8). Коринѳяне слабо соотвѣтствовали пламенной любви Апостола; но, несмотря на то, онъ готовъ былъ съ радостію отдать всего себя за спасеніе ихъ: *азъ же въ сладость изждивенъ буду по душахъ вашихъ, аще и излишше васъ любя, менше любимъ есмь* (2 Кор. 12, 15). Потери для него — пріобрѣтеніе, страданіе изъ любви — потребность души, жизнь —непрестанная жертва. Откуда же проистекало въ избранномъ сосудѣ силы Божіей такое самоотверженіе, какъ не изъ подражанія Высочайшему Подвигоположнику? Онъ говоритъ: *я не ищу своея пользы: но многихъ, да спасутся* (1 Кор. 10, 33); и тотчасъ послѣ сего присовокупляетъ: *подражатели мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу* (11, 1). И какъ самъ раздѣляетъ съ ближними ихъ немощи и скорби, подражая Господу Іисусу, такъ всѣхъ и вѣрующихъ увѣщаваетъ носить, т. е. облегчать состраданіемъ и участіемъ немощи немощныхъ, *и не себѣ угождать, но ближнему, въ созиданіе* (Рим. 15, 1. 2), указывая имъ на образецъ Божественнаго Искупителя: *ибо и Христосъ не Себѣ угоди* (ст. 3). Такимъ образомъ, примѣръ

состраданія Господа Іисуса и сила любви Его, изливающаяся въ сердца чадъ Его, есть чистый источникъ состраданія къ немощнымъ и падающимъ—для истинныхъ учениковъ Христовыхъ.

Но для сего небеснаго источника въ самой душѣ подражателей Христовыхъ есть глубокая юдоль, много способствующая къ сохраненію онаго; есть чувство, служащее къ подкрѣпленію христіанскаго состраданія къ согрѣшающимъ. На сіе чувство указываетъ мудрый сынъ Сираховъ, говоря: *помяни, яко вси есмы во епитиміяхъ* (Сир. 8, 6). Всѣ земнородные, даже и избранные Божіи, доколѣ пришельствуютъ въ семъ мірѣ, обложены немощами, и имѣютъ причину воздыхать о преждебывшихъ грѣхахъ своихъ и страшиться новыхъ искушеній въ будущемъ. Чѣмъ яснѣе возсіяваетъ въ нихъ свѣтъ лица Христова; тѣмъ подробнѣе они видятъ и живѣе чувствуютъ, что безъ сего свѣта въ нихъ одна тьма, немощь и склонность къ злому. И сіе-то смиренное ощущеніе своей немощи и склонности къ грѣху еще болѣе усиливаетъ и охраняетъ въ нихъ чувствованія снисхожденія и состраданія къ грѣшнымъ собратіямъ.

Самъ Господь лучшихъ строителей храма Его вводитъ въ сіе смиренное чувство и погружаетъ въ ономъ глубже, нежели другихъ рабовъ Его, непризванныхъ къ высшему служенію. Такъ велъ Онъ великихъ первоверховныхъ Апостоловъ. Святый Апостолъ Петръ, твердыня вѣры, доколѣ былъ при Господѣ, восклицалъ: *аще и вси соблазнятся, но не азъ* (Марк. 14, 29). Но когда сокрылась отъ него благодать, тогда вполнѣ открылась его немощь, и онъ палъ горькимъ паденіемъ. Любвеобильный взоръ Человѣколюбца проникнулъ въ его сердце, *и шедъ Петръ, плакася горько*. Конечно нужно было, чтобы тотъ, кому назначено быть высокимъ столпомъ Церкви Божіей, глубоко водруженъ былъ въ смиреніи, которое есть основаніе духовнаго зданія; нужно было, чтобы онъ опытно узналъ свою немощь и научился изъ того кротко и съ нѣжностію сносить и врачевать душевные недуги ближ-

нихъ. Милосердый Спаситель, предвидя его отпаденіе и смиренное раскаяніе, сказалъ ему: *и ты нѣкогда обращся утверди братію твою* (Лук. 22, 31); и сіе слово Господне такъ объясняетъ св. Златоустъ: «Заплати мнѣ за оказанную тебѣ помощь. Помня то, что́ было съ тобою, будь къ другимъ снисходителенъ. Утверди братію, то есть, утверди колеблющихся, подавая имъ руку и являя имъ великое человѣколюбіе». Вторый первоверховный Апостолъ ясно показываетъ, сколь ему нужно врачевство смиренія, когда говоритъ: *дабы я не превозносился, дано мнѣ жало въ плоть, ангелъ сатаны, мучить меня* (2 Кор. 12, 7), и во многихъ мѣстахъ съ поникшею главою сѣтуетъ о своемъ прежнемъ противленіи истинному Свѣту, и называетъ себя первымъ изъ грѣшниковъ. «Все же сіе, какъ разсуждаетъ Златословесный учитель Церкви, было для того, чтобы первоверховные Апостолы узнали, какъ ничтоженъ человѣкъ безъ высшей помощи, и, чтобы сдѣлавшись судіями и вождями народа Божія, были къ подчиненнымъ человѣколюбивы, снисходительны и готовы прощать». Видя высоту смиренномудрія и горячность любви святыхъ Апостоловъ, поревнуемъ и мы, христіане, о подражаніи примѣру ихъ; отложивъ всякую гордость и безчувственность, поучимся у нихъ страдать и сострадать; полюбимъ лучше ходить въ домъ плача, нежели въ домъ пира; будемъ бояться, какъ яда, жестокихъ и презорливыхъ сужденій о поступкахъ ближняго, и примемъ къ сердцу кроткій совѣтъ Апостольскій: *братіе, другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ* (Гал. 6, 2). Аминь.

Протоіерей Θеодоръ Голубинскій.

РАЗСТАВАНІЕ СЪ ШКОЛОЮ ЖИЗНИ *.

Уже мои слабѣютъ силы,
Языкъ тупѣетъ, ноги хилы;
Я пересталъ другихъ учить
И въ школу по звонку ходить:
Пора и самому учиться,
Какъ съ грѣшнымъ міромъ распроститься.

* * *

Полвѣка я наукамъ посвятилъ;
На жизненномъ пиру довольно погостилъ:
Пора вставать и въ путь сбираться!
Пора домой! Не вѣкъ скитаться!
Пусть тою же, какъ я, тропой
Въ цвѣтникъ наукъ, во слѣдъ за мной,
Походитъ сынъ любезный мой....
А я повѣсилъ посохъ свой.

* * *

Но пусть мои слабѣютъ силы,
Я чувствую что до могилы,
Пока свѣтъ жизни не угасъ,
Я не забуду сердцемъ васъ.

Ѳ. А. Голубинскій.

---

* Эти стихи покойнаго профессора, о. Ѳ. А. Голубинскаго—въ письмѣ къ одному его другу, писаны 1854 г. іюля 11 дня, за нѣсколько недѣль до смерти его († 22 августа 1854 г.); списаны сыномъ его, баккалавромъ м. д. академіи, Д. Ѳ. Голубинскимъ.

III.

ЖИЗНЬ ГРАФА СПЕРАНСКАГО, ИЗДАНІЕ ИСПРАВЛЕННОЕ, ТОМЪ I. (XVIII и 283 стр.) и II (388 стр.). Спб. 1861 г.

Графъ Сперанскій принадлежитъ къ числу великихъ государственныхъ мужей нынѣшняго столѣтія. Имя Михайла Михайловича тѣмъ блистательнѣе выступаетъ въ ряду другихъ подобныхъ именъ, что онъ составилъ себѣ знаменитость на полѣ дотолѣ неразработанномъ, занявшись устройствомъ отечественнаго законодательства. Но, что̀ служитъ къ чести нашего духовенства, этотъ великій дѣятель вышелъ изъ среды его,—по рожденію и воспитанію принадлежалъ къ нашему духовному званію. На этомъ именно основаніи мы считаемъ себя въ правѣ заняться книгою М. А. Корфа, и конечно не ошибаемся въ предположеніи, что весьма многіе изъ нашихъ читателей сильно интересуются замѣчательною личностію графа Сперанскаго. Необыкновенныя дарованія души—именно свѣтлый, быстрый и тонкій умъ,—благородное, доброе и мягкое сердце, твердая воля, неотступавшая ни предъ какими трудностями, какъ бы велики они ни были, скорое возвышеніе изъ скромнаго состоянія на степень любимца и перваго совѣтника царскаго, за тѣмъ быстрое паденіе и опять возвышеніе,—наконецъ дѣятельность самая разнообразная, большею частію весьма богатая послѣдствіями, весьма полезная, все это еще въ свѣжей памяти ближайшаго потомства покойнаго Михаила Михайловича. Что̀ бы ни разглашали при жизни его, что̀ бы ни говорили по смерти, надо сознаться, что, по самому хладнокровному, строго безпристрастному приговору, графъ Сперанскій есть одинъ изъ лучшихъ государственныхъ людей, какихъ производило наше отечество.

И какъ ни великъ Сперанскій, о немъ доселѣ было писано очень мало. Отечественная литература, если не считать анекдотовъ и разсказовъ, разсѣянныхъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, а также въ «воспоминаніяхъ» Булгарина, въ написанной Магницкимъ «Думѣ при гробѣ графа Сперанскаго» и т. п., представляетъ только двѣ монографіи объ этой личности: одну Бантышъ-Каменскаго—въ «Словарѣ достопамятныхъ людей русской

земли» [1] и другую г. Лонгинова въ «Русскомъ Вѣстникѣ» [2]. Но въ статьѣ Бантышъ-Каменскаго, несмотря на малый ея объемъ, много ошибокъ, а трудъ г. Лонгинова, стоящій несравненно выше этой статьи по внутреннему достоинству и, собственно, первый у насъ опытъ связной біографіи Сперанскаго, составленъ лишь на основаніи источниковъ болѣе или менѣе общеизвѣстныхъ. Что касается литературъ иностранныхъ, то въ нихъ, правда, каждый почти энциклопедическій словарь, каждый историческій сборникъ, содержитъ въ себѣ статью о нашемъ государственномъ дѣятелѣ, или, по крайней мѣрѣ, упоминаетъ о немъ: но содержаніе всѣхъ этихъ статей и замѣтокъ ограничивается, главнѣйше, выписками изъ его формуляра, невсегда притомъ вѣрными. Только въ трехъ сочиненіяхъ личность Сперанскаго и его дѣятельность нашли себѣ оцѣнку болѣе подробную и болѣе основательную. Эти сочиненія суть: «La Russie et les Russes» — Н. И. Тургенева; [3] «Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas», Шницлера [4], и «Geschichte des neunzehnten Jahrhunderts», Гервинуса [5]. Тургеневъ лично его зналъ во время своего служенія въ государственной канцеляріи, самъ съ нимъ работалъ, слѣдственно говоритъ о немъ въ своемъ сочиненіи съ авторитетомъ самовидца; Шницлеръ имѣлъ случай собрать о Сперанкомъ разныя свѣдѣнія въ бытность свою въ Россіи еще при его жизни и изложилъ ихъ съ свойственнымъ ему искусствомъ; наконецъ Гервинусъ, не смотря на то, что писалъ вдалекѣ отъ театра событій, умѣлъ разгадать, съ необыкновеннымъ историческимъ тактомъ, и роли главныхъ дѣятелей, и ихъ взаимныя отношенія, и ту среду, въ которой они вращались. Есть еще статья писателя Тальяндье, напечатанная, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ «Revue des deux mondes,» [6], подъ заглавіемъ французскимъ: «le comte Spéranski»; но статья эта, написанная очень изысканнымъ слогомъ, больше романъ, нежели исторія. Она наполнена грубыми ошибками въ числахъ и фактахъ, произвольными прикрасами и даже просто — вымыслами, уже не говоря о празднословномъ резонерствѣ и о мысляхъ, обличающихъ въ авторѣ малое знаніе Россіи, тогдашней и теперешней.

Изъ этого короткаго исчисленія біографій графа Сперанскаго уже видно, что̀ сдѣлалъ особеннаго баронъ М. А. Корфъ, из-

[1] 1847 г., Москва, Т. III. стр. 283 и слѣд. [2] 1859 г., октябрь, Т. XXIII. [3] Парижъ, 1817 г. [4] Парижъ, 1847 г. [5] Лейпцигъ, 1856 г., Т. II. [6] 1856 année, tome V, pag. 302—335.

датель лежащей передъ нами «жизни графа Сперанскаго». Модестъ Андреевичъ составилъ свой трудъ по самымъ разнообразнымъ источникамъ, послѣ тщательнаго изученія и прилежной провѣрки ихъ; иные изъ источниковъ и были, какъ видно, доступны ему одному изъ всѣхъ біографовъ Сперанскаго. Акты государственные и частныхъ архиповъ, оффиціальная и частная переписка разныхъ лицъ, — собственныя бумаги графа и то, что уцѣлѣло изъ его частныхъ писемъ, — записки его дочери, г-жи Флоровой-Багрѣевой, набросанныя ею нарочно для автора, разсказы лицъ, имѣвшихъ какое либо соотношеніе съ Сперанскимъ въ разные періоды его жизни, — свѣдѣнія о дѣтствѣ и начальномъ воспитаніи Сперанскаго и о пребываніи его въ ссылкѣ, — личныя воспоминанія автора, восходящія къ началу двадцатыхъ годовъ, — все это составило массу матеріаловъ, которой искусная рука М. А. Корфа должна была придать обработанную, научную форму. Такъ и самъ авторъ смотритъ на свою книгу. «Главною ея задачею, говоритъ онъ, было: представить систематическій и, по возможности, полный сводъ матеріаловъ... изложить событія жизни Сперанскаго, въ истинномъ ихъ свѣтѣ, безъ всякихъ предвзятыхъ взглядовъ, безъ всякаго притязанія на критико-философическую оцѣнку фактовъ. Такой характеръ простаго повѣствователя мы старались сохранить въ продолженіе всего нашего труда, и, если за всѣмъ тѣмъ, въ немъ высказались невольно наши личныя впечатлѣнія и мнѣнія (въ особенности тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о характеристикѣ изображаемаго нами лица), то никогда мы не думали предрѣшать ими будущій судъ исторіи. Ей, а не намъ, близкимъ современникамъ,—слѣдовательно, судьямъ небезпристрастнымъ,—принадлежать будетъ опредѣленіе истиннаго мѣста, которое долженъ занять Сперанскій въ лѣтописяхъ русской государственной жизни, его вліянія на нашъ общественный организмъ и степени его участія въ развитіи нашихъ политическихъ идей. Окончимъ одною общею оговоркою: при всей тщательности нашихъ изысканій, мы далеки отъ мысли, чтобы не только біографію Сперанскаго, въ томъ объемѣ и значеніи какъ мы ее понимаемъ, но даже и сводъ матеріаловъ къ ней считать вполнѣ завершенными посредствомъ нашей книги. Сперанскій находился въ соприкосновеніи со столькими людьми, дѣйствовалъ на столькихъ поприщахъ и такъ недавно сошелъ съ общественной сцены, что отыщутся, вѣрно, еще многіе факты, которыми можно будетъ дополнить собранныя нами

свѣдѣнія, исправить наши указанія [1] и пролить на нихъ болѣе свѣта. Пусть настоящая попытка проложитъ путь къ дальнѣйшимъ работамъ на этомъ широкомъ полѣ» [2].

Не смотря на такую скромную оцѣнку авторомъ своего труда, «жизнь графа Сперанскаго» есть весьма замѣчательное явленіе въ нашей литературѣ. Не только о Сперанскомъ, но и вообще по части біографій, у насъ писано еще такъ мало и такъ незрѣло, что книга Модеста Андреевича можетъ послужить образцомъ для другихъ подобныхъ сочиненій. Прослѣдивъ «жизнь графа Сперанскаго», замѣчаешь, что почтенный авторъ тщательно изучилъ свой предметъ, всесторонне осмотрѣлъ его, возстановилъ въ духѣ—людей и дѣла минувшихъ лѣтъ и указалъ Сперанскому между ними ту среду, которую онъ дѣйствительно занималъ. Уже зрѣлостію предуготовительныхъ работъ объясняются всѣ другія достоинства сочиненія: вѣрное до положительности, такъ сказать, фактическое изложеніе,—простой, твердый, энергическій языкъ, — отсутствіе сухости при повѣствованіи о предметахъ, по видимому, весьма серьезныхъ, — наконецъ нѣкоторая картинность изображенія, много говорящая сердцу и уму читателя. Авторъ такъ освоился съ предметомъ, что всегда въ уровень съ нимъ: въ повѣствованіи о дѣтствѣ и начальномъ воспитаніи Сперанскаго — простъ и естественъ; въ разсказѣ о домашней жизни его симпатиченъ и радушенъ; въ изложеніи государственныхъ работъ своего героя — весьма глубокомысленъ и проницателенъ; при изложеніи отношеній его ко Двору совершенно безпристрастенъ. Есть и еще немаловажная черта въ замѣчательномъ трудѣ г. Корфа: въ случаяхъ особенной важности и, конечно, для соблюденія самой строгой исторической истины, авторъ заставляетъ говорить самого Сперанскаго, выписывая изъ современныхъ документовъ его собственныя слова. Этотъ методъ изложенія имѣетъ послѣдствіемъ то, что видно, какбы въ зеркалѣ, что̀ думалъ и чувствовалъ самъ Сперанскій въ томъ или другомъ положеніи.

Но кромѣ общихъ достоинствъ прекраснаго литературнаго труда, «жизнь графа Сперанскаго» имѣетъ еще свое

---

[1] Какъ авторъ предвидѣлъ, такъ и случилось: по выходѣ въ свѣтъ книги были указаны нѣкоторыя ошибки и неточности въ разсказахъ—хотя только о лицахъ, съ которыми Сперанскій былъ въ соприкосновеніи. Почтенный сочинитель сейчасъ же исправилъ по указаніямъ, какъ это значится въ предисловіи «къ исправленному изданію». [2] Томъ I, стр. XI.

частное значеніе. Еслибы одинъ изъ бывшихъ современниковъ покойнаго Михаила Михайловича, близко знавшій его, знавшій его время и людей, видѣвшій занятія Сперанскаго и понимающій заслуги его, не взялъ на себя труда составить его біографію: то нѣтъ сомнѣнія, что многіе частности изъ жизни великаго человѣка, особенно сохранившіяся въ живомъ преданіи, были бы навсегда потеряны для отечественной науки. Съ тѣмъ вмѣстѣ, конечно, затруднилось бы и пониманіе замѣчательной личности государственнаго мужа, даже затемнилось бы, и съ теченіемъ времени, мало по малу исчезло изъ памяти и многое изъ того, что онъ сдѣлалъ для отечества. Что мы еще мало знали доселѣ Сперанскаго, — доказательствомъ служитъ скудость литературныхъ о немъ свѣдѣній, какъ мы сейчасъ имѣли случай объяснить: двѣ, три біографіи, по сухости и формальности свѣдѣній похожихъ на послужной списокъ, два, три очерка замѣчательной карьеры графа—вотъ и все, чѣмъ пришлось бы довольствоваться потомству въ позднее время, еслибы не явился такъ кстати трудъ М. А. Корфа. Какъ и можно было ожидать, «жизнь графа Сперанскаго», наполняя собою значительный пробѣлъ нашей новѣйшей литературы, имѣетъ важное спеціальное значеніе какъ для отечественнаго историка, такъ особенно для политика и юриста. Государственное устройство и государственные законы — вотъ двѣ части, въ которыхъ наиболѣе потрудился Михаилъ Михайловичъ и гдѣ слѣды его дѣятельности останутся еще долго, долго неизглаженными. Чтобы понимать эти части совершенно разумно,—надобно восходить къ началу — трудамъ Сперанскаго, и потомъ слѣдить учрежденіе или законъ въ томъ видѣ, какъ они проводились въ жизни.

И такой важный предметъ, какъ жизнь Сперанскаго, предметъ, столько занимательный для серьезныхъ умовъ, — обработанъ въ книгѣ г. Корфа, по нашему убѣжденію, наилучшимъ образомъ. Мы понимаемъ, съ какими затрудненіями долженъ былъ бороться авторъ, — и въ то же время не можемъ не отдать справедливости искусству, съ какимъ онъ преодолѣлъ эти затрудненія. Поставивъ себѣ цѣлію представить читающему обществу возможно полную біографію знаменитаго государственнаго дѣятеля, баронъ М. А. Корфъ терпѣливо собиралъ всевозможныя о немъ свѣдѣнія изъ всевозможныхъ источниковъ: письменныхъ и устныхъ, частныхъ и государственныхъ, и добылъ массу разсказовъ истинныхъ и сомнительныхъ, важныхъ, много объясняющихъ и незначительныхъ, мелкихъ, —

согласныхъ и противорѣчивыхъ. Надобно было на все взглянуть при свѣтѣ благоразумной критики, — отдѣлить истинное отъ ложнаго, — и все расположить такъ, чтобы и важное и неважное нашли свои мѣста и одинаково способствовали къ уясненію главнаго лица. Надобно было постараться, чтобы такой серьезный предметъ, какъ біографія государственнаго человѣка, былъ доступенъ не однимъ государственнымъ умамъ, а и вообще занимателенъ для образованнаго человѣка. Всего этого г. сочинитель вполнѣ достигъ при помощи пріемовъ, употребленныхъ имъ при составленіи книги. Строго-систематическое построеніе плана сочиненія, впрочемъ не въ сухихъ схоластическихъ формахъ, а имѣющее полное оправданіе въ развитіи самой жизни Сперанскаго, сообщаетъ біографіи смыслъ гармоническаго цѣлаго. Искусною рукою авторъ изображаетъ намъ Сперанскаго—въ *первой* части—въ періодъ его жизни до императора Александра I (1772—1801 г.); во *второй*—при императорѣ Александрѣ I, до заточенія (1801—1812 г.); въ *третьей*—въ заточеніи (1812—1816 г.); въ *четвертой* — по возвращеніи на службу и къ лицу императора Александра I (1816—1825 г.); и въ *пятой*—при императорѣ Николаѣ I (1825—1839 г.). По различію предметовъ, части дѣлятся на главы, а главы, въ свою очередь, для удобства обозрѣнія, распадаются на нѣсколько отдѣленій. Естественность развитія содержанія и, какъ мы замѣтили выше, картинность изображенія производятъ то, что сочиненіе, при всемъ его немаломъ объемѣ, читается легко и пріятно, и подробности его безъ труда удерживаются памятью. Чтобы читатель самъ могъ судить о полнотѣ изложенія жизни Сперанскаго, мы представляемъ подъ чертою болѣе подробное оглавленіе [1]. Думаемъ, что будетъ здѣсь у мѣста краткій біографическій очеркъ знаменитаго человѣка и что многіе изъ нашихъ читателей будутъ благодарны за него.

Графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій родился 1 января 1772 года, въ селѣ Черкутинѣ, Владимірской губерніи, въ сорока верстахъ отъ губернскаго города. Отцомъ его былъ священ-

[1] *Первой* части — глава I: рожденіе, дѣтство и первые годы молодости Сперанскаго; семинаріи владимірская и суздальская; приложеніе: отмѣтки семинариста Сперанскаго въ календарѣ 1786 года. Глава II: александроневская семинарія; педагогическая карьера Сперанскаго и первые его литературные труды. Глава III: частная служба Сперанскаго у князя Куракина; увольненіе его изъ духовнаго вѣдомства и гражданская служба до вступленія на престолъ императора Александра I. Глава IV: семейная жизнь Сперанскаго и частныя его отношенія до кончины императора Павла.

никъ Михаилъ Васильевъ, матерью Прасковья Ѳедорова. О дѣтствѣ Сперанскаго сохранились лишь отрывочныя свѣдѣнія; но они не совсѣмъ маловажны, по мнѣнію г. біографа, потому что составляютъ свидѣтельство ранняго проявленія въ немъ той любви къ умственному труду и вообще тѣхъ своеобразныхъ качествъ, которыя, впослѣдствіи, бывъ развиты уроками науки и жизни, отличали его отъ другихъ людей.

Мальчикъ, съ первыхъ своихъ лѣтъ, росъ физически и нравственно иначе, нежели другіе. Сложеніе его было сперва очень слабое; только съ 16 лѣтняго возраста онъ вдругъ пошелъ въ ростъ и окрѣпъ, хотя необыкновенная бѣлизна лица, почти молочнаго цвѣта, долго напоминала о прежнемъ его слабосиліи. Постоянно задумчивый, онъ не дружился съ прочими дѣтьми, бѣгалъ ихъ забавъ,—весь, только выучился грамотѣ, отдался книгамъ и, съ несвойственною его лѣтамъ усидчивостію, читалъ безъ устали все, что попадалось ему подъ руки, и печатное и писанное. Въ праздники онъ большею частію ходилъ къ старушкамъ, жившимъ въ Черкутинѣ по кельямъ, и прочитывалъ имъ житія святыхъ, за что онѣ надѣляли его пряниками и орѣхами; или, если оставался дома, занимался чѣмъ нибудь про себя. «Миша, говорила его мать, не выйдетъ на улицу; сидитъ себѣ на чердакѣ, да все что-то читаетъ или пишетъ».

Въ семинаріи отрокъ и потомъ юноша Михаилъ обучался языкамъ: русскому, латинскому и греческому, реторикѣ, математикѣ, физикѣ, философіи и богословію. Въ классахъ грамматическихъ, гдѣ все основывалось болѣе на механизмѣ и памяти, Сперанскій отставалъ отъ нѣкоторыхъ учениковъ, старшихъ его лѣтами; но съ реторическаго класса, гдѣ уже тре-

---

Второй части — глава I: развитіе служебной карьеры Сперанскаго. Глава II: организаціонныя работы. Глава III: законодательныя работы. Глава IV: финансовыя работы. Глава V: особыя занятія. Глава VI: частная и домашняя жизнь Сперанскаго въ періодъ времени съ 1801 по 1812 годъ.

Третьей части — глава I: удаленіе Сперанскаго. Глава II: Сперанскій въ Нижнемъ Новгородѣ. Глава III: Сперанскій въ Великопольѣ.

Четвертой части—глава I: возвращеніе Сперанскаго на службу; Сперанскій губернаторомъ въ Пензѣ. Глава II: Сперанскій генералъ-губернаторомъ въ Сибири. Глава III: возвращеніе Сперанскаго къ лицу императора Александра I.

Пятой части — глава I: Сперанскій въ началѣ новаго царствованія. Глава II: кодификаціонныя работы Сперанскаго. Глава III: особыя занятія. Глава IV: Сперанскій въ послѣднее время своей жизни; предсмертная его болѣзнь и кончина; замѣтки къ его характеристикѣ.

бовалось собственное размышленіе, онъ тотчасъ взялъ верхъ надъ всѣми и до конца семинарскаго курса постоянно удерживалъ за собою первое мѣсто. Въ пріѣзды свои, на ваканціонное время, въ родительскій домъ, онъ проводилъ время также большею частію надъ привезенными съ собою или добытыми въ селѣ книгами, читая которыя, записывалъ все, что казалось ему въ нихъ любопытнымъ и полезнымъ, или что самому ему приходило на мысль. Въ школьныхъ стѣнахъ явственнѣе обрисовался характеръ Сперанскаго: въ семинаріи онъ былъ добръ, ласковъ, смѣтливъ, словоохотливъ — и мастеръ говорить красно и увлекательно. Какъ лучшій по успѣхамъ и дарованіямъ воспитанникъ, онъ, въ январѣ 1790 года, 18-ти лѣтъ отъ роду, съ двумя товарищами былъ отправленъ въ Петербургъ — для продолженія ученія въ образовавшейся тогда главной семинаріи.

Курсъ александроневской семинаріи обнималъ краснорѣчіе, философію, богословіе, чистую математику, физику и французскій языкъ. Сперанскій, по успѣхамъ, стоялъ и здѣсь выше своихъ соучениковъ, но изъ преподаваемыхъ предметовъ болѣе всего, и даже съ нѣкоторою страстію, любилъ математику. Что касается другихъ предметовъ курса, то Сперанскій нисколько не хвалился лекціями, прослушанными имъ въ Петербургѣ. «Въ главной семинаріи, — разсказывалъ онъ послѣ, — мы попали къ одному такому учителю, который или былъ пьянъ, или, трезвый, проповѣдывалъ намъ Вольтера и Дидерота». Люди, знавшіе его въ ту пору, говорятъ, что въ минуты отдыха и забавъ, онъ, какъ и прежде во Владимірѣ, былъ полонъ огня и живости; но веселость его никогда не переходила за предѣлы приличія. 9-го января 1792 года рѣшено было Сперанскому, какъ лучшему изъ студентовъ, остаться при александроневской семинаріи въ должности преподавателя.

На лекціи Сперанскаго, которыя онъ читалъ по математикѣ, физикѣ, краснорѣчію и наконецъ философіи, собиралось слушателей человѣкъ до 30 и болѣе. Теорію церковнаго проповѣдничества онъ изъяснялъ блестящимъ, даже нѣсколько изысканнымъ слогомъ; но, увлекая своихъ слушателей къ подражанію, не могъ передать имъ того вкуса, который предохранялъ его отъ надутой высокопарности.

Какъ поступилъ молодой учитель на частную службу къ князю Куракину, — много разсказовъ; но то правда, что онъ удивлялъ своего покровителя быстротою и мастерскимъ испол-

неніемъ порученій, хотя, въ то же время, не оставлялъ исправно посѣщать и семинарскіе классы. Доказательствомъ того, какъ много князь Куракинъ цѣнилъ дарованія и усердіе Сперанскаго, служитъ то обстоятельство, что какъ скоро онъ самъ— милостію императора Павла I-го — достигъ генералъ-прокурорства — мѣста, весьма важнаго въ то время, — уговорилъ и кліента своего уволиться изъ духовнаго вѣдомства и перейти къ нему на службу. И дѣйствительно, 2 января 1797 года, Сперанскій сдѣлалъ рѣшительный шагъ — поступилъ въ канцелярію генералъ-прокурора, съ чиномъ (по званію магистра) титулярнаго совѣтника, и уже 18-го сентября 1798 года — черезъ полтора года — былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники. Конечно, ловкости молодаго чиновника надобно приписать то, что онъ съ честію держался на службѣ и по паденіи своего благодѣтеля, — при новыхъ генералъ-прокурорахъ, князѣ Лопухинѣ, Беклешовѣ и Обольяниновѣ, и не только держался, а получалъ даже награды. 8 го декабря 1799 года Сперанскій получилъ важный и въ нынѣшнее время, а въ то время значившій еще болѣе, чинъ статскаго совѣтника; 31-го декабря 1800 года былъ обрадованъ двумя милостями вдругъ: Обольяниновъ выпросилъ ему 2000 десятинъ земли въ Саратовской губерніи и орденъ св. Іоанна іерусалимскаго. Сюда должно причислить и почетное назначеніе его, 28-го ноября 1798 года, — герольдомъ, а 14-го іюля 1800 года — секретаремъ Андреевскаго ордена; послѣднимъ назначеніемъ Сперанскій былъ обязанъ покровительству графа Растопчина.

О чиновникѣ, такъ удачно служившемъ, отзывались тогда различно: одни хвалили его, другіе завидовали ему; — но всѣ соглашались въ одномъ, именно въ блестящихъ способностяхъ Сперанскаго, въ искусномъ ихъ употребленіи и въ изумительной его дѣятельности. Не смотря на собственное обвиненіе себя въ лѣности, онъ работалъ безъ устали; поспѣвалъ прежде всѣхъ съ своими должностными докладами; съ одинаковымъ мастерствомъ излагалъ дѣла изустно и письменно; наконецъ умѣлъ сдѣлаться необходимымъ. Всѣ четыре генералъ-прокурора, съ Куракина до Обольянинова, при чрезвычайномъ различіи ихъ свойствъ и степени просвѣщенія, отличали его отъ прочихъ чиновниковъ и всѣмъ имъ онъ былъ равно нуженъ.

Эта способность приспособленія къ людямъ, соединенная съ болѣе положительными достоинствами дѣловаго человѣка, проложила дорогу Сперанскому и въ новое царствованіе. Черезъ

недѣлю по воцареніи Александра I-го, 19-го марта 1801 года, Сперанскій, съ званіемъ статсъ-секретаря, былъ назначенъ состоять при тайномъ совѣтникѣ Трощинскомъ, начальникѣ канцеляріи совѣта «для разсмотрѣнія важныхъ государственныхъ дѣлъ». 9-го іюля 1801 г. новый статсъ-секретарь былъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Такимъ образомъ, въ четыре съ половиною года, нашъ семинаристъ изъ домашнихъ секретарей частнаго человѣка достигъ званія Государева статсъ-секретаря и служебнаго положенія весьма почетнаго!

Хотя съ учрежденіемъ министерствъ Сперанскій, 8-го сентября 1802 года, и причисленъ былъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ 18-го іюля 1803 года получилъ въ управленіе вторую экспедицію государственнаго благоустройства: но эту службу его можно назвать, въ общемъ теченіи его жизни, періодомъ переходнымъ. Всѣ проекты новыхъ постановленій писалъ Сперанскій, и писалъ такъ, какъ никто до него. Отчеты министра Государю — тоже плодъ пера Сперанскаго — стали впервые печататься въ общее свѣдѣніе и, восхитивъ въ то время всѣхъ чѣмъ-то новымъ и небывалымъ въ нашей администраціи, еще и теперь, спустя болѣе полустолѣтія, могутъ по методѣ ихъ составленія, назваться образцовыми. По причинѣ частыхъ болѣзней министра Кочубея, Сперанскій имѣлъ счастіе много разъ бывать съ докладомъ у самого Государя, и Александръ оцѣнилъ своего статсъ-секретаря. Когда же Кочубей оставилъ званіе министра и его занялъ прежній покровитель Сперанскаго — князь Куракинъ: то и Сперанскій вышелъ изъ министерства. Въ это время онъ имѣлъ уже ордена св. Владиміра 3-й степени (съ 18 го ноября 1806 г.) и св. Анны 1-й степени (съ 15-го марта 1807 г.).

Дѣятельность Сперанскаго, въ періодъ времени съ 1808 до 1812 года, была весьма разностороння и многообъемлюща. Біографъ подводитъ ее подъ слѣдующія рубрики: 1) организаціонныя, 2) законодательныя, 3) финансовыя и 4) особыя занятія.

По возвращеніи съ ерфуртскаго свиданія съ Наполеономъ, императоръ Александръ, постоянно занятый идеею преобразовать устройство своей державы, вручилъ Сперанскому прежніе проекты по этой части и нерѣдко проводилъ съ нимъ цѣлые вечера въ чтеніи печатныхъ сочиненій, относившихся къ тому же предмету. Приготовляясь къ осуществленію мыслей Государя, Сперанскій составилъ обширную записку о законахъ государственныхъ вообще, и потомъ принялся, съ свойственнымъ

ему жаромъ, за составленіе полнаго плана новаго образованія государственнаго управленія во всѣхъ его частяхъ — отъ Государева кабинета до волостнаго правленія. Въ октябрѣ 1809 года весь планъ лежалъ на столѣ Императора; два мѣсяца прошло въ размышленіи, что можно осуществить, чего — нельзя, и рѣшили на томъ, чтобы приводить его въ исполненіе съ разсрочкою и постепенно. Прежде всего преобразованіе, по мысли Сперанскаго, коснулось государственнаго совѣта, который былъ раздѣленъ на четыре департамента (законовъ, дѣлъ военныхъ, гражданскихъ и духовныхъ, государственной экономіи); самъ преобразователь занялъ мѣсто государственнаго секретаря — начальника канцеляріи. Министерства изъ его же руки получили «новое раздѣленіе государственныхъ дѣлъ въ порядкѣ исполнительномъ» и подробный уставъ въ 401 параграфѣ. Если государственный совѣтъ долженъ былъ вѣдать болѣе законодательство: то министерства, съ этого времени, стали во главѣ администраціи или исполнительной части. Другіе проекты объ устройствѣ губернскаго управленія, порядка суднаго, сената, по причинѣ послѣдовавшаго вскорѣ паденія Сперанскаго, не были приведены въ исполненіе.

Законодательные труды Сперанскаго заключались или въ составленіи новыхъ уложеній, или въ перемѣнахъ и дополненіяхъ въ законодательствѣ текущемъ. Главная ошибка его въ составленіи уложеній, какъ показало время, состояла въ томъ, что онъ принялся прямо за конецъ — т. е. уложенія, не приготовивъ ни начала — собранія законовъ, ни средины — свода ихъ. По текущему законодательству всѣ публичные акты того времени, всѣ манифесты, важнѣйшіе именные указы, — даже и такія положенія, которыя, принадлежа непосредственно къ разнымъ частямъ управленія, долженствовали, казалось, истекать прямо отъ ихъ вѣдомствъ, — все это было не только написано Сперанскимъ, но бо́льшею частію имъ же и задумано. Имя его въ этихъ актахъ почти нигдѣ не оглашалось, но во всѣхъ онъ принималъ участіе. Изъ текущихъ распоряженій — два указа, одинъ о придворныхъ званіяхъ, и другой — о экзаменахъ на гражданскіе чины, возстановили противъ государственнаго секретаря вельможъ и чиновниковъ; потому что съ одной стороны, званія камергера и камеръ-юнкера, приносившія съ собою чины V и VI, сдѣланы чисто почетными, и такимъ образомъ отнята возможность аристократіи безъ труда вдругъ достигать высшихъ степеней службы; съ другой — чины кол-

лежскаго ассесора и статскаго совѣтника можно было получать не за выслугу лѣтъ, какъ прежде, а представивъ свидѣтельство какого-либо университета объ образованіи. Ропотъ былъ такъ силенъ, что правительство вынуждено было послѣ допустить въ указѣ о экзаменахъ нѣкоторыя измѣненія.

Могучая рука дѣятельнаго государственнаго секретаря коснулась и финансовъ. Воспользовавшись совѣтами и рукописью профессора Балугьянскаго, онъ написалъ огромный финансовый проектъ, состоявшій, кромѣ обширнаго вступленія, изъ 238 статей. Экономія, строгая экономія—была основная мысль этого проекта. И по этой части Сперанскій навлекъ на себя сильное негодованіе приверженцевъ стараго порядка; однако же нимало не стѣсняясь разными пересудами, — продолжалъ дѣйствовать, и 1810, 11 и первые мѣсяцы 12-го года представили рядъ огромныхъ финансовыхъ операцій, исполненныхъ по мысли государственнаго секретаря. Прекращеніе выпуска ассигнацій, капиталъ погашенія; монетная система; устройство доходовъ и расходовъ; внѣшняя торговля—все это попеременно занимало вниманіе Сперанскаго и получило отпечатокъ его генія.

У неистощимо-дѣятельнаго Сперанскаго нашлось время, на ряду съ другими, трудами, заняться текущими дѣлами министерства юстиціи, по званію товарища министра, устройствомъ духовныхъ училищъ, дѣлами финляндскими, дѣлами, ввѣренными управленію ольденбургскаго принца, дѣлами лифляндскими, дѣлами по областямъ Бѣлостокской и Тарнопольской, польскими и наконецъ по сношеніямъ военнымъ.

Ссылку Сперанскаго біографъ объясняетъ неудовольствіемъ противъ него разныхъ слоевъ тогдашняго общества. Аристократы возставали за ограниченіе ихъ привилегій, опасаясь еще большаго стѣсненія въ будущемъ; люди на высшихъ мѣстахъ — за подчиненіе ихъ «выскочкѣ»; чиновники — за прегражденіе имъ дальнѣйшаго производства и принужденіе учиться; приверженцы стараго порядка — за явное стремленіе ввести новыя начала; податныя сословія — за усиленіе налоговъ. Ко всему этому присоединились подметныя письма, обвинявшія Сперанскаго даже въ сношеніяхъ съ агентами Наполеона и проч. и проч. Императоръ Александръ, обезпокоенный угрожавшею со стороны Франціи войною, принялъ въ дѣлѣ Сперанскаго страдательное положеніе — и устранилъ его отъ себя на девять лѣтъ. Самъ Сперанскій, послѣ объясненія съ Государемъ, взятый полиціею и увезенный тотчасъ же въ заточе-

ніе, не зналъ опредѣленно, за что̀ его сослали, и хотя послѣ, по возвращеніи въ столицу, въ разговорахъ съ Государемъ императоромъ и старался прояснить дѣло, — однако же напрасно. Убѣжденіе, которое горькій опытъ внушилъ ему, онъ высказалъ слѣдующею фразою, въ дневникѣ, помѣченною 31 августа 1821 года: confusion, intrigues, commerages; en s'occupant des choses, on néglige les hommes.

Мы охотно оставляемъ подробности печальнаго проживанія Сперанскаго въ Нижнемъ-Новгородѣ, Перми, селѣ Великопольѣ, — въ бездѣйствіи, подъ самымъ строгимъ надзоромъ полиціи, — до того строгимъ, что велѣно было слѣдить за каждымъ его шагомъ. Но не можемъ удержаться, чтобы не выписать нѣсколькихъ строкъ изъ письма, отправленнаго Сперанскимъ изъ Великополья къ Аракчееву:

«Гнѣвъ Государя для всякаго долженъ быть великою горестію; обстоятельства, въ коихъ я оному имѣлъ несчастіе подвергнуться, безмѣрно увеличили его тягость. Время двукратной моей ссылки, особливо послѣдней изъ Нижняго въ Пермь; образъ, коимъ она была произведена, и безполезно жестокія формы, кои при семъ исполнителями были употреблены; злыя разглашенія, вездѣ меня сопровождавшія, — все сіе вмѣстѣ поселило и утвердило общее мнѣніе, что, бывъ уличенъ, или по крайней мѣрѣ подозрѣваемъ въ государственной измѣнѣ, однимъ милосердіемъ Государя я спасенъ отъ суда и послѣдней казни. Таково точно есть положеніе, въ которомъ я нахожусь четыре года съ половиною. Я не утруждалъ Его Величество никакими жалобами, никакими доносами, ожидая все отъ Его собственнаго великодушія. Между тѣмъ слѣды сего произшествія временемъ изглаждаются; люди, въ немъ участвовавшіе, одни умираютъ, другіе отъ службы уклоняются; пройдетъ еще годъ, другой, и для меня не будетъ уже способовъ къ оправданію; забудутъ подробности лицъ и словъ, и останется въ памяти одно общее впечатлѣніе великой вины, молчаніемъ покрытой. Такимъ образомъ я сойду во гробъ въ видѣ государственнаго преступника, оставя дочери моей въ единственное наслѣдство безчестное и всѣхъ проклятій достойное имя. Заслужилъ ли я сіи ужасы?»

Аракчеевъ, тронутый доводами Сперанскаго, помогъ ему выйти изъ опалы. Указомъ Государя правительствующему сенату бывшій государственный секретарь назначенъ пензенскимъ губернаторомъ. «Для перваго шагу, писалъ Сперанскій, это гораздо болѣе, нежели я ожидалъ». Служба Михаила Михайловича въ

Пензѣ была для него полезна въ томъ отношеніи, что на самомъ дѣлѣ познакомила его съ губернскими учрежденіями, которыя онъ прежде такъ мастерски устроивалъ на бумагѣ. Съ другой стороны, обходительному и добросердечному сановнику не трудно было пріобрѣсти къ себѣ любовь пензенцевъ, которая и выразилась вполнѣ, когда, 7 мая 1820 года, Сперанскій, получивъ назначеніе быть въ Сибири генералъ-губернаторомъ, уѣзжалъ отъ нихъ. Двухгодичное пребываніе въ Сибири къ опытности Сперанскаго прибавило многое, что и отразилось послѣ на его дѣятельности. Проѣзжая свою область съ одного конца до другаго, Сперанскій производилъ ревизію присутственныхъ лицъ и мѣстъ и изобрѣталъ планы къ будущему, лучшему устройству края.

Наконецъ, 8-го февраля 1821 года, насталъ для Сперанскаго давно желанный день отъѣзда изъ Сибири въ Петербургъ. Могъ ли онъ сдержать слезы, когда 22 марта засіяли предъ нимъ опять, послѣ девятилѣтняго отсутствія, главы и шпицы Петербурга! Много было испытано въ эти девять лѣтъ, много передумано, — и сановникъ, — уже не съ одними дарованіями и начитанностію, а съ значительною опытностію снова является къ лицу Александра I.

Возвратившись въ Петербургъ, Сперанскій по прежнему сталъ заниматься правительственными дѣлами. Къ этому времени біографъ пріурочиваетъ его труды 1) по дѣламъ сибирскимъ; 2) по части законодательной и 3) по особымъ порученіямъ.

Для устройства Сибирскихъ дѣлъ былъ составленъ комитетъ, въ которомъ душею былъ Сперанскій въ новомъ своемъ званіи члена государственнаго совѣта. Комитетъ, утвердивъ распоряженія, сдѣланныя въ Сибири Сперанскимъ, одобрилъ и его предположенія къ будущему устройству того края. Изъ этихъ предположеній главное состояло въ раздѣленіи области на двѣ части — восточную и западную, съ двумя генералъ-губернаторами.

Какъ по возвращеніи Сперанскаго возникла мысль о составленіи «уложеній»: то это дѣло и было поручено ему; онъ долженъ былъ представлять просмотрѣнныя имъ труды коммиссіи законовъ по этой части въ государственный совѣтъ, и журналы совѣта — Государю. Первое на очереди было гражданское уложеніе, но оно, бывъ уже въ третій разъ просмотрѣно, не воспріяло своего дѣйствія. Другія уложенія—торговое, уголовное — не состоялись по разнымъ причинамъ.

Но главнымъ образомъ дѣятельность Сперанскаго и въ этотъ періодъ времени, какъ и въ годы 1808—1812, была поглощаема особыми порученіями. Во многихъ комитетахъ онъ былъ членомъ, такъ въ азіатскомъ, о проектѣ учрежденія для военныхъ поселеній, для войска донскаго, о торговлѣ въ Грузіи, библейскомъ, финансовомъ, о налогахъ на соль, о призовыхъ деньгахъ, тарифномъ, о раскольникахъ, гдѣ предсѣдательствовалъ митрополитъ.

Замѣчательно—Сперанскій во все остальное царствованіе Александра I уже никогда не достигалъ прежней степени силы и вліянія. Но онъ непритворно и искренно оплакалъ кончину своего благодѣтеля, которому, не смотря на всѣ превратности своей судьбы, такъ былъ преданъ. Все горькое, испытанное въ жизни, онъ всегда приписывалъ не личному недоброжелательству, а единственно ухищреніямъ клеветы и тѣхъ лицъ, которыя руководились въ своихъ дѣйствіяхъ или страстями и своекорыстными разсчетами самолюбія, или же неразумною угодливостію и преувеличеннымъ усердіемъ при исполненіи данныхъ имъ приказаній.

Однимъ изъ первыхъ предметовъ, обратившихъ на себя всю заботливость императора Николая, было печальное положеніе нашего законодательства. Прежнюю коммиссію законовъ, такъ мало сдѣлавшую, Государь переименовалъ во второе отдѣленіе своей канцеляріи и хотя начальникомъ его назначилъ Балугьянскаго, но всѣ труды и распоряженіе дѣлами предоставилъ Сперанскому. *Новый* Сперанскій, Сперанскій 1826 года, поставилъ себѣ задачею уже не ломку всего прежняго и дѣйствующаго, а живое, разумное его воспроизведеніе, и отъ теоріи, отъ чисто-книжнаго, онъ перешелъ въ здравую и болѣе практическую область исторической школы. Отсюда родились два великіе отечественные памятника: 1) «Полное собраніе законовъ», начатое съ уложенія царя Алексѣя Михайловича и доведенное первоначально до вступленія на престолъ императора Николая, и 2) систематическій «Сводъ», извлеченный въ формѣ уложеній, уставовъ и проч. изъ тѣхъ же постановленій. Первое «Полное собраніе законовъ», 45 огромныхъ томовъ, въ 48-ми частяхъ, въ 4 д. л., въ два столбца, начатое печатаніемъ 1 мая 1828 года, было окончено къ 17 апрѣля 1830 года, а «Сводъ», въ 15-ти томахъ, содержавшихъ въ себѣ болѣе 42,000 статей, по-

ступилъ въ типографію въ началѣ 1832 года и отпечатанъ къ его исходу. Обозрѣніе этихъ двухъ произведеній, процессъ ихъ зарожденія, совершенія и ревизіи, система, въ нихъ принятая и проч. изложены въ предисловіи, помѣщенномъ предъ «Полнымъ собраніемъ законовъ» (XXXI стр.) и въ «Обозрѣніи историческихъ свѣдѣній о сводѣ законовъ» (200 и VII стр.); и то, и другое принадлежитъ перу Сперанскаго.

Кодификаціонныя работы Сперанскаго обнимали не одну гражданскую часть и не однѣ губерніи, состоящія на общихъ правахъ; предметомъ ихъ были еще постановленія военныя и отдѣльные законы Прибалтійскаго и Западнаго края.

Дѣятельность Сперанскаго при императорѣ Николаѣ I была едвали менѣе многостороння, чѣмъ при Александрѣ, хотя, можетъ быть, болѣе сосредоточена. Кромѣ участія во многихъ комитетахъ, особенно о составленіи разныхъ уставовъ (вексельнаго, рекрутскаго, учебныхъ заведеній и проч.), онъ оказалъ много другихъ заслугъ: именно избралъ и приготовилъ ученыхъ юристовъ для университетскихъ каѳедръ, способствовалъ открытію училища правовѣдѣнія, которое, впрочемъ одолжено своимъ учрежденіемъ принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому, наконецъ участвовалъ въ воспитаніи наслѣдника престола, нынѣ царствующаго Государя Императора.

Въ послѣдніе годы своей жизни Сперанскій былъ утѣшенъ высокимъ вниманіемъ Государя Николая Павловича, который пожаловалъ ему еще въ самый день коронованія 22 августа 1826 года орденъ св. Владиміра 1-й ст., а потомъ, въ разное время, брильянтовые знаки св. Александра невскаго, чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, орденъ св. Андрея первозваннаго и наконецъ графское достоинство. Возвеличенный за свои безпримѣрные труды Сперанскій спокойно доживалъ остатокъ дней въ обществѣ любимой дочери Елизаветы (супруга его—англичанка—умерла послѣ 11 мѣсяцевъ замужества въ 1799 году), зятя и внуковъ.

16 октября 1838 года ослабѣвшій отъ лѣтъ и трудовъ старецъ занемогъ простудою и спѣшилъ приготовиться къ переходу въ вѣчность причащеніемъ св. Христовыхъ Таинъ. Правда, въ этотъ разъ болѣзнь прошла, но въ февралѣ слѣдующаго года опять возвратилась съ новою силою— и 11 числа, въ 9 часу вечера, Россія потеряла своего великаго человѣка.

Священникъ Павелъ Матвѣевскій.

IV.

Высочайшіе рескрипты на имя преосвященныхъ — Іосифа, митрополита литовскаго, и Иннокентія, архіепископа камчатскаго.

1. Преосвященный митрополитъ литовскій Іосифъ!

Постоянно твердая и бдительная ревность ваша объ охраненіи и утвержденіи древле-отеческаго благочестія во ввѣренной вамъ паствѣ, неусыпная заботливость о распространеніи духовнаго просвѣщенія и непоколебимая преданность престолу и отечеству пріобрѣли вамъ особенное Мое уваженіе. Желая почтить изъявленіемъ Моей признательности достопамятныя заслуги ваши, жалую вамъ препровождаемые при семъ алмазные знаки ордена святаго Апостола Андрея первозваннаго. Да укрѣпитъ Всевышній силы ваши на продолженіе высокаго и полезнаго вашего служенія православной Церкви.

Поручая себя молитвамъ вашимъ, пребываю всегда къ вамъ благосклонный.

2. Преосвященный архіепископъ камчатскій Иннокентій!

Съ пламенною ревностію о насажденіи Церкви Христовой и съ примѣрнымъ самоотверженіемъ продолжаете вы подъятое вами апостольское служеніе. Вашимъ попеченіемъ богослуженіе у православныхъ инородцевъ нынѣ совершается на понятномъ для нихъ языкѣ; вашею заботливостію вновь устроятся викаріатство якутское, каѳедра камчатская переносится на берега Амура,—и въ отдаленномъ краѣ отечества, пренебрегая опасностями, забывая о себѣ, вы являетесь неутомимымъ благовѣстникомъ слова Божія на огромныхъ пространствахъ, среди разноплеменной вашей паствы.

Въ ознаменованіе искренняго уваженія къ пастырскимъ подвигамъ вашимъ, Всемилостивѣйше жалую вамъ алмазные знаки ордена святаго благовѣрнаго великаго князя Александра невскаго, съ искреннимъ желаніемъ, да не оскудѣютъ силы ваши среди тяжкихъ трудовъ и да укрѣпляются онѣ благодатною помощію свыше.

Поручая себя молитвамъ вашимъ, пребываю къ вамъ благосклонный.

На подлинныхъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Назначеніе преосвященныхъ для присутствованія въ св. Сѵнодѣ. Государь Императоръ, по поводу окончанія сроковъ пребыванію въ С. Петербургѣ преосвященныхъ — архіепископа херсонскаго Димитрія и епископа калужскаго Григорія, высочайше повелѣть соизволилъ: «на мѣсто ихъ вызвать, для присутствованія въ святѣйшемъ Сѵнодѣ, срокомъ на одинъ годъ, преосвященныхъ архіепископовъ: рижскаго *Платона* и могилевскаго *Евсевія*».

Посвященіе въ санъ епископа Екатеринбургскаго. Изъ трехъ избранныхъ святѣйшимъ Сѵнодомъ кандидатовъ на вакансію викарія Пермской епархіи, епископа екатеринбургскаго, Государь Императоръ, въ 19 день мая сего года, высочайше соизволилъ утвердить перваго изъ нихъ: настоятеля заштатнаго Курковскаго Рождество-Богородичнаго монастыря, имѣющаго лично степень настоятеля первокласснаго монастыря, ректора кишиневской духовной семинаріи, архимандрита *Митрофана*. Нареченіе о. архимандрита Митрофана во епископа екатеринбургскаго происходило въ св. Сѵнодѣ, 25 мая, а посвященіе совершено въ исакіевскомъ соборѣ 28 мая, высокопреосвященнымъ Исидоромъ, митрополитомъ новгородскимъ и с. петербурскимъ, съ преосвященными: Филоѳеемъ, архіепископомъ тверскимъ, Леонтіемъ, епископомъ ревельскимъ, и Іоанникіемъ, епископомъ выборгскимъ.

Опредѣленіе св. Сѵнода о порядкѣ избранія настоятелей и настоятельницъ въ общежительные монастыри. Дѣйствіемъ временъ и обстоятельствъ, монастыри въ Россіи раздѣлены на два разряда: *необщежительные*, въ которыхъ братія, имѣя общій столъ отъ монастыря, — одежду и прочее, имъ потребное, пріобрѣтаютъ каждый для себя собственными распоряженіями, съ помощію жалованья, доходовъ и труда; и *на общежительные*, въ которыхъ братія все, имъ потребное, получаютъ отъ монастыря, по распоряженію настоятеля, и трудъ свой предоставляютъ въ общую пользу монастыря. Сіе послѣднее положеніе, очевидно, болѣе споспѣшествуетъ нестяжательности, послушанію и отреченію отъ своей воли. Частое открытіе совѣсти старцамъ и старческое руководство къ духовной жизни въ особенной силѣ и дѣйствіи усматривается въ благоустроенныхъ общежительныхъ монастыряхъ. Посему поль-

за монашества и польза Церкви требуютъ, чтобы общежительные монастыри сохраняемы были неослабно въ характерѣ, имъ свойственномъ. Но благоустройству общежительныхъ монастырей не благопріятствуютъ иногда слѣдующія обстоятельства: 1. Въ общежительный монастырь опредѣляется иногда настоятель изъ постороннихъ, незнающій особенныхъ постановленій и правилъ того монастыря, или вообще незнакомый съ устройствомъ общежительныхъ монастырей, или даже совсѣмъ неимѣющій опытности въ монашеской жизни, только что постриженный изъ бѣлаго духовенства. Таковый не безъ труда входитъ съ мѣстною братіею въ отношеніе братолюбія и единодушія, не всегда вѣрно поддерживаетъ мѣстный порядокъ, мало ему извѣстный, и иногда не удерживается и отъ нововведеній смущающихъ и разстроивающихъ братство. 2. По древней простотѣ, въ нѣкоторыхъ общежительныхъ монастыряхъ, завѣдываніе ими слишкомъ исключительно сосредоточивается въ настоятелѣ. Оттого произволъ настоятеля иногда преступаетъ предѣлы; не представляется удобства приспособлять людей къ прохожденію должностей; а въ случаѣ тяжкой болѣзни, или смерти настоятеля, иногда не остается лица, отвѣтствующаго за точную извѣстность и цѣлость монастырской собственности. Въ предупрежденіе такихъ неблагопріятныхъ случаевъ, признавая благопотребнымъ оградить избраніе настоятелей въ общежительные монастыри твердыми правилами, святѣйшій Сѵнодъ опредѣлилъ: 1) Избраніе въ монастыри сіи настоятелей установить на слѣдующихъ основаніяхъ: I. Настоятель общежительнаго монастыря избирается преимущественно изъ братіи того же монастыря, а въ случаѣ нужды изъ другаго монастыря, также общежительнаго. II. Избраніе настоятеля происходитъ при благочинномъ монастырей, или, въ случаѣ нужды, при другомъ довѣренномъ отъ епархіальнаго преосвященнаго лицѣ, по молитвѣ, въ собраніи всѣхъ монашествующихъ. III. Если не окажется простаго единогласнаго избранія: то предоставляется каждому изъ монашествующихъ отдѣльно, въ своей келліи, написать имя избираемаго имъ старца, и въ свернутой или запечатанной запискѣ, по возобновленіи собранія, положить въ одну общую чашу, изъ которой тогда же записки вынимаются, записываются особо показанныя въ нихъ имена, и отмѣчается, кто сколько разъ поименованъ, или, что тоже, кто сколько получилъ голосовъ. IV. Объ избранныхъ братіею кандидатахъ на должность настоятеля, послѣ-

дуетъ ли единогласное избраніе одного лица, или произойдетъ разногласіе, епархіальный преосвященный, съ изъясненіемъ обстоятельствъ избранія и съ присовокупленіемъ своего мнѣнія, представляетъ на усмотрѣніе святѣйшаго Сѵнода. V. Если бы преосвященный усмотрѣлъ важныя причины, препятствующія утвержденію избранныхъ братіею кандидатовъ, то въ представленіи объ нихъ, на основаніи предыдущаго пункта, святѣйшему Сѵноду, онъ можетъ присовокупить и своего кандидата, но не иначе, какъ изъ тогоже или другаго, также общежительнаго монастыря. VI. Настоятель общежительнаго монастыря, въ лицѣ намѣстника или казначея, смотря по степени монастыря, имѣетъ дѣятельнаго помощника, который, состоя у него въ послушаніи, наравнѣ съ прочею братіею, содѣйствуетъ ему въ распоряженіяхъ и въ охраненіи монастырской собственности, заступаетъ его мѣсто во время отсутствія его и, въ случаѣ тяжкой болѣзни или смерти настоятеля, отвѣтствуетъ за сохраненіе порядка и собственности монастырской. VII. Правила сіи примѣняются и къ женскимъ общежительнымъ монастырямъ. 2) Какъ нѣкоторые общежительные монастыри имѣютъ свои утвержденные уставы, а другіе, не имѣя ихъ, по преданію сохраняютъ нѣкоторыя благочестивыя и назидательныя учрежденія, особенно имъ принадлежащія: то, дабы охранить сіи учрежденія отъ произвольныхъ измѣненій, предоставить епархіальнымъ преосвященнымъ сдѣлать распоряженіе, чтобы каждый настоятель особыя правила и обычаи своего монастыря, повѣривъ точность преданія старѣйшими изъ братій, описалъ обстоятельно и за подписью своею и старшей братіи представилъ преосвященному на разсмотрѣніе и утвержденіе, для неизмѣннаго сохраненія. (Указъ св. Сѵнода, отъ 20 марта 1862 года).

Опредѣленіе на счетъ помѣщенія въ губернскихъ вѣдомостяхъ проповѣдей, съ разрѣшенія мѣстныхъ преосвященныхъ. Начальникъ Пермской губерніи, отъ 16 декабря 1861 года за № 485, сообщилъ г. министру внутреннихъ дѣлъ, что, по соглашенію съ мѣстнымъ преосвященнымъ, признано особенно полезнымъ печатать произносимыя въ губерніи замѣчательныя проповѣди въ губернскихъ вѣдомостяхъ, въ тѣхъ видахъ, что эти вѣдомости получаются во всѣхъ волостяхъ у крестьянъ государственныхъ и временно-обязанныхъ, и проповѣди, въ нихъ напечатанныя, могли бы замѣнять, въ нѣкоторой степени, из-

вѣстный недостатокъ книгъ для народнаго чтенія. Между тѣмъ помѣщеніе всѣхъ подобнаго рода статей въ губернскихъ вѣдомостяхъ затрудняется по случаю отдаленности отъ Перми духовно-цензурныхъ комитетовъ (ближайшій находится въ Москвѣ), безъ разрѣшенія которыхъ онѣ, по существующимъ узаконеніямъ, не могутъ быть напечатаны въ мѣстной газетѣ. Вслѣдствіе сего начальникъ Пермской губерніи просилъ его, г. министра внутреннихъ дѣлъ, исходатайствовать, чтобы дозволено было небольшія статьи духовнаго содержанія помѣщать въ Пермскихъ вѣдомостяхъ, съ одобренія мѣстнаго епархіальнаго преосвященнаго, собственно въ уваженіе отдаленности Пермской губерніи отъ мѣстъ, гдѣ учреждены духовно-цензурные комитеты. Принимая въ соображеніе, что проповѣди духовенства могутъ оказать благотворное вліяніе на мирный и правильный ходъ крестьянскаго дѣла, и что просмотръ сихъ проповѣдей мѣстнымъ епископомъ составляетъ вполнѣ достаточное за нихъ ручательство, г. тайный совѣтникъ Валуевъ полагалъ, что какъ настоящее представленіе начальника Пермской губерніи, такъ и другія подобныя сему ходатайства могутъ быть удовлетворяемы. Святѣйшій Сѵнодъ, признавая предложенное ему бывшимъ сѵнодальнымъ прокуроромъ, предположеніе начальника Пермской губерніи, выраженное въ отношеніи министра, за № 46,—о помѣщеніи въ губернскихъ вѣдомостяхъ произносимыхъ духовными лицами замѣчательныхъ проповѣдей, весьма полезнымъ, — опредѣлилъ: предписать циркулярными указами преосвященнымъ епархіальнымъ архіереямъ, чтобы они, по усмотрѣнію своему, разрѣшали печатаніе проповѣдей въ губернскихъ вѣдомостяхъ, по ходатайствамъ о томъ мѣстныхъ гражданскихъ начальствъ (Февраля 28 дня 1862 г.).

Отмѣненіе нормальнаго числа учениковъ въ московской семинаріи. Въ 1852 году, святѣйшимъ Сѵнодомъ было сдѣлано назначеніе нормальнаго числа для учениковъ московской семинаріи. Такая мѣра впрочемъ была введена *въ видѣ опыта*. Время показало всѣ неудобства ея, которыя не ограничивались только семинаріею, но особенно чувствительно отзывались на низшихъ духовныхъ училищахъ, не только для учащихся, но и для учащихъ и для начальства. Объ этомъ правленіе московской семинаріи представило въ началѣ нынѣшняго года на благоусмотрѣніе высокопреосвященнѣйшаго митрополита москов-

скаго, и по ходатайству его высокопреосвященства, св. Синодъ отъ 13 минувшаго марта, постановилъ: *нормальное число воспитанниковъ московской семинаріи отмѣнить.* Въ настоящее время, это постановленіе — настоятельная нужда, особенно въ виду приготовленія наставниковъ для народныхъ школъ по селамъ и городамъ, постоянно открываемыхъ и имѣющихъ открываться. *(Правосл. обозр.).*

Учрежденіе въ Москвѣ попечительнаго совѣта о приходскихъ бѣдныхъ.

Священникъ Казанской, у калужскихъ воротъ, церкви, въ Москвѣ, о. Алексій Ключаревъ пишетъ: [1] «кто высказываетъ во всеуслышаніе добрую христіанскую мысль во славу Божію, отъ души и съ добрымъ намѣреніемъ, тотъ всегда можетъ утѣшаться надеждою, что гдѣ нибудь, вдали или вблизи отъ него, она падетъ на добрую землю и принесетъ свойственный ей плодъ. Опытъ этому я видѣлъ своими глазами въ своемъ приходѣ.

«Въ февральской книжкѣ «Душеполезнаго чтенія» за текущій годъ была напечатана статья священника В. М. Сперанскаго: «о древней и современной намъ христіанской благотворительности», въ которой съ замѣчательной ясностію и удобоприложимостію къ дѣлу изложена мысль объ учрежденіи въ православныхъ приходахъ «попечительныхъ совѣтовъ о приходскихъ бѣдныхъ». Въ концѣ февраля въ первый разъ мнѣ довелось слышать отзывы о предположеніи о. Сперанскаго на одномъ обѣдѣ, бывшемъ въ нашемъ приходѣ,—гдѣ большая часть гостей состояла изъ купечества средняго состоянія, сужденія произносились въ пользу этого предположенія и съ большимъ одушевленіемъ. Немного спустя, при такомъ же собраніи, я услышалъ тоже самое. Передавши эту пріятную новость первостатейнымъ прихожанамъ своимъ, я въ нихъ встрѣтилъ живую готовность обратить въ дѣло и доброе предположеніе и благочестивое одушевленіе нашего приходскаго общества. Подумали, посовѣтовались и рѣшили просить благословенія у высокопреосвященнѣйшаго Филарета, митрополита московскаго, на учрежденіе въ нашемъ приходѣ попечительнаго Совѣта о бѣдныхъ, живущихъ въ немъ.

«Въ прошеніи, представленномъ его высокопреосвященству, изложены были, примѣнительно къ проекту о. Сперанскаго,

---

[1] См. Душеполезное чтеніе, за мартъ 1862 г.

слѣдующія правила, которыя предположено было принять въ руководство для дѣятельности новоучреждаемаго совѣта.

«1. Къ священнику и старостѣ церковному присоединяются, для единодушнаго попеченія о приходскихъ бѣдныхъ, благонадежныя лица разныхъ сословій по одному или по два съ каждой улицы, находящейся въ приходѣ, — для собиранія свѣдѣній объ истинно бѣдныхъ, для посѣщенія ихъ, развѣдыванія ихъ нуждъ и указанія лучшихъ средствъ для воспомоществованія имъ.

«2. Число такихъ лицъ строго не опредѣляется; они не связываются никакимъ обязательствомъ; вступаютъ въ число членовъ попечительнаго совѣта и выходятъ изъ него по свободному желанію и по соображенію своихъ обстоятельствъ, давая только предварительно знать о семъ священнику, старостѣ церковному и тѣмъ членамъ, которые желаетъ продолжать свои труды.

«3. Каждый членъ составляетъ свой списокъ бѣдныхъ, найденныхъ имъ на той улицѣ, на которой онъ живетъ. Изъ частныхъ списковъ каждаго члена избираются, по общему соглашенію всѣхъ членовъ, бѣдные, наиболѣе заслуживающіе пособіе, въ количествѣ, сообразномъ съ средствами Совѣта, и вносятся въ особую книгу для бѣдныхъ, въ которой они будутъ расписываться въ полученіи ежемѣсячныхъ или единовременныхъ пособій.

«4. Для пріобрѣтенія средствъ на вспомоществованіе бѣднымъ открывается въ приходѣ подписка, въ которой члены причта и прихожане объясняютъ, сколько въ теченіи года они желаютъ пожертвовать на приходскихъ бѣдныхъ.

«5. Предполагается поставить въ церкви кружку съ надписью: «для приходскихъ бѣдныхъ». Кружка эта запечатывается церковною печатью. Ключь отъ нея хранится у старосты церковнаго, или у кого либо изъ прихожанъ, — членовъ Совѣта. Деньги изъ нея высыпаются разъ въ мѣсяцъ, въ присутствіи священника, старосты церковнаго и членовъ Совѣта.

«6. Деньги, получаемыя по подпискѣ и высыпаемыя изъ кружки — записываются въ шнуровую книгу съ церковною печатью и хранятся у церковнаго старосты.

«7. Какъ книга для бѣдныхъ, такъ и книга для записыванія благотворительныхъ суммъ, должны быть всегда открыты для всѣхъ прихожанъ, которые пожелаютъ видѣть средства и распоряженіе попечительнаго Совѣта.

8. Къ концу каждаго года составляется отчетъ въ дѣйствіяхъ попечительнаго Совѣта и дѣлается извѣстнымъ всѣмъ прихожанамъ въ спискахъ, или печатныхъ экземплярахъ.

«Архипастырь нашъ съ истинно отеческою любовію принялъ наше намѣреніе и предположеніе и препроводилъ 7 марта прошеніе наше въ московскую духовную консисторію съ такимъ рѣшеніемъ: «Богъ да благословитъ человѣколюбивое предпріятіе и принявшихъ и имѣющихъ принять въ немъ участіе и да даруетъ ему благій успѣхъ и распространеніе. Распространеніе предпріемлемаго образа дѣйствованія въ сравненіи съ случайнымъ подаяніемъ въ неизвѣстныя руки, безъ сомнѣнія, удобнѣе и вѣрнѣе можетъ открывать, отличать и облегчать истинно-нуждающихся, а другихъ располагать и направлять къ посильнымъ полезнымъ занятіямъ,—да не туне чужой хлѣбъ ядятъ. Съ прописаніемъ прошенія и содержащихся въ немъ правилъ и настоящаго разрѣшенія дать священнику и церковному старостѣ указъ».

8-го марта мы получили изъ московской духовной консисторіи указъ, утверждающій наше предпріятіе. Между тѣмъ предварительно отъ прихожанъ собраны были мнѣнія, кого бы и на какой улицѣ прихода пригласить въ члены Совѣта. Необыкновенно скоро и ясно выразилось общее мнѣніе, которое указало, кому на какой улицѣ поручить попеченіе о бѣдныхъ. Въ помощь священнику и старостѣ церковному избрано шесть человѣкъ разныхъ сословій, добрыхъ, кроткихъ и усердныхъ къ дѣлу благотворенія, изъ которыхъ хотя каждый занятъ своими хлопотливыми дѣлами, но всѣ единодушно, безъ возраженій, приняли на себя новые христіанскіе труды. Оставалось, по полученіи указа, по православному обычаю, помолиться Господу Богу и испросить Божія благословенія на предначинаемое дѣло.

«Преосвященнѣйшій Леонидъ, епископъ дмитровскій, викарій московскій, изъявилъ по этому случаю желаніе—11-го марта, въ воскресенье крестопоклонной седмицы, совершить литургію въ нашей церкви. Священнослуженіе совершалось торжественно; мысль о томъ, на какое дѣло просимъ Божія благословенія, сообщала душамъ молящихся особое настроеніе, и праздникъ вышелъ истинно утѣшительный. Въ поученіи, сказанномъ въ обычное время приходскимъ священникомъ, были объяснены цѣль и предназначенный порядокъ новаго благотворительнаго предпріятія. По окончаніи литургіи совер-

шено было молебное пѣніе Божіей Матери предъ казанскою иконою Ея. Послѣ отпуста преосвященнѣйшій Леонидъ, съ св. крестомъ въ рукахъ, сказалъ новоизбраннымъ членамъ попечительнаго Совѣта и приходскому священнику наставленіе.

«Въ настоящее время отъ достаточныхъ прихожанъ собираются пожертвованія для бѣдныхъ по подпискѣ; въ церкви поставлена кружка, которой добрые люди не забываютъ. Надѣемся, что со временемъ войдетъ въ обычай приносить пожертвованія въ кружку для приходскихъ бѣдныхъ въ память усопшихъ при погребеніи, или поминовеніи ихъ (чему есть уже и опыты), также по случаю свадебъ, крещенія младенцевъ, или какой либо другой семейной радости. О бѣдныхъ собираются свѣдѣнія. Такъ какъ приходъ нашъ находится на концѣ города, гдѣ особенно, по дешевизнѣ квартиръ, любятъ селиться бѣдные: то ихъ у насъ очень много. Особенно три довольно большихъ полуразрушенныхъ дома совершенно наполнены одними бѣдными. На первый разъ имѣются въ виду вдовы съ малолѣтными дѣтьми, больные, многосемейные ремесленники, которые неспорою работою однихъ рукъ своихъ не въ силахъ пріобрѣтать средства на наемъ квартиръ и содержаніе семействъ, и имъ подобные».

Обращеніе Каширской богадѣльни въ общину. — Въ 7-й день минувшаго апрѣля, Высочайше утверждено опредѣленіе святѣйшаго Сѵнода касательно обращенія богадѣльни, существующей въ г. Каширѣ, тульской епархіи, при кладбищенской церкви, въ общежитіе, подъ наименованіемъ Каширской никитской общины.

Современный вопросъ о братствахъ *.

На святой Руси братства, выражающія собою Христовъ законъ о любви, существовали съ самаго введенія христіанства въ Россію. *Братчины* сперва ограничивались заботою о приличномъ отправленіи храмоваго праздника. Въ XV вѣкѣ на югѣ *братства* являются съ дѣятельностію болѣе обширною: онѣ заботятся о храмѣ, о погребеніи бѣдныхъ, о призрѣніи нищихъ. Еще позже увидѣли нужду поручить братствамъ и заботу о содержаніи *школъ*.

Намъ кажется, что теперь настоящая пора поднять снова

* Извлечено изъ Кіевскихъ епарх. вѣдомостей, 1862 г., № 8 и № 9, и Черниговскихъ епарх. извѣстій, 1862 г., 15 мая.

вопросъ о братствахъ, только теперь онъ будетъ вопросомъ не науки, а жизни. Въ настоящее время, съ освобожденіемъ крестьянъ, всюду, въ литературѣ и жизни, идутъ толки о народномъ образованіи: всякій по своему заявляетъ сочувствіе къ этому великому дѣлу, но всѣ сходятся въ одномъ, — всѣ жалуются на недостатокъ средствъ къ народному образованію, всѣ недоумѣваютъ, кому поручить это дѣло: мировымъ учрежденіямъ, дирекціямъ училищъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія? Но у нихъ и своего дѣла много; они притомъ не дадутъ средствъ матеріальныхъ, въ которыхъ наибольшая нужда, они могутъ вліять на народное образованіе только надзоромъ, совѣтомъ, руководствомъ, да и эти мѣры съ ихъ стороны едвали могутъ имѣть вполнѣ благотворное свое дѣйствіе на успѣхъ народнаго образованія, такъ какъ великая еще лежитъ пропасть между народомъ и мировыми учрежденіями, особливо же между имъ и дирекціями. Матеріальныя средства для сельскихъ школъ и могутъ быть даны только сельскими обществами: въ этомъ никто, кажется, сомнѣваться не будетъ.

Но тутъ представляется вопросъ, котораго обойти никакъ нельзя, именно: какимъ путемъ собирать эти средства, кто станетъ завѣдывать и распоряжаться ихъ употребленіемъ, кто вообще можетъ съ несомнѣнною пользою имѣть ближайшій надзоръ за сельскими школами? А рядомъ съ этимъ стоятъ другіе вопросы, поднятые самимъ правительствомъ — объ учрежденіи и содержаніи въ селахъ богадѣленъ, госпиталей. Къ нимъ мы прибавимъ новый вопросъ о содержаніи храмовъ Божіихъ, отъ котораго отрекутся теперь прежніе помѣщики, какъ отрекаются отъ всего, что въ связи съ крѣпостнымъ правомъ лежало какбы на ихъ обязанности или отвѣтственности. Кто же будетъ завѣдывать и распоряжаться собираніемъ средствъ на всѣ указанныя надобности и ихъ надлежащимъ употребленіемъ? Волостныя и сельскія управленія? Но не говоримъ уже о томъ, что они завалены другими многочисленными и разнородными дѣлами, лежащими на ихъ нетолько обязанности, но и отвѣтственности, содержаніе школъ, богадѣленъ, госпиталей и храмовъ Божіихъ имѣло бы въ такомъ случаѣ характеръ оффиціальный, видъ нѣкотораго обязательства и принужденія, чего не допускаетъ свободное образованіе, а тѣмъ болѣе дѣла благотворительныя и богоугодныя. Тутъ неизбѣжно повторились бы наказы, раскладки, срочные

сборы, напоминанія, понужденія и тому подобные пріемы, нисколько несообразные съ духомъ и характеромъ указанныхъ дѣлъ.

Въ старину всѣ эти дѣла, не говоря о другихъ важнѣйшихъ, каковы: участіе общества въ высшихъ интересахъ Церкви, защищеніе ея отъ внѣшнихъ гоненій и скрытныхъ происковъ, содержаніе типографій, изданіе и даже безмездная раздача богослужебныхъ книгъ и т. под., лежали на добровольной обязанности братствъ, которыя выполняли ихъ съ любовію и самоотверженіемъ, и это было вездѣ почти на обширномъ пространствѣ югозападной Россіи, и было во многихъ мѣстахъ такъ недавно, не дальше, какъ въ концѣ прошлаго столѣтія, пока не зашли здѣсь иные порядки того времени, отъ которыхъ во многомъ отрекаются теперь правительство и общество. Лучше этого способа мы доселѣ не придумали, да и едвали въ состояніи будемъ придумать. Отъ чего же теперь не взяться за старый, давно извѣданный и вполнѣ благотворный, способъ? Отъ чего не возстановить его въ однихъ, не поддержать и дать ему прежнее значеніе въ другихъ мѣстахъ? Намъ кажется, что духъ простой, безкорыстной любви евангельской, которымъ богаты еще наши поселяне, лучше всякихъ оффиціальныхъ распоряженій, умнѣе всякихъ хитро придуманныхъ организацій, соединилъ бы лучшихъ членовъ нашихъ сельскихъ обществъ въ тѣсные, хотя и небольшіе, кружки — на пользу школъ, на дѣла благотворенія, на украшеніе храмовъ Божіихъ, а во главѣ этихъ кружковъ стали бы опять пастыри церкви, не какъ начальники, но какъ совѣтники, руководители и помощники въ благомъ и Богу угодномъ дѣлѣ. Духъ благочестія, наиболѣе сильный въ классѣ простаго народа, сильнѣе всякихъ логическихъ доказательствъ и убѣжденій, подвинулъ бы нашихъ поселянъ къ участію въ образованіи ихъ собственныхъ дѣтей, въ призрѣніи ихъ же старцевъ, сиротъ, калѣкъ и другихъ страдальцевъ, въ сохраненіи собственнаго здоровья общими средствами и въ благолѣпномъ содержаніи храмовъ Божіихъ.

Итакъ, по нашему убѣжденію, вопросъ о братствахъ можетъ и долженъ быть однимъ изъ насущныхъ вопросовъ нашего времени, но вопросомъ жизни, а не науки. По своему обширному примѣненію и благотворнымъ послѣдствіямъ, какихъ можно было бы ожидать отъ него, онъ долженъ занять почетное мѣсто въ ряду другихъ важныхъ вопросовъ, связан-

ныхъ съ устроеніемъ новаго быта поселянъ, къ разрѣшенію которыхъ стремятся теперь правительство и общество.

Возстановленіе братствъ не должно, да и не можетъ быть дѣломъ офиціальнаго распоряженія. Братства—дѣло доброй воли и благочестивой рѣшимости, и могутъ быть вызваны къ прежней жизни единственно совѣтомъ, разъясненіемъ, моральною и матеріальною поддержкою со стороны пастырей церкви. Какъ приступить къ возстановленію или учрежденію братствъ? Съ чего начать и какъ устроить это дѣло?—Намъ представляется возможнымъ устроить его слѣдующимъ образомъ. Священникъ, пришедшій къ мысли объ учрежденіи въ своемъ приходѣ братства, въ одинъ изъ воскресныхъ или праздничныхъ дней (еще лучше въ храмовый праздникъ или по случаю общественнаго поминовенія) приглашаетъ къ себѣ почетнѣйшихъ прихожанъ, ведетъ съ ними рѣчь о нуждахъ церкви, о средствахъ школы (школа теперь во всякомъ почти селѣ), о томъ, что не худо бы и больницу и богадѣльню имѣть, въ краткихъ простыхъ словахъ знакомитъ ихъ съ исторіею братствъ, — когда и какъ возникли они, какъ устроились, чѣмъ и какъ занимались, объясняетъ значеніе благотворительности, обращенной на такія дѣла, какъ храмы Божіи, школы, богадѣльни и госпитали, и за тѣмъ предлагаетъ имъ свое желаніе—возстановить или вновь учредить братство. Не думаемъ, чтобы гдѣ либо со стороны прихожанъ послѣдовалъ отказъ на такое предложеніе священника, если только онъ пользуется ихъ довѣріемъ и расположенностью. Въ случаѣ согласія, священникъ вписываетъ свое имя и имена согласившихся основать братство въ особую книгу или тетрадь, которую изготовляетъ. Ежедневно вносимая братчиками сумма должна быть самая небольшая, примѣрно 50 к. с.; при этомъ имѣется въ виду какъ несостоятельность поселянъ, такъ и другіе разнообразные источники братскихъ доходовъ. Послѣ этого назначается нѣсколько времени для того, чтобы мысль объ учрежденіи братства распространилась между всѣми прихожанами. Изъявившіе вновь желаніе вступить въ братство принимаются уже тѣми, которые прежде вступили, а священникъ заноситъ ихъ имена и пожертвованія въ братскую книгу. Если число братчиковъ будетъ сколько нибудь значительно, дойдетъ напримѣръ до двадцати, тогда можно приступить къ открытію братства. Всякія формальности при этомъ были бы неумѣстны, такъ какъ братство не получаетъ никакихъ юридическихъ правъ. Одно, можетъ быть

было бы желательно при возстановленіи братствъ: это—архипастырское благословеніе; но во всякомъ случаѣ священникъ не долженъ быть распорядителемъ братства, ни его начальникомъ,— онъ только другъ, совѣтникъ и руководитель братчиковъ. По мѣрѣ средствъ, братство постепенно расширяетъ кругъ своихъ дѣйствій и простираетъ свое пособіе на храмъ, на школу, на богадѣльню и госпиталь, когда послѣдніе будутъ учреждены.

Деспотизмъ либераловъ. — Въ 120 № «Сѣверной пчелы» (5 мая 1862 г.), напечатана статья: «учиться или не учиться», перепечатанная изъ С. Петербургскихъ вѣдомостей. Заимствуемъ изъ этой статьи слѣдующія строки,—отзывъ нѣкоторыхъ изъ болѣе умѣренныхъ либераловъ о деспотизмѣ другихъ болѣе рьяныхъ.

«Нравственная свобода человѣка *обыкновенно* полагается въ томъ, что онъ можетъ имѣть такія убѣжденія, какія почитаетъ лучшими. Эта свобода одинаково относится къ религіи, политикѣ, общественнымъ отношеніямъ, семейному быту, вообще ко всѣмъ проявленіямъ человѣческой дѣятельности.

«Можно не соглашаться напримѣръ съ еврейскимъ раввиномъ въ догматахъ религіи, но нельзя требовать, чтобъ онъ носилъ на шеѣ христіанскій крестъ. И раввинъ также свободенъ, такое же право имѣетъ слѣдовать закону Моисея, какъ мы — Евангелію [1].

«Но у насъ на эту свободу смотрятъ иначе. Наши либералы *только себѣ* оставляютъ полную свободу мыслей, дѣлъ и убѣжденій; все же остальное общество должно или принять ихъ убѣжденія, или рисковать подвергнуться тѣмъ непріятностямъ, которыя недавно испыталъ отъ нихъ одинъ изъ профессоровъ университета.

—«Если ты не съ нами, такъ ты подлецъ!» лозунгъ нашихъ либераловъ.

— «Вотъ вамъ фраза», говорятъ они также: «мы признали ее истиной, признавайте и вы! А если не хотите, то вы дрянные пошляки, и мы съ трудомъ удерживаемся....»

«И такъ далѣе въ этомъ родѣ.

«Не знаемъ, кого можетъ обмануть подобнаго рода либерализмъ, но только ужь никакъ не русскаго человѣка. Не смо-

---

[1] Должно быть—по пословицѣ: «вольному воля, спасенному рай».

*

тря на свою наружную простоту, русскій скоро смекнетъ, что этотъ либерализмъ очень похожъ на тамерлановскій деспотизмъ, а эти либералы—на турецкихъ пашей, если не хуже. Онъ очень хорошо пойметъ, что подъ ихъ цвѣтистыми рѣчами о свободѣ человѣчества скрываются (хотя и плохо) бонапартовскія стремленія къ прессованію народа. И въ самомъ дѣлѣ, чего мы можемъ ожидать отъ людей, которые, во имя своихъ *убѣжденій*, ругаются на всѣ четыре стороны, и грозятъ побоями и чуть не смертью всѣмъ другимъ, которые осмѣливаются имѣть свое мнѣніе? Повѣримъ ли мы искренности этихъ людей? Не заподозримъ ли мы въ нихъ скорѣе какихъ нибудь личныхъ цѣлей?

«Разумѣется, такъ.

«Кто самъ *истинно* свободенъ, тотъ всегда уважитъ свободу и другихъ людей, какъ бы ни были ему противны ихъ мнѣнія. Люди же, нетерпящіе противорѣчія себѣ, непозволяющіе другимъ имѣть ненравящіяся имъ убѣжденія, всегда будутъ деспотами, инквизиторами, при первомъ случаѣ, который имъ представится. Громкія слова о правахъ человѣка, свободѣ, прогрессѣ и о всемъ тому подобномъ служатъ имъ только маскою, прикрывающею какія нибудь другія цѣли. Вѣдь и оба Наполеона были республиканцами. Наполеонъ I даже писалъ цѣлый трактатъ о свободѣ и объ устройствѣ республики, бывши поручикомъ, а консуломъ—онъ сжегъ всѣ свои республиканскія сочиненія.

«Что дѣлали эти и тысячи другихъ французскихъ республиканцевъ съ своими республиканскими убѣжденіями, того мы имѣемъ права ожидать отъ нашихъ, такъ называемыхъ, либераловъ, съ ихъ либеральными стремленіями. Имѣемъ право, говоримъ мы, потому что наши либералы уже и теперь плохо скрываются подъ овечьей шкурой, безпрестанно выказывая то когти, то зубы.

«Можно отъ души пожалѣть тѣхъ молодыхъ людей, которые, еще неискушенные опытомъ жизни, увлекаются обманчивой и ласковой наружностью лжелибераловъ, и, настраиваемые ихъ идеями, оставляютъ аудиторіи, для того, чтобы заниматься вопросами общественной жизни. Отставая отъ науки для жизни, они не пристанутъ къ послѣдней, потому что настоящая жизнь потребуетъ отъ нихъ науки».

Празднованіе въ Москвѣ памяти св. первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія *. — 11-го числа мѣсяца мая было совершено въ церкви московскаго университета, по ходатайству членовъ Славянскаго комитета, торжественное богослуженіе съ молебномъ, въ память святыхъ первоучителей и апостоловъ славянскихъ, Кирилла и Меѳодія, — въ первый разъ послѣ многихъ вѣковъ забвенія... Съ достовѣрностью неизвѣстно, когда именно прекратилось на Руси празднованіе памяти тѣхъ, кому обязанъ славянскій міръ величайшимъ своимъ духовнымъ сокровищемъ: въ минеяхъ XII вѣка еще встрѣчается отдѣльная служба св. Кириллу съ особымъ канономъ, но въ позднѣйшія времена — хотя имена ихъ и упоминаются въ святцахъ — русская Церковь уже не дѣлала относительно ихъ никакого отличія отъ прочихъ св. угодниковъ, для которыхъ не существуетъ особаго празднованія.

Какъ ни скромно было торжество 11 мая, оно все же было выраженіемъ не одной пробудившейся поздней признательности къ творцамъ славянской письменности, но и возникшей въ нашемъ общественномъ сознаніи идеи славянства. Это празднество служитъ залогомъ будущаго *духовнаго* возсоединенія всѣхъ славянъ, звеномъ, связующимъ разрозненныхъ братьевъ.

Въ 10 часовъ въ пятницу 11 мая, въ церкви московскаго университета, главнаго представителя науки въ Россіи, началось праздничное богослуженіе, въ присутствіи многихъ профессоровъ, ученыхъ, и вообще тѣхъ, кто сочувствовалъ совершаемому торжеству. Съ удовольствіемъ можемъ замѣтить, что дамъ было едва ли не меньше, чѣмъ и мужчинъ. Впрочемъ изъ послѣднихъ нѣкоторые были удержаны дома обязанностями службы, а нѣкоторые узнали о назначенномъ торжествѣ уже поздно, такъ какъ въ газетахъ возвѣщено было о немъ только наканунѣ.

Нельзя было безъ особеннаго умиленія слышать молитвенное возглашеніе именъ «святыхъ славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія», или внимать слову Божію, возвѣщенному ими же словомъ славянскимъ. Раздавались тѣ же рѣчи, какія сложены были ими за десять вѣковъ предъ симъ, читались книги, напечатанныя тѣми же письменами, какими напечатаны были за тысячу лѣтъ. По кириллицѣ, дѣломъ Кирилла и Меѳодія, благодарили предстоявшіе Кирилла и Меѳодія — просвѣ-

* Извлечено изъ 33 № газеты «День».

тителей и молитвенниковъ славянскаго міра. Особенное молитвенное движеніе выказалось въ тѣ минуты, когда пѣвчіе запѣли — частію заимствованныя изъ древней рукописной минеи XII вѣка, частію вновь составленныя пѣсни:

«Наста день свѣтлыя памяти святыхъ первоучителей словенскія земли, святителей Кирилла и Меѳодія, иже любовію Христовою распаляеми и духомъ истины просвѣщаеми, слово Евангелія усты и письмены древнему роду нашему благовѣстиша, отнюдуже и мы разумнѣ обрѣтохомъ божественное вѣры Христовы сокровище. Тѣмже благодарнѣ память учителей и святителей празднующе, тѣми молимся: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, даждь, да вси связуеми единою вѣрою и любовію Сына Твоего во единомъ языцѣ и во всѣхъ языцѣхъ едино будемъ въ Тебѣ, якоже Сынъ Твой въ Тебѣ и Ты въ Немъ, да совершени будемъ во едино».

Другая:

«Отъ юности избравый сестру себѣ премудрость, потомъ же словенскихъ племенъ явивыйся апостолъ и первохудожникъ словенскаго письмене, не мертваго и убивающаго, но словомъ Евангелія Христова отъ начала оживленнаго и животворящаго, святителю отче Кирилле, купно съ твоимъ по плоти и по духу братомъ блаженнымъ Меѳодіемъ, и отъ насъ позднихъ, сокровища вѣры вашея наслѣдниковъ, пѣснь благодаренія пріемше, Бога Слова молите, да въ православнѣй вѣрѣ и премудрости насъ возращая и утверждая, спасетъ души наша».

Предъ окончаніемъ литургіи, совершавшій священнодѣйствіе, священникъ университетскаго храма, и профессоръ университета, Н. А. Сергіевскій произнесъ слѣдующее краткое слово, выслушанное съ живымъ вниманіемъ и сочувствіемъ:

«Въ 1855 году, въ день столѣтняго юбилея здѣшняго университета, принесена частица отъ руки св. Кирилла, одного изъ первоучителей славянскихъ [1].

«Не можемъ сказать, съ какою *именно* цѣлію было сдѣлано это

---

[1] Эта частица принесена была московскому университету въ даръ М. П. Погодинымъ. Въ 1835 была отдѣлена отъ части руки св. Кирилла, хранящейся въ пражскомъ соборѣ, частица для моравской митрополіи, гдѣ св. Меѳодій святилъ церковь, и въ то же самое время каноникомъ Пешиною, въ присутствіи Ганки, Шафарика, Колгара, отдѣлена была, по усиленной просьбѣ частица М. П. Погодину, который на ту пору случился въ Прагѣ. Каноникъ Пешина выдалъ на нее свидѣтельство на латинскомъ языкѣ. См. Моск. вѣд. 1862 г. № 106.

приношеніе. Конечно, на праздникѣ перваго русскаго университета было прилично напомнить о первыхъ виновникахъ общеславянскаго просвѣщенія и во очію представить перстъ, впервые начертавшій славянскія письмена, *не мертвыя и убивающія, но словомъ евангельской истины отъ начала оживленныя.* Думается также: не предполагалось ли тутъ нѣкотораго сближенія времени столѣтняго юбилея университета съ тысячелѣтнимъ юбилеемъ церковно-славянской письменности, такъ какъ изысканіями нѣкоторыхъ, 1855 годъ предполагался годомъ изобрѣтенія славянскихъ письменъ.

«Какъ бы то ни было, но не напрасно сдѣлано приношеніе: оно послужило напоминаніемъ забытаго дорогаго, хотя и невольно забытаго.

«Послѣ долгаго и можетъ быть весьма долгаго времени, мы впервые возобновляемъ празднованіе у насъ памяти св. первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія. Будемъ надѣяться, что наконецъ оно возобновится по всей землѣ русской.

«Какъ намъ не праздновать памяти тѣхъ, которые дали нам слова Евангелія на нашемъ родномъ языкѣ, поборая сильныя препятствія къ тому со стороны тогдашнихъ *ревнителей* яко бы по славѣ Божіей, которыхъ ревность могла лишить насъ и разумнаго благочестія и благочестнаго просвѣщенія. Этихъ ревнителей нашъ первоучитель именуетъ «треязычниками» [1]. Они утверждали, что только на трехъ языкахъ, еврейскомъ, греческомъ и римскомъ, дозволено славить Бога, и потому возставали противъ вводимаго Кирилломъ богослуженія на славянскомъ языкѣ. Составитель древняго канона въ память св. Кирилла выразилъ это въ одномъ изъ тропарей: «словомъ, сердцемъ и языкомъ ты проповѣдалъ, блаженный, Христа Сына Божія, премудрость, силу и Слово воплотившееся, и струями твоихъ притчей низложилъ треязычниковъ». (пѣсн. 2 рукописн. минея синод. типогр. № 6).

«Мы слишкомъ, такъ сказать, богаты богатствомъ слова Божія, дошедшаго намъ изначала на нашемъ родномъ языкѣ, чтобы всякій и всегда могъ чувствовать драгоцѣнность и благотворность этого сокровища. Сытому надобно вспомнить голоднаго, чтобы чувствовать радость въ сытости и благодарить насыщающаго. А есть слово пророческое и *о гладѣ слышанія*

---

1 См. о древнихъ канонахъ св. Кириллу и Меѳодію. Москва, 1856 года, стр. 9.

слова Божія... Пожелаютъ люди услышать слово Божіе, но не услышатъ... Это голодъ безъ возможности насытиться. Молитвами просвѣтителей нашихъ, не дай намъ Богъ, чтобы когда нибудь пришло на насъ то грозное слово пророческое!...»

Тутъ же въ церкви, по предложенію одного изъ предстоявшихъ, открыта была подписка на сооруженіе иконы Кирилла и Меѳодія для университетской церкви, — и собрано до 300 р. сер. Написаніе иконы будетъ стоить особеннаго труда художнику, такъ какъ ни въ одной церкви въ Россіи нѣтъ изображенія св. первоучителей славянскихъ. Художнику необходимо будетъ справиться въ древнихъ храмахъ и монастыряхъ славянскихъ и греческихъ.

Но неужели только иконой и окончится дѣло? Не напрасно произнесено было напоминаніе о гладѣ слышанія слова Божія. Въ Москвѣ существуетъ Славянскій комитетъ, созданный именно съ цѣлью доставить, по возможности, славянамъ, угнетеннымъ турецкимъ игомъ, — средства къ просвѣщенію, къ утоленію «духовнаго глада» словомъ науки. Комитетъ содержитъ на свой счетъ въ Москвѣ 12 молодыхъ славянъ, изъ которыхъ нѣкоторые слушаютъ лекціи въ университетѣ, другіе готовятся ко вступленію въ университетъ или въ духовныя семинаріи: но это содержаніе — стоющее 3000 р. сер., исчерпываетъ почти всѣ средства комитета, — а сколько еще другихъ непредвидѣнныхъ издержекъ: отправленіе больныхъ и окончившихъ ученіе на родину, снабженіе ихъ книгами... Кромѣ частной благотворительности — другой матеріальной помощи комитетъ ни откуда не имѣетъ. Съ признательностью должны мы вспомнить, что послѣ открытія сбора приношеній въ редакціи «Дня», слишкомъ 2000 р. сер. получено въ редакціи изо всѣхъ концовъ Россіи, нерѣдко отъ самыхъ бѣдныхъ людей (да благо имъ будетъ за эти святыя лепты!) — но этого еще недостаточно. Не 12, а гораздо болѣе молодыхъ славянъ должны бы мы были воспитывать въ Россіи, чтобы приготовить изъ нихъ будущихъ учителей, насадителей просвѣщенія въ Болгаріи, Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ, будущихъ дѣятелей возрожденія и освобожденія! Сколькимъ жаждущимъ ученія приходится отказывать комитету, за неимѣніемъ лишней тысячи рублей, и какъ тяжела эта печальная необходимость отказа, какъ стыдно и совѣстно дѣлается за равнодушіе нашего общества!

Спѣшимъ добавить, что не въ одной университетской церкви, но и въ храмѣ московской духовной семинаріи, въ тотъ

же самый день, въ присутствіи всѣхъ учениковъ, была празднована память св. первоучителей славянскихъ, молебномъ, на который были приглашены всѣ ученики. Намъ остается пожелать, чтобъ это празднованіе установилось по всей Россіи, отъ Успенскаго собора въ Москвѣ до сельской церкви въ самомъ глухомъ захолустьѣ.

Рѣчь по освященіи въ г. Одессѣ храма во имя всѣхъ святыхъ россійскихъ и чудотворца Николая *.

Доброму христіанину запала въ душу св. мысль построить домъ молитвы. Мысль сія встрѣтилась съ мыслію славнаго архипастыря Одессы, нынѣ покоющагося въ обителяхъ небесныхъ—именно: помѣстить въ семъ молитвенномъ домѣ тѣ св. иконы, которыми россійскіе архипастыри, по воззванію святителя Иннокентія, благословили торжество въ воспоминаніе основанія града Одессы. Создателю ль сего храма самому, или архипастырю Иннокентію принадлежитъ мысль создать домъ молитвы именно на семъ мѣстѣ — на берегу моря, слагающаго волны свои, такъ сказать, у ногъ нашего града — только мысль величественно святая! Святители россійскіе, посылая въ благословеніе граду Одессѣ—кто икону Спасителя, кто Божіей Матери, или другаго святаго, безъ сомнѣнія, молили у изображаемаго на иконѣ лица небеснаго покровительства граду Одессѣ. Иконы сіи, соединенныя въ одномъ храмѣ, разительно напоминаютъ намъ о долгѣ единенія вѣрою и любовію со всѣми сынами отечества нашего, живо свидѣтельствуютъ намъ о взаимной любви нашихъ архипастырей и о взаимной молитвѣ ихъ другъ о другѣ и о всѣхъ чадахъ православной Церкви. Съ другой стороны, храмъ сей, съ благословенными иконами, сими дорогими залогами Божественнаго покрова для жителей богоспасаемаго града нашего, стоя на рубежѣ суши и моря, отправляющимся по морю напоминаетъ о Томъ, у Кого въ рукахъ земля и море, небо и преисподняя, о Томъ, Кто разверзаетъ хляби водныя и закрываетъ, воздвигаетъ вѣтрами волны и укрощаетъ ихъ, Кто говоритъ морю: «доселѣ дойдеши и не прейдеши, но въ тебѣ сокрушатся волны твоя». Приближающимся къ берегамъ нашимъ, храмъ сей напоминаетъ о томъ, Кто среди опасностей бурной стихіи

* Сказана 9 мая 1862 года, преосвященнымъ *Антоніемъ*, епископомъ новомиргородскимъ, викаріемъ херсонской епархіи. См. Херсонск. епарх. вѣд., 1862 г., № 10.

хранитъ жизнь человѣка, Кто дѣлаетъ для плавающихъ стези проходны по безднамъ морей!

Конечно, не безъ внушенія Божія, у создателя храма сего родилась и укрѣпилась мысль—посвятить его и угоднику Божію, святителю Николаю. Славою святителя Николая, какъ скораго помощника среди опасностей плаванія, исполнена вся земля. Имя его на устахъ у всѣхъ благоговѣйныхъ путешественниковъ по морямъ.

Да радуемся же, братіе, всѣ, что Господь сподобилъ насъ, въ день торжества св. Николая, однихъ быть орудіями освященія новаго храма, другихъ быть свидѣтелями пріосѣненія святыни невидимою благодатію Божіею. Чѣмъ чаще на землѣ мѣста святыя, куда не проникаютъ беззаконныя и преступныя мысли и желанія человѣческія, тѣмъ болѣе сокращается зло на землѣ. Такъ по крайней мѣрѣ должно быть по значенію и цѣли храмовъ. Чѣмъ большее число молящихся притекаетъ къ подножію св. алтарей, тѣмъ торжественнѣе бываютъ хвалы и благодаренія Господу; чѣмъ многократнѣе приносится безкровная жертва на св. престолахъ за живыхъ и умершихъ, тѣмъ болѣе увеличивается число молящихся, тѣмъ отраднѣе за гробомъ жизнь умершихъ, когда за нихъ молятся. Ты идешь, — на пути твоемъ стоитъ храмъ Божій; видишь двери его отверзтыми, слышишь—въ немъ возносятся къ Богу прошенія благъ земныхъ и небесныхъ; принудишь себя войти на первый разъ хоть бы изъ любопытства, вникнешь мало по малу въ смыслъ священныхъ пѣснопѣній, въ значеніе дѣйствій богослуженія,— въ другой разъ, при нѣкоторой уже легкости и охотѣ съ твоей стороны, повлечетъ тебя сильнѣе въ храмъ ощущенная тобою тамо благодать Божія. Каждый изъ насъ самъ на себѣ можетъ провѣрить, или, можетъ быть, мы всѣ уже и провѣрили на себѣ тотъ опытъ—съ неохотою шли въ храмъ Божій, съ тупыми чувствами, а выходили изъ храма съ благодарностію къ Богу за то, что Онъ далъ силу преодолѣть нехотѣніе, выходили съ разгоряченными молитвою чувствованіями, съ умиленіемъ и благоговѣніемъ въ душѣ, иногда съ горестію въ сердцѣ о грѣхахъ своихъ;—что уже говорить о вліяніи спасительной благодати на душу?—входили въ храмъ Божій иногда съ нечистыми мыслями, съ порочными намѣреніями, а выходили съ душою исполненною спасительнаго страха Божія, съ рѣшимостію бороться противъ злыхъ страстей своихъ; входили въ храмъ Божій съ немирными чувствованіями, съ расположеніями къ бли-

жнимъ, даже къ своимъ семейнымъ, прямо враждебными, и выходили изъ храма дышащими любовію и къ ближнимъ и дальнимъ; входили въ храмъ Божій недовольные своею судьбою, съ ропотомъ на неблагопріятное теченіе дѣлъ какъ своихъ, такъ и общественныхъ, а выходили съ чувствованіями преданности воли своей распоряженіямъ верховнаго Правителя міра — Бога и съ покорностію опредѣленіямъ Бога, богоучрежденной Высочайшей власти на землѣ; иные входили грѣшниками и осужденными, а выходили оправданными и святыми.

А какимъ отраднымъ убѣжищемъ служитъ храмъ въ особенныхъ обстоятельствахъ нашей жизни! У всякаго изъ насъ есть свои задушевныя мысли, есть свои сердечныя нужды и потребности, приключаются каждому изъ насъ свои бѣды и несчастія. Часто нужды и несчастія наши таковы, что ни въ насъ самихъ нѣтъ на столько благоразумія, чтобы удачно выдти изъ тѣсноты и бѣды, ни въ ближнихъ не находимъ удовлетворительныхъ пособниковъ себѣ. Если ты носишь въ умѣ и сердцѣ вѣру въ Бога, естественно спѣшишь въ храмъ Божій, чтобы здѣсь, вдали отъ суеты мірской, открыть свою душу Богу всевѣдущему и вездѣсущему. Здѣсь мірская молва и обыкновенныя заботы жизни не воздвигаютъ между тобою и Богомъ средостѣнія. Здѣсь объемлешься духомъ упованія на всемогущаго Бога и въ присутствіи всеблагаго Отца, какъ на лонѣ любви отчей, и въ несчастіи бываешь счастливъ.

Да будетъ св. храмъ сей такимъ отраднымъ убѣжищемъ, селеніемъ небеснымъ для всѣхъ, которые отнынѣ будутъ молиться здѣсь, будутъ съ благоговѣніемъ призывать всесвятое имя Отца и Сына и Св. Духа. А что тріипостасный Богъ всегда будетъ внимать молитвамъ нашимъ, въ этомъ безъ сомнѣнія, всѣ мы увѣрены.

Но самою мѣстностію своею храмъ сей, какъ видите, братіе, предназначается въ убѣжище для молитвы тѣмъ, которымъ, по роду своихъ дѣлъ и обязанностямъ службы, часто прилучается проходить пути морскіе. Кто не проходилъ путей сихъ, путей дальнихъ моря, тотъ конечно не можетъ представить себѣ, какіе иногда бываютъ ужасы и опасности на морѣ. Не даромъ же о величіи и силѣ ихъ сложилась пословица: «кто на морѣ не бывалъ, тотъ настояще Богу не маливался». Бывавшимъ и имѣющимъ бывать на морѣ, кто бы изъ насъ на прощаньи не сказалъ такъ: еще часъ,—и ты, возлюбл. братъ, съ сего берега ступишь на судно, имѣющее несть тебя по зы-

бямъ морскимъ. Можетъ быть, ты уже и призвалъ на путь свой благословеніе Божіе, — зайди и еще въ св. храмъ сей, хотя краткою молитвою укрѣпи здѣсь духъ твой противъ чаемыхъ и нечаемыхъ трудностей и опасностей, еще разъ жизнь твою и стяжанія труда твоего, вданныя кораблю, ввѣрь покрову св. Николая; разсѣй грустную мысль объ остающихся на сушѣ женѣ и дѣтяхъ, родителяхъ и родныхъ мыслями о Богѣ, Отцѣ всѣхъ насъ. Упованіе на небесный покровъ всегда и на всѣхъ путяхъ—непреоборимый оплотъ противъ страховъ малодушія и тоскливыхъ опасеній. Возвращаешься ты, братъ, изъ дальняго путешествія,—вотъ уже издали блескомъ своимъ радостно привѣтствуетъ тебя св. крестъ на семъ храмѣ. Ты скоро ступишь на берегъ,—зайди въ св. храмъ сей, возблагодари Господа, что сохранилъ тебя въ пути жива и здрава и, можетъ быть, возвращаетъ тебя семьѣ твоей, твоимъ ближнимъ съ довольнымъ прибыткомъ имѣнія, или вознагражденія за труды твои; возблагодари Бога за радость свиданія съ тѣми, кто дорогъ твоему сердцу.

Да будетъ благословенъ Господь Богъ, невидимою благодатію своею освятившій храмъ сей на утѣшеніе, радость и спасеніе православныхъ христіанъ; да будетъ благословенъ Богомъ братъ нашъ Трофимъ, создавшій, посреди двухъ пристаней кораблямъ, духовную пристань для душъ; да будутъ услышаны и благословены Богомъ всѣ тѣ, которые будутъ молиться въ храмѣ семъ съ вѣрою и упованіемъ. Святитель Николай да сопровождаетъ въ пути дальніе и на путяхъ возвратныхъ всѣхъ тѣхъ, которые, по молитвѣ здѣсь, ввѣряютъ и жизнь и стяжанія свои кораблямъ. Аминь.

Отъѣздъ изъ г. Оренбурга въ Москву члена московской сvнодальной конторы, преосвящ. Антонія, бывшаго епископа оренбургскаго *.

6 мая преосвященнѣйшій Антоній въ послѣдній разъ, при безчисленномъ множествѣ молящихся, почти исключительно изъ средняго и низшаго классовъ, совершилъ божественную литургію въ крестовой церкви оренбургскаго архіерейскаго дома; въ послѣдній разъ онъ бесѣдовалъ съ своею паствою, и надолго будутъ памятны слова его: «Первенецъ азъ здѣ, но бѣхъ яко пришлецъ въ земли чуждей. Мнози брашася со мною—и туне...

---

[1] Сообщено изъ Оренбурга, о. протоіереемъ *Георгіемъ Высоцкимъ*, отъ 11 мая 1862 г.

Азъ же, Господи, уповаю на Тя. Благослови путь мой, взыде бо заря... Я первый твой женихъ, богоспасаемая паства, и ты послѣдняя, можетъ быть, невѣста моего пасенія; но вмалѣ, и ктому не видите мене; вмалѣ—и отселѣ престолъ сей принадлежитъ иному. Иду, аможе посла мя Господь... — Будемъ молиться, да милосердый Господь Богъ всѣхъ насъ помилуетъ, всѣхъ спасетъ и дастъ всѣмъ намъ нескончаемое блаженство»...

Кратка была рѣчь преосвященнѣйшаго, но сильно подѣйствовала на сердца слушателей, и очень многіе, зная судьбу своего архипастыря, плакали навзрыдъ.

По совершеніи духовенствомъ молебствія въ путь шествующимъ, толпа нетолько не рѣдѣла, но еще болѣе увеличивалась и наполнила собою обширный дворъ при архіерейскомъ домѣ; не смотря на то, что было два часа по полудни, всѣ, забывъ о пищѣ, еще разъ хотѣли взглянуть на архипастыря, который болѣе часа раздавалъ свое послѣднее благословеніе и въ три часа отправился въ предлежащій ему путь; но народъ не отступалъ отъ него и болѣе двухъ верстъ провожалъ своего любимаго архипастыря; многія матери повергали къ нему своихъ дѣтей, которыхъ онъ всегда принималъ съ ласкою, и,—довольно замѣчательное явленіе,—дѣти, какбы сознавая его любовь къ себѣ, оторванныя съ плачемъ отъ груди матерей, на рукахъ его переставали плакать и съ улыбкою ласкались къ нему. Раздавая благословеніе провожавшимъ его, преосвященный завѣщавалъ имъ воздерживаться отъ грѣховъ, проводить благочестную жизнь и заботиться о христіанскомъ воспитаніи дѣтей и объ обученіи ихъ грамотѣ.

Среди толпы, окружавшей преосвященнаго, нерѣдко раздавались просьбы болящихъ о возложеніи святительской руки на ихъ главы, и онъ, исполняя ихъ желанія, самъ подходилъ къ тѣмъ, которые не могли къ нему приблизиться. Многіе ловили его одежду и ею отирали глаза, главы и другіе болѣющіе члены. Смотря на это усердіе и благоговѣніе къ архипастырю, чуждое лести и притворства, мы невольно переносились мыслію къ тому времени, когда безчисленное множество народа окружало Апостоловъ и касалось воскрилія ризъ ихъ, въ чаяніи исцѣленія отъ недуговъ.

За чертою города преосвященный убѣждалъ всѣхъ прекратить томительные для его сердца проводы и, еще разъ благословивъ всѣхъ,—въ пять часовъ вечера—отправился далѣе,

сопутствуемый всѣми оренбургскими священниками, и нѣкоторыми гражданами, которымъ онъ преподалъ свое послѣднее благословеніе по переправѣ чрезъ рѣку Сакмару, на 14-й верстѣ отъ города.

23 мая 1859 года, Оренбургъ встрѣчалъ своего перваго архипастыря, преосвященнѣйшаго Антонія, и думалъ ли онъ такъ скоро съ нимъ разстаться,—и какъ разстаться!

Преосвященнѣйшій Антоній, волею Всемилостивѣйшаго Монарха призванный на управленіе вновь открытою епархіею, зараженною до корня расколомъ и стоящею на рубежѣ христіанства съ магометанствомъ, посвятилъ всѣ свои силы и способности своему призванію. Полный энергіи, съ обычною ему ревностію, онъ принялся за обращеніе раскольниковъ, и его старанія имѣли блестящій успѣхъ. Уральское войско, искони считаемое гнѣздомъ раскола, внявъ убѣжденіямъ архипастыря, при содѣйствіи достойнаго своего начальника, г. наказнаго атамана, генералъ-маіора Аркадія Димитріевича Столыпина, цѣлыми массами оставляло свои вѣковыя заблужденія и соединялось съ Церковію; всѣхъ же раскольниковъ, въ три года управленія преосвященнѣйшаго Антонія Оренбургскою епархіею обращено 15,576 душъ; 220 иновѣрцевъ воспріяли христіанскую вѣру, устроено 22 церкви, въ особенности въ селеніяхъ отдаленныхъ отъ церквей приходскихъ; всѣ церкви въ епархіи, какбы обновившись, получили лучшій видъ, болѣе приличный своему назначенію; при церквахъ заведены библіотеки, при каждой изъ нихъ открыты школы для мальчиковъ и дѣвочекъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ священниковъ и ихъ женъ, дано движеніе образованію духовенства и изученію церковности, получившіе семинарское образованіе священники съ ревностію принялись за проповѣданіе слова Божія, во многихъ мѣстахъ священно и церковно-служители обезпечены жалованьемъ, для помѣщенія ихъ устроены приличныя помѣщенія; и все это было дѣломъ преосвященнѣйшаго Антонія, отъ просвѣщеннаго взгляда котораго ничто не укрывалось и который на все обращалъ вниманіе, все подмѣчалъ, о всемъ заботился и всему желалъ дать должное направленіе, и при его заботливости и полномъ сочувствіи ко всему доброму и полезному, Оренбургская епархія быстро переходила изъ хаотическаго состоянія къ совершенству.

Но самымъ любимымъ дѣтищемъ преосвященнѣйшаго было оренбургское духовное училище, открытое въ 1860 году съ

учрежденіемъ классовъ татарскаго языка; въ немъ онъ предполагалъ образовать будущихъ дѣятелей на обширной нивѣ среди окружающихъ насъ поклонниковъ Магомета; непрестанно заботился о доставленіи средствъ къ содержанію учениковъ сиротствующихъ и дѣтей бѣдныхъ родителей [1]; старался онъ и объ открытіи здѣсь семинаріи, такъ необходимой для края, отдаленнаго отъ г. Уфы, гдѣ—въ семинаріи—учатся дѣти здѣшняго духовенства, изыскалъ къ тому и средства; но Богъ судилъ иначе. Онъ, неусыпный труженикъ, только сѣялъ, и не ему суждено пожать плоды сѣянія; получивши новое назначеніе, онъ долженъ былъ оставить всѣ свои предпріятія на пользу здѣшняго края, и самъ оставилъ насъ.

И среди всѣхъ утомительныхъ для ума и сердца занятій, среди тяжелыхъ думъ, онъ дѣйствительно былъ пришельцемъ въ земли чуждей. Не будемъ говорить, что при неудобствахъ и крайнихъ недостаткахъ помѣщенія, онъ не имѣлъ—гдѣ главы подклонити [2]; скажемъ только о томъ, сколько желчи и оцта вкушалъ отъ сопротивленія своимъ благодѣтельнымъ распоряженіямъ! Сколько нареканія онъ терпѣлъ за искорененіе вѣковыхъ злоупотребленій! Сколько клеветы и злословія пало на его голову отъ самыхъ даже близкихъ къ нему, которые отъ насъ изыдоша, но не бѣша съ нами! Но всѣхъ онъ простилъ въ своей послѣдней бесѣдѣ, за всѣхъ молился при принесеніи послѣдней здѣсь безкровной жертвы и, при послѣднемъ прощаніи, падши на землю, со смиреніемъ самъ у всѣхъ просилъ прощенія. Оренбургская аристократія хотя не участвовала въ проводахъ его преосвященства [3]; но среднее сословіе и чернь благоговѣла предъ нимъ, — онъ былъ по преимуществу архипастыремъ народа. Зная привязанность къ себѣ простаго народа, преосвященнѣйшій обращался съ нимъ, какъ самый сердобольный отецъ, и никого изъ приходящихъ къ нему никогда онъ не оставлялъ безъ помощи и утѣшенія.

Онъ былъ отцемъ и для своихъ подчиненныхъ. Имѣвшіе

---

[1] Любовь преосвященнѣйшаго къ дѣтямъ доказывается уже однимъ тѣмъ, что по его распоряженію въ училищѣ нѣтъ сѣченія розгами.

[2] Говоримъ безъ преувеличенія: домъ, купленный для помѣщенія преосвященнѣйшаго, дотого ветхъ, что даже въ самой спальнѣ во время дождей текли потоки воды, а исправлять было нельзя, потому что въ мартѣ мѣсяцѣ сего года домъ этотъ окончательно переданъ въ духовное вѣдомство.

[3] Только г. генералъ-маіоръ Бураковъ съ очень немногими отдалъ послѣдній долгъ архипастырю.

случай и возможность ближе ознакомиться съ преосвященнѣйшимъ отдадутъ полную справедливость его прямодушію и безкорыстію, его правотѣ, всегда растворенной любовію и снисходительностію. Правда, онъ былъ строгъ къ неисправнымъ; но самые враги его не могутъ не сознаться, что строгость всегда ограничивалась одними выговорами и вразумленіями, и была слѣдствіемъ его желанія всѣхъ видѣть одинаково съ собою совершенными—какъ умственно, такъ и нравственно: а наша епархія еще очень далека отъ этого совершенства: какой же добрый отецъ будетъ равнодушно смотрѣть на недостатки своихъ дѣтей?

Но Богу угодно поставить этотъ свѣтильникъ на другомъ свѣщникѣ, и мы вѣримъ, мы надѣемся, что онъ не угаснетъ, но съ помощію Божіею еще ярче заблеститъ при гробѣ Господнемъ и при ракахъ св. угодниковъ московскихъ. Прощаясь съ нами, онъ сказалъ, что *взыде заря* для него; а мы молимся, да взойдетъ и солнце, и своимъ свѣтомъ освѣтитъ въ видѣніе всѣхъ великаго подвижника и всѣмъ покажетъ, что онъ былъ пастыремъ добрымъ, право правящимъ слово истины Господней.

Бѣдственное положеніе Хилендарской аѳонской обители. *

Святая лавра Хилендарская на святой горѣ Аѳонской, знаменитая въ лѣтописяхъ православнаго славянства, построена въ 1198 году славными основателями славяно-сербской державы Стефаномъ Немани (въ схимонашествѣ Симеономъ) и сыномъ его Саввою, первымъ архіепископомъ и просвѣтителемъ своего отечества. Сынъ и отецъ—оба приняли въ этой обители монашество [1]; здѣсь совершали они чрезвычайные подвиги самоотверженія; здѣсь св. Симеонъ кончилъ свою славную жизнь, и Богъ прославилъ его св. мощи, какъ новаго мѵроточца на св. Аѳонѣ. Св. Савва построилъ постницу, въ которой искалъ отдохновенія отъ свѣтскихъ тревогъ. Въ этой св. обители доселѣ поддерживается тремя братіями неусыпаемое псалмопѣніе, по уставу св. основателя ея [2]

---

* Сообщено хилендарскимъ о. архимандритомъ *Софроніемъ*.

[1] Греческая и славянская св. православныя Церкви вчинили этихъ угодниковъ въ ликѣ великихъ святыхъ отецъ, за неизчислимыя ихъ чудеса, бываемыя по смерти.

[2] Каждыя сутки совершается весь псалтирь и все по уставу церковное правило, и каждое воскресенье прочитывается одинъ Евангелистъ.

Св. обитель Хилендарскую поддерживали и всѣ прочіе государи Сербской державы: они даровали ей богатыя помѣстья какъ видно изъ жалованныхъ грамотъ ихъ, которыя до сихъ поръ хранятся тамъ. Изъ этой обители Сербы получали духовныхъ пастырей и наставниковъ православной вѣры. Когда, грѣховъ ради, попущеніемъ Божіимъ, Сербское царство пало подъ ударами турокъ, Хилендарская лавра лишилась всего своего имущества, и неоднократно подвергалась грабежамъ.

Когда она была близка къ запустѣнію: находящаяся въ то время братія Хилендарская обратилась къ православной Россіи, единственной покровительницѣ славянскаго христіанства, къ царю Іоанну Васильевичу Грозному. Онъ внялъ мольбамъ славянскихъ иноковъ, и по примѣру прежнихъ Государей сербскихъ, принялъ на себя званіе ктитора (строителя) Хилендарской лавры, соорудилъ въ ней корпусъ съ больницею и церковью во имя Покрова Божіей Матери[1],—опредѣлилъ ей постоянные доходы и даровалъ дворъ въ Москвѣ, въ Новомъ-городѣ—Китаѣ, по правую сторону возлѣ Богоявленскаго монастыря: что видно изъ высочайшихъ грамотъ, какъ имъ жалованныхъ, такъ и прочими преемниками его, великими Государями россійскими, до сего времени хранящихся въ св. обители Хилендарской. Всѣ вышеозначенныя благодѣянія монастырю продолжались и въ царствованіе императрицы Екатерины. Съ тогоже времени до сихъ поръ обитель поддерживалась болгарскими и сербскими лептами; но славянская обитель, съ году на годъ оскудѣвая въ средствахъ, пришла въ то же бѣдственное положеніе, въ какомъ она находилась до принятія ея подъ покровительство блаженной памяти Іоанномъ Васильевичемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣло и благотворное вліяніе ея на славянскія страны, тогда какъ изъ ея иноковъ многіе дѣлались пастырями въ славянскихъ земляхъ и учителями православія, съ каковою цѣлію блаженные основатели св. обители соорудили ее на св. Аѳонѣ и учредили въ ней монашество изъ славянъ. Теперь для славянъ, живущихъ подъ властію турокъ, настали времена несомнѣнно худшія прежнихъ. Прежде насиліе мусульманъ грозило только жизни, нынѣ же сверхъ того лесть и ухищреніе разныхъ пропагандистовъ уловляютъ души православныхъ въ свои сѣти. Тяжко и безвыходно страданіе единокровныхъ братій нашихъ! А некому

---

1 Кромѣ этой церкви, находится еще 15 храмовъ въ сей св. обители.

оживить и поддержать духъ ихъ, какъ дѣлала то въ прежнее время св. лавра Хилендарская. Она нынѣ сама лишена средствъ, даже къ собственному существованію и только можетъ скорбѣть и слезно молиться о братіяхъ. При всемъ томъ, братство давно желаетъ ввести общежительный порядокъ, но не имѣетъ къ тому средствъ. Одна теперь у нихъ надежда, послѣ Бога,—на православныхъ русскихъ, какъ единственныхъ и могущественныхъ помощниковъ своихъ страждущихъ братьевъ и православныхъ обителей на Востокѣ; почему и рѣшились они испросить у Его Императорскаго Величества, Государя всероссійскаго, разрѣшеніе сбора доброхотныхъ подаяній, и затѣмъ отослали всебратственно архимандрита Софронія, которому также вручили величайшую святыню честнаго животворящаго креста Господня, дарованную константинопольскимъ императоромъ Іоанномъ-Ватаци въ XIII вѣкѣ, для благословенія честныхъ домовъ единокровныхъ братій.

Архимандритъ Софроній всепокорнѣйше обращается къ милостивѣйшимъ благотворителямъ—не оставить безъ вниманія смиренной просьбы,—помочь, чѣмъ кто можетъ, отъ своихъ благословенныхъ трудовъ для постройки больницы и постницы св.. Саввы, которая въ настоящее время, по недостатку средствъ, приходитъ въ совершенный упадокъ, и для поддержанія общежитія, за что въ роды родовъ будутъ незабвенно поминать всѣхъ благотворителей, пока будетъ существовать св. обитель.

Дающій сѣмя сѣющему, да умножитъ плоды правды благотворителей, и рука дающихъ не оскудѣетъ. Владычица міра, избравшая св. Аѳонъ въ жребій свой и изволившая чудотворнымъ образомъ своимъ, именуемымъ Троеручица [1], занять въ обители мѣсто Игуменіи, направивъ благочестивое вниманіе усердствующихъ къ Ея бѣдствующей обители, да осѣнитъ ихъ своимъ богоматернимъ покровомъ и заступленіемъ отъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ; молитвы же св. основателей Хилендарской лавры, преподобнаго Симеона мѵроточиваго и Саввы святителя, да споспѣшествуютъ имъ во всѣхъ путяхъ жизни временной и къ достиженію вѣчной.

---

[1] Предъ симъ образомъ молился св. Іоаннъ Дамаскинъ о исцѣленіи своей десной руки.

Письмо протоіерея І. В. Васильева къ г. Гизо, члену французской академіи *(Окончаніе)* [1].

Если я хорошо понялъ главное основаніе, которымъ вы желали бы оградить свѣтскую власть папы, оно заключается въ слѣдующемъ: власть эта составляетъ могущественную, чтобы не сказать единственную подпору духовной власти римскаго епископа. Если бы я былъ столько счастливъ, что могъ бы убѣдить васъ въ незаконности этой послѣдней власти, то было бы ясно, что не слѣдуетъ желать ея поддержки. Но какъ мнѣ неизвѣстно, могли ли предыдущія объясненія мои убѣдить васъ, то я разсмотрю теперь основанія, говорящія, по вашему мнѣнію, въ пользу свѣтской власти папы. Она полезна, говорите вы, съ точки зрѣнія духовной. Позвольте мнѣ поставить этотъ вопросъ иначе: свѣтская власть папы сообразна ли съ евангельскимъ ученіемъ?—сліяніе двухъ властей духовной и свѣтской не противно ли слову Божію? Можно находить полезнымъ многое, что ни нравственно, ни законно! Легко доказать вамъ, что соединеніе этихъ двухъ властей въ рукахъ одного лица воспрещено словомъ Божіимъ и что слѣдовательно оно противорѣчитъ волѣ Того, отъ котораго проистекаетъ всякая законная власть.

Ветхозавѣтные патріархи пользовались, правда, обѣими властями предъ лицемъ самого всевидящаго Бога; но этотъ фактъ нисколько не ослабляетъ нашего предложенія. Въ эту первобытную эпоху, потребности общественной жизни не были обозначены ясно; общество было не что иное, какъ семейство, и всѣ нужды этихъ заключенныхъ въ тѣсный кругъ общинъ группировались вокругъ религіозной мысли; слѣдовательно, въ нихъ нельзя было замѣтить различія между властями религіозною и политическою — эта послѣдняя даже и не существовала въ дѣйствительности. Каждое семейство признавало права только въ своей главѣ, и всѣ обязанности проистекали изъ правъ родительскихъ, правъ естественныхъ, которыя, посреди всѣхъ общественныхъ преобразованій, дошли до насъ и до сихъ поръ составляютъ самое прочное основаніе наилучшимъ образомъ устроенныхъ политическихъ обществъ. Но лишь только общественная жизнь заступаетъ мѣсто патріархальной, какъ вмѣстѣ съ нею являются двѣ различныя власти. Когда Богъ, чрезъ посредство Моисея, даровалъ законы своему избранному народу,

---

[1] Начало этого письма помѣщено въ соврем. хроникѣ майской книжки «Странника».

первосвященникъ, избранный Имъ, былъ не Моисей, но Ааронъ. Первый, не смотря на свое божественное посланничество, передалъ послѣднему первосвященническія обязанности. Чтобы устранить всякое смѣшеніе двухъ властей, Богъ назначилъ два различныхъ колѣна для избранія царей и священниковъ. Цари происходили изъ колѣна Іудова, тогда какъ колѣну Левіину присвоена была священническая власть. Замѣтимъ, что колѣно Левіино, на которое возложены были ученіе закону и совершеніе богослуженія въ храмѣ, не получило въ удѣлъ ни одной части израильской земли, которая могла бы дать поводъ къ образованію свѣтской власти для левитовъ.

Съ теченіемъ времени, различіе между свѣтскою и духовною властями обрисовывается еще съ большею ясностію. Царь считается между простыми вѣрующими, онъ не касается святаго ковчега, отъ не входитъ во святая святыхъ. Если нѣкоторые изъ царей израильскихъ принимали дѣятельное участіе въ ученіи откровенію и въ устройствѣ богопочитанія, то никогда не въ качествѣ царей, а вслѣдствіе особаго, сверхъестественнаго и пророческаго своего характера: такимъ образомъ Давидъ и Соломонъ имѣли характеръ религіозный; но это отличіе не давало имъ истинной церковной власти. Извѣстно, что Богъ не допустилъ Давида построить храмъ, потому что этотъ царь велъ много войнъ и пролилъ много крови, или по обязанности защищать свой народъ, или по причинѣ заблужденій, которыхъ царское достоинство часто бываетъ причиною, какъ напримѣръ кровь мужа Вирсавіи. Изъ этого слѣдуетъ, что необходимость, въ которую поставлены бываютъ иногда цари, проливать кровь, дѣлаетъ царское достоинство и первосвященничество несовмѣстными въ одномъ и томъ же лицѣ. Правда, что намъ могутъ указать на нѣкоторыхъ первосвященниковъ, принимавшихъ участіе въ политическихъ дѣлахъ іудейскаго народа и оставившихъ великое имя во Израилѣ: таковы Іисусъ Навинъ, Симеонъ, и даже простой священникъ Ездра. Но прежде всего мы скажемъ, что было бы несправедливо утверждать, что духовные вожди народа освобождены отъ обязанностей, налагаемыхъ патріотизмомъ. Мы возразимъ кромѣ того, что случаи, когда ветхозавѣтные священники пользовались обѣими верховными властями, составляютъ исключеніе и были результатомъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ; что они происходили вслѣдствіе особаго проявленія божественной воли, или прямаго призыва со стороны израильскаго народа. Но въ занимающемъ

насъ вопросѣ дѣло идетъ не объ исключеніяхъ, но о принципѣ, объ общемъ правилѣ, о нормальномъ состояніи. Съ этой точки зрѣнія, различіе между духовнымъ и свѣтскимъ, въ ветхомъ Завѣтѣ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Если мы примемъ во вниманіе особое устройство еврейскаго народа, его назначеніе чисто религіозное, вслѣдствіе котораго онъ становился болѣе способнымъ управляться своими первосвященниками, то фактъ, на который я счелъ полезнымъ обратить ваше вниманіе, пріобрѣтаетъ особенное значеніе. Было бы слишкомъ долго перечислять всѣ постановленія, опредѣленныя Богомъ для того, чтобы избѣжать всякаго смѣшенія между духовнымъ и свѣтскимъ элементомъ; но нѣкоторыя изъ нихъ ложатся сами собою подъ перо, какъ напримѣръ распредѣленіе гражданскаго года—отличное отъ распредѣленія года духовнаго; монета, бывшая въ употребленіи для предметовъ обыкновенныхъ, и отличная отъ той, которая употреблялась въ храмѣ.

Между тѣмъ какъ въ средѣ народа, находившагося подъ особымъ руководствомъ Божіимъ, существовало раздѣленіе между свѣтскою и духовною властію, въ тоже самое время посреди язычества царствовало жалкое смѣшеніе ихъ. Политическіе правители приписывали себѣ характеръ религіозный, или на оборотъ первосвященники пользовались властію политическою.

Христіанство только утвердило, съ большею ясностію и опредѣленностью, ветхозавѣтное ученіе и практику относительно различія между этими двумя властями. Религіозная власть и власть политическая, эта послѣдняя въ значеніи начала общественнаго порядка, имѣютъ божественное происхожденіе; но дѣятельность ихъ различна и не должна быть совершаема однимъ и тѣмъ же лицомъ. Это такія начала, которыя отнынѣ выражены опредѣленнымъ образомъ. Нужно ли припоминать здѣсь слова божественной мудрости: *Воздадите кесарева кесареви, и Божія Богови?* Нужно ли говорить о свидѣтельствѣ Іисуса Христа въ пользу власти Пилата, на которую Онъ смотрѣлъ, какъ на *происходящую свыше?* Нужно ли упоминать о его покорности гражданскому правительству во всемъ, что составляло его законное право, включая сюда и плату податей? Все это, милостивый государь, должно быть присуще вашему уму. Надобно ли говорить объ отказѣ Сына Божія принять царское достоинство, которымъ народъ хотѣлъ облечь Его? Нужно ли припоминать Его слова, что *царство* Его *не отъ міра*

сего;—запрещеніе, сдѣланное имъ ученикамъ своимъ пользоваться властію, подобно царямъ и владыкамъ? Это первоначальныя истины, которыя не могутъ не быть вамъ извѣстны. Вы знаете также изъ писаній апостольскихъ, что они оставались вѣрными ученію и примѣрамъ своего божественнаго Учителя. Они учили, что политическая власть происходитъ отъ Бога; они проповѣдывали искреннее повиновеніе государямъ и подкрѣпляли слова свои собственнымъ примѣромъ. Съ другой стороны, апостолы учили, что ихъ посланничество происходитъ отъ Бога, независимо отъ власти гражданской; они удерживались отъ всякаго мірскаго управленія, и внушали своимъ преемникамъ идти по ихъ стопамъ, руководствуясь въ этомъ несовмѣстностью двухъ властей духовной и свѣтской въ одномъ и томъ же лицѣ. Замѣтимъ притомъ, что это ученіе, опираясь на примѣрѣ апостоловъ, яснѣе всего было высказано тѣми изъ нихъ, на которыхъ хотятъ основать мірское папство, въ особенности св. Апостоломъ Петромъ.

Пастыри первыхъ христіанскихъ вѣковъ остались вѣрными этому ученію. Безъ сомнѣнія, въ вашихъ глазахъ, милостивый государь, постановленія Соборовъ имѣютъ только значеніе чисто человѣческое; но вы не станете отрицать, по крайней мѣрѣ, того, что они имѣютъ высокое значеніе, какъ историческое свидѣтельство. Въ этихъ постановленіяхъ мы часто находимъ запрещеніе пастырямъ Церкви брать на себя управленіе гражданскими дѣлами (Прав. апост. 17, кн. 33. Четв. всел. собор. прав. 12), подъ страхомъ лишенія сана. Но не эта угроза, а особенно вѣрность ихъ апостольскому ученію воспрещала епископамъ первыхъ вѣковъ похищать свѣтскую власть. Повинуясь государямъ, уважая ихъ власть, какъ происходящую отъ Бога; признавая, что они имѣютъ право принимать извѣстное участіе во внѣшнемъ управленіи Церковію, преемники апостоловъ поддерживали въ тоже время свою духовную независимость, свой авторитетъ надъ всѣми членами Церкви, въ томъ числѣ и надъ государями. Я могъ бы указать вамъ на инаго епископа римскаго, просившаго византійскихъ императоровъ созвать Соборъ; на другаго, просившаго ихъ установить внѣшній порядокъ въ Церкви, защитить своихъ гонимыхъ собратій, привести въ исполненіе постановленіе Соборовъ. Я могъ бы указать вамъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ, требовавшихъ у тѣхъ же императоровъ почетныхъ титлъ, даже титла *вселенскаго*.

Напротивъ мнѣ легко было бы указать вамъ на како-

го-либо патріарха константинопольскаго, защищавшаго духовную власть противъ вторженія власти свѣтской; на инаго кесарійскаго или миланскаго епископа, противопоставлявшаго истину или апостольскую твердость внѣшней силѣ. Чтобы избѣжать длинноты, а также и изъ уваженія къ вашей славѣ историка, я не хочу входить въ извѣстныя вамъ подробности и представлять цитаты, съ которыми конечно вы знакомы. Итакъ, я ограничусь выпискою здѣсь словъ папы Геласія о несовмѣстности двухъ властей въ одномъ лицѣ, потому что эти слова представляютъ полное сокращеніе всего каѳолическаго преданія. «Я вѣрю, говорилъ этотъ папа, что, до пришествія Іисуса Христа, нѣкоторыя лица, какъ напримѣръ Мелхиседекъ, *въ значеніи прообразовъ,* были царями и священниками въ одно и тоже время. Этому, однакожъ, *сталъ подражать и демонъ,*—по его внушенію языческіе императоры также принимали на себя имя *верховнаго первосвященника.* Но съ тѣхъ поръ, какъ обратились къ Тому, кто есть истинный Царь и вмѣстѣ истинный первосвященникъ, съ тѣхъ поръ ни императоръ не назывался болѣе первосвященникомъ, *ни первосвященникъ не присвоивалъ себѣ болѣе царскаго достоинства.* Ибо Богъ, зная слабость человѣческую и желая путемъ смиренія вести своихъ ко спасенію, *отдѣлилъ отправленіе одной власти отъ другой.* Это для того, чтобы христіанскіе императоры имѣли нужду въ первосвященникахъ по отношенію къ тому, что касается жизни вѣчной, и чтобы *первосвященники не подчинялись распоряженіямъ императоровъ въ дѣлахъ мірскихъ,*—чтобы служащій Богу «*не вмѣшивался въ житейскія дѣла*» (2 Тим. 2, 4), а тотъ, кто поставленъ для этихъ дѣлъ, не распоряжался предметами божественными. Такимъ образомъ каждый чинъ содержится въ предѣлахъ умѣренности и каждое званіе прилежитъ тѣмъ дѣламъ, которыя ему приличны». (Gélase pape, *Traité de l'Anathème).*

Вотъ, милостивый государь, краткое изложеніе христіанскаго ученія о духовной и свѣтской власти. Такъ и понимали его въ продолженіи первыхъ семи вѣковъ. Слѣдовательно, если вы утверждаете, что смѣшеніе двухъ властей въ лицѣ папы полезно, я отвѣчаю вамъ, что оно противно откровенной истинѣ. Если вы говорите, что новые папы очень хорошо сдѣлали, введя его въ Церковь, я говорю, что Іисусъ Христосъ, апостолы и древніе папы осудили его; если вы говорите: римская Церковь приняла это ученіе, я отвѣчаю вамъ:

Церковь вселенская отвергла его. Въ выборѣ между истиной и выгодой, между Іисусомъ Христомъ и папой, между Церковію чистой, сильной, первобытной, вселенской и Церковію измѣненной, близкой къ паденію, возмущенной, мѣстной, сомнѣнія быть не можетъ.

Соображенія, которыя я представилъ вамъ, были бы достаточны для того, чтобы окончить всякое преніе о поддержаніи свѣтскаго папства. Но я считаю возможнымъ доказать вамъ, что мірское папство не было полезно Церкви; оно могло, можетъ быть, отъ времени до времени приводить къ нѣкоторымъ добрымъ результатамъ общественнымъ; но само по себѣ оно столько же вредно для Церкви, какъ и для государства.

Во второй половинѣ осьмаго вѣка, вслѣдствіе щедрости королей Пепина и Карла великаго, папы сдѣлались владыками *(Suzerains)* многихъ италіанскихъ городовъ. Вы не смѣшаете конечно, милостивый государь, этого владычества *(Suzeraineté)* съ верховною властію *(Souveraineté)*, въ томъ видѣ, какъ она организовалась впослѣдствіи времени. Въ этомъ-то владычествѣ нужно искать происхожденія свѣтской власти римскихъ епископовъ. Нужно сказать, что этою властію римская Церковь тѣсно связала себя съ земнымъ устройствомъ, подлежащимъ разнымъ превратностямъ. Выиграла ли она такимъ образомъ въ отношеніи силы и достоинства? Вы утверждаете это, милостивый государь. Но мы спросимъ васъ, какимъ образомъ матерія можетъ имѣть свойство укрѣплять духъ! Вслѣдствіе какого сочетанія то, что подлежитъ измѣненію, что можетъ пасть, въ состояніи сдѣлать болѣе прочнымъ то, что основано на непоколебимыхъ и вѣчныхъ основаніяхъ? По какому извращенію логики, элементъ стѣсненія можетъ дать больше независимости, элементъ униженія служить къ возвышенію и достоинству? Не думаете ли вы, что, примѣшивая къ драгоцѣнному металлу металлъ грубый, вы сдѣлаете первый болѣе прочнымъ и драгоцѣннымъ? Не думаете ли вы, что вы украсите золотую статую, придѣлавъ къ ней глиняныя ноги? Земной и мірской элементъ, усвоенный римскою Церковію, долженъ былъ породить въ ея средѣ постепенное ослабленіе и разложеніе, которыхъ дѣйствіе могло совершаться медленно, но которыхъ результатъ несомнѣненъ. Вмѣсто того, чтобы служить опорою духовному элементу, элементъ свѣтскій долженъ былъ обратиться къ этому послѣднему, чтобы найти въ немъ свою поддержку и гаран-

тію своего существованія. Это явленіе повторялось нѣсколько разъ, и мы его видимъ еще въ настоящее время. Будучи слабъ самъ по себѣ, свѣтскій элементъ можетъ только вести къ ослабленію христіанскаго элемента папства, то измѣняя назначеніе его чисто небесное; то поставляя на мѣсто его чисто духовныхъ средствъ, средства матеріальныя; то обременяя его духовную заботливость, и безъ того уже тяжкую, еще большею заботливостію о мірскихъ дѣлахъ. Если бы папство согласилось быть искреннимъ, оно призналось бы, что ему слишкомъ часто случалось жертвовать духовнымъ для свѣтскаго; прибѣгать къ хитрости или насилію, подъ предлогомъ блага Церкви; оно призналось бы, что царское положеніе папъ вредило ихъ вѣрѣ, смиренію, христіанской любви, чистотѣ ихъ нравовъ; оно призналось бы, что папы позволяли себѣ дѣйствія, несовмѣстныя съ ихъ пастырскимъ званіемъ: войны, смертныя казни, слишкомъ мірскіе разсчеты въ управленіи. Папы, отвлекаемые заботою о свѣтскомъ управленіи, не находили времени, чтобы посвятить его нуждамъ Церкви; связанные обѣщаніями, осаждаемые опасеніями, подъ вліяніемъ требованій различныхъ интересовъ, они не могли сохранить независимость духа и дѣятельности. Если бы папы осмѣлились отвергнуть все это, цѣлая исторія явилась бы изобличить ихъ и заставить умолкнуть.

Тотъ, кто рѣшается защищать духовное ученіе или установленіе средствами матеріальными, тѣмъ самымъ перестаетъ полагаться на силу вѣры, *побѣдившей міръ*, перестаетъ вѣрить въ силу смиренія, *поразившаго гордость и мудрость человѣческую;* въ самоотверженіе и мученичество, распространившія и утвердившія христіанство. Проистекая изъ слабости вѣры, изъ недостатка довѣрія къ внутренней силѣ Церкви, матеріальная сила, которую представляютъ намъ, какъ оплотъ, служитъ только къ увеличенію этой слабости, задерживая и усыпляя внутреннюю дѣятельность. Впрочемъ исторія говоритъ намъ, что царское достоинство римскаго первосвященника, матеріальныя средства его защиты, никогда не были достаточны для того, чтобы оградить его отъ внѣшней силы или вліянія. Папскія владѣнія никогда не были ни столько обширны, ни столько сильны, ни такъ хорошо устроены, чтобы доставить папѣ независимость, о которой такъ много шумятъ. Они скорѣе подавали поводъ къ вторженіямъ со стороны болѣе могущественныхъ государей. Не служили они даже какбы нейтральной почвой, на которую разные соперники вступали для разрѣшенія

своихъ споровъ? Въ продолженіе среднихъ вѣковъ, сколько разъ римскія владѣнія подвергались вторженіямъ! Сколько папъ были изгоняемы изъ Рима или лишаемы своего сана—то иностранными завоевателями, то друзьями народной власти, такъ долго бывшей живучею въ Римѣ!

Я очень сомнѣваюсь, чтобы вы могли указать хотя на одинъ фактъ, въ которомъ матеріальная сила римскаго первосвященника защитила бы его отъ этихъ различныхъ нападеній. Борьба, которую онъ выдерживалъ неразъ, и въ которой онъ всегда былъ побѣждаемъ, служила только къ тому, чтобы совлечь съ него его пастырскій характеръ, кротость и смиреніе, этотъ вѣнецъ исповѣдника и мученика, который составляетъ для Церкви истинное начало жизни. Замѣтьте притомъ, какіе враги первосвященника-царя нападали на него въ самомъ центрѣ его верховной власти: были ли это еретики или невѣрные? Нѣтъ, это были католики. Направляли ли эти враги свои нападенія противъ вѣры, противъ дѣйствительныхъ правъ Церкви? Нѣтъ, большая часть изъ нихъ боролись съ политическими притязаніями папства, такъ что это была междоусобная война въ средѣ католической Церкви, настоящая политическая война, прикрывавшаяся болѣе или менѣе покровомъ религіи. Прибавьте къ этому безпорядки, возмущенія, борьбу партій, волновавшихся въ самой средѣ папскихъ владѣній, и вы будете вынуждены признать, что свѣтская власть первосвященника вмѣсто того, чтобы быть ручательствомъ и оплотомъ для духовной власти, ослабила ее, задержала ея развитіе и извратила ее.

Не свѣтская власть служила власти духовной; но эта послѣдняя была порабощена первой. Не корона поддержала митру; но митра была связана тройными узами короны. Историческіе факты доказываютъ, что обаяніе первосвященнической власти много разъ увеличивало, возвращало, или прикрывало свѣтскія владѣнія священнаго сѣдалища. Такимъ образомъ вѣра, Церковь, вмѣсто того, чтобы быть *цѣлію*, дѣлались *средствомъ*. Если бы я бесѣдовалъ съ человѣкомъ, менѣе посвященнымъ въ знаніе исторіи, я привелъ бы нѣсколько свидѣтельствъ, чтобы доказать, что папы часто пріобрѣтали мірскія выгоды помощію духовныхъ уступокъ; что они прибѣгали къ отлученію отъ Церкви, запрещеніямъ и разнаго рода духовному оружію для защиты политическихъ интересовъ. Это испроверженіе порядка вещей, нормальнаго состоянія, было гибельно для Церкви. Въ самомъ дѣлѣ, всякій разъ, когда была поражаема

свѣтская власть, удары падали на духовную; каждый разъ, когда хотѣли ослабить и уронить Церковь, раскрывали недостатки папскаго правительства, потому что это правительство ввело въ Церковь множество злоупотребленій и безнравственность, изъ которыхъ мы могли бы составить ужасающую картину; пользуясь выраженіями самыхъ благочестивыхъ и самыхъ авторитетныхъ писателей запада.

Итакъ мы можемъ сравнить свѣтскую власть папства съ пятою Ахиллеса, потому что особенно съ этой стороны она была уязвима. Смѣшеніе двухъ властей лишило римскаго епископа довѣрія и привязанности вѣрныхъ латинской Церкви; оно было отчасти причиной этого невѣрія, этой антихристіанской ненависти, которыя мы встрѣчаемъ въ западной Европѣ. Начали возставать противъ злоупотребленій папства, и дошли до оспариванія его законныхъ правъ; хотѣли срѣзать наросты, и врѣзались въ тѣло, или задѣли существенные органы жизни. Говоря проще, напали на римскій дворъ, и стали отвергать наконецъ самое епископство и религію.

Только въ наше время свѣтскія владѣнія папы прикрыты нѣкотораго рода неприкосновенностью, которая не есть результатъ матеріальной важности этихъ владѣній, но послѣдствіе новой политики и новѣйшаго устройства образованной Европы. Мы не можемъ сдѣлать оцѣнку этого порядка вещей, не вступивъ на политическую почву, которая намъ воспрещена; мы можемъ только сказать, что, благодаря этому порядку, римскій епископъ сдѣлался законно признаннымъ государемъ римскихъ владѣній; но замѣтимъ, что эта мірская выгода совпадаетъ съ потерею духовной власти надъ значительною частію Европы, сдѣлавшеюся протестантскою, и съ постоянно возрастающимъ отпаденіемъ тѣхъ, которыхъ вѣра — индиферентизмъ, и которые только носятъ одно пустое имя римскихъ католиковъ. Эти послѣдніе не заботятся о папствѣ, и если они не обращаются противъ него къ средствамъ матеріальнымъ, то потому только, что считаютъ ни во что его духовное могущество, и не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на его ученіе и его анаѳемы.

Этотъ краткій обзоръ и эти бѣглыя разсужденія доказываютъ достаточнымъ образомъ, что свѣтская власть папы, вмѣсто того, чтобы служить опорой его духовной власти, способствовала ея ослабленію и разрушенію; вмѣсто того, чтобы оградить ея независимость, она сковала ее; вмѣсто того, что-

бы возвысить ея достоинство, она подвергла ее униженію. Согласитесь, милостивый государь, что *истина* и *святость*, составляющія, по ученію Богочеловѣка, единственный источникъ свободы, много пострадали отъ смѣшенія двухъ властей въ одномъ и томъ же лицѣ.

Свѣтская власть римскаго первосвященника содѣйствовала ли поддержанію гражданской власти въ христіанской Европѣ? Вы утверждаете это въ вашемъ послѣднемъ сочиненіи; но позвольте мнѣ сказать, что ваше мнѣніе несогласно ни съ исторіей, ни съ христіанской логикой.

По ученію ультрамонтановъ, которое въ тоже время и ваше, царское достоинство папы служитъ только средствомъ, ступенью для его духовной власти. Кромѣ философской безсвязности, проистекающей изъ подчиненія одного начала другому, этотъ порядокъ не наноситъ ли глубокій вредъ политическому и гражданскому авторитету? Не извращаетъ ли онъ, слѣдовательно, общественное бытіе человѣчества? Для того, чтобы всякій авторитетъ дѣйствовалъ правильно, дѣйствительно и благодѣтельно, ему необходимы независимость, достоинство, свобода. Безъ этого, онъ не можетъ быть уважаемъ, онъ не имѣетъ нравственной силы, составляющей его природу. Но римское ученіе отнимаетъ у гражданской власти эти условія существованія, подчиняя ее власти папской. Не говорите, что оно посягаетъ на гражданскій авторитетъ только исключительнымъ образомъ, только въ римскихъ владѣніяхъ, и единственно въ особѣ римскаго первосвященника. Хотя бы мнѣніе это было справедливо, тѣмъ не менѣе принципъ все же былъ бы поврежденъ, порядокъ нарушенъ. Но папа и сторонники его свѣтской власти гораздо логичнѣе: они назначаютъ политической и гражданской власти, гдѣ бы она ни существовала, въ Римѣ или въ другомъ мѣстѣ, роль подчиненную, страдательную, рабскую. Въ средніе вѣка, ихъ ученіе было приведено въ дѣйствіе; во времена новѣйшія оно сдѣлалось неисполнимымъ, но въ этомъ вовсе невиноваты сторонники этого ученія, оставшіеся ему упорно привязанными. Мы видѣли, съ какимъ шумомъ притязанія эти возобновлялись во всѣ времена. Такимъ образомъ, увлекаемые логикой, пріученные обычаемъ и преданіемъ, подстрекаемые честолюбіемъ, ультрамонтаны смотрятъ на государей цѣлаго міра, какъ на вассаловъ и служителей папства. Папа-государь подчиненъ, по ихъ уче-

нію, папѣ-первосвященнику; такимъ же образомъ всѣ государи, будучи равны первому, должны быть подчинены послѣднему. Можно ли говорить послѣ этого, что свѣтская власть папы есть оплотъ всякой власти въ мірѣ, что она возвышаетъ и ограждаетъ ее? Истина не заключается ли на противоположной сторонѣ? Не должно ли сказать скорѣе, что свѣтская власть римскаго епископа унижаетъ, попираетъ ногами всякую политическую и гражданскую власть; что она тяготѣетъ надъ нею, отнимаетъ у нея всякое достоинство, всякую свободу и силу? Таково слѣдствіе ученія римскихъ богослововъ.

Можно раздѣлить на три періода перемѣны отношеній папства къ государямъ. Въ началѣ папы господствуютъ надъ царями; потомъ цари освобождаются изъ подъ опеки папской; наконецъ авторитетъ тѣхъ и другихъ ослабляется и падаетъ, вслѣдствіе этой борьбы, въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Въ первый періодъ, въ эпоху невѣжества и суевѣрія, папы широко пользовались и злоупотребляли своимъ вліяніемъ на политическія державы: они требуютъ безусловнаго подчиненія со стороны государей, и если эти послѣдніе оказываютъ сопротивленіе, они освобождаютъ ихъ подданныхъ отъ присяги въ вѣрности; они налагаютъ на нихъ унизительныя эпитиміи или назначаютъ награды, не менѣе унизительныя; они сыплютъ отлученія отъ Церкви и запрещенія; они собираютъ подати и всякаго рода пособія въ пользу римскаго двора; они возбуждаютъ борьбу и войны между государями; вотъ общій характеръ дѣйствій первосвященника-царя по отношенію къ своимъ собратіямъ по свѣтскому владычеству! Благопріятно ли все это поддержанію, достоинству гражданскаго авторитета?

Вы не отвергаете этихъ достойныхъ сожалѣнія дѣйствій, но хотите найти въ нихъ хорошую сторону; вы стараетесь возложить отвѣтственность за нихъ на государей; вы утверждаете, что папы дѣйствовали такимъ образомъ только въ видахъ покровительства угнетеннымъ народамъ: папа, по словамъ вашимъ, составлялъ будто бы апелляціонный судъ народовъ противъ несправедливости ихъ государей. Предположеніе это, столь благопріятное папамъ, было бы справедливо, если бы въ эпоху, о которой мы говоримъ, народы существовали въ томъ смыслѣ, какой даютъ нынѣ этому выраженію, т. е. въ смыслѣ собранія личностей, сознающихъ свои права и потребности, обладающихъ извѣстной энергіей; но ничего подобнаго въ то время не было. Ваша гипотеза имѣла бы нѣкото-

рую вѣроятность, если бы только утѣснители народовъ подвергались всегда гнѣву папы, безапелляціоннаго судьи; если бы покровительствуемые римскими первосвященниками были друзья народовъ. Можно ли предъ лицомъ исторіи утверждать, что дѣло происходило такимъ образомъ? Ваше предположеніе имѣло бы нѣкоторое основаніе, если бы, въ этихъ предполагаемыхъ тяжбахъ между государями и народами, папы дѣйствовали въ духѣ справедливости, безъ всякой корысти, безъ всякаго политическаго или личнаго разсчета? Но не дѣйствовали ли они совершенно иначе? Историческія доказательства моихъ мыслей должны быть слишкомъ присущи вашему уму, чтобы мнѣ еще была надобность увеличивать примѣрами замѣчанія, которыя я принялъ смѣлость представить вамъ. Итакъ всѣ эти дѣйствія папъ по отношенію къ государямъ и народамъ клонились ли къ тому, чтобы внушить почтеніе къ авторитету, чтобы возвысить и укрѣпить его, чтобы скрѣпить узы взаимной любви народовъ и царей?

Пріобрѣтеніемъ мірскихъ владѣній, папы подали примѣръ епископамъ разныхъ западныхъ странъ дѣйствовать точно такимъ же образомъ: таковъ логическій ходъ дѣлъ. Потому-то мы видимъ въ исторіи множество областей, подчиненныхъ епископамъ. Эта церковная феодальность не ослабила ли власть и порядокъ, вслѣдствіе возникавшихъ изъ нея столкновеній; вслѣдствіе смутъ и безчинствъ, которыхъ она была виною? Можно сказать безъ преувеличенія, что религіозный элементъ, вмѣшавшійся въ эти столкновенія и смуты, дѣлалъ ее еще гибельнѣе, еще разрушительнѣе. Вездѣ князья-примасы, князья-епископы представляли тѣже доказательства въ подтвержденіе своей свѣтской власти, какъ и папы въ подтвержденіе своего верховнаго владычества; по ихъ словамъ, духовная власть ихъ имѣла нужду въ подобномъ обезпеченіи. Однимъ словомъ, каждый изъ этихъ прелатовъ былъ маленькимъ папой, обладавшимъ двойною властію. Благодареніе Богу, этотъ порядокъ вещей остается въ одномъ только воспоминаніи, которое не всегда бываетъ чуждо горечи, и вы навѣрное не пожалѣете о немъ. Такимъ образомъ вы можете судить о деревѣ по его плодамъ. Лишенные свѣтской власти, епископы перестали сѣять гражданскіе раздоры, и однакожь они не потеряли своей независимости. Если вы возразите мнѣ, что епископы обязаны своею независимостью свѣтской власти папы, это будетъ значить тоже, что утверждать, что вѣра,

твердость, свобода не имѣютъ иной опоры, кромѣ внѣшнихъ обстоятельствъ, матеріи, богатства, почестей. Такимъ путемъ мы дойдемъ до обоготворенія матеріи. Подобное намѣреніе невозможно предполагать въ человѣкѣ, одаренномъ возвышеннымъ умомъ и христіанскимъ сердцемъ.

Я не отвергаю, что папство служило до сихъ поръ искусственнымъ средоточіемъ и внѣшнею опорою для западной Церкви, но я не могу допустить, чтобы это было ко благу гражданской власти и общественнаго спокойствія. Смѣшеніе двухъ властей въ лицѣ римскаго епископа обязываетъ другихъ епископовъ и даже простыхъ мірянъ поддерживать ту и другую. Но не случается ли очень часто, что интересы иной римско-католической страны могутъ находиться въ разладѣ, или даже въ противорѣчіи съ мірскими интересами римскаго правительства? Въ такомъ случаѣ духовенство не склоняется ли часто на сторону Рима, гдѣ всякому дѣлу даютъ характеръ религіозный; не можетъ ли оно объявить себя противъ интересовъ своего отечества и противъ видовъ своего правительства? Это насильственное направленіе можетъ быть источникомъ смутъ, колебать чувства и обязанности обѣщанной клятвою вѣрности государю и привязанности къ странѣ. Такъ какъ религіозное чувство и ложная тревога касательно опасностей, которымъ можетъ подвергнуться вѣра, всегда бываютъ сильнымъ рычагомъ, то гражданская власть можетъ быть стѣснена въ своей дѣятельности, вліяніе ея можетъ быть ослаблено, основы подрыты. Вы согласитесь, милостивый государь, что столкновенія, о которыхъ я говорю, не вымыселъ, что они возобновлялись часто, и всегда наносили большой вредъ гражданскому правительству.

Я далекъ отъ мысли, чтобы должно было жертвовать своею вѣрою для требованій гражданской власти; но христіанскій духъ и ученіе требуютъ отъ насъ страдательнаго сопротивленія, а не возмущенія. Христіанская независимость заключается въ терпѣніи, самопожертвованіи, мученичествѣ. Такъ ли понимаютъ ее ультрамонтаны?

Время неограниченнаго владычества папъ надъ царями прошло. Государи начали, въ послѣдніе вѣка, сопротивляться римскому двору и принуждать его къ болѣе скромному образу дѣйствія. Въ борьбѣ, которую цари вели тогда противъ него, они нерѣдко переходили за предѣлы умѣренности и справедливости, что вредило ихъ собственному авторитету; потому что всякое насильственное и несправедливое дѣйствіе падаетъ на того, кто

его совершаетъ, тѣмъ болѣе, если отъ него страдаетъ религія. Въ этихъ столкновеніяхъ между государями и папами, народы становились то на сторону папъ, то на сторону государей, сообразно съ своими интересами или мыслями. Нерѣдко соперники обращались прямо къ народу, и такимъ образомъ дѣлали его судьею своей распри. Видя несправедливость часто съ обѣихъ сторонъ, народъ приходилъ къ осужденію и той и другой, и какъ всякая власть есть иго, онъ пользовался обстоятельствами, чтобы освободиться отъ нея. Не отрицая другихъ причинъ, должно согласиться, что мірскія притязанія папъ и ихъ борьба съ царями, были также одною изъ главныхъ причинъ смѣшенія идей и потрясенія, которому власть подверглась на западѣ.

Вы стараетесь всѣми средствами отстоять папство въ томъ видѣ, какъ его образовали средніе вѣка; вы ссылаетесь какъ на важныя доказательства, на древность и продолжительность этого учрежденія. По вашему мнѣнію, вѣка создали и поддерживали папство, вмѣстѣ съ системой, которая служитъ ему основаніемъ и составляетъ предметъ моихъ замѣчаній. Не ужели вы думаете, что созданное вѣками не можетъ быть разрушено ими? Не истребляетъ ли время то, что обязано ему своимъ существованіемъ? Повѣрьте, милостивый государь, что только вѣчныя начала не подлежатъ его разрушительному дѣйствію. Превратности въ судьбѣ папства, различные возрасты, чрезъ которые прошло оно, все это заставляетъ думать, что часъ его паденія пробьетъ, что и для него наступитъ возрастъ дряхлости. Достигши до этого возраста, оно должно будетъ опасаться не внѣшнихъ нападеній, а внутренняго разложенія, естественнаго уничтоженія, причиняющаго смерть. Мы часто видимъ, что люди, разрушаемые болѣзнью, которая повредила у нихъ органы дыханія, жалуются на недостатокъ воздуха, а между тѣмъ они окружены тѣми же его массами, какъ и прочіе люди. Тоже самое совершается и съ духовнымъ папствомъ, которое отжило свой вѣкъ и не имѣетъ болѣе основанія своему существованію. Напрасно оно ищетъ внѣ себя источниковъ своего истощенія; жизнь окружаетъ его, но оно не можетъ уже пользоваться ею. Смерть сжимаетъ его въ своихъ объятіяхъ, оно должно исчезнуть изъ этого міра. Вы не думаете, чтобы духовное папство дошло до этой крайности; вы очень можете ошибаться.

Вы вполнѣ одобряете выраженіе Одилона Барò, относитель-

ню папства: «Необходимо, чтобы обѣ власти были слиты въ въ римскомъ государствѣ, для того, чтобы быть разъединенными въ остальной части міра». Это заставляетъ предполагать, что власти были соединены съ самаго начала христіанской эры до конца осьмаго столѣтія, т. е. до эпохи, когда явилась свѣтская власть римскаго епископа; это заставляетъ предположить кромѣ того, что христіанское ученіе и христіанскій духъ не представляютъ ни достаточно ясности, ни довольно силы для того, чтобы остановить смѣшеніе, котораго вы справедливо опасаетесь. Но исторія и Евангеліе увѣряютъ насъ въ противномъ. Я имѣлъ честь доказать вамъ, что христіанство осуждаетъ смѣшеніе двухъ властей, и не дѣлаетъ въ этомъ случаѣ исключенія въ пользу римскаго епископа; какимъ же образомъ нарушеніе первобытныхъ законовъ христіанства можетъ быть для него полезно? Какимъ образомъ дурной примѣръ можетъ служить опорой принципу? Св. Апостолъ Павелъ съ силою возстаетъ противъ подобной системы и противъ тѣхъ, которые приписывали ему такой образъ дѣйствій: «И отчего, говоритъ онъ, не сдѣлать намъ зла, чтобы изъ него произошло добро, какъ нѣкоторые приписываютъ намъ такія слова, чтобы очернить насъ? Эти люди подвергнуты справедливому осужденію» (Римл. 3, 8).

Позвольте мнѣ теперь высказать мое мнѣніе о протестантствѣ. Оно, по моему мнѣнію, антиподъ папизма, хотя его породилъ на самомъ дѣлѣ этотъ послѣдній. Папство есть преувеличеніе начала авторитета; протестантство—преувеличеніе начала свободы. Первое впало въ абсолютизмъ, второе въ своеволіе. Вступивъ въ борьбу съ папой, олицетворявшемъ въ себѣ церковную власть, реформаторы отвергли всякій авторитетъ въ Церкви. Подражая римскому епископу, каждый протестантъ олицетворилъ въ себѣ самомъ авторитетъ, съ тою только разностію, что папа хочетъ, чтобы авторитетъ его служилъ правиломъ для всѣхъ, тогда какъ протестантъ предоставляетъ его одному себѣ. Отдѣлившись отъ *собирательнаго (collective)* и *основаннаго на преданіи* авторитета, служившаго правиломъ первенствующей Церкви, протестантство по необходимости дошло до индивидуальности, которая приводитъ къ раціонализму, т. е. къ отрицанію сверхъестественнаго; потому что безпрестанно призываемый авторитетъ библіи не есть авторитетъ, если каждый имѣетъ право объяснять ее по своему, т. е. находить въ ней, что ему угодно. Оттого-то, строго говоря, протестанты

не составляютъ Церкви, потому что они не имѣютъ и не могутъ имѣть общей вѣры. Протестантство относится къ христіанству, къ христіанскому міру (à la chrétienté), если угодно, но не къ Церкви, потому что Церковь есть общество; а всякое общество имѣетъ собственную жизнь, которая подобно индивидуальной жизни, не измѣняетъ своей сущности, принимая внѣшнее развитіе, и всегда сохраняетъ сознаніе своей индивидуальности. Возможно ли человѣку, потерявшему это сознаніе, возстановить свое прошедшее, при помощи историческихъ, или родословныхъ разысканій? Протестанты не могутъ также засвидѣтельствовать о своей религіозной жизни въ прошедшемъ, примкнуть къ первенствующей Церкви, однимъ только изученіемъ священнаго писанія. Когда дѣло идетъ объ откровенной религіи, изслѣдованіе, анализъ, мышленіе созданы не для того, чтобы творить и сохранять, но для того, чтобы разрушать и разъединять. Оттого-то протестантство дойдетъ до послѣднихъ послѣдствій отрицанія; его вынудитъ къ тому логика, если оно не приметъ авторитета вселенской Церкви, выраженнаго первыми вселенскими Соборами, собиравшимися до уклоненія римской Церкви. Въ подчиненіи этому авторитету заключается спасеніе міра; въ немъ должно искать рѣшенія всѣхъ вопросовъ, столь сильно волнующихъ умы.

Для того, чтобы сообщить прочность и ясность нравственно-религіозному міру, чтобы возстановить нормальное состояніе, къ которому онъ такъ жадно стремится, нужно удалить изъ него всѣ разнородные элементы, производящіе броженіе; нужно разсѣять всѣ облака, которыя могли бы заградить истинный свѣтъ; нужно дать соку подняться до вѣтвей. Говоря безъ образовъ, нужно, чтобы римско-католическая Церковь согласилась объявить, что власти свѣтская и духовная раздѣлены въ ея главѣ; нужно, чтобы она возстановила авторитетъ христіанской догматики и дисциплины на своемъ истинномъ основаніи, божественномъ и непоколебимомъ,—т. е., чтобы она признала свое законное существованіе въ Церкви, составляющей тѣло, которой единственная глава Іисусъ Христосъ; нужно, чтобы она подчинилась этому авторитету, дѣйствующему *собирательно и на основаніи преданія* въ епископахъ, вмѣстѣ съ вѣрующими.

Я предчувствую, милостивый государь, что въ васъ явится опасеніе въ этомъ случаѣ, чтобы духовный авторитетъ не

изчезъ, вслѣдствіе такого разъединенія. Это опасеніе, можетъ быть, внушено вамъ удивленіемъ, которое вы питаете къ папству, какъ хранителю авторитета, и страхомъ за протестантскую Церковь, по причинѣ анархіи, которую вы замѣчаете въ ея средѣ. Евангеліе и исторія умирятъ ваши опасенія; самый урокъ настоящаго можетъ успокоить васъ вполнѣ.

Собирательный авторитетъ епископовъ вселенской Церкви, неоспоримо божественный и въ высшей степени разумный, можетъ быть легче приводимъ въ дѣйствіе теперь, нежели прежде. Мы живемъ въ эпоху собирательнаго дѣйствія, во всѣхъ почти отношеніяхъ, даже въ наукахъ и въ промышленности: преграды между народами пали; истинная свобода, справедливость, взаимное уваженіе — вопросы рѣшенные. Если Соборы могли собираться во времена гоненій, если они были часты въ продолженіе первыхъ осьми вѣковъ христіанскаго лѣтосчисленія, тѣмъ болѣе могутъ они теперь быть средоточіемъ христіанскаго авторитета. Церковь, высказываясь посредствомъ своего нормальнаго органа, будетъ внушать къ себѣ почтеніе; заблужденій нечего будетъ опасаться; индивидуальность уступитъ мѣсто *каѳолическому* духу, злоупотребленія не будутъ имѣть основанія къ существованію; эгоизмъ и корысть потеряютъ рѣшительное вліяніе въ виду всеобщности; уклоненія въ сторону нѣкоторыхъ найдутъ поправку въ общемъ составѣ.

Но на какихъ основаніяхъ установятся отношенія между Церковію и государствомъ? Какъ будетъ разрѣшена эта задача, на которую смотрятъ теперь почти какъ на неразрѣшимую? Если мы углубимся въ самую сущность вещей, трудности этого вопроса скоро разсѣются; мы увидимъ, что борьба между Церковію и государствомъ, столь же часто повторяющаяся, сколько и вредная для обоихъ, происходитъ только отъ неправильнаго, ненормальнаго устройства западной Церкви. Въ составъ этой Церкви входитъ слишкомъ много матеріальныхъ элементовъ; она предположила себѣ цѣль слишкомъ земную, чтобы не встрѣчаться часто съ государствомъ; отсюда — извѣстная формула, употребляемая противъ ультрамонтанства: «Церковь есть государство въ государствѣ». Эта формула не будетъ имѣть смысла, если ее примѣнить къ Церкви, устроенной по плану ея божественнаго Основателя. По этому плану, каждый вѣрующій есть членъ Церкви Божіей, и въ тоже время членъ гражданскаго общества. На языкѣ священнаго писанія, семейство

христіанское есть *семейная Церковь*; городъ, составленный изъ вѣрующихъ, есть *Церковь* этого города; каждая страна, съ религіозной точки зрѣнія, есть *Церковь* этой страны.

Если спросятъ теперь: человѣкъ принадлежитъ ли Церкви или государству? Отвѣтъ простъ: онъ принадлежитъ и тому и другому, судя потому, съ какой стороны будутъ смотрѣть на его существованіе. Какъ существо духовное, какъ чадо Божіе, онъ членъ Церкви Божіей; какъ существо общественное, обитающее въ извѣстной странѣ земли, онъ членъ государства. Точно также и по отношенію къ семейству: оно составляетъ элементъ государства, даже маленькое государство, если смотрѣть на него со стороны его земнаго существованія; оно въ тоже время есть часть Церкви, оно составляетъ даже небольшую Церковь, если смотрѣть на него съ точки зрѣнія вѣры, средствъ къ вѣчному спасенію, его отношеній къ Богу. Тоже самое отличіе можно сдѣлать и по отношенію къ какой либо странѣ.

Обитатели христіанской страны составляютъ одно общее, по причинѣ одинаковыхъ учрежденій, одинаковыхъ законовъ, взаимныхъ правъ и обязанностей; въ религіозномъ отношеніи они соединены вѣрою, церковною дисциплиною и взаимною любовію. Каждый, обѣими сторонами своего существованія, подчиненъ правильному устройству, особому авторитету. Эти два авторитета, будучи различны въ своемъ существѣ, въ своихъ цѣляхъ и средствахъ, дѣйствуютъ не встрѣчаясь одинъ съ другимъ, за исключеніемъ развѣ второстепенныхъ вопросовъ. На этой почвѣ борьба часто бываетъ неизбѣжна, но она никогда не опасна; потому что она никогда не касается ни существенныхъ основъ государства, ни существенныхъ основаній Церкви. Случается даже, что эти смѣшанные вопросы поддерживаютъ съ обѣихъ сторонъ бдительность, служащую предѣломъ для движеній, которыя могутъ увлечь слишкомъ далеко, и подобно духовному термометру, измѣряющую колебаніе горячности борьбы. Въ этомъ столкновеніи между Церковію и государствомъ, возможны два случая: или авторитетъ Церкви вторгается въ свѣтскую область, или государство стремится посягнуть на область Церкви. Первый случай, часто встрѣчающійся, если Церковь имѣетъ устройство матеріальное, никогда не подаетъ повода къ опасенію тамъ, гдѣ она сохранила свое истинное устройство, т. е., то, которое я изложилъ выше. Въ такомъ случаѣ она не имѣетъ ни точки отправ-

ленія, ни точки опоры, ни средствъ, ни общности. Даже еслибы какая либо частная Церковь попыталась выйти изъ духовныхъ границъ, другія Церкви, ея сестры, движимыя желаніемъ сохранить божественное устройство, заставили бы ее возвратиться къ порядку; ихъ братскія увѣщанія, ихъ безкорыстные совѣты, были бы гораздо дѣйствительнѣе, нежели повелѣнія, изъ искусственнаго средоточія Церкви. Еслибы произошелъ второй случай, т. е., еслибы государство захотѣло притѣснить Церковь; еслибы это притѣсненіе сдѣлалось даже сильнымъ и кровавымъ гоненіемъ, оно подверглось бы опасности погубить само себя и разбиться о божественную скалу, въ которой заключается божественная сила. Христіанскій духъ, добродѣтель, мученичество, оплодотворяемое могуществомъ Того, кто побѣдилъ міръ своею смертію, сдѣлались бы непобѣдимыми. Впрочемъ гонимые въ одной странѣ нашли бы опору, сочувствіе, ободреніе, молитвы—въ братіяхъ, принадлежащихъ къ другимъ народамъ, и гонители остановились бы предъ этою силою вѣры, любви, вселенскаго общенія, которую противопоставила бы имъ Церковь. Эта взаимность *(solidarité)* не была ли бы полезнѣе, не навлекала ли бы она на себя менѣе подозрѣнія, нежели опора мнимой главы Церкви, какова бы она ни была?

Впрочемъ угнетеніе со стороны государства ограничивается обыкновенно посягательствомъ, препятствіями, полагаемыми имъ дѣйствію авторитета въ частной Церкви. Слѣдовательно, это неудобство можетъ быть только временнымъ и мѣстнымъ. Цѣлая Церковь, поддерживаемая всѣми своими членами, скоро уничтожила бы его своею благотворною дѣятельностію, проникнутою любовію и смиреніемъ. Впрочемъ по какому побужденію, въ какихъ интересахъ государство стало бы угнетать мѣстную Церковь, если бы эта Церковь была тѣмъ, чѣмъ она должна быть? Возможность подобныхъ столкновеній можно предвидѣть—только смѣшавъ Церковь съ духовенствомъ и уединивъ это послѣднее отъ вѣрующаго народа; только смотря на государство, какъ на правительство, и отдѣливъ отъ него народъ. Но примите государство и Церковь, какъ слѣдуетъ, т. е. какъ общества *(agglomérations)*, составляющія одно цѣлое съ тѣми, кто пользуется властію, и вы увидите, что всякая борьба между тѣмъ и другимъ невозможна.

Отчего народъ, проникнутый христіанскимъ чувствомъ, возмутился бы противъ этого христіанскаго чувства, составляю-

щаго духовную жизнь, если только оно не обезображено чуждымъ элементомъ, который можетъ измѣнить самую сущность его? Церковь есть общество, въ которомъ хранители духовнаго авторитета составляютъ *одно* со всѣми вѣрными; государство есть общество, въ которомъ власть составляетъ *одно* съ управляемыми, которые въ тоже время сыны Церкви. Какъ понять, при этомъ истинномъ порядкѣ, угнетеніе народа Церковью и на оборотъ, когда и тотъ и другая составляютъ одно и тоже общество, разсматриваемое только съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія, неимѣющихъ между собою ничего противоположнаго?

Предположимъ невозможное; представимъ, что правительства всѣхъ странъ сдѣлаются враждебными христіанству и найдутъ въ этомъ случаѣ опору со стороны народовъ. Тогда это будетъ знакомъ конца временъ: человѣчество, враждебное истинѣ и искупленію, приблизится къ концу своего земнаго поприща. Церковь, которая должна существовать до конца міра, окончитъ свое назначеніе и прекратитъ свое существованіе. Соображенія и системы, всегда безсильныя, сдѣлаются еще безсильнѣе для поддержанія цѣлости вѣры и Церкви; потому что Церковь безъ вѣры есть трупъ. Но Церковь поддерживается жизнію вѣры; и эта же самая жизнь, проникая въ тоже время гражданское общество, ставитъ его въ гармоническое единство съ Церковію.

Вы скажете, можетъ быть, что Церковь, какъ я ее понимаю, утопія. Вы ошибетесь, потому что она существовала въ продолженіе первыхъ вѣковъ христіанскаго лѣтосчисленія, она существуетъ еще теперь. Эту Церковь, сохранившую божественное и первобытное устройство, вы называете, вмѣстѣ со всѣмъ западомъ, *греческою*; ея истинное названіе: *каѳолическая православная Церковь*. Вы признаетесь, что не знаете ее, что ея не изучали. Я сожалѣю объ этомъ; она стоитъ вашего вниманія; она заслуживаетъ вашего изученія. Изучите же ее серьезно; не останавливайтесь на поверхности; вникните въ ея ученіе, въ ея начала и устройство, въ ея духъ. Я убѣжденъ, что вы найдете въ этой отрасли христіанства непреложность догмата безъ отрицанія правъ разума; вы откроете въ ней положительное различіе началъ и властей, какъ основаніе религіознаго и гражданскаго порядка; вы найдете въ ней истинный христіанскій духъ, этотъ духъ смиренія и любви, такъ превосходно идущій къ преуспѣянію цивилизаціи во всемъ, что

есть въ ней истиннаго и существеннаго. Я надѣюсь, милостивый государь, что послѣ серьезнаго изученія этой Церкви, вы предложите не то рѣшеніе затрудненій, волнующихъ міръ, которое вы представили въ сочиненіи: *Христіанская Церковь и общество въ 1861 году.*

Если, не смотря на мои замѣтки, сохраните свое мнѣніе, я припишу это самому себѣ; я буду думать, что мои объясненія были недостаточно ясны; что у меня не было таланта представить ихъ во всей своей силѣ; но положеніе мое тѣмъ не менѣе будетъ вѣрно. Вашъ блистательный умъ дополнитъ неясность и неполноту, которыя могутъ встрѣтиться въ этомъ письмѣ.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ моемъ высокомъ къ вамъ почтеніи. *Протоіерей Іосифъ Васильевъ.*

Пожертвованіе въ пользу своекоштныхъ воспитанниковъ с. петербургской духовной академіи. Изъ редакціи газеты «День» присланы въ редакцію журнала «Странникъ» 5 руб. сер., пожертвованные г. *Ж. Ж.*, въ пользу своекоштныхъ воспитанниковъ с. петербургской духовной академіи. Это пожертвованіе редакторъ Странника имѣлъ честь препроводить, для сказанной цѣли, въ правленіе духовной академіи, куда таковыя пожертвованія могутъ быть адресуемы и непосредственно.

Пожертвованіе въ пользу пострадавшихъ отъ пожаровъ. Въ пользу тѣхъ, которые пострадали отъ пожаровъ, бывшихъ въ С. Петербургѣ 27 и 28 мая, редакторомъ «Странника», получено отъ неизвѣстныхъ 5 р. сер., которые и препровождены имъ въ собственную Ея Императорскаго Величества канцелярію, гдѣ открытъ сборъ доброхотныхъ денежныхъ приношеній въ пользу погорѣвшихъ жителей здѣшней столицы.

Разныя пожертвованія въ Іерусалимъ, на Аѳонъ и другія мѣста. Въ редакцію «Странника», въ теченіи послѣдняго мѣсяца поступили слѣдующія пожертвованія: изъ г. Гжатска, отъ купца *Ивана Дружинина* 20 руб., — изъ нихъ 10 руб. въ Іерусалимъ ко гробу Господню на масло, для вѣчнаго поминовенія рабовъ Божіихъ: Іоанна, Анастасіи, отрока Іоанна, Татіаны, Андрея, Маріи, Николая, Екатерины, Александры, младенца Николая и всѣхъ сродниковъ; о здравіи Павла, Анастасіи, Стефана, Параскевы и чадъ ихъ, Іоанна, Любве и чадъ ихъ; — 10 руб., на Аѳонъ, въ новооткрытый скитъ св. Андрея первозваннаго и преподобнаго Антонія великаго, на вѣчное поминовеніе за упокой и о здравіи тѣхъ же; отъ вдовы мастероваго с. петербургскаго монетнаго двора *Евдокіи Фокѣевой Гавриловой*, 3 руб., въ Іерусалимъ въ пользу гроба Господня за упокой Павла, Анны, Гавріила, Евдокіи, Ѳоки; отъ *М. Т.*, въ Іерусалимъ на масло ко гробу Господню 50 к. и 50 к. для поминовенія тамъ же за упокой Кирилла, Варвары, Мирона, Александра, Асигкрита, Татіаны, Ѳеклы, младенцевъ: Петра, Николая, Павла, Александра и сродниковъ ихъ; изъ г. Змѣиограда, отъ *А. К.....го*, 3 руб., въ монастырь св. Екатерины мученицы на масло; изъ селовинской Николаевской церкви, отъ священника Крестецкаго уѣзда, о. *Іоан-*

на Остроумова Яковцевскаго 5 руб., — изъ нихъ, въ Іерусалимъ на масло ко гробу Господню 1 руб., для поминовенія о здравіи іерея Іоанна, Анны, Анны, Екатерины, Іоанна, Ѳеклы и сродниковъ ихъ, 2 руб., и для поминовенія за упокой рабовъ Божіихъ: іерея Іакова, чтеца Григорія, свѣщеносца Алексія, Евдокіи, Анны, Ѳеодора, Анастасіи и сродниковъ ихъ; изъ Полтавской губ., Хорольскаго уѣзда, села Худолѣськи, отъ священника о. *Александра Сунятицкаго* 3 руб., въ Іерусалимъ ко гробу Господню, для поминовенія о здравіи: іерея Александра, Надежды съ чады, Лазаря, Ѳеодора, Фотины съ чады, Парѳенія, Агаѳіи съ чады, Василія, Анны съ чады, Іоанна, Фотины съ чады, Іустины съ чады; за упокой іерея Гавріила, Іакова, Евдокіи, Варвары, Матѳея, Параскевы, Іакова, Меланіи, Мартина, Евфиміи, Ксеніи, Іоанна, младенцевъ: Сергія, Алексія, Агаѳіи, Неонилы; изъ г. Кизляра отъ *неизвѣстной* 25 руб., изъ нихъ 10 руб. въ Іерусалимъ, на вѣчное поминовеніе у гроба Господня за упокой: Емельяна, Анастасіи, Емельяна, Савелія, Евѳиміи, отрока Іоанна, Игнатія; 10 руб., на Аѳонъ, въ монастырь св. Пантелеймона за упокой тѣхъ же рабовъ Божіихъ и за здравіе: Трофима, Анны, Вассы, Михаила, Екатерины, и 5 руб., въ Геѳсиманію ко гробу Божіей Матери, для поминовенія вышеупомянутыхъ рабовъ Божіихъ; отъ *О. С.* 3 руб. въ Іерусалимъ ко гробу Господню, для поминовенія о здравіи Филиппа, Стефаниды съ чады, Онисифора, Александры съ чады и за упокой Василія, Меланіи, Григорія, Матроны, Прокофія, Марѳы, Симеона, Ирины, Симеона, Евфросиніи, Павла, Варвары, Екатерины, Маріи, Марины; изъ Воронежа, *отъ неизвѣстнаго*, 7 р.,—въ Іерусалимъ на масло ко гробу Господню 3 руб., на масло ко гробу Божіей Матери 1 руб., и въ одинъ изъ бѣднѣйшихъ монастырей на Аѳонъ 3 руб., для поминовенія о здравіи Димитрія и Наталіи; за упокой Іоанна, Евпраксіи, Іоанна, Ирины, Леонтія, Алексія, Евдокіи, Іустиніи, Маріи, Гликеріи, Аѳанасія, Екатерины, Иларіона, Николая, Михаила, Пелагіи, Анны, Петра; изъ Воронежа, *отъ неизвѣстнаго*, въ Іерусалимъ на масло ко гробу Господню 1 руб., для поминовенія о здравіи Маріи съ чады, дѣвицы Наталіи, Василія, Николая; за упокой дѣвицы Параскевы, Павла, Анны, Ѳаддея; изъ Серпух. уѣзда, села Липина, отъ свящ. *В. А. Холмогорова* 4 руб., изъ нихъ 3 руб. на Аѳонъ, въ монастырь св. Пантелеймона, для поминовенія о здравіи іерея Василія, Елены, Анны, Пелагіи, младенца Михаила и сродниковъ ихъ; за упокой іерея Михаила, діакона Аѳанасія, чтеца Владиміра, Екатерины, Даріи и сродниковъ ихъ, и 1 р. въ Іерусалимъ на масло ко гробу Господню; *чрезъ негоже*, отъ крестьянской вдовы Пелагеи Ивановой 1 руб., въ Іерусалимъ, для поминовенія при гробѣ Господнемъ о здравіи Пелагіи и сродниковъ ея; за упокой Іоанна, Варвары, Агрипины, Іоанна и сродниковъ ихъ; отъ крестьянской вдовы Гликеріи Тимоѳеевой 1 руб., въ Іерусалимъ, для поминовенія при гробѣ Господнемъ о здравіи Тимоѳея, Марѳы, Гликеріи, Даріи и сродниковъ ихъ, за упокой Прокопія и сродниковъ его; отъ солдатки Маріи Григорьевой 1 руб., въ Іерусалимъ для поминовенія при гробѣ Господнемъ о здравіи Стефаниды, воина Даніила, Маріи и чадъ ихъ; о упокоеніи Григорія и сродниковъ его.

Всѣ таковыя пожертвованія, на сумму 79 руб. 50 коп. препровождены редакторомъ духовнаго журнала «Странникъ» въ хозяйственное управленіе при св. Сѵнодѣ, для отсылки по принадлежности, согласно назначенію благочестивыхъ жертвователей.

V.

ОПЫТЪ НАСТАВЛЕНІЙ СВЯЩЕННИКА РАСКОЛЬНИКУ СТРАННИЧЕСКОЙ СЕКТЫ.

(РАЗГОВОРЪ.)

Миръ дому сему, сказалъ священникъ, входя въ домъ раскольника. Семейство его какъ будто испугалось чего-то, увидѣвъ священника, и начало-было прятаться по угламъ; но, замѣтивъ, что хозяйка бросилась бѣжать и скрылась изъ дому,— всѣ послѣдовали ея примѣру, и въ домѣ не осталось никого, кромѣ священника да раскольника, — хоть также и у послѣдняго, повидимому, было намѣреніе уйти. Таково обыкновеніе у всѣхъ вообще раскольниковъ, и особенно у раскольниковъ страннической секты. — Здравствуй, другъ мой N.N., сказалъ священникъ, оставшись съ нимъ наединѣ. Давно уже я искалъ случая повидаться да побесѣдовать съ тобою. Но когда ни придешь, тебя нѣтъ да нѣтъ. Не только дома, но и нигдѣ не вижу тебя. Прежде довольно часто ты ходилъ и въ храмъ Божій, — сердце, бывало, зарадуется, когда посмотришь на твое благочинное и благоговѣйное стояніе, на твое усердіе къ церкви Божіей; а теперь вотъ уже около года я не видѣлъ тебя въ ней. Прежде, если не въ церкви, такъ на рынкѣ по крайней мѣрѣ увидишь тебя, какъ ты торгуешь своими товарами: а нынѣ ни дома, ни въ церкви, ни на рынкѣ — нигдѣ не видно тебя, какъ будто ты пропалъ совсѣмъ.

Раскольникъ. Спасенья, батюшко, захотѣлъ себѣ. Нашлись такіе добрые люди (вѣдь свѣтъ не безъ добрыхъ людей), которые указали мнѣ путь въ царство небесное.

Священникъ. Доброе дѣло, сынъ мой, что ты думаешь о вѣчномъ спасеніи. Мы для того и живемъ, чтобы получить спасеніе. Богъ потому и хранитъ нашу жизнь, что надѣется, что мы когда нибудь покаемся, — сознаемъ, возненавидимъ свои грѣхи, и будемъ жить добродѣтельно и благочестно, постоянно заботясь о своемъ вѣчномъ спасеніи. Благое, благое твое жела-

ніе! Радуюсь я этому, — но вмѣстѣ не могу не открыть тебѣ и своей скорби-

Раскол. Какой, батюшко?

Священ. А вотъ какой. Путь-то, указанный тебѣ ко спасенію, есть путь не истинный, а ложный, который можетъ привести тебя совсѣмъ не туда, куда ты хочешь. Объ этомъ-то я и скорблю... Вижу, что ты усерденъ къ Богу, да вмѣстѣ вижу и то, что усердіе-то твое не по разуму. Долго я искалъ случая побесѣдовать съ тобою, высказать тебѣ все, что у меня лежитъ на сердцѣ; — теперь случай открылся: давай же поговоримъ съ тобою,—поговоримъ, какъ отецъ съ сыномъ, искренно, и не скрывая другъ отъ друга ничего.

Раскол. Полно, батюшко, гдѣ мнѣ съ тобою говорить? Я человѣкъ темный, неученый, — ничего не знаю.

Свящ. Это и видно, что ты человѣкъ неученый и темный, что ты еще мало знаешь; иначе не сталъ бы слушать всякихъ бредней; а то вотъ явились услужливые люди, но такіе же темные, какъ и ты, которые насказали тебѣ много невѣрнаго насчетъ того, какъ получить спасеніе, а ты самъ, не будучи въ состояніи обсудить насказаннаго тебѣ, принялъ все за истину, повѣрилъ имъ и сдѣлался такимъ отщепенцомъ, что какъ будто и свѣта-то Божьяго боишься, — нигдѣ тебя не стало видно. Ну скажи, по совѣсти, самъ: твое ли бы дѣло слушать наставленія о вѣчномъ спасеніи отъ этихъ темныхъ людей, преслѣдуемыхъ и гражданскимъ начальствомъ, и Церковію признаваемыхъ за еретиковъ и раскольниковъ? У тебя есть свой учитель — священникъ. И ты, вмѣсто того, чтобы слушать да вѣрить всему, пришелъ бы ко мнѣ, разсказалъ бы мнѣ все, какъ есть, — какъ тебѣ сказано, — я бы тебя несвѣдущаго научилъ и наставилъ, — показалъ бы тебѣ, что они говорятъ неправду.

Раскол. Я, нечего грѣха таить, и хотѣлъ было, батюшко, придти къ тебѣ, да....

Свящ. Да что? — Почему же ты не пришелъ ко мнѣ?

Раскол. А вотъ почему: мнѣ запретили это. Какъ я сказалъ имъ, что вотъ я схожу къ священнику, да разскажу ему, и спрошу, правду ли вы говорите, они и начали меня упрашивать, да умаливать, чтобы я къ тебѣ не ходилъ, наговорили мнѣ, что ты у меня все спасенье отымешь, что я долженъ беречь его, коли нашелъ, да никому не открывать, кромѣ род-

ныхъ и знакомыхъ,—наговорили мнѣ и еще; всего хорошенько не припомню.

Свящ. Жаль, что ты послушалъ ихъ, да не пришелъ ко мнѣ. Вотъ, если бы ты пришелъ, такъ, можетъ быть, благодать Божія и сохранила бы тебя отъ ихъ погибельнаго ученія, а то, вотъ, и попалъ къ нимъ въ руки. Они и все такъ дѣлаютъ. Ловятъ васъ, какъ въ мутной водѣ рыбу; возмутятъ грязью чистыя струи слова Божія; наскажутъ вамъ всякой всячины, — а вы всему и вѣрите. А вѣдь всякое дѣло мастера боится. Если напримѣръ, портной примется ковать желѣзо, а кузнецъ шить кафтанъ, такъ, самъ знаешь, дѣло не пойдетъ складно ни у одного, — портному не выковать подковы, какъ она ни проста, когда онъ не учился кузнечеству, и кузнецу не сшить кафтана, когда онъ и кроить не учился. Такъ ли?

Раскол. Такъ, батюшко; и говорить нечего: — чего не знаешь, да самъ не испыталъ, такъ лучше и не принимайся, добромъ не сдѣлаешь, а только испортишь. Что правда, — то правда.

Свящ. Все это я сказалъ къ тому, что не надобно полагаться на свой слабый, неопытный разумъ, да вѣрить всему, что ни говорятъ люди, особенно во вредъ спасенію. Мало ли чего наговорить-то можно, да вѣрить-то нельзя всему; потому что много говорятъ лжи на прельщеніе благочестивыхъ душъ. Вотъ, напримѣръ, и тебѣ насказали много, какъ ты самъ говоришь, да насказали ложно. Это видно частію уже и изъ того, что они не велѣли тебѣ и ко мнѣ ходить, а научили тебя, чтобы ты не слушалъ никого, и когда спросятъ тебя о вѣрѣ, такъ отвѣчалъ бы всѣмъ, что я-де человѣкъ темный, ничего не знаю,—спросите того, кто побольше меня знаетъ. Такъ ли? они, вѣдь, научили такъ говорить тебя?

Раскол. Они, батюшко; — нечего грѣха таить.

Свящ. И не одного тебя такъ научили говорить; а также дѣлаютъ и сами. Я недавно имѣлъ случай видѣть и другихъ твоихъ единовѣрцевъ, спрашивалъ того—другаго, даже самаго вашего коновода, но всѣ говорятъ такъже, что мы-де люди темные, слѣпые, ничего не знаемъ, да что тебѣ, батюшко, въ насъ пользы-то, оставь насъ жить съ миромъ по глаголу, да и тебѣ-то будетъ спокойнѣе, не хлопочи, не трудись. Такой отвѣтъ даютъ почти всѣ. Только и твердятъ, что мы-де люди темные, да слѣпые. Но особенно странно то, что и сами-то ваши коноводы, которые учатъ васъ и указываютъ вамъ путь

къ вѣчному спасенію, называютъ себя также людьми темными и слѣпыми. Странно!... У васъ всѣ слѣпые: вы слѣпые, учители-коноводы ваши, ведущіе васъ въ царство небесное, также слѣпые; да кто же у васъ не слѣпой то? Если слѣпой слѣпаго ведетъ и по землѣ, такъ бѣда, — того и жди, что оба или упадутъ, или въ яму попадутъ. А въ путь къ царству небесному нечего и пускаться слѣпымъ. Тутъ и не слѣпые-то падаютъ....

Раскол. Э, батюшко! такъ говорятъ, можетъ быть, потому, что хотятъ этимъ только отвязаться отъ васъ. Кто учитъ, такъ значитъ, что не слѣпой.

Свящ. Если коноводы ваши не слѣпые, такъ для чего и называть себя такими? Для чего же скрывать свое ученіе отъ насъ. Если оно истинное, такъ надобно изнести его на свѣтъ, *яко полудне*. Истина не боится обличеній, она стоитъ сама за себя и найдетъ себѣ отголосокъ въ душахъ благочестивыхъ. Найдутся такіе люди, которые выразятъ къ ней свое сочувствіе, отстоятъ, защитятъ ее. Посмотри, напримѣръ, на Апостоловъ, какъ они проповѣдывали истину Евангелія, когда твердо убѣждены были въ ней: они проповѣдывали не тайнымъ какимъ либо образомъ, но открыто предъ всѣми, — учеными и неучеными, богатыми и бѣдными, и притомъ всегда и вездѣ, — въ судилищахъ, на рынкѣ, въ домахъ, не страшась ничего. Истина Евангелія восторжествовала, — язычество пало, уступивъ свое мѣсто христіанству. Теперь сравни съ проповѣдію апостольскою проповѣдь своихъ коноводовъ. Такъ ли проповѣдуютъ они? Нѣтъ нужды тебѣ и говорить объ ней слишкомъ много, потому что ты самъ знаешь, какъ проповѣдуютъ они; — они проповѣдуютъ только тайно — коротко знакомымъ, либо роднымъ, да и привлекши къ себѣ въ расколъ, также наказываютъ, чтобы никому ничего не сказывали, кромѣ родныхъ, да знакомыхъ, и то на которыхъ надѣются, что ихъ не выдадутъ.

Раскол. Это, батюшко, отъ того, что насъ постоянно гонятъ; — дали бы намъ свободу, — такъ и мы стали бы проповѣдывать открыто.

Свящ. Но вѣдь ты знаешь, что и Апостоловъ-то гнали, да еще какъ гнали-то! И не гнали только, а еще предавали ихъ самымъ тяжкимъ мукамъ, предавали смерти. Однакоже они не боялись ничего, даже радовались, что страдали за истину. Отъ чего же ваши апостолы-коноводы не такъ проповѣ-

дуютъ? Не отъ того ли, — что они сами-то не убѣждены въ истинѣ своего ученія, а потому и боятся открыть его, и проповѣдуютъ только неопытнымъ, а отъ насъ скрываютъ свое ученіе, опасаясь показать его на свѣтъ,—да не обличатся дѣла его? Ложь при свѣтѣ какъ будто боится сама себя. А какъ священникъ, который больше ихъ знаетъ и понимаетъ дѣло, спроситъ ихъ, — вотъ они и говорятъ: мы люди темные, оставь насъ такъ, какъ мы жили доселѣ, что тебѣ пользы-то въ насъ, батюшко? Скука возметъ, какъ при всѣхъ своихъ трудахъ и стараніяхъ слышишь только одно, да одно: мы люди темные, оставь насъ. Иногда даже и усердіе-то къ святому дѣлу какъ будто хладѣетъ; — оставилъ бы иной разъ все, — да только Господа Бога боишься, который говоритъ намъ: *проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ* (2 Тим. 4, 2). *Стража дахъ тя дому Израилеву, и услышиши отъ устъ Моихъ слово, и проповѣси имъ отъ Мене. Егда реку грѣшнику: грѣшниче, смертію умреши: и не будеши глаголати (грѣшнику), еже сохранитися нечестивому, (еже обратитися ему) отъ пути своего (и живу быти ему), той беззаконникъ въ беззаконіи своемъ умретъ, а крове его отъ руки твоея взыщу. Аще же ты проповѣси нечестивому путь его, еже обратитися отъ него, и не обратится съ пути своего, той въ нечестіи своемъ умретъ, а ты душу твою избавилъ еси* (Іез. 33, 7—9). Зная и читая эти слова Господни, и желая себѣ и всѣмъ спасенія и блаженства, вотъ я и пришелъ возвѣстить тебѣ, что путь, которымъ ты пошелъ, есть путь неправый, который не приведетъ тебя къ царству небесному,—сказать тебѣ, чтобы ты оставилъ его, если только желаешь получить спасеніе душѣ своей.

Раскол. Какъ, батюшко, не желать себѣ спасенія! Кому хочется мучиться въ аду вѣчно? Иной разъ какъ не нарочно еще коснешься до огня, такъ и тутъ такъ ожжетъ, что и говорить-то больно объ этомъ. А что будетъ въ аду-то?... Какъ подумаешь когда объ этомъ, такъ такой страхъ возметъ, что и сказать нельзя.

Свящ. Хорошо ты дѣлаешь, что думаешь объ адѣ: память о немъ предохраняетъ человѣка отъ многихъ грѣховъ. Если хочешь избѣжать его, такъ оставь-ка тотъ путь, по которому идешь. Ты, я вижу, или сомнѣваешься и не довѣряешь мнѣ, которому отъ самого Бога поручено спасеніе души твоей, или чего-то боишься.

Раскол. Боюсь, батюшко....

Свящ. Кого же ты боишься?

Раскол. Своихъ. Ну, какъ подслушаютъ или послѣ узнаютъ обо мнѣ, что я-де съ священникомъ говорилъ о спасеніи души,— такъ плохо мнѣ будетъ.

Свящ. Насъ никто не подслушаетъ. Мы здѣсь одни. Семейство тебя не выдастъ; какъ прежде оно послушало тебя, такъ и теперь: голосъ твой, какъ и прежде, будетъ силенъ для него. Да что за бѣда, если и узнаютъ? Лучше претерпѣть что нибудь здѣсь, чѣмъ мучиться вѣчно? Итакъ, не бойся ничего. Богъ твой защитникъ. Открой мнѣ, какъ предъ Богомъ, все то, чѣмъ соблазнили тебя и сдѣлали тебя изъ православнаго раскольникомъ, выскажи откровенно ты мнѣ всѣ свои недоумѣнія и сомнѣнія, — я тебѣ все растолкую, да объясню.

Раскол. Тебѣ извѣстно, батюшко, что я старался о благочестіи; подавалъ милостыню, молился Богу. Но, вотъ, однажды пришелъ ко мнѣ знакомый мой N.N.; ты знаешь его,—разговорились мы съ нимъ о спасеніи, онъ мнѣ и говоритъ: «Спасенной ты человѣкъ! Богъ наградитъ тебя за твою добродѣтель. Но награда тебѣ была бы еще больше, если бы ты сдѣлался странникомъ. Въ царство небесное можно, говоритъ онъ, войти не иначе, какъ путемъ скорбей и страданій; Божественное Писаніе говоритъ, что путь въ него тѣсенъ и врата узки, что многими скорбями подобаетъ войти въ него; примѣръ этого показалъ самъ Іисусъ Христосъ, который шелъ на землѣ путемъ скорбей и страданій. Онъ самъ говорилъ, что лисицы имѣютъ норы и птицы гнѣзда, а Сынъ человѣческій не имать, гдѣ главы подклонить. А Спаситель, по слову Божію, оставилъ намъ образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его; слѣдовательно, и всѣмъ, если желаютъ получить спасеніе, такъ же надобно жить, какъ жилъ Спаситель. Апостолы также говорили о себѣ, что они странники и пришельцы,—*не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ.* Наконецъ, всѣ святые Божіи человѣки спаслись такъ же, — не иначе, какъ тоже путемъ скорбей и страданій;—*скитались въ пустыняхъ, горахъ, вертепахъ и пропастяхъ земныхъ.* И всегда заключалъ свою рѣчь со мною тѣмъ, что странничество и скитальчество въ мірѣ, да при немъ перенесеніе нуждъ и скорбей, вотъ что необходимо требуется для достиженія царства небеснаго. Послѣ говорилъ мнѣ, что тутъ и поповъ уже не нужно будетъ, что святые-де и безъ поповъ спаслись, живя въ пустыняхъ.

Такъ твердилъ онъ мнѣ всегда, какъ только приходилъ ко мнѣ. Въ началѣ либо въ концѣ, а все заведетъ со мною рѣчь объ этомъ. Я слушалъ его сначала такъ попросту; думаю себѣ: пусть говоритъ, я все таки не послушаю его, а на дѣлѣ-то вышло не такъ; онъ столько мнѣ натолковалъ, такъ вбилъ мнѣ въ голову, что гдѣ ни бываешь, — а все съ ума нейдетъ то, что онъ наговорилъ, всю головушку вскружилъ мнѣ, опуталъ меня съ ногъ до головы, и я больше не могъ противиться ему; — отдался въ его волю, и сдѣлался странникомъ, покинулъ торговлю, пересталъ ходить въ церковь, сталъ скитаться и странничествовать по міру, да терпѣть нужды и скорби, для полученія своей душѣ спасенья. И вотъ еще почти въ первый разъ возвратился домой повидать свое семейство.

Свящ. Вотъ смотри,—какъ врагъ-то нашъ діаволъ хитеръ, какъ ловко онъ ловитъ людей. Не успѣвши поймать, напримѣръ, тебя какимъ нибудь тяжкимъ грѣхомъ, невоздержаніемъ или пьянствомъ, или другимъ какимъ либо, онъ поймалъ тебя самымъ благочестіемъ, какъ онъ дѣлаетъ и съ многими другими; онъ вовлекъ тебя въ такую секту, которая хотя, по видимому, и питаетъ благочестіе, но на самомъ-то дѣлѣ приноситъ тебѣ одинъ вредъ. Самыя основанія вашей секты представляются благовидными и справедливыми только дотолѣ, пока не вникнешь въ нихъ, да не разсудишь основательно; а какъ размыслишь объ нихъ хорошенько, такъ и окажутся они совершенно ложными. Напримѣръ, возмемъ во вниманіе и разберемъ то, отъ чего вы получили названіе странниковъ, скитальщиковъ, бѣгуновъ и т. п. Вы говорите, что странничество всегда соединено бываетъ съ скорбями и бѣдствіями, которыя составляютъ необходимое условіе къ полученію царства небеснаго. Это дѣйствительно такъ. Въ словѣ Божіемъ во многихъ мѣстахъ говорится, что царство небесное пріобрѣтается многими скорбями (Дѣян. 14, 22). Самъ Іисусъ Христосъ крестомъ взошелъ въ славу свою; крестъ же заповѣдалъ и всѣмъ своимъ послѣдователямъ: *аще кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ.* Замѣть здѣсь, что Спаситель говоритъ: *крестъ свой.* Есть много крестовъ, которые назначаются намъ Промысломъ для приготовленія насъ къ царству небесному. Есть, напримѣръ, крестъ—бѣдность и недостатки; крестъ—безчестіе и клевета; крестъ—болѣзни и слабости; крестъ—худая же-

нидьба и худое сосѣдство; крестъ—бездѣтство и бѣдная многосемейность; крестъ—потеря сродниковъ и друзей; крестъ—всѣ несчастные случаи. Изъ всѣхъ этихъ крестовъ желающій быть истиннымъ послѣдователемъ Христовымъ долженъ взять по слову Спасителя, крестъ *свой*, т. е., тотъ, который принадлежитъ именно ему, назначенъ для него свыше—отъ Бога, и нести его съ терпѣніемъ и радостію. Промыслъ располагаетъ жизнію нашею такъ, что у каждаго бываетъ свой крестъ, своя доля скорбей, страданій, болѣзней и искушеній. Тотъ крестъ, который назначенъ свыше, каждый и долженъ нести, а не брать на себя креста чужаго, для него неназначеннаго, чтобы не пасть подъ нимъ. Богъ лучше насъ знаетъ, что̀ для насъ нужно. Злая воля наша своенравна во всемъ, даже въ выборѣ креста своего, на которомъ ей должно быть распятою; но зато нерѣдко и ошибается. Надобно во всемъ положиться на Бога, и слѣдовать только Его водительству. А то многіе не хотятъ взять тотъ крестъ, который данъ Богомъ, а хотятъ имѣть самодѣльный,—въ такомъ, а не другомъ видѣ, состоящій изъ такихъ, а не другихъ скорбей и лишеній. Такъ напримѣръ, такому-то человѣку суждено Богомъ страдать и очищаться подвигами жизни семейной и общественной, а онъ ищетъ для себя крестовъ жизни пустыннической. Тоже надобно сказать п о всѣхъ почти странникахъ, и въ частности о тебѣ. Господь Богъ призвалъ тебя къ жизни семейной, надѣлилъ тебя дѣтьми, а ты и жену и дѣтей пустилъ по міру скитаться. Не противъ Бога ли ты поступилъ въ этомъ случаѣ?

Раскол. Такъ не ужели въ дѣлѣ спасенія ничего нельзя и сдѣлать по своей волѣ? Неужели нельзя самому по себѣ взять крестъ какой нибудь другой, по любви къ Богу, и душѣ своей, да и нести его?

Свящ. Какъ нельзя?—Конечно, можно, да только осторожно. И во 1-хъ замѣть, что не надобно оставлять и своего креста,—надобно рѣшиться, первѣе всего, переносить скорби и лишенія, ниспосылаемыя намъ Богомъ,—тѣ, кои неизбѣжны по самому нашему положенію въ мірѣ и обществѣ; а потомъ уже, если достанетъ усердія, да откроется случай и нужда, можно рѣшиться на жертвы произвольныя, на взятіе и другаго креста. Но и въ семъ случаѣ надобно во 2-хъ, соблюдать то правило, чтобы брать крестъ опять не чужой, а свой,—чтобы, въ противномъ случаѣ, не пасть подъ тяжестію

его, да не потерять и перваго-то. Много можно найти путей для упражненія въ благочестіи, но не каждый изъ нихъ приведетъ къ вѣчному блаженству. Были подвижники, предпринимавшіе великіе и изумительные подвиги и труды, но, идя путемъ самоизбраннымъ, они падали, лишались вѣнца небеснаго;—ихъ трудъ погибалъ навсегда. Духовное подвижничество имѣетъ цѣну въ очахъ Божіихъ только тогда, когда оно сообразно съ волею Божіею; только законные подвиги могутъ содѣйствовать къ достиженію царства небеснаго. *Аще и подвизается кто, не вѣнчается*, говоритъ слово Божіе, *аще не законно подвизатися будетъ* (2 Тим. 2, 5).

Раскол. Да какъ же, батюшко, узнать волю-то Божію, чтобы законно подвизаться, не во вредъ вѣчному-то спасенью?

Свящ. На это есть слово Божіе: оно содержитъ въ себѣ правила благочестія, данныя самимъ Богомъ. Оно самимъ Богомъ передано намъ для того, чтобы изъ него научиться благочестію, съ нимъ сообразовать всѣ свои дѣйствія, по немъ располагать подвиги и труды на тѣсномъ пути спасенія. Надобно также въ этомъ руководствоваться правилами св. Церкви. Если не все можно найти въ св. Писаніи, такъ можно найти въ правилахъ церковныхъ, переданныхъ Церкви чрезъ св. отцевъ самимъ Іисусомъ Христомъ и Его св. Апостолами. Этихъ-то правилъ и надобно слушаться. И тотъ, кто отвергаетъ материнскіе совѣты Церкви, избираетъ свои пути къ царству небесному, тотъ поступаетъ безумно. Сколько бы ни трудился, какіе бы подвиги не предпринималъ такой человѣкъ, онъ падетъ и погибнетъ навсегда. Что же касается до того, въ какой мѣрѣ подвизаться, и какого рода подвиги нести каждому человѣку, этого не опредѣлено ни въ св. Писаніи, ни въ преданіи. Въ нихъ содержатся такія предписанія закона, которыя не каждый можетъ приложить къ своей душѣ. Тутъ надобно ужь соображаться съ собою, — съ своимъ состояніемъ, съ своими силами, съ своими природными дарованіями и наклонностями, съ христіанскимъ смиреніемъ и самоотверженіемъ. Тотъ едва ли пріобрѣтетъ какую либо пользу своей душѣ, кто, будучи склоненъ къ духовной гордости, изберетъ путь глубокаго уединенія и безмолвія, способствующаго къ раскрытію гордости, тогда какъ ему надобно бы пріучать себя къ смиренію посредствомъ связи и сношеній съ ближними. Тотъ едвали достигнетъ совершенства, кто, имѣя мягкое сердце, языкъ склонный къ суесловію,

ищетъ спасенія въ собесѣдованіи съ другими, тогда какъ ему надлежало бы блюсти свои уста и хранить сердце. Также каждый, выбравши какой нибудь крестъ, сообразный съ своими силами и наклонностями, по собственному сознанію, долженъ спросить себя, не противорѣчитъ ли онъ какимъ либо другимъ высшимъ обязанностямъ въ отношеніи къ Богу, или къ Церкви Его, либо къ ближнимъ. Вотъ, когда избранный кѣмъ либо путь согласенъ будетъ съ св. Писаніемъ, преданіемъ и съ силами его и съ другими требованіями, тогда человѣкъ и можетъ надѣяться, что путь его къ небу избранъ имъ вѣрно. Да и тутъ надобно опасаться, чтобы не впасть въ этомъ случаѣ въ самообольщеніе, чтобы не счесть себя, по самолюбію, способнымъ къ нему, тогда какъ на самомъ-то дѣлѣ неспособенъ. Поэтому надобно совѣтоваться съ людьми опытными, и преимущественно съ своимъ духовнымъ отцемъ. Теперь приложи все сказанное къ самому себѣ:—такъ ли ты поступилъ, рѣшившись на странничество, — размыслилъ ли объ томъ, согласно ли оно съ словомъ-то Божіимъ и съ другими требованіями?

Раскол. Да какъ же, батюшко, вѣдь и наши-то учители въ доказательство истинности своего ученія также приводятъ мѣста изъ Божественнаго Писанія, слѣдовательно, также утверждаются на словѣ Божіемъ, которому не вѣрить нельзя.

Свящ. Дѣйствительно,—не вѣрить слову Божію нельзя. Да только надобно замѣтить, что нельзя слѣпо вѣрить всему, что приводятъ изъ него, не понявши его правильно, не зная его духа и силы. И надобно прежде узнать, какъ понимаетъ православная Церковь, да такъ и вѣрить. А то и еретики вѣдь также находили основанія въ немъ, имъ защищались, хотя и ложно, чрезъ извращеніе и искаженіе его истиннаго смысла. Такъ дѣлаютъ и ваши учители. Либо сами-то не поймутъ, либо и поймутъ, да нарочно искажаютъ его смыслъ на прельщеніе ваше;—а вы, сами ничего не зная, и вѣрите всему, и слушаете ихъ, да такъ и погибаете, увлекшись ихъ богопротивнымъ ученіемъ. Чтобы это видѣть яснѣе, разберемъ нѣкоторыя мѣста изъ слова Божія, и посмотримъ,—правильно ли они понимаютъ ихъ. Напримѣръ, они говорятъ, что самъ-де и Іисусъ Христосъ не имѣлъ, гдѣ главы подклонить. Онъ самъ говоритъ, что *лиси язвины имутъ и птицы небесныя гнѣзда*; *Сынъ же человѣческій не имать гдѣ главы подклонить* (Матѳ. 8, 20); а извѣстно, что Іисусъ Христосъ

въ жизни своей также оставилъ образъ, которому мы должны подражать, т. е., и мы должны жить такъ, чтобы не имѣть, гдѣ главы подклонить, — жить, какъ птицы небесныя и звѣри, скитаться, странствовать. Но даютъ ли такой смыслъ слова Спасителя? Изъ того, по какому случаю, и съ какою цѣлію сказаны эти слова, видно, что здѣсь нѣтъ такого смысла. Эти слова сказаны по слѣдующему случаю. Одинъ книжникъ сказалъ Спасителю: *Учителю, иду за Тобою, аможе идеши.* Онъ, быть можетъ, какъ и прочіе іудеи, питалъ какія нибудь политическія мечты о Мессіи, — думалъ, что Христосъ скоро будетъ царемъ, покоритъ іудеямъ всѣ народы, и чтобы приблизиться къ такому воображаемому имъ царю, въ надеждѣ пріобрѣсть его любовь, сдѣлаться его наперсникомъ, получить послѣ отъ него почести, богатство и т. п., вотъ онъ и рѣшился заранѣе изъявить предъ Спасителемъ свою готовность повсюду слѣдовать за Нимъ. Къ этому же заключенію располагаетъ и замѣчаніе Евангелиста о томъ, что Іисусъ Христосъ въ это время окруженъ былъ множествомъ народа; и чтобы разсѣять такія суетныя мечты его, Спаситель говоритъ ему: *лиси язвины имутъ, и птицы небесныя гнѣзда: Сынъ же человѣческій не имать, гдѣ главы подклонити*; т. е. ты пришелъ ко Мнѣ не съ истиннымъ намѣреніемъ слѣдовать Мнѣ во всемъ, а съ суетными мечтами,—думая, чрезъ изъявленіе Мнѣ своей преданности, заискать Мою милость, съ надеждою послѣ возвыситься и обогатиться: такъ брось эти мечты свои,—онѣ ложны; посмотри на Меня, какъ Самъ-то Я живу: *лиси язвины имутъ, и птицы небесныя гнѣзда: Сынъ же человѣческій не имать, гдѣ главы подклонити*;— такъ чего же ты отъ Меня ожидаешь? Итакъ Іисусъ Христосъ этими словами хотѣлъ разсѣять честолюбивыя и корыстныя мечты книжника, а отнюдь не давалъ правила, чтобы также поступали и всѣ Его послѣдователи. Такой жизни, можно сказать, требовало самое Его служеніе; Онъ пришелъ проповѣдать Евангеліе спасенія роду человѣческому, а для этого нужно было, чтобы Онъ путешествовалъ по городамъ и селамъ. Если бы Онъ проповѣдывалъ въ какомъ нибудь одномъ мѣстѣ, такъ другіе-то и не знали бы объ ней, а нужно было проповѣдать, да научить всѣхъ. Такъ поэтому-то Іисусъ Христосъ и ходилъ по городамъ и селамъ, да проповѣдывалъ Евангеліе, и, какъ само собою разумѣется, не имѣлъ постояннаго вездѣ пристанища; гдѣ примутъ проповѣдь Его, такъ живя тамъ, Онъ и находилъ Себѣ покой и жилище, а гдѣ не

принимали, такъ тамъ, можетъ быть, дѣйствительно не было мѣста, гдѣ бы главы подклонить. Странствуя постоянно во все почти продолженіе своего служенія, Онъ въ предшествовавшей жизни явилъ намъ также примѣръ и жизни гражданской. Такъ Онъ до вступленія своего въ служеніе роду человѣческому, до 30-ти лѣтняго возраста жилъ въ одномъ почти городѣ Назаретѣ, въ дому мнимаго отца своего, помогалъ ему въ трудахъ древодѣланія. Да и по вступленіи въ служеніе свое, Онъ долго имѣлъ постоянное мѣстопребываніе свое въ одномъ мѣстѣ—въ городѣ Капернаумѣ, оттуда предпринималъ Онъ свои путешествія; пребывая же въ своемъ отечествѣ, Онъ платилъ и дань (Матѳ. 17, 22—27), и другимъ также заповѣдалъ быть полезными гражданами, признавать власть предержащую, и платить ей дань. И вы несправедливо поступаете, когда, называя себя рабами Божіими, отвергаете всякую земную власть и не даете дани. Итакъ, въ словахъ: *лиси язвины имутъ*, и проч., Спаситель не далъ намъ образца, что и мы должны также дѣлать, а показываетъ только обстоятельства своей проповѣди, для разсѣянія суетныхъ мыслей книжника: по этому Спаситель, если означенными словами и хотѣлъ представить въ своей жизни примѣръ для подражанія, то, конечно, ближайшимъ образомъ слова Его относились къ проповѣдникамъ—Апостоламъ.

Раскол. Да вѣдь и наши-то, странствуя также, батюшко, проповѣдуютъ; значитъ, и къ намъ можно относить означенныя слова.

Свящ. А кто же возложилъ на нихъ обязанность проповѣдывать? Въ словѣ Божіемъ прямо говорится: *аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ* (Гал. 1, 9). И они не имѣютъ никакого права проповѣдывать;—такъ ли?

Раскол. Такъ, батюшко, такъ.

Свящ. И справедливо ты сказалъ, что такъ. Въ томъ же словѣ Божіемъ говорится, что не только кто либо, но и *аще мы, или Ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ* (Гал. 1, 8). Теперь сравни ученіе, проповѣдуемое вашими коноводами, съ ученіемъ Евангельскимъ и Апостольскимъ, и увидишь, что оно совершенно несогласно съ нимъ. Вотъ, напримѣръ, въ словѣ Божіемъ постоянно говорится, что всѣ власти въ мірѣ, а особенно цари, поставляются самимъ Богомъ, что надобно во всемъ повиноваться имъ и безпрекословно исполнять всѣ ихъ требованія

и распоряженія (Притч. 8, 15. 2. Пар. 9, 8. Пс. 77, 70. 71. Рим. 13. Дан. 4, 22. Прем. 6, 2. 1 Пар. 29,23. Пс. 104, 15. Еккл. 8, 3, 4); а ваши учители учатъ, что не надобно признавать никакой власти: говорятъ, что мы-де рабы Божіи, а не человѣческіе. Ну, разсуди самъ, кому вѣрить—Божественному ли Писанію или суемудрымъ толкамъ вашихъ учителей? Хоть на чей судъ ни послаться, а, я думаю, каждый изъ хорошихъ людей скажетъ, что ихъ ученіе самое богопротивное, подрывающее самыя основанія гражданскихъ обществъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общественнаго благосостоянія. Что было бы, если бы напримѣръ не было никакой власти въ государствѣ?—тогда не было бы безопасности никому и нигдѣ. И въ благоустроенномъ-то государствѣ, въ которомъ всякое почти преступленіе и злодѣяніе наказывается, много бываетъ ихъ, а тогда общество человѣческое сдѣлалось бы вертепомъ разбойниковъ. По этому-то гражданское правительство со всею строгостію преслѣдуетъ эту секту, какъ самую вредную и опасную, по своему ученію, которое она старается тайнымъ образомъ распространять въ народѣ.

Раскол. Правда твоя, батюшко, что строго преслѣдуютъ насъ. Жутко подъ часъ бывало и мнѣ. Бывало бѣгаешь, какъ окаянный, и голодно-то и холодно-то, да и боишься-то, какъ бы кто тебя на увидалъ, а какъ, сохрани Боже, да узнаешь, что близко становой, либо исправникъ, такъ хуже зайца перепугаешься, бѣжишь себѣ безъ оглядки. А тебя и начнутъ свои-то уговаривать, — вишь-де, какъ перетрусилъ; коли царства небеснаго захотѣлъ, такъ все терпи. Іисусъ Христосъ сказалъ истиннымъ послѣдователямъ своимъ, что міръ возненавидитъ васъ и будетъ преслѣдовать, что въ мірѣ вы скорбны будете. Вотъ эдакъ-то все и уговариваютъ меня; а какъ посмотришь на самихъ то, такъ увидишь, что и сами-то не меньше меня перепугались. На бѣду нашу однажды попался намъ исправникъ такой строгой, да сердитой, что натерпѣлись ужь мы отъ него напасти. Во вѣкъ не забудешь. Ужь далъ же намъ перетуру!

Свящ. И не перестанутъ преслѣдовать васъ, доколѣ вы не перестанете странствовать, да распространять душевредное ученіе. Жили бы на одномъ мѣстѣ,—такъ васъ, можетъ быть, никто бы и не тронулъ. Мало ли есть раскольниковъ, да еретиковъ, можетъ быть не лучше васъ, но они не испытываютъ такого гоненія. Вотъ до чего доводитъ васъ буква-то!

Раскол. Какая это буква, батюшко? Объ чемъ ты говоришь?

Свящ. То есть, буквальное пониманіе вами имени странника, встрѣчаемаго въ словѣ Божіемъ. Напримѣръ: основаніе для своего ученія о странничествѣ вы находите въ обстоятельствахъ жизни Авраама, говоря, что Господь повелѣлъ Аврааму: *изыди отъ земли твоея, и отъ рода твоего, и отъ дому отца твоего, и иди въ землю, юже ти покажу; и иде Авраамъ, якоже глагола ему Господь* (Быт. 12, 1—4); что подражая Аврааму, какъ отцу вѣрующихъ, и мы какъ рабы Божіи также идемъ въ землю, которую укажетъ намъ Богъ, въ землю неизвѣстную намъ, полагаясь во всемъ на святую волю Его. Вы ссылаетесь еще на слова Апостола Павла (Евр. 13, 14); говорите также, что всѣ ветхозавѣтные святые мужи исповѣдывали себя странниками, какъ видно изъ свидѣтельства объ нихъ Апостола Павла (Евр. 11, 13), и изъ словъ пророка Давида (118, 19), который также исповѣдывалъ себя пришельцемъ.

Что касается до вашего указанія на Авраама, то онъ руководимъ былъ въ этомъ случаѣ самимъ Богомъ, исполнялъ Его святую волю. Извѣстно изъ библіи, что во времена Авраама вѣра и благочестіе стали почти совершенно падать въ родѣ человѣческомъ. Одно только почти семейство Ѳарры оставалось вѣрнымъ Богу истинному, но и въ немъ уже стали появляться слѣды всеобщаго растлѣнія и упадка вѣры въ Бога. Самъ Ѳарра занимался дѣланіемъ идоловъ. Такимъ образомъ Авраамъ, окруженный соблазнами отвсюду, видѣлъ ихъ даже въ собственномъ домѣ отца своего. Отъ этого могло произойти то, что истинная вѣра, хранившаяся въ потомствѣ Ѳарры, могла затмиться. И вотъ Богъ, чтобы предотвратить это, избралъ для сохраненія вѣры Авраама, велѣлъ ему оставить свое отечество и идти въ неизвѣстную землю, которую укажетъ ему Онъ самъ, и въ которой, безъ сомнѣнія, ему гораздо менѣе было опасностей для сохраненія своей вѣры. Но извѣстно, что и въ той землѣ, въ которую привелъ его Богъ, также были все идолопоклонники, слѣдовательно, и здѣсь много было опасностей для его вѣры. Поэтому-то Богъ, и указавъ уже Аврааму землю, обѣтованную ему и потомству его въ наслѣдіе, и послѣ этого такъ располагалъ обстоятельствами его жизни, что Авраамъ, во все продолженіе своей жизни, странствовалъ постоянно изъ одного мѣста въ другое; и

все это Богъ дѣлалъ для того, чтобы Авраамъ не могъ ознакомиться ближе съ языческимъ міромъ, и тѣмъ чище сохранилъ свою вѣру. Однимъ словомъ — дѣло въ томъ, что всею жизнію Авраама располагалъ самъ Богъ, а вашею кто располагаетъ? Не одинъ ли это произволъ вашей своенравной воли, преступный и богопротивный? Тогда такое странничество Аврааму необходимо было для сохраненія истинной вѣры, а нынѣ для чего нужно ваше странничество?—Нынѣ нѣтъ уже такого владычества язычниковъ, какъ прежде, и вездѣ почти, гдѣ мы живемъ, распространено христіанство, и храмы Божіи, какъ звѣзды, разсѣяны по землѣ, и православная вѣра въ нашемъ отечествѣ нынѣ находится подъ покровительствомъ законовъ, которые стараются о водвореніи и распространеніи вѣры и благочестія; словомъ, — во времена Авраама были обстоятельства, а нынѣ совершенно другія. Поэтому и странствованіе Авраама въ неизвѣстную землю не можетъ служить для насъ примѣромъ.

Что же касается до указанія вашего на тѣ мѣста св. Писанія, въ которыхъ, будто бы, говорится, что всѣ ветхозавѣтные св. мужи и всѣ христіане называли себя странниками; то оно невѣрно и не можетъ служить основаніемъ вашего ученія о необходимости странничества. Эти св. мужи такъ называли себя не потому, что они будто бы въ самомъ дѣлѣ странствовали, а говорили такъ о себѣ какбы приточно, иносказательно, разумѣя это названіе относительно настоящаго положенія своего къ небу. Постараюсь объяснить тебѣ. Представимъ себѣ, что какой нибудь христіанинъ пошелъ изъ отечества своего въ Іерусалимъ для поклоненія гробу Господню. Само собою разумѣется, что во время пути своего—онъ есть странникъ до тѣхъ поръ, доколѣ не кончится его путешествіе. Такъ и христіанина съ духовной стороны, въ отношеніи къ настоящей жизни, — жизни въ тѣлѣ, можно не иначе назвать, какъ странникомъ и пришельцемъ. Получивъ бытіе отъ Бога, и имѣя отечество на небесахъ (Филип. 3, 20), христіанинъ чрезъ земную жизнь, чрезъ исполненіе заповѣдей Божіихъ идетъ и стремится *къ Сіонстѣй горѣ и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному* (Евр. 12, 22. 23) и когда достигнетъ, тогда уже перестаетъ быть странникомъ: *нѣсте странни и пришельцы*, говоритъ Апостолъ, *но сожителе святымъ и присніи Богу* (Ефес. 2, 19). Поэтому жизнь наша въ словѣ Божіемъ постоянно представляется путемъ, дорогою (Пс. 1, 1. 118, 1. Прит. 28, 23 Прем. Сол. 22, 5), а люди назы-

ваются грядущими (Іоан. 6, 37), странниками и пришельцами (Пс. 118, 19. Евр. 12, 22, 23). Наше отечество не здѣсь—на землѣ; —мы здѣсь именно не болѣе, какъ странники и пришельцы, которымъ рано или поздо надобно окончить путь, оставить дорогу, по которой шли, и уступить ее другимъ путешественникамъ и странникамъ; т. е., рано или поздно, а должны будемъ мы оставить настоящую жизнь и умереть. Вотъ какой смыслъ заключается въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ мы называемся странниками. А ваши лжеучители приняли это слово въ смыслѣ буквальномъ, и говорятъ, что и имъ надобно содѣлаться странниками и скитаться въ мірѣ для полученія царства небеснаго. Ты, я думаю, и самъ понимаешь теперь, какъ невѣрно это пониманіе сихъ мѣстъ св. Писанія. Тутъ сила-то не въ буквѣ, а въ духѣ Писанія. Неужели въ самомъ дѣлѣ можно предположить, что всѣ ветхозавѣтные св. мужи (напримѣръ Давидъ и другіе), исповѣдуя себя пришельцами, въ самомъ дѣлѣ скитались да странствовали, и притомъ въ рогожахъ и рубищахъ, какъ вы? Или неужели всѣ Церкви и общества христіанскія, которыя Апостолъ Павелъ въ посланіяхъ называлъ, какъ и себя, странниками и пришельцами, также странствовали и скитались, какъ и вы? Есть ли тутъ какое вѣроятіе? Такъ ли? Какъ ты думаешь?

Раскол. Такъ, батюшко, такъ. Вотъ какъ ты мнѣ растолковалъ, такъ я и понимаю, и знаю, что такъ и надобно понимать. А то какъ самъ-то не знаешь, да не понимаешь, такъ что̀ ни скажутъ, все ладно, все хорошо, всему вѣру емлешь.

Свящ. Видишь, другъ мой, не всему надобно вѣрить и тому, что они приводятъ вамъ и изъ св. Писанія; такъ какъ они приводятъ неправильно, и сами-то, можетъ быть, не понимаютъ того, что приводятъ. Да если бы они понимали, и правильно приводили изъ слова Божія, если бы нашли что нибудь въ доказательство того, что странничество нужно для полученія царства небеснаго, такъ и тутъ странничество ваше ни къ чему не поведетъ. Такое подвижничество ваше не приведетъ васъ къ царству небесному; потому что оно совершается внѣ союза съ Церковію,—вы Церковь Божію называете неистинною, отвергаетесь и хулите ее, говоря, что въ ней сидитъ антихристъ, и въ храмъ Божій не ходите никогда; — священниковъ презираете и бѣгаете. Вотъ, напримѣръ, я пришелъ къ вамъ въ домъ, а вы вмѣсто того, чтобы принять меня по добру — съ радушіемъ, да получить отъ меня благословеніе, какъ дѣлали

прежде, за-годъ назадъ тому,—всѣ, кромѣ тебя, бросились бѣжать, какъ будто отъ какого нибудь звѣря, либо пугала. Вѣдь, я пришелъ къ вамъ не съ тѣмъ, чтобы васъ всѣхъ забрать, да представить, куда слѣдуетъ, а пришелъ къ вамъ отъ Бога,—возвѣстить вамъ Евангеліе спасенія, сказать вамъ, что вы внѣ Церкви, что не принадлежа къ ней, вы не получите спасенія. Інсусъ Христосъ, совершивъ спасеніе наше своимъ крестомъ и воскресеніемъ, основалъ на землѣ Церковь, и заключилъ въ нее всѣ средства ко спасенію, предоставилъ ей право раздавать ихъ православно вѣрующимъ чадамъ своимъ. Поэтому, кто принадлежитъ къ православной Церкви, тотъ можетъ получить спасеніе; а объ ослушникѣ-то что̀ сказано?—*аще кто Церковь преслушаетъ, буди тебѣ, якоже язычникъ и мытарь* (Матѳ. 18, 17). Въ большомъ катихизисѣ есть вопросъ: «кая есть намъ потреба сего наученія о соборной Церкви?» За тѣмъ слѣдуетъ отвѣтъ: «сея ради, яко да извѣстно вѣдуще ю, въ ней пребываемъ, и спасени будемъ, зане кромѣ Церкви Божіей, нигдѣже нѣсть спасенія. Якоже при потопѣ вси, елицы съ Ноемъ въ ковчезѣ не бяху, вси истопоша: тако и въ день судный, вси, иже нынѣ въ Церкви святѣй не будутъ, тіи во езеро огненное ввержени будутъ». «Внѣ тѣла Христова, говоритъ священномученикъ Кипріанъ, нѣсть Духа Христова; а кто у себя не имѣетъ Духа Христова, тотъ не есть Христовъ; а кто не Христовъ, тотъ не можетъ быть участникомъ вѣчныя жизни. Внѣ ковчега Ноева находящіися, всѣ должны были погибнуть въ потопѣ: внѣ духовнаго ковчега — Церкви сущіи, всѣ погружаются въ вѣчную погибель; не имѣющіи себѣ матерію Церкви въ семъ мірѣ—не будутъ имѣть себѣ Бога Отцемъ на небеси». «Аще кто, говоритъ 6-е правило гангрскаго собора, кромѣ соборныя церкви о себѣ собирается, и нерадя о Церкви, церковная хощетъ творити, не сущу съ нимъ пресвитеру епископлю, да будетъ проклятъ. И хотя кто изъ таковыхъ и ятъ будетъ, не для чего ему льститься исповѣданіемъ имени Христова. Ибо извѣстно, что они, находясь внѣ Церкви, хотя и убіены будутъ, не вѣры вѣнецъ получатъ, но паче муку за нарушеніе вѣры пріимутъ, — и въ домѣ Господнемъ не вселятся между единомысленными, которыхъ видимъ отъ миролюбиваго и божественнаго дома чрезъ безумный раздоръ отступившихъ» (Кипр. кн. 1, посл. 2 къ Корнилію). «Чего ради, говоритъ св. Златоустъ, оставилъ еси Церковь? Хотѣлъ ли спастися? — Долженъ бы держатися жертвенника».

Итакъ, хочешь ли получить себѣ вѣчное спасеніе и блаженство?

Раскол. Какъ не желать себѣ, батюшко, спасенія? Вѣдь не хочется погибнуть на вѣки. Я и всегда старался о спасеніи души своей, и нынѣ стараюсь.

Свящ. Такъ оставь свою секту, присоединись къ православной Церкви, живи по ея святымъ правиламъ, и—ты получишь спасеніе.

Раскол. Пожалуй, батюшко—я не прочь,—готовъ присоединиться къ православной Церкви. Да вѣдь у меня, вотъ, семейство есть; какъ мнѣ съ нимъ то будетъ дѣлать? — Какъ узнаютъ, что я обратился въ православную вѣру, такъ, пожалуй, завопятъ, закричатъ, да къ раскольникамъ нашимъ пойдутъ, скажутъ, что я-де обратился,—такъ и мнѣ будетъ бѣда, даромъ не пройдетъ. Такъ ужь погоди, батюшко; я, вотъ, переговорю съ семействомъ, да уговорю его, такъ тогда ужь мы и присоединимся къ православной Церкви, и дѣло-то будетъ гораздо согласнѣй.

Свящ. Нѣтъ, ужь если намѣренъ присоединиться къ православной Церкви, рѣшайся сейчасъ же. Благодать Божія теперь зоветъ тебя. Обрати вниманіе на пути Промысла, какъ Онъ заботится о твоемъ обращеніи.—Я уже съ полгода не посѣщалъ твоего дома, потому что, приходя раньше этого, я никогда не находилъ тебя,—все говорили сосѣди, что тебя нѣтъ, что ты въ бѣгахъ. Но, вотъ, въ настоящій день, хотя я не хотѣлъ выходить безъ нужды никуда изъ дому,—пришла однако мнѣ мысль сходить къ тебѣ, и все сильнѣе и сильнѣе побуждала меня къ этому. Какъ будто кто-то мнѣ говоритъ: поди, сходи, ты найдешь его дома. Я послушался;—одѣваюсь, иду, прихожу и нахожу тебя дѣйствительно дома. Давно ли ты явился домой?

Раскол. Только сегодня утромъ.

Свящ. Такъ, вотъ, научись изъ этого, познай волю Божію относительно обращенія твоего. Тебя зоветъ благодать Божія. Если же ты отложишь свое обращеніе сегодня, такъ ты можешь отложить его и завтра. А ты не знаешь, что̀ будетъ съ тобою завтра. Можетъ быть, тебя сегодня же не будетъ въ живыхъ. Жизнь наша въ рукахъ Божіихъ каждую минуту; ну, какъ Онъ Всемогущій, за пренебреженіе Его призыванія, да попуститъ тебя умереть сегодня, такъ дѣла-то не поправишь, въ адѣ уже нѣтъ покаянія. Весьма опасно от-

лагать свое обращеніе и спасеніе! И ты, если намѣренъ, — долженъ рѣшительно обратиться теперь же. Что же касается до семейства твоего, такъ ты вотъ какъ поступи: не объявляя семейнымъ своего рѣшительнаго обращенія, постарайся убѣдить ихъ, чтобы они оставили свою секту, — скажи имъ, какъ ты во время странничества своего позналъ, что эта секта душевредная, что опасно въ ней жить, разскажи все, что ты испыталъ во время своего пути, да вмѣстѣ передай и то, что̀ я тебѣ сказалъ. Я думаю, что голосъ твой для нихъ будетъ силенъ, и что какъ прежде, — при совращеніи въ расколъ, они послушали тебя, такъ послушаютъ и теперь. Въ противномъ случаѣ сообщи мнѣ, и я къ твоимъ увѣщаніямъ присоединю свои. Когда же не будетъ успѣха и здѣсь,—ты прямо объяви имъ, что уже рѣшительно обратился въ православіе, и уже болѣе не раскольникъ страннической секты:—будь увѣренъ, что ты этимъ такъ озадачишь ихъ, что они непремѣнно обратятся. Но если и тутъ, по навѣту діавольскому, они рѣшатся коснѣть въ расколѣ, чего сохрани Богъ, такъ тебѣ нечего будетъ дѣлать, оставь ихъ, пусть идутъ себѣ на всѣ четыре стороны, да жалуются на тебя, кому хотятъ. Тебѣ бояться нечего, съ тобою будетъ Богъ. А если Богъ по насъ, такъ кто на ны? Псалмопѣвецъ говоритъ: *Богъ помощникъ мой, кого убоюся? Господь защититель мой, кого устрашуся*? Съ Богомъ и въ темницѣ хорошо, и на смерть идти не страшно. Но во всякомъ случаѣ тебѣ бояться нечего. Я съ своей стороны, если ты обратишься, постараюсь обезопасить тебя со стороны раскольниковъ. Желаешь ли теперь обратиться?

Раскол. Желаю, батюшко: благослови.

Свящ. Господь тебя благословитъ, любезный сынъ. — При этихъ словахъ, священникъ взялъ епитрахиль, надѣлъ ее на себя и павъ вмѣстѣ съ нимъ на колѣна, сталъ молиться Господу объ утвержденіи его въ вѣрѣ правой и несовратимой, и о прощеніи ему грѣха невѣдѣнія въ отступничествѣ отъ вѣры, и о сопричтеніи его опять къ избранному стаду своему. По окончаніи молитвы, осѣнивъ его крестомъ и давъ облобызать его, священникъ самъ обнялъ и облобызалъ его, съ сими словами: миръ тебѣ, духовное чадо; знай, что въ лицѣ моемъ пріемлетъ тебя самъ Богъ, какъ нѣкогда блуднаго сына, скитавшагося въ странѣ далекой, и радуется на небѣ обращенію твоему. Я надѣюсь, любезный сынъ мой, что ты съ настояща-

го времени постоянно будешь ходить въ церковь Божію и своимъ благочестіемъ и добродѣтельною жизнію загладишь заблужденіе свое.

Раскол. (нынѣ уже православный христіанинъ). Постараюсь, батюшко, непремѣнно. Спасибо, кормилецъ, что вразумилъ, да наставилъ меня грѣшнаго; а то долго ли погибнуть? Пожалуй, какъ червь сгинешь ни за что.

И священникъ еще благословилъ и оставилъ его съ радостію, благодаря Бога за возвращеніе заблудшаго на путь истины.

Священникъ Андрей Флоровъ.

Кострома,
Преображенской церкви,
что при рѣкѣ Волгѣ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
П. И. КРАШЕНИННИКОВА,

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

на Невскомъ проспектѣ, на углу Адмиралтейской площади, въ домѣ Греффа,

ПРОДАЮТСЯ СЛЕДУЮЩІЯ НОВЫЯ КНИГИ:

ПОУЧЕНІЯ НА ДНИ ВОСКРЕСНЫЕ,

СКАЗАННЫЯ ХАРЬКОВСКАГО КАѲЕДРАЛЬНАГО СОБОРА ПРОТОІЕРЕЕМЪ, ХАРЬКОВСКИХЪ ГРАДСКИХЪ ЦЕРКВЕЙ БЛАГОЧИННЫМЪ, МАГИСТРОМЪ И КАВАЛЕРОМЪ

ІОАННОМЪ ГАПОНОВЫМЪ.

Спб. 1861 года, 407 стр. Ц. 75 к., съ пересылкою 1. р. сер.

ОГЛАВЛЕНІЕ: 1) Въ недѣлю Ѳомину. Миръ Христовъ — великій даръ отъ Бога. 2) Въ недѣлю Женъ Мvроносицъ. Одинъ Богъ есть нашъ вѣрный помощникъ. 3) Въ недѣлю о Разслабленномъ. Отъ грѣховъ почти всѣ болѣзни, кои первѣе всего врачуются покаяніемъ. 4) Въ недѣлю о Самарянынѣ. Чему научаетъ насъ евангельская исторія о Самарянкѣ. 5) Въ недѣлю о Слѣпомъ. И теперь страждущимъ возможно получать исцѣленія и тѣмъ умножать славу Божію. 6) Въ недѣлю о Святыхъ Отецъ. Мы не имѣемъ истиннаго познанія о Богѣ, когда не поступаемъ по своему знанію. 7) Въ ту же недѣлю. Богопознаніе изъ всѣхъ наукъ первая и важнѣйшая наука. 8) Недѣля 1-я. Всѣхъ Святыхъ. Что уготовано на небеси праведнымъ? 9) Недѣля 2-я. Гдѣ лучше просить Господа Іисуса. 10) Недѣля 3 я. Въ царствіи Божіемъ все для человѣка, но человѣкъ не всегда ищетъ его. 11) Недѣля 4 я. Всегда имѣй смиреніе, но особенно смиряйся, причащаясь Тѣла и Крови Господней. 12) Недѣля 5-я. Всегда Богъ благодатію Своею приближается къ сердцу нашему, но мы нерѣдко не пріемлемъ благодатнаго Его посѣщенія. 13) Недѣля 6-я. Для больнаго первое врачество — св. причащеніе. 14) Недѣля 7-я. Проси крѣпко съ твердою вѣрою и вѣрно получишь правильно просимое. 15) Недѣля 8 я. Благословляй пищу и питіе св. крестомъ и не отказывай въ милостынѣ. 16) Недѣля 9-я. Безъ живой сердечной вѣры въ Господа ничего не сдѣлаешь добраго. 17) Недѣля 10-я. Діаволъ и теперь искушаетъ человѣка и дѣйствуетъ на него; побѣдить діавола можно постомъ и молитвою. 18) Недѣля 11 я. Рука Божія тяготѣетъ надъ нами за нашу жестокость къ другимъ. 19) Недѣля 12-я. Богатство — когда заграждаетъ и когда пролагаетъ путь къ царствію небесному. 20) Недѣля 13-я. Въ какомъ отношеніи св. Церковь сравнивается съ виноградомъ. 21) Недѣля 14-я. Безъ дѣлъ христіанскихъ можно считаться

христіаниномъ; но не можно получить царствія Божія. 22) Недѣля 15-я. Что значитъ любить Бога и ближняго, какъ требуется закономъ христіанскимъ? 23) Недѣля 16-я. Кто исполнитъ свой долгъ, тотъ вѣрный рабъ своему Господу. 24) Недѣля 17-я. Проси Господа Іисуса съ терпѣніемъ, безъ унынія и отчаянія. 25) Недѣля 18 я. Трудись такъ, какъ велитъ Богъ — и получишь во всемъ успѣхъ благословенный. 26) Недѣля 19-я. Любовь ко врагамъ, возвышая христіанство, для насъ весьма благотворна. 27) Недѣля 20-я. Господь Іисусъ Христосъ многомилостивъ ко всѣмъ имѣющимъ нужду въ помощи и утѣшеніи. 28) Недѣля 21-я. Чѣмъ возбудить любовь къ чтенію, слушанію и поученію Словомъ Божіимъ. 29) Та же недѣля. Почему не читаютъ св. библіи и какъ читать ее? 30) Недѣля 22-я. За сластолюбивую жизнь — адъ, а за страданія—царствіе Божіе. 31) Недѣля 23-я. Врагъ нашего спасенія можетъ дѣйствовать на всякаго человѣка, но преимущественно вражіе дѣйствіе надъ грѣшникомъ — въ минуту его грѣхопаденія. 32) Недѣля 24-я. Живая вѣра — великій даръ отъ Бога, но не безъ нашего участія. 33) Недѣля 25-я. Милосердіе — добродѣтель великая. 34) Недѣля 26 я. Не вѣрна надежда на будущее время. 35) Недѣля 27 я. Во дни праздничные занимайся богомысліемъ и дѣлами милосердія. 36) Недѣля 28-я. Всѣхъ Господь призываетъ къ Своему царствію, но не всѣ послѣдуютъ его призыванію. 37) Недѣля 29-я. Что побуждаетъ насъ благодарить Бога, и въ чемъ состоитъ истинная благодарность къ Богу? 38) Недѣля 30-я. Богатство затрудняетъ входъ въ царствіе Божіе нашимъ его злоупотребленіемъ. 39) Недѣля 31-я. Проси помощи у Господа Іисуса Христа пламенно. 40) Недѣля 32-я. О Закхеѣ. Господь нашъ Іисусъ Христосъ готовъ всѣмъ намъ прощать и всѣхъ миловать, если мы того желаемъ искренно, и желаніе свое показываемъ на дѣлѣ. 41) Недѣля о Мытарѣ и Фарисеѣ. Надобно каяться по гласу Матери нашей Христовой Церкви. 42) Недѣля о Блудномъ Сынѣ. Какъ возбудить чувство умиленія и сокрушенія сердечнаго. 43) Недѣля Мясопустная. О страшномъ судѣ. 44) Недѣля Сыропустная. Начинай постъ примиреніемъ съ ближними.

О МОЛИТВѢ ЗА УМЕРШИХЪ.

Разсужденіе протоіерея Казанскаго собора Тимоѳея Никольскаго. Изданіе четвертое. 160 стр. Спб. 1861 г. Ц. 50 к., съ пересылкою 75 к.

ВЪ ЭТОМЪ СОЧИНЕНІИ РАЗСКАЗЫВАЕТСЯ:

1) Откуда происходятъ и какъ древни молитвы за умершихъ. —2) Въ какомъ состояніи находятся души послѣ смерти тѣла, и что разумѣется въ св. писаніи подъ адомъ.—3) Какъ учитъ православная Церковь о состояніи душъ послѣ смерти тѣла и что разумѣется подъ мытарствомъ?—4) Являются-ли

изъ ада души умершихъ людей?—5) Какія были мнѣнія древнихъ и новѣйшихъ христіанскихъ писателей о состояніи душъ по смерти.—6) Умственный взглядъ на жизнь христіанъ и на то, что должно послѣдовать за этою жизнію.—7) Какую пользу приноситъ душамъ умершихъ людей молитвы, которыя за нихъ возносятся къ Богу, и почему христіанская Церковь имѣетъ издревле обыкновеніе приносить молитвы Богу объ усопшихъ въ третій, въ девятый и четыредесятый день послѣ ихъ смерти.

СЛОВАРЬ ИСТОРИЧЕСКІЙ О СВЯТЫХЪ,

прославленныхъ въ россійской Церкви, и о нѣкоторыхъ подвижникахъ благочестія, мѣстно чтимыхъ. Изданіе второе (исправленное и дополненное) Спб. 1862 года. Въ типографіи II отдѣленія собственной Е. И. В. Канцеляріи. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 2 р.

Первое изданіе Словаря Святыхъ напечатано въ 1836 г.—Съ того времени, въ продолженіи 26 лѣтъ, открылись новые источники и для исправленія и для дополненія Словаря; что и заставило приступить къ изданію второму.—Вновь вошли въ Словарь слѣдующія статьи: 1) Андрей, праведный тотемскій; 2) Варлаамъ, преподобный важскій; 3) Василій, страдалецъ мангазейскій; 4) Галактіонъ, преподобный, юродивый Ѳерапонтова монастыря; 5) Гликерія, праведная дѣва; 6) Діонисій, архимандритъ Троицкаго-Сергіева монастыря; 7) Исидоръ, священномученикъ; 8) Іоаннъ, епископъ суздальскій; 9) Іоаннъ, мученикъ казанскій; 10) Іоаннъ, власатый; 11) Іуліанія, блаженная муромская; 12) Макарій, преподобный жабынскій; 13) Максимъ, преподобный, грекъ; 14) Максимъ, блаженный тотемскій; 15) Михей, преподобный, ученикъ св. Сергія радонежскаго; 16) Никодимъ, преподобный кожеезерскій; 17) Сильвестръ, преподобный Обнорскій; 18) Симеонъ, праведный верхотурскій; 19) Симонъ, блаженный юрьевецкій; 20) Тихонъ, святый, епископъ воронежскій и елецкій; 21) Ѳеодоръ, первый епископъ суздальскій. Кромѣ того свѣдѣнія о Герасимѣ и Іонѣ, епископахъ пермскихъ, вошли въ статью: Питиримъ, епископъ пермскій, а о Ѳеодорѣ и Павлѣ, основателяхъ Борисоглѣбскаго монастыря, — въ статью: Иринархъ, преподобный, затворникъ Борисоглѣбскаго монастыря.

РУКОВОДСТВО КЪ ХРИСТІАНСКОЙ МОЛИТВѢ,

въ духѣ православномъ, и изъясненіе, приспособительно къ юношескому возрасту, болѣе употребительныхъ и особенно важныхъ молитвъ, пѣснопѣній, священнодѣйствій и обрядовъ православной церкви. Состав. харьковскаго каѳедральнаго Успенскаго собора протоіереемъ, харьковскаго ветеринарнаго института законоучителемъ, магистромъ и кавалеромъ

ІОАННОМЪ ГАНОНОВЫМЪ.

Харьковъ, 1860 г. 311 стр. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.

СЕРАЙ,

НОВЫЙ РУССКІЙ СКИТЪ,

СВЯТАГО АПОСТОЛА АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННАГО, НА АѲОНѢ.

Спб., 1858 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ЧАСЫ БЛАГОГОВѢНІЯ

Для споспѣшествованія истинному Христіанству и домашнему богопочитанію. Часть 7 и 8. Спб. 1845 г. 570 страницъ, цѣна 3 р. съ пересылкою;

(Первыя шесть частей все изданіе распродано).

СОДЕРЖАНІЕ

Седьмой части «Часовъ Благоговѣнія».

1) О силѣ Слова Божія. 2) О покаяніи и прощеніи. 3) Заботы о будущемъ. 4) Упадокъ домашняго благосостоянія. 5) Страданія прошедшія. 6) Бѣдствія—горнило очищенія нашего духа. 7) Наше настоящее. 8) Опасности своевольныхъ мечтаній. 9) Нравящійся самому себѣ. 10) Христіанинъ въ часы отдохновенія. 11) Безпокойства, горести, печали. 12) Скромность въ рѣчахъ. 13) Болтливость. 14) Остерегайся въ выборѣ друзей. 15) Обитатели Земнаго Шара и вѣрованія ихъ. Размышленіе первое. 16) Обитатели Земнаго Шара и вѣрованія ихъ. Размышленіе второе. 17) Воспитаніе женскаго пола. 18) О явленіи душъ по смерти. 19) День рожденія. 20) Іисусъ—моя жизнь. 21) Вѣчная судьба. 22) Безсмертіе. 23) Утѣшеніе страдальцу. 24) Конецъ года.

СОДЕРЖАНІЕ

Осьмой части «Часовъ Благоговѣнія».

1) Богъ есть Любовь. 2) Мысль о вѣчности. 3) Больной. 4) Міръ—зеркало вѣчности. 5) Высочайшее благо. 6) Бытіе Ангеловъ. 7) Христіанинъ, обращающій взоры свои къ Богу. 8) Богъ вездѣсущъ. 9) Любовь къ ближнему. 10) Дѣла минувшихъ временъ. 11) Преддверіе Неба, или ожиданіе небеснаго блаженства. 12) Проблески небеснаго блаженства. 13) Для чего жизнь за гробомъ есть тайна. 14) Радость въ часъ смерти. 15) Чаяніе жизни вѣчной. Возвращеніе къ Отцу. Размышленіе первое. 16) Чаяніе жизни вѣчной. Будущая жизнь. Размышленіе второе. 17) Чаяніе жизни вѣчной. Судъ и воздаяніе. Размышленіе третье. 18) Чаяніе жизни вѣчной. Свиданіе въ вѣчности. Размышленіе четвертое. 19) Чаяніе жизни вѣчной. Свиданіе въ вѣчности. Размышленіе пятое. 20) Чаяніе жизни вѣчной. Свиданіе въ вѣчности. Размышленіе шестое. 21) Торжество нашего спасенія. 22) Любовь къ отечеству. 23) Часъ искушенія. 24) Освященіе молитвою домашнихъ и общественныхъ празднествъ. 25) Гласъ Божій къ сердцу человѣка.

СОДЕРЖАНІЕ II ТОМА „СТРАННИКА“ ЗА 1862 ГОДЪ.

(За Апрѣль, Май и Іюнь).

ОТДѢЛЪ I, ПОВѢСТВОВАТЕЛЬНЫЙ.

Стран.

Игнатій Римскій-Корсаковъ, митрополитъ сибирскій и тобольскій. *Николая Абрамова* . . . . . (Апр.) 157

Избранныя письма отца Ѳеофана. *Архимандрита Ѳеофана* . » 168

Нѣчто о начальникѣ алтайской миссіи, покойномъ о. архимандритѣ Макаріѣ. *Священника Александра Сулоцкаго* . . . . » 246

Воспоминаніе о преосвященномъ Анастасіѣ, бывшемъ епископѣ екатеринославскомъ и таврическомъ. *Михаила Сибирцева* . (Май). 247

Три письма Святогорца. *І. Серафима* . . . . . » 263

Сила тайной молитвы. *Священника Александра Сулоцкаго* . » 274

Епископъ кадьякскій, Іоасафъ Болотовъ. *Ѳеодора Пежемскаго* . . . . . (Іюнь) 277

Краткія свѣдѣнія о ливенскомъ чтецѣ Іоаннѣ Богоявленскомъ, подвизавшемся въ г. Тамбовѣ, подъ именемъ Иліи. *Протоіерея Петра Полидорова* . . . . . » 282

Нѣсколько словъ объ Иванѣ Яковлевичѣ Корейшѣ. *Священника Михаила Спасскаго* . . . . . » 293

Дерзкое любопытство. *Петра Иванова* . . . . . » 298

Урокъ болтливой молодости. *Егоже* . . . . . » 300

Сила вѣры и молитвы. *І. Суворова* . . . . . » 303

Сила вѣры, и благодатная помощь муромскихъ чудотворцевъ Петра и Февроніи. *Священника Александра Орфанова*. . . . » 308

ОТДѢЛЪ II, УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

О пасхальныхъ посланіяхъ св. Аѳанасія александрійскаго, найденныхъ въ одномъ изъ египетскихъ монастырей. *Александра Поповицкаго* . . . . . (Апр.) 141

О благотворительности древнихъ христіанъ. *Священника Павла Матвѣевскаго* . . . . . » 153

Слово въ великій пятокъ. *Преосвященнаго архіепископа Анатолія* . . . . . » 179

Слово въ великій пятокъ. *Священника Константина Добронравина* . . . . . » 183

Молитвенное обращеніе къ Господу Іисусу Христу, предъ плащаницею. *Священника Василія Гречулевича* . . . . . » 192

Слово въ день святыя пасхи. *Преосвящ. архіепископа Анатолія* . . . . . » 197

Свѣтлая утреня (стихотвореніе). *Елисаветы Шаховой* . » 203

Человѣкъ-христіанинъ въ разныхъ возрастахъ жизни своей. *І. Аѳанасія* . . . . . (Май) Стран. 211
Объ искусствахъ древнихъ христіанъ. *Священника Павла Матвѣевскаго* . . . . . » 236
Слово въ день святителя и чудотворца Николая. *Архимандрита Фотія* . . . . . » 272
Инокинѣ (стихотвореніе). *В. Г. Бенедиктова* . . . . . » 277
Возраженіе (стихотвореніе). *Е. Н. Шаховой*. . . . . » 280
О чистотѣ и непорочности вѣры. *Протоіерея Григорія Дебольскаго* . . . . . (Іюнь) 283
Объ индифферентизмѣ. Письмо первое и второе. *Священника Константина Добронравина* . . . . . » 291
Объ употребленіи духовно-училищнаго капитала. *Священника Іоанна Покровскаго* . . . . . » 302
Слово въ день сошествія Святаго Духа на Апостоловъ. *Преосвященнаго Иннокентія, епископа пензенскаго и саратовскаго* . » 311
Слово въ день святыхъ, славныхъ и всехвальныхъ, первоверховныхъ Апостолъ Петра и Павла. *Протоіерея Ѳеодора Голубинскаго* . . . . . » 317
Разставаніе съ школою жизни (стихотвореніе). *Ѳ. А. Голубинскаго* . . . . . » 322

ОТДѢЛЪ III, БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ.

Энциклопедическій словарь, составленный русскими учеными и литераторами. *Священника Павла Матвѣевскаго* . . . . . (Апр.) 23
Христіанскіе мученики, пострадавшіе на востокѣ со времени завоеванія Константинополя турками . . . . . (Май) 37
Избранныя поученія двѣнадцати архипастырей русской Церкви, съ ихъ портретами. *Священника Павла Матвѣевскаго* . . » 49
Жизнь графа Сперанскаго. *Священника Павла Матвѣевскаго* (Іюнь) 53

ОТДѢЛЪ IV, СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

Назначеніе преосвященнаго Антонія, епископа оренбургскаго, членомъ московской сѵнодальной конторы. — Учрежденіе въ Москвѣ единовѣрческаго женскаго монастыря. — Пожертвованія въ пользу духовно-учебныхъ заведеній. — Открытіе сельскихъ и городскихъ первоначальныхъ школъ въ Смоленской епархіи. — Устройство и освященіе церкви въ Кишиневской семинаріи. — Освященіе новаго единовѣрческаго храма въ Казани. — Воззваніе преосвященнаго Александра, епископа полтавскаго, къ духовенству своей паствы.—Нужда возобновленія Пертоминской обители. — Рѣчь по приведеніи къ присягѣ сердобольныхъ вдовъ, въ Екатерининской церкви при Вдовьемъ домѣ, въ С. Петербургѣ.—Рѣчь предъ выпускомъ воспитанницъ Императорскаго воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ, при раздачѣ имъ книгъ новаго завѣта и молитвослова. — Рѣчь при выпускѣ воспитанницъ Императорскаго воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ. — Рѣчь предъ началомъ ученія въ Император-

скомъ воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ и с. петербургскомъ Александровскомъ училищѣ. — Религіозное движеніе въ южной Италіи. — Современное положеніе благотворительнаго общества св. Викентія. — Замѣчательная черта одного изъ литературныхъ органовъ папизма. — Разныя пожертвованія въ Іерусалимъ, на Аѳонъ и другія мѣста . . . . . (Апр.) 93

Возведеніе въ санъ архіепископа. — Всемилостивѣйшія награды преосвященнымъ. — Назначеніе директора духовно-учебнаго управленія статсъ-секретаремъ Его Величества. — Распоряженія по духовно-учебному вѣдомству. — Разрѣшеніе изданія Литовскихъ епархіальныхъ вѣдомостей. — Разрѣшеніе изданія Вѣстника западной и юго-западной Россіи. — Опредѣленіе относительно празднованія торжественныхъ дней.—Назначеніе срока служенія благочинныхъ въ Кіевской епархіи. —Освященіе мѵра, совершенное 5 апрѣля въ Кіево-печерской лаврѣ. — Благословеніе св. Сѵнода за пожертвованіе въ пользу духовныхъ воспитанниковъ.—Новый источникъ пожертвованій въ пользу духовныхъ воспитанницъ. — Новый видъ выраженія благодарности крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости. — Приглашеніе къ пожертвованію на сооруженіе новаго храма на мѣстѣ рожденія святителя Тихона. — Рѣчь архипастыря къ воспитанникамъ полоцкаго кадетскаго корпуса. — Русская рѣчь еврейскаго раввина. — Записки миссіонера кузнецкаго отдѣленія Алтайской миссіи, священника Василія Вербицкаго, за 1861 г. — Письмо протоіерея І. В. Васильева къ г. Гизо, члену французской академіи.—Отзывы изъ Черногоріи — благотворителямъ. — О пожертвованіяхъ на улучшеніе быта православныхъ поклонниковъ въ Палестинѣ.—Разныя пожертвованія въ Іерусалимъ, на Аѳонъ и другія мѣста . . . . . (Май) 129

Высочайшіе рескрипты на имя преосвященныхъ — Іосифа, митрополита литовскаго, и Иннокентія, архіепископа камчатскаго. — Назначеніе преосвященныхъ для присутствованія въ св. Сѵнодѣ. — Посвященіе въ санъ епископа екатеринбургскаго. — Опредѣленіе св. Сѵнода о порядкѣ избранія настоятелей и настоятельницъ въ общежительные монастыри. — Опредѣленіе насчетъ помѣщенія въ губернскихъ вѣдомостяхъ проповѣдей, съ разрѣшенія мѣстныхъ преосвященныхъ. — Отмѣненіе нормальнаго числа учениковъ въ московской семинаріи.—Учрежденіе въ Москвѣ попечительнаго совѣта о приходскихъ бѣдныхъ.—Обращеніе Каширской богадѣльни въ общину.—Современный вопросъ о братствахъ.—Деспотизмъ либераловъ. —Празднованіе въ Москвѣ памяти св. первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія.— Рѣчь по освященіи въ г. Одессѣ храма во имя всѣхъ святыхъ россійскихъ и чудотворца Николая.—Отъѣздъ изъ г. Оренбурга въ Москву члена московской сѵнодальной конторы, преосвящен. Антонія, бывшаго епископа оренбургскаго. — Бѣдственное положеніе Хилендарской аѳонской обители.—Письмо протоіерея І. В. Васильева къ г. Гизо, члену французской академіи *(окончаніе)*.— Разныя пожертвованія на Аѳонъ, въ Іерусалимъ и другія мѣста (Іюнь) 191

ОТДѢЛЪ V, СМѢСЬ. Стран.

Католическое представленіе страстей Господнихъ, въ Баваріи. *Протоіерея Іоанна Базарова*. . . . . (Апр.) 37

Взглядъ на современный матеріализмъ, съ нравственной точки зрѣнія. *Якова Линденберга* . . . . . (Май) 65

Приложеніе. О чудесныхъ исцѣленіяхъ, совершившихся при открытіи мощей святителя и чудотворца Тихона, епископа воронежскаго и елецкаго. — Молитва святителю и чудотворцу Тихону, по открытіи святыхъ его мощей . . . . . 1—39

Опытъ наставленій священника раскольнику страннической секты. *Священника Андрея Флорова* . . . . . (Іюнь) 81